

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ УРАЛЬЦЕВ

Наталья
Паэгле

Дмитрий **МАМИН-СИБИРЯК**

Жизнь замечательных уральцев

ЖЗУ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
УРАЛЬЦЕВ

Серия
основана в 2011 году
по инициативе правительства
Свердловской области

выпуск
10

Наталья Паэгле

Дмитрий МАМИН-СИБИРЯК

ЕКАТЕРИНБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

СОКРАТ

2017

ББК ШЗЗ(2Рос-Рус)5-8,4
УДК 821.161.1 (Мамин-Сибиряк Д.)
П 12

Паэгле Н.М.

П 12 Дмитрий Мамин-Сибиряк. — Екатеринбург:
Издательский Дом «СОКРАТ», 2017. — 640 с., 64 с.
ил.

ISBN 978-5-88664-424-1

В пер.: 1000 экз.

В серии «Жизнь замечательных уральцев» выходит книга известного публициста Н.М. Паэгле. Перед нами историко-биографический очерк «Дмитрий Мамин-Сибиряк», повествующий о жизни и творчестве русского писателя, жившего с середины XIX до начала XX века.

Автор не только раскрывает новые факты жизненного пути Д.Н. Мамина-Сибиряка, но и показывает его неразрывную связь с Уралом. А также доказывает актуальность его произведений для современного исторического периода в России.

ББК ШЗЗ(2Рос-Рус)5-8,4

© Паэгле Н.М., 2017

© Осипов В.В., фотографии, 2017

© Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал»,
материалы, 2017

© ООО ИД «СОКРАТ», оформл., 2017

ISBN 978-5-88664-424-1

---

*Посвящается
165-летию со дня рождения
Д.Н. Мамина-Сибиряка*

ОТ АВТОРА

Иногда случается вытянуть счастливый билет.

Именно такой удачей стало для меня предложение написать книгу о жизни и творчестве Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка.

Не сомневаюсь в том, что на Урале и в России были и есть достойные исследователи творчества этого замечательного российского писателя, и в первую очередь известные всем в советские времена – Борис Удинцев, Иван Дергачев, Константин и Евгений Боголюбовы, из современных филологов – Гурий Щенников, Олег Зырянов, Лидия Слобожанинова, Рамзия Галеева и другие.

Мне же пришлось за год, в течение которого я работала над книгой, практически открыть для себя эту многогранную, уникальную личность и оригинального, редкого литератора, которым может гордиться не только Урал, но и Россия.

Я – не филолог, не ученый. Я – журналист. И, конечно, в самом начале работы над книгой мне грело душу то, что Дмитрий Наркисович тоже начинал литературную деятельность с репортерской работы. Однако только в ходе скрупулезного изучения его творчества я открыла его не просто как репортера, но как большого мастера в журналистике.

Ни в коем случае не претендуя на полное исследование жизни и творчества Мамина-Сибиряка (чему, несомненно, надо посвящать годы), не пытаюсь конкурировать со специалистами-филологами, мне хочется поделиться с читателями своим личностным открытием и прочтением этого писателя, настолько актуального для XXI века, что трудно какого-то другого классика поставить с ним рядом.

В основу моего собственного исследования, во многом проведенного совместно с фотографом и членом Союза писателей России Вадимом Осиповым, подготовившим иллюстрации для этой книги, были положены разные методы. Изучение первоисточников – начиная от первой заметки писателя, опубликованной в середине XIX века в газете «Русский мир» до его последнего очерка – «Белая смерть», вышедшего в конце 1911 года в журнале «Юная Россия». В книге, выделенные курсивом, щедро цитируются «статьи» Мамина-Сибиряка: так он называл многие свои произведения, на мой взгляд, являющиеся самыми достоверными источниками, наиболее полно выражающими не только взгляды писателя, но и отражающие ту социально-историческую обстановку, в которой он жил и творил. Приводя цитаты из его произведений, писем, записных книжек, мне хотелось дать слово самому писателю, сделав его, таким образом, собеседником читателя. Ведь лучше самого Мамина о Мамине никто не расскажет.

В соответствии с замыслом повествования – рассказать о судьбе писателя в контексте исторических событий, проходящих в России с середины XIX до начала XX века, а также литературных явлений, имеющих непосредственное отношение к формированию его личности, выбран и жанр – очерк.

Как журналист я «очерк» очень люблю. Эта форма позволяет автору соединить воедино художественность и документальность, показать реально живущих людей, обратиться к архивным источникам, и в то же время выразить свою, авторскую точку зрения, свое эмоциональное отношение. Этот пограничный между журналистикой и литературой жанр очень любил и Дмитрий Наркисович. Называя свои крупные романы «очерками», он намеренно подчеркивал в них публицистическое начало.

Он был ярким и рьяным беллетристом. На этом поприще он вырос из газетного репортера в крупного писателя, всегда при этом подчеркивая значимость публицистики в своих произведениях. На его очерках, например, «Бойцах», нужно учить настоящей журнали-

стике. Не пиару, не поиску информационных поводов, а истинной публицистике – умной, проникновенной, общественно-значимой, написанной правильным, красивым языком.

Кроме внимательного чтения произведений Мамина-Сибиряка, где все сказано об его личном отношении к историческому периоду, кроме работы в архивах с документами самого писателя и его семьи, обращения к первоисточникам – газетам и журналам XIX начала XX веков, где впервые были опубликованы произведения Дмитрия Наркисовича и рецензии современных ему критиков на его произведения, очень важным оказалось посещение исторических мест, связанных с именем и творчеством писателя.

Вместе с фотографом мы проехали по многим уральским местам, начиная с родины писателя – Висима, по поселкам Усть-Утке и Каменке, Быньгам и Таволгам, Курьям; городам Нижнему Тагилу, Невьянску, Нижней Салде, Ирбиту, Сухому Логу, а также по Челябинской области. Посетили Москву, Санкт-Петербург, Пушкин (бывшее Царское Село), и Финляндию. Ощущение – пусть и более века спустя – той атмосферы, которая имела значение для Мамина и оказывала влияние на его творчество, формирует эмоциональный фон, столь необходимый для любого автора. А читателям эти впечатления дают зримое представление о тех местах, где происходили события, описанные в тексте. В данном случае я имею в виду не только фотографии, но и копии документов, тщательно отобранные и приведенные в качестве иллюстраций.

Огромное удовольствие доставила работа в архивах Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, где порой находились, связанные с жизнью писателя и его близких документы, которых никогда еще не касалась рука исследователя. Чувства при этом испытываешь совершенно особые!

Главная моя цель как автора – привлечь внимание современников к произведениям Мамина-Сибиряка, по которым, на мой взгляд, можно изучать историю Урала, его природу и уральский характер.

Другой важный момент – это актуальность творчества писателя в настоящее время. В большинстве своих произведений Дмитрий Наркисович описывает Урал и Россию в переходный период от крепостного права к капитализму. С 90-х годов прошлого века мы тоже являемся свидетелями становления в России капитализма. И не надо думать, что «наш» капитализм чем-то существенно отличается от того. Техническим прогрессом – да, а человек остался тем же самым. Если взять только один роман писателя «Хлеб», то наглядно можно увидеть в нем все процессы, которые проходят в обществе сегодня. Поэтому, чтобы понять многие проблемы наступающего капитализма, и не только экономические, но и социальные, нравственные, духовные, надо читать Мамин-Сибиряка.

Его надо читать тем, кто хочет понять российскую ментальность и уральский характер. И в этом опять очень тесно переплетаются исторические, социальные и психологические аспекты. Если обратиться к одному из лучших романов писателя, «Три конца», то мы узнаем о том, как заселялся Урал крестьянами, привезенными из Тульской и Черниговской губерний, как складывались взаимоотношения между ними и местным населением, между православными и старообрядцами. И поймем, что в основе их опять-таки лежат экономические отношения, разрыв которых приводит к социальным потрясениям. А человеческие взаимоотношения во все времена зиждутся на одних ценностях – гуманизме, взаимопомощи, духовности, терпимости к другому, отличающемуся от тебя. Исторические же особенности в свою очередь определяют настоящее и будущее, и не считаться с этим нельзя.

И, конечно, хочется обратить внимание на язык писателя – яркий, сочный, живой; на его пейзажи, что сродни полотнам известных живописцев, отражающим эпичность и авторскую самобытность.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк – художник масштабный, глубокий. Свидетельством тому является обращение к его наследию нынешних творцов в самых разных сферах искусства – литературе, драматургии,

театре, кино, живописи, скульптуре. Наверное, я не буду оригинальной, если скажу, что жизнь такого мастера не обрывается с его физической смертью. Но в случае с Маминым-Сибиряком живут не только его книги, на авансцену истории выходит он сам, патриот Урала и России, который понимал, что его по-настоящему оценят только в будущем. И вот его время пришло.

Хотелось мне, чтобы он жил на каждой странице этой книги. Намеренно отказавшись от использования инициалов на всем протяжении повествования, прибегнув к форме обращения по имени-отчеству, принятой в его время, мне хотелось в ходе всего рассказа ощущать живое присутствие этого редкостного человека, вовлекать его в происходящие события, в том числе и современные.

Удивительно, что кто бы ни давал интервью для книги – известный драматург, редактор журнала «Урал» Олег Богаев, заслуженный артист РФ, художественный руководитель Нижнетагильского драматического театра им. Мамина-Сибиряка Игорь Булыгин или скульптор-монументалист, член Союза художников России Анатолий Неверов – все они подчеркивают почти мистическое влияние личности писателя на собственное творчество. Соглашусь с этим и я.

Значит, Мамин-Сибиряк сказал еще не все. Значит, его жизнь продолжается.

Эта книга была написана в 2015 году и посвящена Году Литературы в Российской Федерации. Поэтому все современные обстоятельства места и действия относятся к этому времени. Книга не вышла в свет из-за отсутствия государственных средств. В 2017 году исполняется 165 лет со дня рождения Д.Н. Мамина-Сибиряка, и дольше ждать было нельзя.

Средства на издание собраны методом краудфандинга на российской Интернет-платформе «Планета». О тех, кто стали участниками народного проекта, читайте в конце книги.

Наталья Паэгле
Член Союза журналистов России

Мое время еще не пришло – меня
оценят только в будущем.

Д. Мамин-Сибиряк¹

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Грань Европы и Азии. Рождение Дмитрия Мамина. Любезные родители. Воспитание в семье. Школа в Висиме. Значение книги. Первый друг – Костя Рябов. Три конца. Дьячок Матвеевич. Бурса. Среди раскольников. Уральская летопись. Записки охотника. Литературно-мемориальный Дом-музей в Висиме.

1.

- Азь, Бу-ки, Ве-ди...
- Гла-голь, До-бро...
- Есть, Живе-те, Зе-ло...
- Земля, И-же...

Детские голоса, нараспев тянули буквы церковно-славянской азбуки, каждый мальчик старался произносить звуки как можно громче, чтобы учитель Наркис² Матвеевич Мамин, иерей Николо-Анатолевской

---

¹ Д. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 29.

² В документах встречается разное написание отчества писателя. Так, в одном и том же деле «О почетном гражданстве, фамилии и отчестве усыновленной Маминым воспитанницы его Елены» (РГИА Ф.1343, оп.44, ед. хр. 2452) за 1903 год упоминается о том, что «Потомственный Почетный Гражданин Мамин Дмитрий Наркисович выдал доверенность помощнику Присяжного поверенного Михаилу Петровичу Соколову», и здесь же приложена копия метрики за 1852 год, где под по №33 значится: «Октября 25 дня Веймо-Шайтанской (так в оригинале – прим. авт.), Анатолиевской церкви, у священника Наркиса Матвеева Мамина и законной жены его Анны Семеновой родился сын Дмитрий». В авторском тексте мы далее будем придерживаться принятого в настоящее время написания «Наркисович» – *Курсив и прим. автора*

церкви в Висиме, слышал его лучше, чем сидящего рядом соседа.

– Лю-ди, Мыс-ле-тё...

– Мыслёте, – поправил учитель мальчика.

В этом, казалось бы, расстроенном хоре голосов, родивших поговорку «Азбуку уча, на всю избу кричат», Наркис Матвеевич слышал каждого. На двух деревянных лавках, установленных вдоль общего длинного деревянного стола, сидели дети рабочих демидовского завода, а среди них и собственный сын священника – Митя Мамин. В свои восемь лет он уже умел читать, получив начальное домашнее образование, но отец не выделял его из других учеников, и Митя вместе с ними, только гораздо тише и быстрее произносил знакомые буквы.

Но вот наступала большая перемена, которая длилась целый час. И дети выбегали на улицу. В теплое время года играли на полянке перед школой в бабки, шарики, мячики, догонялки. Зимой катались на коньках и санках, играли в снежки. После окончания перемены возвращались в школу. Мокрую одежду и обувь раскладывали сушить на припечке всегда протопленной и занимавшей много места печи, после чего дети принимались за обед за тем же самым столом, где учились. Учебные принадлежности сдвигали на середину и вынимали из своих котомок краюшку хлеба, присыпанную солью, пару картошин в мундире, а кто-то и завидное лакомство – репу-паренку. Но лучше всего, если у кого-то из мальчиков был день рождения, тогда мама готовила ему с собой кашу и в горшочке отправляла вместе с ним в школу. Наркис Матвеевич ставил горшочек на верх печи, чтобы каша не остыла, и во время обеда делил ее ложкой между учениками. Митя наравне со всеми ждал причитающейся порции и ел ее с удовольствием. Из-за этой самой каши мальчики называли себя однокашниками.

Школа была одноклассной. И дети учились здесь по программе, разработанной Наркисом Матвеевичем. У мальчиков первого года обучения было два урока по полчаса. У детей второго года обучения – три или четыре.

Уроки всегда начинались одинаково, дети садились за стол и все вместе, хором читали молитву пред учением.

– Преблагий Господи, ниспошли нам благодать духа Твоего святого, дарствующую смысл и укрепляющую душевные силы, дабы мы, внимая преподаваемому нам учению, возросли Тебе, создателю нашему, во славу, родителям же нашим – на утешение, церкви и Отечеству – на пользу.

После молитвы начинался первый урок, Закона Божия. Наркис Матвеевич преподавал историю православия, рассказывал о православных праздниках, разучивал с детьми молитвы и истолкование их.

Вторым уроком, как правило, была грамматика, после которой наступали большая перемена и обед. После обеда дети первого года обучения уходили домой. А второго года – оставались в школе, у них по расписанию была арифметика или чистописание.

Программа одноклассной церковноприходской школы предусматривала обучение чтению, письму и четырем действиям арифметики. Но Наркис Матвеевич давал своим ученикам знаний гораздо больше предусмотренных программой. Он рассказывал им об истории государства Российского, о географии, об окружающем мире: лесах Урала и минералах, которыми так богаты Уральские горы. Старался познакомить мальчиков с достижениями научно-технического прогресса. Живя в глухой таежной глуши, висимские дети знали только один вид транспорта – гужевой, лошадь, запряженную в сани или телегу. А в то же самое время где-то далеко по рельсам бежали паровозы, по рекам ходили пароходы. О чем учитель и читал своим ученикам в книжке под названием «Железные дороги, пароходы, телеграфы и прочее».

Деятельность священника Наркис Матвеевич совмещал не только с учительством, но и состоял корреспондентом Уральского общества любителей естествознания, куда отправлял записки о фенологических наблюдениях. Он ратовал за просвещение населения в маленьком Висиме, где на демидовском железоделательном заводе царили изнуряющий труд и невежество, и как мог,

формировал культуру у своих учеников. Никогда их не наказывая, даже голоса не повышая, учил аккуратности, вежливости и вообще уважительному отношению ко всем окружающим и в первую очередь к родителям.

Маленькое деревянное здание школы находилось рядом с домом священника. Но Митя, заигравшись с друзьями – Ерохиным, Ткачевым, Балакиным, Ляпцевым – детьми рабочих, или, повздорив с мальчишками из-за своих детских проблем, нередко возвращался домой взъерошенным и возбужденным, а порой и с синяками.

По воскресеньям Наркис Матвеевич вместе со своими учениками ходил в храм на службу. Но только по большим христианским праздникам мама, Анна Семеновна, разрешала Мите надевать сапоги-вытяжки, которые все остальное время стояли в детской комнате на сундуке. Шились они из натуральной кожи, каждый сапог из одного куска, прошитый сзади одним швом, по которому сапог вытягивали, чтобы придать ему форму. Каблук подковывали деревянным шпильем. Вытяжки стоили дорого. Поэтому надевать их разрешалось только в большой праздник. И раз уж семья решила на такую дорогостоящую покупку для ребенка, то сапоги должны быть всегда вымыты, вычищены и стоять на виду.

Уроки в школе заканчивались чтением молитвы «После учения». Мальчики стройно повторяли:

– Благодарим Тебя Создателю, яко сподоблю еси нас благодати Твоея во еже внимати учению: благослови наших начальников, родителей и учителей, ведущих нас к познанию блага и подаждь нам силу и крепость к продолжению учения сего.

Наркис Матвеевич добросовестно исполнял обязанности учителя. Каждый месяц он писал в епархию отчет об успеваемости. И к нему прикладывал лучшие работы своих лучших учеников с изложением, решением задач по арифметике, выполнением заданий по русскому языку, и даже лучшие рисунки детей.

Однажды, когда незаконченный отчет лежал на столе, а отца не было дома, девятилетний Митя решил ему помочь. На свободном месте листа, под сведения-

ми, выведенными рукой Наркиса Матвеевича, Митя засвидетельствовал и свою причастность к обучению. Крупными неровными печатными буквами, лесенкой он написал «Димитрий Мамин», а ниже сделал приписку «Милостивый государь». Еще что-то написал, но стер пальцем, отчего на этом месте образовалась чернильная грязь. Вернувшись домой, отец понял, что отчет писать надо заново, но листочек с первым автографом сына не выкинул, положив его в семейный альбом с фотографиями.

2.

Сто десять лет спустя в другой маленькой деревянной начальной школе, всего на два класса, где мальчики учились вместе с девочками, во втором классе шел урок чтения. Дети читали по очереди небольшой рассказ. «А теперь ты, Митя», – предложила учительница лучшему ученику в классе. И он довольно бегло продолжил:

– «Серая Шейка осталась на реке одна и долго провожала глазами улетавший косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

«Неужели я совсем одна? – думала Серая Шейка, заливаясь слезами. – Лучше бы было, если бы тогда Лиса меня съела...».

В это время прозвенел звонок, который подавала тетя Поля. Она сидела в коридоре у теплой печки, которую сама же и топила, и которая обогревала классы, вязала спицами чулок, следила за временем, чтобы вовремя подать звонок с урока и на урок, а, когда детишки расходились по домам, мыла пол во всей небольшой школе.

Теперь была большая перемена, длилась она двадцать минут, мальчишки успевали выскочить на высокое крыльцо, чтобы столкнуть друга с него вниз, двинуть кулаком рядом стоящего в бок, в общем, выплеснуть накопившуюся энергию и забежать обратно в класс. К этому времени девочки, убрав в портфель

тетради и учебники, чинно усаживались за партами. Учительница разносила обед – каждому полагалось теплое сладкое какао с пирожком, начиненным повидлом. Такой обед за счет школы, а в целом сельского бюджета выдавали каждому младшекласснику.

На втором уроке учительница продолжила тему:

– Дети, вы помните, что сказку «Серая Шейка», как и «Сказку про храброго зайца» написал замечательный писатель Мамин-Сибиряк. Он много сказок и рассказов посвятил детям, мы с вами еще познакомимся с одним из произведений, «Зимовье на Студеной». Почти во всех произведениях этого писателя говорится об Урале. Что такое Урал, вы подробно узнаете в старших классах.

Тут я почувствовала явное преимущество перед своими одноклассниками. Этим летом вместе с родителями я ездила на машине в дальнейшее путешествие, и мы переезжали Уральские горы. На нас с сестрой, выросших в казахстанской степи, они произвели впечатление большее, чем огромные города, встречавшиеся на пути. Города нам не понравились. В нашем селе было спокойнее и уютнее. А вот горы, ели и рябины потрясли наше детское воображение. Тогда от родителей мы впервые услышали слово: «Урал!» И было оно сказано с каким-то торжественным восхищением. Правда, дочитав сказку о Серой Шейке, я так и не смогла представить, где в Уральских горах могла протекать речка с полыньей для дикой утки. Несмотря на путешествие, Урал оставался для меня далеким и неизвестным. С ним меня, восьмилетнюю девочку, связывали только писатель Мамин-Сибиряк и его Серая Шейка. Дома в который раз я читала вслух:

– «Даже подумать страшно, как мы покинем здесь Серую Шейку одну, – повторяла Утка со слезами. – Все улетят, а она останется одна-одинешенька. Да, совсем одна... Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мерзнуть... Ведь она наша дочь, и как я ее люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе...

– А другие дети?

– Те здоровы и обойдутся и без меня»...

– Мама, – спрашивала я, – почему Утка-мама так говорит? – не понимала я тогда до конца сказки.

– Потому что каждой маме больше жалко больного ребенка, чем здорового.

– Ты говоришь о людях, а в сказке – про птичек.

– И о птичках, и о собаках – помнишь Музгарку, и о людях, – терпеливо объясняла мне мама. – Ты вырастешь, прочитаешь другие произведения Мамина-Сибиряка, многое узнаешь и поймешь.

Так писатель Дмитрий Мамин-Сибиряк вошел в мою детскую жизнь Серой Шейкой и удивительной собакой Музгарко из рассказа «Зимовье на Студеной».

3.

Первые слова в школе, где преподавал его отец, Митя Мамин написал пером и чернилами, приготовленными из печной сажи. Перьями, взятыми из левого крыла крупной птицы – дикой или домашней, обезжиренными в горячей воде или горячем песке, и срезанными под нужным углом, писали все дети. Готовили их ученики для себя сами, а учитель делал чернила. Набрав сажи из печной трубы и смешав ее со скипидаром, кипятил смесь, остужал. Писать пером и такими густыми чернилами аккуратно не получалось. Перышко ломалось, слоилось, крошилось, его постоянно приходилось заново затачивать. Поэтому каждый ученик носил с собой в сумке маленький ножечек, который так и назывался – перочинный.

На смену этим перьям пришли стальные. Ими получалось писать уже и чисто, и красиво. Первое время их завозили из-за границы, из Германии, и только с 1895 года производство было налажено в России. Этот факт дает право судить, что все свои слова, от первого до последнего, Дмитрий Мамин написал пером и чернилами.

Но вернемся к школе. До приезда в Висим семьи Маминых в школе все было иначе. Учителя были разные. Это мог быть дьячок из местной церкви или приказчик демидовского завода, а мог быть и отставной солдат. Прослужив в армии двадцать пять лет, научив-

шись читать и писать и вернувшись в родные места, он учил ребятшек грамоте. Поскольку тогда разрешались телесные наказания, то за непослушание или плохо выученный урок мальчиков секли розгами, вымоченными в воде, ставили в угол на коленки в сухой горох. Но все в школе изменилось с приездом в Висим Маминых в июле 1852 года. Наркис Матвеевич стал преподавать в школе, и первое, что он сделал – разработал программу обучения, по которой дети учились два года. Своим собственным детям он сначала давал домашнее образование.

В этом же 1852 году, 25 октября по старому стилю и 6 ноября по новому, в семье Маминых родился второй сын Митя. Выписка из «Метрической книги, данной из Верхотурского Духовного Правления Верхотурского уезда, Висимо-Шайтанского завода в Анатольевскую церковь для Записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1851-56 года» свидетельствует о том, что у священника Наркиса Матвеевича Мамина и его законной супруги Анны Семеновны крещен сын. Таинство Крещения совершал священник Висимо-Уткинской Иоакинфьевской церкви Андрей Будрин с дьячком Николаем Дюковым. И никто в тот момент не мог предположить, какую роль дьячок Дюков сыграет в дальнейшей жизни Дмитрия Мамина.

Восприемниками, то есть крестными, при крещении стали все тот же священник Андрей Будрин и «прикащика из крепостных Николая Петрова Шорина жена Феоктиста Данилова», которая была близким человеком для семьи Маминых и в дальнейшем лично для Дмитрия Наркисовича.

Первым сыном Маминых, рожденным в 1850 году, был Николай. В большом казенном доме, построенном в Висиме Демидовым для священника местной церкви, мальчикам была отведена детская комната. Родители, семья, дом, первые друзья, Висим окажут особое влияние на становление Мити, положив начало формированию его внутреннего мира и отразившись в будущих произведениях писателя.

И сегодня в Висиме, расположенном в сорока километрах от Нижнего Тагила, второго по масштабу уральского города, сохранился дом, в котором вырос Дмитрий Мамин. Здесь теперь мемориально-литературный Дом-музей писателя.

Скрипит тяжелая входная дверь. Теплом истопленных круглых печек-голландок встречает гостей маминский дом. Как и в прежние времена – гостеприимный и участливый до каждого пришедшего. Вся паства Висимо-Шайтанского завода когда-то спешила в дом к священнику со своими болями, горестями и нуждами. И для каждого находилось у священника нужное слово, способствовавшее миру и успокоению души. Впрочем, как у и его жены Анны Семеновны. Понимая нужды заводского люда, Мамины и сами не выделялись ни роскошью в быту, ни надменностью в отношениях. Все в доме было основано на труде, в семье – на взаимном уважении.

Одна из небольших угловых комнат, по воспоминаниям писателя, называлась чайной, хотя чай здесь никогда не пили. Зато здесь стоял любимый всеми в семье книжный шкаф – душа всего дома. Его изготовил специально по заказу Наркиса Матвеевича умелец из Нижнего Тагила, главного центра округа Демидовских заводов. Шкаф ждали долго, а оказии из Тагила все не было. Когда его привезли, в семье не было конца радости. На полочках шкафа расположили томики Пушкина, Некрасова, Карамзина. Столешница шкафа, на которой стояли книжные полки, служила письменным столом, на котором Наркис Матвеевич готовил отчеты в епархию. Перед столом – стул необычной конфигурации. Внутри него удобно и компактно хранились книги, в то же время на нем было удобно сидеть и заниматься делами.

А Наркиса Матвеевича без дел никто и не видел. Много лет спустя в автобиографической повести «Из далекого прошлого» его сын Дмитрий напишет: *«В моих воспоминаниях отец так и сохранился как человек, который вечно был занят и отдыхал только*

за книгой или газетой»¹. Отец был центром, притягивающим, объединяющим, основой семьи, скрепленной любовью и нравственными принципами. Он был необычным заводским попом: не пил вино, не собирал поборов с населения, никогда не гнал. Лучший его портрет описан в тех же воспоминаниях Дмитрия: *«Как сейчас вижу отца, одетого в черную осеннюю рясу из тяжелого драпа, с широкополой черной шляпой на голове. Он был высок ростом, широк в плечах, а костюм делал его еще массивнее. Как сейчас вижу его бледное лицо, строгое и доброе, с серыми, добрыми глазами и большой, окладистой русой бородой, придававшей ему какой-то особенно патриархальный вид. Для меня лично слово «отец» связано с представлением именно такого отца, сильного, ласкового, доброго и всегда серьезного. Только дети чувствуют в полной мере эту спокойную мужскую силу, красивую в каждом своем движении»*.²

Наркис Матвеевич был родом из семьи духовного лица, дьякона Матвея Петровича Мамина; когда Наркис в 1827 году появился на свет в Екатеринбурге, его отец служил здесь же дьяконом Вознесенской церкви. Позже он служил и проживал с семьей в селе Покровском Ирбитского уезда, слыл очень деятельным человеком. Чтобы прокормить большую семью, помимо дьяконской службы Матвей Петрович занимался столярным и ювелирным ремеслом. С детства прививал трудолюбие своим детям. Его сын Наркис оказался прилежным не только в труде, но и в знаниях. Будучи священником Висимо-Шайтанского завода, он в течение восьми лет один безвозмездно вел занятия в школе. Заводской приход был маленький и приносил мало дохода, но больше денег ценил висимский священник свою независимость. И детям своим на их просьбы о приобретении чего-то нового отвечал: «Ты сыт, одет, сидишь в тепле, а остальное прихоти».³ И это стало

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Изд-во «Правда», 1958. Т.10. С. 206.

² Там же. С. 201.

³ Там же. С. 207.

нравственным залогом, послужившим основой для новых принципов, сформированных для себя будущим писателем: *«Кажется, что проще этих слов и кто их не знает, но они навсегда остались в моей голове, как своего рода маленькая программа для личных потребностей. Одним словом – «прихоти» – сказано все... Ведь это громадное богатство – не завидовать и не желать того, что является излишеством и бессмысленной роскошью. А сколько людей томится вечной неутолимой жаждой именно такой роскоши, для которой приносится все в жертву...»*.¹ Дмитрий Мамин был внутренне свободен от материальной зависимости, а потому имел в душе много места для творчества.

Под стать мужу была и Анна Семеновна. Родившаяся в семье сельского дьякона из Горного Щита, она также с детства не была избалована излишествами. К тому же она рано потеряла мать, а ее отцу жениться во второй раз не позволял церковный сан. И Анну вместе с сестрой Александрой помогала воспитывать бабушка по матери Феофила Александровна. Несмотря на скромное житье в маленьком дьяконовском домике, девочки были обучены чтению, письму и разным видам рукоделия. *«Моя мать была такого же типа женщина, но она казалась мне более строгой, чем отец, – на ее долю выпадало слишком много мелких будничных забот, и к вечеру, управившись с дневной работой, она была «рада месту», то есть отдыхала за новой работой, как бесконечное шитье. Без работы я не видал ни отца, ни матери»*,² – писал Дмитрий в своих воспоминаниях.

Анна Семеновна шила на своих четверых детей (после Мити в 1863 году родился еще сын Володя, в 1866 – дочь Елизавета), украшала собственными вышивками скромный интерьер висимского дома. И в чем не могла себе отказать, так это в красивой сервировке чайного стола. Если на кухне в основном использовалась чугунная, деревянная, глиняная, изредка медная посуда, то в столовой пили чай из начищенного до блеска само-

---

¹ Там же.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 204.

вара, из фаянсовой и фарфоровой посуды известных российских фабрик Попова, Кузнецова, Гарднера. После чая посуда непременно убиралась в шкафчик-посудник, изготовленный для Наркиса Матеевича одним из висимских мастеров-краснодеревщиков.

Обстановку гостиной дополняли настенные часы, отбивающие каждые полчаса и час. Там же стояли позолоченный иконостас и маленький кожаный диванчик, о котором Дмитрий Мамин позже вспоминал: «Я любил отдыхать в гостиной комнате нашего висимского дома, свернувшись калачиком на маленьком кожаном диванчике, и ощущать его прохладу». На диванчике нередко сидела с рукоделием Анна Семеновна, слывшая одной из лучших мастериц в поселке. Она хорошо шила, вязала, вышивала.

Одно время при висимской школе было женское отделение. Девочки занимались за отдельным от мальчиков столом и учились рукоделию. Преподавала им Анна Семеновна. В маленьком здании школы было много окон, и они ничем не занавешивались. Это делалось с тем, чтобы максимально использовать дневное освещение. Свечи стоили очень дорого, и церковь их экономила. Зимой, особенно в декабре, дни короткие, сумерки наступают рано. В это время года дети приходили в школу со своими лучинками, и каждому ученику учитель поджигал его собственную. В одной руке мальчик держал лучинку, другой писал. Для девочек зажигали светец – держатель с лучиной, установленный над деревянным корытцем, наполненным водой, чтобы предотвратить падение искр на пол. Однако женское отделение просуществовало недолго. И мальчиков-то в школу отпускали неохотно, в десять-двенадцать лет они уже шли кто стараться – мыть платину, кто работать на завод. А девочки нужны были дома – помогать по хозяйству, присматривать за младшими братьями и сестрами.

Несмотря на большую занятость по дому и заботы о семье, Анна Семеновна много читала. Особенно Митя любил, когда мама, освободившись от домашних дел, читала вечером вслух повесть Аксакова «Детские годы

Багрова-внука». Другой любимой книгой в семье были «Рассказы» Гоголя. Читали и другие классические произведения. Детских книг не было. Первую детскую книгу, «Детский мир» Ушинского, выписали из Санкт-Петербурга и с нетерпением ждали в течение трех месяцев. Потом появились рассказы Разина и Чистякова. Но больше других Дмитрий любил книгу о завоевании Камчатки. *«Я прочитал ее десять раз и знал почти наизусть. Нехитрые иллюстрации дополнялись воображением. Мысленно я проделывал все геройские подвиги казаков-завоевателей, плывал в легких алеутских байдарках, питался гнилой рыбой у чукчей, собирал гагачий пух по скалам и умирал от голода, когда умирали алеуты, чукчи и камчадалы. С этой книжки путешествия сделались моим любимым чтением, и любимые классики на время были забыты»*¹.

Своим отношением к чтению Анна Семеновна разрушала привычный образ провинциальной попадьи, интересовавшейся разве что религиозными книгами. Конечно, в доме Маминых были Псалтырь, Библия и Евангелие, но наравне с этим читали Гончарова, Кольцова, Крылова, не говоря уже о Пушкине и Гоголе. Дмитрий Мамин в своих воспоминаниях отмечал, что его мать не ложилась спать, не прочитав свежих газет.

Каждый раз в доме с нетерпением ждали старика офеню-книгоношу, который приносил в дом новые книги и давал по ним толкования. Огорчало только то, что стоимость книг не всегда была по карману для Наркиса Матвеевича, и он вынужден был отказывать в удовольствии себе и детям. И все же отношение в семье к книге окажет на формирование личности Дмитрия Мамина, если не основное, то огромное влияние. Он вспоминал: *«– Это наши лучшие друзья, – любил повторять отец, указывая на книги. – И какие дорогие друзья... Нужно только подумать, сколько нужно ума, таланта и знаний, чтобы написать книгу. Потом ее нужно издать, потом она должна сделать далекий-далекий путь, пока попадет к нам на Урал. Каждая книга пройдет через тысячи рук, прежде чем*

---

¹ Там же. С. 205.

встанет на полочку нашего шкафа»¹. К сожалению, Наркис Матвеевич не дожил до того часа, когда смог бы поставить на полку своего книжного шкафа книгу с именем автора «Дмитрий Мамин-Сибиряк». Несомненно, он сыном бы гордился.

4.

Сам факт рождения мальчика-поповича в уральской глуши, в небольшом поселке Висим, спрятавшемся среди гор и тайги и известном только в Тагильском горном округе своим железоделательным заводом, не мог, казалось бы, предвещать ничего значительного ни России, где находился этот самый Урал, ни тем более миру, который, если и знал тогда об Урале, то только по клейму с изображением соболя на демидовском железе. И кто мог предполагать осенью 1852 года в богом забытом Висиме, что этот самый мальчик откроет России и миру Урал, Висим и Демидова, назвав родоначальника заводчиков не иначе, как гениальным.

Дмитрий Мамин с детства мечтал стать писателем. В его словах можно было бы усомниться, но мы не будем сомневаться по той причине, что он действительно им стал. А каждый писатель, если даже не мечтает о писательстве с раннего возраста, становится им именно тогда, в детстве. Он иначе чувствует и воспринимает действительность, чем его сверстники. Он по-другому наблюдает мир и задумывается над явлениями, непроизвольно запоминает окружающие его типы, впитывает говор и особенности речи, звуки и краски – до поры до времени храня все это в памяти, чтобы позже обратиться к своему арсеналу, своей собственной палитре, созданной им в детстве и юности и обновленной в зрелом возрасте. Ничто для будущего писателя не проходит бесследно, ничто не бывает напрасным, каждая деталь в свое время послужит к созданию образа, пейзажа и декорации.

Писатель связан с детством особым образом. Все, что закладывается в раннем возрасте, остается

---

¹ Там же. С. 294.

с ним навсегда. Могут оборваться родственные узы, пройти ощущение первой любви, но никогда не отпустит родное гнездо, где ты стал дышать и научился думать. Эта связь – непреднамеренная, необъяснимая, наисильнейшая, и существует вопреки всему. Неоднократно вспоминая свой Висим, Мамин-Сибиряк, уже состоявшийся писатель, передает именно это состояние. *«Что такое родина в тесном смысле слова? Какие таинственные нити связывают нас с ней на всю жизнь? Отчего и сейчас я не могу без волнения думать о ней, вызывая в воображении целые вереницы картин, сцен и лиц? Почему кажется, что ты должен был родиться именно здесь, где родился? Почему, когда человек начинает стариться, он с такой любовью обращается к местам, освещенным именно первыми детским воспоминаниями?»*¹

Образно изображая детские привязанности, центром которых является родное гнездо, самыми близкими к этому центру писатель называет друзей детства. Друзей, с которыми можно было поиграть на улице и сходить на рыбалку, «срезаться» в бабки и съесть кашу из одного горшочка в школе.

Но и среди них был тот, чей образ память хранила всю жизнь. Костя Рябов был для Дмитрия не просто другом, с которым вместе играли в деревянного пильщика, вырезанного кучером Яковом, стругали деревянные рапиры и сабли, мастерили домики из картона и бумаги и сделали деревянный пароход, чтобы можно было путешествовать вокруг света. Нет, самое главное преимущество Кости над всеми остальными висимскими мальчишками состояло в том, что вместе с ним Дмитрий читал и обсуждал книги, а позже ходил на рыбалку и охоту, поднимался на Шихан и уходил в лес. Костя был частью его души, его самого. Много лет спустя, вспоминая друга, рано ушедшего из жизни, писатель отдавал ему нравственную пальму первенства в своих взрослых поисках, называя «путеводным маяком для всей оставшейся жизни». *«Моя дружба с Костей окрасила не только мое детство, но и юность*

---

¹ Там же. С. 211.

дорогими впечатлениями и первым дорогим опытом. С ним вместе мы начали самостоятельную жизнь, именно ту жизнь, которая начиналась за пределами детской комнаты, захватывала все родное селение и потом увела в зеленый простор родных гор. Вместе с Костей же явилась и новая книга»¹.

Костин отец, заводской служащий, был большой любитель «романов». Ударение он непременно ставил на первый слог, объясняя это тем, что таким образом книгу можно отличить от его собственного имени Роман, где ударение, согласно его логике и правил грамматики, ставилось на второй. Невольно его страсть к «романам» разделили и неразлучные друзья, прочитав вместе «Черный ящик», «Таинственного монаха», «Шапку юродивого или Трилиственник». Но любимой книгой Дмитрия стал роман Михаила Загоскина «Юрий Милославский», из-за которого он на время оставил даже любимых классиков.

Вряд ли тогда юный Дмитрий Мамин, влюбившись в исторический роман, действие которого происходит в XVII веке, известном как время борьбы России за независимость, мог провести какие-то исторические параллели с Уралом и родным Висимом (гораздо позже события, происходящие в родных местах, с той же исторической тщательностью были воспроизведены им в романе «Три конца»). Перечитывая несколько раз «Юрия Милославского», на страницах которого говорится о нижегородском ополчении во главе с Кузьмой Мининым и Дмитрием Пожарским, об освобождении Москвы в 1612 году от польского войска, Дмитрий впитывал язык и стиль поразившего его произведения, представлял себя участником описываемых событий. И, несмотря на то, что на время забросил любимого Гоголя, предавшись сладостным минутам изучения, говоря словами С.Т. Аксакова, «народной физиономии» первого исторического романа, с ярко выписанными характерами, обычаями, нравами, костюмом, языком, что стало «небывалым явлением на горизонте нашей

---

¹ Там же. С. 296.

словесности»,¹ именно из комедии Гоголя он впервые узнал о знаменитом романе. В «Ревизоре» есть такая сцена, когда Марья Антоновна в разговоре с завравшимся Хлестаковым возражает ему, что «Юрий Милославский» – «это господина Загоскина сочинение». Тем самым Гоголь подчеркнул популярность произведения: даже в городе, из которого «хоть три года скачи – ни до какого государства не доскачешь», знают о романе Загоскина. Наверное, немало времени понадобилось бы и на то, чтобы доскакать из Висима XIX века до какого-нибудь государства, но и в этом заводском поселке знали роман Загоскина, им зачитывался юноша, произведения которого в скором будущем будут так же популярны в России. А столичный журнал «Отечественные записки», напечатавший когда-то рецензию на «Милославского», будет публиковать романы Мамина.

Чем же так привлекал «Милославский» Дмитрия? Быть может, ответ на этот вопрос дает сам Пушкин, отзываясь в рецензии на роман следующим образом: «Господин Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши – все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраама Палицина. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни»². А сам Мамин-Сибиряк, спустя даже много лет писал «Увы! Таких романов нынешние авторы уже не пишут...»³. Книга, нашедшая такой отклик у Дмитрия в отроческом возрасте, не могла не повлиять, пусть даже подсознательно, на формирование его мировоззрения, его взглядов и отношения к окружающему миру.

Вместе с Костей Рябовым Дмитрий увлекся и рисованием. Но учиться этому искусству было не у кого. Как-то книгоноша принес в дом Маминых замечатель-

---

¹ Аксаков С.Т. Собрание сочинений в 5-ти т. М.: Правда, 1966. Т. 4. С. 88.

² Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 6. С. 41.

³ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 10-ти т. М. Правда, 1958. Т.10. С. 296.

ный атлас для самообучения рисованию. Дмитрию он очень понравился, но стоил атлас целых два рубля, чего отец не мог позволить себе потратить даже для сына. Пришлось Дмитрию с Костей осваивать рисование копированием гравюр из «Живописного обозрения», которые были плохого качества, но предоставляли хоть какую-то возможность приблизиться к рисунку.

Перечитав все книги в собственных домашних библиотеках, друзья двинулись на поиски новых. И неожиданно для себя обнаружили неизведанное «книгохранилище» у заводского фельдшера, который приехал в Висим из Петербурга, чем уже создал вокруг себя некий ореол. Дмитрию казалось, что люди из Петербурга обязательно отличаются от всех остальных, по-особому мыслят и даже по-особому устроены. Это предположение подтвердил лекарь, у которого оказалось огромное количество книг, а среди них «Аммалат-Бек» Александра Бестужева-Марлинского, кавказская быль. Друзья так увлеклись описанными сражениями, что пытались распределять между собой роли и сражаться деревянными пашками и кинжалами. Они плохо представляли себе Кавказ и никогда не видели других гор, кроме своих родных, но воинственный азарт, присущий любым мальчишкам во все времена, способствовал бурному развитию юной фантазии. Однако чуть ли не большим потрясением, чем кавказская война, стало для Дмитрия открытие того, что книги, по словам петербургского лекаря, пишут совсем простые люди, «вроде нас». *«И сочиняют, потому что кушать хотят. Зайдешь в Петербурге в книжный магазин, так глаза разбегутся. До потолка все книги навалены, как у нас дрова. [...] Совсем есть простые сочинители, и даже частенько голодом сидят... Последнее уж совсем не вязалось с составившимся в наших головах представлением о сочинителе. Выходило даже как будто и стыдно: мы вот читаем его книжку, а сочинитель где-то там в Петербурге голодает»*¹. Страшно подумать, насколько это размышление стало пророческим для самого будущего писателя.

---

¹ Там же. С. 301.

Среди этих книжных сокровищ друзья нашли и старинные книги, и учебники, которые вызвали у них особенный трепет. С книгой же содержащей знания в области естественных наук, Костя с Митей встретились лет в пятнадцать у студента Казанского университета, работавшего на одном из платиновых приисков. После чего все остальные, до этого момента горячо любимые книги отступили на второй план. А может быть, менялись сами друзья, выросли, и требования их к знаниям и жизни менялись вместе с этим взрослением.

Интерес к естествознанию у Дмитрия будет не мимолетным – со временем он приведет его на ветеринарное отделение Петербургской медико-хирургической академии, а впоследствии в Уральское общество любителей естествознания. Но прежде этого и вопреки его желанию, впрочем, как и вопреки желанию отца, но под давлением обстоятельств, Дмитрий будет отправлен на обучение в Екатеринбургское духовное училище. Первый раз Наркис Матвеевич отвезет туда Дмитрия, когда ему исполнится двенадцать лет, и вместе со старшим сыном Николаем оставит в бурсе. А сам, словно предчувствуя горе младшего Мити, уедет ненадолго погостить к тестю в Горный Щит. Будучи священником и сам пройдя в прошлом бурсу, что звучит почти как «солдатчина», он отдал в духовное училище своих сыновей только по причине острой нужды, не оставляющей возможности платить за их обучение в гимназии. Сам священник предпочитал бурсу не вспоминать. С тяжелым сердцем он оставил Николая и Митю, а когда вернулся через несколько дней, то заметил подавленное состояние младшего сына. На вопрос: «Что с тобой?» Митя молчал, а ночью расплакался и рассказал отцу о том, какое это невозможное явление – высшее отделение бурсы. И больше всего Митю поразило не то, что отец его понял, но и сам плакал в тот момент. *«Я видел в течение жизни всего два раза, когда отец плакал: первый раз, когда умирал от крупа маленький брат, Петя, [...] и во второй и последний раз – сейчас. Он обнимал меня, целовал и говорил, что*

*увезет домой, что и сделал»*¹, – вспоминал Дмитрий Наркисович гораздо позже, но и много лет спустя эти строчки были написаны так, что передают искренние страдания сына и отца, мальчика и взрослого человека, посвященного в духовный сан. И невольно задаешься вопросом об отношении этого самого мальчика, вышедшего из семьи заводского духовенства, в будущем писателя, к религии, к его собственной внутренней драме, вызванной пребыванием в бурсе.

Николай в бурсе был оставлен. Несмотря на то, что он был старше Мити на два года, он тоже тосковал по дому. И при каждой возможности, с присущими подростковому возрасту ошибками и наивной искренностью выводил детским почерком письмо домой:

«Екатеринбург. 24 октября февраля 1864. Милые Папинька и Маминька Извините меня что я к Вам долго не писал, теперь стану писать чаще. Мы теперь Слава Богу по привыкли и занимаемся своими делами; сначала своими было заниматься неловко. А теперь мы занимаемся с учителями, которые нам весьма понравились своим обхождением с нами. Когда мы чего не знаем они нам скажут. Мы повторяем с Гольским латинский и греческий, спряжения и склонения. Товарищи часто смеются над нами когда мы выражаемся по висимски. А они когда выразятся по деревенски, мы захохочем.

У нас на квартире тем хорошо, что шалить слишком нельзя. Потому что есть старший, который шутить слишком не любит, пожалуй запишет в журнал, да и учителя через двери с нами что лучше всего Николай Александрович часто ходит к нам. Дидонька был недавно здесь, да я забыл написать Вам что я гостил у Дидоньки. Он починил мне старые сапоги и заказал новые в калошах за 4 р. которые скоро поспеют. Дидонька и Коля Архангельский писали Вам письма, которые Вы видно не получили. Желаю Здоровья милому моему братчику Володиньке и большому Мите которому большое спасибо за то что он ко мне пишет про Володю. Папинька благодарю вас за письмо, прошу Вас

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. М.: Правда, 1958. Т. 10. С. 206.

пишите... чаще, что нам лучше всего... Если можно приезжайте к нам с Митей попроведать, бурсаки каждый раз просят хлеба я им иногда ношу. Нас сперва не слушали а теперь каждый раз как придешь в класс то час и слушают старший и отмечает... Кланяйтесь от меня всем знакомым. Бабушке Филимоновне кланяюсь и желаю ей здоровья.

Я забыл Милая маминька написать, что у Дидоньки живет тоже стряпка. Мне иногда бывает скучно, но как начнешь учить уроки то скука проходит. И за сим прошу Вас Благословить меня учиться. Любящий Вас сын Николай Мамин»¹.

Родители, с большим вниманием и любовью относясь к письмам своих детей, скрупулезно вели им учет. Взрослой рукой в конце письма подписано: «Получено 30 октября 1864»².

Дмитрий нравы бурсы, куда он все-таки был вынужден поступить осенью 1866 года, воспринять не мог. О ее бесчеловечных законах он в своих автобиографических воспоминаниях «Из далекого прошлого» позже напишет так, что никто не сможет усомниться: даже из самого гуманного подростка бурса могла сделать человеконенавистника. И здесь, в свою очередь, встают другие вопросы: как это совместить с библейскими заповедями и религиозными учениями, почему таким порядкам потворствовала церковь? Сцены подростковой жестокости, цинизма и коварства – это одна сторона бурсы. С другой – голодные, завшивленные и умирающие от тифа мальчишки. По мнению автора, все это с годами перешло в систему, с которой бесполезно было бороться. *«Все новички проходят через строй горьких и тяжелых испытаний, но alma mater возвела их в настоящую систему, которая установилась, как выражаются старинные учебники истории, с незапамятных времен. Отдельные лица теряли всякое значение сами по себе, а действовала именно си-*

---

¹ При цитировании писем и дореволюционных изданий сохранены особенности орфографии и пунктуации текстов – Прим. автора.

² РГАЛИ, Ф. 316, оп.1, ед. хр. 206.

стема, безжалостная, всеподавляющая, обезличивающая и неистребимая, как скрытая болезнь»¹.

И, будто случайно затерявшийся между этими крайностями греха и страдания, возникает образ учителя греческого языка, который не только наказывал, но и учил. И неожиданно один раз в году проявлялись очеловеченные лица ректора и других учителей, способных в обычное время только к наказанию. Случалось это в день рекреации, когда все училище выходило вместе на природу, где устраивалось подобие училищного пикника. Но сразу же после завершения рекреации все становилось на свои места – возобновлялось воровство, вызванное голодом, с новым усердием проводились пытки, когда старшие учащиеся издевались над младшими. А учителя напускали такую строгость, что навсегда отвращали желание учиться. Дмитрий Мамин с тех лет был подвержен паническому страху на экзаменах, и в студенчестве однажды даже свалился в обморок. Хорошо было одно: отец подготовил его к учебе сразу на высшем отделении училища, куда он поступил в возрасте четырнадцати лет и тем самым избежал самого горького унижения, которому подвергались не способные постоять за себя малыши-малолетки, являющиеся самой «бесправной массой» бурсы.

В 1862 году, немного раньше того времени, когда Дмитрий учился в Екатеринбургском духовном училище, известный русский писатель Николай Помяловский, чьи повести и рассказы читали дома в семье Маминых, написал «Очерки бурсы», мало чем отличающиеся от будущих воспоминаний Мамина-Сибиряка. Тот же ненавистный метод учебы – зубрежка, тот же ненавистный метод воспитания – порка, тот же ненавистный – бесчеловечный стиль отношений. В чем же тогда заключался смысл этого, с позволения сказать, образования? Наркис Матвеевич Мамин всю свою оставшуюся жизнь словно противопоставил методам, насаждаемым в бурсе. Навсегда хотел забыть о них и его сын, ни на один день не представляющий себя в роли духовного служителя.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 244.

Да и образ своего отца он рассматривал отдельно от церкви, подчеркивая его нравственную силу, основанную на внутренней красоте, постоянном стремлении к совершенству и природной честности, на той поразительной доброте, которой хватало для всех в семье и в заводском приходе. Отец был для него «духовной опорой» в широком смысле этого слова, «собирающей душой семьи», на которой все держится.

В самые горькие минуты в бурсе Дмитрий вспоминал дорогой сердцу Висим. К родному гнезду он мыслями будет возвращаться не раз и в более позднее время. Взрослым он будет лелеять, не отпускать сны, в которых к нему будут приходить любимые с детства люди – отец, Костя Рябов, дьячок Николай Матвеевич Дюков, первым открывший для будущего писателя красоту уральской природы. Значение каждого из них трудно переоценить для формировавшейся восприимчивой души Дмитрия.

Впервые дьячок Матвеич поведет Митю с друзьями на рыбалку, на речку Утку, протекающую в поселке, когда ему будет шесть лет. Потом они часто вдвоем с Матвеичем или втроем еще с Костей будут ходить в лес, по грибы и ягоды, будут вместе ловить рыбу и охотиться на птицу. Большой любитель леса и гор, Матвеич рассказывал мальчишкам о растениях и животных, о том, сколько проходит времени, прежде чем из маленького семечка вырастет большое дерево, а, следовательно, как бережно нужно относиться к деревьям. Показывал, где вьют гнезда птицы, как живут в лесу крупные животные. Все это стало зерном, брошенным в благодатную почву – в сознание наблюдательного юноши, с тем, чтобы в будущем прорасти образами уральской природы, украсившими все его творчество. По мнению самого Дмитрия Мамина, Николай Матвеевич являлся для него *«неиссякаемым источником всевозможных знаний, каких нельзя было добыть ни из одной умной книжки»*.¹

«Ветховетный дьячок» представлял собою самый что ни на есть гоголевский тип маленького человека.

---

¹ Там же. С. 309.

Незаметный и тщедушный, ничего не значащий ни в церкви, ни в поселке, к тому же любитель кабака, он стал самым собой только на природе, где равных ему в знаниях лесных законов, охоте и рыбалке трудно было сыскать.

Матвейч, известный всему поселку охотник, и собаку держал самую что ни на есть промысловую, способную идти на медведя, искать белку и куницу, облаять осенью глухаря и выследить оленя. Собака эта – распространенный на Урале тип западносибирской лайки – называется здесь «вогулка», по имени коренного населения, некогда населяющего этот край. Вогулка Матвейча по кличке Лыско найдет свое отражение во многих замечательных рассказах будущего писателя, впрочем, как и образ ее хозяина.

Матвеевич учил мальчишек премудростям ловли рыбы мережкой – тройной сетью, народным методам приготовления еды на костре и изготовления из бересты примитивной посуды. Учил бесшумно ходить по охотничьим тропам, «скрадывать», и с особой любовью относиться к каждой поднимающейся над землей рябинке или ели. Рассказывал об особенностях охоты на птицу, и о том, как дичь добыть (что было немаловажно при большой семье Матвейча, жившей в страшной нужде), но при этом и матку сохранить живой, что было для него важнее самой добычи. Таких, как Матвейч, часто называют «блаженными», хотя они, как правило, зрят в самый корень. За это любил и ценил дьячка будущий писатель. *«Сидя по вечерам у огонька, о чем, о чем мы ни переговарили. Николай Матвеевич рассказывал мастерски, как никто, и все, что он ни говорил, было передумано и перечувствовано. Каждое слово являлось полновесным зерном, как у всех серьезных и вдумчивых людей, которые умеют найти глубокий смысл в самом обыденном явлении и открыть его там, где другие ничего не видят. Это особый дар, дар избранника...»*.¹

Особым даром обладал и собеседник Матвейча, оказавшийся способным науку, преподнесенную дьяч-

¹ Там же. С. 325.

ком, не только пронести с собой через всю свою жизнь, но и обогатить ею будущие произведения, украсить их картинками, увиденными на охоте, в родных зеленых горах и на берегах студеной уральских рек.

Что ни говори, Дмитрий Мамин считался господским сыном, но родители не запрещали ему водить дружбу с дьячком. Более того, Наркис Матвеевич называл его философом и ценил за человеческие качества. И если к последнему Дмитрий тянулся инстинктивно, то от понимания «философии» в те годы был далек. Это понимание пришло со временем. *«Прежде всего, это был созерцатель, живший широкой жизнью всей природы. Она наполняла его существование, заставляя все остальные интересы, до дьячковой нищеты включительно. [...] В Николае Матвеевиче именно не было той зависти, которая разъедает жизнь других людей. Он никогда не завидовал никому.... А это – великое дело, когда человек чувствует свою жизнь полной, – он истинно счастлив...»*¹

Быть счастливым в детстве – это много значит. Это по-своему кредит счастья на оставшуюся жизнь. Не стоит только отождествлять понятие «счастье» с мечтой о легкой жизни. Алгоритм счастья писатель вывел сам: «чувствовать свою жизнь полной». И важно чувствовать ее таковой с детства. В будущем связи с детством могут быть на уровне снов, воспоминаний и ощущений, но они присутствуют у каждого человека.

«Милые зеленые горы» – так начинается очерк «Зеленые горы», заключительная часть воспоминаний «О книге», рассказывающая о дьячке Матвеевиче, который по-своему развивал будущего писателя, обогащая взаимосвязью с родной природой. «Милые зеленые горы» – наиболее известный творческий образ Мамин-Сибиряка, связанный с Висимом, между тем как эта фраза только один раз упоминается в воспоминаниях, опубликованных более чем на ста тридцати страницах.² Зато множество раз употребляется выражение «родные зеленые горы», которое сполна отражает от-

---

¹ Там же. С. 327–328.

² Там же.

ношение автора к природе, с детства окружающей сначала маленького мальчика, а потом впечатлительного подростка и юношу. Значение слова «родина» и «родной» имеют общую семантику – «происхождение». Мамин-Сибиряк появился на свет, окруженный этими зелеными горами, в прямом смысле связанный с этим удивительным местом своим происхождением.

Удивительно оно тем, что всего в двенадцати верстах от Висима находится граница между Европой и Азией, о чем свидетельствует пограничный столб. В XIX веке он был похож на обычный полосатый столб, которым отмечались дорожные версты. Сегодня это – каменная стела. Всем известный факт – прохождение границы между двумя частями света по водоразделу Уральских гор – каждый раз при ее пересечении находит отклик не только в сознании, но и чувствах путешественника. Одно дело – знать, совсем другое – ощущать соприкосновение с этой невидимой чертой, разделяющей не только две территории, но и две истории, две культуры. Есть в этом что-то непостижимое для обычного восприятия. Почему именно здесь? Почему по Уральским горам, с древности овеянным загадками, сказами и легендами? Окруженными былями и небылицами о природных кладовых, злых и добрых духах, о камнях-самоцветах, будто бы несметными богатствами лежащих в этих самых горах, о золотых самородках, выступающих из земли прямо под ногами, о платиновых песках, струящихся вместо рек. Да мало ли чего издревле говорили об этих горах?.. Сам водораздел, разрезающий землю каменной грядой на две части света, вызывал всегда немало разных толков. В старину вызывали страх даже такие природные явления, когда с восточной стороны гор шел снег, а с западной светило солнце, люди объясняли это Божьим гневом или ниспосланной благодатью. И вот в двенадцати верстах от этой самой границы родился мальчик, в будущем удививший Европу и Азию своей неповторимой индивидуальностью, своей штучностью среди многих уральских самородков, прославивших этот край.

С детства очаровывала граница Дмитрия. «Я знал отлично значение пограничного столба и все-таки испытывал каждый раз какое-то неопределенное волнение, когда ехал мимо, точно переступал какую-то заколдованную черту. [...] В этой границе заключалось для меня что-то особенно таинственное, разделявшее два совершенно несоизмеримых мира. На востоке горы были выше и красивее, но я любил больше запад, который совершенно прозаически заслонялся невысокой горкой Кокурниковой. В детстве я любил подолгу сидеть у окна и смотреть на эту гору. Мне казалось иногда, что она точно сознательно загораживала собой все те чудеса, которые мерещились детскому воображению на таинственном, далеком западе»¹.

Один из рассказов «В горах» прямо посвящен наивной детской попытке Дмитрия вместе с закадычным другом Костей найти линию водораздела на горе Билимбаихе. Поводом к практическим поискам, описанным в этом рассказе, послужили разнящиеся географические сведения местных охотников, дядька Матвеича и его друга туляка Прокопия Шурыгина. Даже отеческий дом писателя занимал обособленное положение по отношению к границе: главным фасадом выходил в Европу, а противоположной стороной – в Азию. Из окон дома можно было видеть обе части света, так что нет ничего удивительного в том, что география была одной из любимых наук Мити.

Запад все-таки уведет писателя от востока. Но это будет нескоро. Пока еще он не писатель, а учащийся духовного училища, с радостью возвращающийся в родной Висим, к родным зеленым горам, к родному гнезду, связь с которым не может прервать никакая бурса. Еще жив самый лучший друг на земле Костя Рябов, с которым можно отправиться в лес на охоту, на рыбалку, поделиться впечатлениями о прочитанной книге, и скоротать за лучиной вечер дома у Матвеича, помогая латать ему прохудившуюся сеть.

---

¹ Там же. С. 293.

Будучи на каникулах, Дмитрий одевался в свободный, демократичный костюм. Носил соломенную шляпу с полями, серую парусиновую блузу и большие крестьянские сапоги. На вечеринки, где собиралась молодежь, на покос к косарям, на охоту и платиновый прииск он, казалось, ходил только с одной целью – услышать местную речь, изучить нравы и обычаи. Он не чурался простых мужиков, если приглашали, ел с ними из одной чашки, впитывая в себя их говор, рассказы о происшествиях и различных случаях. Вместе с ним ходил и Костя. Как-то во время охоты на птицу на Белых горах Дмитрий вывихнул ногу, и Константину пришлось тащить его домой на загорбках ни много ни мало с десятков верст.

Позже сестра Константина, Августа Чельшева, учительница по профессии, вспоминала, что в то время Дмитрия больше всего интересовали раскольники (кержаки). И что они с Костей не пропускали ни единого года, чтобы не увязаться с ними на «моление» в Билимбай, на могилы раскольников. «Начетчица Матрена Афанасьевна Попова им много рассказывала об обычаях раскольников»¹. Вспоминает Матрену Афанасьевну и сестра Мамина – Елизавета, называя ее одной из самых влиятельных начетчиц, справляющих раскольничьи службы. Елизавета Наркисовна отмечает, что ее отец отличался незаурядной терпимостью, «в его сношениях с старообрядцами не было ничего задирающего, ничего восстанавливающего миролюбивых соседей. С представителями ближайших скитов он установил самые добрососедские отношения»². Матрена Афанасьевна была нередкой почетной гостьей в доме Маминых, а Наркис Матвеевич, добродушно подтрунивая над ней, называл ее «отец Матрентий». Эта популярность отца среди старообрядцев помогла и Дмитрию, когда он бывал в раскольничьих скитах, где его всегда учтиво принимали.

---

¹ Д.Н.Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 23.

² Там же. С. 28.

Черты Матрены Афанасьевны отражены в образе Василисы Мироновны в очерке из уральской жизни «В горах» и начетчицы Таисии в романе «Три конца». И каждый из этих женских образов привлекает своей внутренней красотой, несет в себе заданную роль быть связующим звеном между людьми разной веры, перемешавшимися в уральских горах. Чего стоит только описание Василисы Мироновны. *«В ее характере было что-то неотразимо привлекательное, и с ней мирились даже такие люди, которые явно были предубеждены против нее. Василиса Мироновна сумела поставить себя так, что служила соединяющим звеном между раскольниками и православными. Она была везде, все ее знали, и все были рады ее видеть: от раскольника-золотопромышленника она шла к православному попу, от попа – к исправнику, от исправника завертывала к матушке-дьяконице, от матушки-дьяконицы шла к знакомому мужику. И везде у ней было дело, везде ей были рады, и везде она оставалась одной и тою же Василисой Мироновной – доброй, ласковой, остроумной»*¹. А в очерке «Последняя веточка» – из старообрядческих мотивов, автор прямо подчеркивает выдающуюся роль, которую заняла во всех раскольничьих согласиях женщина. *«Последняя и самая «немогущая» чадь женская», отринувши свою немощь, могла принимать самое живое и деятельное участие во всех делах своего гонимого братства»*².

6.

Чтобы понять значение приведенных высказываний, важно знать, кто такие были раскольники. Помню, что в пору моей студенческой юности мы как-то забрались в далекую таежную глухомань, и для всей нашей группы туристов из Уральского университета стало полной неожиданностью, когда мы вдруг вышли на чистую поляну, где стояла целая улица рубленых

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Горное гнездо. Екатеринбург: Сократ, 2002. С. 369.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 5. С. 255.

домов с закрытыми дворами и небольшими окнами, с тремя двухскатными крышами, объединяющими дом с двором и хозяйственной постройкой. От такой неожиданности мы остановились. А самый старший из нас тихо произнес: «раскольники». Сами дома и это слово, лично мне известное раньше только со страниц учебников, внушало какой-то зловещий страх. Мы не решались подойти ближе. Было понятно, что в домах – пусто, видимо, там давно уже никто не жил, но надежность и прочность жилищ поражала своей основательностью.

Близился вечер, мы разбили лагерь в лесу, но нашлись среди нас отчаянные головы, решившиеся заглянуть внутрь дома, крайнего от леса. Мы ждали их у разведенного костра. Вернулись наши смельчаки какие-то смурные. Говорить начали не сразу. А, когда мы, умирая от любопытства стали к ним приставать, они как-то нехотя сообщили:

– Ребята, там все как при людях, в печке сложены дрова, на столе и полках – деревянная посуда, даже мешочки с крупой и солью хранятся. На полу – домотканые половики, а на окнах – занавески.

Даже этих впечатлений нам хватило. Ночь мы почти не спали. То кому-то казалось, что в окне одного из домов виден свет от свечи, то ворота открылись в другом, то заскрипел ворот у колодца или стукнула где-то дверь. Утром мы поторопились уйти от этого места. Шли, боясь оглянуться, все время, ощущая чей-то взгляд за спиной. А когда, отмотав без остановки почти километров двадцать, вышли к поселку старателей, где на реке мыла платину драга, а в окнах домов горел настоящий электрический свет, обрадовано вздохнули. На ночлег остановились в маленькой поселковой школе, куда нам принес трехлитровую банку молока местный охотник. Мы поведали ему о своих приключениях.

– Так это – Растес, деревня старообрядцев. Но они давно оттуда ушли.

– А все как при живущих людях, – заметили наши следопыты.

– Ровно так, – согласился охотник. – Хозяйственно жил кержак, теперь уж таких нет.

– А почему они ушли? – поинтересовались мы.

– С верой их не хотели считаться, и они не признавали никого.

– А вы в Растесе были?

Мужик как-то замялся.

– Один раз тока, вот, как и вы, в дом вошли с приятелем, от дождя хотели перемочься. Впереди – ночь, а тут непогода заладила. Ну и решили до утра в доме переждать. Бывалые охотники говорили, что заходить туда не стоит. Так ведь непогода, дождь, ветер. А тут печь, дрова сухие. Развели огонь, чая скипятили. Хлеба с картошкой поели, спать легли на лавках. И ведь все убрали за собой. Мокрыми сапогами на их-то половики тканые не ступали, все чинно так выдержали. Даже водочку не пили, что с собой в рюкзаке несли, у раскольников насчет этого строго было. Так вот, спать легли, а не спится. То половица во второй половине избы скрипнет, то словно бы человек вдруг вздохнет, то в хлеву будто скотина забьется. Знамо дело – ветер это был да дождь, только как-то это все по-человечьи получалось. Не выдержали мы с приятелем, прямо ночью поднялись и пошли. А тут и непогода кончилась, как только мы от места этого отошли. Суровые были люди, эти старообрядцы, – подвел итог мужик.

Случилось это в конце XX века, а почти три века назад раскольники пришли на Урал и стали здесь селиться. История их переселения в эти края уходит к событиям еще более ранним – расколу русской православной церкви, возникшему в результате реформы, проведенной в середине XVII века патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем с целью унификации богослужебного чина Русской Церкви с греческой. Богослужебная реформа вызвала раскол в Русской Церкви, а приверженцев старообрядчества стали преследовать и называть «раскольниками».

Во времена Петра I старообрядцам разрешили полуправильное существование при условии оплаты двойного налога, дани за приверженность к расколу, от-

куда еще одно их прозвище – двоеданы. И при этом за старообрядческое богослужение или совершение треб полагалась смертная казнь. Но подобные репрессии царского правительства не уничтожили это течение в русском христианстве, многие из них бежали из центральных регионов России на восток. В 1720-х годах в Пермскую губернию, в которую в то время входила большая часть Среднего и Северного Урала, тысячами бежали кержаки, этнографическая группа русских старообрядцев, живших по берегам реки Керженец в Нижегородской области. Они селились в глухих местах, где жили общинами, исповедуя традиционную культуру и строгие религиозные правила. Если цивилизация в любой форме наступала на кержацкую общину, то она уходила дальше в глушь тайги, образовывая закрытые скиты¹. А если и вступала в союз с новой жизнью, то не изменяя собственному образу жизни и мировоззрению. Именно таким образом в 1744 году кержаки, первопоселенцы поселка, построили в Висиме Акинфию Демидову железоделательный завод и стали здесь единственными рабочими.

Пересекая границу Европы и Азии, останавливаемся у пограничного знака. Можно развести руки в стороны: одна – в Европе, другая – в Азии. Сколько бы ни смотрел на географический атлас, никогда не представишь, как выглядит наяву это место. Выше и ниже по водоразделу – везде граница проходит среди каменистых отрогов. В общем, Каменный пояс. До Висима отсюда – рукой подать. Март в этих местах только по календарю показывает весну. Вдоль всей дороги снеговые подушки, обложены ими низкие деревья, укутаны кустарники, устали от их набухшей тяжести растопыренные руки елей. Зима. Нередко Дмитрий Мамин называл Урал севером. Трудно с этим не согласиться.

Придавлен снегом и Висим. С трудом поднимает он свою немолодую голову, покрытую тяжелой снежной шапкой. Все так же смотрят на восток и запад глаза-

---

¹ Скит – небольшой поселок монахов-отшельников, в данном случае старообрядцев.

окна маминского дома. Те, что выходят на запад, в ожидании весны и звонкой зелени поглядывают на заснеженный шихан горы Кокурниковой, откуда открывается вид на весь поселок. В долгом ожидании вешней воды под плотным слоем льда дремлет местный пруд. Стаи свиристелей усыпали дикие яблони и рябину, покрывая под ними снег ярко-красной кожицей плодов. Вспоминаются строки писателя: *«Показался родной Висим, засыпанный глубоким снегом, из-под которого горбились одни крыши... Наш дом тоже стоял совсем в снегу. Перед ним высились две горы снега, которые вырастали каждую зиму при очистке проезда в ворота»*¹.

Зарекой, как говорят местные жители, темными рублеными избами вытянулся кержацкий конец, ближе к бывшему главному тракту – туляцкий, а уж хохлацкий раскинулся по бывшим Тагильским улицам – с первой по четвертую, примыкавшим ранее к тагильскому тракту. Название концов появилось в Висиме с тех самых пор, как с годами увеличилось производство продукции демидовского завода, появилась необходимость в дополнительной рабочей силе. И в 1815 году заводчик привез сюда крепостных крестьян из Тульской и Черниговской губерний. Сторонясь замкнутых старожилов-кержаков, туляки построили свои дома на другом от них берегу реки, и появился туляцкий конец; хохлы строились поодаль от туляков, и появился хохлацкий. Жизнь родного поселка и его концов Мамин-Сибиряк описал в своем романе «Три конца» с подзаголовком «Уральская летопись». *«Именно в тридцатых годах одному из Устюжаниновых удалось выгодно приобрести две большие партии помещичьих крестьян – одну в Черниговской губернии, а другую – в Тульской. Малороссы и великороссы были «пригнаны» на Урал и попали в Ключевской завод, где и заняли свободные места по рекам Сойге и Култыму. Таким образом образовались два новых «конца»: Туляцкий на Сойге и Хохлацкий – на Култыме. Новые поселенцы получили от кержаков*

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 5. С. 268.

обидное прозвище «мочеган», а мочегане, в свою очередь, окрестили кержаков «обушниками»¹.

Концы помнят в поселке и сегодня, и мы отправляемся в «хохлы». Без труда находим нужный дом, вызывающий уважение от самых ворот – ровных, надежных. Дом крепкий, высокий, покрытый новой крышей; окна словно бы улыбаются обновленными свежей краской наличниками. Входим в крытый двор – кругом чистота и порядок, словно напоказ. Боковая стена дома – из бревен в обхват, сложенных будто по линейке в два этажа. Пол во дворе настлан из широченных плах – росли же когда-то в уральских лесах такие огромные деревья. Мамин, непревзойденный мастер деталей, писал о них: *«Калитка с железным кольцом вела на широкий двор, устланный деревянными плахами; на Урале еще сохранились кое-где такие дворы с деревянным полом; они занесены к нам раскольничьими выходцами из лесных завожских губерний»*². По прочной лестнице, украшенной точеными балясинами, поднимаемся на второй этаж, где, словно в тереме, ждет нас Нина Александровна Отливан, которой сегодня за восемьдесят, а оптимизму ее и памяти позавидуют молодые.

Нина Александровна родилась и выросла в Висиме, здесь вышла замуж – конечно, за хохла, о чем свидетельствует ее фамилия, – родила и вырастила детей, первой возглавила в поселке музей писателя Мамина-Сибиряка. В просторной горнице ее могучей избы места довольно всему – дореволюционному креслу, старинному буфету, широкой печи. Так, начиная с самого двора, ощущаешь себя где-то в прошлом, быть может, в начале ушедшего века.

– Этот дом строил мой дед по папиной линии. Четвертое поколение семьи Отливан было сюда привезено Демидовым из Чернигова – отец и пятеро сыновей. Этот дом стоял уже тогда, когда маленький Митя Мамин бегал по висимским улицам. Мать моей свекрови, то есть бабушка моего мужа, в детстве с ним играла.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 7. С. 27.

² Там же. Т. 5. С. 248.

Их дом тогда стоял по сегодняшней улице Ленина, недалеко от дома Маминых. И бабушка там жила и говорила: «Мы с Митей-то играли, Митя вот там жил». Это еще когда в поселке никто значения не придавал тому, что Митя стал писателем. А бабушке это просто к слову пришлось. Она сказала, а свекровь моя запомнила.

В мою детскую пору понятие трех концов, конечно же, существовало. На вопрос «Где?» ответ звучал так: «В хохлах, в кержаках, туляках» – только название трех концов говорилось. Первоначально, уже после того, как были присвоены названия улицам, на них не ссылались, а по-прежнему, только на концы. В пору моего детства было четыре школы. Наша, где учились дети из хохлов, называлась Метелевская. Почему? Потому что в доме, где располагалась школа, жил раньше богатый Метелев. Раз хозяин Метелев, то и школа по его фамилии. Зарешенские, то есть кержаки, учились в другой, она не сохранилась. Это все было. Это не Мамин придумал в своем романе, а взял все из жизни нашего поселка. Вот даже фамилии, посмотрите. Моя тетя, мамина сестра, вышла замуж за Петрова. Но мы сначала даже не знали, что они Петровы, а называли их Деяновы. Так же, как у нас – Киприны, а мы – Якимовы. Только потом, когда мне пришлось работать в Государственном архиве Свердловской области, я разгадала эту загадку. Когда Демидов сюда привез крестьян, а в семье у них был Деян, то семью называли Деяновы, а там, где Киприан – Киприны. Поэтому и Мамин-Сибиряк в своем романе «Три конца» ввел героя Деян Поперечный. Очень много он использовал материала именно местного.

Когда я вышла замуж за Отливана, то прикоснулась к традициям хохлацкой семьи изнутри. У моей свекрови был хороший голос, она пела в церковном хоре. Часто пела и украинские песни, ведь она была хохлушкой. Или использовала в речи различные свои выражения. Например, муж мой был очень высокий. По папиной линии тоже все высокие были. И вот бабушка Катя говорила: «У, бае дубье ребята-то». Спросишь, что это такое? А она в ответ: «Видишь, какие вырос-

ли!» Иногда русскую речь переплетала с украинской.

Слушая Нину Александровну, вспоминаешь подобные украинские выражения, приведенные Маминым-Сибиряком в романе, чаще всего они вложены в уста старого хохла Коваля и его жены Ганны, которая, ворча на пьяного мужа, выговаривала: «Пошел вывертать на уси бо́ки». Или смешивание русских и украинских слов во фразах: «Вот ледачи люди... выворотни проклятуци». Много лет назад в интервью Павлу Алексеевичу Елпидину, журналисту, корреспонденту ТАСС, работавшему в Нижнем Тагиле и погибшему во время Великой Отечественной войны, сосед Маминых Александр Макарович Балакин рассказывал о том, как собирал материал для этого романа Дмитрий Наркизович. «Потом он приезжал к нам уже писателем. В Висиме было много украинцев. В семью Окуленко он ходил и все расспрашивал, какие у них обряды и какие свадебные песни. Завлечет разговорами, девушки распоятся, а он сидит да записывает»¹. Как тут не вспомнить игру писателя с фамилиями и именами? Приходил в семью Окуленко, а в романе есть герой Окулко. Долго и тщательно Мамин-Сибиряк собирал материал для этого романа, доподлинно изучая жизнь людей родного села, среди которых, казалось бы, жил с детства.

А Нина Александровна продолжает:

– Помню, как парни-хохлы дрались с кержаками. С туляками жили более дружно. Об этом ведь и Мамин писал в «Трех концах», как и о том, что хохлы первое время дома в своем конце строили кое-как, а потом уж научились у кержаков. У них-то как? Чтобы двор был крытый, чтобы даже маленькой дырочки нигде не было, чтобы даже птичка во двор не залетела, и снег не попадал. Поэтому дворы строили под тремя коньками. Конек над домом, двором и хлевом. И эти три конька неоднократно упоминаются в романе. Ведь три конька – верный признак кержацкого жилища. И такие дома есть еще в Висиме.

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 23

Далеко идти не пришлось. Прямо из окна Отливан на противоположной стороне можно видеть дом старинной кержацкой постройки, с теми самыми тремя коньками, укрытыми по скатам снегом. Для того и строили коньки, чтобы снег не раздавил плоскую крышу над большим двором. Исходили в этом из практической целесообразности обустройства быта и ведения хозяйства в суровом климате. Со временем научились этому и хохлы, генетически связанные с другими традициями, сформированными в более теплых регионах страны.

Все в доме Отливан пронизано уважением к прошлому, и связь с этим прошлым чувствуется во всем, будто не разделенным с нами сроком в полтора столетия. Вот, например, этот чудный буфет, явно не из нынешнего века.

– Это из того дома, от той самой бабушки, которая с Митей Маминым в детстве играла. Когда он к нам попал, стекол этих в дверках не было, – указывает на буфет хозяйка дома, – чернотой дерево покрылось. Муж дерево стеклом заменил, в порядок все привел, хоть в таком виде да сохранили.

И у старинного кресла своя история, опять же связанная с семьей писателя, вернее, с домом, где жили Мамины.

– Вот слушайте, – продолжает Нина Александровна. – Второе такое же кресло стоит в нижней половине дома. Был еще диван, стол с резной ножкой. Я его отвезла на открытие Дома-музея Мамина-Сибиряка, там он и остался. Вернулся в свой дом. Дело было так. Отец Дмитрий Гирев, последний священник Никольской церкви, примерно в конце 20-х годов XX века жил в казенном доме священника, в том самом, где жили раньше Мамины, у него и была эта мебель. А папа мой в то время работал в школе, той же самой, где учил детей Наркис Матвеевич. Вот ему отец Дмитрий и сказал: «Александр Иванович, знаешь, ведь у меня как священника все заберут и испортят, возьми, пожалуйста, эту мебель себе». И папа ее купил, за сколько, не знаю, но мы всегда любовались этой мебелью.

Двухэтажный дом, построенный дедом Нины Александровны, пришелся как раз впору его большой семье, где только детей было восемь. Сруб рубили в деревне Большие Галашки, там он выстаивался два года, потом его сюда везли на лошадях, километров двадцать. В XIX веке управлялись без машин и механизмов. Бревна в обхват грузили и складывали в двухэтажный сруб вручную.

В этом доме Нина Александровна жила еще в детские и юношеские годы. Потом уехала учиться и, вернувшись, вышла замуж за своего Отливана. А когда мать решила продавать дом – отец Нины Александровны погиб на фронте – они с мужем его купили. И то ведь правда, жалко, если бы такая крепость перешла в чужие руки, а так здесь выросли ее дети и внуки.

Трогая руками стену этого вызывающего уважение дома, мучительно пытаешься проникнуть в прошлое, уловить его дыхание, почувствовать то состояние, которое было естественным для Дмитрия Мамина в окружающей его повседневности. Он вырос среди этих домов, знал людей, каждый день отправляющихся на железоделательный завод или старавшихся за поселком. Понимал природу этих мест и уклад жизни заводских рабочих, которые летом уходили на страду, оставляя пустыми заводские цеха, а осенью убрали урожай с собственных огородов, где на высоких грядках росла картошка, не признаваемая только как чай и вино кержаками, они выращивали горох и репу.

Жизнь кержаков в романе «Три конца», как и во многих других произведениях автора, – особая тема. Он будто ищет в них опору, оценивая их нравы и обычаи в переходный от крепостного права к капитализму период, и неоднократно повторяет: «Крепкий и прижимистый народ, не скажет слова спроста». Некое нравственное превосходство кержаков над остальными переселенцами подчеркивает он и в начале романа «Три конца», отдавая им должное даже в численном преимуществе. *«Всех дворов в трех концах насчитывали до тысячи, следовательно, население достигало тысяч до пяти, причем между концами оно делилось*

неравномерно: Кержацкий конец занимал половину, а другая половина делилась поровну между двумя остальными концами»¹. При том, что в 1852 году, в год рождения Дмитрия Мамина, в Висимо-Шайтанском заводе было всего 236 дворов и около 2000 жителей. Однако в 1887 году, когда писатель Мамин приступил к работе над летописью, как он сам определяет жанр «Трех концов», в Висиме количество дворов и населения могло увеличиться до указанного в произведении.

Впервые роман был напечатан в журнале «Русская мысль» за 1890 год, в книгах с пятой по девятую. И был посвящен Марии Якимовне Алексеевой, первой жене писателя. В письмах к редактору журнала Виктору Александровичу Гольцеву автор неоднократно сообщает о работе над романом. 11 марта 1888 года пишет: «Осенью был начат «агроматнейший» роман из горнозаводского быта, но засел на второй части – очень уж велик выходит. Десять печатных листов написал и сам испугался...». Осенью 1889 года Мамин-Сибиряк сообщал: «Пишу роман из заводской жизни, в частности, о заводских рабочих... Насколько мне помнится, заводские рабочие еще не были описаны, у Решетникова соляные промыслы и маленькие приуральские заводы, а я беру Зауралье». И в то же время: «Половина этих «Трех концов» была написана еще в 87 году и вылеживалась, а сейчас я переделываю заново». В феврале 1890 года уведомляет редактора о высылке первой половины романа, обещая в скором времени дать вторую. 30 апреля 1890 года в ответ на замечания Гольцева пишет ему: «Ваше желание относительно сокращений я понимаю как нежелание с Вашей стороны понять всей сжатости моей летописи. Ведь это не тема, а целая темища...».

Как всякий автор, Мамин-Сибиряк болезненно переживал сокращение своих произведений. Дело было даже не в том, что снова приходилось перекраивать написанное, хуже, что при этом терялись нужные мысли, задуманные образы уходили со страниц или получались не прорисованными до конца. Так случилось и

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 7. С. 27.

с «Тремя концами» – последняя его часть написана несколько схематично, будто наспех. Тем не менее, летопись дает яркую картину жизни Ключевского завода, прообразом которого послужил Висимо-Шайтанский. Реальные прототипы есть и у Мурмossa – Нижний Тагил, и у Самосадки – пристанский поселок на Чусовой Усть-Утка, то есть Мамин-Сибиряк описывает действия и события, происходящие в хорошо знакомых ему с детства местах. Не удовлетворившись формой романа, он называет свое новое произведение летописью и пишет о своем выборе жанра так: *«Критика бессильна освободиться от прежних рамок и категорий и топчется на одном месте: роман, повесть и т.д., а жизнь творит все новые и новые формы, которые не подходят ни под одну из указанных рубрик»*.¹

Главная тема романа – взаимоотношения представителей разных слоев населения Ключевского завода в период отмены крепостного права и объявления воли. Этого события долго ждали, но в первые дни оно вызвало в заводе больше растерянности, недоумения, новых неразрешимых вопросов, чем радости. После прочтения манифеста о воле толпа плакала: *«Великая и единая минута во всей русской истории свершилась... освобождённый народ стоял на коленях. Многие плакали навзрыд»*.² И эта сцена, когда народ встречает долгожданную свободу на коленях, невольно заставляет задаться вопросом – а готов ли этот самый народ к обретенной свободе?

Отмечает «захватывающее описание объявления воли» в романе и современник Мамина-Сибиряка, критик Евгений Аничков, и пишет: «...так чувствуется недоумение народа лишь смутно и по-своему оценившего величие пережитой минуты, понявшего его не нашим книжным пониманием и не так целиком, как крепостной интеллигент»³. В таком случае, как же понявший?

Первый день всеобщей радости вылился во всеоб-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 7. С. 447. .

² Там же. С. 34.

³ Аничков Е. Мамин-Сибиряк // Мир Божий, октябрь 1905.

щую пьянку и хмельное ликование по поводу того, что на заводе и в горé больше никто работать не будет. И в этот же день в общем галденье не услышан был возглас никчемного мужичонки: «все станем панами, а кто робить будет?» Позднее пришлось отрезветь: а что будем есть и на что жить, если не пойдем на работу?

Автор летописи вместе со своими героями ищет ответ на этот главный вопрос – чем было для России крепостное право и что ждет ее впереди? Во многих комментариях советского периода к произведениям Мамина-Сибиряка прослеживается общая оценка того, как писатель показывал борьбу рабочих против эксплуатации. Позволю себе с этим не согласиться. Рабочие в большинстве произведений Мамина пассивны. Они принимают свой образ жизни как данность. Безысходность от тяжелого труда в заводе и горé скрашивают пьянством, драками, вымещением собственной неудовлетворенности на абсолютно бесправных женщинах, которых можно забивать и до смерти. Следуя за автором по страницам произведения, вместе с ним ищешь не только ответы на многочисленные вопросы, возникшие в производственных отношениях в пореформенной России, – ищешь положительного героя. Но, представляя в детальной точности эпическую картину горнозаводского уклада второй половины XIX века, автор столь необходимого положительного героя внутри этого уклада не видит. Он одинаково сочувствует главному управителю заводов Луке Назырычу, оставшемуся после объявления воли не у дел, но всей душой болеющему за заводы округа, и управителю Ключевского завода инженеру Мухину, угнетаемому этим самым Лукой Назырычем. Мухин, казалось бы, и есть тот самый положительный герой, вышедший из «заграничных», то есть получивших образование в Европе, и старающийся на благо развития отечественной промышленности. Но и он теряется в круговороте событий, связанных с отменой крепостного права, и в итоге сходит с ума и умирает.

Прототипом Мухина послужил реальный человек. Вспомним крестную Дмитрия Мамина – Феоктисту

Даниловну Шорину. Ее муж Николай был выходцем из большого рода Шориных, верой и правдой служившего демидовским заводам. Трагично сложилась судьба одного из братьев Шориных – Федора. В числе двенадцати учеников он был послан одним из Демидовых учиться за границу, сначала в Швецию, потом во Францию. Он был успешен в учении, а затем, получив образование, проявил себя как крупный специалист и организатор. Вернувшись на родину, он был управителем Висимо-Шайтанского завода, возглавляя строительство Ташинского завода близ Тагила, принадлежавшего Александру Николаевичу Карамзину, и стал его первым управителем.

Всех двенадцать молодых людей, выучившихся разным наукам и ремеслам за границей, в тагильском округе так и называли «заграничные». Однако дома их ждала печальная участь. Сами Демидовы не интересовались их судьбой, более того, по-прежнему оставили крепостными не только самих «заграничных», но и их жен, привезенных из-за границы, и детей, а завистники сыграли свою роль в том, чтобы знания и умения «заграничных» оказались не востребованными. И вся эта история закончилась тем, что из двенадцати выучившихся – трое умерли от чахотки, трое спились, остальные сошли с ума. Не сбылись надежды и Федора Петровича нести пользу родному краю. Под гнетом доносов и гонений он сошел с ума и кончил жизнь самоубийством. Повторил его путь в романе «Три конца» и горный инженер Мухин.

Незавидна в произведении участь и друга Мухина – Груздева, успешного купца, вызывающего симпатии в начале романа. Впоследствии этот опустившийся пьяница, размотавший собственное состояние, разочаровавшийся во всем и раскаявшийся в своих деяниях, отправившийся замаливать грехи в раскольниковый скит, заставляет испытать к себе только жалость.

Быть может, тогда истина там, в скитах? Вот и образ инока Кирилла тому служит, и начетчицы Таисьи, всеобщей любимицы, к которой тянулись раскольники со всей округи со своими бедами, и у которой для

всякого находилось ласковое и участливое словечко. Даже описание ее дома вызывает уважение и расположение к начетчице. *«У Таисьи все хозяйство было небольшое, как и сама изба, но зато в этом небольшом царил такой тугой порядок и чистота, какие встречаются только в раскольничьих домах, а здесь все скрашивалось еще монастырской строгостью»*.¹ Но и Таисья при всем правильном образе жизни оказывается не святой, а всего лишь обычной женщиной, претерпевшей в молодости грех и замаливающий его всю оставшуюся жизнь, и инок далек от святости и слаб до женского полу. И сама жизнь в скитах не лишена тех же грехов, что и в миру – зависти, похоти, воровства и даже поножовщины. Но течет она со своими строго соблюдаемыми законами, обычаями и ритуалами. Несомненно, Дмитрий Мамин их изучал. В летописи неоднократно описываются моления на Крестовых островах Святого озера, куда раскольники в Успенье собирались на могилы святых старцев со всего Урала и даже приезжали из Москвы.

Если учесть, что Дмитрий Мамин в возрасте 15-16 лет интересовался жизнью раскольников и с Костей Рябовым ходил за раскольниками на моление на Билимбай, то многое объясняется в описании Крестовых островов. Билимбай в то время был малообжитым центром лесного горного района. Старообрядцы туда собирались на могилы старцев, подвергшихся гонениям со стороны правительства. Чужих туда не допускали. Но Дмитрий с Костей, видимо, были вхожи в эту среду благодаря все той же начетчице Матрене Афанасьевне Поповой, в свою очередь, вхожей в дом Маминых.

О кержаках в Висиме и сегодня знают не понаслышке. Анна Владимировна Тюрина живет в кержацком конце. Двор ее дома такой же большой и крытый, как и у многих других, расположенных по соседству. А изба небольшая, да много ли ей сегодня надо одной? Она называет себя кровной висимчанкой и «современным» человеком 1929 года рождения. «А вот мама моя

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.7. С. 127.

1917-го года и застала еще немножко переворот», – объясняет она. И продолжает характерным говором, часто опираясь на частицу «то» в конце слов.

– Войну-то помню, как началась и как кончилась. Все страдали, все переживали. И голодовали, и холодовали. Дрова на себе из лесу таскали. И тачки-то с галькой бегом возили, плотины строили. Родители мои тоже здешные. Отец смолоду старался, потом драга появилась, перешел на драгу. Мамина мама кержанка была, так они сохраняли сами себя. Все ж по-ихнему обычаю делали. Целый угол икон был. Молились оба с дедом. Я их помню. Вон мамин дом, напротив меня. Сейчас там брат живет. Мама была из кержацкой семьи, а отец из православной. Мама, когда взамуж за него выходила, в церкви перекрестилась, его веру приняла.

Кержачки у нас есть и до сих пор, они своих законов придерживаются. У нас здесь в конце три кержачки есть. Ждут, когда приедет их начальник по вере, в какой-то избе собираются и по-своему молятся. Мы-то в церкви, а они боятся зайти в церкву. Сколь говоришь: «Бог-то один, ще делиться-то?». Они – мои ровесницы, у них родители были кержаки, так и они придерживаются кержацкому молению. У кержаков большое моление, а у нас небольшое. Выходили они замуж, семьями жили, но по своим обычаям.

А у нас в семье все по-простому было. Нас, детей, у мамы пятеро. Как к выходному, так мама квашоночки заведет обязательно, и пирожки, и шанежки настряпает. Пирожки с тем, что есть – и капуста, и картошка, и черемуха, ну с войны-то там нече было спрашивать, а потом стало все появляться. Скота держали, скота забивали. И мяско было. Дед-кержак обычно держал две лошадки и коровку. На лошадках он работал и всю кладь возил. Машин-то не было.

Братья мои пошли по заводской линии, один-то всю жизнь сталеваром работал на заводе Куйбышева в Тагиле. Второй брат в Свердловске на заводе, на инженера закончил, пошел на пенсию, переселился домой, в Висим. Еще один был сварщиком, а другой тоже

плотины строил. Они уже умерли. Один не поберегся, заядлый охотник был, ему не осень, не весна, рещку перейти, переплыть – ничего-то не страшно было. Испростыл весь и ушел из жизни.

Анна Владимировна погладила пеструю трехцветную кошку, льнущую к ее ногам, и с деланной строгостью заговорила о ней:

– На неге живет. От брата зимой пришла. Сколько ни гнала, не уходит. Пришибить жалко, своих же кошка. Вот зиму с ней и мучаюсь. По такой-то избушке лишку-то две кошки. Но зато нонче я спокойно живу, а то бывало, мыши на кухню выйдут, в помощники ко мне натряхаются. – И неожиданно поясняет, – кержачкий конец – ниже по нашей улице, а здесь самая середовина.

Слушаешь Анну Владимировну и ощущаешь, как растворяются границы времени. И будто беседуешь с персонажем произведения Мамина-Сибиряка, улавливая уральскую речь, переданную им до мелочей, использование просторечных слов и оборотов – «Сама себе большая, сама себе маленькая», «Живою рукою обернись», «Маненичко взбуривает», «Обтерпишься где-нибудь» и еще, еще, перекликающихся с теми, что употребляет наша собеседница. И это слово «середовина», неоднократно упомянутое писателем в рассказе «Родительская кровь».

Сам автор называл свой роман, основанный на жизни родного поселка, летописью, эпосей уральской жизни. А жили в Висимо-Шайтанском заводе, особенно до отмены крепостного права, очень обособленно и разрозненно. В гости друг к другу из разных «концов» не ходили. В каждом «конце» по-своему свадьбы играли, по своему праздники встречали, одежда и то была разной, что часто подчеркивается на страницах романа. Одежда кержаков отличалась, как и все их окружающее, строгостью. Мужчина носил кафтан черного цвета, на ногах сапоги-вытяжки, женщина-кержачка – косоклинный (то есть сшитый из косых клиньев) сарафан. Надевая шаль-платок, спустит его низко на лоб и зацепит булавкой под подбородком, демонстрируя этим свою закрытость.

Со своими обрядами, праздниками, обычаями и одеждой приехали на Урал туляки и хохлы. Женская одежда тулячки и хохлушки особо не рознилась, кроме того, что хохлушки иногда щеголяли еще в юбках с кофтами. Но в основном женщины из хохлацкого и туляцкого концов носили сарафаны конечно, не косоклинники. Покрой сарафана каждая выбирала на свой вкус. В праздничные и выходные дни вместо платочка на голову могли надеть красиво расшитые кокошники и на плечи накидывали шали и полушалки. Кержачкам, даже девушкам, это было запрещено. Часто говорится в романе о кумачных платках и козовых ботинках, которые могли себе позволить зажиточные тулячки или принять их в дар от поклонника. Реже такая роскошь выпадала хохлушкам.

Доподлинно описал Мамин-Сибиряк и внешний вид поселка. Две площади: одну, примыкающую к заводу – заводскую, в сторону от нее – торговую. Дом с коричневой крышей – заводская контора, с зеленой крышей – господский дом, где жили управители завода. И, конечно же, он восхищался великолепным видом с шихана на поселок. Много лет спустя, когда Дмитрий Мамин покинет Урал, но не расстанется с ним душой, он напишет в письме родным: «Был на Машуке, любовался, а наш Висим все-таки лучше».

Реальная картина нравов как раскольников, так и других слоев населения вымышленного Ключевского завода, а в реальности Висмо-Шайтанского и близлежащего рудника является точным изображением жизни горного Урала того времени, где в горах, как в крепости, свершалась своя жизнь, отличная от промышленного центра России. Ну как, например, можно представить, что рабочий питерского завода оставит летом цех и уйдет на несколько недель на сенокос? А для горнозаводского Урала это было естественное явление, неоднократно описанное в «Трех концах».

Страда на уральских горных заводах, по мнению Мамина-Сибиряка, – самое оживленное и веселое время. Все заводское население переселяется на покосы. И хоть кержаки даже в страду отделялись от других

«концов», но сама страда примиряла весь заводской люд, о чем автор пишет с некой долей романтизма. *«В страду на Урале выдаются такие хорошие, теплые ночи. Над головой синее-синее небо, где-то точно под землей ворчит бойкая Сойга, дальше зубчатую синюю стеной обступили горы, между покосами лесные гривки и островки. Ухнет в лесу филин, прокукует кукушка, и опять все тихо. Смолкают веселые песни, меркнут огоньки у покосных балаганов и избушек...»*¹.

Для страды предназначалась даже специальная домашняя утварь – чугунный таган или красномедный покосный котелок, деревянные чашки, железные и медные чашки, в зависимости от достатка хозяина, берестяные дорожные солоницы, кувшин для воды и кваса и даже полевой самовар с внутренней перегородкой для варки супа. А также такие хозяйственные и дорожные предметы: берестяные туеса, лычный пестерь (корзина для переноски сена) и другие. В 1927 году к десятилетнему юбилею Октябрьской революции Государственный Исторический Музей в Москве открыл выставку, посвященную труду и быту рабочего и крестьянского населения Урала конца XVIII и XIX веков. Этому событию в 1926 году предшествовала экспедиция сотрудников музея, в ходе которой был обследован один из старейших горных заводов Урала – Нижне-Тагильский, а также ряд более мелких поселений при заводах, ранее также принадлежащих Демидовым, в том числе Черно-Источинский и Висимо-Шайтанский. Один из выводов экспедиции таков: «В виду того, что в большинстве заводских поселений в изучаемый период крепостные рабочие одновременно занимались и крестьянским хозяйством, характеризовать крестьянский быт в его чистом выражении только по результатам обследования заводских населений оказалось невозможным»². То есть по своей внутренней сути горнозаводской рабочий был мелким собственником, другое дело, насколько эта собственность была

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание соч. в 10-ти т. Т. 7. С. 106.

² Труд и быт рабочего и крестьянского населения Урала конца XVIII и XIX вв. М.: Издание ГИМ, 1927.

велика. Но в отличие от столичного рабочего, ему было что терять и кроме «своих цепей». Наверное, поэтому Мамин в своей летописи показывает образы рабочих, служащих и мастеровых, фанатично преданных своей работе и тяжело переживавших отмену крепостного права, с которым, казалось, уходит привычный уклад жизни. Главное то, что видели они в этой отмене некое предательство своих огненных машин и даже рудников. *«О воле точно боялись говорить, – кто знает, что еще будет?»*¹, – резюмирует автор, и это его сомнение будет подтверждено всей последующей историей борьбы «за волю», которой ему уже не придется наблюдать.

А его летопись высоко оценят даже современники. В седьмой книге журнала «Русская мысль» от 1891 года в статье Виктора Гольцева «Заметки о современном романе» есть аналитический обзор уральской летописи «Три конца», где среди прочих достоинств критик отмечает: «Эпоху знаменательного перелома в нашей жизни, то есть, падение крепостного права, и новый строй, возникший на развалинах, изображает Мамин в своих «Трех конца». «Три конца» – это три обособленные группы населения уральских заводов, живущих и совместною заводскою жизнью: великороссы-православные, староверы и малороссы. Для общего знакомства с уральским краем произведение Мамина-Сибиряка составляет в высшей степени полезное пособие. Десятки томов этнографического описания не представили бы жизни этого края так живо и наглядно, как сделал это автор «Трех концов». [...] Повсюду в летописи мы видим руку знатока, тщательное и любовное изучение родного края...»².

7.

Мамин-Сибиряк не встал в один ряд с писателями-современниками. Он был как будто наособицу. Анали-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 7. С. 37.

² Гольцев В. Заметки о современном романе // Русская мысль. № 7. 1891.

зируя причины этого явления, нельзя недооценивать его собственное происхождение и неразрывную связь с родиной. В течение всей жизни он постоянно будет обращаться в своем творчестве к Уралу. И не просто его описывать, а чувствовать непреодолимую тягу к родным местам. Именно ощущениями он будет связан с Уралом, даже подсознательно всегда будет стремиться сюда. Образы детства – родных, друзей, Висима, его жителей, природы этого края – в самые разные годы найдут отражение в его произведениях, малых и больших. Сюжеты многих из них воспроизводят события, произошедшие с автором в детские и юношеские годы, возвращают его память к дружбе с дядьком Матвеичем, к собственному поиску водораздела в Уральских горах или к тяжелым годам учебы в бурсе.

И разве может написать эти строчки человек, не испытывавший осенней охоты в уральской тайге: *«Первой иней, от которого «закисает» лиственница, служит сигналом для охоты на глухарей. Чуть тронутая холодом мягкая хвоя служит лакомством для птицы, и охотники пользуются этим, чтобы бить по зарям усевшихся на лиственницах глухарей»*.¹ Сочных, ярких описаний охоты так много, что читатель невольно сам ощущает запах прелой листвы, сырой хвои и старой, отслоившейся от пня коры. Впрочем, охота – не самоцель для писателя, скорее – возможность наслаждаться общением с природой и чудаками-охотниками, полесовщиками² и случайно встреченными в лесу людьми. А встречаются разные, и каждый со своей историей и судьбой, которой нет-нет, да и поделится у вечернего костра со случайным человеком. В их уста или в собственные размышления вложит автор будущего рассказа философствования об этом чудном крае: *«Я вот часто так выйду на бережок, – повествует Иван Васильевич, не торопясь, – и раздумаюсь... Ведь какое здесь место: настоящая грань. Одной ногой в Рассее, другой – в Сибири»*³.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 5. С. 29.

² Полесовщик – во времена Мамина-Сибиряка так называлась профессия лесника.

³ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 5. С. 34.

О том, что охота в чистом виде не являлась самоцелью для Дмитрия Мамина, а скорее служила почвой для формирования особого мировоззрения, рассказывала и его сестра Елизавета. «Брат больше охотился не за дичью, а за тем бытовым материалом, который такой яркой «красной нитью» проходит по всем его уральским романам и рассказам. Он также охотно ходил и за грибами, и за черникой. Всегда возвращался с массой новых впечатлений, наблюдений, среди которых специфически охотничьи играли далеко не первую роль».¹ Как ни странно, но даже в рассказах, объединенных общей охотничьей темой, «На шихане» и «Гроза», впервые опубликованных в 1884 и 1885 годах, а позже вошедших в цикл «Уральских рассказов», «специфически охотничьи наблюдения» являются только оправой для более глубоких размышлений и выводов автора, вызванных необычными встречами в лесу и все теми же историями у вечернего костра.

Героями этих рассказов стали охотники Лука Агафоныч Шапкин и бывший разбойник Савка, прятавшийся во время крепостного права в горах. Очевидно и то, что очередные вымышленные герои обязательно наделялись чертами все тех же любимых с висимского детства охотников – дьячка Матвеича и его друга Прокопия Шурыгина, прототипа известного Емели-охотника. Ибо каждый охотник, описанный Маминым-Сибиряком, непременно чувствовал себя самым собой только в лесу, и законы леса ставил выше всех остальных. О Шапкине автор пишет, что был он до известной степени поэт в душе и облакал жизнь природы в самые таинственные формы. Говорится и о поэтичности натуры Савки, а еще – о его крайней наблюдательности и о том, что ему до тонкости были известны все привычки, особенности и образ жизни каждой дичи. Более того, оба они и сохатого загоняли, и знали, как оленька на тропе «скараулить».

Но при этом в судьбе каждого из них была страстная любовь, хоть и утихшая, но не избытая с годами. С удивлением читатель постепенно открывает в огром-

---

¹ Д.Н.Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 28.

ном и нескладном, на первый взгляд, Шапкине человека, близкого к театру, преданного одной любви, с нежностью воспитывающего девочку умершей любимой женщины. Под стать ему и Савка, ставший разбойником потому, что нужно было отомстить за оскорбление любимой девушки, и убивший ее обидчика. Философия Савки сводилась к простому объяснению: *«Зверь-то лютует с голоду, ему пропитал нужен, а так всякий зверь, как ребенок малый... А вот человек-то не так... Он сытый-то еще, пожалуй, хуже... Верно! Лютости этой в человеке, зверства – пропасть... Я всякого зверя люблю, потому зверь справедливее за- всегда человека»*¹.

Свою философию Савка тут же на охоте применяет в реальности, когда немец Карл, встретившийся с ними в лесу, поднимает ружье на свою собаку, не сумевшую загнать зайчонка. Савка сначала пытается спасти ее от выстрела, а не успев, нападает на самого Карла и пытается его задушить. Разбойник пожалел собаку за то, что ее «барин порешил без вины». *«Сознание Савки было подавлено проявлениями человеческого «зверства» и «лютости»; его пытливый ум прилепился к безграничному лесному простору, и здесь в мире животных, он находил погибающую в людях правду»*², – пишет Мамин-Сибиряк, по-видимому, оправдывая мировоззрение своего героя. В 1884 году журнал «Русская мысль» в № 11 в библиографическом отделе, давая обзор наиболее заметных публикаций российской периодической печати, писал о рассказе Мамина-Сибиряка «На шихане». «Это не «степенный мужик», [...], а между тем Савка наш. Почему? Савка живой человек, настоящий русский человек, хотя мужик совсем не «настоящий». Г. Мамин понял его «душу живу» и дает нам уразуметь ее под безобразной оболочкой фабричного замотыги и бродяги, дает уразуметь без мелодраматических приемов французского пошиба. Нет в рассказе Мамина никаких жалостных сцен. Совсем напротив: все сцены более или менее ко-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 5. С. 384.

² Там же. Т. 3. С. 385.

мичны; зато драма, скрытая под лохмотьями Савки, незаметная для постороннего взгляда, самим Савкою неясно сознаваемая, а только чувствуемая, – вот что хватает за душу и поднимает в голове тяжелую думу. [...] «Ты теперь, барин, разбери, кто лучше: зверь или человек?» И пьяная эта рожа, Савка, сам того не подозревая, в простоте своей живой души возвышается до поэзии, проникает в глубь философского мышления... оставаясь мужиком, бродягой и пьяной рожей для всех, кто не имеет глаз его чистую душу видеть, не имеет ушей ее скорбные стоны слышать»¹. А в 1886 году этот рассказ с сокращениями и под названием «Савка» опубликовало отдельным изданием киевское отделение Российского общества покровительства животных.

В каждом рассказе особую роль играет уральский пейзаж, который Дмитрий Мамин не устает выписывать с таким образным размахом и такой достоверной тщательностью, что невольно любуешься вместе с ним нерастраченной природной красотой, теряешься перед ее дикой загадочностью. Особенно это касается гор. Описание начала грозы в одноименном рассказе также связано с картиной горы под названием Чертова Почта, особенностью которой является вид будто бы рассыпанных на ровном месте валунов. Автор, склонный к объяснению таинственных вещей естественнонаучными причинами, объясняет это возможным сходом здесь когда-то ледника. Однако его спутник охотник имеет тому свое объяснение и считает это все проделками дьявола: *«Он хоть и черт, а тоже не без ума... Заставь-ка его трезвого такую страсть камня наворотить. По-вашему, по ученому-то, может, это и смешно, а мы даже очень понимаем все его штуки»*². Неоднократное описание гор как одушевленных существ дается и в рассказе «На шихане»: *«Гора Лобастая составляла центр небольшого горного узла; от нее в разные стороны уходили синими вала-*

¹ Русская мысль. № 11. 1884.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 3. С. 346.

ми другие горы, между ними темнели глубокие лога и горбились небольшие увалы, точно тяжелые складки какой-то необыкновенно толстой кожи»¹.

Современные автору критики неоднократно упрекали Мамина-Сибиряка в склонности к публицистике, что, на их взгляд, проявлялось в подробнейшей детализации художественного описания, так что в результате получалась почти «фотография» реальности. Несомненно, в рассказах писателя это присутствует, что, как мне кажется, не умаляет их достоинства, а наоборот, придает произведениям большую степень вероятности. В этом проявлялась репортёрская сторона таланта писателя, а еще – достоверное знание предмета, о котором он говорил. Невозможно так написать об охоте, не зная ее изнутри, не посвятив этому часть своей жизни, с чем согласится любой пишущий человек. Для Мамина как публициста характерно не просто создание эффекта присутствия, он создает атмосферу присутствия, а это гораздо сложнее и важнее, и возможно только тогда, когда сам преисполнен ею изнутри. Разве можно, например, описать с такой подробностью охотничий балаган, если не наблюдать его много раз? *«Внутренне устройство балагана везде одинаково: сейчас у двери очаг из камней, большею частью без трубы, задняя половина занята широким помостом – и только. Если хорошенько натопить очаг, то в балагане делается жарко, как в бане, но неудобно то, что во время топки балаган весть наполняется дымом, как топятся все курные избы, а потом, когда отверстие на крыше, заменяющее трубу, заткнут дерном или травой, в балагане долго стоит тяжелый угар. Но охотнику все это не в диковинку, и он только кричит от удовольствия, обливаясь потом на полатах; дым и угар в счет нейдут, потому что, главное, было бы тепло и чтобы жгло уши жаром»².*

Как в это ни трудно поверить, но подобные охотничьи балаганы сохранились в уральских горах до сей

---

¹ Там же. С. 371.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 3. С. 350.

поры, не стесняясь наступившего ХХI века. Мне тоже как-то приходилось ночевать в подобном сооружении, называемом еще охотничьей землянкой. И устройство ее точь-в-точь остается таким же, вплоть до печки, топящейся «по-черному».

Или вот, к примеру, зарисовка о том, как неоципанного рябчика можно завернуть в листья и закопать в горячую золу до полной готовности, сопровождается приговорками: *«Супротив наших уральских рябчиков нигде не сыскать: первый сорт, потому он теперь сидит на землянике, а наша-то земляника тоже известная ягода – с огнем поискать»*¹. Такое ведь невозможно описать так вкусно, если не увидел это своими глазами, не попробовал. Яркие обороты речи охотников, их байки о несоизмеримой добыче и бесконечная философия лесного человека – это то, чем пронизаны все охотничьи рассказы Мамина-Сибиряка, лишенные всякой наигранности и фальши.

8.

Шихан, то есть лишенная растительности и усыпанная камнями вершина горы Какурниковой, и сегодня пристально смотрит на Висим. Охотничьи уголья вокруг поселка со временем обеднели, но дичь в лесах по-прежнему водится. Лучшая охота, как и прежде, осенняя. Осень – ясная, прозрачная, солнечными бликами ложающаяся на березовые листья и ягоды рябины, она в шелесте сухих листьев под ногами, и свежести первого заморозка. Осень пробуждает в душе удивительное состояние, когда хочется думать... о вечном.

Большой пруд в центре села, который легко узнается по воспоминаниям писателя. Спуск к пруду вдоль построек девятнадцатого века. Ворота, крыльца, резные наличники и металлические скобы, флюгера, амбарные замки на подвалах, амбары, сеновалы, арочные двери и оконца – все это, описанное писателем, до сих пор живет, сохраняя внутри себя дух ушедшего времени. И, словно миражи, в утреннем тумане видны

---

¹ Там же. С. 351.

примостившиеся на островах пруда березы, уронившие в воду золотые пряди.

На Рабоче-Крестьянской улице, несомненно, получившей свое название позже, чем здесь родился писатель, еще несколько лет назад находилась «Чайная». В такое солнечное, с хрустящим инеем утро это название обязательно напоминает о самоваре, горячем чае, с малиновым вареньем и баранках. Не скажу насчет баранок, а хлеб в Висиме с тех далеких времен до недавнего времени пекли сами. Высокие румяные буханки, вкуса необыкновенного, к местной лавочке с названием «Магазин» подвозили на лошадке. Отдавая дань малой родине, Мамин-Сибиряк говорил, что он «вскормлен висимским хлебом и вспоен висимской водой».

В сквере центральной улицы – памятник писателю, установленный в 1962 году к 110-летию со дня его рождения. Клуб – постройка начала прошлого века – чисто вымыт. Три круглые печки-голландки хорошо натоплены и с щедростью дарят тепло.

Недалеко от клуба в общем порядке домов, вытянувшихся вдоль улицы – музей Мамина-Сибиряка. Тот самый дом, где писатель родился и вырос. Здесь рождалось настроение его будущих книг. Ну, как можно было их не написать, если и церковь напротив окна, и пруд, и дальние холмы пробуждали в душе мальчика чувство любви ко всему живому, к родному Висиму, словно специально затерянному среди лесистых возвышенностей.

Ступаешь по деревянным тротуарам во дворе усадьбы этого дома, смотришь на огромные лиственницы, устремленные ввысь и золотистыми вершинами, задевающие белоснежные облака в голубом небе, чувствуешь запах печного дыма и домашней сдобы. Здесь по-прежнему пекут пирожки с картошкой, капустой и обязательно с черемухой – наши, уральские.

Д.Н. Мамин-Сибиряк с матерью Анной Семеновной. Находясь вдалеке, он каждую неделю писал ей письма. Как и отец, она была для него другом и нравственным примером. Из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме

Наркис Матвеевич Мамин был православным священником. На снимке он с сыновьями Дмитрием (стоит) и Владимиром. Из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме

Вид на поселок Висим с Шихана. 2003 г. Шиханами на Урале называют безлесые вершины гор и холмов, но в Висиме, как и во многих других местах, это слово стало именем собственным

Дьякон Н.М. Дюков – один из первых наставников Мити Мамина в познании уральской природы. С акварели Е. Коробова. 1947 г. Из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме

Закадычный друг детства Костя Рябов, который рано ушел из жизни. Портрет 1870-х гг. Из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме

Жительницы поселка Висим – участницы фольклорного ансамбля «Висимчанка» в кержацкой (старобрядческой) одежде. 2003 г.

*Изображения типичных жилищ жителей «трех концов»
Висима, описанных в одноименном романе. Сверху вниз:
кержацкий, туляцкий и хохляцкий дома. Из экспозиции
библиотеки имени Д.Н. Мамина-Сибиряка в Нижней Салде*

Д. Мамин в Нижней Салде после возвращения из С.-Петербурга. С ружьем и собакой он исходил окрестные леса, познавая «родные зеленые горы» и пропитываясь духом Урала. Из фондов ОМПУ

ВѢДОМОСТЬ			
Объ успеваемости, прилежании и поведении ученика Екатеринбургскаго Духовнаго Уезднаго Училища			
и. Мамина за Январскую треть 1867 учебнаго года.			
Предметы.	Успѣхи.	Предметы.	Успѣхи.
Катехизисъ.		Пѣніе.	
Свѣт. Исторія.		Русскій.	
Русская Исторія.		Славянской.	
Географія.		Латинскій.	
Арифметика.		Греческій.	
Уставъ и Богоуслужб. книги.		Приказаніе.	
Число пропущенныхъ уроковъ.		Поведеніе.	
Средній баллоу отъ оцѣнокъ на испытаніяхъ.			
Примечаніе:			
Инспекторъ Училища <i>Владимиръ Н. Кочетковъ</i>			

«Ведомость об успехах, прилежании и поведении ученика Екатеринбургскаго Духовнаго Уезднаго Училища высшаго отделения Дмитрия Мамина за Генварскую треть 1867-го учебного года». РГАЛИ

В центре группы нижнесалдинских служащих – правитель (управляющий) завода в Нижней Салде К.П. Поленов, большой друг семьи Маминых, со своим изобретением – дуговой электрической лампы. Снимок конца XIX в. Из фондов ОМПУ

Нижнесалдинский завод, вид с восточной стороны. Конец XIX в. Из архива Е.М. Бирюкова

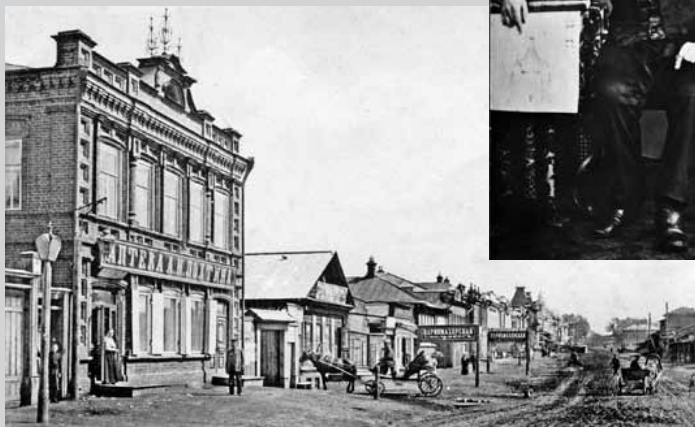
Портрет Наркиса Матвеевича Мамина, сделанный фотографом Тереховым. Из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме

Склад чугуна на уральском заводе. Конец XIX в. Из архива Е.М. Бирюкова

Д.П. Шорин (1817–1907), главный кассир
Управления Нижнесалдинскими заводами.
Краевед и коллекционер, он немало поведал
Д. Мамину об истории уральского края и сам
стал героем очерка «Платина». 1870-е гг.
Из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме

Нижний Тагил, Шамина улица. XIX в. Из фондов
Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»

Рабочие и служащие медного рудника в Нижнем Тагиле. 1902 г. Типажи
для своих очерков Д.Н. Мамин-Сибиряк находил в окружающей
горнозаводской действительности. Из фондов Нижнетагильского
музея-заповедника «Горнозаводской Урал»

*Памятник П.Н. Демидову в Нижнем Тагиле, подробно описанный
Д.Н. Маминым-Сибиряком в очерке «Платина». Из фондов
Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»*

*Группа рабочих Нижнетагильского завода с инструментами. 1890-е гг.
Это время становления капитализма в России, отраженное
Д.Н. Маминым-Сибиряком в его произведениях. Из фондов
Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»*

*Мария Якимовна Алексеева.
Нижний Тагил. конец XIX в.*

Дмитрий Мамин занимался репетиторством с сыновьями М.Я. Алексеевой Александром и Владимиром. Справа сидит еще один его ученик К. Большаков. Из фондов ОМПУ

*Дом М.Я. Алексеевой на улице Толмачева, 41 (бывшей Колобовской).
В настоящее время здесь находится музей «Литературная жизнь Урала XIX века» Объединенного музея писателей Урала. 2015 г.*

*Интерьер гостиной в доме М.Я. Алексеевой. Экспозиция музея
«Литературная жизнь Урала XIX века». 2015 г.*

*В этой гостиной и собирался «маминский» кружок. В традициях
студийной съемки того времени участники изображают следующую
сцену: в кресле заснул М.Ф. Магницкий, за фисгармонией М.Я. Алексеева,
И.Н. Климшин поет, а Д.Н. Мамин-Сибиряк внимательно слушает.
1885 г. Из фондов ОМПУ*

Копия
Л. Сибиряк.
Копия с рукописи 12. Евангелизм в Колобовской цр., в д. Алексеев 2
1883. 2 листа, в 12-ти линиях, полушрифт.

Фрагмент рукописи «Приваловских миллионов», где писатель собственноручно сделал запись об окончании работы над романом. Из экспозиции музея «Литературная жизнь Урала XIX века»

КОНТОРА ЖУРНАЛА «ДЕЛО». НАДЕЖДИНСКАЯ. № 30.
1883 /
Милостивый Государь
Дмитрий Чернышев
При сем посылается причитающийся Вам о
гонораре за напечатанную в № 11 журнала «Дело»
1883 года статью «Приваловские миллионы» (2 листа, 12-ти
линий) по расчёту 85 руб. за лист двести
руб. 54 коп.
Контора покорнейше просит прислать расписку в полу-
чении.
Книжка счёта № 101
Секр. ред. М. М. Мамин

Письмо из конторы журнала «Дело» за 1883 г. о гонораре за роман «Приваловские миллионы» – 200 руб. 54 коп. РГАЛИ

Заявление Дмитрия Мамина (Сибиряка) о приеме в Общество русских драматических авторов от 16 ноября 1887 г. РГАЛИ

В Обществу русских драма-
тических авторов.
Принимая при сем прилагаемую написанную мною
письмо «Заявление Мамина» (ссылка в 4-й пункт),
покорнейше прошу принять меня в члены членов
Общества русских драматических писателей. Про-
скаю Обществу охранение своего права драмати-
ческой собственности, разделив свои полномочия под-
писать Устав Общества и представлять свои «исследования»
в разряде «Публикация».
Дмитрий Мамин (Сибиряк)
1887. 16 ноября. Евангелизм.

Историческая реконструкция. Д.Н. Мамин-Сибиряк в гостиной дома Алексеевой. В роли писателя актер Камерного театра Объединенного музея писателей Урала Александр Бушуй. 2014 г.

Постановочный фотопортрет группы лиц. Третья справа М.Я. Алексеева. Конец XIX в. Из фондов ОМПУ

Первое каменное здание в Екатеринбурге, построенное в 1739 г., реконструированное под руководством М.П. Малахова в 1830-х гг. Таким его видел Д.Н. Мамин-Сибиряк. Из фондов Музея истории Екатеринбурга

В 1900 г. на улице Клубной (сейчас Первомайской) на средства директора Екатеринбургского отделения Сибирского банка И.З. Маклецкого было построено специальное здание с прекрасным концертным залом для спектаклей и выступлений музыкального кружка. Маклецкий бывал в доме Алексеевой, где неоднократно встречался с Д.Н. Маминым-Сибиряком. Сегодня здесь находится Свердловское музыкальное училище им. П.И. Чайковского. Из фондов Музея истории Екатеринбурга

Генеральская дача на городском пруду, на месте которой теперь расположен спортивный комплекс «Динамо». Когда-то Д.Н. Мамин-Сибиряк написал маслом именно эту дачу, но картина до наших дней не сохранилась. Из фондов Музея истории Екатеринбурга

Таким был Екатеринбург в конце XIX в. Вид на реку Исеть у Каменного моста: подобные жанровые сцены любил описывать Д.Н. Мамин-Сибиряк. Из фондов Музея истории Екатеринбурга

Российские литераторы, которые сыграли большую роль в жизни Д.Н. Мамина-Сибиряка. М.Е. Салтыков-Щедрин когда-то не принял первые литературные опыты писателя, но впоследствии оценил его талант и стал «крестным отцом» в большой литературе. А.М. Скабичевский посвятил ему наиболее весомые критические статьи. Н.Н. Златовратский входил в московское литературное сообщество, которому был близок Мамин-Сибиряк. В.А. Гольцев возглавлял журнал «Русская мысль», с которым писатель сотрудничал 25 лет. Из-за его политической неблагонадежности Мамин-Сибиряк и сам надолго попал «под колпак» Департамента полиции. Портреты из журнала «Юная Россия» за январь 1909 г. РГАЛИ

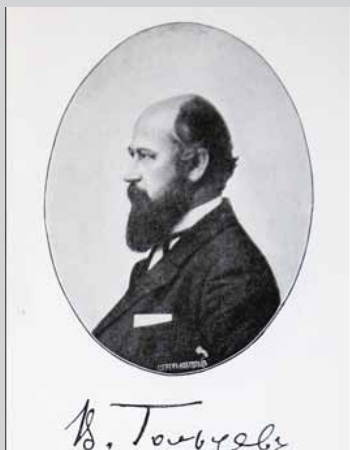
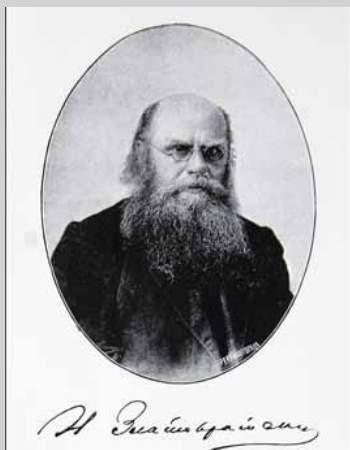
М.Е. Салтыков-Щедрин

Н.Н. Златовратский

А.М. Скабичевский

В.А. Гольцев

Портрет Д.Н. Мамина-Сибиряка в экспозиции музея «Литературная жизнь Урала XIX века». Фото В. Метенкова. Последняя четверть XIX в.

Николай Мамин, старший брат Дмитрия. Фото В. Метенкова, конец XIX в. Из фондов ОМПУ

Е.Н. Мамина-Удинцева, сестра Дмитрия. Из книги «Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников». 1962 г.

А.С. Мамина с сыном Владимиром, младшим братом Дмитрия. Из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме

Портрет Д.Н. Мамина-Сибиряка. 1895 г. Из фондов ОМПУ

Про эти пирожки и самовар – своя история.

Нина Александровна Отливан, выросшая в Висиме, однозначно говорит о том, что в ее школьные годы, проходя на уроках рассказ «Зимовье на Студеной», дети не знали, что писатель, написавший его, жил ранее в этом поселке. Учителя об этом не говорили. Не знали об этом и жители поселка, хотя в 30-х годах XX века еще могли быть живы в Висиме те, кто помнил семью Маминых. Скорее всего, они просто не знали, что Митя Мамин стал известным человеком и написал много книг. Хотя вопрос о том, чтобы имя Мамина-писателя справедливо было бы присвоить местной читальне-библиотеке, впервые был поднят ни много ни мало – в 1915 году. Об этом свидетельствует «Выписка из доклада Управы №15 Верхотурскому уездному Земскому Собранию 46-й очередной сессии 1915 года о внешкольном образовании».

«2 ноября с.г. минуло три года со дня смерти писателя-уральяца Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Память бытописателя Урала вообще, и в частности Заводов Тагильского округа до сих пор ничем не почтена на его родине, в Висимо-Шайтанском заводе. Его заслуги как писателя, в особенности в области детской и народной, из жизни Урала, литературы, огромны. Управа просит Собрание Висимо-Шайтанской земской библиотеке-читальне присвоить имя Д.Н. Мамина-Сибиряка, поручив управе возбудить соответствующее ходатайство, поместить в библиотеке портрет писателя, о постановлении Собрания сообщить его вдове и просить ее от имени Собрания оказать свое содействие в смысле снабжения библиотеки как памятника в пределах возможного предметами или принадлежавшими писателю или имевшими какое-либо отношение к его литературной деятельности и частной жизни». Обращению был дан ход. Управа обратилась к губернатору, вице-губернатор написал министру внутренних дел, и тот в 1916 году ответил следующее: «Пермскому Губернатору. Уведомляю Ваше Высокопревосходительство

для объявления по принадлежности, что я признал возможным присвоить Висимо-Шайтанской земской библиотеке-читальне имя писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка. Товарищ министра внутренних дел в д. Егермейстера Кн. Волконский»¹.

Имя читальне было присвоено, но в потоке дальнейших революционных бурь и смуте гражданской войны висимцам стало явно не до писателя-земляка. И к 30-м годам XX века имя Дмитрия Мамина среди висимской общественности не вспоминалось. Ситуация вполне понятная для уральской глубинки, тем более что в советские годы Мамина-Сибиряка особо не популяризировали по определенным причинам, о которых будет сказано позже. А пока о том, когда все же в Висиме громко заговорили о знаменитом земляке.

– Думаю, по-настоящему все развернулось, когда к нам впервые из Москвы приехал его племянник Борис Дмитриевич Удинцев, сын Елизаветы Наркисовны, – вспоминает Нина Александровна Отливан. – Это было в 50-е годы прошлого века. Потом он здесь бывал неоднократно. И даже приезжал с учеными из Московского Дома ученых. Борис Дмитриевич был литературовед и преданно занимался изучением наследия Дмитрия Наркисовича. Дом у нас большой, и как-то в один из своих приездов в течение целой недели он жил у нас. Помню, все говорил мне: «С детства люблю пироги с черемухой», и я ему стряпала эти пироги.

Первая музейная комната народного музея Мамина-Сибиряка была создана в Висиме 10 января 1959 года: под нее отвели угловую, восточную комнату библиотеки, которая тогда находилась в нынешнем музее. Инициатором ее создания стала Татьяна Константиновна Гуськова, преподаватель Нижнетагильского педагогического института, в будущем доктор исторических наук Нижнетагильской социально-педагогической академии. Подключила она к этому Юрия Павловича Петрова, в то время учителя местной школы, а впоследствии доктора философских наук того же вуза, старожилов и общественность Висима. Позже вышло

---

¹ РГИА, Ф.1284, оп.188., ед.хр.7.

решение поселкового исполкома об открытии народного музея Мамина-Сибиряка. Экспонаты собирали всем миром. К этому периоду относится и история про самовар, но о ней позже.

Поселковую библиотеку перевели в другое здание, а дом Маминых оставили под мемориальный музей. К этому времени наплыв туристов был настолько велик, что состояние здания, требующего ремонта, уже вызывало опасения. Тогда было принято решение о передаче музея в ведение Нижнетагильского краеведческого музея.

Нина Александровна начала работать в музее в 1968 году. В поисках подлинных артефактов во время одной из командировок в Москву лично ездила к Удинцевым.

– Поскольку мы были знакомы с Борисом Дмитриевичем, – рассказывает Нина Александровна, – то я надеялась: вдруг что-нибудь улыбнется нашему музею. Я приехала к ним, когда он уже был болен, ослеп, но был бодр, меня узнал по уральскому говору. Получила я тогда немного, так как порядком уже было роздано другим музеям и архивам, но те экспонаты, которые привезла, и сегодня представлены в нашем музее. Это – альбом с копиями фотографий. Подлинная только одна – семьи Маминых, и два бланка денежных переводов. Один из них от Дмитрия – матери. Он ее поддерживал в течение всей жизни. Когда Борис Дмитриевич заболел, в Висим несколько раз приезжал его сын Глеб Борисович.

Другой народной памятью знаменитому земляку стали постановки по произведениям Мамина-Сибиряка силами артистов местной художественной самодеятельности.

– Было это в 1954 или в 1955 году, – вспоминает Нина Александровна. – Тогда в петровском доме, это угловой на Второй Тагильской улице, находился Дом учителя. Там проходили репетиции, а спектакль шел в клубе, открытом ранее в разрушенной церкви. Наши народные, висимские артисты играли очень хорошо! И зрителей приходило так много, что встать не-

куда было, – с удовлетворением подводит итог Нина Александровна. – Ведь Мамин-Сибиряк писал о нашей жизни, и для нас в его произведениях все понятно.

В тех же 50-х годах, только в конце десятилетия, в Висим впервые приехали актеры Нижнетагильского Театра драмы. Знакомились с Маминскими местами, встречались в библиотеке с жителями.

– Возможно, что-то играли для них, – рассказывает Ольга Павловна Черепова, заведующая литературной частью театра, – я видела фотографию, где актеры в костюмах. С тех пор наш театр поддерживает отношения с Висимом. Несколько раз мы показывали выездные спектакли в клубе, возили премьеры или фрагменты из спектаклей, поставленных по Мамину-Сибиряку, например, «Золотую пыль». Местные бабушки встречали нас пирогами с черемухой, капустой, картошкой и грибами. Представляли мы и программы, когда актеры читали со сцены отрывки из разных произведений писателя. Это особый жанр. Людей всегда было очень много. Полон клуб. В 80-е годы проводили встречи с жителями поселка в музее. И всегда это было очень душевно.

Висим – такое удивительно красивое место, такое замечательное, что когда попадаешь туда, понимаешь, что здесь обязательно должен был родиться писатель, иначе быть не могло, – подчеркивает Ольга Павловна.

– Жить на Урале и не знать творчества Мамина-Сибиряка, это значит ничего не знать об этом крае, – уверена Валентина Борисовна Петрова, заведующая литературно-мемориальным музеем в Висиме. – У нас на Урале таких писателей, как Мамин, немного. А он в своем роде – единственный. Через его произведения мы можем изучать историю Урала.

В Висимском музее, открывшем в 2002 году к 150-летию со дня рождения писателя новую экспозицию, подчеркивающую значение родного гнезда для писателя, имеется богатая библиотека произведений Мамина-Сибиряка, изданных в разные годы, разными издательствами и на разных языках. В конце 2013

года посетила музей чешская делегация, – кстати, иностранцы здесь нередкие гости. Так вот одна из женщин, староста небольшого чешского городка, привезла в подарок музею книгу «Аленушкины сказки» на чешском языке, 1997 года издания. Узнав, что поедет в Россию и в город Нижний Тагил, неподалеку от которого находится музей русского писателя, она обошла все букинистические магазины, нашла эту книгу и привезла ее музею в качестве подарка. О связи Мамин-Сибиряка с чешскими читателями свидетельствует письмо начала XX века, адресованное писателю редактором чешской газеты «Яго» и отправленное им из Праги.

Текст, составленный на русском языке, хотя в переводе есть и некоторые стилистические неточности, выражает восхищение перед детскими рассказами писателя.

«Уважаемый господин! Примите сердечные поздравления от своих чешских поклонников. Теперь у нас по образцу Ваших книг начинается такая же беллетристическая форма. Благодарим Вас за радость и чувство волнения, которое доставило нашим детям и нам, учителям. Благодарим Вас за нежные чувства, роскошный разговор с детьми, за Ваши басни («Аленушкины сказки», «Светлячки»). Обе главы Ваших «Рассказов и сказок» переведены на чешский язык. Теперь хотим дать нашим детям некоторые Ваши дальнейшие сочинения в рабочей (социал-демократической) библиотеке. Не знаем всех Ваших различных разбросанных рассказов, которые бы отвечали запросам и размерам этой библиотеки. При сем просим Вас послать нам свою фотографию (но другую, нежели та, которая была в первом числе этого года) и поблагодарить за материалы, из которых бы мы узнали о некоторых эпизодах Вашего артистического творчества, Вашей любви к детям и животным, почему Вы приняли имя Сибиряка? Вы понимаете детей и умеете создавать Вашу русскую литературу для детей. [...] Это книжки и для наших детей, с которыми хотим вкушать все прекраснейшее на свете». Уже в начале 1900-х го-

дов в Чехии знали Мамина-Сибиряка и его «Аленушкины сказки», так что издание 1997 года – это даже не букинистическая книга, а вполне современная, но букинист признал в ней, очевидно, редкое и ценное издание.

Начиная с 1959-го года, когда в одной из комнат поселковой библиотеки в Висиме был создан народный музей, он значительно вырос. После реконструкции здания в 1979-м музей приобрел новый статус – литературно-мемориальный, экспонаты для которого собирали всем поселком. И вот тут-то впору рассказать о самоваре, который сегодня в гостинной комнате дома-музея представляют как подлинную вещь семьи Маминых.

– Когда стали собирать экспонаты по всем сундукам и чердакам, – рассказывает вновь Нина Александровна Отливан, – одна из наших висимских жительниц, Алевтина Петровна Кравченко принесла в музей этот самовар, поведав мне его историю. Ее семья жила в доме между музеем и следующим за ним. А рядом жили Огибенины, они были состоятельные, имели двухэтажный дом. От них самовар при отъезде попал к Алевтине Петровне. А к Огибениным – непосредственно от Наркиса Матвеевича Мамина. Когда он служил священником, то перевел семью Огибениных из кержацкой в православную веру, и в знак этого события подарил своему крестнику Огибенину самовар. Так что он – подлинный.

Но не только самовар стал общей памятью двум семьям. Один из потомков – Владимир Викторович Огибенин, уроженец Висима, уральский предприниматель, много и разнообразно помогает родному поселку: занимается строительством автодорог и благоустройством. А погожей осенью 2005 года пригласил в Висим для съемок известную программу «Играй, гармонь!» созданную первым гармонистом России – Геннадием Заволокиным и продолженную после его внезапной смерти его детьми – Анастасией и Захаром. Огибенин пригласил Заволокиных, чтобы устроить праздник

своим землякам, порадовать их и поддержать народное творчество на родине замечательного писателя, так близкого этому народу и так много посвятившего ему в своем собственном творчестве.

Никто не удивлялся здесь в канун съемок тому, что на улицах поселка ходили женщины в цветных полупальцах и русских кокошниках, в украинских расшитых рубахах и красных сапожках. Съехались в Висим гармонисты со всей Свердловской области, из соседней – Челябинской, из Вологды и Санкт-Петербурга. Событие знаменательное для культурной жизни Урала. И настоящий праздник для тех, кто любит творчество народное и ценит русскую гармонию.

Лучший колорит – съемки на натуре: на Урале настоящее бабье лето, установившееся в октябре. Замер пруд, в зеркальном отражении которого плывут облака и виден четкий ряд деревянных домов, вытянувшихся по противоположному берегу. На этом берегу и снимали местных исполнителей фольклорного ансамбля, представляющих население поселка – кержаков, вятчан и хохлов. Пожилые и молодые женщины в черных кержацких одеждах так естественно заунывными голосами выводили старинную песню, что верилось, будто сейчас они пришли из глухого лесного скита. И откуда только сохранился этот дух староверческий, положивший начало поселку? И уже бодрее подхватывают вятчане, и еще веселее – хохлы.

...Вот уже и солнце, окунувшись в пруду, за холмы закатилось, ушло за «родные зеленые горы». Темнота накрыла Висим. А песни все льются и льются, и звучит переливами гармонь.

В старом деревянном доме, окна которого одной стороной выходят в Европу, а другой – в Азию, горит сальная свеча. За семейным столом читают вслух. Здесь навсегда сохранилось особенное уважение к книге как к предмету высшего духовного порядка, несущего в себе яркую печать таланта и святого труда.

Здесь сформировалась душа писателя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пермская семинария. По Чусовой. «Бойцы». Формирование мировоззрения. Студент петербургских вузов. Репортерская «школа» Волокитина. Попов и Пепко. Первый роман. Отец и сын. Священник Никольского храма. Нижняя Салда. Знакомство с Марией Якимовичной Алексеевой. Дмитрий Петрович Шорин – просветитель Нижнего Тагила. Демидовы и горное гнездо. Тагил и Дмитрий Мамин.

1.

Сколько раз Дмитрий ехал на лошадях по этой ухабистой дороге, петляющей по возвышенностям от поселка Пристань, что находится в месте слияния Чусовой и Межевой Утки до Висима, или шел оставшиеся от Висимо-Уткинского завода девять верст пешком по тропинке, напрямик через лес, чтобы скоротать путь. Эти девять верст он отмахивал с легкой радостью, примечая меняющийся на глазах цвет родных зеленых гор, то обрызганных солнечными лучами, то прикрытых зацепившейся невзначай за холм тучей. Северная погода капризно неустойчива, изменчива и редко радует постоянством.

Теперь Дмитрий ехал в Пристань на лошади вместе со старшим братом Николаем и отцом, который их провожал. Как и всегда, расставаясь с висимским домом и родителями, он испытывал чувство грусти и неуверенности. Только родное гнездо придавало ему внутреннюю силу и питало вдохновением. Даже годы, проведенные в бурсе, не закалили его характер, скорее наоборот – обострили ранимость и чувствительность натуры.

Повозка гроыхала на камнях. Митя задерживал свой теплый взгляд на еловых лесах, вплотную подступивших к староверческим избам Висимо-Уткинского завода, через который шла дорога к Пристани. Он словно прощался со всем этим и пытался навсегда сохранить в памяти и эти коньки кержацких крыш, и заводской пруд, и белую церковь на пригорке, где нес службу его крестный отец Андрей Будрин, и господский дом, где жил знакомый отца, управитель завода. Отца в округе знали все. Митя поднял глаза на Наркиса Матвеевича, ответившего ему заботливым, тревожным взглядом. «Милый папа...» Сердце Мити сжалось, как было всегда при расставании с отцом. Именно эта разлука лишала его почвы под ногами. Воспоминания о тех минутах, когда отец был жизненно необходим, тут же всплывали в памяти. Митя думал о том, что никогда не боялся болеть, и не боялся умереть во время болезни – страх, который испытывают многие дети. Болезнь приносила ему даже некоторое просветление, ведь рядом в такие минуты всегда был отец, и он каждый раз вселял в него силу жизни.

Невольно вспомнилось, как отец плакал вместе с ним, утешая его перед поступлением в бурсу; как два года назад он, Митя, провожал его с межевской пристани, когда отец на шитике отправлялся вместе с Николаем по Чусовой до Перми, сопровождая старшего сына в Пермскую духовную семинарию. Горе Мити тогда было велико. Почему-то именно тогда он впервые почувствовал себя «отрезанным ломтем», хотя до его отправления в Екатеринбург, в духовное училище еще оставалось время, которое он мог провести дома вместе с матерью, младшими братом и сестрой. Но об этом тогда не думалось. Он шел по этой же дороге в Висим, и тоска по отплывшему отцу разрывала сердце. То прощание с отцом вылилось для него в прощание с детством, в попытку осмысления нового жизненного этапа. Взросление началось с горючих слез, лившихся потоком на каменистую почву: «Милый, дорогой папа... Я – отрезанный ломоть». С матерью, провожающей его через несколько дней с попутчиком в

Екатеринбург, он простился сдержанно. Она не плакала, принимая расставание с сыновьями как данность, только долго смотрела вслед уезжающей повозке.

Все эти воспоминания всплывали перед Митей, и он цеплялся за них, лелеял внутри себя, переживая их снова и снова, словно пытаясь таким образом защититься от вновь приближающегося расставания с отцом.

Николай был спокоен. Он уже два года учился в Пермской семинарии и чувствовал в этом плане превосходство над братом.

Был конец августа 1868 года. Чусовая в месте слияния с Межевой Уткой, получившей название от своего прямого назначения – природной межи между владениями Строгановых и Демидовых, текла спокойно и лениво. Это было не ее время года, теперь суда шли в Пермь только по необходимости. И только полубарки. Рабочий сезон на реке завершался. Не то было весной, когда Чусовая принимала на себя сотни барок-коломенок, идущих караванами в Каму и дальше в Волгу, чтобы уральский металл доставить в Россию. Вот тогда-то Чусовая и показывала свой нор, проверяя на стойкость сплавщиков.

А сейчас она нехотя плескалась о борт шитика, снисходительно предоставив людям возможность самим вести судно вниз по течению...

2.

Этой же осенью 1868 года Дмитрий Мамин на основании приемных испытаний поступил на низшее отделение Пермской духовной семинарии.

Духовная семинария – это среднее учебное заведение для подготовки христианского духовенства, по статусу приравненная к гимназии. В учебном заведении бесплатно учились юноши православного исповедания из семей духовенства, хотя принимались и представители других сословий. В семинарии основными считались богословские науки, но в то же время в большом объеме давались и общеобразовательные:

всеобщая русская история, русская словесность, философия, языки, а также точные – алгебра, геометрия, тригонометрия, физика и космография, предполагающая знания об устройстве мира.

Период учебы в семинарии Дмитрия Мамина пришелся на конец 60-х – начало 70-х годов XIX века. Это было время надежд, вызванных великими реформами 60-х годов, основной из которых стала отмена крепостного права вместе с последовавшими за ней преобразованиями во всех сферах жизни. Вслед за отменой крепостного права была проведена судебная реформа, произошли изменения в системе органов местного самоуправления, произведены серьезные нововведения в армии, издан новый университетский устав и проведена реформа печати, смягчившая цензурные требования. Обществу была предоставлена возможность обсуждать политические и социальные вопросы на страницах печатных изданий, в частности, в журналах «Современник» и «Русское слово». Как во все времена, многообещающие перемены будоражили массы, вселяли уверенность в будущем. Свежий ветер, казалось, нахлынувшей вольницы, проникал даже за толстые стены семинарии, где руководство всегда предпочитало устоявшийся консерватизм и незыблемость православной веры.

Именно в такой атмосфере начали проявляться литературные способности Дмитрия Мамина. Помимо того, что он с интересом начал заниматься науками, являющимися гимнастикой для ума – такими как русская словесность, логика, психология, философия, – он еще с большим азартом предавался повальному увлечению семинаристов того времени, написанию длинных сочинений с подражанием тому или иному литературному корифею и с обязательной припиской в конце «Продолжение будет». Это была не просто игра, соперничество на ниве словесности требовало от его участников глубоких знаний литературы, умения анализировать только что вышедшие журнальные публикации, ориентироваться в творчестве классиков и видных литераторов своего времени. При этом под-

ражание корифеям не исключало в сочинительстве и собственной яркой импровизации, что Дмитрия особенно влекло. Тем не менее, преподаватель Соколов, дававший сразу несколько предметов в семинарии – логику, теорию словесности, историю литературы, и не терпевший дилетантизма в науке, за первое сочинение поставил учащемуся Мамину единицу, но при этом сказал: «В таком виде никуда не годится, а дарование чувствуется. Вы должны заниматься литературой. Работайте над слогом, больше читайте». По словам Елизаветы Наркисовны, сестры писателя, Мамин-Сибиряк впоследствии всегда вспоминал Соколова с благодарностью и уважением, признавая, что многим ему обязан¹.

Не все будущие писатели начинают с успеха, скорее, их творческие судьбы преследует странная закономерность, когда к звездам приходится идти через тернии. Писатель не может состояться в одночасье. Даже талантливый и очень удачливый нуждается в определенном багаже знаний, и самое главное – в жизненном опыте, который приходит только с годами. Писательство как деятельность предполагает наличие некоего нравственного запаса прочности, который дается с каждым прожитым днем. Соответствует этому и следующее убеждение Павла Николаевича Серебренникова, соученика Мамина по семинарии: «Дмитрий Наркисович был обязан развитием беллетристического таланта абсолютно себе. Очевидно, он чувствовал, что ему есть что сказать людям, несмотря на неудачу первых писательских опытов»².

А пока семинарист Мамин читал. Литература, выбранная им, поражает разнообразием. Неоднократно перечитывал он любимых классиков, изучал книги по философии, естествознанию, доставал запрещенных в семинарии Белинского и Добролюбова, и увлекался демократическими идеями самого прогрессивного в то время журнала «Отечественные записки».

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 29.

² РГАЛИ, Ф. 316, оп.1, ед. хр. 153.

В первые годы обучения в семинарии Дмитрий Мамин был худощавым юношей. Во всем был примерным учеником, как наставляли его родители дома и в письмах. Чаще всего ему писал отец, и его письма напоминали проповеди священнослужителя о том, как надо хорошо учиться, чтобы вызвать уважение учителей и их расположение, что нужно почитать старших и не поддаваться городским соблазнам. Эти наставления для Дмитрия были святыми, он не мог подвести своего отца. Каждое письмо отец непременно заканчивал словами «преданный тебе (или любящий тебя) твой отец, священник Наркис Мамин».

Дмитрий был прилежен в учебе и поведении. В семинарии стали проявляться и его замечательные способности и феноменальная память – качества, очень ценные для писателя. Его соученик Евлампий Бирюков, готовивший себя к карьере священнослужителя и не друживший близко с Дмитрием Маминым, тем не менее, отмечал его незаурядные способности: «Заданные уроки по известным предметам никогда не учил по книгам. Придет в класс, прочитает урок по учебнику и готово. Сочинение на заданные темы всегда писал в день подачи его. Бывало, спросишь его: «Дмитрий Наркисович, сочинение написал к сегодняшнему дню?» – «Какое?». Скажешь, такое-то. Берет бумаги, чернил, садится за парту. Пишет прямо набело под шумок товарищей и выходит отличное сочинение. Напишет кратко, сжато, в немногом выскажет всю суть темы. Очень много читал из русской и иностранной литературы дома. Был начитан по разным специальным наукам»¹.

В эти же годы Дмитрий отличался некоторой щеголеватостью в одежде и манерах, трудно было заподозрить, что он из семьи небогатого священника, однако, манеры не мешали ему в общении со сверстниками, где он был прост, ценил шутку и юмор, но мог отличиться и едким сарказмом. Был хорошим собеседником, умел рассказывать ярко и образно. Спо-

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 41.

рил горячо, на все имел свою точку зрения, которую не навязывал другим.

В годы обучения в семинарии Дмитрий начал заниматься репетиторством, имел уроки в богатых семьях Перми, так как рассчитывать только на средства родителей он не мог. Из заработанных денег покупал и дорогие книги. К тому же он «стоял на своих хлебах», то есть жил на квартире, в отличие от семинаристов-сирот, которые жили при семинарии. За квартиру надо было платить шесть-семь рублей в месяц. Да еще на собственное содержание уходило столько же. Жизнь на квартире, кроме финансовых затрат, имела и другие минусы. Только в 1869 году, с начала учебного года и до декабря, Дмитрию вместе с товарищами пришлось сменить три квартиры. Хозяин первой крад у семинаристов провизию, на второй было холодно. Наконец была снята третья квартира – напротив архиерейских конюшен и наискосок от консистории.

Холод в квартире не шел на пользу Дмитрию. В первые годы обучения в семинарии, 1868-1870, он чувствует неопределенную боль в груди. В письмах к родителям несколько раз сообщает о том, что не ходил в семинарию по причине боли в груди, или радуется им тем, что боль стала меньше, однако подолгу сидеть, наклонившись еще трудно.

Но не только болезнь становится причиной его пропусков и сниженных оценок по поведению. Несмотря на общее прилежание в учебе, Дмитрий со временем начинает задумываться о качестве образования в семинарии. У него вызывает вопрос: почему в учебном заведении открыли класс гимнастики, а музыки и живописи нет? Он самостоятельно купил за рубль на толкучке скрипку и стал учиться играть. Не удовлетворён он и тем, что в начале учебного 1869-го года в течение двух месяцев вся семинария учится без учебников, и он видит в этом неправильные действия руководства. Искренне радуется открытию читального зала для семинаристов, где можно посмотреть новые журналы «Пермские епархиальные ведомости» и «Пермские губернские ведомости». С первым журналом он был

связан собственным интересом. В № 40 за 1869 год выходит статья Наркиса Матвеевича Мамина «Тридцатилетнее существование училища в Висимо-Шайтанском заводе», о публикации которой Дмитрий лично хлопотал. В этом же журнале в апреле 1870 года печатается и сообщение о смерти дьякона Екатеринбургского уезда Горнощитского села Семена Стефанова, «дедоньки», горячо любимого братьями, Дмитрием и Николаем Мамиными. И, возможно, имеющего не последнее отношение к таланту Дмитрия. Будучи сам в прошлом семинаристом, Семен Степанович отличался своими сочинениями, которые писал на царившем тогда в учебном заведении латинском языке.

С каждым месяцем обучение в семинарии все больше и больше не удовлетворяет пытливого и жадного к знаниям юношу. Своим недовольством Дмитрий часто делится с родителями в письмах к ним. Особенно испытывает потребность обсуждать эти темы с отцом и пишет ему в марте 1870 года о своем недовольстве семинарскими занятиями, о желании перейти в реальное училище, чтобы в будущем служить заводскому делу.

«У меня к Вам есть большая просьба: узнать программу реального тагильского училища всех классов, потом узнать, можно ли поступать из реального училища в технологический институт или в другое высшее заведение.

Если можно поступать куда, то с экзаменом или без экзамена?

Узнавши все это хорошенько, Вы порассудите, нельзя ли мне тут поступить, и, главное, имейте в виду вот что: чтобы был верный кусок хлеба, а то ведь теперь мы эфирами разными набиваем голову ну, а как придется с эфиров в канцелярию спуститься, сквернейшая будет штука. Прежде ладно было: кончил курс и поп, а нынче не то, заранее куда-нибудь надо себя готовить. Рассудите теперь, к чему это нас готовят? Хотя и много шумели о преобразовании семинарий, но в сущности пользы немного. Что, например, я приобрел в 4 года учения? И что впереди

мне предстоит, я не знаю и Вы также, а надеяться на авось – самая плохая штука. В реальном же училище я, получив основательные знания по заводской части, не пропаду, а если попаду в технологический институт, то во всяком случае выйду никак не хуже какого-нибудь университа́нта, который, вышед из университета, скрипит где-нибудь за те же 15 р. Теперь наше положение в семинарии можно сравнить с положением ребенка, которому говорят, что белое совсем не белое, а черное, потому что святые отцы выкапывают всякую мертвечину, рухлядь никуда не годную и заставляют нас ее заучивать как что-то путное; время самое годное для приобретения знаний почти на всю жизнь, время, которым мы должны бы дорожить, у нас пропадает на заучивание мертвечины. [...]. Неужели Вам хочется лучше получить из меня такого же губителя молодых умов, как наши реди́пты-наставники, чем честного и трудолюбивого заводского человека?

Право, я не знаю, что Вы ожидаете от меня, если оставляете в семинарии? Ведь она много ли мне дала пользы-то; от труда она всякого отучит, а чему хорошему научит? Если чего ожидать от нее, то это только физики в 4 классе и математики, а то ведь психология, философия и прочая дребедень умного человека с ума сведет. [...]. Оставляю Вам решить мою будущность, – я верю тому, что Вы говорите, потому что более и лучше всего научит сама жизнь.

Ответ на это письмо напишите как можно скорее: от этого я могу много потерять»¹.

Это письмо – не просто просьба к отцу, не только обращение к нему за советом, это – попытка осмыслить положение вещей, и в частности, что представляет собою подготовка священнослужителей, а также свое собственное предназначение, которое Дмитрий, судя по письму, никак не связывал с церковной деятельностью. Более того, он возмущен «рухлядью и мертвечиной», что откапывают святые отцы, о чем и пишет отцу с едким сарказмом. Как мог воспринять

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 331–332.

такое послание сына мудрый Наркис Матвеевич? Скорее всего, зная всю подноготную семинарии изнутри, он понимал мотивы недовольства Дмитрия, но все же желал того, чтобы сын окончил учебное заведение, что позволило бы ему иметь необходимое для дальнейшей жизни среднее образование.

Из собственных достижений этого года Дмитрий отмечает, что научился читать и писать по-немецки. И, конечно, по-прежнему радует его чтение. Библиотека семинарии его не удовлетворяет, хотя именно здесь он получает «Русскую историю» Карамзина, но в большинстве читает литературу вне стен семинарии и выписывает сам. В октябре 1869 года имеет тройку по поведению, так как не был два раза в церкви, отдав предпочтение чтению книг серьезного содержания по естествознанию.

Ходит в театр, следит за театральным сезоном в Перми и не остается в стороне от устройства театра в семинарии. Начальство на эту инициативу вроде бы смотрит «сквозь пальцы», а создание газеты «Семинарский листок» тут же берет под собственный надзор.

Обучение и жизнь в губернском городе требуют постоянных расходов. И хоть Дмитрий всегда помнит заповедь отца о прихотях и экономно использует средства, с сожалением признается родителям, что расходы на его обучение в 1870 году составили, как и в прошлом, сто семь рублей серебром, – «я беру почти половину Ваших доходов»¹. В июле 1870 Дмитрий Мамин переведен в 3-й класс по первому разряду со средним баллом «4».

3

До Перми в те годы проще всего было добраться, сначала спускаясь вниз по Чусовой, потом от ближайшей пристани Левшина или Кына на лошадях доехать до губернского города. Елизавета Наркисовна Мами-

---

¹ По материалам из фондов Объединенного музея писателей Урала.

на-Удинцева вспоминала: «Еще семинаристом Дмитрий несколько раз проехал Чусовую. Брат мой Николай Наркисович припоминает, например, две таких поездки с Дмитрием Наркисовичем. Одна продолжалась целую неделю. Доехали до Левшина, оттуда на лошадях в Пермь. Другой раз они ехали вместе в августе с так называемым «летним караваном». Плыли на полубарке с демидовской медью без весел по течению воды... Брат очень любил Чусовую и часто рассказывал всем нам о своих чусовских впечатлениях»¹.

Путешествовал Дмитрий Наркисович вверх и вниз по Чусовой в 1868, 1869 и 1870 годах. А также несколько раз с 1878 по 1882 годы, о чем позже вспоминал в своей автобиографии. Чусовая – левый приток Камы, одна из самых живописных рек Урала. Особенность ее состоит в том, что берет она свое начало на восточных склонах Уральского хребта, в азиатской части, пересекает его и в основном течет по западному отрогу гор, дважды переходя из современной Свердловской области в Пермский край. Это единственная река, которая течет из Азии в Европу. Колорит и характер Чусовой во многом определяют многочисленные скалы, называемые часто, особенно в народе «камнями», расположенные в тех местах, где река пересекает горные цепи. Все камни имеют названия, а особо опасные для судоходства называют «бойцами». Немало по течению реки порогов и перекатов. Такая геология русла определила и трудный нрав реки, особенно проявляющийся во время весенней воды.

До постройки железной дороги на Урале в начале XX века Чусовая была главной транспортной магистралью, по которой уральский металл перевозился в европейскую часть. Каждую весну вместе с половодьем и спуском воды из Ревдинского водохранилища «железные караваны» барок-коломенок отправлялись от пристаней в верховьях Чусовой до Перми. Но не все добирались до назначенного пункта. Сплав тяжелых барок был очень опасным занятием, многие

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С.27.

из них разбивались о «бойцы». Удачно провести караван могли только опытные сплавщики – лоцманы, хорошо знавшие характер реки, умеющие управлять судном. Одним из самых опасных камнем считался Разбойник, о который только в 1877 году разбилось двадцать три барки и при этом утонуло свыше сотни сплавщиков.

Вместе с караваном плыли и бурлаки, которые грузили судно, снимали его с мели или таща, подводного камня, куда барку выкидывало силой течения. Для сохранности груза горнозаводчики пытались снизить риски сплава, для чего взрывали наиболее опасные скалы, сооружали заплавни, смягчающие удары; пускали за борт тяжелые чугунные слитки с шипами для снижения скорости судов при быстром течении. Но все эти действия не исключали риска полностью, Чусовая не терпела пеленания и выказывала свой гордый, свободолюбивый нрав на каждом пороге, у каждого камня. Своей непокорностью, дикостью и первозданностью привлекала она художественную натуру Дмитрия Мамина. Неприрученная река, воспетая им позднее за свой неумный характер, словно благословила его на литературный путь. После многочисленных попыток, продолжающихся почти в течение десяти лет, опубликовать свои произведения в серьезных, признанных изданиях, Дмитрий Наркисович наконец-то, увидел свой первый рассказ «В камнях» напечатанным – в марте 1882 года, в «толстом» журнале «Дело», под псевдонимом Д. Сибиряк. Рассказ был посвящен путешествиям по Чусовой. И тут словно прорвало плотину. Д. Сибиряка стали печатать один «толстый» журнал за другим – очерки, рассказы, романы. Он прокладывал в литературе свой – каменистый путь. Свое русло. О том, что это было нелегко, можно судить по отношению автора к своему первому опубликованному рассказу, о чем он писал 21 марта 1882 года в письме матери: *«16 марта прочитал свой первый напечатанный в толстом журнале рассказ, – давно желанная мечта, которая напомнила мне только об одном, – что этот рассказ еще лепет литературного*

ребенка, не больше»¹. Самокритично. В то время как автору было уже тридцать лет...

В рассказе «В камнях», основанном на личных впечатлениях семинариста Дмитрия Мамина во время путешествий по Чусовой, уже четко виден публицистический стиль автора, который будет присутствовать во многих его произведениях. Однако в этом рассказе он еще отчасти – романтик, и Чусовую воспринимает почти с мистическим преклонением. *«Берега, мимо которых плыла наша барка, представляли великолепнейшую панораму гор и высоких скал; река прорыла между ними глубокое русло, обнажив каменные стены. [...] Форма этих скал самая разнообразная, и можно только удивляться, как еще держатся некоторые массы камней, – они уже наклонились и, кажется, готовы ринуться в реку, которая сосет их. В некоторых местах так и кажется, что эти скалы не игра слепого случая, а результат работы разумных существ: вот правильно заложенная стена, вот фундамент какого-то здания, угол дома, легкая башенка, смело поднятый свод... Иллюзия настолько сильна, что глаз различает даже отдельные кирпичи, из которых возведены эти дворцы, башни и стены. На вершине некоторых скал лепится несколько почерневших и покосившихся крестов...»*².

В дальнейшем Чусовая будет описана Дмитрием Наркисовичем и в других произведениях: «Не задалось», «Отрезанный ломоть», «Русалки», «На реке Чусовой», «Вольный человек Яшка». Но самым издаваемым станет очерк «Бойцы», над которым автор работал как над серьезным романом, в течение многих лет. Впервые очерк весеннего сплава «Бойцы» был опубликован в седьмой и восьмой книгах журнала «Отечественные записки» за 1883 год, что стало событием, отделенным от пермского периода обучения более чем десятью годами. Да еще какими – борьбой за выживание в столицах, борьбой за получение высшего образования, борьбой за публикацию собственных произведений. Тогда почему же, спустя десять лет, он на-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 1. С. 418.

² Там же. Т.1. С. 145.

чинает творческий путь с возвращения... на Урал, в прямом смысле к истокам реки Чусовой? Лучший ответ на этот вопрос дает сам Дмитрий Наркисович в автобиографии, написанной им в Москве во второй половине 1880-х годов от третьего лица для публициста Александра Пругавина и опубликованной в журнале «Новая жизнь» в 1913 году. *«Впечатления раннего детства, встречи и столкновения во время каникул, знакомства на охоте, затем путешествия вверх и вниз по р. Чусовой, странствования по приискам и заводам – все это теперь дополнялось новыми наблюдениями, знакомствами и личным опытом. Нужно было долго пожить вдали от родины и потолкаться среди разного чужого люда, чтобы окончательно выяснить себе то, чем отличалась жизнь уральского населения. За внешними формами выступило глубокое внутреннее содержание, обуславливавшееся историей Урала, его разнообразными этнографическими элементами и особенно богатыми экономическими условиями»*¹.

В «Бойцах» Дмитрий Мамин-Сибиряк – реалист, быть может, больше, чем в других своих произведениях. Картина весеннего сплава на Чусовой им дана не просто реалистично: за подробностями, деталями, обобщениями мы чувствуем автора-репортера, который общается с читателем, что называется, с «места события». Сначала он вместе со всем простым людом ждет ледохода у пристани в Каменке, потом, когда «вода пошла», подвергаясь опасности наравне со сплавщиками, сполна разделяет все тяготы опасного и захватывающего пути, посвящая во все его перипетии своего читателя. Очерк представляет художественное полотно стихии – сорвавшейся с гор Чусовой. Автор беспристрастно, будто даже безо всякого сочувствия, рисует картину бурлацкого существования. Самыми бедными из бурлаков были крестьяне, пришедшие на Урал в поисках заработка за тысячу верст от своих пашен, быть может, только для того, чтобы умереть в холодных водах Чусовой. Другой вид бурлаков – заводские мастеровые, характерная черта горнозаводского

---

¹ Новая жизнь. 1913. № 1.

Урала. И высшая каста – сплавщики-лоцманы, виртуозы сплавного дела. Такие наперечет. На страницах очерка каждому отведено свое место, у каждого – своя роль. Гармонично дополняя и раскрывая друг друга, они показывают характер уральского человека, вписанный в горнозаводской уклад жизни, важную роль в котором занимает весенний караванный сплав. Персонажей на барках много. Автору-репортеру интересен каждый. Судьбы женщин и мужчин, оказавшихся вместе на сплаве, пересказанные им, складываются в один эпический образ народа. Образ – не идеализированный, пугающий своей дикостью, пьянством и склонностью к воровству, но подкупающий правдивостью. *«Берега гавани всплошную обставлены деревянными магазинами для склада металлов, строившимися и совсем готовыми барками... Весь берег был залит народом, который толпился главным образом около караванной конторы и магазинов, где торопливо шла нагрузка барок; тысячи четыре бурлаков, как живой муравейник, облепили все кругом, и в воздухе висел глухой гул человеческих голосов, резкий лязг нагружаемого железа, удары топора, рубившего дерево, визг пил и глухое постукивание рабочих, конопативших уже готовые барки, точно тысячи дятлов долбили сырое, крепкое дерево. И над всей этой картиной широкой волной катилась бесшабашная бурлацкая «Дубинушка», с самыми нецензурными запевами»¹.*

Известный критик конца XIX – начала XX века Елена Колтоновская указывала на то, что очерк «Бойцы» – «с очень ярким уральским колоритом и глубоким народным содержанием. [...] Внутренний драматизм соединяется у Мамина с удивительной внешней простотой рассказа. Он не делает отступлений и тенденциозных рассуждений в духе писателей-народников. Народная «правда» сказывается сама собой — совершенно стихийно, как будто Мамин носил ее в себе самом»².

Эпическую картину сражения человека с природ-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 4. С. 6–7.

² Колтоновская Е. В стороне от основного русла // Вестник Европы. 1913. № 2.

ной стихией дополняют исследования по геологии и географии, привнесенные писателем как будто бы не извне, не из дополнительных источников, а естественно вписанные прямо во время сплава. Также как и экономические выкладки по целесообразности использования сплава для транспортировки металла «в Рассею». Вывод напрашивался один – экономически нецелесообразно. Хотя даже если лишь треть барок доходила до места назначения, горнозаводчики в накладе не оставались, но сколько при этом металла оставалось на дне Чусовой, сколько новых крестов, оповещавших о неизбежных смертях, поднималось на скалах! Впрочем, жизни человеческие считали в последнюю очередь – главное, чтобы их хватило довести барку и разгрузить металл. *«Теперь пристань походила на громадное поле убиенных, которые там и сям лежали кучками. Ближе эти кучки превращались в груды лохмотьев, из которых выставлялись руки, ноги и головы. Спавшие люди виднелись везде, под малейшим прикрытием: под навесами изб, на завалинках, за углами, а то и просто на бугорке, который солнце за день успело просушить и нагреть. Ни дать ни взять – настоящее поле убиенных, на котором не успели даже хорошенько прибрать трупов, а просто для порядку стаскали их в несколько куч»*¹.

Но тут же народ у Мамина и другой. Вернее такой, как он есть на Руси – со своей противоречивой, никому не понятной душой. И к реке-убийце он относится как к реке-кормилице и поклоняется ледоходу, как некому таинству. *«Все, что было живо и не потеряло способности двигаться, высыпало на берег. В серой однообразной толпе бурлаков, как мак, запестрели женские платки, яркие сарафаны, цветные шугаи. Ребятишкам был настоящий праздник, и они метались по берегу, как стаи воробьев. Выползли старые-старые старики и самые древние старушки, чтобы хоть одним глазом взглянуть, как нынче взыграла матушка Чусовая»*².

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 4. С. 31.

² Там же, стр. 42.

Главный герой очерка, сплавщик Савоська, в котором «было что-то совершенно особенное, начиная с того, что он держал себя с тем неуловимым тонким тактом, с каким держат себя только настоящие умственные мужики», вызывает симпатию и своей смелостью, и высочайшим умением водить барки, и гуманным отношением к бурлакам. Его природная сила и красота словно противостоят природной силе и красоте самой Чусовой. Но Савоську нельзя назвать положительным героем из-за его внутренней драмы, из-за той надломленности души, которая после опасного пути непременно приведет его в кабак, где он до копейки спустит все заработанные рубли. И во хмелю запоет и заплачет, и расскажет постороннему человеку о том, что была у него любовь, и жена, и дом с достатком, но случился грех – убил он случайно человека, и человек-то разбойником был, да только все с тех пор пошло в жизни иначе – и жена умерла, и дома не стало, и покойник убиенный душу не отпускает, и покаяния не наступает. И от безысходности этой Савоськиной тысячу вопросов новых возникает, на которые уже не будет никогда для него ответов. Внутренняя надломленность героев – одна из едва ли не главных черт литературных образов Мамина-Сибиряка, причину которых, скорее всего, надо искать в его собственной душевной надломленности и личной внутренней трагедии.

Оголять человеческую суть – эту особенность как писательскую манеру подмечали в творчестве Мамина его современники. Литературовед, представитель демократической критики конца XIX – начала XX веков, Евгений Аничков считал «Бойцы» «одним из блестящих очерков г. Мамина». «Автор «затих» перед картиной сплава: он весь отдался созерцанию, и тогда перед ним открылись все его внутренние особенности, все сложные и своеобразные перипетии сплава [...]. Расписав сплав по реке Чусовой всеми переливами романтических красок, т.е, так, как издали рисовало все это воображение, воспаленное мечтами о красоте родного края, г. Мамин, однако, вовсе не скрывает оборотной

стороны этого красивейшего зрелища. Он вовсе не рисует свой Урал какой-то вожденной страной радостей. Напротив «типичная красота» не боится борьбы тьмы со светом. Она гораздо более боится всего сладкого и прикрытого минорным украшением или неискренним замалчиванием. [...].

Сурова жизнь уральца, как сурова жизнь и вообще русского мужика, сурова и страшна. Зверское отношение и зверские нравы г. Мамин не скрывает и не замалчивает этого. [...] «Типичная красота», требовавшая игры света и тени, требовавшая того, чтобы вся жизнь уральского люда выразилась в описаниях не только целиком, но и выпукло, в своих самых сильных проявлениях, привела затихшего перед созерцанием его г. Мамина и к особому раздумью. Он вдумался в игру света и тени, и она представилась ему, если не гармоничной, то все-таки стремящейся стать таковой»¹.

В Государственном архиве Свердловской области среди прочих рукописей Мамина-Сибиряка хранятся несколько вариантов очерка «Бойцы». Самая первая под названием «Легкая рука» на первом листе имеет надпись-автограф писателя: «Первоначальная редакция «Бойцы» – писана в 1874-1875 гг.»². Здесь же хранится и окончательный или один из последних вариантов рукописи, прикосновение к которой стирает всякую грань во времени. Страницы тетради в линейку исписаны ровным бисерным почерком. Надо сказать, что почерк Дмитрия Наркиссовича, как и многих его современников, для нас, живущих в XXI веке, зачастую малоразборчив. Стил, манера письма отличались от того, что привычным считаем сегодня мы. Но эта рукопись выполнена с особой тщательностью, что позволяет предполагать об одном из чистовых вариантов. На первой странице выведено название «Бойцы» с подзаголовком «Очерки весеннего сплава». И эпиграф «Ой, дубинушка, ухнем!..». Части помечены римскими

---

¹ Аничков Е. Мамин-Сибиряк // Мир Божий, октябрь 1905 г.

² ГАСО. Ф. 136, оп. 1, ед. хр.1

цифрами, номера страниц вверху простым карандашом. На всем протяжении четко выделены диалоги. Правка внесена аккуратно и согласно всем правилам подготовки текста, что дает наглядное представление о том, как работал автор. На поля вынесены отдельные слова, требующие вставки или замены слова в предложении. Иногда несколько страниц подряд идут совсем чистыми, и тогда представляется, как автор, выносив внутри себя содержание, быстрым мелким почерком покрывает страницы тетради. А вот он задумался, отложил перо или впоследствии перечитав написанное, зачеркнул целую страницу. Но таких страниц немного. В основном все дополнения и изменения вписаны рядом на полях простым карандашом, ровным столбиком сверху вниз. Каждая глава начинается с новой страницы. Внизу даны сноски слов, которые, по мнению автора, требуют объяснения, чаще всего из уральских диалектов, такие как «кислы» – проквашенная мелкая капуста или «лопотина» – верхняя одежда.

Ощущение от чтения рукописи совсем иное, нежели от чтения книги. Оно сродни чувству присутствия в момент создания произведения. Так и видишь писателя, склоненного над тетрадью в линейку, с быстробегающим пером в руке, на случай правки рядом лежит остро отточенный простой карандаш, тут же рождающиеся чернильные строчки складываются в удивительный образ разбушевавшейся стихии. *«Нахлынувший вал поднял лед, как яичную скорлупу; громадные льдины с треском и шумом ломались на каждом шагу, громоздились одна на другую, образуя заторы, и, как живые, лезли на всякий мысок и отлогость, куда их прибивало сильной водяной струей. Недавно мертвая и неподвижная река теперь шевелилась на всем протяжении, как громадная змея, с шипением и свистом собирая свои ледяные кольца»*¹.

Известный исследователь творчества Мамина-Сибиряка А.И. Груздев, отдавая предпочтение при написании «Бойцов» личным впечатлениям автора, указывает и на то, что многие технические и исторические

---

¹ ГАСО, Ф.136, оп. 1, д. 12.

сведения заимствованы им из литературных источников, среди которых выделяет статью «Сплав по реке Чусовой», опубликованную в 1880 году в журнале «Русская речь», что подтверждает подробный конспект этой статьи, сохранившейся среди рабочих записей Мамина-Сибиряка. Все эти свидетельства говорят в пользу того, что к написанию очерка писатель подошел основательно. Только против своего обычая в завершении этого варианта рукописи он не оставил даты и подписи, однако конец произведения полностью соответствует опубликованному: *«Через полтора года я прочел в газетах заметку о крестьянине Севастьяне Кожине, который сам явился в ...ской суд и сознался в убийстве. Это был Савоська. Присяжные вынесли ему оправдательный вердикт. Компания «Нептун» через год ликвидировала свои дела, заплатив своим акционерам по пять копеек за рубль»*¹.

И еще один момент, обращающий на себя внимание при изучении рукописи «Бойцов», во всем тексте, явно после его написания название реки Межевая Утка – одно из мест, где происходят действия перед сплавом, зачеркнуто, а сверху написано Каменка. Истинное название автор заменил на вымышленное. Почему? Быть может, чтобы избежать столь явной конкретики. Хотя в историческом плане он определяет его вполне однозначно. *«Таким образом, основание Каменки предупредило на несколько лет знаменитый поход Ермака, и эта пристань долго еще служила Строгановым опорным пунктом в борьбе с соседями»*².

Таким образом, писателю удалось порядком запутать исследователей его творчества. Учитывая тот факт, что гораздо выше по Чусовой на самом деле находилась пристань Каменка, откуда также отправлялись барки с демидовским железом, долгие годы считалось, что в «Бойцах» описана именно эта Каменка. Наверное, Дмитрий Наркисович не сильно погрешил

---

¹ ГАСО, Ф.136, оп. 1, д. 12; Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 4. С. 120

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 4. С. 37.

против истины, так как Каменку отличает такой удивительный колорит, что и столетия спустя Свердловская киностудия снимала здесь несколько исторических фильмов, в том числе известных «Демидовых» Ярополка Лапшина. А различные краеведческие источники указывают на то, что на одном из старых домов села находится мемориальная доска в память о том, что отсюда с караванами спускался по реке писатель Мамин-Сибиряк.

Сегодня Каменка – это дачное село писателей, художников, скульпторов и других представителей творческой интеллигенции Екатеринбурга. Раскинулось оно на левом берегу – Чусовой и берегам Каменки, перегородженной плотиной у самого ее впадения в Чусовую. Высокие скальные берега сполна оправдывают название села. На этих камнях до сих пор сохранились почерневшие декорации деревянного «демидовского» острога. У самого высокого камня на берегу – старое здание, в котором находится магазин, по своему месту расположению, скорее всего, и похожее на бывшую пристань, но мемориальной доски на нем нет. С сомнением осмотрев остальные дачи-новоделы, приходим к выводу, что вряд ли они могут претендовать на подобное назначение. Возвратившись к старой «пристани», встречаемся на дороге с художником Свердловской киностудии Валерием Игнатьевичем Куценковым, который живет в Каменке на правах старожила:

– Мемориальную металлическую доску с именем Мамина-Сибиряка помню, она в 60-70 годах XX века появилась на стене вот этого дома, ближе к углу, – указывает он на магазин, подтверждая нашу догадку. – В демидовские времена здесь была пристань. А в 90-е годы с вполне конкретными намерениями доску сняли вандалы. Больше ее не восстанавливали, на стене только след остался. Мы в те годы делали съемки по берегам Чусовой, и я эту доску хорошо помню. Поезжайте в Нижнее Село, здесь недалеко, дорога приличная, там камни изумительной красоты.

Все оказалось правдой: и дорога хорошая, и Нижнее Село недалеко, и камни, составляющие основную

красоту чусовских берегов, тянущиеся прерывающимся утесистым гребнем – точь в точь, описанные Маминым-Сибиряком, «сродни колоссальным стенам какого-то средневекового города» или выпирают отдельными скалами, «точно зубы гигантской челюсти»¹. Эти «челюсти» камня Шайтана величественно и спокойно отражаются в темной воде Чусовой, миллионы лет прокладываящей себе путь сквозь горный хребет. Не привыкшая к спокойствию река и в разгар лета крутит струями течения и, не обращая никакого внимания на усилия гребцов, выбрасывает на повороте к берегу надувные плоты сплавщиков. Как же вели здесь огромные караваны тяжелых барок! Своенравность Чусовой проявляется и в ее извилистом русле. Если взглянуть на карту сверху, то оно напоминает огромную змею, неоднократно почти свернувшуюся в кольца и выделяющую различные зигзаги, растянув все эти изгибы тела на бесконечном пространстве. Каким же мастерством надо было обладать лоцману, чтобы провести судно по этому лабиринту!

Напротив камня Шайтан в Нижнем Селе, расположенном по течению ниже Каменки, находилась еще одна демидовская пристань. Караваны спускались по реке с разных точек по ее течению, но шли все к одной цели – Пермской пристани и Каме.

Другое интересное село, Трёка, находится еще чуть ниже по течению и располагается на правом берегу Чусовой, в устье правого притока реки Трёки и словно на полуострове. От «большой земли» и дороги Трёку отделяет Чусовая, пройти в село можно по висячему мосту, а проехать только вброд по малой воде, которая бывает здесь редко. Над мостом красноречивая надпись на металлической пластине: «Трёка, 1728 год. Добро пожаловать, люди добрые!» Так и хочется добавить: «Без машин и оружия». Не конкретно о Трёке, но о местах, подобных ей, писал Дмитрий Наркисович о том, что на сплошной зеленой пустыне Чусовой человеческое жилье является приятным исключением, на протяжении шестисот верст – несколько заводов, до

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 4. С. 66.

десятка больших пристаней и несколько красивых сел. Да и те расположены особенно: *«Высыплет на низкий мысок десятка два бревенчатых изб, промелькнет полосу огороженных покосов, и опять лес и лес... Здесь воочию можно проследить, как и где селится русский человек, когда ему есть из чего выбирать»*¹. Сложно сегодня представить, из каких соображений поселился русский человек в отрезанной от мира Трёке, где висячий мост появился в 70-х годах XX столетия, а прежде до села можно было добраться только вплавь по Чусовой. Трудно определить и этимологию слова, давшего сначала название реке, а потом и появившемуся поселению. Произошло ли оно от известного «трёкать» языком или менее известного «трёкнулся», что в своих «Бойцах» объясняет Мамин-Сибиряк как «отрекся», «отказался»? Судя по тому, что места эти издавна слыли старообрядческими, и даже путь пролегал через Трёку к святым могилам старообрядческих старцев, что были на Веселых горах, то, возможно, и второе, хотя профессор А.К. Матвеев, знаток уральской топонимики, придерживается первой версии². История сохранила и факт победы у берегов Трёки одного из отрядов Емельяна Пугачева в сражении с правительственными войсками, и следы золотоносных мест и действующих здесь приисков по руслу реки. В окрестностях Трёки на правом берегу Чусовой возвышается один из самых больших «бойцов» – камень Высокий, достигающий тридцати метров вверх, о который раньше нередко бились «железные» барки. Мощь и красота этого камня вдохновила к творчеству известного художника и друга Мамина-Сибиряка – Денисова-Уральского, написавшего картину «Камень Высокий». В общем, Трёка – истинно село из маминских рассказов, где до сих пор хранят русские сарафаны, пьют чай из самоваров и празднуют Ивана Купалу. Время над селом застыло, и лишь течет, омывая его, Чусовая.

---

¹ Там же. С. 67.

² Матвеев А.К. Географические названия Свердловской области. Екатеринбург: «Сократ», 2007. С. 195.

Судя по карте, много ниже по течению впадает в Чусовую Межевая Утка, а у слияния двух рек стоит село Усть-Утка, бывшая Пристань, где происходят действия, описанные в «Бойцах». Всего тридцать с небольшим километров отделяет родной поселок Мамина – Висим, от бывшей Приistani, а дорога, как и прежде, сказочно красива и проходит по таким местам, что глаз не оторвать.

День сегодня облачный, дождливый. Реки в середине июня полноводны и бурчливы: еще не прогнали весенние талые воды, как тут же налились проливными дождями. Зелень сочная, с переливами до изумрудного оттенка, травы напоенные и шелковистые. Дождь то учащается, то мгновенно перестает, словно сраженный вытянутым лучом солнца, выстрелившим откуда-то из низких туч. У горы Белой, погрузившейся в молочное марево, из затопленных пойм разлившейся реки, словно из воды поднимаются березовые острова. Почти как в Финляндии, где часто отдыхал Мамин-Сибиряк, но так и не полюбил ее природу за скудность. Но наши березки даже в воде смотрятся бодрее и увереннее и, в отличие от финских, не вызывают к себе жалости.

В стороне остается Висим, дорога поднимается в гору. Теперь здесь асфальт, и подъем почти незаметен. Вот и Висимо-Уткинск. И тут же забываешь об асфальте, Интернете и вообще о том, что на дворе XXI век, понимая: все здесь было так и при нем. В то время, когда мальчик Митя в 60-х годах XIX века с грустью ощутил себя на этой дороге «отрезанным ломтем», и когда семинаристом в 70-х ехал с братом к Чусовой, и когда возвращался на каникулы из Перми домой. Время замерло в выстоявшем, но пострадавшем от социальных потрясений храме, где некогда служил Андрей Будрин, в заводской плотине, перегородившей течение Межевой Утки и особенно в кержацких домах из темных, крепких срубов, основательно поставленных лет сто пятьдесят, а то и больше, тому назад на скалистых возвышенностях или у самой границы подступающего леса. Вот эти дома – с тремя коньками,

с погребями, крытыми теми же покатыми крышами, выступающими над самой землей, со старыми колодцами, резными воротами и небольшими оконцами – самое красноречивое свидетельство того, что время – понятие относительное, как и определение «старина», так часто используемое Маминым в произведениях. Особый контраст этой старине придают белые цветы буйно разросшейся таволги. И они же создают гармонию с почерневшим от времени и влаги деревом домов.

От Висимо-Уткинска до Усть-Утки остается чуть больше двадцати километров. Дорога идет сквозь густой намокший лес, как и полтора века назад, пугающий и манящий своей дикостью. Усть-Утка образована в 1579 году как крепость, защищающая владения Строгановых от башкирских набегов. В XVIII веке Демидовы построили здесь уже известную нам пристань, куда в течение зимы свозили продукцию со всех демидовских заводов, а весной отправляли по большой воде. Спускаемся к реке мимо дома с вывеской «Пристанская контора», вероятно, сохранившей это название благодаря туристам-сплавщикам, давно облюбовавшим это место для своих походов. Истинное название поселка далеким эхом ушедших лет отзывается и среди жителей местной округи, особенно проявляется это в принадлежности к поселку: «наш пристанский» или другое – «родом из Пристани».

И вот оно слияние двух рек, вот рукав Межевой Утки входит в Чусовую, чтобы дальше идти единым мощным потоком. И вспоминаются строчки «Бойцов» – *«На стрелке, где Утка сливалась с Чусовой, стояла караванная контора, и был устроен громадный шлюз, за которым строились и оснащались барки-коломенки. Весной, во время сплава, эта пристань жила самой кипучей жизнью, а потом точно засыпала на целый год. Меня удивляло больше всего то, что дальше с этой пристани не было никакой колесной дороги, точно здесь кончался свет»*¹.

Баржи-коломенки спускались на большую воду по целой системе каналов и затонов. Рукотворным сим-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 200.

волом времени в этом месте стал памятник Единению России, установленный в 2006 году, где на мраморной глыбе высечены фигуры бурлаков с баркой на Чусовой, на памятной доске в виде геральдического щита выбита надпись «Единению России и памяти предков,ковавших могущество Уральского края, посвящается».

Дождь перестал хлестать без того беспокойную Чусовую. Мутные облака, почти крадучись, цепляясь за макушки вековых деревьев, покрывающие холмы и сопки, ползли между выступающих вершин, местами так же вкрадчиво покидая возвышенность, сплетаясь с космами туч и вязко вытягиваясь за ними кверху. Тут же, прорвав все это бесноватое нагромождение воды и воздуха, брызнуло солнце. И над слиянием двух рек нависло вселенское спокойствие, прерываемое протяжным пением птиц, криком кукушки, треском кузнечиков в прибрежной траве и легким всплеском играющей рыбы. Природная первозданность ликovala, жизнь билась во всем ее проявлении. Даже этот мраморный камень был естественным продолжением всего вершившегося в природе. Как и дикий куст таволги с белыми цветами, будто невзначай расцветшими у самого его основания... Памяти предков...

4.

В течение двух оставшихся лет обучения в семинарии, 1871-го и 1872-го, Дмитрий Мамин все чаще задумывается о своем будущем. Отличительной чертой именно этого времени является то, что лучшие ученики четвертого класса, не доучившись два богословских класса, и выпускники семинарии поступают в высшие учебные заведения. И поскольку Мамин не удовлетворен образованием в семинарии, то все чаще задумывается об этом применительно к себе, о чем неоднократно сообщает родителям.

Такое поветрие с высшим образованием было обусловлено как внешними факторами – реформами 60-х годов и духом времени, так и внутренними, когда личность одного преподавателя меняет ситуацию,

сложившуюся годами. Таким человеком для семинаристов стал талантливый математик Николай Павлович Бакланов. До его поступления в Пермскую духовную семинарию существовало устойчивое мнение, что семинаристы от природы не способны к математике. А следовательно, дорога в вузы для них закрыта. Но Бакланов с успехом опроверг подобное мнение, открыв эти двери для многих семинаристов. Вот что вспоминает об этом Павел Николаевич Серебренников: «Николай Павлович Бакланов явился для семинарии манной небесной, которой питались с жадностью не только обязательные слушатели, но явилась и масса желающих из других классов. И что явилось? Оказалось, что в 1871-72 году поступили в Петербургский университет целый ряд семинаристов, избравших специальность физико-математический факультет и заявившие себя весьма основательными математиками».¹

Павел Николаевич уверен и в том, что 70-е годы XIX века стали самым цветущим и светлым периодом жизни в истории Пермской семинарии. Дмитрий Мамин этого оптимизма не разделял, о чем можно судить по письму родителям от 15 января 1871 года, обращаясь к ним «Любезнейшие родители!» он сначала пишет об общих знакомых из Висима, об их устройстве в Перми. А дальше вновь излагает свои взгляды на процесс обучения: *«О классицизме я говорить и писать устал, – едва ли будет время, когда я буду иначе совершенно думать о нем, чем теперь; конечно, я знаю, что время много изменяет человека, но чтобы изменить эти убеждения, я считаю почти невозможным. Самый последний результат моего мышления, если только он будет, тот, что и классицизм с самых лучших своих сторон, которых у него так немного, действовать может благотельно только тогда, когда его серьезно изучат, а к серьезному его изучению не хватит времени и даровитости несчастных педагогов; вершки же везде не заслуживают внимания и особенно эти вершки нетерпимы в знании классиков; не подумайте, что когда-нибудь придет время господства клас-*

---

¹ РГАЛИ, Ф. 316, оп.1, ед. хр. 153.

сиков, – это его усиление, может быть, есть последнее, предсмертные агонии. Вообще – нет у меня слов о древности.

Слушанием лекций в классе во всяком случае нельзя пренебрегать: это одна из самых замечательных житейских хитростей-мудростей, а потому и я не пренебрегаю ничем, что можно приобрести в классе. На свою участь роптать я пока еще не намерен, иногда только кое-что прорвется: да ведь не железный же человек-то, имеет же на него какое-нибудь действие окружающая действительность!

Вы говорите, что мы слишком легко относимся к настоящему своему времени – времени приобретения всевозможных знаний, – на это скажу вот что: наши воспитатели, наши руководители гораздо легче смотрят на это, чем мы сами, они не только ничего не дадут, но еще и то, что мы без их помощи приобрели бы, расстроят; спросите у них, много ли они чего дали мне, а набор спряжений и склонений и слов без порядка, без толку не есть еще знание. Если я или мои товарищи что приобретут, то это – плод собственных забот, трудов и ума; а за свое собственное, которое добывается таким трудом, потом и кровью, ни я, ни они не обязаны благодарить других, да подобный поступок был бы положительно ни с чем несообразен; теперь, примерно, я учусь, но если бы я не стал заботиться сам о своей голове да слушал бы своих учителей, то не только знаний, а и здоровый-то рассудок совсем потерял.

В конце имею сообщить Вам неприятную новость: я уже раньше писал, что за октябрь по поведению у меня 3, но помощник, новенький, такой скотина, что за декабрь опять поставил 3, за то, дескать, что не все святки ходил в церковь; право, не знаю, где найти пример подобной дичи, бессовестности и подлости; ну, положим, если бы я один не ходил, а то половина класса, я стал говорить инспектору, что-де не я один не ходил, да и не объявлено было, мол, обязательно в церковь ходить или нет, притом, мол, в прежние годы никто не ходил, да ничего никому не делали, – на

мое красноречие получился такой ответ, что это не оправдания и что начальство вольно все делать и его пошутки не должны иметь никакого контроля.

Конечно, последняя новость неприятна для Вас, но тем более неприятна она для меня, но что делать, ошибся маленько, к тому же и ошибка-то поправимая.

Денег пошлите поскорее, рублей 10 или 12.

На святках были 3 литературных вечера, на 2 из них я читал.

Более новостей особенных нет.

Ваш Дмитрий.

71 г. Пермь. 15 января.

Р. С. С новым годом, с новым счастьем!!»¹

Можно только представить, как такая категоричность в суждениях ранила душу православного священника Наркиса Мамина, так же, как и его преданной супруги Анны Семеновны. Они так искренне желали, чтобы сын окончил семинарию и стал учителем в школе! О карьере священнослужителя Наркис Матвеевич для своих сыновей не мечтал, а вот учительство в школе представлялось ему настоящим благом для его сыновей, позволяющим получать стабильное жалование, нравственно совершенствоваться и делать такое богоугодное дело. Но эти намерения преданного и любящего отца не совпадали с намерением сына, для которого школа вовсе не была пределом мечтаний. Он думает о технологическом институте, совершенствует французский, читая Библию на этом языке, по-прежнему пропускает службу в церкви, даже в святки, предпочитая им литературные святочные вечера, где читает стихи.

Огромное образовательное влияние оказала на Дмитрия Мамина, как и на многих других семинаристов, тайная ученическая библиотека, существовавшая в учебном заведении с 70-х годов. Помимо лучших периодических изданий библиотека содержала произведения известных русских и зарубежных писателей и философов Мордовцева, Помяловского, Решетникова, Успенского, Некрасова, Щедрина, Писарева, Се-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 332-334.

ченова, Добролюбова, а также Байрона, Шатобриана, Шпильгагена, Диккенса, Вирхова, Дарвина, Гексли, Молешотта, Милля, Спенсера, Прудона.

Создание тайных студенческих библиотек было распространённым явлением для российских вузов второй половины XIX века и преследовалось как руководством заведений, так и полицией, о чем свидетельствует текст из перлюстрированного письма в деле департамента полиции Москвы за 1900 год. «Теперь разрабатывается вопрос о студенческой библиотеке. До сих пор она – учреждение неофициальное, содержится исключительно на средства студенчества, выписываются в нее книги подцензурные, а иногда и нелегальные; свои отчеты она не дает начальству, книги контролю инспекции не подлежат, но помещается она в здании института»¹.

Вольнодумство во все времена было не в почете. Екатеринбургский врач, известный деятель Уральского общества любителей естествознания, учившийся тоже в Пермской духовной семинарии, но несколько позже, чем Дмитрий Мамин, рассказывает о том, насколько большое значение имела тайная библиотека для учащихся. «В мое время количество книг и рукописей, как мне кажется, не превышало пятисот экземпляров. Некоторые книги мне особенно памяты, так как чтение их оставило глубокие следы... Помню роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», книгу, зачитанную до последней степени, много страниц в ней было уже рукописных. Помню также «Историю цивилизации в Англии» Бокля, номера «Колокола» и «Полярной звезды» А.И. Герцена, или, как мы его любили называть, Искандера (Изгнанника), его же «Былое и думы». Как сейчас чувствую ошеломляющее впечатление от его статей «Крещеная собственность» и «Допотопное правительство и ископаемый епископ». Помню и книжки по естествознанию, из них, конечно, «Происхождение видов» Ч. Дарвина и «Жизнь растений Тимирязева»².

---

¹ ГАРФ, Ф. 102, оп. 226, 3 ч. 150 т.1 (1).

² Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. Свердловск, 1936. С. 65–66.

Книги хранились в двух сундуках местного изготовления, пополнялась библиотека редко, чаще всего книги приходили из рук выпускников, поступивших в университеты. Постоянных членских взносов члены библиотечного кружка не платили, но иногда объявляли сбор средств на покупку новых книг. Интерес к чтению нелегальной литературы был так велик, что семинаристы пренебрегали опасностью.

В апреле 1881 года тайная библиотека в Пермской духовной семинарии была обнаружена начальством. За что жестоко поплатился на тот момент ее хранитель Платон Федорович Кудрявцев. В этой же истории был замешан и будущий зять Маминых – Дмитрий Аристархович Удинцев.

Условия городской жизни томили свободолюбивую натуру Дмитрия Наркисовича, он очень скучал по своему Висиму и любил ездить в лес, на правый берег Камы, в район Гайвы. Ему нравились затаенная сила и суровая поэзия реки. Природу он чувствовал душой, сливаясь с ней воедино. Здесь, на пустынном берегу Камы, он предавался размышлениям об устройстве своего будущего, стараясь разобраться во всех сторонах своего характера, оценить свои способности и нравственный рост. Больше всего его по-прежнему занимают мысли о выборе профессии, о своем собственном месте в обществе, в письмах к родителям он вновь и вновь возвращается к этой теме:

«29 февраля 1872 г. Пермь

Любезнейшие родители!

Письмо Ваше от 9 февраля с 16 р. я получил 18 февраля. Прочитав письмо, я обрадовался, чему бы Вы думали? Вот чему: Вы, папа, пишете, что не желаете добиваться рекомендаций, добиваться перевода на другое место теми средствами, которые имеет обыкновение употреблять наше духовенство, что эти средства не по вашим убеждениям. Да, я этому обрадовался и радуюсь, потому что мне очень было бы неприятно видеть Вас наряду с теми, которые добиваются цели, не разбирая средств [...].

Это письмо я начал писать с неделю назад, но почему-то все не мог кончить; это для меня редкость, потому что вообще письма я пишу сразу.

Теперь скажу кой-что о себе.

Странное наше положение, то есть то положение, когда нам приближается выход из семинарии. Трудное это время, должно быть, для всякого выходящего из нас, – это я отчасти могу судить по себе. И действительно, что и кто мы? Относительно мнения общественного, мы ни рыба, ни мясо; хвалить-то хоть нас и хвалят иногда, но и только, кажется. Этим ограничиваются наши отношения по большей части с теми людьми, с которыми нам придется, может быть, впоследствии иметь дело, да и не может быть, а положительно придется. Общество знает только, должно полагать, что мы существуем на свете божьем, и только. Что же сами мы о себе думаем? Что касается до этого вопроса, то он для нас вопрос нерешенный и нерешимый, потому что решение его возможно только при сравнении с другими представителями средних учебных заведений, а с ними мы личных сношений не имеем, следовательно, остается догадываться по слухам, но это самого сомнительного свойства догадки, и мы оставались и остаемся в сомнении насчет своего значения в среде русского учащегося юношества и тем более общества; проживем – доживем и увидим. Но вот это-то и тяжело. Просто иногда чуть не сходишь с ума от неизвестности. Тяжело от сознания бесполезной траты своего прошедшего и отчасти настоящего; тяжело от сознания своей глупости собственной; тяжело, наконец, глядя на других, как они идут да маются по той же дорожке, по которой и сам прошел. Да мало ли, папа, от чего тяжело бывает, не Вам мне рассказывать, сами знаете!! Но все еще сносно, когда дело касается только одного умственного развития, – время не ушло – воротим, что нужно. А вот касательно физической стороны да нравственной, так хоть в петлю полезай иной раз. Деньги потерял – говорят – ничего не потерял; время – много потерял; энергию – все по-

терял. А откуда, спрашивается, нам набраться всего этого? Мало того, что нам не только не дано того, что от нас требует жизнь, жизнь разумная, честная – словом, жизнь, достойная названия человеческой, мы и то, что приобрели бы с этой целью, можем потерять при столкновении с той средой, в которой приходится нам жить. Конечно, достоинство человека, как человека, только и может разворачиваться в противных обстоятельствах, но ведь нужно же взять во внимание нашу молодость, нашу положительную неопытность, непрактичность, увлечения – мало ли чего наберется в том же роде, чтобы оценить правильно всю силу тяжести, которая на нас лежит, от которой одни гибнут, другие остаются уродами – в физическом, нравственном, умственном отношениях, и только очень даже слишком немногие выходят целыми и невредимыми из этой борьбы.

Ведь слишком мало того, чтобы быть исправным в классе всегда, переходить из класса в класс, даже хорошо кончить и быть принятым в другое заведение, – мало всего этого, я говорю, потому что это только формальная сторона дела. Не велика важность в том, примут или не примут меня в университет, – я могу поступить вольнослушателем; не беда в том, что у меня мало средств к существованию, – я могу существовать работой. Но предстоит теперь задача более трудная и серьезная для решения, но на которую, не знаю почему, всегда мало обращают внимания. Это – решить свою участь на всю жизнь, избрать специальность. Как мало и поверхностно думает об этом наш брат, это я могу судить по своим товарищам; но ведь подобное решение – решение слишком важное, оно может испортить всю жизнь. Ведь нужно слишком много ума и природной проницательности, чтобы взвесить свои силы, оценить их, угадать их назначение – одним словом, решить, куда и на что способен человек.

Одни при решении своей будущей карьеры главным образом обращают внимание на деньги, другие на общественное положение, третьи на примеры то-

варищей и знакомых и т. п. Но все это не так, как бы должно быть. Чтобы быть похожим на человека, нужно отыскать свое место, которое более всего способно удовлетворить мои наклонности, но как и где мне его найти? Этот вопрос для меня – неотступный вопрос; день и ночь, всякая свободная минута тратится на его решение, и тратится бесполезно, тратится мучительно, потому что вопрос все остается вопросом, вопросом еще более неотступным и навязчивым. Станешь себя разбирать со стороны физической – результат выходит неудовлетворительный; с умственной – тоже; с нравственной – и с той не лучше. Да на чем же, наконец, успокоиться? Где решение, ведь должно же оно быть? Ничуть не бывало, остаешься по-прежнему, с чем был. Не будь в нас, семинаристах, какой-то надежды на будущее, какой-то безотчетной почти смелости, просто пропадай ты в этом случае, как курица.

Не все еще мы потеряли, много еще у нас осталось – это энергия. Большие писать о себе нечего, – все обстоит благополучно. Брюки, если не будет случая получить их из Висима, сошью здесь. Недавно купил французский словарь Рейфа, который стоит 2,5 р. В Екатеринбурге за антирелигиозные мысли исключили из 6 класса гимназии 7 человек без права поступления в другие учебные заведения, – подобные глупости только и возможны у нас, глупо и досадно. За месяц февраль у меня вышло недоимок 3 р. серебром, которые издержаны на словарь, потому прошу у вас денег на март за квартиру и на погашение долга – 3 р. серебром. [...].

Вышли новые постановления обер-прокурора относительно семинарий, – ничего, нам на руку, потому что все больше за нас, а не против.

Остаюсь здоров.

Ваш Дмитрий.

Р. С. Вы не думайте, чтобы мы возлагали свои надежды на что-нибудь другое, кроме себя самих; и потому не думайте, что мы ничего не делаем или делаем мало, – нет, будьте уверены, что нет: все,

*что зависит от меня, все, что в силах сделать для поступления в университет, постараюсь сделать, делаю и буду делать. Наша сила – труд; наш капитал – энергия. Еще одно слово: погодите торопиться переезжать из Висима, авось как-нибудь делишки обделаем, а то, пожалуй, как раз из кулька в рогожку можно перевернуться; ведь есть места хуже Висима, да и в хороших-то местах, может быть, жизнь хуже, чем в нем: большой приход, квартира, прихожане, служба и т. п.*¹.

В этом письме Дмитрий Мамин предстает зрелым юношей, имеющим свой взгляд на многое, происходящее в жизни, свою гражданскую позицию и сформированное на данном этапе мировоззрение, которое включает, в том числе, и определенное отношение к церкви. Оно однозначно выражено в первом абзаце, обращенном к отцу, в продолжение разговора о тех средствах, которые «имеет обыкновение употреблять духовенство», и что они не соответствуют убеждениям Наркиса Матвеевича, и, конечно же, его, Дмитрия. В чем и заключается истинно духовное родство отца и сына. Волнует Дмитрия и другой немаловажный вопрос: изолированность и отчужденность семинаристов от всего другого студенчества, что по его мнению сказывается на изолированности семинаристов от общества. Эти его размышления, как и те, что касаются классицизма, а также времени, энергии и целесообразности их использования, уже претендуют на публицистичность.

В этот же период Дмитрий продолжает поиск вуза для поступления. Он останавливает свой выбор кроме технологического института, на Петровско-Разумовской академии – высшем учебном сельскохозяйственном заведении империи, расположенном в Москве, и на лучшей в России Медико-Хирургической академии, находящейся в Санкт-Петербурге. Эти поиски Дмитрий объясняет родителям, как мы видим из приведенных писем, желанием «достать работу», которая могла бы удовлетворить его наклонностям и через

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 334–337.

это «сделать жизнь действительно жизнью». И только с упорством юношеского максимализма отвергает он предложенную отцом мысль о поступлении на филологический факультет, констатируя, что «занятие филологией окончательно разрывают любую связь с действительностью». Трудно представить, что именно так в 1872 году писал семинарист Дмитрий Мамин и будущий писатель Мамин-Сибиряк, которого будут считать одним из самых реалистических писателей современности. Мысли об учебе в столице связаны были и с поиском средств на учебу. Дмитрий Наркисович понимал, что не может обременять родителей содержанием столичного студента. Поэтому как за спасительную соломинку хватается за письмо Павла Николаевича Серебренникова, окончившего семинарию в 1870 году и поступившего в Медико-Хирургическую академию, в котором он рассказывает о попытках петербургских студентов из Перми устроить совместный быт, организовав на артельных началах переплетную мастерскую, чтобы легче можно было выжить сообща.

Итак, принято решение, о котором лучше того же Серебренникова в этом случае не скажешь. «В июле 1872 года он вышел из семинарии, не окончив в ней курса, чтобы поступить в какое-либо высшее учебное заведение. Такое решение – результат общего увлечения тогдашней семинарской молодежи к высшему образованию. Эта широкая просветительная волна увлекла из стен семинарии все, что было в ней талантливого и способного в высшую школу. Д.Н. в числе многих студентов был охвачен упомянутой общественной волной и перенесен осенью 1872 года в Петербург в одно из лучших тогдашних учебных заведений — Медико-хирургическую Академию, записавшись на ветеринарное отделение»¹.

В июле 1872 года Дмитрий Наркисович Мамин получил по личному прошению свидетельство об обучении в Пермской духовной семинарии. В документе были отмечены «очень хорошие способности и очень усердное прилежание».

---

¹ РГАЛИ, Ф. 316, оп.1, ед. хр. 153.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Предъявитель сего воспитанник Пермской Духовной Семинарии IV класса Дмитрий Мамин, Пермской епархии, Верхотурского уезда, Висимо-Шайтанского завода Анатольевской церкви священника Наркисса Мамина сын, 19 лет, уволен нынче из Семинарии вследствие прошения. Поступил он, Мамин в Пермскую Семинарию, по окончании учения в Екатеринбургском духовном училище в сентябре 1868 году и обучался в оной при способностях *очень хороших*, прилежании *очень усердном*.

Наукам: Изъяснению Священного писания

Ветхого завета – *очень хорошо*

Русской словесности – *очень хорошо*

Алгебре – *хорошо*

Геометрии – *очень хорошо*

Тригонометрии – *отлично*

Физике – *отлично*

Космографии – *отлично*

Всеобщей русской истории – *очень хорошо*

Логике – *отлично*

Психологии – *отлично*

Обзору философских учений – *отлично*

Греческому – *очень хорошо*

Латинскому – *очень хорошо*

Французскому – *отлично*

Поведения он – *очень хорошего*

В удостоверении чего и дано ему, Мамину, сие свидетельство Правлением Пермской Духовной Семинарии за надлежащим подписано и печатью скреплено.

Июля 21 дня 1872 г.

Ректор Семинарии Протоирей Иоганн Ляпов, Инспектор семинарии священник (*неразборчиво*), учитель Петр Попов¹.

Согласно аттестату от 5 августа 1876 году за подписью начальника императорской Медико-Хирургической Академии А. Быкова в сентябре 1872 года с

---

¹ ЦГИА СПб, Ф. 14, д. № 19057.

этим «свидетельством Пермской семинарии Дмитрий Мамин принят был по экзамену в число своекоштных студентов Императорской Медико-Хирургической Академии по Ветеринарскому отделению в 1 курс»¹.

5.

Прежде чем понять, что обещало будущее новоиспеченному студенту академии, важно определиться с понятием «своекоштный». До 20-х годов XIX века обучение в российских вузах было бесплатным. В 1820 году вводится плата за обучение в размере 20 рублей 57 копеек, что делает вузы малодоступными для немимущих разночинцев, сословию, к которому относился Дмитрий Мамин, и бедных дворян. Польское слово «кошт» означает «содержание». Исключение в плане бесплатного образования делалось для будущих врачей и учителей, и то только для тех, кто представлял свидетельства о бедности и хорошо учился. На содержание казеннокоштных студентов отпускалось двести рублей в год, что было тоже крайне мало. Остальные студенты были своекоштными, то есть учились и содержали себя за свой счет.

Дмитрий Мамин на вступительных испытаниях себя не проявил, получив низкие оценки по всем предметам: за письменную работу по математике и латинскому языку – два, за устный ответ по математике и физике – три, и только за русский язык удостоился – «хорошо». Однако это Мамина не смутило. Он так рвался в столицу, что собственное содержание казалось ему вполне преодолимым препятствием. С чисто юношеским азартом, полный сил и надежд он ринулся в пучину студенческой жизни. Повод для ожиданий давала и сама атмосфера вуза. Медико-Хирургическая Академия в то время славилась своими достижениями, гордилась и блистала великими светилами русской науки, каковыми были профессора Грубер, Лесгафт, Боткин, Эйхвальд, Сеченов, Зинин, Юнге. Собственно и ветеринарное отделение имело своих выдающихся

---

¹ Там же.

профессоров Голубева, Равича и других. Студенты, истинно увлекшиеся медициной, учились с энтузиазмом и большим интересом.

Восторженные письма домой осенью 1872 года в изобилии пестрят фразами о том, что только из столицы можно чувствовать Запад, узнать родину, далеко видеть, знакомиться с «непропущенными правительством идеями», наконец, «в Петербурге все занято делом» и «только здесь можно учиться». Внутренний подъем студента Мамина совпал с подъёмом революционного движения в Санкт-Петербурге. С 1870 года в России не прекращаются рабочие стачки. На этой волне студенческую молодежь перестают удовлетворять кружки самообразования, и расширяется движение «Хождение в народ». Лозунг «В народ!», выдвинутый философом и публицистом Александром Герценом в журнале «Колокол», с одной стороны основывался на студенческих волнениях 1861 года, с другой – подталкивал к ним в 70-е. В это же время идеи сближения с народом пропагандировали члены организации «Земля и воля». В движении участвовала и демократическая интеллигенция, пытавшаяся сблизиться с народом и служить ему своими знаниями. Основная идея движения «Хождение в народ» – свершение крестьянской революции в России, была заведомо утопической, но обучение крестьянским ремеслам, пошив крестьянского костюма были для студентов уже неким актом сближения с народом. Но не все строилось только на пропаганде и студенческих спорах. Настроенная особо радикально молодежь признавала только один метод борьбы – террор.

В 1873 году в ту же Медико-хирургическую академию поступил и учился в одно время с Маминым Николай Кибальчич, изобретатель, революционер-народоволец, участник покушения на российского императора Александра II, впервые арестованный именно в медицинской академии в 1875 году. Кибальчич был необыкновенно талантлив во всем. Он писал публицистические статьи на народофильские темы, соотнося в них политику и экономику в революционном

движении. Слыл изобретателем и изобрел метательные снаряды с «гремучим студнем», используемые для покушения на царя, а будучи уже арестованным и приговоренным к смерти в свои двадцать семь лет, выдвинул идею ракетного летательного аппарата с качающейся камерой сгорания для управления вектором тяги и разработал оригинальный проект летательного аппарата, способного совершать космические перелеты.

Студенческие сообщества, как никакие другие, откликались на все происходившее волнения. Русский теоретик и пропагандист марксизма, деятель международного рабочего движения Георгий Плеханов по этому поводу писал: «Университеты только укрепляют, развивают и обнаруживают то недовольство, которое вызывается и поддерживается общими условиями русской жизни».

В такой атмосфере студент Мамин в общественной жизни никак не участвует, он не ходит в народ и не мечтает убить царя. В октябре 1872 года в информацию агентурного донесения о наблюдении за политическими настроениями студентов Медико-Хирургической Академии попадает студент А.Г. Остроумов, проживающий по б. Дворянской улице, в доме номер шестнадцать, квартире шесть. Среди проживающих, указанных в этой квартире, фигурирует и Д.Н. Мамин. Этим подозрение в отношении него ограничивается.

Дмитрий Мамин остается равнодушен к политической борьбе, он больше занят собственными проблемами, особенно главной – выживанием в столичном городе. Быстро развеялись все иллюзии об исключительности Санкт-Петербурга, о том, что здесь живут необыкновенные люди, и что только здесь нужно жить и творить самому. Из дома ему деньгами почти не помогают, нет возможности. На поиске средств сосредотачиваются все его усилия. Как бы парадоксально это не звучало, но именно жестокая нужда выводит Мамина на писательскую стезю. Он становится репортером петербургских газет, по его собственному выражению, это «профессия, которая не накормит, но и с голоду не даст подохнуть».

К тому же Дмитрий вскоре после своего поступления на ветеринарное отделение должен был признать, что выбор специальности не соответствует ни складу его живого, впечатлительного ума, ни тем жизненным условиям, в которых он оказался в Петербурге. Отсутствие всяких средств к существованию заставило его искать заработка, в то время, как практические занятия в академии требовали массы времени и непосредственного присутствия в стенах вуза. Общее разочарование в профессии выливается в горький вопрос: «Техник помогает капиталисту, врач – богатому, а ветеринар кому?». За подобными рассуждениями последовали вполне конкретные обстоятельства. Согласно все тому же аттестату, подписанному начальником Медико-Хирургической Академии А. Быковым, «Дмитрий Мамин в 1873 году переведен во 2-й курс, в 1874 году оставлен на другой год во втором курсе, в 1875 году переведен в 3 курс, в 1876 году оставлен на другой год в 3 курсе»¹. При этом отмечено, что в течение восьми полугодий он не вносил платы за слушание лекций, но «был весьма хорошего поведения». Под последним, скорее всего, подразумевалось неучастие ни в каких волнениях и собраниях студентов, что являлось основным критерием оценки поведения.

Доктор медицины Павел Николаевич Серебренников, неоднократно возвращавшийся в своей просветительской деятельности к жизни и творчеству Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка, отмечал, что «Высшая школа не стала для него альма матер, где закладывается прочный фундамент умственного и нравственного мировоззрения. Счастливым случаем для него стало знакомство с одним из самых популярных в то время в Петербурге репортеров – г. Волокитиным, через опытную школу которого прошло много учащейся молодежи, в т.ч. и Дмитрий Наркисович. Вскоре он постиг эту науку и оказался одним из способнейших помощников Волокитина по части репортажа, где основным требованием является умение сжато, но интересно схватить суть того или иного общественного со-

---

¹ ЦГИА СПб, Ф. 14, д. № 19057.

бытия. Здесь требуется и находчивость, и остроумие, и комизм, и патетическое изложение...»¹.

Уже в зрелом возрасте Дмитрий Мамин с горечью скажет о том, что все в его жизни было слишком поздно. Наверное, поздно по общепринятым меркам он начал писать и в газету, но вынужденно занявшись репортерством, он, таким образом, стал нащупывать свой путь не только в литературе, но и в жизни, тот единственный путь, которым мог и должен был пройти. Осознание своего назначения пришло не сразу, не вдруг, а через физические страдания – голод, болезни, и мучительные нравственные искания, где не стали исключением и репортерские пирушки, бессмысленные пьянки, тяжелое разочарование в собственной несостоятельности: «Я не имею особого призвания быть медиком или ветеринаром», и презрительное отношение к репортёрскому труду, и скрытая тоска по близким и родному Уралу.

На расстоянии все теперь виделось иначе, и Веселые горы во главе с Белой горой в сравнении с равнодушным каменным городом казались спасительным местом на земле, до которого не было ни сил, ни средств добраться. Совсем по-иному отныне он воспринимал проблемы семьи и провинции, исторических корней и связей. В 1875 году он пишет отцу из Петербурга: *«Жизнь столиц держится на таких основаниях, о которых остается пожалеть. Издали городская толпа интересна, но вмешиваться в нее не стоит. Единственный двигатель здесь – деньги, деньги и деньги... Волки в овечьей шкуре и хитрые, как змеи, наводняющие нашу землю – они жители теперешних городов, сделавшихся каждый в своем роде Вавилоном»*². Автобиографическим произведением, отразившим первый петербургский период жизни Дмитрия Мамина, является его роман «Черты из жизни Пепко», впервые опубликованный в журнале «Русское богатство» в 1894 году с первой по десятую книгу. С высоты прожитых лет автор смотрит на свое студенческое прошлое, на

---

¹ РГАЛИ, Ф. 316, оп.1, ед. хр. 153.

² Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 25.

начало литературной деятельности и работу газетчика.

Первые же строки романа указывают на автобиографичность: *«Стояло хмурое осеннее петербургское утро. Я провел скверную ночь и на лекции не пошел. Во-первых, опоздал, а во-вторых, нужно было доканчивать седьмую главу третьей части первого моего романа»*¹.

Главные герои романа – Василий Попов и его друг по прозвищу Пепко, а по фамилии также Попов, провинциалы-студенты, приехавшие в Санкт-Петербург не только учиться, но реализовать себя, ибо по их общему убеждению, реализовать себя полностью можно только в столице: «В общем, я хочу жить, а не прозябать» – говорит Пепко, выражая тем самым благие намерения и свои собственные, и тысяча других провинциалов, не подозревая о том, что жизнь в столице без средств к существованию, в конечном счете, и сводится ни к чему иному, как прозябанию. И надо сказать, не только в XIX веке. Спасательной соломинкой для друзей становится репортёрская деятельность, за которую платят ровно столько, сколько добудешь строк, а этого хватает на то, чтобы один раз в день поесть или напиться с пишущей братией.

На бывшей улице Симеоновской, сегодня Белинского, близ Фонтанки в былые времена находился «трактир средней руки». В портерной этого трактира Дмитрий Мамин познакомился с репортёрским сообществом, созданным Ю.О. Шрейером и Н. И. Волокиным, и был посвящен в журналисты. Организовав Общество репортеров, его учредители стали посредниками между полуголодной пишущей братией и многочисленными газетами и журналами. Расплачивались они в трактире с пчелами-репортерами, не отходя от стойки, из расчета пять копеек за строку.

Интересен момент выхода первой информации Мамин в печати. В романе о Пепко – на страницах «Нашей газеты», в действительности – «Русского мира».

«Русский мир» – одна из самых распространяемых и известных газет Петербурга того времени. Несмотря

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8. С. 245.

на то, что заявлена она была, как политическое, экономическое и литературное ежедневное издание, подписка на которое принимается в Санкт-Петербурге, Москве и Париже, газета больше представляла собой информационный вестник. В постоянных рубриках «Петербургские известия», «Внутренняя почта», «Судебная хроника», «Обо всем и ото всюду», «Иностранная почта», «Справочный листок», «Слухи», «Мнения и отзывы газет», «Объявления» – печаталась информация на любой цвет и вкус. Равнозначно как о кражах: «на одной из лондонских станций на несколько десятков тысяч фунтов стер. бриллиантов и других камней и чрезвычайно ценного туалетного несессера у герцога Дедлея», так и о состоянии дел в московских вузах.

В начале зимы 1875 года Мамина командировали на заседание Энтомологического общества, которое располагалось у Синего моста на Мариинской, ныне Исаакиевской площади, в доме № 2. Просидев битых три часа на заседании энтомологов и добросовестно прослушав доклад о насекомых, новоявленный репортер написал отчет с замечательными, на его взгляд, лирическими отступлениями. Открыв газету, он был разочарован. Всю «лирику» вырезали, осталась лишь сухая информация.

Эту газету можно открыть и сегодня. В «Русском мире» от 15(27) января 1875 г., в разделе «Петербургские известия» опубликован первый репортерский материал Дмитрия Мамина. На тринадцатой полосе среди плотных текстов обзора столичных газет и колонки новостей о защите чехом, господином Первольфом, в С.-Петербургском университете диссертации на степень магистра славянской филологии, втиснута заметка о заседании членов русского энтомологического общества, состоявшемся в понедельник, 13 января.

Что для автора значат первые опубликованные строки? Василий Попов в романе «Черты из жизни Пепко» сравнивает их с первым поцелуем, с любовными письмами, а их ожидание предвосхищает возгласом: *«Первые печатные строки... Сколько в этом прозаическом деле скрытой молодой поэзии, какое*

пробуждение самостоятельной деятельности, какое окрыляющее сознание своей силы!»¹. Несомненно, что с не меньшим трепетом ждал своей первой заметки и его прототип Дмитрий Мамин, это потом появился цинизм в отношении к репортёрству, работа ради гонорара, сарказм по поводу написанных строк. Но тогда – тогда он с нетерпением ждал утренней газеты, пробегая плотно сверстанные газетные строчки, не сразу смог увидеть и осознать, что это именно те слова, которые он писал всю ночь, чтобы оперативно успеть с информацией в номер. «В понедельник, 13 января, происходило обыкновенное заседание членов русского энтомологического общества, под председательством г. Родашковского.

По прочтении протокола предыдущего заседания, секретарем общества были прочитаны различные письма, полученные от разных частных лиц и обществ, касающихся специального предмета общества. Между прочим, прочитано было письмо от русского географического общества, при котором энтомологическому обществу была препровождена коллекция насекомых, собранных г. Огородниковым в его поездку в Сирию...»².

Далее в информации сообщается о том, что в одном из товарных складов в Туркестане, где хранятся сукна, появились особого рода жуки, которые их портят, а потому подлежат исследованию. А также об одном червячке, найденном в семени ясеня, который до сих пор относительно ясеня не был известен. И чтобы теперь установить родословную этого червячка, надо ждать дальнейших его превращений под различным влиянием. Еще большую озабоченность членов общества вызвали жучки, истребляющие в Северной Америке плантации картофеля. Способность их быстро передвигаться, до двухсот верст в год, привела к тому, что ими уже покрыты улицы Нью-Йорка, что вызвало настоящее волнение в Западной Европе и запрет на ввоз картофеля из Америки. От картофельного вредителя, судя

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8. С. 271.

² Русский мир, 15(27) января 1875 г., г. Санкт-Петербург.

³ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8, С. 275.

по всему, колорадского жука, члены общества перешли к вопросам шелководства в Средней Азии, и заканчивается заметка в пользу одного из видов шелковичного червя, который производит шелк молочного цвета.

Не удивительно, что Василий Попов не видит сразу своего отчета в газете, все информации идут без подписи авторов, за редким исключением стоят инициалы, но не факт, что они соответствуют истинному имени автора. В романе Василий Попов, наконец-то, найдя своих «жучков и червячков» под тем же названием, что они вышли и в реальной газете – «Заседание энтомологического общества», приходит в ужас, *«лучшие места были безжалостно вычеркнуты, а оставлена сухая реляция. Что скажут ученые, о которых я писал?»*. Мне казалось, что глаза всей Европы устремлены на мой несчастный отчет».

Волнение и переживания по поводу собственных первых опубликованных строк сменяются рутинным равнодушием работы в ежедневной газете, когда каждое утро нужно нести редактору строчки, строчки и строчки... События, меняясь, следуют одно за другим, восприятие притупляется, творчество сводится к минимуму, строчки кассируются в гонорар, денег постоянно не хватает. Не пройдет и полгода, как репортера Мамина перестанут волновать не только шелкопрядные черви, но и происходящее вокруг, действительность он станет воспринимать с цинизмом препарирующего лягушку, вкладывая собственный скепсис в уста своего героя: «Ученые это не больше, чем «черви, подтачивающие гнилую колоду родной науки».

Впрочем, будучи неоднократно обманутым нечестными издателями и редакторами-авантюристами, Попов и в литературной столичной богеме разочаровывается так же быстро, как и в ученых мужах. Полностью относится это и к самому Мамину. Почти на протяжении всего произведения Попов пишет роман, на котором мечтает заработать, но роман не принимают, а когда его издают, то автор практически ничего не получает. Первый роман «В водовороте страстей», вышедший под псевдонимом «Томский», Дмитрий Ма-

мин писал тоже в студенческие годы, с целью заработка. И его постигла та же неудача, что и Василия Попова. С достоверной точностью сделан и вывод о том, что «У этого первого произведения было всего одно достоинство: оно дало привычку к упорному самостоятельному труду»¹, но сделан уже взрослым автором, неотступно сопровождающим своего юного героя романа, то есть себя самого в прошлом.

Автобиографично произведение и в других аспектах. Главные герои живут в комнате доходного дома, называемого между собой «Федосьины покровы». Здесь они много размышляют о жизни, о томлящей обстановке города и мысленное возвращение в родную провинцию. Здесь они читают письма от родных: Пепко писала «одна добрая мать», а Попову – «один добрый отец», что опять же соответствует факту из биографии Мамина. Как и то, что не имея средств уехать летом на каникулы домой, он отправляется на дачу в Третье Парголово под Петербургом, где, гуляя по зеленым аллеям старого парка, сочиняет свой будущий роман.

Лето 1874 и 1875 годов Мамин проводит в Парголове. В письме домой он сообщает: «В полуверсте от дачи громадный парк. Лес отличный, не хуже Висимского!»² Вот, что радует его по-настоящему – лес! Да еще похожий на его родной!

И все же не только нигилизм свойственен молодежи 70-х, Попов и Пепко с характерной возрасту пылкостью любят, читают стихи, разыгрывают друг друга, думают о героизме и победах русских в связи с Балканской войной. В конце романа Пепко со своей женой уезжает на эту войну. И этот сюжет в романе – не только дань времени. Уже известный нам и Мамину Павел Серебrenников после окончания академии и двух лет работы в качестве помощника прозектора профессора анатомии Грубера во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. вместе со своей женой находится в армии и состоит врачом в военных госпиталях около полутора лет.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8, С. 287.

² Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 27.

Композиция романа «Черты из жизни Пепко» интересна тем, что мы постоянно чувствуем взгляд автора на свое прошлое с точки зрения его настоящего. Возвращение в юность для него не только сладостно, но и мучительно. *«Недавно я был в Третьем Парголове, почти через двадцать лет, и не узнал когда-то знакомых мест. Со мной вместе шли мои сорок лет, и через их дымку я видел только старые лица, старых знакомых, давно минувшие события, сцены, мысли, чувства»*¹.

Пытаясь анализировать свои ошибки тех лет, он порой не может найти им объяснение – тому же пьянству, например, которое происходило будто само собой, как «умеет напиваться русский человек в обществе другого хорошего русского человека». Он мучительно размышляет о том, «какими неведомыми путями создается вот этот русский писатель, откуда он приходит, какая роковая сила выталкивает его на литературную ниву»? Ответ на это вопрос отчасти дает литературный критик либерально-народнического направления Александр Скабичевский. Он пишет рецензию на роман «Черты из жизни Пепко», который частями выходит в журнале «Русское богатство». Рецензия опубликована 24 ноября 1894 года в газете «Новости и Биржевая газета», в Санкт-Петербурге.

В начале большой статьи, разверстанной на весь подвал, автор отмечает, что это лучшее, что было в беллетристике в этом году, и лучшее, что выходило из под пера «этого талантливой беллетриста с самого начала его литературной деятельности». Характеризуя не с самой лучшей стороны литературную богему, отраженную Маминым в романе, Скабичевский дает ответ на поставленный выше самим Маминым вопрос. «Читатель привык воображать, что в этой ужасной среде графоманов и крохоборцев таятся одни только самые отвратительные пороки, что в ней кишат лишь те презренные шантажисты-вымогатели, кафе-шантанные и театральные взяточники и пасквилянты, которые составляют стыд и позор мелкой прессы. Но при этом

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8. С. 309.

читатели забывают, что из этой же среды выходят Чеховы, Мамины и что редкому беллетристу-разночинцу, выходцу из далекой провинциальной глуши, явившемуся в столицу по неодолимому призыву литературного червячка, копошащегося под юным черепом, не приходится пройти тяжелого и тернистого пути литературной богемы, прежде, чем добиться хотя-бы самой скромной известности»¹. Подчеркивая демократичность Мамина, автор отмечает в очерках (именно так первоначально определен жанр «Пепко») его юмор, преисполненный задушевной теплоты, его гуманное, лишенное всякого высокомерия и презрительности отношение к своим героям.

Не только человеколюбием, соучастием и сопереживанием проникнут весь роман, именно в этом произведении тон Дмитрия Мамина возвышается до апофеоза, определившего смысл его собственного существования: *«Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец – вот где настоящая жизнь и настоящее счастье!»*²

6.

С 1873 по 1876 год из-за отсутствия средств Дмитрий Мамин не может позволить себе поездку на летние каникулы домой, но при этом не оставляет свои литературные занятия и репортерскую работу, которые движутся с переменным успехом. Наркис Матвеевич, переживая за сына, пишет ему в июне 1874 года о своих сомнениях по поводу литературного труда, и о том, что он не видит в нем надежного источника существования. Бесконечно жалеет, что не встретится с сыном летом, не сможет поговорить, поспорить с ним. Общение отца и сына дорого и важно каждому из них. В одном из писем от 2 января 1875 года Наркис Матвеевич пишет: «Мы такие же члены своего маленького общества, сочувствуем всем его нуждам, разделяем

---

¹ «Новости и Биржевая газета», 24 ноября 1894 года, Санкт-Петербург.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8. С. 405.

его радости и горе... готовы следить за всеми достижениями и проявлениями прогресса»¹. И сообщает о том, что совместно с кружком заводских служащих выписал на 1875 год журнал «Отечественные записки» и другие периодические издания. Как же удивительны и необычны эти чаяния заводского священника о развитии прогресса, эти волнения о собственной нужности для общества, больше похожие на заявления революционера-народника, только проникнутые большей душевностью и теплотой к своей маленькой общественной ячейке.

Полемизируя с отцом на расстоянии, особенно о репортерской работе, Дмитрий, одновременно убеждает и себя самого в правильности своего выбора. Главным при этом он считает необходимость серьезной подготовки и длительной работы в литературном плане. «Без этих необходимых условий лучше не совать суконного рыла в калашный ряд» – пишет он отцу. И продолжает сотрудничать с газетой «Русский мир», которая 22 января 1875 года получила второе предупреждение министра внутренних дел по поводу систематической дискредитации деятельности военного министерства и умеренно-либеральной реформы его руководителя Д.А. Милютина, о чем было опубликовано сообщение в номере от 23 января. Наркис Матвеевич, тщательно следя за всеми событиями в прессе, переживает за сына и пишет ему с тревогой об этом – «как бы ее не закрыли, вашу кормилицу».

Третьего марта того же года газета «Русский мир» приостановлена на три месяца. И Дмитрий Мамин в течение этого времени работает в издании «Новости и Биржевая газета». От него по-прежнему в редакцию ежедневно требуется информация и репортажи. Свое состояние в письме к отцу он характеризует так: «Хожу много, волка ноги кормят и иногда пот прошибает».

В июле, в Парголово он особенно скучает по дому и Висиму и пишет отцу: *«Надоело шататься по чужим людям... В городе пыль... Ягоды и прочая снесь, я думаю, уже поспели в Висиме. Напишите, кто и куда*

---

¹ По материалам Объединенного музея писателей Урала.

нынче ходит в горы»¹. Это письмо естественным образом дополняют строчки из романа «Черты из жизни Пепко» – «Как хорошо было ранним утром в парке, где так и обдавало застоявшимся смолистым ароматом... Я по целым часам бродил совершенно один и на свободе обдумывал свой бесконечный роман»².

Говоря о первом петербургском периоде жизни писателя, можно бесконечно возвращаться к «Пепко», настолько он повторяет факты из биографии писателя. Но ценность романа состоит не только в этом, в образах своих героев Мамин-Сибиряк показал начинающих литераторов – представителей русской творческой интеллигенции, которая по мнению критика того времени Евгения Аничкова, в корне отличалась от западной. Автор, в частности, отмечает, что для художников литературы нет академии, где специально бы учили обращению со словом, как есть подобные школы музыки и живописи. И русские начинающие писатели переживают очень трудный искус – «это прохождение теории словесности собственным горбом» дается им еще труднее. Причина этому – только не в условиях русской жизни, как думает Пепко, а в нас самих, в нашем собственном, совершенно своеобразном отношении к искусству». Таким образом, Аничков обнажает новую проблему в романе, увидев в этом его своеобразие. И, что более важно, причины целого явления.

Автор критического очерка сравнивает героев романа Мамин-Сибиряка с такими же героями, то есть газетчиками, из Европы. Им тоже трудно. Конкуренция ежедневных газет еще жестче. Быть может, выходом из создавшейся ситуации служит наличие таланта? Но и это совсем не так. По мнению критика, талант, может быть, откроется через пять или пятнадцать лет! К тому же его надо найти, высвободить, выхолить. «И вот оттого-то кроме таланта и надо еще очень многое. Даже самый жизненный успех определяется вовсе не талантом, а особой цепкостью, с та-

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 27.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8. С. 344.

лантом не имеющей ничего общего. Но и кроме цепкости, которая может быть и не быть, нужно еще нечто, нужно упорное ученичество, упорный и сознательный труд над своим искусством и над собою, как источником этого искусства»¹.

Как мы видим, с этим соглашался и Василий Попов в «Пепко», и его прототип Дмитрий Мамин. А вот другой аспект, на который указывает Аничков, как будто бы раскрывает нам Мамина с другой, более глубокой стороны. Автор очерка, говоря о формировании любого художника, придает большое значение атмосфере, в которую погружен будущий писатель. Его вовсе не устраивает объяснение, что русские художники формируются в среде повального пьянства, потому что это соответствует национальному характеру – при том, что западный художник в это время эстетически образовывается и развивается, ходит по музеям, изучает живопись и музыку.

Аничков, конечно, отмечает, что Василий Иванович в романе справляется со своей трудной задачей. Он становится художником. Но как? Какой ценой он этого достигает? «Этот процесс победы над ... искусством в высшей степени характерен. Этому способствуют «мысли о далекой и милой провинции». В тоске по родине в нем просыпается пейзажист. Вызванные, мыслями о родине «приходят люди и картины природы «в чаровании красных вымыслов», и надо сейчас бросить все это на бумагу, потому что это – уже искусство, это уже настоящее непосредственное творчество, наивное, как пение птиц, искренне живое и проникновенное»². Да, Мамин как художник рождается в пейзаже. Отказавшись от обучения искусству, поставив в годы юности на первое место ремесло и естественные науки, он все же не сумел в угоду этому задавить в себе раскрывающегося художника. Сначала только повинаясь внутреннему инстинкту, он стремится к эстетическому развитию и самообразованию: ищет красоту в природе, проявляет интерес к театру

---

¹ «Мир Божий», октябрь 1905 г.

² Там же.

(правда, этому мешает проклятая нищета). И все-таки однажды он умудряется пробраться зайцем на потолок Мариинского театра, откуда слушает знаменитую итальянскую оперную примадонну Патти. Этот случай довольно красноречиво описан в «Пепко». И все же это было еще не системное гуманитарное образование, а только поиски на пути к нему.

Впрочем, была у Мамина одна «слабость» – к написанию пейзажа. Там он чувствовал себя уверенно. Чувство природы было у Мамина настолько сильно, что он с неиссякаемой энергией передавал его читателю. Природа его вдохновляла! И он неизменно чувствовал взаимосвязь природы с национальными особенностями, начиная песней и кончая общим душевным состоянием. Свое инстинктивное понимание природы Дмитрий Наркисович изначально пытался загнать в хрестоматийные рамки, подражая в этом плане Гоголю и Тургеневу, пока не понял, что под описание уральской природы – дикой и первозданной – спокойный лиризм классиков не подходит. Урал особенный, и описывать его надо по-особенному. Большему совершенству способствовали в этом плане классики-художники. *«Над выработкой пейзажа я бился больше двух лет, причем мне много помогли русские художники-пейзажисты нового, реального направления. Я не пропускал ни одной выставки, подробно познакомился с галереями Эрмитажа и только здесь понял, как далеко ушли русские пейзажисты по сравнению с литературными описаниями»*¹, – признается Мамин. Используя живой материал, обращаясь к уральским воспоминаниям, он с упоением влюбленного радовался каждому удачному штриху и найденному эпитету.

В августе 1875 года он пишет письмо отцу из Парголово, в котором сообщает о том, что через два года закончит ветеринарию и будет иметь за плечами верное ремесло, а в руках – диплом кончившего курс в высшем учебном заведении. Однако далее он как будто противоречит себе или не хочет мириться со своей

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8. С. 289.

участью: «Ремесло даст мне верный кусок хлеба, диплом откроет возможность делать карьеру. Относительно последней я думаю так: на ветеринарном отделении я кончу, но ветеринаром не буду, а буду продолжать далее свое образование, смотря по обстоятельствам, где приведется. Весь вопрос в конце концов сводится на материальное обеспечение, которое откроет двери везде. Поступить в настоящую минуту на медицинское отделение для меня было по меньшей мере великой глупостью, потому что связываться с стипендией я не хочу, а служить двум господам нельзя: то есть кормить свою голову и учиться»¹. Из этого понятно, что Дмитрий окончательно разочаровался в выбранной профессии, и даже мысли о медицинском отделении для него не приемлемы. Это разочарование накладывает свою печать на все его будущее, которое в этот момент для него неопределенно. Он продолжает в этом же письме: «Говорить вперед, сулить горы золота мне не хочется, а скажу о том, что есть, чтобы Вы могли хотя отчасти судить о некоторых возможностях, существующих вне всяких специальностей и выпадающих, по-видимому, только на долю особенных счастливых, которым судьба всю жизнь покровительствует.

Как вам известно, я не принадлежу к разряду счастливых, потому что небо моего счастья часто заволакивается густыми тучами; но, с другой стороны, я и не несчастный человек, потому что мне многое удастся такое, что и счастливым в добрый час. Значит, особенно бога гневить и не за что, я и не гневлю, а благодарю, хотя и не за все...»². Из тех благ, которыми он владел, Дмитрий в первую очередь отмечает отцу, что он стоит на своих собственных ногах, под чем подразумевает «существование трудами рук своих». Здесь же он вполне определенно отвечает на сожаление отца о том, что «так долго приходится служить в гиблом Висимишке». «Скажу только, что не только жизнь более или менее бойких пунктов,

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 338.

² Там же. С. 339.

но даже и самых столиц держится на таких основаниях, о которых остается пожалеть от всей души и попросить господ бога, чтобы он не посылал их никогда на Висим. [...] Папа, не жалейте, что живете в Висиме: меньше грехов. ...Таков мой личный взгляд, хотя сам я пока и не желал бы закупориться в провинции, потому что мне еще нужно потолкаться между людьми да поучиться уму-разуму...»¹.

Настроение этого времени, сплошь пропитанное разлившимся разочарованием и мыслями о значении провинции и провинциалов в столице, было так остро, что не могло быть не выплеснуто будущим писателем. Эта тема нашла отражение в романе Мамина-Сибиряка «По новому пути» (в окончательном варианте «Ранние всходы»), опубликованном в журнале «Мир Божий», с первой по девятую книг за 1896 год. Главная героиня романа Марья Гавриловна Честюнина, так же, как когда-то и автор произведения, приезжает в Петербург из провинции и поступает в медицинскую академию. Она настолько увлечена новой жизнью, студенческим обществом, а самое главное – большими надеждами, что маленькая провинция и даже любимый человек, оставшийся там, кажутся ей теперь незначительными. В образе Маши выражен один тип демократической молодежи 70-х годов XIX века, в личности ее двоюродной сестры Екатерины Анохиной, экзальтированной петербургской барышни, находящей удовлетворение только в своих необъяснимых поступках, продиктованных скукой, бездельем и бессмысленным существованием, – второй. Несмотря на то, что Маша учится и стремится стать врачом, а Катя смеется над ее мечтами и обещает быть великой актрисой, судьба обеих героинь складывается драматично. И если трагедия Кати связана напрямую с физической смертью – самоубийством, то потери Марии выражаются в разочаровании в своих надеждах, потерянной любви и неустроенной личной жизни. В конце романа, она, земский врач, приезжает в Петербург,

---

¹ Там же.

стоит над могилой своей сестры в Александро-Невской лавре и плачет. *«Это были слезы о несбывшихся надеждах, разбитых иллюзиях далекой юности и о чем-то таком, что осталось невыполненным...»*¹, – заключает автор.

Взаимоотношения сестер в романе развиваются на фоне лицемерия семьи Анохиных, где ее глава, штатский генерал Василий Анохин, некогда вырвавшийся из провинции в Санкт-Петербург, всю свою жизнь провел в подчинении своенравной супруге, бесконечно упрекающей его в том, что своей карьерой он обязан ей – генеральской дочке. Приезд племянницы, ее простое, доброе лицо и желание трудиться возвращает генерала мысленно к родной провинции, к семье, к памяти отца и матери, давшим ему правильное воспитание. С горьким сожалением он думает о том, что жизнь в Петербурге им прожита зря, а его дети – дочь и сын – дурно им воспитаны и никакой пользы обществу не принесут. Стремление его жены к тому, чтобы в их доме «было все как в лучших домах», насквозь пропитано ложью и самодовольством. С приездом племянницы генерал мечтает о том, как они летом вместе поедут в родной город, что служит ему временным утешением и помогает решать проблему «отцов и детей».

Показывая в романе два поколения провинциалов из одной семьи, пытавшихся найти свое предназначение в столице, а нашедших его в родном маленьком городе – для генерала навсегда потерянным, а Машей обретенном вновь, автор и десятилетия спустя пытается найти выход из своих личных переживаний, испытанных им в далекие студенческие годы. Достаточно вспомнить рассуждения Пепко на кладбище: *«...Сколько тут уложено нашего брата провинциала, который тащится в Петербург с добрыми намерениями вместо багажа. Тут и голод, и холод, и пьянство с голода и холода, и бесконечный ряд неудач, и неудовлетворенная жажда жить по-человечески – все это доводит до*

---

¹ Мамин-Сибиряк Д. На новом пути // Мир Божий, сентябрь, 1896 г.

преждевременного конца»¹, – чтобы понять, какой бо-
лью откликались эти мысли в душе автора.

Даже напоминающая «Федосьины покровы» из ро-
мана о Пепко квартира Параскевы Пятницы из рома-
на «На новом пути» в доходном петербургском доме,
где снимает комнату Маша, и куда скрывается потом
от генеральской семьи Катя, – это точное воспроизве-
дение тех комнат, в которых пришлось пожить Мами-
ну студентом. Скупое меблированные, с просиженными
диванами, с железными кроватями и облезлыми тум-
бочками, с окнами, выходившими во дворы-колодцы,
«походившие на пропасть», они представляли времен-
ное прибежище для бедных студентов. Но Маша раду-
ется и этому *«Ведь нет больше счастья чувствовать
себя независимой. Вот это мой угол и никто, реши-
тельно никто не имеет права вторгаться в него»*², и
в этом возгласе тоска автора по родному дому, по соб-
ственному углу, где ты имеешь право и возможность
быть самым собой.

Выборгская сторона Санкт-Петербурга. В XIX
веке – промышленная окраина города. Сегодня – почти
центр. На улице А. Лебедева, бывшей Нижегородской,
находится центральное здание Военно-медицинской
академии, бывшей Медико-хирургической. Все уч-
реждение, куда входят институты и клиники, занима-
ет целый квартал. Центральное здание с тех пор, как
здесь с 1872 по 1875 гг. учился Дмитрий Мамин, почти
не изменилось. Перед фасадом – красивый фонтан. По
Сампсониевскому мосту переходим в Петроградский
район, в прошлом это – Петербургская сторона, сплош-
ное захолустье, где бывший студент снимал квартиры.
Одну из них по Большой Ружейной улице, ныне улице
Мира, в доме № 9. Вторую – на Большой Дворянской
улице, теперь улице имени Куйбышева, в доме № 16.
Не исключено, что были и другие адреса. Проживание
в столице для приезжих студентов осуществлялось в

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8. С. 264.

² Мамин-Сибиряк Д. На новом пути // Мир Божий, сентябрь
1896 г.

соответствии с именным свидетельством, в котором указывался срок и адрес проживания. Согласно одному из таковых, от 4 сентября 1876 года, Дмитрию Мамину, студенту Императорского С.-Петербургского Университета, позволено было свободно проживать в С.-Петербурге по 15-е октября 1876 г. по Ружейной улице. Другое свидетельство, выданное в октябре 1877, констатирует, что Дмитрий Мамин «жительство имеет» по Большой Ружейной улице¹. Об императорском университете, чуть позже, а пока о петербургских домах.

Некогда доходные дома Санкт-Петербурга – явление удивительное. Они и сегодня себя выдают особой питерской архитектурой, фасадами похожими и в то же время разными, высокими межэтажными пролетами, окнами – с арками и лепниной, с туннелями-проходами во дворы, те самые «колодцы», похожие на пропасти, где видно только кусочек неба – высоко и далеко. И в подъездах – будто прошлый век, вопреки случившимся социальным революциям, войнам и даже страшной блокаде. Кажется, вот сейчас постучишь в эту дверь, а за ней те самые Федосьины покровы, и чухонская девушка стремглав подбежит открывать... И нам открыли. И... о, чудо! Здесь по-прежнему «покровы». В большой квартире – хостел для приезжих из провинции, малообеспеченных студентов. Кругом чисто, пахнет свежесваренным супом, на полу в обширной прихожей пар двадцать кедров и кроссовок. Только из окна не видно пустыря с капустой, о котором писал Мамин, там окна такого же дома. Сам же он будто вышел на часок, убежал с очередным репортажем к Волокитину, чтобы заработать на кусок хлеба с колбасой и вновь засесть за свой роман.

По меркам нынешнего автомобильного века недалеко отсюда находится и Литейный проспект, где сегодня в доме № 36 – Музей Николая Алексеевича Некрасова, русского поэта, писателя и публициста, классика русской литературы. С 1868 года он фактически руководил журналом «Отечественные записки», и редакция

---

¹ ЦГИА СПб, Ф. 14, д. № 19057.

этого журнала в то время располагалась именно в этом доме на бывшей Литейной улице, 36.

«Отечественные записки» – русский литературный журнал XIX века, он выходил в Санкт-Петербурге с перерывами с 1818 по 1884 год и оказал значительное влияние на движение литературной жизни и развитие общественной мысли в России. С осени 1839 до весны 1846 года отделом критики в журнале заведовал Виссарион Григорьевич Белинский, известный русский публицист и философ.

В то время, когда журналом руководил Некрасов, к сотрудничеству был привлечен известный прозаик и публицист Михаил Евграфович Щедрин. После смерти Некрасова в 1877 году он возглавил «Отечественные записки», а его соредакторами стали Николай Константинович Михайловский и Григорий Захарович Елисеев, известные русские публицисты. Журнал, отчасти продолжая революционно-демократическую линию журнала «Современник», который до перехода в «Отечественные записки» возглавлял Некрасов, носил народнический характер, ориентированный на сближение с народом в поисках своих корней, своего места в жизни. К участию привлекались известные писатели и публицисты Глеб Успенский, Федор Решетников, Всеволод Гаршин, Николай Златовратский, драматург Александр Островский, другие беллетристы, философы, экономисты. О независимости взглядов руководителей и авторов журнала свидетельствует тот факт, что в 1884 году «Отечественные записки» были закрыты по личному распоряжению главного цензора России, начальника Главного управления по делам печати Евгения Феоктистова, в прошлом – сотрудника журнала, прошедшего путь от активного либерала до главного цензора и, несомненно, хорошо понимающего, за что можно закрыть подобное издание.

Сам журнал, литературная атмосфера вокруг него, редакторы и отдельные авторы сыграют большую роль в жизни и творчестве Дмитрия Мамина – с того самого момента, когда однажды, будучи студентом, он принесет в редакцию на Литейном свою повесть «Мертвая

вода». Его встретит пожилой господин с запоминающимися выпуклыми глазами. Ознакомившись с рукописью, и сурово посмотрев на пришедшего сквозь очки, он проговорит хриплым голосом: «Мы таких вещей не принимаем...». О том, что новоиспеченный автор почувствовал в следующий момент, он рассказывает в «Пепко»: студент вылетел из редакции пулей, забыв в передней свои калоши. *«Это было незаслуженное оскорбление... И от кого? Я его узнал по портретам. Это был громадный литературный человек, а в его ответе для меня заключалось еще восемь лет неудач»*¹. Обидчиком был М.Е. Салтыков-Щедрин. Стремление Мамина к большой литературе несколько поугасло. «Отечественные записки», где в свое время печатались произведения таких мэтров литературы как Жуковский, Вяземский, Лермонтов, Огарев, Герцен, Некрасов, Тургенев, Аксаков, обязывали к гораздо большему, чем располагал на тот момент репортерский опыт Мамина. Как он сам выражался, платили ему в низкосортных журналах по шесть рублей за каждого покойника, «убитого» в очередном фельетоне. И, тем не менее, именно Салтыкова Дмитрий Наркисович будет считать своим литературным крестным, способствующим его творческому росту и высоко оценившим очерк «Золотуха», который будет опубликован в февральской книжке «Отечественных записок» 1883 года и откроет Мамину путь в большую литературу.

А пока, в студенческие годы, в 1875 году он печатает первый рассказ «Старцы» в воскресном приложении к газете «Сын отечества» с одноименным названием. Об этом факте, о рассказе, взятом редактором журнала с большим снисхождением и только на «затычку», Мамин потом неоднократно с большим юмором будет рассказывать своим друзьям и опишет всю эту историю в «Пепко».

Но не будь этого горького опыта и упрямого желания Мамина доказать, что ты чего-то тоже стоишь, а труды твои – не сравнить ни с какими «затычками», то получила ли бы русская литература такого яркого,

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8. С. 413.

характерного и самобытного писателя? Об этом периоде жизни он сам говорил так: «Я прошел тяжелую репортерскую школу и земной ей поклон. Она дала мне, прежде всего, знание жизни с ее подноготной, умение распознавать людей, несмотря на их репутацию, страсть окунуться в самую гущу повседневности, где на дне можно найти такие «жемчужины», что сам Лев Толстой подскочил бы от восторга»¹.

Несмотря на первые литературные неудачи и круговерть репортерской работы, Дмитрий Мамин в это же самое время собирает и обдумывает материал, который в дальнейшем найдет художественное воплощение в его серьезных произведениях. К этому периоду относятся наброски очерка «Бойцы», начало работы над романом «Приваловские миллионы» и – пока без определенной цели – сбор материала о горнозаводском укладе и жизни старообрядцев на Урале. Письмо Дмитрия к отцу от 21 августа 1875 года из Парголово содержит просьбу отцу о делах.

«Живя так долго в Висиме, Вы, папа, отлично знакомы с настоящим краем и его прошедшим. Мне для некоторых целей крайне необходимо знание этого настоящего и прошлого, хотя и я кой-что знаю о них. Я был бы очень обязан Вам, папа, если бы Вы взяли на себя труд сделать три вещи: кой-что припомнить, кой-что порасспросить и кой-что прочитать.

Припомнить Вы можете вот что: чрез ваши руки проходили и проходят интереснейшие факты из раскольничьей жизни: жизнь в скитах, сводные браки², взгляды на семейную и общественную жизнь со стороны раскольников, их предания, суеверия, приметы, заговоры, стихи, правила и т. п. Все это мне крайне интересно знать, и Вы бы, папа, хорошо сделали так: подобрали бы к стороне те документы, которые перешли к Вам из раскольничьих рук, и занесли не-

¹ Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск, 1977. С. 27.

² Сводные браки – по всей видимости, имеются в виду браки без венчания по церковному обряду, характерные для старообрядцев-беспоповцев.

которые факты на бумагу, которые Вам известны. Я говорю о фактах и цифрах, которые обрисовывали бы как прошлое, так и настоящее раскольников на Урале. Для этой же цели Вы, папа, могли бы достать много интересных выдержек из заводского архива.

Далее, еще более интересно следующее: это собрать те сведения о доме Демидовых, которые лежат в конторских бумагах или ходят по рукам в виде рассказов и воспоминаний. Особенно важно здесь постоянно иметь в виду резкую разницу, отделяющую энергичных, деятельных представителей первых основателей дома Демидовых и распущенность последних его членов. Здесь интересны два ряда фактов, характеризующих, с одной стороны, энергию первых Демидовых и распущенность и самодурство последних. У Вас, папа, есть книжка о доме Демидовых, хорошо было бы, если Вы на полях ставили цифры и делали к известным лицам собранные примечания. Так я, например, помню, что жил один Демидов на одном острове Черноисточинского пруда, далее, как он неутомимо основывал один завод за другим, разыскивал руды и проч. Далее, интересно, например, знать подробности таких фактов, как приезды Авроры Карловны на заводы: безумное мотовство и проч.

Кстати, Вы не пройдетесь мимо интересных фактов, характеризующих жизнь фабричных, рудниковых, беглых, знаменитых разбойников. Словом, всякий факт, резко выдающийся из ряда других, как характеризующий прошлое и настоящее Урала в низших и высших слоях его населения, будет мне крайне интересен. Рассказу о Ермаке, Пугачеве, Малороссии и проч. – все это крайне интересно знать. Также факты встречи малороссов с раскольниками на Урале и первые шаги их взаимной жизни.

Все это мне крайне интересно и необходимо знать, особенно же о Демидовых, о которых Вы, папа, можете собрать много сведений от старых служащих¹. Это письмо – будто конспект будущих романов «Горное гнездо» и «Три конца». И подтверждение тому, что

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 340–341.

возвращение к родной провинции теперь не только в мыслях, но и делах, помогло обрести Дмитрию почву под ногами и не оказаться преждевременно на кладбище среди ему подобных провинциалов, угодивших туда по причине алкоголизма или болезни.

31 декабря 1875 года Дмитрий, поздравляя отца и всю семью с наступающим новым годом, подводит итог уходящему. Он пишет о том, что попытал счастья по части беллетристики, где считает главным выигрышем двести рублей, полученные за свои произведения, и отмечает приобретенную уверенность, что он «может писать в этом направлении не хуже других». И все-таки настрадавшись в Петербурге от голода, он выводит на первое место материальный достаток и словно извиняется перед отцом за свою меркантильность, не имеющую ничего общего с истинным назначением литературы: *«Деньги, деньги и деньги... вот единственный двигатель моей настоящей литературной пачкотни, и она не имеет ничего общего с теми литературными занятиями, о которых я мечтаю и для которых еще необходимо много учиться, а для того, чтобы учиться, нужны деньги. Вам не понравится, папа, это откровенное признание за деньгами такой важности, но если приходится вырывать у судьбы чуть не каждый грош почти зубом, то эта сила денег делается совершенно очевидной. Говоря о деньгах, я не имею в виду чего-нибудь другого, кроме самого необходимого, – когда последнее будет, тогда и вопрос о деньгах потеряет свою грозность и отступит на задний план. Будем терпеливо ожидать этого времени и будем надеяться, что мы его возьмем своими руками, именно так, как это нам хочется, а остальное все приложится само собой»*¹.

В реальности студент и репортер Мамин не ждал благ, когда «все приложится само собой». Он не перестает заниматься литературой, хотя занятия его идут «иногда вскачь, а иногда хоть плачь», что вынужда-

---

¹ Там же. С. 42.

ет его вновь и вновь обращаться за помощью к отцу и просить у него денег. Каждый раз это вызывает в нем внутренний протест и еще большее желание стать независимым. Достичь независимости он мог только путем дальнейшего усовершенствования своих произведений и их публикации. Все свои надежды он связывал с гонорами. Благодаря отцу за очередные десять рублей, он с горечью пишет «Скверно то, что на трудную минуту иногда негде перехватить рублей 15-20» и рассуждает о литературе как о недостойном ремесле: «Лучше уж быть сапожником». За этими строчками – неудовлетворенность, дни неудач, голода, очередных разочарований. И новых попыток... В апреле 1876 года он передает в редакцию мало известного «Журнала русских и переводных романов и путешествий» рукопись романа «Виноватые», и просит в письме к неизвестному редактору от 21 апреля посмотреть ее, как можно быстрее. Так как сданная рукопись составляла только половину всего романа, то автору важно было знать мнение редактора. Удивляет храбрость и настойчивость Дмитрия Мамина в собственной оценке романа: *«...беру на себя смелость обратить Ваше внимание на то, г. Редактор, что как сюжет «Виноватых», так в особенности его подробности отличаются особенной оригинальностью как отдельных характеров действующих лиц, так и всей обстановки и бытовых особенностей той местности и того времени, во время которого происходит действие рассказ»*.¹ В будущем к своим зрелым и значимым произведениям Мамин-Сибиряк будет относиться иначе – объективно и самокритично, без всякой наносной напыщенности.

Этот же выпад по поводу собственной оригинальности можно объяснить юношеским максимализмом, а еще больше – страшной нуждой. Весной 1876 года у него вновь открывается «болезнь груди», по-видимому, начинался туберкулез. Врачи настойчиво рекомендуют хорошее питание и южное солнце. Но по причине отсутствия денег он не может добраться даже до родного Висима и на лето вновь остается в Петербурге, что со-

---

¹ Там же. С. 343.

всем не идет на пользу его здоровью. К тому же в конце мая он узнает о том, что оставлен на третьем курсе ветеринарского отделения академии, как не сдавший экзаменов. На этом с ветеринарией он решает покончить и пятого августа увольняется из академии по собственному прошению. При этом он не забывает ни на один день своих беллетристических опытов, не оставивших сколько бы значительного следа в литературе, и продолжает сотрудничество с разными газетами и журналами, в том числе «Сыном Отечества», где в мае был опубликован его рассказ «В горах» за подписью «М». В июне в этом же журнале выходит рассказ «Не задалось» с подзаголовком «Прессованный роман» за подписью «Н», и тогда же – названный выше роман «В водовороте страстей», который, по собственному убеждению автора, мог бы его кормить несколько месяцев, так как обещанный гонорар составлял пятьсот рублей. Этих денег он не получил.

Обманутый издателем Дмитрий обращается в суд, где рассмотрение дела затягивается на несколько месяцев. Между тем 12 августа он подает прошение ректору Санкт-Петербургского университета: «От бывшего студента Императорской Медико-Хирургической Академии, Дмитрия Мамина. Желая поступить в число студентов С. Петербургского Университета по факультету юридических наук, на юридическое отделение, прошу допустить меня к повторным приемным испытаниям». При этом прошении приложено уведомление Медико-Хирургической Академии о том, что учебное заведение «имеет честь уведомить, что бывший студент Дмитрий Мамин ни в чем предосудительном замечен не был по поведению аттестовался *весьма хорошим* и к поступлению его в число студентов Университета со стороны Академии препятствий не встречается»¹.

Данное поручительство – лишнее подтверждение тому, что пропуск лекций и практических занятий студентом не отражался на его «весьма хорошем» поведении, важно, что он не был замечен ни в чем предосудительном, то есть, в студенческих волнениях. «Весьма

---

¹ ЦГИА СПб, Ф. 14, дело № 19057.

хорошее поведение» ни каким образом не было взаимосвязано и с отсутствием платы за слушание лекций, которую Мамин не вносил в течение восьми полугодий.

На повторных экзаменах в университет Дмитрий получает по русскому языку «отлично», по латинскому и греческому – «удовлетворительно». В сентябре он принят на юридический факультет Петербургского университета, где надеется получить хорошие знания в области политической экономии и других политических и социальных науках. Однако в том же сентябре получение знаний осложняется прежним отсутствием средств к существованию. И он вновь, болезненно переживая свою зависимость от родителей, обращается с просьбой к отцу о пятидесяти рублях, которые обязуется вернуть, как только получит деньги, отсуженные за свой роман. И одновременно пишет:

Его Превосходительству Господину Ректору
С.-Петербургского Императорского Университета
От студента 1 курса юридического факультета
по отделению юридических наук Дмитрия Мамина

Прошение:

Прошу Вас Ваше Превосходительство, назначить мне сторублевую университетскую стипендию и освободить меня от взноса платы за право слушания лекций.

1876 г. сентябрь 13 числа Студент Дмитрий Мамин

Резолюция ректора кратка: «Отказать».

Он снова пишет в газеты, ждет решение затянувшегося судебного процесса и с огромной радостью победившего в справедливом споре встречает 20 октября решение мирового судьи о взыскании с ответчика, издателя журнала, где печатался роман «В водовороте страстей» 449 рублей 40 копеек. Увы, наивный репортер и не менее наивный студент юридического факультета тогда не знал, что если бы все редакторы-

мошенники ждали на свои действия исполнительных листов, то мошенничества просто бы не существовало. Исчез из поля зрения и известного места проживания и редактор-издатель Кехрибарджи, а вместе с ним и все надежды студента Мамина на сытую и благополучную жизнь.

О, как в эти дни он ненавидел всех редакторов, их низкопробные журналы и осточертевшие ему газеты! Как завидовал семейным и самостоятельным однокурсникам по медицинской академии, определившимся в жизни, твердо стоявшим на своих собственных ногах. Его каменистый путь в литературе стоил ему пока только мозолей, набитых шишек и душевных ран. Пора бы было окончательно во всем разочароваться и с усердием приняться за изучение юридических наук. Не нуждаясь он так в заработке, возможно и принялся бы Дмитрий за изучение политической экономики, но вряд ли бы и тогда оставил занятия словесностью. Предназначение его уже было определено, не им самим, а свыше. Ему оставалось к нему прийти, вопреки всем собственным сомнениям и лишениям.

7.

В сентябре 1876 года семья Маминых переезжает из Висимо-Шайтанского завода в Нижнюю Салду, чему способствовал управитель Нижнесалдинского завода Константин Павлович Поленов, в прошлом – управитель Висимо-Шайтанского завода, состоявший с Наркисом Матвеевичем Маминым в самых добрых отношениях. Дмитрий в это время в письмах к отцу желает ему «на новом месте и при новой обстановке нового счастья», ожидая, что при большем приходе материальное положение семьи улучшится.

Восьмого сентября 1876 года, в праздник Рождества Богородицы, началась церковная деятельность Наркиса Мамина в Нижнесалдинском заводе. Одна из первых его проповеднических речей в Никольском храме касалась нового бессемеровского производства на металлургическом заводе. Храм и завод находились

рядом. Священник для управителя завода был первым помощником. Церковь, выполняя основную идеологическую функцию для православного люда, наделяла священника первостепенной ролью, он был фигурой, выполняющий все таинства, связанные с появлением человека на свет, его жизненным путем и кончиной. Наместник Бога на земле мог прощать и наказывать. Но только такой священник как Наркис Матвеевич Мамин нужен был такому управителю заводом как Константин Павлович Поленов.

Они дружны были с Висима, когда Поленов с 1862 по 1864 возглавлял Висимо-Шайтанский завод. Поддерживались отношения между семьями Поленовых и Маминых и после перезда Константина Павловича в Нижнюю Салду, куда он был назначен управителем. Не сошедшись там с действующим священником, он стал приглашать к себе Наркиса Матвеевича, обещая ему от большого прихода и большую оплату. И в 1876 году Мамины решились на смену места жительства.

Причины дружбы Поленова с Наркисом Матвеевичем стоит искать, прежде всего, в личностях обоих, не просто металлурга и священника, но истинных просветителей своего времени. И если о Наркисе Матвеевиче с этой точки зрения мы уже имеем некоторое представление, то стоит сказать несколько слов и о Поленове. О неординарности этой личности говорит его поступок в молодости. Окончив с отличием гимназию и не имея никаких средств для дальнейшей учебы, он продал полученную за отличие медаль и отправился на вырученные деньги в Москву, где поступил на физико-математический факультет университета и, в свою очередь, получил демидовскую стипендию. Университетский курс он окончил первым учеником и решил стать профессиональным астрономом, связав все свои надежды с лучшей в то время в стране Пулковской обсерваторией. Но работать здесь могли только воспитанники Николаевской академии Генерального штаба. Блестящая характеристика университета способствовала его поступлению в академию, где Поленов с 1856 по 1858 год учился на геодезическом отделении и за

достигнутые успехи был занесен на «золотую доску» академии. Неудивительно, что после окончания курса он был оставлен при обсерватории для приготовления к профессорскому званию.

Но жизнь в столице требовала значительных расходов, а у Константина Павловича была уже семья. Человеку порой невозможно представить, как случай может распорядиться его судьбой. Для Поленова таким случаем стало знакомство с Павлом Павловичем Демидовым, которого он обучал математике. И тот предложил ему место в одном из заводских училищ Нижнего Тагила с тем, что он составит проект преобразования учебного заведения и станет его директором. Став преподавателем в училище, Константин Павлович заинтересовался горнозаводским производством и стал его изучать, проявив и в этом недюжинные способности. В результате чего его пригласили принять участие в составлении генерального плана дачи Нижнетагильских заводов, в разработке проекта пенсионного устава для служащих и рабочих округа. И наконец, предложили место управителя Висимо-Шайтанским заводом.

С Наркисом Маминым его сблизило общее отношение к труду, справедливое отношение к заводскому человеку, понимание его нужд и чаяний. Внук священника Борис Удинцев по воспоминаниям своей бабушки пишет: «Молодой инженер очень сблизился с маминской семьей, а десятилетний Митя буквально глаз с него не сводил, слушая его беседы с отцом. В семье часто вспоминали, как К.П. Поленов помогал Наркису Матвеевичу основать при школе хорошую библиотеку, как он интересовался наблюдениями Наркиса Матвеевича над грозами и его фенологическими записями. Константин Павлович в кругу маминской семьи рассказывал о Московском университете, который он окончил до Академии генерального штаба... На Висимо-Шайтанском заводе он добился повышения заработной платы рабочим, что было совсем уж необычно для управителя»¹.

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 97.

В Нижней Салде Константин Павлович проявил себя как демократ, сторонник идей равенства и справедливости. Более тридцати восьми лет он оставался самым влиятельным человеком в Нижней Салде. С 1864 по 1902 год Поленов работал управителем Нижнесалдинского завода – одного из самых крупных металлургических предприятий Нижнетагильского округа Демидовых. И поднял его в техническом и хозяйственном плане на невиданную в те годы высоту. Он разработал и внедрил на этом заводе «русское бессемерование», опытным путем установив, что наилучший результат при конвертировании нижнесалдинских чугунов с низким содержанием кремния достигается при более высоких температурах, – а это было новым словом в конвертерном процессе производства стали. Поленов первым в России внедрил воздухонагревательные аппараты Каупера при доменном производстве и резку горячих рельсов по фотометру. Способствовал росту и становлению многих талантливых инженеров-металлургов, достаточно назвать имя только одного из них – Владимира Ефимовича Грума-Гржимайло.

Кроме технических нововведений непосредственно на заводе, Константин Павлович проводил опыты по выращиванию пшеницы и добился хороших результатов, увлекался пчеловодством. Он много работал над практическим применением электроэнергии, изобрел электрический фонарь и применил его для освещения в Нижней Салде. «С его именем связаны и многие культурные начинания в уральской провинции – самодеятельный драматический театр, показ народу шедевров мирового искусства с помощью своеобразных проекторов, внедрение электричества. У входа в заводскую контору по вечерам загорался яркий электрический фонарь – его изобретение, едва ли не опередившее знаменитые «свечи Яблочкова» – так писал о Поленове, учителе Грума-Гржимайло, писатель Феликс Вибе в своей книге «Повесть о трудолюбивом Груме»¹.

Преследуя просветительские цели, Константин

---

¹ Вибе Ф. Повесть о трудолюбивом Груме. Екатеринбург, 2006. С. 20.

Павлович распорядился обеспечить заводские цеха и комнаты отдыха газетами и журналами, которые бы были доступны как для служащих, так и для рабочих, считая, что грамотный рабочий более необходим производству, чем безграмотный. Этим объясняется и его забота о развитии образования в Нижней Салде. После долгих хлопот ему удастся организовать и построить на средства жителей земскую школу, впоследствии преобразованную в двухклассное народное училище с пятигодичным сроком обучения. Училище было одним из первых в Пермской губернии и много лет считалось лучшим в Верхотурском уезде.

По инициативе Поленова в Нижней Салде были открыты ссудо-сберегательные товарищества и общество потребителей, членами которых состояли Наркис и Дмитрий Мамины. И эта идея, как и сам образ Поленова, найдут отражение в нескольких произведениях Дмитрия Наркисовича.

Отсюда понятно, что Константина Павловича не мог устроить «любой поп» при заводском храме. Он должен быть под стать и самому управителю, и его целям в плане просвещения заводского люда. Он должен быть Наркисом Маминым.

В Наркисе Матвеевиче удивительно органично сочетались черты просветителя, пастыря и психолога. В Нижней Салде, как и в Висиме, жило много староверов. Православный священник должен был сторониться их или в лучшем случае обращать в свою веру. Но со свойственной ему мудростью и тактом Наркис Матвеевич не делил заводских людей по религиозному принципу, не сеял между ними вражды, наоборот, исповедуя общечеловеческие ценности, стремился к миру и согласию в вверенных ему приходе и заводе. О жителях Салды он пекся, словно заботливый отец о своем семействе, не оставляя без внимания своих собственных чад.

К этому времени подросли их с Анной Семеновной младшие дети – сын Владимир и дочь Елизавета. К большой радости родителей Владимир поступил в Ека-

теринбургскую гимназию и мечтал об университете, вопрос о его образовании, казалось, был решен. Что касается Лизы, то еще в сентябре 1875 года Наркис Матвеевич обращался с ходатайством к управляющему заводами П.П. Демидова о назначении «какой-нибудь суммы» на содержание его дочери в гимназии. На что последовала резолюция от 27 сентября «Дать по 100 рубл. серебром в год в течение трех лет со времени поступления»¹. Но по ряду причин Лиза в этот год учебу в гимназии не начала. И 4 августа 1877 Наркис Матвеевич пишет письмо начальнице Екатеринбургской женской гимназии С.А. Тиме с просьбой считать его дочь Елизавету «в числе желающих» поступить в гимназию. Объясняет, что не мог представить дочь к гимназии в прошедшем году, хотя прошение было послано, так как с 1 по 25 августа он был по делам службы в Перми. А в нынешнем поступление не состоялось по причине болезни дочери². Болезнь Лизы затянулась до осени 1877 года.

По приезде в Нижнюю Салду Мамины заняли две комнаты в частном доме, ожидая пока казенный дом священника будет подготовлен для нового батюшки. Об обстоятельствах жизни семьи в октябре этого же года Лиза сообщала в письме к брату Владимиру: «Милый Володя, я бы тебе написала, но все хворала. У нас теперь есть лошадь. Но она надоедает тем, что часто валяется и ее надо мыть. Квартира у нас маленькая в две комнаты. Я теперь занимаюсь у Марии Александровны (Поленовой – жены К.П. Поленова – прим. автора) три раза в неделю. Мама кланяется».³

В основном же письма сыну писал Наркис Матвеевич, который, как и старших сыновей, наставлял его хорошо учиться и беспрестанно беспокоился о его здоровье: «Милый наш Володя! – писал он сыну 29 сентября 1876 года. – Вчера мы получили твое письмо от 20 числа, посланное с попутчиком. Радуюсь, что у тебя

---

¹ По материалам Объединенного музея писателей Урала.

² Там же.

³ Письмо от 27 октября 1876 года, Нижнесалдинск. Из фондов Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал».

ныне квартира хорошая и не дорогая, жалею тебя, что ты был болен от зубной боли, и просим тебя беречь здоровье. Попив чаю и вспотевши, не выходи на улицу. И не стой на ветру, также вредно сидеть у окна [...]. Вечером 27 числа мы получили письмо от Мити, не совсем для нас приятное. Он пишет, что доктора считают его не способным по состоянию здоровья заниматься медициной, ветеринаром же он не захотел быть. Поэтому он перешел в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет и поступил на первый курс.

Следовательно, ему остается учиться еще четыре года, если будет счастливо сдавать экзамены в новом учебном заведении. Он просил у нас денег, и мы послали ему. Тебе пошлем на следующей неделе, как только найдем попутного в Тагил. Пиши нам, как идут твои занятия, как ты отвечаешь уроки. Вот скоро у вас выдадут табель успехов учения. Напиши нам, какие у тебя будут баллы. Это нам очень интересно знать. Как будет зимняя дорога, местные торговцы будут чаще выезжать в город. Тогда мы сможем посылать тебе какие-нибудь гостинцы. Передай поклон от меня и от мамы своей доброй хозяйке Настасье Никитичне. Желаем тебе здоровья и отличных успехов в учении. Бог да благословит тебя, наш милый. Любящий тебя отец, священник Наркис Мамин»¹.

Вся корреспонденция Наркиса Матвеевича к его сыновьям пропитана искренней любовью и нравственной чистотой, стремлением привить им понятия уважения, чести, человеколюбия и необходимой для каждого человека потребности к труду. В своих письмах он будто ведет с детьми нескончаемый разговор, пытаюсь своими наставлениями, предотвратить в их жизни возможные беды. И даже бытовые подробности, как правило, неизбежные в общении родных, не противоречат общему строю писем, а только дополняют их необходимыми деталями. «Милый наш Володя! – начинается он разговор с сыном 5 ноября 1876 года. – В

---

¹ Письмо от 29 сентября 1876 года, Нижнесалдинск. Из фондов Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал».

понедельник мы получили два твоих письма. Нам приятно слышать, что ты здоров, также нам приятно, что заслужил лестные отзывы преподавателей своим хорошим поведением. Будь уверен, что подобные лестные отзывы вызовут внимание и расположение к тебе господ преподавателей, господина инспектора и господина директора гимназии. Старайся и впредь заслуживать их хорошим поведением и прилежанием к учению.

Лестные отзывы не останутся в стенах гимназии. Они через твоих товарищей по классу перейдут к знакомым-гимназистам, а от них и в общество, в котором доставят тебе уважение и хороший прием лучших людей общества, а это очень приятно и может быть иногда полезно.

До отпуска на праздник Рождества остается учиться не более полутора месяца. Время летит совсем незаметно. Потрудись же учиться лучше, тогда тебе веселее будет гостить дома. И мы встретим тебя с особенной радостью и уважением. Постараемся доставить тебе больше возможностей и приличных удовольствий.

Благодарю тебя, мой хороший мальчик, за твое поздравление меня с днем ангела и твое доброе пожелание мне. Именины мои в Сааде были подобны Висимским. Поздравляющих было довольно, но не все оставались закусить именинного пирога. Закусывали только 16 человек, в том числе наших два священника и верхне-саадинский священник, наш диакон и два псаломщика, здешний лекарский ученик, смотритель лесов с женой, судебный пристав, господин Хлопин, хозяин квартиры с сыном, церковный староста с братом и еще кое-кто. Поленова Мария Александровна была с мамашей поздравить.

Если можно тебе проносить сапоги до отпуска домой, то лучше бы тебе сшили сапоги здесь, чеботарь здесь есть хороший. Наверное, и товар положит тебе прочный. Если нужны тебе сапоги будут раньше отпуска, так ты напиши, мы пошлем тебе на них деньги.

В прошедшую пятницу мы послали тебе денег 14 рублей серебром, хорошо было бы, если бы ты получил деньги в 31 число октября. Мы с нетерпением ждем

твоего табеля. Надеемся, что твои успехи в учении, хороши, как и прежде. Это доставило бы нам большое удовольствие [...].

Лиза получила от земского педагогического совета за успехи награду от Висимско-Шайтанской школы две книги «Евангелие» на русском наречии и отечественную историю Рождественского. Желаем тебе здоровья, отличных успехов в учении и хорошего поведения, чем ты всегда доставишь нам самое большое удовольствие и приобретешь наше уважение. Бог да благословит тебя, наш милый, дорогой мальчик. Преданный тебе отец, священник Наркис Мамин»¹.

Личность Наркиса Мамина и его отношение к детям помогают понять и личность его сына Дмитрия. Сын и отец были не только духовно близки, они одинаково чувствовали, во многом одинаково воспринимали жизнь. Внутренний мир Наркиса и Дмитрия Маминых был полон чувств и переживаний. Они были одинаково ранимы и одинаково глубоко и страстно умели любить. Вряд ли сын при жизни отца знал о такой его слабости как страсть. Да и слабость ли это, когда человек всецело отдает себя чувству – бессознательно, бесконтрольно живя только помыслами о любимом ему человеке? Казалось бы, за церковным саном невозможно было разглядеть чувственную натуру Наркиса Матвеевича, да и скрывал он свои эмоции. С годами научился этому. Трудно сегодня предположить, знал ли о его дневнике 1851 года сын, но читая страницы, исписанные крупным, четким почерком Наркиса Матвеевича, невольно сравниваешь их с другими страницами, написанными в порыве любовного потрясения его сыном.

Наркис Мамин вел этот дневник с 1 июля по 7 сентября 1851 года, состоя на службе в захолустном уездном местечке Ёгве, куда был направлен после окончания Пермской духовной семинарии. В течение двух месяцев он ежедневно писал строчки, которые потрясают своей искренностью, пылкостью и лиризмом. Поводом к писанию послужило его одиночество,

---

¹ Письмо от 05 ноября 1876 года, Нижнесалдинск. Из фондов Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал».

наступившее после отъезда из дома жены Анны с первенцем Колей. В первый же день расставания молодой священник теряет всякое самообладание. «Что я пере-чувствовал сегодня, кто в состоянии выразить? Долго, долго я буду помнить этот день, который можно поставить в число самых наискучнейших... Даже не знаю и того, что и по каким побуждениям я делал: голова моя как-то кружилась, мной владели, двигали какие-то незнакомые до сегодняшнего дня чувства, а сердце, о сердце. Что с ним было? О! Боже!.. Аннушки нет и Коли, так трепещет грустно сердце, что нет возможности объяснить, сколько раз я хотел заплакать. Так сердце давит... Я не плачу, но мне тяжелее, когда я не плачу – гораздо легче, когда плачу. Ах! Пустота, пустота, все пустота; сколько нужно тут твердости духа... Если бы не было Устиновича, я бы залился слезами. При нем стыдно показаться слабым таким чувствительным. Но от того не легче. О! О! Мучительный день! Я не думал, что ты так ужасен»¹.

Тоска по уехавшей на время жене так сильна, что она всецело поглощает священника, который по долгу службы должен заниматься душевным излечением своей паствы, а не сосредотачиваться на собственной боли. Но Наркис еще молод, любим и любит. И два предстоящих месяца разлуки с ненаглядной женой кажутся ему испытанием, посланным Богом. Он механически исполняет свои обязанности, но всецело сосредоточен на самом себе. И пишет на следующий день: «Девятого июля. Два часа по полудни. Сейчас пришел из церкви, венчал две свадьбы, и, взглянув на часы, вспомнил, что в два часа вчера со слезами на глазах я провожал Анечку. Сутки, о, какая тягость прожить без тебя одни сутки, с тягостью не видеть тебя полтора или более месяца!!!! О!! О!! О Господи! Сподобь меня провести эти полтора месяца!! И я даю обещание не разлучаться с Аннушкой на такое долгое время ни ее не отпускать, ни сам уезжать, исключая обязанностей службы»².

---

¹ РГАЛИ, Ф. 316, оп.1, ед. хр. 163.

² Там же.

Многочисленные восклицательные знаки, избыточные во всем тексте, не в состоянии передать тех чувств и эмоций, которые переполняют сердце Наркиса. Он в буквальном смысле не знает, куда себя деть. И десятого июля, будто ослабев от переживаний, делает краткую запись: «Вечер играл на гитаре, и не плакал, не мог как-то плакать; но мне все скучно...»¹.

В последующие дни страстные эмоциональные переживания чередуются с подробным бытописанием, что станет впоследствии ярко выраженной чертой в творчестве его сына, или с описанием природы, что также станет одним из художественных приемов Дмитрия Наркисовича. Возможно, если бы его отец не стал священником, он мог бы стать писателем. «Чай пил один дома, после чаю напоил корову и телушку и накормил куриц. Пошел на покос. С дороги окликнул меня приказчик, приказчицы дома нет, уехала на именины ко приставше, а потому он меня оставил обедать. И непременно просил и вечером прийти. И только встал после обеда, сделалась буря, что за диво, такого я еще не видывал, ужас, что было! Из наших окон не видно было дома О. Александра, цветы в садике так и положило на бок, тоже случилось с капустой и горохом в огороде... У отца Александра раскрыло амбар, и повалило в огороде два или три прясла... В .... (неразборчиво – прим. автора) ужас, в Ёгве убило громом мужика с женой, которые хотели укрыться от дождя под елкой». И после описания таких событий опять стенание: «Один да один....где-то мои милые, дорогие для меня Анюточка и Коля! Ах!.. Не знаю, когда дождусь и письма от Вас!!!»² – весь мир вокруг оказался пуст и нем перед одиночеством священника.

В следующие дни Наркис подробно описывает отца Александра, обед у него, подробно все блюда и тех, кто присутствовал на обеде. Но главное, о чем заносит в дневник, что подал прошение о своем освобождении с места. Холодная июльская погода отражает его настроение. «Тринадцатое июля. Ночью сегодня шел

---

¹ Там же.

² Там же.

дождь. И теперь опять идет. Погода пасмурная – самая скучная, еще скучней, чем была в прошедшие два дня. Где-то вы в это время? И вам я думаю не очень весело, если там, где вы, такая же погода, чего, впрочем, избави Бог». И дальше после получения письма от жены: «Аннушка! Друг мой! С каким удовольствием я берусь за перо писать к тебе. Очень, очень охотно! Как будто поговорю с тобой»¹.

Два месяца испытания ожиданием, два месяца душевных мук и терзаний подошли к концу. Отпала потребность и в дневнике. Последние часы ожиданий. «7 сентября. Десять часов утра твердо решил оставить свой дневник. Прежде было приятно писать, теперь скучно. Буду ждать. Да со среды я весь в ожидании. О! Ты одна можешь поверить, какие мысли волнуют в собственном смысле этого слова, бедное мое сердце!!!! Представить себе, что сегодня минуло два месяца, как вы выехали отсюда. Оставляю перо... Господи! Пособини мне дожидаться Аннушку и Колю!

Богородицы день. Четыре часа вечера. Со среды сижу у окна, караулю Аннушку и Колю. В настоящее время, сидя у раскрытого окна, пленился прелестными видами облаков, а потому и взялся за перо. А облака, самые легкие, живописные... Все один. О, когда же это кончится??»²

Лучшими чертами своего отца Дмитрий Мамин наделяет героев своих произведений, как он сам писал, «о попах». В образы «старых» священников, олицетворяющих искренность чувств, душевность и доброту, он вложит все лучшее, что было присуще его отцу. В его произведениях «На рубеже Азии», «Все мы хлеб едим», «Максим Бенелявдов», «Сестры», «Авва» и конечно «Последняя треба» угадывается не внешнее сходство образов с Наркисом Матвеевичем, но значительное влияние на их внутренне содержание, впрочем, такое же, как он оказал и на самого Дмитрия.

---

¹ Там же.

² Там же.

В начале 1877 года в Петербурге в типографии Траншея отдельной книгой тиражом в три тысячи экземпляров выходит роман за подписью Е. Томского «В водовороте страстей», что, однако, не улучшает материального положения его истинного автора Дмитрия Мамина. Издатель, заплатив ему, по меркам издания, грошовый гонорар в пятьдесят рублей, оставил за собой право на издание романа. В январе от недоедания, простуды, а подчас и выпивки с друзьями-репортерами обостряется «болезнь груди» Дмитрия. Ему предлагают госпитализацию, но он отказывается от нее и скрывает этот факт от родителей.

Заметным творческим достижением Дмитрия в 1877 году становится публикация в июньских книжках журнала «Кругозор» большой его повести «Тайны зеленого леса».

«Кругозор» – один из первых российских иллюстрированных журналов, издавался в Санкт-Петербурге. Был он посвящен литературе, науке, искусству, политике и общественной жизни. Такой широкий тематический спектр позволял на страницах журнала публиковать самые различные материалы, разного уровня.

Сегодня выпуски № 23 и 24 еженедельного журнала «Кругозор» от 7 и 14 июня 1877 года хранятся в фонде редких книг отдела русских журналов Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, больше известной как имени Салтыкова-Щедрина, а еще больше как «Публичка». Созданная в 1795 году как Императорская библиотека, она стала одной из первых публичных библиотек в Восточной Европе, а сегодня это одна из крупнейших библиотек мира, являющаяся национальным наследием и культурным достоянием народов России. Главное здание библиотеки, построенное в конце XVIII века, находится на улице Садовой, в центре города, здесь же расположен и зал русских журналов. Сколько раз студент Дмитрий Мамин в 70-х годах XIX века проходил мимо здания Императорской

публичной библиотеки? Сколько раз заглядывал сюда писатель Мамин-Сибиряк? Мог ли он тогда предполагать, что журналы с его произведениями столетие спустя будут храниться в этом здании, мог ли мечтать об этом?

Для изучения таких журналов, как «Кругозор», «Артист», «Юная Россия», которые относятся к разряду редких книг, нас допустили в хранилище, где царит совершенно особая атмосфера. Шесть столов для исследователей, по одному месту за каждым. Вокруг бронированные полки, на них журналы, все закрыты. Ни окон, ни дверей. Честное слово, радуется, что так хранят национальное достояние. Отлично помню со времен лекций по истории печати на журфаке названия журналов, даже помню, как преподаватель рассказывал о «Кругозоре». Но каким же я тогда была «желторотиком», что меня это совсем не влекло, не вызывало того трепетного отношения, которое я испытала теперь! Держа в руках «Кругозор», не верила своим глазам. С каким наслаждением перелистывала «пергаментные» страницы, хотя бы бегло просматривая названия материалов, подписи авторов, которые здесь встретишь редко. Журнал хорошо иллюстрирован – конечно, рисунками, с фотографиями тогда еще работали редко. Но какие рисунки, какие портреты! Удивительно живописные и графические черно-белые – хорошего качества, обтекаемые текстом, выполненные на отдельную страницу или целый разворот, что придает особую оригинальность изданию. И вот – «Тайны зеленого леса»! Повесть занимает несколько страниц в каждом из двух номеров. Тоже без подписи, но с первых строк известное нам авторство сомнений не вызывает. Особенно в описании уральской природы поздней весной. *«... Дивно хорош такой красавец лес в ясный, благоухающий, ликующий весенний день, когда волны молодого животворящего света столбами стоят в напоенном ароматами воздухе, когда яркая зелень отливает изумрудным отсветом, когда вверху весело и радостно шумят вершины вековых деревьев, купаясь в море света и бросая на землю длинные тени, в которых долго*

алмазными слезами горит утренняя роса на траве и ближайших кустах»¹. На примере этой повести мы видим, как рождается творческий метод автора, в будущем реализованный им во многих произведениях. По контрасту с живописным описанием природы развивается собственно фабула произведения, как правило, далекая от всякой красоты. Вот и здесь на фоне прекрасного пейзажа показана житейская трагическая история, которая вполне соответствует духу известной песни: «А помнишь, изменщик коварный, как я доверялась тебе?» Только место действия выбрано необычное: могила старца-чудотворца в лесной глуши, где собираются богомольцы-староверы. Одна из богомолок, Матрена, приехавшая за сорок верст с завода, узнает в архиерее своего погубителя, опозорившего ее в молодости. Финал этой истории – месть Матрены, подавшей своему обидчику яд.

Интересно, что далее автор, он же – Дмитрий Мамин, использует необычный художественный прием: лес снова пересказывает ветру эту историю, словно доверяя ему свои тайны и закрепляя в сознании читателя сюжет очерка и его мораль: *«Господи, прости меня, – молится Матрена, – я загубила душу человеческую... Ты сам веши, что лучше: погибнуть одному члену или всему телу быть ввержену в геенну огненную»*.²

Имя героини автор выбирает не случайно. Пробразом литературной раскольницы служит уже известная нам висимская раскольница Матрена – «отец Матрентий». В повести не только верно описана сама начетчица, но и подробно переданы праздники и сборища раскольников, тема, к которой Дмитрий Мамин в дальнейшем будет многократно обращаться в своем творчестве.

Повесть «Тайны зеленого леса» и роман «В водовороте страстей» написаны автором в один период времени. Однако повесть отличается стройное сочетание достоверности с художественностью, в ней слышно живое звучание и дыхание леса. А претенциозный

---

¹ «Кругозор», № 23, 7 июня, 1877 г.

² «Кругозор», № 24, 14 июня, 1877 г.

роман лишен этой живости и проникновенности, он сродни сегодняшним мыльным операм. Впрочем, сам Мамин не скрывал, что это был слабый роман, не оправдавший его ожиданий даже в плане заработка, ради чего собственно и был написан. И все достоинство произведения заключается только в том, что его автор научился много работать. Хуже продвигались дела с учебой. На это не оставалось ни сил, ни времени, ни денег.

Старинное здание Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга с узкими коридорами и массивными дверями, за которыми хранится вся история города на Неве, вызывает невольное уважение перед его хранилищами. Фонд номер четырнадцать содержит сведения о Петроградском университете, о тех, кто здесь учился и работал, о том, как протекал учебный процесс и чем он был регламентирован. На стол передо мной кладут дело № 19057 студента Мамина Дмитрия Наркисовича, начатое 15/ VIII 1876 года.

Папку нельзя назвать объемной. Переворачивая пожелтевшие канцелярские бумаги, от первой – прошения о приеме в университет, написанном Дмитрием с явным старанием, а потому разборчиво и оптимистично, что чувствуется даже в полете строк, до следующих – аттестата Медико-хирургической академии, свидетельства Пермской семинарии с хорошими и отличными оценками, документа о свободном проживании в Санкт-Петербурге, выведенных каллиграфическим казенным почерком, все еще вселяющих надежду, до вот этих прошений к ректору университета. Сначала от 13 сентября, потом от 12 октября 1876 года: «Не имея средств, обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбой внести за меня плату за слушание университетских лекций из каких-нибудь сумм Университета или в крайнем случае, отсрочить взнос платы на возможно-продолжительное время». От 16 ноября: «Находясь в стеснительных обстоятельствах, покорнейше прошу назначить мне

пособие из университетской кассы». И далее от 7 февраля 1877: «Не имея никаких средств, обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбой о назначении мне денежного пособия из университетских сумм». И 28 февраля того же года: «Не имея возможности внести установленную плату за слушание лекций обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбой об освобождении меня от внесения оной платы в первое полугодие 1876/77 академического года». Почти на всех прошениях резолюция «отказать». Только в одном случае дана отсрочка оплаты, в другом – «выдать помощь 15 рублей».

Следуя от страницы к странице за этими прошениями, вдруг остро чувствуешь состояние молодого человека, мечущегося между университетскими аудиториями, «покровами» в доходном доме и кабацким репортерским пристанищем, где можно было получить очередной заказ на репортаж и зажать в кулаке честно заработанный рубль, утекающий тут же сквозь пальцы. Слышишь его кашель из больной груди, видишь грусть в карих глазах и еще нечто большее, то, что не дает покоя ни днем, ни ночью – сожаление о проходящей юности, о собственной несостоятельности, внутреннюю разноголосицу, сжигающую и истребляющую его – что я есть на самом деле? Ответ на этот вопрос дал бы ему успокоение. Но к пониманию себя самого шел он долго – всю жизнь.

Перевернута еще одна страница дела.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие студенту Императорского С.-Петербургского Университета Дмитрию Мамину в том, что он с Января месяца текущего года по настоящее время страдает воспалением легких. Полагаю, что для излечения от болезни г-ну Мамину необходимо уехать из Санкт-Петербурга на Юг для пользования кумысом. В чем удостоверяю своею подписью скрепленной имен- ной печатью.

С.-Петербург, 1877 июня 6 дня

Врач С.-Петербургского Университета К. Чербышев¹.

...В городском автобусе люблюсь улицами, набережными и каналами Петербурга. Вот Исаакий – ни один другой собор в Европе так меня не покорила, как это творение рук человеческих. Вот Казанский собор, памятник Екатерине II перед Александрийским театром. Санкт-Петербург – олицетворение великолепия, роскоши, художественного вкуса, галерея национальных образов, воплощенных лучшими мировыми скульпторами и архитекторами. Все это видел и здесь ходил Дмитрий Мамин под пронизывающим холодным ветром Невы, хлюпая по лужам худыми сапогами, отвергнутый весной 1877 года этими равнодушными столичными камнями.

Восьмого июня студенту Мамину было выдано разрешение на отпуск по болезни с проживанием в Пермской губернии сроком до шестнадцатого августа. Двадцать третьего июня Дмитрий выехал на Урал. В его автобиографичном романе итог этому периоду жизни подведен так. Пепко, провожая на вокзале Попова после его болезни, убеждает: *«– В самом деле, Вася, поезжай домой. Право, лучше будет... Разве мы здесь живем? Так, призрак какой-то, кошмар... Там придешь в себя и будешь работать по-настоящему. Столицы только берут все от провинции, а сами ничего не дают. Это несправедливо... А провинция, брат, – все. Помнишь былину об Илье Муромце: как упадет на землю, так в нем силы и прибавится. В этом, брат, сказалась глубокая народная мудрость: вся сила из родной земли прет»*².

9.

Нижнесалдинская земля была не совсем родной Дмитрию Мамину, но это был уже его Урал. Добрав-

---

¹ ЦГИА СПб, Ф. 14, дело № 19057.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8. С. 440.

шись в Нижнюю Салду к июлю 1877 года, он начинает знакомиться с окружающим его миром – незнакомым пока для него домом священника, заводом и его окрестностями, живущими здесь людьми.

Дом священника находится напротив Никольского храма. Если провести прямую линию от алтаря, то она приведет как раз к балкончику на втором этаже дома. До сих пор здесь бытует легенда, что священник выходил на этот балкон и смотрел на собирающуюся у храма паству. Верующие переговаривались между собой и смотрели на балкончик, когда выйдет на него батюшка, чтобы помахать им рукой. Это было знаком – «Иду к вам». И буквально в считанные минуты батюшка оказывался рядом – открывал ворота перед прихожанами с внутренней стороны. И прихожане роптали, веря в божественную силу, перенесшую чудом священника под своды храма. Так оно было или нет, сегодня сказать трудно, однако с большой долей вероятности, можно констатировать тот факт, что дом священника был соединен с храмом подземным переходом, что подтверждает краевед и руководитель работ по восстановлению храма Леонид Чукин. «Коммуникации есть, – говорит Леонид Валентинович, – ходов было много. И мы на них неоднократно выходили при строительных работах. Конечно, большинство из них сегодня завалены, ведь Демидовы их строили около двухсот лет назад. Но строили надежно, обязательно связывая подземными переходами заводское управление, храм, дом священника и приставы, чтобы в случае рабочего бунта или чрезвычайных ситуаций в первую очередь спасти всю местную власть».

Согласно преданиям и вполне очевидным фактам, помещение, служащее сегодня подвалом в доме священника, могло быть в то время первым этажом. Доказательство – заложенные кирпичом окна, выходившие прямо на улицу. Цокольные жилые этажи в салдинских домах встречались часто. Просторное помещение этого самого этажа надежно перекрыто сверху, от комнат, лиственными плахами. Со време-

нем они превратились в настоящие «железобетонные» конструкции, которые вряд ли легко распилить. Они еще сто лет простоят, и с ними ничего не случится. Вот они-то точно помнят всех хозяев этого дома, но, увы, ничего не могут сказать. Как и те камни, которыми выложены стены, конечно, помнят Маминых. Раньше до многочисленных ремонтов в верхних комнатах по следу на оштукатуренном потолке можно было еще угадать, где в комнате находилась печь. О послереволюционной судьбе дома сведения противоречивы, но точно известно, что в 30-х годах XX века здесь была типография. Потом здание некоторое время пустовало. А в 50-х сюда перевели детскую библиотеку, и несомненно, такой поворот в судьбе дома искренне порадовал бы всех Маминых.

Не менее интересна и судьба Никольского храма. На фотографии конца XIX века¹ запечатлены цеха Нижнесаалдинского завода. Большая металлургическая фабрика со множеством труб и производственных помещений. На заднем плане, скорее всего, сразу за чертой завода – храм с колоннами и колокольной, возвышающейся над куполом, с высоким шпилем и с какой-то неопределенной точкой на самом верхнем ярусе. Такой ансамбль – не случайность, храмы строились на средства заводчиков и составляли с заводом единый архитектурный комплекс.

Никольский храм находится почти в центре Нижней Салды, с восточной стороны завода. Завод и сегодня действующий, но уже не составляет единого ансамбля с церковью, требующей больших восстановительных работ, которые здесь и ведутся.

В 1820-х годах храм в честь победы над Наполеоном заложили Демидовы, проект разрабатывал крепостной архитектор Александр Петрович Чеботарев, один из любимых учеников известного французского архитектора Огюста Монферрана, построившего в Петербурге Исаакиевский собор. Неудивительно, что и Никольский храм, спроектированный Чеботаревым в

---

¹ Вибе Ф. Повесть о трудолюбивом Груме. Екатеринбург, 2006. С. 24.

память о своем учителе в стиле позднего классицизма, неуловимо напоминает как раз Исаакиевский собор. Даже если ты не знаешь его предыстории, первое что приходит на ум – это невольное сравнение с Исаакием. Вот что значит школа!

В постройке храма удивительным образом соединилась надежность конструкций и архитектурная легкость. Была еще, конечно, колокольня, опять же уникальная с точки зрения архитектуры. На ней находились куранты – подарок Петру I от голландцев, преподнесенный в свою очередь в дар Демидову, и доставшийся одному из его наследников, владельцу Нижнесалдинского завода. Этот наследник, Никита Акинфиевич, ценил куранты прежде всего как подарок царя. Но со временем часы стали нерабочими, что не снизило их ценности для Никиты Демидова. К моменту постройки храма один салдинский «левша» восстановил куранты, и они заработали и были установлены на колокольне. Теперь вполне понятно, что это за неопределенная точка на колокольне, запечатленной на старинной фотографии. Часы на православных храмах были большой редкостью, эта традиция характерна в основном для католических культовых зданий.

Храм действовал до 20-х годов XX века. Последним священником здесь был Николай Львов, член следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Колчаке, расстрелянный в Свердловске в 1937 году. Потом Никольскую церковь постигла судьба практически всех российских храмов. В советский период были сброшены с купола кресты, в 1945-м взорвали колокольню, потом пытались открыть заводскую столовую, но персонал отказался работать. В более позднее время открыли здесь гараж для сельскохозяйственной механизированной техники, в годы перестройки – автомастерскую. Последнее нашествие вандалов относится к 90-м годам, когда в поисках легкой наживы они пытались из лепнины, украшающей храм изнутри, добыть сусальное золото. Но храм выстоял во всех этих испытаниях, не понеся нарушений основных конструкций. С 1994 года, благодаря инициативе

директора Нижнесалдинского завода Валентина Васильевича Щукина, разрушение удалось остановить и начать восстановление храма.

Но тогда, летом 1877 года, когда Дмитрий Мамин приехал в Салду, Никольский храм сиял своими куполами, а бой курантов на колокольне возвещал о начале нового дня. Иногда же, торжественно вторя колокольному звону, он собирал прихожан на праздничную службу или молебен.

Все тот же Павел Николаевич Серебренников, к воспоминаниям которого мы уже не раз обращались, и который удивительным образом шел по жизни параллельно с Дмитрием Наркисовичем, спустя много лет после того, как в Нижней Салде жили Мамины, был врачом этого завода. И вспоминал о том, как относились к этой семье. «Хорошо знавшие отца (Наркиса Матвеевича Мамина – прим. авт.) характеризуют его как человека достаточно развитого и начитанного, а также с доброй душой и чутким сердцем не только по отношению к детям, но и к своим пасомым (*настве* – прим. автора) благодаря чему он пользовался заслуженным уважением и любовью всего заводского населения, далеко не отличающегося мягкостью характера и чувствительностью».¹ Именно в таком участии отца нуждался вернувшийся домой Дмитрий. Наблюдение заводского врача, любовь и внимание родных, свежий воздух и уральская природа действовали на него самым благоприятным образом. Болезнь приостановила свое развитие, хотя до полного выздоровления еще было далеко. Однако Дмитрий не мог усидеть дома и при первой возможности отправлялся в лес, сообщая о своих и семейных походах в письме младшему брату, например 9 августа 1877 года.

*«Пишу это письмо тебе, Володя, на скорую руку, потому что собираемся ехать в лес куда-нибудь в сторону шушкановых лугов, на Салду. Лиза собирает посуду и сложила было лишнюю чашку в корзину, забыв, что тебя уже нет дома»*². Далее Дмитрий со-

¹ РГАЛИ, Ф. 316, оп.1, ед. хр. 153.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 343.

общает о том, что за время отсутствия брата в Салде ничего особенного не случилось, и саркастически замечает *«да едва ли когда что-нибудь здесь и случается особенное»*. Из этого же письма мы узнаем, что представляет быт Маминых, и чем занимаются остальные члены семьи. Лиза возится с географией да петухами, Николай ходит в свою контору, Наркис Матвеевич читает газеты, Анна Семеновна стряпает что-нибудь, Дмитрий *«занимается помаленьку своим делом»*, которое, возможно, связано с занятием словесностью. В начале августа он еще позволяет себе едкие замечания по поводу провинциальной жизни в надежде на то, что скоро уедет в Петербург и с насмешкой продолжает: *«Словом, все вообще и каждый в особенности делают то же, что делали при тебе, и что будут делать еще долго. Мы тебя вспоминаем очень часто, чуть не каждый день, особенно за обедом или ужином, когда Лиза не дает нам покоя своей болтовней и когда мы ей говорим, что теперь некому надвязать хвост «куфтой», как это было летом. [...] В Пермь (по дороге в Санкт-Петербург – прим. авт.) придется отправляться по всей-вероятности в канун августа, чтоб не отпустить каравана, на котором будут отправляться Демидовым вещи на парижскую всемирную выставку.*

Желаю тебе здоровья, успехов и главное побольше смелости, ибо сия последняя города берет».

Говоря о кануне августа, Дмитрий, видимо, ошибся, имея в виду сентябрь. Но и в сентябре ему вернуться в Санкт-Петербург не пришлось. Завершает папку с личным делом студента Императорского Санкт-Петербургского университета Дмитрия Мамина один из последних документов:

СВИДЕТЕЛЬСТВО № 56

Врача Нижне-Салдинского госпиталя
Сентябрь 14 дня 1877 г.

Находящийся в Нижне-Салдинском заводе студент С.-Петербургского Университета Дмитрий Мамин в

настоящее время болен воспалением ... (неразборчиво. – *Прим. авт.*) вследствие чего г. Мамин пока еще не имеет возможности отправиться в С.-Петербург, в чем удостоверяю с приложением печати, пользующий г. Мамина врач Салдинского завода. (Подпись)¹.

После чего Дмитрий отправляет из Салды прошение на имя ректора о зачислении на историко-филологический факультет. Но ему отказывают, ссылаясь на неуплату за прослушанные лекции. В каком объеме они были прослушаны, и стоило ли за них платить, это еще был вопрос, но администрация университета была неумолима. В нескольких последующих своих обращениях к ректору Дмитрий объясняет, что был болен, и обязуется при переводе его на историко-филологический факультет оплачивать лекции. Но все было тщетно. В ноябре 1877 он был уволен из университета с формулировкой «за невзнос платы». Теперь он вынужден был посмотреть на жизнь в Салде иными глазами.

10.

Судя по последнему прошению, не только ветеринария с медициной перестали интересовать Дмитрия Наркисовича. Не нашел он отклика в своей душе и при знакомстве с юриспруденцией. Зато наконец-то почувствовал потребность в гуманитарном образовании и ближе, чем когда-либо, подошел к пониманию того, что надо учиться тем наукам, которые больше всего отвечают твоим способностям и внутренним потребностям, основанным, прежде всего, на самовыражении и самореализации. Его собственный творческий потенциал, сдерживаемый утилитарными намерениями получить профессию, позволяющую иметь заработок, больше не мог повиноваться этому насилию, увлекшему Дмитрия по ложному пути от его основного русла.

Оставшись в Нижней Салде на неопределенное вре-

---

¹ ЦГИА СПб, Ф. 14, дело № 19057.

мя, Дмитрий начинает собирать материал для своих будущих произведений. В основе его поиска – знакомство с заводом и металлургическим производством, бытом и жизнью рабочих, с новыми окрестностями и людьми. Его теперь, уже юношу, представляют семье Поленовых и лично Константину Павловичу, в котором он находит интересного и много знающего собеседника.

Его большим другом по охоте, к которой он вновь потянулся на Урале, становится рабочий завода Петр Алексеевич Матронин-Ефимов. Походы в лес, как и прежде, сопровождаются бесконечными рассказами и неожиданными встречами.

Именно в Нижней Салде Дмитрий Наркисович занялся изучением темы ссудо-сберегательного товарищества, членом которого вместе с Наркисом Матвеевичем он состоял одно время. Более того, Наркис Матвеевич вместе со старшим сыном Николаем несколько раз ездил в Кын, где было создано первое в России потребительское общество, о котором много разговоров шло в рабочей среде.

Все наблюдения этого времени Дмитрий Мамин отразил в повести «Сестры», написанной им в начале 1880-х годов, но, к сожалению, не опубликованной при жизни писателя.

«Сестры» – яркая иллюстрация особого быта уральских горных заводов. Именно в этой повести Дмитрий Мамин начинает развивать заводскую тему, которая в дальнейшем проходит через все его творчество. В этом смысле повесть можно рассматривать как одно из узловых произведений. Мастерское описание производственного процесса на заводе, данное в «Сестрах», впоследствии почти полностью будет перенесено в роман «Горное гнездо». А в романе «Три конца» появятся фигуры из «Сестер» – плотинный, уставщик, заводской дурачок Яша. Образы из «Сестер» возникают и в таких произведениях как «Авва», «Дыхание», «Блажная».

Сюжет повести основан на личных наблюдениях автора и против ожидания читателя не повествует о родственных отношениях женщин. Сестры в повести – это служащие завода, плотинный и уставщик,

оригинальная пара, «глаза и уши» фабричного управителя.

Но прежде чем заглянуть в раскаленное горнило фабрики, стоит познакомиться с описанием местности Пеньковского завода, прототипом которого явилась Нижняя Салда. *«Из окна открывался вид на заводской пруд, несколько широких улиц, тянувшихся по берегу, заводскую плотину, под которой глухо побряхтывала заводская фабрика и дымили высокие трубы; а там, в конце плотины, стоял отличный господский дом, выстроенный в русском вкусе, в форме громадной русской избы с высокой крышей, крытой толем шахматной доской, широким русским крыльцом и тенистым старым садом, упиравшимся в пруд»*¹.

Главными героями повести, кроме уже названных «сестер», являются Гаврило Степаныч, бывший механик завода, его жена Александра Васильевна, учительница, и Мухоедов – однокурсник автора по учебе.

Главная роль в повести отводится Гаврило Степанычу, который является инициатором создания пеньковского ссудо-сберегательного товарищества, некоего кооперативного учреждения. Деятельность его основывается на наличии паевого капитала, который вносится членами товарищества, и используется на выдачу ссуд членам своего общества. Гаврило Степаныч, уверенный в правоте своей идеи, объясняет, что она актуальна именно теперь, когда нет крепостного права. Так как раньше за каждого рабочего отвечал заводчик, он кормил калек и сирот, а теперь будучи свободными, они брошены на произвол судьбы.

Ссудо-сберегательные товарищества, по мнению Гаврило Степаныча, в дальнейшем могли бы перерасти в общество потребителей, то есть – кооперацию, а затем в производительные артели. При последних обязательно бы действовали страховые общества на случай увечья, сиротства, старости и прочих невзгод.

Несчастья случались в цехах, к сожалению, часто. По словам рабочих – каждый день. Одно из таких происшествий, когда молодому парню упавшим рельсом

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 1. С. 55.

перебило голень, очень беспристрастно показано автором на страницах произведения – «...мне в первый раз пришлось видеть раздавленного человека, и едва ли есть что-нибудь тяжелее этой потрясающей душу картины»¹. Гаврило Степаныч как автор идеи о ссудо-сберегательном товариществе пытался до каждого донести ее ценность. *«Имеет громадную важность самая форма, она приучает рабочего к мысли, что единственное его спасение в артели. От ссудо-сберегательного товарищества мы перейдем к обществу потребителей; может быть и удастся вырвать рабочего не только из рук «сестер»... Главное: пусть сначала привыкнут к самой форме артели»*².

Разумеется, «сестры», имеющие в Пеньковском заводе свое коммерческое дело – кабак, куда рабочие несли каждый заработанный рубль, видели в создании ссудо-сберегательного товарищества для себя прямую угрозу. И всячески противились его созданию, вплоть до того, что организовали убийство Гаврилы Степаныча. Убийцы были разоблачены и отправлены на каторгу в Сибирь. Однако и товарищество после смерти его инициатора распадается, и автор не очень-то верит в эту идею, хоть и вкладывает слова о возвращении к ссудо-сберегательному обществу в уста своего товарища – Мухоедова. Но звучат они больше как красивая мечта. Александр Иванович Груздев в комментариях к этой повести пишет: «Автор вступает здесь в борьбу с либерально-народническими теориями, согласно которым в перестройке русской экономической жизни должны сыграть большую роль различного рода товарищества и артели. Мамин-Сибиряк развивает глубоко справедливую мысль, что при капитализме подобного рода начинания неизбежно обречены на гибель»³.

Факт убийства инициатора создания ссудо-сберегательного товарищества был реальным и известен Мамину. Это было предательское убийство одного из служащих Лайского завода, пытавшегося защитить

---

¹ Там же. С. 64.

² Там же. С. 70–71.

³ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 1. С. 416.

рабочих от произвола заводской администрации и действующих с ней заодно кабатчиков. Эта же тема повторяется и в очерках «От Урала до Москвы», написанных в этот же период времени, в 1881–1882 годах, где идет речь об уральце Копылове, которого убили кабатчики по тем же причинам, что и Гаврилу Степаньча.

Параллельно с этим главным событием в повести проходят и другие сюжетные линии. Разворачивается многообразная картина жизни заводского люда – представителей заводской интеллигенции, духовенства в образе «старого» попа Андроника и нового – Егора; раскольников, которые «живут, а не удивляют своей чистотой»; нарождающихся коммерсантов в лице оборотистой Фатевны; управителя-немца по фамилии Муфель, а по прозвищу «Слава-богу» и других героев. Каждый из них представляет определенный социальный слой, а все вместе они раскрывают нравы горнозаводского Урала.

Стройную картину жизни Пеньковского завода автору удается показать, используя разнообразные средства. Здесь и меткие замечания: «самое маленькое дело, лучше большого безделья», «тайн для провинции не существует, здесь все живут на виду и потихоньку злословят друг друга», «как в истинно русском человеке, достоинства и недостатки в нем представляли самую пеструю картину», и широкие экономические и социальные обобщения.

Среди обычаев жизни реальной Нижней Салды – вечеринки в управлении завода, где проявлялись свои нравы, о которых вспоминают современницы Мамина. Екатерина Демидовна Хлопотова, учительница, приезжавшая во время каникул в Нижнюю Салду к брату, пишет:

«В управлении завода организовали общественный вечер. И я пошла туда. Никого знакомых не встретила и сидела, скучая. Вдруг подходит ко мне молодой человек в студенческой форме, с выразительными черными глазами, очень худой, и приглашает танцевать кадрили. Я уже знала, что это студент Мамин, за которым уси-

ленно ухаживали тамошние светские девицы. Когда мы вошли в круг, они на нас смотрели горделиво, свысока. «Подумаешь, с какой-то учительницей танцует»¹.

Дальше Екатерина Демидовна рассказывает о том, как на следующий день к ним домой приехали «наряженные», в числе которых оказался и Дмитрий Мамин. Они немного повеселились и уехали. Брат рассердился на Екатерину за то, что она их приняла. Тогда это считалось зазорным. Но, видимо, только не для Мамина, который не считался с условностями.

К тому же времени относятся воспоминания и другой учительницы, Елизаветы Филипповны Кулешовой, чьи родители жили в Нижней Салде, а она сама дружила с Лизой Маминой:

«Я училась в тагильской прогимназии. Вдруг в ней случился пожар, и здание сгорело. Поэтому нас распустили на каникулы раньше срока. Вернувшись домой, я снова бывала у Маминых. И вот как-то в заводской конторе организовали вечеринку. Собрался любительский хор. Мы пели: «Вниз по матушке по Волге» и студенческую песню «Проведемте, друзья, эту ночь веселей». Дмитрий Наркисович примкнул к нам и подпевал тенорком. Потом танцевали вальс, польку и кадрили. Раньше никаких танцев больше не знали. Мне пришлось танцевать с Дмитрием Наркисовичем. Он был очень весел и все время шутил и в такт музыке подпевал: «Вы училище сожгли!» Во время разговоров интересовался учебой. Спрашивал, что мы проходим».²

И хоть далеко была Нижняя Салда не только от российского центра, но даже от перекрестка уральских дорог, но и здесь проявлялся интерес к политическим событиям и общественной жизни страны. Вот как пишет Дмитрий брату Владимиру в письме от 30 ноября 1877 года об очередной победе русских войск в турецкой войне.

«Вчера вечером мы, Володя, получили телеграмму о взятии Плевны, что конечно обрадовало всю Салду и сегодня у нас в 11 часов служат торжественный мо-

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. Свердловск, 1936. С. 44.

² Там же.

лебен с пушечными выстрелами, а вчера господский дом и заводская контора была даже иллюминированы. Значит торжествуем и кончено дело». Дальше сообщает семейные бытовые подробности: «Мое здоровье совсем поправилось, хотя я все еще поберегаюсь и между прочим отказался ехать сегодня в Тагил, куда утром отправилась Мама с Колей и Лизой. Целью этой поездки служит покупка шубы Николаю, теплых платков Маме и Лизе и мне материи на штаны. Мы с Папой домовничаем». А большую часть письма он посвящает строгому наставлению младшего брата: «Твои последние письма отличаются удивительной праздностью, что особенно неприятно Маме и Папе, которые вообще недовольны твоим поведением по части прогулок. [...] Что касается меня, то и я дам тебе братский совет, что тебе не стоит связываться с подобной компанией, которая может научить тебя Бог знает чему, тем более что ты не отличаешься ни особенной хитростью, ни особенной силой характера. Во всяком случае ты должен по меньшей мере избегать пагубных знакомств... это положительно вредно для тебя, а второе – это компрометирует тебя в глазах родителей, чего ты как порядочный мальчик отнюдь не должен допускать. Я пишу тебе то, что сам думаю, а посему извини за откровенность, если что не понравится.

Скоро Рождество и мы ждем тебя к празднику, к которому, надеемся ты приедешь с чистой совестью и хорошими баллами. Высланный тобой табель всех нас очень обрадовал. Остаемся живы и здоровы. Твой брат Дмитрий. Нижне-Салдинский завод.

P.S. Папе тебе писать некогда. Деньги pošлют после Николина дня, сиречь после 6 декабря¹.

Право на подобную отповедь младшему брату Дмитрию давал опыт своей собственной студенческой жизни, увы, не всегда праведной. От возможных ошибок и горьких последствий он хотел оградить Володю.

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк, письмо В.Н. Мамину от 30 ноября 1877. Из неопубликованных писем. По материалам Объединенного музея писателей Урала.

Живя в Нижней Салде, Дмитрий Мамин работает над «Уральскими рассказами» и романом «Семья Бахаревых», который начал писать еще в Петербурге. А чтобы не быть нахлебником в семье, дает уроки. Именно репетиторство привело его в дом Алексеевых, чему лично способствовал Константин Павлович Поленов.

Глава семейства Николай Иванович – горный инженер, управляющий заводом в Верхней Салде, также демидовским, находился на стажировке в Европе. Его жена – Мария Якимовна, в девичестве Колногорова, оставалась в Салде вместе с тремя детьми – Ольгой, Володей и Александром, учителем к которым и поступил Дмитрий. Дочь старообрядца Якима Семеновича Колногорова, помощника управителя всеми заводами Тагильского округа по технической части, была воспитана на европейский манер. Знала несколько языков, обладала музыкальным дарованием и хорошо играла на рояле, была начитана и грамотна. Ко всем этим достоинствам стоит добавить, что она была просто красивой и обаятельной женщиной, с первой встречи расположившей к себе молодого человека. По сравнению с Марией Якимовной Дмитрий на самом деле был молод. Она не только была на шесть лет старше его по возрасту, ей присущ был жизненный опыт, женская мудрость и редкая интуиция. В ее лице Мамин нашел не только умную собеседницу, но и чуткого, преданного друга. Она поддерживала в молодом писателе уверенность в литературных силах, что так важно в начале творческого пути.

Но и Дмитрий, несмотря на молодость и болезненность, обладал удивительной харизмой, привлекающей к нему женщин, как и во всю последующую жизнь. Отношения с женщинами до встречи с Марией Якимовной были больше поверхностными. Он испытывал и увлечения, и легкий флирт, и физическую близость, и даже пережил роман с замужней женщиной, не оставивший сколько-нибудь значимого следа в его душе. Бесперспективность случайных связей он понимал и корил себя за это – *«И чистота чувств, и нетронутость сил, и весь духовный ансамбль – куда все*

это уходит? Нельзя безнаказанно подвергать природу такому насилию»¹. И в то же время еще в Петербурге надеялся на то, что сможет когда-нибудь полюбить по-настоящему. Образ девушки в белом платье, мелькавшей на качелях за одним из дачных заборов в Парголове и описанный в «Пепко», представлялся ему недостижимой, чистой мечтой, которой он бредил больной в горячке и страдал от отчаяния – «Я хочу жить и любить, работать, давать жизнь другим. Не правда ли, я ведь еще так молод, и это было бы величайшей несправедливостью – умереть на рассвете жизни. Я, наконец, не настолько испорченный человек, чтобы не мог исправиться»².

Встреча с Марией Якимовной давала ему шанс на исправление и любовь. Чувства их были взаимными.

Портрет Марии Якимовны среди других фотографий можно увидеть в Нижней Салде, в постоянно действующей экспозиции библиотеки имени Мамина-Сибиряка, расположенной в бывшем доме заводского священника. По старой лестнице, по которой поднимались хозяева дома в верхние комнаты около ста тридцати лет назад, поднимаемся и мы. Уже по опыту знаю, что в провинции всегда можно встретить что-нибудь интересное. Вот и на выставке библиотеки представлены редкие фотографии домов «трех концов» Висима, портрет молодого Мамина, выполненный местным художником Семеном Винокуровым. А также копии иллюстраций первого художника-иллюстратора произведений Мамина-Сибиряка и его современника – Яковлева, которые Дмитрий Наркисович отмечал за их народный характер. Фотография Мария Якимовны – тридцатилетней женщины с правильным овалом лица, волнистыми, забранными назад волосами, с умным взглядом, будто устремленным в будущее – в свою и его судьбу. Женщине из староверческой семьи, замужней, с тремя детьми надо было обладать большим мужеством, чтобы в то время противостоять мнению

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8. С. 324.

² Там же. С. 394.

родных, вековым традициям староверов и светскому, хоть и провинциальному обществу, и, поддавшись единственному чувству – любви, оставить и родных, и это общество.

Но в конце 1877-го, начале 1878-го они еще в Салде. Дмитрию хочется постоянно проявлять свое расположение любимой женщине. В один из таких порывов он дарит Марии Якимовне свою пока единственную книгу «В водовороте страстей» с посвящением: «Этот роман – произведение зеленой юности; по нему Вы, Мария Якимовна, можете судить, подвинулся ли автор вперед в следующих работах». Это потом ему будет стыдно вспоминать об этом поступке: роман покажется ему слабым, и он захочет о нем забыть, но тогда, тогда... У него будто выросли крылья, ему хотелось творить – сочинять, писать и даже ставить спектакли. Константин Павлович Поленов хоть и считал театр делом несерьезным, всего лишь забавой, безвредным развлечением, но по личной инициативе оборудовал любительский театр на чердаке собственного дома. Там впервые пробовал себя и свои режиссерские способности Дмитрий Наркисович. Он был вдохновлен! В очередной раз он мечтал поступать в университет, теперь Московский, и слал запросы в Петербург с тем, чтобы ему вернули – выслали почтой документы. Казалось, ничто теперь не может помешать осуществлению его планов, воплощению идей. Но так уж устроена жизнь, что все рушится именно тогда, когда кажется совсем неизбежным.

В январе 1878 года священник Наркис Мамин после выезда на потребу в далекий от Салды район простудился и тяжело заболел. Томительные десять дней, с 13 по 24 января, в доме стояла невыносимая своей безысходностью тишина. Анна Семеновна молилась у зажженной лампы. Какие слова отправляла она всемогущему Богу?.. Как страстно просила не допустить смерти мужа, верующего человека и вечного труженика, спешащего на помощь каждому?.. Дмитрий не отходил от постели отца и вносил данные о его темпе-

ратуре в тетрадь. Последняя запись им сделана 24 января: «Двадцать пять минут девятого Папа умер». Наркису Матвеевичу Мамину было всего пятьдесят лет.

...Марией Якимовной Алексеевой была устроена на заводе подписка в пользу оставшейся без средств семьи.

Всю боль этого тяжкого для семьи события Дмитрий Наркисович выразит в своем рассказе «Последняя треба», впервые опубликованном в двенадцатой книге журнала «Мир Божий» за 1892 год, и в 1893-ем изданном отдельной книгой в типографии И.Д. Сытина.

Согласно словарю Даля «треба» – это отправление таинства, а также причастие. Христианину очень важно получить причастие перед смертью, очиститься от грехов. Сюжет рассказа «Последняя треба» прост. На исходе рождественской заутрени в сельской церкви, куда собрались на службу крестьяне со всех окрестных деревень, появляется ненавистный им лесник Евтроп и просит попа Савелия поехать с ним на лесной кордон, где после родов умирает его жена и просит о причастии. Поп проникается большим сочувствием к леснику, но не может оставить прихожан, собравшихся издаека, тем более что к Евтропу они симпатии не питают. Буквально на нескольких страницах автор показывает, как происходит нравственное перерождение русского человека: от лютой ненависти до глубокого участия, исходившего сначала от женщин: *«Поезжай с Богом, поп Савелий... Не таковское это дело, чтобы мужиков слушать»*. И до мужицких обстоятельных проводов, взвесивших ситуацию с уставшей лошадью: *«Убродно сейчас ехать, а Лысанке надо еще два конца сделать. Доедешь один-то, поп?»*¹. И сиюминутная готовность попа: *«Как не доехать, доеду, – согласился поп, запахивая свою шубенку... Кто-то снял опояску, и ею опоясали попа. Чья-то рука поставила воротник, другая нахлобучила баранью шапку на самые уши, и поп был готов»*².

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в двух томах., М.: Русская книга, 1999. Т. 2. С. 163.

² Там же. С. 164.

К умирающей женщине поп Савелий успел. На обратном пути поднялась вьюга. Но умная лошадь на шатающихся от усталости ногах вернулась все-таки обратно. Народ устал от ожидания, и обступил сани, как только они подъехали к церкви. *«Батюшки, да ведь поп-то замерз! – крикнул чей-то голос. Все ахнули. Около саней росла толпа. Послышались причитанья и тихий женский плач, а поп Савелий лежал в креслах с блаженно счастливым лицом, как тихо заснувший ребенок»*¹.

В феврале (26) того же 1882 года, когда рассказ вышел в печати, Дмитрий писал в письме матери: *«Я редко говорю о папе, но постоянно думаю о нем, и его образ всегда живым стоит перед моими глазами и навсегда останется лучшим примером для нас... Милый, тысячу раз дорогой папа, которому мы обязаны всеми нашими успехами, всегда будет с нами, как наше лучшее, самое дорогое, что только может дать жизнь»*².

Дом священника стоит почти рядом с Никольским храмом. В 2012 году, к 160-летию со дня рождения Мамина-Сибиряка, там установлен памятный камень с датами жизни и смерти Наркиса Матвеевича Мамина. Истинное место захоронения пока неизвестно. Несомненно, что находится оно на бывшем церковном погосте, где хоронили всех священников и почетных жителей города.

– Квадрат этот нами уже определен, – рассказывает Леонид Валентинович Чукин и предлагает пройти вслед за ним.

Продираемся сквозь заросли кустарника к огромному тополю и останавливаемся перед каменным надгробием, откопанным где-то с глубины полуметра. На чугунной полоске, оставшейся от основания сбитого креста, отлиты имена: «Мария и Людмила Поленовы».

– Здесь погребены жена и теща Константина Павловича, – продолжает Леонид Чукин. – По свидетельствам современников, эта могила находилась не-

---

¹ Там же. С. 176.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 348.

далеко от места упокоения Наркиса Матвеевича. По наставлению владыки Иннокентия – епископа Нижнетагильского и Серовского, будем вынимать грунт на площади, примыкающей к камню и искать реальное место захоронения священника.

В действующий храм было три входа. К центральному, что со стороны завода, тропинка пролежала вот здесь, мимо кладбищенской кирпичной стены, остатки которой в виде каменной кладки и сегодня находят под наносным слоем земли.

– Похоронены на этом кладбище были жители города не самого пролетарского происхождения. Поэтому с их надгробиями в советские годы не церемонились, – рассказывает Чукин. – Много чугунных плит растащили на печи в годы войны, для этих же целей использовали огнеупорный кирпич из кладки. По словам очевидцев, литой крест на надгробии Наркиса Мамина не трогали долго. Он почти пережил перестройку и был украден и, видимо, сдан на металлолом только в 90-е годы XX века. Сохранилась ли могильная плита – неизвестно. Надеюсь, что мы сможем что-то обнаружить. На сегодняшний день мы нашли две старинные плиты, одна из которых принадлежала видимо, надгробию родственника последнего священника Львова. По крайней мере, на плите та же фамилия.

Неловко как-то было ходить по историческому кладбищу, хоть и следа от него, кроме откопанного камня Поленовых, не осталось. Мы двинулись к открытым дверям храма, где некогда нес службу священник Мамин. И в памяти всплывали строки письма его внука Бориса Удинцева, написанные в 1973 году в письме к директору народного краеведческого музея в Нижней Салде, т. Анциферову: «Не скрою, что нас с сестрой интересует могила нашего деда и судьба памятника в виде аналога с алтарем церкви в Нижней Салде. Надписи на памятнике сделаны по указанию Дмитрия Н»¹. Был ли крест или памятник? Кто теперь скажет?..

---

¹ Письмо Б.Д. Удинцева от 7 апреля 1973 года, Москва. Из фондов Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал».

Но Наркиса Матвеевича помнят в Нижней Салде как священника-просветителя и гуманного человека.

11.

Страшное слово «смерть», исподтишка подкравшееся к семье Маминых, не только отняло у них самого дорого человека, но и разрушило сложившийся уклад жизни, взвалив огромную ответственность на плечи Дмитрия как старшего в семье. Был еще Николай. Но он был болен алкоголизмом, страдал сильными запоями и не годился на роль «старшего». Теперь, как никогда прежде, Дмитрий должен был зарабатывать, чтобы помогать матери учить младших брата и сестру. И с горечью распрощаться с мыслью о продолжении собственного образования в университете. Одно репетиторство не могло спасти семью. А найти работу было не просто, о своих хлопотах он писал 21 февраля 1878 года, почти месяц спустя после смерти отца, младшему брату. *«Милый Володя, тебе, конечно, всего интереснее знать поступил ли я на службу, на что отвечаю, что на службу я все еще не поступил, и когда поступлю – покрыто мраком неизвестности, который по всей вероятности рассеется после Масленицы. Завтра рано утром еду в Тагил, где и опущу это письмо в почтовый ящик. Еду я в Тагил по личным причинам, начиная с того, что нельзя ли будет поступить учителем в двухклассное училище, которое имеет быть открыто в Салде после Масленицы, жалованье учителю говорят 50 рублей, что было бы нам совсем хорошо.*

Необходимо будет увидеть председателя Земской Управы, от которого все зависит и еще многих других, словом, придется поклоняться досыта. Если это не удастся, то обещают место где-нибудь в заводоуправлении, но что-то все только обещают и ничего не делают, ждать надоедает, особенно когда есть скоро будет нечего... Кстати заверну к о. Ивану Фловианову, чтобы начать хлопоты о пособии от епархиального начальства, это трудно очень ... и занятия по

крайней мере на целый год, но это вероятно принесет нам рублей 90 пособия, что совсем не лишнее. [...] Живем мы тихо и печально возможно, это «мы» следует понимать за исключением меня, которому иногда приходится уходить в 10 часов утра и возвращаться в 10 часов вечера, что происходило до сих пор благодаря с одной стороны моим хлопотам по определении на службу, с другой – уроку, и наконец – моему участию в недавно состоявшемся здесь спектакле, участию в качестве режиссера.

С поступлением на службу мне придется сразу оборвать прежний род жизни и с головой погрузиться в новую обстановку, новые интересы, хлопоты, желания, труды и т.д.

Володя, а теперь – до свидания, мой милый. Мы все желаем тебе всех благ, а затем советуем поменьше скучать, побольше молиться за Папу и не забывать своего главного дела – учиться. Твой брат Дмитрий»¹.

В этом же письме Дмитрий сообщает брату, что как будет в Тагиле, то узнает, какие надежды можно питать на получение ему стипендии от Верхотурского земства. А также начинает с братом разговор о том, что мама на него сердится, и причина тому – недоразумения чисто семейного характера. И тут же спохватывается, что Володя еще молод для понимания некоторых вещей. Скорее всего, подразумеваются отношения с Марией Якимовной, которые Анна Семеновна как православная христианка принять не могла. Конечно, обе женщины – Анна Семеновна и Мария Якимовна, были далеки от прежней косности и устоев домостроя, но смириться с выбором сына Анне Семеновне все же было нелегко. И обе они любили Дмитрия. И каждая призывала на помощь свою собственную мудрость.

Сильная духом Анна Семеновна тяжело переносила смерть мужа, но, как и прежде, ею двигала забота о детях. В то же время как истинная христианка она соблюдала присущие случаю богослужебные обряды, веря, что таким образом найдет успокоение сво-

---

¹ Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина-Сибиряка. По материалам Объединенного музея писателей Урала.

ей душе и проводит в царствие божие душу Нарки-са Матвеевича. Двадцать восьмого февраля вместе с дочерью и другими нижнесалдинскими прихожанами она отправляется на богомолье в Верхотурье, надеясь поспеть туда к сороковому дню, отделяющему земную жизнь мужа от вечности, с тем, чтобы осуществить его поминовение в этом святом месте.

Дмитрий домовничает и снова пишет брату, чтобы в разговоре с близким человеком, излить то, что болит внутри. *«Твое письмо, Володя, от 18 февраля мы получили и прочитали с большим удовольствием, потому что ты, наш милый мальчик, здоров и не падаешь духом, как это и следует истинному христианину и мужчине. Да, Володя, невеликая мудрость прожить в счастья, а вот другое дело, когда приходится бороться с несчастьем, тогда и только тогда скажется, чего человек стоит. Будем же тверды в своем великом горе, и мы, Володя, будем трудиться и быть может за наши посильные труды Бог и пошлет нам лучшее будущее, чем то каким встретил нас этот несчастный 78 год, унесший нашего бедного Папу... Когда я пишу тебе эти строки, Володя, у меня слезы навертываются на глазах, потому что я один и не стыжусь своего горя, которое считаю неприличным показывать другим, потому что все эти другие все-таки посторонние нам и посторонние нашему горю».*

Стараясь справиться с несчастьем обрушившемся на семью, Дмитрий неустанно хлопочет о поисках дохода. Далее он сообщает брату, что почти всю Масленицу прожил в Тагиле, но в отношении работы пока безрезультатно, зато обнадеживает его стипендией. И сообщает о поистине значимом событии для всего Урала: *«В Пятницу на Масленице пришел в Тагиле первый поезд железной дороги из Перми, а в субботу ушел в Екатеринбург, это обстоятельство имеет слишком большое значение для всех нас и мы радовались и поздравляли друг друга. Бедный Папа не дожил до этого желанного времени, когда мы соединились железной дорогой с остальной Европой, но что делать – и все мы под Богом ходим, сегодня жив, а завтра – Бог весть».*

[...] ... до свидания, мой милый, учись, работай, а главное не унывай... Прошлого не воротить, а жить надо, следовательно нам остается делать только так, как будто Папа наш был жив и был доволен нами и всеми нашими поступками. Я здоров, благодаря Бога, погода стоит гадкая, оттепель, дороги испортились совсем, так что я не знаю, как съездит Мама в Верхотурье. Николай все время ведет себя отлично. Твой брат Дмитрий. 1878 года Февраля 28 дня. Нижне-Салдинский завод»¹.

Приезжая в Нижний Тагил, Дмитрий навещал близких ему людей. И прежде всего, Дмитрия Петровича Шорина. Если мы вспомним метрическую выписку новорожденного Мити, то там есть запись, что восприемником при крещении стала Феоктиста Даниловна Шорина. Жена брата Дмитрия Петровича – Николая, как раз и была крестной матерью Дмитрия Мамина. Он называл ее «крестенькой», что говорило о их близких отношениях. Семьи Маминых и Шориных были дружны еще с Висимо-Шайтанска. В Тагиле Феоктиста Даниловна жила напротив Дмитрия Петровича. И Мамин всегда заходил и к «крестеньке», и к Дмитрию Петровичу, дочери которого – Ольга и Антонина – были подругами Марии Якимовны.

В доме-музее Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме есть замечательный экспонат – плетеное кресло-качалка, подаренное музею пермским скульптором Элеонорой Николаевной Шориной, одной из внучек Дмитрия Петровича, со словами: «Дед нам часто говорил, вот, мол, будущий писатель Дмитрий Мамин бывал в моем скромном домике в Нижнем Тагиле, любил сидеть, раскачиваться в этом кресле да слушать мои незамысловатые рассказы». Другая внучка Шорина – Елизавета Васильевна Баташова, по совету Бориса Удинцева оставила воспоминания о своем деде, которые сейчас хранятся в Нижнетагильском краеведческом музее. Борис Дмитриевич Удинцев считал тагильскую трудовую династию Шориных замечательной. Она, по его

---

¹ Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина-Сибиряка. По материалам Объединенного музея писателей Урала.

словам, являлась очень важным этапом в развитии уральской интеллигенции. А Дмитрий Наркисович об одном из ее представителей писал так: «Почтенный Дмитрий Петрович является живой летописью последних 50-60 лет и мне приходится время от времени обращаться к нему за разными историческими справками. Одним словом, вполне редкий человек, как попадают редкие камни»¹.

В чем же заключалась «редкость» Шорина? Родился Дмитрий Петрович в 1818 году в семье крепостного нижнетагильского заводууправления Петра Ивановича Шорина, служившего около шестидесяти лет приказчиком Черноисточинского, Висимо-Шайтанского заводов. Дмитрий начинал работать «мальчиком на побегушках», числясь до 1867 года крепостным крестьянином. Учился в Нижнетагильском Выйском училище. Первоначально это была Цифирная школа, открытая в 1709 году по Указу Петра I в Невьянске, позже переведенная в Тагил. Когда Митя учился, произошло много событий, которые запомнились ему и его соученикам. В 1824-34 годах появилась первая паровая машина в Тагиле и первый русский паровоз, построенный отцом и сыном Черепановыми. В это же время Степан Козопасов создал штанговую машину, а на реке Сухой открыли платину.

После окончания школы в 1833 года Митя Шорин был назначен писцом в счетное отделение завода, потом стал кассиром, со временем одновременно занимал четыре должности счетного работника. Поступив на работу, Дмитрий Петрович воочию убедился в жадности заводчиков, которая не имела границ, хотя они и так получали огромные доходы с заводов.

Демидовы беспрестанно искали пути для увеличения своих богатств. Сокращали штаты, урезали зарплату рабочим и служащим. Дмитрий Петрович был свидетелем приезда в Тагил в 1863 году Павла Павловича Демидова. Дорого обходились такие посещения Тагила. На приготовление квартиры Демидову за-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д. Платина // Северный вестник, № 10, 1891.

трачено было 14 770 рублей, на охрану казаков 3981 рубль 31 копейка, на подарок Авроре Карловне в день ее рождения 10 850 рублей, на увеселительный павильон 9 287 рублей, на иллюминацию и фейерверк 28 895 рублей. Всего израсходовано 90 028 рублей 92 копейки.

Несмотря на занятость по службе, Дмитрий Петрович страстно интересовался искусством. В то время в Тагиле было у кого поучиться. И он учился у известных художников Худояровых, прославивших город росписью подносов. В 30-х годах XIX века в Тагиле шло строительство прекрасных зданий в стиле «ампир» архитекторами Комаровым, Чеботаревым и Луценко. Все это чрезвычайно интересовало Шорина. Сохранились его рисунки, чертежи, планы. При создании в Тагиле памятника Александру II Дмитрий Петрович рисовал медальон для барельефа.

С особым удовольствием Дмитрий Петрович писал акварелью и гуашью, делая копии с репродукций картин Рафаэля. Будучи знатоком живописи, Шорин еще в молодые годы начал собирать картины и гравюры. И к концу его жизни его галерея насчитывала около ста экспонатов. Это коллекционирование было результатом стремления создать хотя бы небольшой художественно-культурный очаг в центре горнозаводского Урала.

Другой страстью Дмитрия Петровича было краеведение. Общие интересы сдружили его с двоюродным братом И.М. Рябовым. Они изучили богатые архивы Тагила, Верхотурья и Невьянска. В 40-х годах XIX века они объехали всю северную часть тагильской дачи для описания Чудских городищ и курганов, изучения камней с древними изображениями, так называемых писанцев, наскальных рисунков первобытного человека эпохи бронзы. Дмитрий Петрович срисовал и описал эти рисунки, которые были переданы в Императорский Санкт-Петербургский Археологический институт. Даже краткий перечень памятников старины, открытых Шориным, говорят о его значительном вкладе в изучение археологии Урала.

В 1829 году в Тагиле был известный ученый Гумбольдт. А в конце XIX века – Менделеев. Известно, что Дмитрий Петрович с ними встречался, и это знакомство очень много дало ему в плане образования.

В 1837 году Тагил посетил путешествующий наследник престола, цесаревич Александр, будущий император Александр II, в сопровождении поэта Жуковского. Это было большое событие для жителей города, к которому долго готовились. При Выйском заводе организовали выставку, которая послужила началом создания заводского музея. Еще до приезда наследника на Урал Жуковский дал задание составить описание нижнетагильских заводов. Труд был написан Рябовым, учителем Нижнетагильского училища, совместно с Шориным и представлен Жуковскому. Это был первый научный труд о Тагиле.

Изучая нравы и обычаи жителей Нижнего Тагила, занимаясь историей и археологией края, Шорин написал ряд очерков и статей. В том числе рукопись о древностях в окрестностях тагильского завода. И ряд статей под общим названием «Несколько слов о древностях, находимых в Верхотурском уезде, в окрестностях нижнетагильских заводов». Для изучающих этнографию представляет интерес рукопись Шорина «Нравы и обычаи жителей Нижнетагильского завода»¹.

Несомненно, что такой человек был интересен Дмитрию Мамину, и будущему писателю было что почерпнуть из его рассказов. Кроме того, все братья Дмитрия Петровича, а было их у него пятеро, служили на заводах Демидовых, в том числе и управителями, и могли быть выбраны в качестве прототипов для героев «заводских» произведений. Как, например, Федор, ставший прообразом Мухина в «Трех концах». Да и сам Дмитрий Петрович занял достойное место в очерке «Платина», опубликованном Маминым-Сибиряком в десятой и одиннадцатой книгах журнала «Северный вестник» за 1891 год.

---

¹ Воспоминания Е.В. Баташовой о Д.П. Шорине. Из фондов Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал».

«Северный вестник» – журнал литературно-научный и политический, выходил в Санкт-Петербурге. В номере десятом за 1891 год наряду со стихотворениями Я.П. Полонского, перепиской и заметками Ф.М. Достоевского и статьей А. Волынского «Нравственная философия гр. Льва Толстого» была начата публикация большого этнографического и социально-экономического очерка Д. Мамина-Сибиряка «Платина».

В начале очерка автор представляет нам общий вид Нижне-Тагильского завода, называя его «лучшим горным заводом на Урале». Надо отметить, что под «заводом» автор подразумевает не только производственную площадку и цеха, но и сам город. Картина представлена настолько точно и ярко, что дает полное представление о Тагиле того времени и в уточнениях не нуждается.

«Общий вид производит впечатление чего-то непривычно-бойкого, подтянутого, чистенького и бодрого, где жизнь бьет ключом». Тут же уточняется количество жителей – 50 000 и поболее. И дается их описание: «Тагильского мастера вы узнаете из тысячи, это совершенно особенный тип, выработавшийся на бойком промысловом месте. Одним словом, настоящая, рабочая гвардия – народ весь рослый, здоровый, ничего общего с захудалым расейским заморышем-фабричным не имеющий». Важное событие, которое автор не может обойти стороной, это постройка железной дороги. Благодаря чему заводское предместье, «заметно обстраивается и по сторонам то и дело мелькают новые крыши, новые ворота и новые дома – именно, дома на городскую руку, а не избы, как строились здесь до железной дороги»¹.

Интересной городской деталью на госпитальной площади является чугунный памятник Андрею Николаевичу Карамзину, сыну известного русского историка. Казалось бы, откуда ему взяться в уральской глуши? «Этот Карамзин был вторым мужем бабушки нынешнего землевладельца и пропал без вести в

---

¹ Мамин-Сибиряк Д. Платина // Северный вестник. № 10. 1891.

крымскую кампанию. На заводах о нем сохранилась самая лучшая память как о человеке образованном и крайне гуманном, хотя он и являлся здесь случайным» – со знанием дела поясняет автор.

Появление другого памятника в Нижнем Тагиле более логично. Но, тем не менее, тоже требует объяснения. «Перед зданием заводоуправления на главной заводской площади, на половину заваленной дровами, красуется другой памятник, знаменитому меценату Николаю Николаевичу Демидову. Памятник замечателен по своей красоте и мог бы служить украшением любой столичной площади. На каменном цоколе стоит большая фигура Демидова, перед ним коленнопреклонная фигура какой-то музы или гения; по углам размещены по две фигуры, символически изображающие разные моменты жизни мецената. Всех фигур десять; отлиты они из бронзы. Вообще это прекрасный памятник итальянской работы и единственной на всем Урале. Н.Н. Демидов умер во Флоренции в 1828 году, оставив по себе вечную память, как единственный заводовладелец, который широко понимал свою ответственную роль и всеми силами старался дать заводам все, что от него зависело. Он очень много сделал для заводов и особенно старался насадить здесь плоды западно-европейского просвещения»¹.

А далее о том, как грустно закончилось насаждение этого самого просвещения, то есть в очередной раз пересказывается история о «заграничных» крепостных.

Среди других достопримечательностей города Мамин-Сибиряк описывает в своем роде единственный заводской музей при Выйском медеплавильном заводе, которым заведует молодой горный инженер Теленков. И представлено здесь «много железной, медной, стальной и чугунной выставочной окации». А вот с Вый он отправляется в дом на Среднюю Ерзовку к своему старому хорошему знакомому Дмитрию Петровичу Шорину, о котором подробно пишет:

«Это тагильский старожил, большой любитель

---

¹ Там же.

всякой старины, живописи и минералогии. Его небольшой домик – сплошная коллекция. В этом домике перebывали все минералоги, посещавшие Тагил, как знаменитый Н.И. Кокшаров, Гельмерсен, Норденишёльд и другие. Дмитрий Петрович обладает одной из лучших коллекций уральских минералов. Кроме того, он большой любитель живописи и в свое время не дурно рисовал акварелью. В числе редкостей его картинной галереи хранятся два эскиза Айвазовского, недоконченный образ Христа, работы Брюллова, старинные картины итальянских мастеров, работы местных художников-иконописцев, старинные гравюры и т. д. Может показаться странным откуда и каким образом появилось это коллекторство в такой нехудожественной глуши, но дело объясняется исторической связью Тагила с Италией, где проживали заводовладельцы. [...] Сам Дмитрий Петрович несколько раз бывал в Петербурге и хорошо познакомился с Эрмитажем, а затем дополнил свое художественное образование чтением. Вообще, это редкий пример в такой глуши любителя-художника.

Поднимаясь по лестнице во второй этаж, вы уже видите картины, которым не достало места в комнате. Это все копии с разных старинных образцов. Низенькие комнаты второго этажа сплошь заняты картинами, гравюрами и акварелями. Тут же горка из уральских камней, витрины с камнями и шкафы. Обстановка совершенно особенная.

Сам хозяин почтенный седой старец с мягким голосом, мягкими движениями и мягким взглядом любопытных умных глаз. Это один из последних представителей демидовских служащих, до всего доходивших собственным умом. Вместе с покойным род. Рябовым, почтенный Дмитрий Петрович составил историю Нижне-Тагильского округа, напечатанную в записках казанского университета и сейчас хранит разные манускрипты, свитки и рукописи. В pendant ко всему этому идет нумизматическая коллекция, археология и т. д. [...] А главное, человек глубоко интересуется своим краем, его историей, бытом и всеми особенно-

стями, какие только может представить такой оригинальный округ, как тагильские заводы»¹.

В это посещение Мамина интересовала тема добычи платины. И на этот раз Дмитрий не ошибся в Дмитрие Петровиче, который показал ему интересный рисунок первого платинового самородка, найденного в тагильской даче в 1827 году, и прокомментировал, что попался совсем один, так как в окрестностях Тагила платина не встречается. А до промыслов верст тридцать. И рассказал о месторождениях и видах самородков. Но о чем бы ни заходил разговор с Шориным, невозможно было избежать темы искусства, а вернее, художественных промыслов, заложивших традиции, которыми и сегодня славится Нижний Тагил. Дмитрий Петрович хорошо знал мастеров-иконописцев: Худоярова, старика Германова, на Вые – Матвея Лукояныча Чельшева. В Тагиле иконописная школа была у Федора Агафоныча Уткина. «Все отличные были иконописцы, хоть и древляго благочестия». Тут же автор и себе дает волю, делясь с читателем собственными знаниями.

«Иконопись была занесена на Урал раскольничьими выходцами и в свое время славилась, хотя сейчас и находится в полном упадке. Бок о бок с ней развивалась другая отрасль промышленности – расписыванье сундуков, бураков, подносов. Но лучшие образцы принадлежат старым мастерам, а нынешние произведения заготавливаются партиями по несколько шаблонов. Из этих доморощенных живописцев выдвинулся своим талантом Исак Худояров, работы которого и сейчас можно встретить в старинных богатых домах: он расписывал сундуки, железные шкатулки, подносы и даже писал целые картины на железных листах. Очень недурно у него выходили живые цветы и особенно женщины в старинных костюмах двадцатых и тридцатых годов»².

Личность Дмитрия Петровича Шорина оказала большое влияние на формирование мировоззрения Мамина.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д. Платина // Северный вестник. № 10, 1891.

² Там же.

Шорин был для него не только неистощимым источником информации, кладезем разнообразного материала об истории развития края, но и вызывал глубоко личные симпатии. Дмитрий по-настоящему любил этого человека, нравственная красота и внутренняя сила которого выводили Мамина на широкое философское обобщение относительно уральского человека.

«Мне нравится грустный тон, каким говорит Дмитрий Петрович. В этой старческой грусти своя поэзия, – ведь мир преисполнен всяческого совершенства, а назади осталось много хорошего. Наши беседы часто ведутся в таком минорном тоне. Да и как не грустить – человек прослужил на заводах больше пятидесяти лет, а теперь вынужден жить не у дел. Я заметил вообще, что северяне не умеют отдыхать. Это проходит через все профессии, начиная с мужика, отставной человек – погибший человек. О тех милых, добродушных старичках, которые доживают свой век на покое где-нибудь на благословенном юге, здесь не может быть и речи: у нас или труд, или смерть. Дмитрия Петровича спасла его любовь к знанию, к искусству, к своему краю, и он наполняет свои досуги приведением в порядок накопленных знаний»¹.

Остается только добавить, что Дмитрий Петрович прожил до девяноста лет, пережив четырех царей и пять поколений Демидовых. У него было пять сыновей и три дочери. В семье его очень любили, так как характером он обладал ровным, спокойным. Дожив до глубокой старости, Дмитрий Петрович не знал, что значит скучать. Старость его не пугала, так как весь день его был заполнен делами. Он приводил в порядок свои коллекции, рукописи, исключительно много читал². К знаниям, полученным от Шорина, Дмитрий Мамин будет обращаться в своих произведениях не раз. Особенно к тем, что касались жизни горнозаводского Урала и его центра Нижнего Тагила.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д. Платина // Северный вестник. № 10, 1891.

² Воспоминания Е.В. Баташовой о Д.П. Шорине. Из фондов Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал».

Прежде чем завершить обзор Нижнего Тагила и его окрестностей и отправиться на платиновые прииски, чему посвящена вторая часть очерка, опубликованная в одиннадцатой книге журнала «Северный вестник», автор замечает, что его поездка на промыслы совпала с платиновой горячкой, вспыхнувшей летом 1890 года. А скупка воровской платины составляла настоящую «язву тагильской нравственности». Как бы парадоксально это ни звучало, но несметные природные богатства Урала зачастую способствовали не развитию края, а моральному разложению его населения, и эту проблему писатель неоднократно будет поднимать в своем творчестве. Обозначив ее и в «Платине» он подводит итог: *«Из приведенного выше беглого очерка специально тагильских рудных месторождений можно сделать только одно заключение, что природа дала здесь человеку слишком много, как нигде на свете»*¹.

Интересно, что в одиннадцатом номере журнала, где во втором отделе опубликовано продолжение «Платины», в разделе «Литературных заметок» помещена рецензия Аким Вольнского, литературного критика и искусствоведа конца XIX – начала XX веков, уже не на тему нравственной философии Льва Толстого, а разбор литературных дарований господина Мамина-Сибиряка. К ним критик в первую очередь относит этнографические способности писателя. «Как этнограф и беллетристический бытописатель г. Сибиряк занимает совершенно самостоятельное место по праву сильного, оригинального [...] дарования. Художественное мирозерцание г. Сибиряка, ярко выступающее в его лучших рассказах, все сложилось путем удивительно-детального и добросовестного изучения некоторых окраин России. [...] Здравый смысл льется свежей струей среди яркого художественного ландшафта, постоянно зажигаемая лучом гуманности и любви к людям. [...] ... радиусы его лежат на поверхности огромного бытового материала, исходя из внешнего жизненного центра»².

---

¹ Мамин-Сибиряк Д. Платина // Северный вестник. № 10. 1891.

² Вольнский А. Литературные заметки // Северный вестник. № 11. 1891.

Одним из важнейших пунктов горнозаводского Урала был Нижний Тагил, значение которого Мамин оценивал очень высоко, обращая особое внимание на то, что «нижнетагильские заводы идут впереди своих собратьев по части различных усовершенствований, как бессемеровский способ производства стали». К тому же горнозаводской округ впечатлял и своими масштабами. На территории в 638000 десятин располагались 9 металлургических заводов, несколько медных и железных рудников, десятки золотых и платиновых приисков, 7 заводских поселков, 16 сел и деревень. Но не только производство интересовало Мамину, не мог он пройти мимо нравов горнозаводского общества и отразил их в романе «Горное гнездо».

Читая это произведение, представляешь пьесу, где четко выписаны все персонажи и декорации. Роман отражает жизнь правящей верхушки заводчиков Нижнего Тагила. На одной из фотографий, представленных в экспозиции Дома-музея Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге, запечатлены служащие нижнетагильского округа. Некоторые из них стали прототипами героев «Горного гнезда». А Павел Павлович Демидов, владелец нижнетагильских заводов – прототипом Лаптева.

Несмотря на формальное сходство заводчика Лаптева с Павлом Павловичем Демидовым, князем Сан-Донато, писатель в своем герое сконцентрировал качества, присущие больше образу собирательному. Как владелец нижнетагильских заводов Павел Павлович, заботясь об улучшении изделий отечественной горной промышленности, организовал первую фабрику бессемерования стали. Он был благотворителем, государственным деятелем и ценителем искусства. Всех этих качеств был лишен горнозаводчик Лаптев, чье сходство с Демидовым ограничивалось хорошим образованием и жизнью за границей.

Евгений Константинович Лаптев в «Горном гнезде» воплотил в себе образ представителей нового поколе-

ния уральских заводчиков. Его прототип доводился праправнуком основателю нижнетагильских заводов Никите Демидовичу Антуфьеву. За расцвет горнозаводского дела радел и его сын – Акинфий, который построил семнадцать железных и медеплавильных заводов, участвуя в их управлении еще при жизни отца. Не менее успешной была предпринимательская деятельность и сына Акинфия – Никиты, который в свою очередь приумножил предприятия отца и деда, основав Нижне-Салдинский и Верхне-Салдинский заводы.

Его сын – Николай, приобретя в наследство уральские заводы, и получив образование за границей, вернувшись в Россию в начале XIX века, желая завести на своих заводах новейшие технические усовершенствования, обратился к заграничным специалистам. А чтобы подготовить опытных мастеров для своих заводов, отправил за свой счет за границу для изучения отраслей горнозаводского дела более ста человек крепостных, уже известных нам «заграничных», так описанных в «Горном гнезде»:

«Происхождение этого названия относится к первой четверти настоящего столетия (XIX. – Прим. авт.), когда уральскими заводчиками овладела манья посылать молодых людей из своих крепостных за границу для получения специального образования по горной части. Из Кукарских заводов было послано двенадцать человек, выбранных из семи способных школьников при заводских училищах»¹. Главной трагедией заграничных стало то, что они, вернувшись на родину, по-прежнему оставались крепостными, как и их жены, привезенные из Европы, и дети. Противоречие между крепостной неволей и европейской образованностью привело на страницах романа к гибели «заграничных». Но и эпоха крепостного права подходила к концу. Одновременно вырождались и заводчики, истинно болеющие за развитие горнозаводского дела на Урале.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Горное гнездо. Екатеринбург: «Сократ», 2002. С. 82.

Следующий Демидов – Павел Николаевич, владелец богатейших чугуноплавильных заводов, уже больше был известен как государственный деятель, меценат и благотворитель. Его сын Павел Павлович служил киевским городским головой, главноуполномоченным Красного Креста в Турецкую войну 1877–1878, имел виллу в Сан-Дonato, коллекционировал произведения искусства. И не очень вникал в ситуацию на своих заводах.

В образе Лаптева, несомненно, гиперболизированном, подчеркивается глубокий разрыв заводовладельца с уральским краем, где создавались богатства для Лаптева его предками. В романе его называют набобом, то есть подданным иностранного государства, быстро разбогатевшим, разумеется, не собственным трудом и приложенными усилиями, и поэтому ведущим расточительный, экстравагантный образ жизни. Каково было изумление уральского люда при встрече прибывшего набоба: *«Шотландский костюм барина сначала немного смутил восторженную публику, но потом все решили, что, вероятно, так нужно, потому – барин, значит закон ему не писан. Баб ужасно заинтересовала клетчатая пестрая юбочка, а мужиков – отсутствие штанов»*¹.

Главная тема романа – наступление капитализма в российской промышленности, пришедшего на смену крепостному праву, отнюдь не придумана писателем, а взята им из жизни. Более того, капитализм на уральских заводах имел свои особенности именно в силу горнозаводского уклада, когда рабочий завода или фабрики, как правило, имел свой обрабатываемый надел земли и был в этом плане близок к крестьянину. Уральский рабочий середины и конца XIX века сочетал в себе качества пролетария и крестьянина, тем самым резко отличаясь от рабочего класса столичного Санкт-Петербурга.

Чуть позже, в начале XX века Владимир Ленин, теоретик российской пролетарской революции, будет отдавать предпочтение в борьбе за власть пролетариату,

---

¹ Там же. С. 114.

способному к большому объединению и организации, чем крестьянство, как раз по причине того, что в нем глубоко коренится чувство собственности.

В числе сюжетных линий романа «Горное гнездо» – попытка ходоков от заводских мужиков обратиться к барину с жалобой на то, что их зажимают с уставной грамотой. В одном из своих очерков «От Урала до Москвы» Мамин-Сибиряк подробно рассказал о том, что такое уставная грамота: «...Владелец Тагильских заводов, Демидов, предоставляет мастеровым в полную собственность их дома; из расчищенных покосов предоставляет по одной десятине на душу, а остальные покосы отдает желающим, если они не служат у него на заводах, по 30 копеек за каждую десятину, впредь до усмотрения; впредь до усмотрения владельца предоставляет мастеровым пользоваться лесом и конским пастбищем, содержит церкви, госпитали, школы, пожарную часть и т.д.»¹. Мамину был известен реальный случай, когда мастеровые тагильских заводов принесли жалобу на свою уставную грамоту, и губернское присутствие по крестьянским делам в 1865 году признало ее незаконной, а в 1881 году уже вполне правильной. Этот случай и лег в основу сюжета «Горного гнезда», раскрывая особенности типа уральского горнозаводского мастерового. Более того, автор знаменитой уставной грамоты на нижнетагильских заводах, по которой тысячи мужиков зачислили в мастеровые, безжалостно отобрав у них землю, был Яким Семенович Колногоров, отец Марии Якимовны, а, следовательно, Дмитрий Наркисович хорошо знал суть вопроса.

Ходоки в романе ждут барина с надеждой, присущей крепостному крестьянину: «Барину зачем нас прижимать! Барин все разберет, потому ему – своя часть, нам – своя». В попытках дойти до барина ходоки заискивают и раболепствуют даже перед его заграничным слугой. Конечно, безрезультатно. В соответствии с этим мотивом выбран и эпиграф ко всему роману: «Вот приедет барин, / Барин нас рассудит...» –

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 3. С. 438.

слова из стихотворения Николая Некрасова «Забятая деревня».

Освобожденные от крепостного права реформой Александра II заводские рабочие и крестьяне и после освобождения больше повиновались вековым традициям и привычке надеяться на барина, нежели стремились бороться за свои права. Стоит вернуться к эпизоду встречи Лаптева в Кукарском заводе, чтобы понять, что представлял собою психологический портрет уральского горно-заводского люда второй половины XIX века: *«Общественное настроение толпы было самое торжественное. Ведь барин являлся чем-то вроде стихийной силы, которая слепо осыпает своими милостями и невзгодами; барин служил олицетворением возможного на земле могущества. Мужичья фантазия терялась в перечислении всех необходимых атрибутов такого барина, каким был Лаптев. Он все может сделать, что захочет; казне нет счету, земле – конца-краю»*¹.

Подобное обожествление барина лишало мужиков трезвой оценки явившегося набоба. Оно соответствовало характерам из реальной действительности, которую писатель доподлинно изучил, создавая атмосферу «горного гнезда».

В 1863 году Павел Демидов в сопровождении профессора С.М. Добровольского приехал в Нижний Тагил. Митя Мамин сам наблюдал сцену его приезда на Висимо-Шайтанский завод. Стояла середина лета, самая настоящая рабочая страда, но рабочие сбежали в селение, желая увидеть самого «барина» Павла Павловича и поклониться ему.

Детские впечатления сильны. Обогащенные архивными материалами, информацией, собранной по его просьбе отцом, сведениями Шорина и Марии Якимовны, они легли на страницы романа.

В то же время понятие «горное гнездо» можно толковать гораздо шире, чем просто «правлящая кучка горнозаводчиков». Горное гнездо – это Урал в целом, где нашли себе пристанище и укрылись за хребтом ма-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Горное гнездо. С. 106.

стеровые люди, старoverы, беглые крестьяне и каторжане. Все они трудились на демидовских заводах. В то время, как сам Павел Демидов и его литературный прототип, набоб, были давно оторваны от родового гнезда, что удивляет и возмущает автора романа.

«Просматривая семейную хронику Лаптевых, можно удивляться, какими быстрыми шагами совершалось полное вырождение ее членов под натиском чужеземной цивилизации и собственных богатств. Хорошо сохранили основной промышленный тип собственно только два поколения сам Гордей и его сыновья; дальше начинался целый ряд тех «русских принцев», которые удивляли всю Европу и в частности облюбованный ими Париж тысячными безобразиями и чисто русским самодурством»¹. Увы, подобное явление капитализма можно наблюдать и в XXI веке. То же самодурство «новых русских», также облюбовавших за границу в наступившем тысячелетии, но отличающихся от своих предшественников XIX века отсутствием всякого стремления к просвещению и к благотворительности. И в этом плане актуальность произведения трудно переоценить.

Более широкое толкование названию романа дает и сам Мамин-Сибиряк. Не сразу остановившись на «Горном гнезде», он зачеркивает на первой странице рукописи один вариант за другим – «Сам барин», «Очерки из жизни «Горного гнезда», «Светлая жизнь», «Странички из Уральской летописи», «Очерки из жизни «Горного гнезда»². Первоначально зачеркнуто и «Горное гнездо», впоследствии надписано вновь. В одной из черновых записей под названием «Введение к горному гнезду» Мамин-Сибиряк раскрыл свое понимание «горного гнезда» со значительно большей широтой, чем в примечании к заглавию журнального текста: «Горное гнездо», как его обыкновенно понимают: казенные инженеры, – но их время миновало, доживают последние дни выбитые из гнезда птенцы-поздныши. Светлая жизнь миновала и имеет только исторический инте-

---

¹ Там же. С. 144.

² ГАСО. Ф 136. Оп. 1. Д. 24.

рес. Мы понимаем горное гнездо шире». И дальше писатель дает огромный перечень материала, который по его мнению входит в определение горного гнезда: от новгородской вольницы, рудознатцев, Строгановых и крепостного права до наступления капитализма и свойственных ему производственных отношений, включая вопросы с землей, торговлей и посредников между производителем и потребителем.

Еще одной важной темой романа и горного гнезда в широком понимании, которое придает ему Мамин-Сибиряк, является противоречие между земствами и заводами. В романе оно выражено в конфликте между представителями заводов, главным образом, в лице Раисы Павловны Горемыкиной и председателем управы земства – Авдеем Никитичем Тетюевым.

Показательно, что в газете «Екатеринбургская неделя» того времени постоянно действовал раздел: «Земство, города и заводы», разделяющий эти три понятия. Земствами в Российской империи называли выборные органы самоуправления, введенные реформой 1864 года и существовавшие до 1917 года. В «Горном гнезде» конфликт между земством и заводом стал причиной разбирательства, дошедшего до Санкт-Петербурга и самого заводовладельца Лаптева, во что он сам вникать был совсем не намерен, поручив разрешение вопроса своим поверенным немцу Прейну и генералу Блинову.

Возвращаясь к рукописи «Введение к горному гнезду», можно с уверенностью сказать, что темы, намеченные писателем в черновой записи, он будет разрабатывать на протяжении всей своей творческой биографии, освещая их в той или иной степени в разных жанрах. Что же касается романа «Горное гнездо», то еще одной его важной и проблемой является значение партикулярных, то есть частных заводов, положение мастеровых и рабочих. В наступающем капитализме автор видит зло. С обличительной речью этого явления на страницах романа выступает спившийся интеллигент Прозоров: *«Вы забываете о рабочем и его будущности, а только думаете о том, чтобы*

при помощи всемирного рынка реализовать в пользу кучки крупных промышленников ту прибавочную стоимость, которая вам останется от труда сотен тысяч рабочих...»¹. Прозорову противостоит рассудительный генерал Блинов, но чувствуется, что это скорее сам писатель размышляет о надвигающихся в промышленности изменениях: «Увидев заводы, фабрики и фабричных рабочих, я многое уяснил себе, что раньше являлось только отвлеченным понятием, логической выкладкой... На заводы нужно смотреть как на одну громадную машину, где главной двигающей силой, к сожалению, остаются рабочие руки. Это варварство, с одной стороны, а с другой – слабое место всякой промышленности. Именно эта живая сила составляет основание всех недоразумений, а потому задача всех крупных предпринимателей – как возможно шире применить механические двигатели: воду, пар, электричество, наконец»².

Собрав значительный материал по истории уральских заводов, в том числе и Нижнетагильских, Мамин-Сибиряк предлагает читателю взглянуть на картины заводского устройства изнутри этого самого громадного механизма. «На первый раз трудно было что-нибудь разглядеть в окружавшей темноте, из которой постепенно выделялись остовы катальных машин, обжимной молот в одном углу, темные стены и высокая железная крыша с просвечивающими отверстиями, в которые весело глядело летнее голубое небо. В глубине корпуса около низких печей... быстро двигались и маленькие фигуры рабочих; на всех были надеты кожаные передники – «защитой», на головах войлочные шляпы, а на ногах мягкие пеньковые пряденики. Со стороны водяного ларя тянула холодная струя сквозного воздуха; где-то глухо капала вода и с подавленным визгом вертелось колесо, заставляя вздрагивать даже чугунные плиты, которыми была вымощена вся фабрика»³.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Горное гнездо. С. 154.

² Там же.

³ Там же. С. 140.

С сочувствием относясь к труду фабричного рабочего, автор, однако, не рассматривает никаких положений, улучшающих его место в системе завода. Тем более, не разоблачает заводовладельца, относясь к нему скорее со злой иронией. Объяснение тому кроется в социально-экономическом положении Урала, изначально развивающегося как горнозаводской край. Именно с точки зрения развития смотрели на уральскую промышленность современники писателя. В газете «Екатеринбургская неделя» от 1 августа 1879 года опубликована большая статья «Несколько слов о железе и каменном угле на Урале». Автор пишет о значении железной и каменноугольной «производительности» на Урале. Приведя много фактов из этих отраслей, он резюмирует:

«Таким образом, надо уповать на новых лиц, на новые капиталы. На тот лишь труд, который будет положен для водворения на Урале железной производительности на ископаемом топливе и тогда, в силу конкуренции, теперешние частные заводчики, волею-неволею, станут следить за техническим прогрессом и улучшать свои заводы рациональными, научными средствами»¹. Как видно из приведенного отрывка, автор статьи солидарен с автором романа в том, что необходимо развивать технический прогресс, но ни тот ни другой не призывают к отмене существующего строя или к замене его каким-либо другим. Наоборот, автор газетной публикации уповает на привлечение к «железной» промышленности нового капитала и конкуренцию – черты, характерные для капитализма.

В отличие от газетной публикации произведения Мамина-Сибиряка украшают типажи, выписанные с особой яркостью и тщательностью. К их числу относится собирательный образ фабричного рабочего, знакомый писателю с детских лет в поселке Висим и представленный в «Горном гнезде». *«Фабрика рядом поколений выработала совершенно особый тип заводского фабричного, который в состоянии вынести нечеловеческий труд. Эти жилистые, могучие руки, эти красные затылки, согнутые спины и крепкая,*

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 2, 1 августа 1879 года.

*уверенная поступь были точно созданы для заводской работы. Каждая фигура была сколочена из одних костей и мускулов и дышала чисто заводской силой*¹. Не менее органичен образ и горного инженера Платона Васильевича Горемыкина – управляющего Кукарским заводом. Инженер, преданный своему делу, задался целью расширить производительность заводов в качественном отношении. Его фамилия подчеркивает образ жизни управляющего, далекого от всяких светских дрызг, но преданного заводскому делу. Не понятый и не принятый ни собственной женой, ни светским обществом, он по-настоящему жил только в царстве своих машин. Горемыкин стремится к совершенству технического прогресса, который, по его справедливому мнению, может облегчить участь и рабочего человека.

Замечательно в романе выведены типажи немца Прейна, управляющих другими заводами, ярко изображен женский бомонд. Присутствует в романе и любительский театр, и эта деталь намеренно подчеркивает театральность жизни верхушки «горного гнезда», где каждый играет свою роль. Несмотря на живое описание поездки набоба со свитой по заводам «горного гнезда» на фоне удивительных уральских пейзажей, от произведения остается впечатление сыгранной на театральных подмостках пьесы. В рукописи это впечатление усиливается тем, что автор вывел на последней странице слово «Конец», как будто опустил театральный занавес. Значится в конце рукописи и дата «1884 г. 20 февраля» и место написания – Екатеринбург, и личная подпись автора – Д. Сибиряк². Рукопись, как и другие, написана аккуратно, мелким почерком в линейку. На некоторых страницах вставки, опять же аккуратно столбиком на полях. Есть целиком перечеркнутые автором страницы, а есть несколько написанных подряд без единой пометки.

В 1883 году Дмитрий Мамин отправил первую часть романа в «Отечественные записки». Редактор журнала Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин одо-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Горное гнездо. С. 107.

² ГАСО., Ф 136, Оп. 1, д. 24.

брил ее и просил автора прислать окончание. О чем Дмитрий сообщает 30 октября в письме к брату Владимиру: *«Сегодня вместе с твоим я получил письмо от Салтыкова. Пишет, что ему весьма понравилась первая часть моего большого очерка «Горное гнездо» и что он ждет с нетерпением продолжения»*¹.

Роман впервые был опубликован в журнале «Отечественные записки» в 1884 году, в книгах с первой по четвертую, с подзаголовком «Из уральской летописи». Первая глава осталась под названием «Барин». Роман перепечатывался при жизни автора в 1890, 1893, 1900 и 1912 годах. В первом отдельном издании романа (1890 г.) заглавие первой части было снято.

«Горное гнездо» относится к ранним литературным произведениям Мамина-Сибиряка, но, тем не менее, поражает своим масштабным замыслом, что было оценено современными ему критиками.

Автор журнального обозрения газеты «Неделя» в своей рецензии, опубликованной в № 9 за 1884 год, сравнивает двух авторов – Мамина и Немировича². «Г. Сибиряк в беллетристике – тоже корреспондент о нравах, как и г. Немирович, но разница между ними огромная. Второй, как я уже сказал, фантазер, первый спокойный наблюдатель, со спокойным саркастическим умом. Второй поражается сам и старается поразить читателя; первый подробно анализирует наблюдаемое и передает читателю прекрасно изготовленный препарат той жизни, которую он исследует. Второй, если бы мог возвыситься до художника, был бы романтиком; первый в таком случае сделался бы сатириком. Корреспонденция второго возбуждает ужас: первого – отвращение и негодование. Который из двух лучше, зависит от вкуса читателя; но оба, не будучи художниками, одинаково интересны и полезны. Что касается до меня, то лично я бы предпочел г. Сибиряка. Он не увлекается, и каждый его приговор, каждый вывод вполне доказаны,

---

¹ По материалам Объединенного музея писателей Урала.

² Немирович Василий Иванович (1845–1936) – известный русский журналист, писатель, старший брат знаменитого театрального деятеля В.И. Немировича-Данченко.

с умом, знанием жизни и старательностью, которым можно позавидовать: говорит ли он о чиновниках, – кажется, что он потер бюрократический виц-мундир по крайней мере до коллежского советника о пятнадцатилетней беспорочной пряжке: описывает ли русских поляков, столь пренебрежительно питающихся русскими хлебами – не верится, что он лет пять не полемизировал с ними словесно и печатно на тему о невозможности служить двум господам сразу; говоря о горном деле, – он горный инженер; о дамских нарядах – модистка, о «русском набобе», горнозаводчик Лаптев, председатель конкурсного управления над делами последнего; об администрации Лаптевских заводов – судебный следователь по особо важным уголовным делам.

Круг этих-то лаптевских администраторов и есть предмет исследований г. Сибиряка»¹. Далее автор рецензии сравнивает Лаптева с непроницаемым красавцем Ставрогиным из «Бесов» Достоевского. Оба красивые и свежие с виду, они, по мнению критика, заставляют предполагать внутри себя что-то невероятно мерзкое. И если мерзость Ставрогина к концу романа раскрывается, то в случае с Лаптевым критик склонен предположить, что Лаптев производит впечатление ступа, прикрывающего героев «Горного гнезда».

Интересно, что и другой критик, Елена Колтоновская, отмечая «Горное гнездо» как один из лучших романов Мамин-Сибиряка, сравнивает его также с Достоевским. «Как романист Мамин имеет кое-что общее с Достоевским. У него та же напряженность действия и острота анализа, порой доходящая до жестокости, захватывающая и увлекающая. Только предметы анализа у них разные, поэтому и сходство их не бросается в глаза... Когда Мамин с нервной торопливостью раскрывает надломленную, больную психику своих мужицких героев, стоящих на рубеже между старой и новой жизнью, он по силе проникновенности не уступает Достоевскому».²

---

¹ Неделя, № 9 за 1884 г.

² Колтоновская Е. В стороне от главного русла. Д.Н. Мамин-Сибиряк // Вестник Европы, февраль, 1913.

Говоря об особом месте романов в творчестве г. Мамина, Евгений Аничков отмечает лучшие из них – «Горное гнездо» и «Три конца». А главной прелестью первого называет природу Урала – «... сцены охоты, описание самого завода, его барского парка, его окрестностей. Только потому, что анекдот (сюжет – *прим. автора*) имел место здесь в этой живописной местности, может он иметь интерес вне узкой среды горных инженеров и уральских служащих». И только поэтому, по словам Аничкова, его можно было «растянуть на целый том и все время держать интерес читателей настороже»¹.

Не обошел своим вниманием «Горное гнездо» и влиятельный критик Александр Скабичевский. Согласившись с главной оценкой романа с предыдущими авторами, он писал: «Каждая подробность здесь идет к делу и все более и более обрисовывает и действующие лица, и все их взаимные отношения; каждая сцена полна жизни, движения и представляет необходимое звено в развитии сюжета. Это единственный роман Д.Н. Мамина, который целиком мог бы быть переделан в комедию и поставлен на сцену, и какая бы это была бойкая, эффективная и содержательная пьеса!»²

Видимо, это основание критика XIX века позволило Театру драмы им. Д. Н. Мамина-Сибиряка в Нижнем Тагиле поставить «Горное гнездо» на своей сцене в 1999 году. О современном звучании произведения говорит художественный руководитель театра Игорь Булыгин.

– В этом спектакле я играл Гугу Альберта, хлыща, который приезжает в Кукарский завод в свите заводовладельца. Какие проблемы поднимаются в пьесе и романе? В переводе на современный язык – рейдерских захватов, переподчинения предприятий разными группировками. Явления, свойственные наступающему капитализму, с которым пришлось столкнуться и нашему современному обществу. И на этом фоне общечеловеческие проблемы – любовь, не-

---

¹ Аничков Е. Мамин-Сибиряк // Мир Божий, октябрь 1905.

² Скабичевский А. Мамин-Сибиряк // Новое слово, ноябрь 1896.

ненависть, добро, зло. Все просто и ясно для нас. Чем жизненнее хватанул писатель, тем богаче произведение. Если говорить о языке Мамина-Сибиряка, то стоит вспомнить о таком факте, с которым мы столкнулись в «Горном гнезде». Очень большой спектакль. Он шел четыре часа. И когда мы поняли, что объем огромен и надо сокращать, что можно сделать только за счет текста, то сократить не смогли. Оказалось важно все. Народ выкинуть, а что останется? Убрать заводчиков – невозможно. Приезд хозяев тоже нельзя. Что? У хорошего автора так и есть. Его трудно купировать. А когда его купируют, это уже не тот автор. Так постановка «Горного гнезда» и шла четыре часа.

Убеждение Скабичевского по поводу того, что только одно «Горное гнездо» возможно к постановке на сцене, опровергает репертуар Театра драмы. С 1962 года коллектив осуществил восемь постановок по мотивам и произведениям Мамина. А может быть, это потому, что современен он сегодня больше, чем при жизни, когда с театром у него как-то не сложилось.

– Одна из особенностей Мамина-Сибиряка состоит в том, что он позволяет обходиться со своим материалом свободно, – продолжает разговор Ольга Черепова, руководитель литературной части театра, – ведь если не использовать такой подход, то театр превратится в музей, что не допустимо. Театр должен быть живым и говорить «про сегодня». Особенно замечательно получилось с нынешнем «Диким счастьем», поставленным по пьесе уральца, известного и востребованного драматурга Олега Богаева. Первый спектакль «Дикое счастье», вышедший на сцене в 1965 году, был очень успешный. Самый успешный из всех маминских. И вот Олег Богаев продолжил традицию. Мы вновь слышим уральскую речь, узнаем уральские характеры. Тагильчане любят Мамина-Сибиряка, видимо что-то в нем нас неизбежно притягивает, и он всегда вызывает интерес публики.

Сегодняшнее «Дикое счастье» – это драма по мотивам произведений Мамина-Сибиряка и по пьесе

драматурга Олега Богаева, поставленная в 2012 году заслуженным деятелем искусств РФ, лауреатом Государственной премии России Валерием Пашниным. Автору этой книги удалось увидеть ее на сцене в 2014 году, незадолго до закрытия здания театра на реконструкцию.

Первое ощущение, которое охватило меня после окончания спектакля – это оцепенение, когда не можешь говорить. И только постепенно начинаешь понимать, что публика вокруг аплодирует тоже молча. И молча встает вся до единого зрителя, когда на поклон выходит исполнитель главной роли, художественный руководитель театра, заслуженный артист РФ – Игорь Булыгин. У кого-то хватило сил крикнуть «Браво!», но вот это единогласное, молчаливое рукоплескание стоящего зала было чем-то более сильным, чем обычное выражение эмоций. Скорее искреннее признание потрясенной публики, когда на осознание этого собственного потрясения требуется время, явление далекое от всякого провинциализма. С тобой что-то случилось, а ты еще не можешь понять, что. Только ощущаешь, что все произошедшее перед тобою за последние три часа – про нас, про тех, кто живет сегодня, хоть на самом деле про тех, кто жил давно. Игорь Булыгин чувствует неравнодушие зала и о спектакле говорит:

– Прошло более ста лет с момента написания произведений Маминым-Сибиряком, а люди-то не изменились. Как раньше, так и теперь существуют власть и деньги, те искушения, перед которыми человек устоять может, но ему это сделать трудно. Разве не то же самое происходит сегодня в мире? Конечно, писатель современен, конечно, интересен.

Все у него в произведениях очень по-русски, очень по-нашему. И в пьесе была хорошая семья, и всего-навсего пришел золотой телец, и все изменилось, и нет семьи, и нет никого. Человек теряет самое дорогое, что у него есть, то, о чем заявлено в самом начале спектакля, когда говорится об основе домостроя в России. Что человеку нужно? Дом да семья. Больше ничего и не надо. А все остальное от лукавого. Оказывается, что

лукавый настолько силен, что если ты не справляешься, то происходит разрушение мира.

Этот спектакль в 2012 году получил премию Губернатора Свердловской области. И уже больше двух лет идет на сцене Нижнетагильского драматического театра, а люди на него все идут и идут. И смотрят не по одному разу. И выходят немножко другими: видя весь ужас превращения хорошего Гордея Брагина в ужасного золотопромышленника, они испытывают своего рода очищающее потрясение.

Молодец – автор пьесы. Не испортив романа, он сохранил его атмосферу. В пьесе остается Мамин-Сибиряк, хоть и есть Богаев, – подводит итог Булыгин.

Первоначально роман назывался «Жилка» и публиковался с первой по четвертую книгу в журнале «Вестник Европы» в 1884 году, параллельно с «Горным гнездом», которое в это же время выходило в «Отечественных записках». В основе сюжета – события в Белоглинском заводе, жизнь староверческой семьи Брагиных, которая держит небольшую лавку, оставшуюся семье в наследство от ее основателя Евстрата Брагина. Его вдова – Татьяна Власьевна и сын, тоже рано овдовевший Гордей, ведут хозяйство и содержат семью – двух сыновей Гордея со снохами и внуками и младшую его дочь Нюшу, следуя всем законам домостроя. Кроме этого, в доме живут старший сын Власьевны – Зотушка, блаженный пьяница, и стряпка Маланья – свой человек, служившая семье четвертый десяток. К тому же Брагины постоянно кормили пять-шесть старушек-нищенок и давали им кров. Весь порядок в доме держался на Татьяне Власьевне, требующей неукоснительного подчинения младшего старшему. *«Издали эта крепкая купеческая семья могла удивить самого завязного поклонника патриархальных нравов»*¹, – резюмирует автор в самом начале повествования. Волнение в доме начинается однажды утром, когда Гордей Евстратыч, «замечательный домосед», ездивший только по санному пути на ярмарку в Ирбит, да

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Дикое счастье. Свердловск: Средне-Уральск. книжное изд-во, 1981. С. 9.

в Верхотурье к сестре Алене, слякотным летним днем отправляется куда-то верхом. «Куда-то» оказывается прииском Полдневской, где его ждет умирающий старатель Маркушка, передавший накануне Гордею кусочек кварца с золотой жилкой и наказ приехать к нему лично. По дороге в Полдневскую, раздумывая о золоте и богатстве, Гордей Евстратыч резонно размышляет: *«От этого богатства просто один грех, точно люди всякого ума решаются. Но ведь это другие, а уж он, Гордей Евстратыч, никогда бы так не сделал»*¹. В этой простой формуле заложено глубокое философское содержание – каждый, даже нравственно чистый, внутренне сильный человек, подвергнувшись испытанием золотом, уверен в том, что он-то обязательно справится с его губительным искушением. И после не отдает себе отчет в том, как медленно, но неотвратимо под действием этого золотого искушения происходит разложение личности и падение в пропасть полной безнравственности, что и случилось с Гордеем Брагиным и его семьей. Казалось бы, и повод к раскрытию тайны жилки был самый благочестивый – Маркушка, некогда убивший штегеря, «стоявшего» теперь у его предсмертного изголовья, хотел, чтобы его грех всю оставшуюся жизнь отмаливала Татьяна Власьевна, ибо, по мнению Маркушки, молитва такой святой старушки дойдет до Бога быстрее всего. И Гордей сначала нехотя, не доверяя отъявленному старателю, как-то исподволь вдруг соглашается с его предложением, конечно же, уверенный в том, что разработка жилки будет вестись им с самыми благими намерениями. При этом он не желает отдавать себе отчета в том, что цена жилки – убийство человека – может предопределить и его будущее. Поддается на уговоры сына и благочестивая Татьяна Власьевна. Сколько бы ни боролись в ее душе противоположные мысли и чувства, но жилка «победила». Как не странно, самую трезвую мысль на этот счет высказывает брату и матери пьяница Зотушка: *«Жили, слава богу, и без жилки, проживем и теперь... От этого*

---

¹ Там же. С. 29.

золота один грех...»¹, но его не понимают и изгоняют с семейного совета. Все дальнейшее, что происходит с еще недавно духовно крепкой семьей, автор романа выражает так: «...бес наживы мучил Гордея Евстратыча, не давая ему покоя ни днем, ни ночью. Брагину все было мало; его жадность росла вместе с приливавшим богатством»². Происходит нравственное перерождение и Татьяны Власьевны, еще в недавнем прошлом «значительной величины» в кругу староверов. Теперь же под влиянием свалившегося на голову богатства она находит оправдание и грехам:

«...Старческий холодный эгоизм закрадывался к ней в душу также незаметно, шаг за шагом, как одно время года сменяется другим»³. В конце романа внутреннее разложение главных членов семьи приводит к ее полному распаду, к смерти Гордея Евстратыча и сумасшествию Татьяны Власьевны, к пьянству и блуду сыновей Гордея, а за этим и к побегу из дома невесток. Остаются не тронутыми золотой ржавчиной только души Зотушки и Нюши, и на их стороне все симпатии автора.

Только такой большой художник, как Мамин-Сибиряк, мог создать полотна, благоприятствующие развитию художественного дарования новых авторов. Благодатную почву в творчестве Мамина нашел для себя известный российский драматург XXI столетия Олег Богдаев.

– Мамин-Сибиряк – действительно большой русский писатель, – говорит Олег Анатольевич. – Как художник он сложился на Урале, вдалеке от культурных центров России. И это повлияло на его творчество. Он не был писателем-придумщиком, как Чехов или даже Толстой. Для него очень важна была реальность, которая его окружала... А какой была эта реальность? Жизнь в Неаполе в пятнадцатом веке и жизнь в Екатеринбурге, на Урале в конце девятнадцатого – начале двадцатого века, это совсем разные вещи. Урал – это малособы-

---

¹ Там же. С. 45.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 106.

тийное место. По большому счету, кроме золота, кроме его поисков и создания промышленности, связанной с его добычей, здесь очень мало происходило событий. Это не Петербург, не Москва, даже не Нижний Новгород начала двадцатого века. Это фактор, который очень сильно повлиял на творчество писателя. Мамин-Сибиряк – большой писатель, который в силу сложившихся обстоятельств до конца не раскрылся. Среди этих обстоятельств – не только отсутствие на Урале культурной элиты, но и сам Урал, сумрачный, с отсутствующим небом. Когда, например, мы попадаем в Италию, а потом возвращаемся обратно, то ясно понимаем, что двести восемьдесят девять дней в году здесь просто нет неба, потому что все затянуто облаками. Это не рваные облака, которые, как в Петербурге, летят над землей и выглядят, как всадники, и рождают какие-то образы... А здесь – мощное ватно-свинцовое покрывало, которое нас окутывает. И вследствие этого рождаются такие персонажи, как Гордей Брагин.

Очень важно, что в Нижнем Тагиле мы делали этот спектакль не для московской критики, которой важны определенные составляющие: конфликтность, протестность, соотношение к современному обществу, то есть осуществление поиска каких-то формальных решений. Перед нами стояла задача иная – решить не формальные вещи, а содержательные. Есть Тагил, есть Мамин-Сибиряк. Хотелось, чтобы люди подумали: для чего все вокруг существует? Это же вечный вопрос: вот я иду по улице и нахожу сумку, полную золотых слитков, и что я с ними буду делать? Счастье это или несчастье? Спрашиваю я об этом и у своих студентов в театральном институте. Для них это не кажется вопросом.

А на самом деле люди этого не выдерживают. Никто этого не выдерживает. Ведь золото, деньги – это власть! Никто не выдерживает, даже самые сильные, самые мудрые. У власти, у денег стоят какие-то невероятные люди, какие-то андроиды... Они такими и становятся. Сегодня это происходит на фоне эпохи становления капитализма в России, в такое же время

жил и писал Мамин-Сибиряк. Просто меняются стены, переклеиваются обои, меняется антураж. В углу вместо тарелки радиоприемника появляется плазменный телевизор. Но суть человека не меняется: томление духа, поиск счастья. Что такое счастье, мы не знаем, и мы его ищем. Проблема поиска счастья существовала всегда. А тут шел, шел и нашел золото. Ты его нашел и вроде оно ничье... А оно принадлежит земле! Отсюда и «дикое» счастье.

Я прожил эту историю вместе с Маминым, каким-то странным образом я вдруг подключился к нему, к этому художнику, который жил очень сложной жизнью в двадцатом веке, я поработал с ним, почувствовал его. Это отчасти ощущение реинкарнирования.

Пьеса для театра Олега Богаева отличается по развитию сюжета от романа «Дикое счастье». На сцене появляются новые герои, в то же время некоторых персонажей романа мы не видим на театральных подмостках, но от этого постановка не проигрывает. Суть произведения – искушение золотом, которого не выдерживает главный герой – звучит настолько актуально, что становится стыдно за нравы... современного общества, общества, в котором жил Дмитрий Мамин-Сибиряк и живет Олег Богаев.

О том, что это произведение было интересно зрителю всегда, рассказывает Ольга Черепова.

– Всякий раз, когда режиссеры брались за произведения Мамин-Сибиряка, каждый из них ставил перед собою свою задачу. Первый спектакль «Дикое счастье» был этнографически вычищен. Там все соответствовало тому, как это делали кержаки: правильно героини носили платки, правильно кланялись и крестились. Даже по возрасту персонажи соответствовали героям Мамин-Сибиряка. В театре живет такая полубыль, полulegenда. Одни рассказывают ее про режиссера Островского, другие о Гронском. Я думаю, что речь идет о Гронском. У него кто-то из родственников жил в Висиме, скорее всего, его теща, которую он приглашал на репетиции, и она делала замечания. Приблизительно на том говоре, который был у старообрядцев:

«А чай-то так не пили. А блюдец-то по-другому держали». И такими вкусными моментами чистоты старорусского быта и языка она наполняла спектакль. И он был приближен к атмосфере уральской старины, переданной Маминым-Сибиряком в его произведениях.

Сегодня, когда мы вновь ставили «Дикое счастье», перед режиссером этой цели не стояло, перед ними стояла задача, максимально приблизить спектакль к нынешнему зрителю.

Спектакли «Дикое счастье» и «Золотая пыль» (он был поставлен впервые в 1962 году по пьесе Мамин-Сибиряка «Золотопромышленники») оформлял замечательный художник Гартунг, и оформлял шикарно. На сцене царила настоящая уральская старина, и все дышало этой стариной. Так вот, эти спектакли были визитными карточками театра в разных городах и в разные годы. Ими открывали и закрывали гастроли. Их подавали как главное блюдо. На «Золотую пыль» в разных городах реакция была разной. История зрителю всегда нравилась, всегда увлекала. Например, в Грозном еще до войны 90-х годов к середине второго акта с задних рядов начинали кричать: «Да убей ты ее! Убей!». По спектаклю «он» ее потом и убивает, но сначала терпит как уральский мужик, терпит до конца, а чеченские джигиты терпеть уже не могли. Актриса Иза Константиновна Высоцкая, народная артистка РФ, играла в том спектакле молодую Анисью, которую и должны были убить. Так она потом рассказывала, что боялась после спектакля идти домой.

А вот в Петрозаводске лично у меня было ощущение, что зал мертвый. Зрители смотрели, аплодировали, но явных эмоций не проявляли. По-моему, эти надрывные уральские страсти им вообще были не понятны. Читалось некое недоумение: что у них там, на Урале, делается? Зато в Сибири принимали все как родное.

Но, несмотря на различие в восприятии зрителя, что вполне естественно, так как у каждого народа и даже в каждой местности свои традиции и обычаи, перед нами всегда стоит общая задача – хочется, чтобы спектакль подвигнул зрителя к тому, чтобы он

прочел произведение в первоисточнике. И знаем, что берут и читают. Ведь, в произведениях Мамина-Сибиряка – такая красота, такая широта, такая уральская удаль! Берешь книгу в руки и уже гордишься тем, что здесь живешь. Нижний Тагил и Висим любят Мамина-Сибиряка, – с гордостью завершает Ольга Павловна.

Мог ли предположить двенадцатилетний мальчик, испытывавший «непонятное и жуткое чувство»¹, когда он приезжал с отцом в Тагильский завод из Висима, что через сто пятьдесят лет в этом самом городе Нижнем Тагиле публика с большим удовольствием будет ходить в театр, носящий его имя, на спектакли, поставленные по его произведениям? Наверное, даже предположение о подобном показалось ему более невозможным, чем вся чуждая ему атмосфера Тагильского завода. И, тем не менее, торжественное здание театра, построенное в 1955 году по проекту ленинградского архитектора Александра Тарасенко, щедро украшенное декором и в 1963-м – получившее имя Д.Н. Мамина-Сибиряка, является посещаемым и любимым местом горожан.

Первым предшественником этого театра в 1862 году, когда Дмитрию Мамину было всего десять лет, стал любительский театр, созданный служащими демидовских заводов, позже неоднократно описанный Маминым-Сибиряком в его произведениях. Сегодня местный драматический театр, как в любом провинциальном городе, прежде всего наделен просветительской миссией и всецело отвечает в этом плане назначению самого писателя.

Немногим больше сотни лет назад, уже молодым человеком он ходил по этому городу, давал здесь уроки, общался с местной интеллигенцией. Именно здесь сохранились здания, которые помнят его. Среди них и тот дом на улице Большерудянской (ныне Кирова, 37), известный как «строгановский», где он останавливался в 1878 году у тагильских знакомых, собирал материал для «Горного гнезда» и делал первые его наброски.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 214.

В его планах было и перевезти сюда семью из Салды. От этой идеи он впоследствии отказался, вероятно, боясь преследований для себя и родных за свои критические корреспонденции, опубликованные в 1878 году в газетах Екатеринбурга и Петербурга – «Екатеринбургская неделя» и «Новый мир». В них автор разоблачал неприглядную роль владельца Тагильских заводов и заводской администрации при проведении реформы 1861 года, в частности, при составлении уставных грамот, обезземеливших тагильских мастеровых. Нижнетагильское заводууправление, возмущенное вызовом неизвестного автора, разыскивало его. И Дмитрий Наркисович решил покинуть Тагил, дабы не навлечь неприятностей на себя и свою семью. Однако эти публикации стали его серьезной «заявкой» на тему крестьянской реформы на Урале, которая позже прозвучит в ряде произведений писателя.

Прошедший испытание временем «строгановский» дом сегодня прячется за кронами вековых деревьев. Фисташковый колор фасада, лепнина, арки окон и четкие архитектурные линии даже в нынешнем состоянии дают представление о первозданном благородстве дома, принимающего в своих стенах молодого писателя.

Неоднократно бывал у этого дома и тагильский художник-график, к сожалению, уже почивший – Михаил Васильевич Дистергефт, член Союза художников СССР, чье имя включено во «Всемирный лексикон художников», выпущенный в Германии. Михаил Васильевич, девизом которого были слова «Душа обязана трудиться», находил для себя много созвучного в творчестве Мамина-Сибиряка. В творчестве художника также большое место занимают образы современников, пейзажи, тема истории Урала и... Мамина-Сибиряка.

В фондах Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» хранится целая серия иллюстраций Дистергефта к произведениям писателя, созданная им в 50-х, 80-х годах XX века и ранее не публиковавшаяся. Особое внимание стоит обратить на иллюстрации к «Горному гнезду». Выполненные

акварелью в темных тонах, они создают рельефные образы нижнетагильских заводчиков. Вот Раиса Павловна и Сахаров, обсуждающие очередную аферу против земства. Этих двух дельцов художник изображает почти в карикатурном виде, пышными выпуклостями и округлостями фигур делаая их схожими с присутствующей тут же собакой-бульдогом. Во взглядах персонажей коварство и хитрость, и хватка их поистине бульдожья.

Другая работа представляет сцену приезда набоб. Сам он показан спиной к зрителю, с отведенной назад тростью, и его поза демонстрирует полную закрытость, брезгливость и пренебрежение к скрюченным в раболепном поклоне мужикам, худыми руками протягивающими барину прошение.

Пустая напыщенность набоба показана в следующей картине: «Заводское начальство идет на завод». На переднем плане раздувшийся от важности набоб в окружении свиты, демонстрирующей подобострастие позами и жестами. О причастности этого общества к Тагилу говорят не только темные корпуса завода, но и возвышающаяся на заднем плане, на Лисьей горе, часовня.

Совсем другими красками показаны образы, выполненные маслом. Рабочие Высокогорского рудника и огненных цехов – угловатые, тяжелые, с будто бы вырубленными из камня лицами, мощными фигурами, резким очертанием линий плеч и фабричной одежды. У них пудовые кулаки, а в глазах сквозь обреченность проступает упрямство. В этих работах единство взглядов писателя и художника на Урал и Нижний Тагил достигают некоего максимума и дают возможность сохранить эти образы для потомков.

Одухотворенность художника творчеством и личностью Мамина выражена и в портрете Дмитрия Наркисовича в рост на фоне Висима. Думаю, это один из лучших портретов писателя. Молодой Мамин-Сибиряк показан на фоне родных зеленых гор, ветер развевает полы его плаща. Думается, это – ветер перемен, навстречу которым открыт писатель. Во взгляде его

грустных глаз – и лиричность, и трагизм, и масштабность его судьбы, неотделимой от судьбы Урала.

В Нижнетагильском драматическом театре есть своя реликвия – портрет писателя, написанный маслом нижнетагильским художником Владимиром Маркиным, членом Союза художников РСФСР, и подаренный автором театру в 1977 году к 125 летнему юбилею Дмитрия Наркисовича. Портрет занимает целую стену в фойе театра и является его талисманом. Писатель на ней изображен в зрелом возрасте, в шубе, как на известной фотографии. Шуба маминская в театре тоже есть. Правда, принадлежала она кому-то из городских господ, и сегодня уже сложно установить, кем и когда была подарена театру. Но она настолько похожа на ту, в которой Дмитрий Наркисович запечатлён на фотографии, что ее непременно стали надевать на актера, играющего на сцене писателя. Так и название к ней прижилось: шуба Мамина-Сибиряка. Надо сказать, что театральная труппа не очень погрешила против истины. У самого Дмитрия Наркисовича подобной шубы тоже не было. Он ее специально купил в Петербурге, чтобы сфотографироваться, а после сразу продал, не имея возможности носить ее по причине страшной дороговизны. Однако шуба свою роль сыграла, на века оставив портрет настоящего Сибиряка.

Впрочем, шубы и портрета недостаточно. Так считает скульптор-монументалист, член Союза художников России из Нижнего Тагила Анатолий Глебович Неверов. Он глубоко уверен, что в аллее напротив театра должен обязательно стоять памятник Дмитрию Наркисовичу. И не просто символический, а наполненный глубоким содержанием.

Выпускник Уральского училища прикладного искусства¹ и известного на весь мир Ленинградского высшего художественно-промышленного училища

---

¹ Сегодня филиал Московской государственной художественно-промышленной академии имени С.Г. Строганова.

имени В.И. Мухиной¹, приверженец академической школы, более пятнадцати лет жизни посвятивший личности писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка, Анатолий Глебович считает это судьбой.

Влияние таланта Мамина на художника далеко не формально. Каждый, кто испытывает на себе маминское воздействие, не просто в очередной раз переживает вместе с ним его жизнь; влияние оказывается более сильным, более глубоким, формируя особое мировоззрение и новые нравственные ценности, когда чувство родины становится осязаемым. Так и Неверов, возвратившись в 70-х годах XX века на родину, в Нижний Тагил, после нескольких лет жизни на Украине, почувствовал, как поет душа. Какими родными на Урале кажутся камни! И по-особому шумит лес. Чувство родства его с Маминым-Сибиряком возникало постепенно, начиная с детского воспоминания.

Вот он ребенком лежит с бабушкой в постели, а за узорчатым окном трещит мороз, сосульки намерзли на раме даже изнутри комнаты. Тепла не хватает. Толик еще мал, не ходит в школу, а его дядя, старше его на восемь лет, уже ученик, читает вслух «Зимовье на Студеной». Толик слушает и ярко представляет себе в этой комнате с обледеневшим окном, с собакой, так похожей на Музгарко, все происходящее в книге. И еще не понимает, что происходит внутри него, и что теперь он называет «содружеством сердец». Остро помнит и то, как его детское сердце отказывалось принять смерть главного героя – старика Елески, не желая представить себе той черты, которая разделяет его с полюбившимся героем. Это зимовье так вошло в душу мальчика, заняв там свое место, что каждый раз оживало, как только речь заходила о творчестве Мамина-Сибиряка.

Следующий знак судьба подала в 1960 году, когда Анатолий во время преддипломной практики после окончания четвертого курса Уральского училища оказался на реставрации старинного особняка, построенного в Нижнем Тагиле известным архитектором

---

¹ Сегодня Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица.

Демидовых – А.З. Комаровым. Как выяснилось, в этом доме в 1878 году останавливался у своей родственницы Дмитрий Мамин, он тогда собирал материал для романа «Горное гнездо» и других своих произведений.

А годы спустя появилась и первая заказная работа, и ни где-нибудь, а в поселке Висим, на родине писателя. Председатель поселкового совета, фронтовик предложил Неверову создать барельеф в память о погибших на Великой Отечественной войне односельчанах. Анатолий Глебович не мог отказаться. И предложил в свою очередь: «Как вы посмотрите на то, что я буду работать здесь, в Висиме? У каждого скульптора есть мечта – работать на открытом воздухе. Пространство давит на художника».

Возражений не было, и скульптору отвели комнату на втором этаже дома, расположенного рядом с Домом-музеем Мамина-Сибиряка. А работал он здесь же, во дворе. «Утром выхожу и смотрю на шихан. И дышу этим воздухом!» – вдохновенно вспоминает Анатолий Глебович. И добавляет: «Ходил по дому Мамина-Сибиряка и разговаривал с ним. Но даже тогда еще не думал, не представлял, что наступит время, когда посвящу ему себя всего и свое творчество!»

Поводом к очередному судьбоносному шагу послужила в 2003 году городская выставка, куда он представил несколько работ-эскизов, посвященных Мамину-Сибиряку. В 2005-м скульптор был номинирован из числа тагильских художников на стипендию Министерства культуры Свердловской области, предлагая к рассмотрению три своих проекта, один из которых в очередной раз знакомил зрителя с Дмитрием Наркисовичем. А когда работа в рамках стипендии завершилась, и он думал о масштабном воплощении скульптуры писателя, судьба в очередной раз преподнесла ему подарок.

– Как-то утром смотрю телевизор, – вспоминает Анатолий Глебович. – И вдруг сообщают о том, что в городской детской библиотеке прошел литературный конкурс под названием «Серая шейка» по произведениям Мамина-Сибиряка с участием большого количества детей, среди них много иногородних, есть

призеры. Руководитель конкурса – Юрий Данилович Исупов. И меня тут же осенило: «Бог ты мой! Вот кому надо подарить скульптурный портрет Дмитрия Наркисовича – библиотеке!

Опуская все перипетии этого не по вине скульптора нереализованного проекта, можно сказать, что «Серая Шейка» жива до сих пор и переселилась в Городскую центральную библиотеку Нижнего Тагила, а Юрий Данилович Исупов – в то время начальник патентного бюро технического управления ОАО «ЕВРАЗ НТМК» и страстный маминец, собиратель всего, связанного с творчеством писателя, стал большим другом скульптора, который в свою очередь так серьезно увлекся Маминым-Сибиряком, что сделал целую серию скульптур-эскизов, достойных большого восхищения. Все они объединены в буклете «Раздумья о писателе...», выпущенном в 2013 году Уральским колледжем прикладного искусства и дизайна, филиалом Московской государственной художественно-промышленной академии имени С.Г. Строганова.

– Скульптура дает мне возможность выразить любовь и признательность Дмитрию Наркисовичу, – с воодушевлением говорит Неверов и открывает эскизы один за другим. Сейчас выкристаллизовались две темы, над которыми я постоянно работаю. Совершенствую то, что уже создано, и ищу новые решения. Первая – памятник в экстерьере театра.

Каждый сантиметр композиций Неверова насыщен, каждая деталь символична. Все последующие раздумья о писателе – это варианты будущего памятника. А в том, что он со временем появится, Анатолий Глебович, не сомневается. «Мой или другой, но обязательно будет! – уверен Неверов. – К этому памятнику надо приходить, как к Христу. Как в церковь за благословением. Это был страдалец и патриот Урала».

У Неверова Мамин-Сибиряк – разный: оптимистичный, с верой в будущее, и надломленный личным горем, молодой и в возрасте, человек с реальной судьбой и символ Урала в русской литературе. Ему впору и шляпа, как часть мужского костюма XIX века, и тер-

новый венец, как символ людских страданий и тысячи жизней, которые он готов был прожить. В скульптурных композициях гармоничен как уходящий в пространство театральный занавес с вольными складками, так и крест – символ отмены крепостного права, происшедшей смены формации. Один из постоянных атрибутов образа писателя – плащ, символ плохой погоды, слякоти, отрешенности. И отверженности.

И еще один маминский образ, присутствующий в неверовских композициях:

– Конечно, Серая Шейка, – продолжает Анатолий Глебович, – очень емкий образ, любимый герой мультфильмов и фольклора. Неотъемлемая часть композиции и томик «Аленушкиных сказок». Совершенство мира надо начинать с обращения к детям. Им жить в капиталистическом обществе, поэтому необходимо учить их выживать, как умел выживать Мамин-Сибиряк.

Хочется верить, что одна из композиций Неверова когда-нибудь обязательно займет свое место у драматического театра Нижнего Тагила. И тогда жители города смогут приходить сюда, чтобы поговорить с писателем о своем, наболевшем; дети будут поглаживать Серую Шейку, прыгать по ступеням и читать «Аленушкины сказки».

– Вторая тема – отношения Дмитрия Наркисовича с Марией Якимовной Алексеевой, – продолжает Анатолий Глебович. – Поскольку я – житель Нижнего Тагила, а совсем недалеко находится Нижняя Салда, где состоялось знакомство Дмитрия Наркисовича с Марией Якимовной Алексеевой, его первой женой, то две композиции посвящены им, – рассказывает Анатолий Глебович. – Первая: счастливое знакомство в Салде. Как решить это скульптурно? Я показываю его с жестко сложенными газетами в руке, ведь он – репортер, зарабатывающий себе на хлеб этим ремеслом. У нее – ниспадающая шаль, символизирующая ее борьбу с условностями общества. В основании архитектурного решения – обычная лавка, символ их общей близости

к народу. И маленькая ступень, и маленький шаг ноги Марии Якимовны, на который она решается, порывая с прежней семьей. Это ее смелый шаг в новую жизнь, а часть прошлой – спадает вместе с шалью. Внутреннюю энергию, решимость постарался я показать и в Дмитриии Наркисовиче. Он в плаще, складки которого будят воображение, и со снятой шляпой, потому что перед будущим он всегда преклонялся. Символика выражена и в подобранной одежде, и в атрибутах. Народные промыслы – дуга и валдайский колокольчик, символы времени. Одновременно дуга – это и символ не пройденных дорог, и тех господних путей, которые неисповедимы.

Ко второй композиции мы еще вернемся, а сейчас, в этот момент, она кажется невероятной: она посвящена будущему разрыву их отношений.

12.

Неисповедимостью путей господних в России можно многое объяснять. Пока это не коснется лично тебя. Мария Якимовна Колногорова, в восемнадцать лет вышедшая замуж за Николая Ивановича Алексеева, горного инженера, талантливого специалиста, но деспота в семье, к тридцати годам уже имела троих детей и давно остыла к мужу. Неоднократно помышляла она о разрыве с Алексеевым, но будучи воспитанной строгим отцом, терпеливо несла в семье свой крест. До тех самых пор пока на ее пути не оказался молодой, пылкий и подающий надежды в литературе Дмитрий Наркисович Мамин. Судьба их решилась в считанные месяцы. Ни угрозы отца в адрес опозорившей его дочери, ни попытки мужа сохранить семью путем отказа от развода, ни богатство, ни условности общества, осуждающего ее поступок – ничто не удержало Марию Якимовну от решительного шага. Анна Семеновна, дружески относившаяся к семье Алексеевых, тоже была против такого ее поступка. Еще строже судила она сына, дав ему понять, что никогда не примирится с его невенчанным браком. Ей казалось, что предот-

вратить его мог только Наркис Матвеевич. И она, увещевая сына, уповала на его имя и память. Но Дмитрий был непреклонен. А может быть, верил, что отец бы все понял и не стал мешать его счастью.

С работой в Салде и Тагиле не сложилось. И в марте 1878 года Дмитрий Наркисович с Марией Якимовной принимают решение о переезде в Екатеринбург. Мария Якимовна забирает с собой детей под предлогом, что им надо учиться в уездном городе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Переезд в Екатеринбург. Создание маминского кружка. Путевой очерк «От Урала до Москвы». В столице с Алексеевой. «Приваловские миллионы». Младший брат. «Башка» и уральские рассказы. Дом на Соборной улице. Вторая поездка в Москву. Общество любителей российской словесности. Знакомство с В.А. Гольцевым. Сотрудничество с «Екатеринбургской неделей». Сибирско-Уральская научно промышленная выставка 1887 года. Член Уральского общества любителей естествознания. Драматургия Мамина. Поездка в Чердынь и встреча с В.Н. Шишонко. Мамин-Сибиряк – этнограф, краевед, коллекционер. Уральские самоцветы. Ирбит и «Ирбитский ярмарочный листок». Встреча с Абрамовой. Любовь и отъезд из Екатеринбурга.

1.

В феврале 1878 года предводитель репортерского сообщества в Санкт-Петербурге господин Волокитин сообщает Дмитрию Мамину о том, что все оставленные им в Петербурге рукописи лежат в редакции и ждут своего автора, ждет его и сам Волокитин. Но вместо Петербурга Дмитрий отправляется в Екатеринбург, где снимает квартиру в доме Зубринской на Большой Вознесенской улице, ныне улице Карла Либкнехта, напротив Вознесенской церкви. Приняв такое решение, он обещает матери в письме не быть пьяницей и дурным сыном: «С бодрым духом я смотрю вперед, верю в себя и в силу своего труда»¹.

Поистине невозможно объяснить тот факт, почему

---

¹ Галеева Р. Листая семейную книгу Маминых // Урал, № 11, 2002.

у столь беспорочных родителей, так много вкладывающих в своих детей любви, душевного тепла и благочестия, двое из четверых имели тягу к алкоголю – хотя сам Наркис Матвеевич за всю жизнь не выпил даже рюмки вина, кроме полагающегося во время причастия! Николай и Дмитрий – оба были талантливы, добры и питали самую преданную любовь и уважение к своим родителям, но в то же время с трудом справлялись с пороком, приносившим столько страдания отцу и матери. И если у Дмитрия на это еще хватало сил, то Николай вскоре превратился в окончательно больного человека, страдающего длительными запоями. По этой же причине он был исключен из Пермской духовной семинарии и не мог удержаться нигде на службе. Впрочем, Дмитрий, хорошо знавший нравы бурсы, считал, что они-то и явились непосредственной причиной алкоголизма брата. Николай был непреходящей болью родителей. При жизни Наркис Матвеевич неустанно заботился о том, чтобы оградить сына от пагубного воздействия спиртного, используя советы, уговоры и все другие средства, боролся за физическое и нравственное здоровье сына. После смерти главы семейства эта ноша целиком легла на плечи Анны Семеновны. Боясь последствий порочного образа жизни Николая, она мучилась снедающей ее материнской жалостью и не могла отказать ему в приюте и участии. Жаловалась в письмах Дмитрию на Николая, мучилась от безысходности и корила себя, что они с мужем не смогли дать достойного воспитания своему первенцу. Дмитрий разделял это горе и сопереживал матери. Все зло видел в бурсе и с ненавистью относился к духовному училищу, мимо которого не мог проходить спокойно.

Первые месяцы в Екатеринбурге Дмитрий целиком и полностью посвящает устройству своего быта. Ищет уроки, которые дает в разных семьях города, в том числе в преддверии экзамена занимается латинским языком с младшим сыном главного горного инженера Иванова, и, зарекомендовав себя с самой положительной стороны, удостоивается приглашения остаться его

репетитором на будущий год. Собственно, этот факт его не очень радует, так как все дети Иванова слыли самыми ленивыми учениками во всей гимназии. Но потерять такое доходное место Дмитрий не мог себе позволить. Несмотря на то, что в месяц за уроки он порой получал до шестидесяти рублей, этих денег не хватало на все его нужды – собственное проживание и помощь семье. Из своих средств он платил за квартиру Володи, репетиторство Лизы, отправляя деньги матери. С сожалением приходилось признавать и то, что уроки в богатых домах требовали соответствующего внешнего вида. А его сюртук совсем износился, верхнего пальто, ни летнего, ни осеннего он не имел. Поэтому не случайно он подумывал о службе в банке или открытии маленькой школы, человек на десять, где мог бы готовить детей в первые классы гимназии. И по-прежнему не оставлял писательского труда. В 1877-1878 годах Дмитрий Мамин работает над романом «Семья Бахаревых», который посвящает Марии Якимовне Алексеевой. Роман, начатый в Нижней Салде, он дописывает в Екатеринбурге, в доме Е.И. Зубринской.

В это же время сама Мария Якимовна, как обеспеченная женщина, располагающая средствами, сначала снимает себе комнаты в доме Фурман, расположенном также на Большой Вознесенской, а впоследствии в доме на Колобовской улице, где и селится со своими детьми. Дмитрий Наркисович в ее доме – частый гость. Их отношения с Марией Якимовной продолжают, хотя они и пытаются их скрывать. Но не только осуждение общества мешает их счастью, Анна Семеновна по-прежнему не одобряет поведения сына и не выражает никакого расположения к его избраннице, что страшно обижает Дмитрия. После смерти отца он с еще большим трепетом относится к матери и глубоко переживает любое непонимание, возникающее между ними. Ему хочется завоевать любовь и расположение Анны Семеновны, убедить ее в том, что Мария Якимовна именно та женщина, которая всецело соответствует ее представлениям о благопристойности, а невен-

чанный брак может быть чище венчанного. В письме от 23 апреля он ведет на эту тему откровенный разговор с матерью. И, извинившись перед нею за свой тон, не может удержаться от упрека и обиды. *«Странно, Мама, даже немного более, чем странно и не мне бы говорить вам об этом, потому что вы всегда отлично понимаете то, что делаете, а особенно тех людей, с которыми имеете дело. Не могу допустить, чтобы в последнее время вы настолько изменились, что вас даже совсем трудно узнать. Марья Якимовна часто говорит о покойном папе и о вас, Мама, и, даю вам честное слово, что дай Бог всякому другому в родной дочери встретить столько уважения, любви, забот, а главное – понимания людей. [...] У меня с вами, Мама, конечно, не может не быть разницы и в мыслях, и в чувствах, потому что 10 лет разлуки, жизни с другими людьми – все это должно же было отразиться, но ведь мы большей частью не согласны в частностях, в форме, а в общем мы думаем и чувствуем почти одинаково, с той разницей, что я глубоко верю вам во всем, Мама, а вы, Мама, во всем относитесь ко мне с самым обидным недоверием и не желаете понять этого...»*¹

Доказывая свою привязанность семье и лично матери, Дмитрий уверяет ее, что он изо всех сил старается и делает все, что можно делать, чтобы закрепиться в Екатеринбурге. В горьком признании «прокармливаю свою голову и только пока...» вновь чувствуется его неудовлетворенность собой и существующими обстоятельствами, но его горячее желание все преодолеть и не просто стать на ноги, но и помогать семье – сильнее собственного самокопания, что он выражает одной фразой: «к неудачам и обманутым надеждам я давно отношусь хладнокровно». Но как никогда прежде ему теперь необходимо «справедливое» отношение матери, о чем он ей искренне говорит, разделив всю их жизнь на две половины «с папой и без него», и надеется на то, что отец бы его понял. И все же, благо-

---

¹ Письмо Д.Н. Мамина к А.С.Маминой от 23 апреля 1878 г., Екатеринбург, из фондов ОМПУ.

говоя перед матерью, он будто опускается перед ней на колени, прося ее родительского благословения и не уставая повторять: «Мама, в душе я всегда считал и считаю и буду считать вас женщиной, заслуживающей более чем уважения и по высоте понимания стоящей неизмеримо высоко над всеми остальными женщинами, из которых я знаю всего только одну, которая в этих двух отношениях стоит на одинаковой высоте с вами, Мама»¹. И вместе с письмом вкладывает в конверт свой портрет, снятый первым профессиональным екатеринбургским фотографом Тереховым, с подписью: «Моей маме, милой и дорогой моей маме дарю эту карточку, которая пусть всегда напоминает ей о сыне, глубоко ее любящем и истинно преданном ей. 1878. Апрель 23, Екатеринбург»².

Всего через несколько дней с Поленовым, приехавшим по делам в уездный город, Анна Семеновна передает сыну письмо и гостинец – фунт чаю, за что он искренне благодарит ее в ответном письме. «Милая, дорогая моя Мама...» – обращается он к ней и жалеет, что она не оставила этот чай себе³. Дело было, конечно, не в чае. За строчками материнского письма он чувствовал если не прощение, то любовь, которая была сильнее всех обид и условностей. Какой бы внешне сдержанной ни казалась Анна Семеновна, душа ее страдала, разлетаясь на мельчайшие частицы – любви, горечи, сострадания к сыну. Разве такой желала она ему судьбы?! Разве об этом мечтала она для него, родив его в большой любви и уповании на лучшее будущее?! Теперь она должна была смириться с, казалось бы, никогда не приемлемым для истинного христианина поступком сына и уступить его любви. Она взывала к собственной терпимости.

Жить в Салде Анне Семеновне становилось все труднее. Лиза была слаба, часто болела. Благодаря покровительству Поленова Николая держали на службе

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Письмо Д.Н. Мамина к А.С. Маминой от 30 апреля 1878 г., Екатеринбург, из фондов ОМПУ.

при заводе, но его заработок был невелик, и тот не всегда доходил до семьи. Володя учился в гимназии в Екатеринбурге, и для его содержания требовались средства. Собиралась в гимназию и Лиза, и опять нужны были деньги. Не найдя другой возможности, Анна Семеновна в очередной раз обращается с прошением на имя главного управляющего Нижнетагильскими заводами, господина Жонесса, об увеличении назначенного пособия дочери Елизавете до размеров, дающих возможность поступить в гимназию. Салда Анне Семеновне посылает. Почувствовав состояние матери, Дмитрий передает ей предложение Алексеевой о переезде в Екатеринбург, убеждает, что им всем вместе будет легче прожить, и обещает со своей стороны всяческое содействие в вопросах переезда и дальнейшей помощи. Находясь между матерью и любимой женщиной, как между молотом и наковальней, Дмитрий мечтает об их расположении друг другу и тяжело переживает холодность Анны Семеновны, не посылающей «даже ни одного приветного письма», в отношении Марии Якимовны. И тогда Алексеева, как, несомненно, чуткая и мудрая женщина, берет инициативу в свои руки и предлагает, чтобы Анна Семеновна, сняв квартиру, взяла ее с детьми к себе на постой. А получив положительный ответ, лично пишет письмо Анне Семеновне, в котором проявляет себя как хороший дипломат и практичная хозяйка, что не могло не понравиться Маминой.

«Екатеринбург, мая 21, 1878. Многоуважаемая Анна Семеновна!

Очень рада вашему решению переехать сюда и с эгоистической юдолью рада тому, что Вы берете меня с ребятами на хлеб. Благодарю вас за Вашу память обо мне и за то внимание, которым я всегда так дорожила и постараюсь оправдать. Давно собиралась писать Вам, но боялась высказать свое мнение по поводу Вашего переезда сюда, так как не уверена в своей практичности и хозяйственной жилке в жизни; узнавши же Ваше решение переселиться, ... выскажу все, что думаю по этому предмету. Мне кажется, многоуважаемая Анна Семеновна, что чем скорее Вы переедете, тем

лучше: летом квартиру нанять несравненно выгоднее, чем зимою, и до июля месяца есть возможность переехать ничего не заплативши, тогда как с открытием железной дороги это будет стоить 35-40 р. Квартира с двумя выходами, отдельным двором и службами, с 6-7 комнатами, к зиме же это все вздорожает. Мебель всю за раз покупать конечно дорого, но по немногу на толкучке все можно найти дешево. Корову стоит иметь свою при большом семействе, цены на коров те же, что в Тагиле. Прислуга здесь не пользуется хорошей репутацией, это впрочем, я говорю с чужих слов. Стоимость прислуги та же, как и у нас. Дрова страшно дороги и цены на них не постоянны: то баснословно высоки, то доходят по 2 руб. березовые, ниже не бывают. Относительно способа переезда я написала папе, спросила его может ли он тут помочь и уверена, что ... он сделает все, что только возможно. Теперь скажу о себе, добрейшая Анна Семеновна: я желала бы устроиться так, чтобы иметь три комнаты с незатейливой мебелью без зеркалов и украшений; прислугу которая приходила бы вытереть пыль, вымыть и вымести полы, подать самовар и обед, вычистить платье; обед состоит из горячего блюда, жаренного или варенного кушанья, сытного и третье чего-нибудь вроде каши и т. д; ужин из двух кушаний: молоко к чаю и сливки к кофе; относительно чистки белья вопрос можно решить впоследствии. Предполагая покупать свои свечи, чай и сахар, булки к чаю, могла бы предложить Вам многоуважаемая Анна Семеновна, 25 руб. с человека. Говорю Вам все прямо и откровенно, надеюсь, что и Вы так же напишете мне, не стесняясь, Ваши условия. На днях еще раз собираюсь писать Вам, а теперь тороплюсь отсылать письмо на почту. Желаю Вам всего лучшего в жизни и прошу передать мой привет Лучковым. С искренним уважением к Вам, остаюсь глубоко преданная Вам ваша покорная слуга М. Алексеева. Сейчас мы идем смотреть квартиру. Была одна подходящая; на лето мне хочется отставить квартиру за собою, т. е. ту, на которой устроитесь Вы»¹.

---

¹ РГАЛИ Ф. 316, оп.1, ед. хр. 238.

1890 г.

Екатеринбургъ.

Въ ПЯТНИЦУ, 7-ГО ДЕКАБРЯ,
ВЪ ГОРОДСКОМЪ ТЕАТРѢ

БЕНЕФИСЪ

М. М. АБРАМОВОЙ.

Представлено будетъ: въ 1-й разъ

1.

ЖЕРТВА ИНТРИГЪ.

Драма въ 5-ти дѣйств., соч. Кирьякова.

Участвующіе—и-жи: **АБРАМОВА**, Морева, Кузьмина и
друг., и-да: *Гадеевъ, Медвѣдевъ, Риваль, Баиряновъ,*
Рутковский, Колесовъ, Камскій и друг.

2.

Ж Е Н Я.

Этюдъ съ натуры, соч. П. П. Гнѣлча.

Участвующіе—и-жи: **АБРАМОВА**, *Гадеева*; и-да: *Баиряновъ, Рутковский.*

Въ заключеніе:

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

- 1) „Legenda“, соч. Венявскаго, съ аккомпаниментомъ оркестра, исп. В. М. Гейнрихъ.
- 2) Solo для віолончели, съ аккомпаниментомъ оркестра, исп. А. И. Сметонъ.
- 3) Solo для флейты, фантазія изъ оперы „Рогнеда“, соч. Чарди, исп. И. Ф. Свобода.

Начало въ 7^{1/2} часовъ.

Знакомство Д.Н. Мамина-Сибиряка и М.М. Гейнрих-Абрамовой состоялось во время ее гастролей в Екатеринбургѣ. Афиша бенефиса Абрамовой в городском театре 7 декабря 1890 г.

Актриса М.М. Гейнрих-Абрамова.
Снимок сделан в Казани.
Из фондов ОМПУ

Дочь М.М. Абрамовой и Д.Н. Мамина-Сибиряка Елена – Алёнушка. 1899 г.
Из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висеме

«Дневник артиста» – приложение к журналу «Артист», № 4 за 1892 г.:
обложка и страница из очерка Д.Н. Мамина-Сибиряка «Мария Морицовна
Абрамова». РНБ

Портрет М.М. Абрамовой, выполненный в Екатеринбурге
фотографом Тереховым. 1890-1891 гг. РГАЛИ

Этот фотопортрет Д.Н. Мамина-Сибиряка в шубе стал «классическим» и послужил основой для многих живописных и скульптурных работ разных авторов. Между тем шубу писатель купил специально для съемки, когда они с М.М. Абрамовой приехали в С.-Петербург. Он пришел в ней в фотоателье, получил снимки, а шубу вскоре продал. Этот портрет давал ему множество поводов для шуток, и своему другу Ф.Ф. Фидлеру он говорил: «Сейчас видно, что это настоящий писатель, которого много читают, а не шантрапа: только настоящий писатель может обладать такой роскошной енотовой шубой!» РГАЛИ

*Александра Аркадьевна
Давыдова – крестная мать
Алёнушки Маминой, близкий
друг семьи писателя и редактор
журнала «Мир Божий». 1880-е гг.
Из фондов ОМПУ*

*Николай Константинович
Михайловский – близкий друг
Д.Н. Мамина-Сибиряка и его семьи
в С.-Петербурге, крестный отец
Алёнушки Маминой. Из фондов
ОМПУ*

*Комитет Союза писателей. С.-Петербург. 1900 г.
Д.Н. Мамин стоит крайний справа. Из фондов ОМПУ*

Елена Мамина – Алёнушка: ребенок, девочка, подросток, взрослая девушка. Последний портрет сделан в 1910 г. Первые два снимка – из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме, остальные – из фондов ОМПУ

Приехав в С.-Петербург,
А.С. Мамина увидела внучку
Алёнушку: Д.Н. Мамин-Сибиряк,
Алёнушка и Анна Семеновна, конец
XIX в. Из фондов ОМПУ

Елизавета Гейнрих во время
русско-японской войны. На ее
жизненный путь во многом
повлияло неприязненное
отношение О.Ф. Гувале. Из книги
К.А. Куприной «Куприн – мой
отец»

Ольга Францевна Гувале, третья
жена Д.Н. Мамина-Сибиряка,
вырастила и воспитала
Алёнушку. Из фондов ОМПУ

*Д.Н. Мамин-Сибиряк
в С.-Петербурге. 1896 г.
Из фондов ОМПУ*

*Редакция ежемесячного
иллюстрированного журнала
для семьи и школы «Юная Россия»
(«Детское чтение»). Фото из
журнала за 1909 г. На заднем плане –
его издатель Д.И. Тихомиров.
Из фондов ОМПУ*

*Дмитрий Иванович Тихомиров,
издатель и близкий друг
Д.Н. Мамина-Сибиряка. 1915 г.
Из-за бороды Тихомирова иногда
принимали за Льва Толстого,
а Мамин-Сибиряк при этом
устраивал розыгрыши, вслух
называя друга Толстым.
Из фондов ОМПУ*

Из совершенно секретного рапорта Усманского уездного исправника Брауншвейна Тамбовскому губернатору от 23 июня 1894 г.: в Усмань приехал сотрудник журнала «Русская мысль» Дмитрий Мамин.

Из-за тесного сотрудничества с В.А. Гольцевым Д.Н. Мамин-Сибиряк в С.-Петербурге постоянно находился «под колпаком» Департамента полиции, который отслеживал все его действия. Из архива Департамента полиции в ГАРФ

Газетное объявление в «Русском курьере» о предстоящем в 1888 г. издании журнала «Эпоха». Среди предполагаемых авторов – «13 лиц, уже давно известных Охранному отделению своей неблагонадежностью», в том числе под №4 и Д.Н. Мамин-Сибиряк. Журнал разрешено выпускать под строгой цензурой. Из архива Департамента полиции в ГАРФ

Журналъ „ЭПОХА“

будетъ выходить съ октября мѣсяца 1888 года еженѣщно, книжками отъ 200 до 240 страницъ, по программѣ литературно-научныхъ журналовъ, подъ новымъ издательствомъ и при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи, на Большой Никитской, въ домѣ Зотова.

Годовая цѣна съ пересылкой и доставкой . . .	6 р. — п.
За 3 мѣсяца съ октября по декабрь . . .	2 » 25 »
» 15 книжекъ за 1-е января 1890 года . . .	8 » — »
» отдѣльную книжку журнала: съ доставкой . . .	— » 75 »
» » » » безъ доставки . . .	— » 60 »
Заграницу годовое изданіе . . .	8 » — »

Допускается разсрочка на годовое изданіе со взносомъ двухъ рублей въ началу каждой трети года. (Мелочъ присылается почтовыми марками).

Въ журналѣ принять участіе: Я. В. Абрамовъ, С. А. Венгеровъ, В. В., Н. Н. Златовратскій, П. В. Засодимскій, Г. Б. Юлосъ, В. Г. Короленко, Наронинъ, проф. И. В. Луциій, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), А. А. Мануиловъ, Г. А. Мачуга, В. П. Марковъ, Минскій, А. А. Поповъ, А. С. и В. С. Пругавины, В. Д. Соколовъ, В. И. Савининъ, В. И. Семевскій, П. А. С.-Силь, А. М. Скабичевскій, Г. И. Успенскій, А. П. Чеховъ, С. А. и Е. С. Щепотьевы, А. И. Эртель, С. Н. Южановъ, С. А. Юрьевъ и др.

Издатель А. КОЛАЧЕВСКІЙ.

1

Дмитрій Наркиссовичъ Маминъ и
Ольга Францевна Гувале покорнѣйше про-
сятъ Васъ пожаловать на ихъ бракосочетаніе,
имѣющее совершиться въ церкви Св. Николая,
что при Николаевскомъ Комитетѣ для раз-
бора и приоритетна нищихъ (ул. Англійскаго пр. и
Торговой ул.), 6 февраля 1900 г., въ 2 часа дня.

С.-Петербургъ, 1900.

Тип. Лурье и К^о.

Приглашение на
бракосочетание Дмитрия
Наркисовича Мамина и Ольги
Францевны Гувале. 6 февраля
1900 г. РГАЛИ

Ольга Францевна со временем
стала полновластной хозяйкой
в доме Маминых. Снимок сделан
в квартире в С.-Петербурге.
РГАЛИ

О.Ф. Гувале работала гувернанткой
в семье А.А. Давыдовой, которая и
порекомендовала ее Д.Н. Мамину-
Сибиряку для воспитания Алёнушки.
Давыдова часто выезжала в
большой компании за границу.
Этот снимок сделан в 1885 г. в
Швейцарии. Слева – А.А. Давыдова,
О.А. Гувале стоит вторая справа.
Из фондов ОМПУ

Уральские рассказы,		
май 1900 года, изд. 2	1898	3600
Сибирские, изд. 4	1900	3600
май 1900 года, изд. 3	1898	3600
Сибирские, изд. 4	1900	3600
май 1900 года, изд. 3	1898	3600
Сибирские, изд. 4	1900	3600
май 1900 года, изд. 3	1901	3000 +
Сибирские,		
Алтайские,	1898	6000
Сибирские, изд. 2	1900	12000
Сибирские, изд. 3	1900	12000
Сибирские, изд. 4	1900	10000
Сибирские, изд. 5	1900	1000
Сибирские, изд. 6	1900	1200
Сибирские, изд. 7	1900	2400 +
Сибирские, изд. 8	1900	4000
Сибирские, изд. 9	1900	3100 +
Сибирские, изд. 10	1900	3600
Сибирские, изд. 11	1900	6000

Лит. 1900, 2-й б. 1-й изд.	12 38
Лит. 1900, 2-й б. 2-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 3-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 4-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 5-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 6-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 7-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 8-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 9-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 10-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 11-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 12-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 13-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 14-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 15-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 16-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 17-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 18-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 19-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 20-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 21-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 22-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 23-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 24-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 25-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 26-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 27-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 28-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 29-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 30-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 31-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 32-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 33-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 34-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 35-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 36-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 37-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 38-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 39-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 40-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 41-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 42-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 43-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 44-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 45-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 46-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 47-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 48-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 49-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 50-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 51-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 52-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 53-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 54-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 55-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 56-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 57-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 58-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 59-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 60-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 61-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 62-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 63-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 64-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 65-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 66-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 67-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 68-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 69-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 70-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 71-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 72-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 73-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 74-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 75-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 76-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 77-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 78-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 79-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 80-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 81-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 82-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 83-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 84-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 85-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 86-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 87-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 88-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 89-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 90-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 91-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 92-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 93-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 94-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 95-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 96-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 97-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 98-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 99-й изд.	78
Лит. 1900, 2-й б. 100-й изд.	78

Это страницы из тетради О.Ф. Гувале 1903 г., в которой она с немецкой пунктуальностью вела учет всех издательских дел Д.Н. Мамина-Сибиряка: издания, тиражи, расходы, гонорары. В 1910 г. писатель полностью передал ей право «по изданию моих сочинений: входить в соглашения с издателями и всеми иными лицами, заключать по настоящему делу всякого рода условия и договоры...». РГАЛИ

С художником и камнерезом А.К. Денисовым-Уральским Д.Н. Мамин-Сибиряк дружил семьями. На этом снимке, сделанном на даче в Финляндии в 1900-гг., на переднем плане слева направо: врач С.С. Жихарев, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.К. Денисов-Уральский с сыном, на заднем плане – жена художника А.А. Денисова, вдали ее дочь, рядом О.Ф. Мамина (Гувале) с Алёнушкой. Из фондов ОМПУ

Поездка с друзьями на Кавказ принесла столь необходимые писателю новые впечатления. На снимке слева направо: Ф.Ф. Фидлер, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.К. Михайловский. Кисловодск, 1902 г. Из фондов ОМПУ

Племянник Д.Н. Мамина-Сибиряка Борис Удинцев внес самый большой вклад в сохранение и изучение его творческого наследия. С.-Петербург, 1914 г. Из фондов ОМПУ

В 1914 г. известный российский журнал «Нива» объявил подписку на первую серию полного собрания сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка – 18 книг. Он сам как-то сказал, что написал уже на 100 томов. Из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме

380.
Пермскому Губернатору.

6

УИ.

2.

27 апреля 1916 г.
F 11612

на № 1570.

Уведомляю Ваше Превосходительство -
ство для объявления по принадлежности -
ости, что я признаю возможным при-
своить Висимо-Шайтанской земской
библиотека-читальни имя писателя Д.Н.
Мамина - Сибиряка.

Коп.

на Министра, Товарищу Министра,
в д. Гермейстера

В. Волконский

Г. директоръ Сибиряковъ
В. Т. Мамин

27 апреля 1916 г. товарищ (заместитель) министра внутренних дел князь Волконский уведомил Пермского губернатора, что «признал возможным присвоить Висимо-Шайтанской земской библиотеке-читальне имя писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка». Из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме

Анна Семёновна Мамина с внуками. Старший – Борис Удинцев.
Из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме

Д.Н. Мамин-Сибиряк в своем кабинете в Царском Селе. 1910 г. Из фондов ОМПУ

Последний портрет Д.Н. Мамина-Сибиряка сделан в 1912 г. Черты его лица искажены тяжелой болезнью. РГАЛИ

Комитет по организации чествования сорокалетнего юбилея литературной деятельности Д.Н. Мамина-Сибиряка. Снимок сделан в квартире Ф.Ф. Фидлера в С.-Петербурге 26 сентября 1912 г. Стоят: Е.Н. Чириков, Е.П. Карпов, Д.Н. Овсянко-Куликовский, А.И. Куприн, А.А. Измайлов. Сидят: С.А. Венгеров, Ф.Ф. Фидлер, И.Н. Потапенко, А.Н. Будинцев. Из фондов ОМПУ

Переезд семьи обсуждается и готовится несколько месяцев, в течение которых Володя блестяще сдает экзамены и переходит в пятый класс гимназии, а на каникулы уезжает к матери в Нижнюю Салду. Дмитрий отправляет свой новый роман «Семья Бахаревых» в один из толстых столичных журналов и с нетерпением ждет ответа, а еще больше – гонорара за его публикацию.

В заботах о переезде семьи он пытается учесть все мелочи: что продать, что взять с собой, а что оставить до санного пути. Но больше всяких вещей волнует его судьба Николая, который остается в Салде. Он жалеет брата и предлагает матери взять его с собой, обещая подыскать ему «какую-нибудь службишку», чтобы доставало перебиться с хлеба на воду. Убеждая в этом мать и, наверняка, себя самого, он пишет Анне Семеновне: *«Общими силами мы бы как-нибудь может быть и поддержали бы его, а то пропадет он без нас по напрасному... Это можно сделать и не сейчас по приезде, Мама, а немного погодя, но вы подумайте об этом серьезно. Мне так жаль оставлять Николая в Салде, потому что он теперь конечно больной человек, а там может и совсем погибнуть. Мне так хочется, Мама, чтобы жить всем вместе»*¹. Беспокоится Дмитрий и о здоровье младшего брата, который «нехорошо подкашливает», и советует матери отправить его в Нижний Тагил к доктору Рудановскому, который его хорошенько выслушает и может прописать рыбий жир или отправить на кумыс. В Тагиле он уверен в помощи Марии Якимовны, которая в это время находилась там у родителей.

Переезд Анны Семеновны затягивался, одной из причин тому становится болезнь Лизы, свалившейся от тифа. Дмитрий в беспокойстве за сестру не находит себе места: что с бедной девочкой, уж жива ли теперь она? Переживая всем сердцем за близких, он чувствует свою ответственность за каждого в семье. Кто наложил на него эту епитимью? Кто обязал не-

---

¹ Письмо Д.Н. Мамина к А.С.Маминой от 06 июня 1878 г., Екатеринбург, «Урал» № 8, 2000 г.

сти этот крест? Только он об этом знал и был уверен в избранности своего предназначения, что иногда прорывалось в отношениях с родными. *«Поздравляю Володю с днем его ангела, которому могу подарить только мой труд, мои заботы, все – чем был покойный Папа для нас всех и о чем я прошу Бога, покровителя трудящихся, утешителя страждущих, заступника слабых и спасителя всех несчастных...»* – пишет он в письме 3 июля в Салду, – *«Но так как день ангела не хорошо встречать без подарка, то я Володе и приготовлю свою карточку, которую он и получит уже в Екатеринбурге»*.¹ В этом же письме Дмитрий сообщает матери, что они будут жить в самом центре, в доме отличных хозяев, немок Фурман, которые «своего не отдадут и чужого не возьмут», и где жила Мария Якимовна.

Особым предметом его забот становятся книги и бумаги отца, которые он просит обязательно сберечь при переезде. Каждое прикосновение к памяти отца вызывает в его душе волнение и мысли одного порядка: *«Бедный папа может спокойно лежать в своей безвременной могиле, мы не потревожим его памяти чем-нибудь дурным. Но что не говори, чем не утешай себя, а все-таки в конце концов придешь к такому заключению: зачем Папа так рано оставил нас?»*², и надеется к осени поставить на могиле Наркиса Матвеевича памятник из белого мрамора на свои собственные деньги.

Что же касается Лизы, то он считает главным ее выздоровление и обещает в течение десяти дней подготовить ее в гимназию, чему благополучно могут способствовать изученные ею дома предметы первого и второго гимназических классов. Просит брата и сестру больше гулять на свежем воздухе, а мать – кормить их мясом и парным молоком.

В заботе о близких он попускается своим собственным здоровьем и даже сообщает матери, что оно прекрасно. А на самом деле посещает одного из екатеринбургских докторов по поводу хронической болезни

---

¹ Письмо Д.Н.Мамина к А.С.Маминой от 03 июля 1878 г., Екатеринбург, из фондов ОМПУ.

² Там же.

груди и радуется приписанной ему карлсбадской воде, которая обойдется ему рублей шесть в месяц, что гораздо дешевле поездки на кумыс.

В августе 1878 года Анна Семеновна Мамина вместе с детьми переезжает в Екатеринбург и устраивается в доме Фурман. В этом же месяце Дмитрий получает от екатеринбургского полицмейстера свидетельство о благонадежности, что особенно было для него актуально после поисков в Нижнем Тагиле анонимного автора корреспонденций, неугодных заводчикам. В богатом на события августе Лиза после занятий с Дмитрием поступает в третий класс Екатеринбургской женской гимназии.

2.

Жить Мамины и Алексеева с детьми под одной крышей все-таки не смогли. Анна Семеновна как ни старалась смириться со сложившейся ситуацией, но до такой степени поощрять невенчанный брак не могла. И 15 октября Мамины переезжают на новую квартиру – в дом Безбородова, на Разгуляевскую улицу, сегодня улица Гоголя. Дмитрия тяготит такое отношение матери. Переламывая ситуацию в свою пользу, он с 1879 года живет с Марией Якимовной отдельно, на улице Колобовской, ныне Толмачева, постепенно добиваясь расположения Анны Семеновны к своей гражданской жене.

Устроив родных на новой квартире, Дмитрий не перестает им помогать. Оплата его уроков стекается в семейный кошелек. Следствием постоянной нужды стала регулярная экономия. Чтобы контролировать семейный бюджет, Анна Семеновна еще с Висима ведет «Книгу записи расходов». Сегодня это музейная реликвия хранится в фондах Объединенного музея писателей Урала. Амбарная книга в линейку, объемом в 222 листа, раньше была в картонной обложке темно-зеленого цвета. Плотные листы поделены на графы, заполненные черными чернилами. Книга разделена на годы и месяцы. В одной графе указаны числа и дни неде-

ли, в других – предмет трат, а рядом – размер трат в рублях и копейках¹. Кроме финансовых операций, в книгу заносились записи по огороду, аптечные рецепты, учет корреспонденций. Этот «гросбух» велся в течение семнадцати лет. Первая запись сделана 6 января 1874 года в Висиме, последняя – 15 декабря 1891-го в Екатеринбурге. Старинный документ дает наглядное представление о бытовой стороне жизни конкретной семьи, в том числе в Екатеринбурге. Жизнь в уездном городе в корне отличалась от висимской и салдинской, и траты на все тут были несоизмеримо выше. Платить нужно было даже за питьевую воду, от двадцати до тридцати копеек за бочку ключевой, столько же давали и за разовую работу арестантам, которые в Екатеринбурге регулярно чистили дороги и канавы. Ежемесячная плата от тридцати до восьмидесяти копеек предназначалась объездным караульщикам и ночным сторожам, последним – за то, что они в ночное время на темных улицах Екатеринбурга методично гремели в чугунные доски, давая таким образом понять, что в городе все спокойно. Да, уж дорогое удовольствие считать этот грохот спокойствием!

По книге расходов можно проследить, чем питались Мамины в обычный день и праздничный, сколько и какой корреспонденции отправляли почтой, но одной из самых расходных частей семейного бюджета считалась покупка обуви и одежды, поэтому чинили имеющееся до самой последней возможности. Например, башмаки и опойковые сапоги (из кожи телят) стоили четыре рубля, известные по маминским произведениям козловые ботинки – рубль, семьдесят копеек. В книге Анны Семеновны расходы на обувь выделены отдельной статьей и прокомментированы: «Мне подложены подметки под прюнелевые ботинки – 15 копеек. Лизе к ботинкам подложены новые подошвы и обшиты новой кожей пятки и носки – 50 копеек»².

---

¹ Книга расходов А.С. Маминой, Екатеринбург, из фондов ОМПУ.

² Галеева Р. Листая семейную книгу Маминых // Урал, № 11, 2002.

Для рукодельных способностей Анны Семеновны в городе были большие возможности. В праздничные дни Рождества и Пасхи в Екатеринбурге устраивались распродажи тканей. Кашемир, бязь, ситец, коленкор, батист и другие материи покупались ею десятками аршин. Выбор тканей был богатый. Но к этому богатству так недоставало швейной машинки, о которой всегда мечтала Анна Семеновна, и которая была для семьи непозволительной роскошью. Реклама в магазине Ивана Рейнварга, который находился в доме Кривцова на углу Главного проспекта и Тихвинской улицы, призывно предлагала машинки самых разных систем – ножные и ручные, для ремесла и семейные, но даже без всякой арифметики Мамины понимали, что покупка им не по карману. Но в то же время надо было знать, каким сыном был Дмитрий, чтобы не удивиться протянутой однажды матери сумме: «Это я заработал уроками на швейную машинку. Для вас, мама». Мечта Анны Семеновны сбылась в субботний день, 28 апреля 1879 года. На репетиторские деньги Мити она купила швейную машину за 38 рублей! Теперь Мамины к услугам портного обращались только за пошивом верхней одежды и форменного платья. При этом любопытно, что пошив шубы стоил 3 рубля, мундира – 3 рубля 50 копеек, а форменного платья – 7 рублей 50 копеек.

В сумме доходов семьи репетиторские деньги занимали основное место, при том, что один час занятий Дмитрия стоил семьдесят пять копеек. Нередко в день ему приходилось трудиться по двенадцать часов. К урокам он тщательно готовился и не давал поблажки ученикам, обязывая их учить курс даже в каникулярное время. Среди учеников Дмитрия были и дети Алексеевой – Александр и Владимир, с которыми он занимался с 1878 по 1882 годы. Позже Владимир окончил гимназию и поступил в Московский университет, по окончании которого стал владельцем двух типографий в Екатеринбурге. Другой его ученик, Константин Большаков благодаря репетиторству Мамина учился очень хорошо, получив образование, работал юристом в Екатеринбурге, служил нотариусом в Шадринске.

Но как бы успешно ни шли дела на педагогической стезе, о чем когда-то так мечтал для сына Наркис Матвеевич, Дмитрий продолжал мечтать о другом и стремился к этому другому всеми оставшимися после уроков силами.

Еще в Нижней Салде им была написана первая часть самого известного романа «Приваловские миллионы». Однако в Екатеринбурге не без влияния Марии Якимовны он почти полностью ее переделывает и пишет вторую. Обе эти части он отправляет в редакции разных изданий, но роман не печатают, он увидит свет только в 1883 году. Все-таки откуда такое завидное упорство и упрямство, двигавшие Маминым в литературе? Длительные неудачи в творчестве не останавливали его, он с завидной настойчивостью писал снова и снова. Будто путем титанических усилий докапывался до своего таланта, чтобы однажды и навсегда выпустить его на волю. И, как никто другой способствовала этому Мария Якимовна. Даже самые лучшие произведения Мамина изобилуют деталями и подробностями, которыми он не мог лучшим образом распорядиться в начале творческого пути. Увлекаясь подробностями, увязнув в длиннотах и тяжелых оборотах, он не выдерживал форму произведения, и на это ему неоднократно указывала Алексеева. Замечания любящей женщины он нередко воспринимал с обидой, но не мог не прислушиваться к ним. Ведь Мария Якимовна умела тут же и вселить надежду, и поддержать, повторяя: «Талант у вас, Дмитрий, несомненно, есть! И все же и талантам нужно упорно работать над формой!»¹

Показателен в этом плане первый уральский рассказ Мамина – «Старатели». Закончив рассказ, Дмитрий Наркисович отправил его в журнал «Дело» и с нетерпением ждал ответа из редакции. Он очень волновался, нервничал. Примерно через месяц рукопись была возвращена с замечаниями и пометками заведующего литературным отделом. Замечаний было так много, что вся рукопись была испещрена красными пометками.

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. Свердловск, 1936. С. 49.

Не было ни одной чистой страницы. Неизвестный ему господин Благодетель в гораздо более резких словах, чем Мария Якимовна, говорил то же самое, подчеркивая, что новоиспеченному автору необходимо тщательно работать над формой. Уничтожительно разгромив вопросительными и восклицательными знаками всю рукопись, Благодетель в завершении смилился до скупого признания о «несомненной даровитости» автора «Старателей». Эта серьезная неудача стала болезненным ударом для Дмитрия. Он несколько дней не брал в руки перо, не притрагивался к чистым листам бумаги. А потом, словно, сбросив с себя тенета разочарования, с удвоенной силой вступил в борьбу со словесностью. И никто его не мог остановить. И ничто не мог он поделать с самим собою.

Каменистый путь Дмитрия Мамина к литературе сопровождался бытовыми трудностями, постоянной борьбой с нуждой, в цепких когтях которой находилась все семья. И в тоже время – любовью, вдохновением, событиями общественно-значимыми для города и края. Первые годы жизни в Екатеринбурге Дмитрия Наркисовича стали для него временем становления как публициста и писателя, возможностью утвердиться в среде творческой интеллигенции города и сотрудничать с различными изданиями не только Урала, но и столиц.

В Екатеринбурге 25 июля 1879 года начала выходить политическая и литературная газета «Екатеринбургская неделя», издателем которой была А.А. Полкова, редактором – П.К. Штейнфельд, механик екатеринбургских горных заводов. Об этой газете Мамин-Сибиряк в историческом очерке «Город Екатеринбург» в 1888 году напишет: *«Закончим наш обзор этого времени основанием в Екатеринбурге первого местного печатного органа в лице «Екатеринбургской недели», которая, как первая ласточка, хотя и не сделала весны, но все-таки внесла в жизнь Урала известную долю гласности»*¹.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 12 т. под ред. Е.А. Боголюбова. Свердловск, 1951. Т.12. С. 285.

Несмотря на ограниченный семейный бюджет, Мамины большое значение придавали обучению в гимназии Лизы и Володи, общему развитию и образованию всех членов семьи. Такой образ жизни был основан Наркисом Матвеевичем и всегда поддерживался Анной Семеновной. Обучение в гимназии было платным. За Лизу регулярно вносили по 16 рублей 50 копеек в месяц. Платными были и вечера в гимназии, Лизе на такие мероприятия выдавали по 50 копеек. От 15 копеек и выше давали сторожам и вахтерам гимназий, где учились Лиза и Володя. От 50 копеек до 1,5 рубля каждому члену семьи регулярно выделялось на посещение городского театра, 20 копеек – в музей УОЛЕ¹; 1 рубль – на любительский концерт в клуб и театр Казанцева, 1,5 рубля – в оперу, на каток – 15 копеек. Все эти расходы строго учитывались Анной Семеновной, и отказаться от данного образа жизни она считала себя не вправе. Покойный муж бы ее за это не одобрил. Всеми силами она старалась поддерживать образование детей и использовала для этого все возможности. В октябре 1879 она пишет прошение в Нижнетагильское заводууправление о выдаче назначенного в сентябре 1875 года пособия на содержание дочери в гимназии, уточняя при этом, что дочь учится в 4 классе Екатеринбургской женской гимназии. В ноябре того же года Нижнетагильское заводууправление уведомляет «А.С. Мамину о распоряжении своему поверенному в Екатеринбурге А.С. Оленеву выдавать назначенное в 1875 г. пособие от заводов по 100 рублей в год в течение 3-х лет на воспитание дочери в гимназии»².

Из семейного бюджета Мамины в обязательном порядке выделяли деньги и на посещение библиотек. Особо почитаемыми у этой семьи были четыре екатеринбургские библиотеки: Буслова, Лагутяевой, Бабинова и Кремлевой. Пользование книгами в течение полугода стоило Маминым по 5 рублей с полтиной на одного человека. Стесненный денежными обстоя-

---

¹ Уральское общество любителей естествознания.

² По материалам из фондов ОМПУ.

тельствами Дмитрий Мамин обращается в Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым с просьбой назначить ему единовременное пособие для покупки книг. И задумывает собственную книгу очерков современной бursы. В 1878-1880 им были написаны отдельные части очерков автобиографического характера «Семья и школа», «Отрезанный ломоть», «Худородные». В начале 80-х составлен конспект публицистической статьи о бурсе.

Важным событием 1879 года в жизни Мамина и Алексеевой стало создание в Екатеринбурге «маминского кружка».

3.

Чаще всего по вечерам в дом Алексеевой по улице Колобовской приходили юристы и общественные деятели – Николай Флегонтович Магницкий, Иван Николаевич Климшин и Михаил Константинович Кетов, податной инспектор Адольф Александрович Фолькман, писатель Николай Владимирович Казанцев.

Этот кружок сложился как-то само собой. Однако ничего случайного в жизни не бывает. Все закономерно, взаимосвязано. Подтверждением тому явилась, казалось бы, совсем ничего не предвещавшая встреча Дмитрия Мамина с Михаилом Кетовым, в дальнейшем наиболее близким ему по взглядам из кружковцев. Михаил Константинович был следователем и в один из дней, выполняя свою непосредственную работу, проводил следствие. Ему понадобился понятой, он вышел на улицу, чтобы пригласить на эту роль, что называется, первого встречного. Этим первым оказался Дмитрий Наркисович. Мамин отработал в камере понятым положенное время, а потом не повернулся и не ушел. Проявив большой интерес к следственному процессу и следователю, разговорился с ним – ровно настолько, чтобы надолго подружиться. Это при том, что друзей у Дмитрия Наркисовича было немного, что вполне естественно для человека такого душевного устройства, друзей настоящих, с которыми он был открыт и искренен. И

то, что писатель сошелся в одной дружеской компании с юристами и чиновником Фолькманом, говорило больше в их пользу. Они были не простыми функционерами и исполнителями предписанного им дела, они представляли собою цвет екатеринбургской интеллигенции того времени. Широко образованные, начитанные, понимающие музыку и поэзию, не лишенные чувства юмора и способности к беседе – умной и тонкой, эти люди были не только интересны Дмитрию Мамину, но и способствовали его собственному обогащению – интеллектуальному и нравственному.

Каждый из кружковцев был личностью. Николай Флегонтович Магницкий окончил юридический факультет Московского Императорского университета. Как один из лучших специалистов по гражданскому праву Магницкий являлся юрисконсультom некоторых банков Екатеринбурга и крупных горнозаводских предприятий Урала. Состоял юрисконсультom Екатеринбургского биржевого комитета и часто консультировал многие местные торгово-промышленные предприятия. Как общественный деятель Николай Флегонтович более двадцати лет состоял гласным Екатеринбургской городской Думы, был активным членом многих думских комиссий и председателем юридической комиссии. А также председателем попечительского совета при второй женской гимназии Екатеринбурга, библиотеки им. В.Г. Белинского, Екатеринбургской городской театральной дирекции и членом многих других организаций. При этом Магницкий был страстным почитателем и собирателем книг, любил театр и понимал законы сцены.

Михаил Константинович Кетов – не только профессиональный юрист, член суда, но и страстный библиофил, от которого можно было узнать о каком угодно произведении, вплоть до того, когда оно написано, где и на какой странице журнала опубликовано.

С Адольфом Александровичем Фолькманом кружковцы познакомились благодаря Марии Якимовне, которая была дружна с его семьей. Впоследствии (в 1889 году) при содействии отца Фолькмана она откры-

ла женскую ремесленную школу. Адольф Александрович – податной инспектор¹, впоследствии начальник контрольной палаты в Перми, был общительным и образованным человеком и гармонично влился в компанию маминцев.

Ивана Николаевича Климшина с кружковцами связала страстная любовь к музыке, пению и литературе. Он сочинял поэтические экспромты, нередко сатирические, в которых задевал своих товарищей. Они, однако, на него за это не сердились, могли оценить остроту его слова.

В унисон ему сочинял экспромты и Николай Владимирович Казанцев, в то время известный в Екатеринбурге писатель и драматург. Он отличился тем, что в 1870-х годах, поддавшись веяниям народников, в прямом смысле пошел «в народ» и основал народническую колонию в казахских степях недалеко от города Петропавловска. Переселившись в Екатеринбург, открыл здесь публичную библиотеку. Большая часть его произведений посвящена Уралу, некоторые его драматические произведения шли на сценах Москвы и Санкт-Петербурга.

Эти люди собирались в доме Алексеевой, испытывая потребность в общении друг с другом, рассказывая новости и о событиях общественной жизни, обсуждая литературные движения и новые, только что вышедшие в печати, произведения. В этой компании никогда не играли в карты или лото, и не только потому, что это считалось неприличным среди интеллигенции того времени. Здесь отдавали предпочтение совсем другому.

Климшин обычно приходил с нотами. Мария Якимовна садилась за рояль – она хорошо играла. Алексеева и Климшин были самыми большими поклонниками музыки. У Ивана Николаевича был хороший голос, и он очень любил петь романсы. Любимым его произведением был романс на стихи Александра Пушкина «Заздравный кубок».

---

¹ Податная инспекция – учреждение, ведавшее сбором налогов.

Кубок янтарный
Полон давно,
Пеной угарной
Блещет вино
Света дороже
Сердцу оно;
Но за кого же
Выпью вино?

Обсуждали новости, вели литературно-философские беседы, в которых особенно отличался Михаил Константинович Кетов, не желавший ни в чем уступать Мамину. Умение вести беседу, спорить по теме, не обижая собеседника – это большое искусство, которым владели многие представители интеллигенции в XIX-м и начале XX века. Позже, к сожалению, оно было утеряно в советской стране по вполне понятным причинам, в основе которых лежало преследование за точку зрения, отличающуюся от принятой в обществе. Но тогда в доме Алексеевой собирались те, кто не боялся свободно мыслить и иметь свое мнение по отдельным вопросам.

Кетов с Маминым спорили из-за литературных вопросов, разногласия часто касались публикаций. Никто из двоих не хотел уступать. Доходило до серьезных размолвок. Как-то даже они поссорились из-за того, что не сошлись во мнении о литературном первоисточнике. Но, тем не менее, теплая, располагающая атмосфера этих вечеров согревала сердце каждого присутствующего. Дмитрий Наркисович был прекрасным рассказчиком, остроумным собеседником, умел шутить и острить, уступая в едкости только Климшину с его экспромтами. Как правило, ужинали поздно и скромно, с бутылкой дешевого вина, и расходились за полночь.

Замечательной иллюстрацией к заседаниям кружка может служить остроумный документ, дошедший до наших дней, набросанный простым карандашом, по утверждению Бориса Удинцева¹, Дмитрием Нарки-

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 107.

совичем, скорее всего, под общие шутки кружковцев. Называется он «Устав общества взаимных льстецов»¹, где излагаются цели общества и основы его создания.

«1-я. Цель общества

Признавая, что мир, тишина и спокойствие есть идеальная форма общежития, нижеподписавшиеся решили основать «Общество взаимных льстецов» для взаимного восхваления. История показывает, что все существующие до сих пор общества в мире несли в себе зародыши вражды, зависти, неудовлетворенности и пр. Мы решили составить такое общество, члены которого не имели бы никаких мотивов для взаимных неудовольствий.

2-е. Состав общества

Общество состоит из членов представителей, соревнователей и почетных членов.

Примечание: почетными членами могут быть лица и не записавшиеся в члены общества. Общество, зная их труды и деятельность, прямо выдает им почетные дипломы.

3-е. В первом общем собрании выбирается президент и секретарь общества. На обязанности председателя лежит руководить прениями во время заседания, представлять к наградам отличившиеся лица, назначать очередные и чрезвычайные заседания. Секретарь общества ведет протоколы заседаний.

4-е. Порядок занятий. Собравшиеся члены общества взаимно льстят по мере сил и способностей в продолжении одного часа. Лицо, сказавшее самую гнусную лесть – получает премию. За каждую сказанную горькую правду, невежливость, грубость взимается штраф (бутылка кавказского, крымского донского – сортов невысоких). Премия присуждается большинством голосов. Голос председателя имеет перевес. Лицо, получившее премию три раза, получает право пользоваться титулом обер-льстеца.

Протоколы заседаний тщательно составляются и хранятся в назидание потомства»².

---

¹ РГАЛИ. Ф. 316, оп.1, ед. хр. 117.

² Там же.

В то время как сами «льстецы» на своих собраниях искрометно пародировали официальные заседания в присутственных местах, их «потомство» в лице сегодняшних исследователей жизни и творчества Мамина-Сибиряка с завистью читает этот документ. Он подтверждает не только тонкий юмор, которым отличались члены маминского кружка, но и их вполне серьезное стремление к созданию «такого общества, члены которого не имели бы никаких мотивов для взаимных неудовольствий», чего так не хватает в отношениях современного мира. О том, что происходящее в мире всегда влияет на думающего человека, свидетельствует интересный факт из жизни этого кружка. Как-то весной 1884 года взволнованный, бледный Кетов прибежал к Алексеевой и от переполняющих его чувств не мог вымолвить слова. Причиной такого стресса оказалось закрытие в апреле главным цензором России Евгением Феоктистовым журнала «Отечественные записки». Это стало настоящим потрясением для кружковцев. Плакали по журналу как по умершему другу. Малым утешеньем служило то, что в последнем перед закрытием номере была опубликована последняя часть «Горного гнезда» Мамина-Сибиряка, который считал редактора журнала Салтыкова-Щедрина воплощением общественной совести. Все кружковцы отмечали огромное общественное значение произведений Михаила Евграфовича.

Члены кружка общались не только в доме Алексеевой. Они дружили и в обычной жизни, ходили в гости друг к другу, встречались в общественных собраниях. Дмитрий Наркисович очень любил бывать в доме у Казанцева, у которого жила экономка Фекла Кирилловна Кузьмина, белошвейка из староверов, которую в доме все звали просто Феклуша. Она была кладезем фольклора, знала много староверческих сказаний и преданий, а Мамин любил их слушать и просто разговаривать со старушкой. Несомненно, что-то рассказанное ею нашло отражение в его произведениях. Любил он и угощения Феклуши, которая замечательно готовила, а по праздникам делала «апогаре» – напиток, представ-

ляющий нечто вроде ягодного шампанского. Летом Феклуша покупала лошадку, сама за ней ухаживала и ездила на ней в лес по грибы и ягоды. При этом брала с собою детей, сколько могла посадить в телегу. Мамин очень тепло относился к Феклуше и привозил ей из своих поездок различные подарки. К рождеству старушка организовывала в доме Казанцева елку для детей близких семьи, с простыми украшениями, сусальными пряниками и дешевыми яблоками. Дети очень любили эту елку, а вместе с ними радовался празднику и Дмитрий Наркисович.

Последние семнадцать лет жизни Николай Владимирович Казанцев был болен, у него был паралич ног, и он не мог ходить. Ухаживала за ним Феклуша, а Мамин помогал ему, способствовал тому, чтобы его пьесы печатались в журнале «Артист», который выходил в Москве.

Члены кружка любили вместе отмечать праздники. Как-то Климшин с Казанцевым сочинили на именины Мамину «акафист». Написали на толстой бумаге текст в соответствующем стиле, вклеили в старый кожаный переплет. Принесли с торжественным видом, добыли у Феклушки староверческий аналой, заставив Дмитрия Наркисовича встать в передний угол. Когда гости собрались, Климшин вышел с книгой и аналоем и гнусавым голосом, как дьячок, начал читать «акафист», где были перечислены все доблести и заслуги Дмитрия Наркисовича на литературном поприще. Для Мамина это было полной неожиданностью. И он смеялся вместе с гостями.

На рождество любили все вместе веселиться, «маскировались», то есть рядились, разыгрывая гарем турецкого султана, различные шуточные постановки. Дмитрий Наркисович в подобных весельях принимал самое живое участие и ценил дружбу с кружковцами.

На первый взгляд, он легко сходилась с людьми. Но не близко. Не умел лгать, льстить, притворяться. Иногда это служило недобрую службу. Но он был честен в первую очередь перед самим собой. Однажды вместе с Алексеевой Мамин присутствовал на обеде у одного

екатеринбургского капиталиста, родственника Казанцева. Здесь же была местная аристократия и бедная родня хозяина, которую посадили отдельно за так называемый «кошачий стол». Дмитрия Наркисовича это страшно взволновало. Он сказал хозяину все, что о нем думает и ушел с вечера, разорвав отношения навсегда. «Таких случаев, когда «из-за пустяков», «из-за чужого дела», с точки зрения большинства, портились отношения с окружающими, я знаю несколько. При этом разные практические, жизненные соображения не играли у Дмитрия Наркисовича никакой роли. В этом отношении он был буквально не от мира сего. Для него всегда были совершенно равны богатые и бедные, влиятельные и совсем невлиятельные люди. Я не знаю примера, чтобы ради каких-нибудь деловых расчетов Дмитрий Наркисович завязывал или поддерживал отношения» – вспоминала Мария Якимовна¹.

Одним из увлечений Дмитрия Наркисовича, проявившихся в Екатеринбурге, были занятия живописью. Он писал масляными красками. Его большая картина «Генеральская дача» написана с натуры. Кружковцы обсуждали живописные попытки Дмитрия Наркисовича, не жалея его самолюбия, критиковали, но одновременно и поддерживали его в этом творческом направлении. Он несколько раз пытался писать портрет Марии Якимовны, который, по ее собственному признанию, выходил еще хуже, чем ландшафт, и она запротестовала против того, чтобы Дмитрий увековечил ее именно таким образом.

В кружке Мамина все любили. И, несмотря на имеющиеся разногласия, споры, что вполне естественно для умных и думающих людей, все его члены находили в совместных вечерах удовольствие и получали необходимый для себя заряд бодрости и энергии.

4.

Распорядок дня Дмитрия Наркисовича в доме Алексеевой, когда забота о заработке репетиторством

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 52.

стала неглавной, был таким. В десять часов утра он садился писать. В начале своей литературной деятельности он писал нерегулярно, урывками, но со временем литературный труд стал необходимостью, как в смысле заработка, так и собственного самовыражения. И работа была упорядочена. Он стал писать в определенные часы – с десяти часов утра до четырех дня. В это время Мария Якимовна была на уроках: она преподавала музыку приходившим к ней в дом ученицам или отправлялась давать уроки на дом. В эти часы Дмитрий Наркисович писал. Работал очень усердно. Не любил, когда ему мешали или прерывали. Не отрывался от листа бумаги, даже если его отвлекали разговорами. «Писал быстро, четко, почти без помарок. Совсем, кажется, не знал черновиков. Иногда тут же только что написанные листы отправлял на почту. Зато вечером почти не писал» – вспоминал Николай Флегонтович Магницкий¹. В четыре часа дня в доме Алексеевой обедали. После обеда Дмитрий Наркисович ходил к матери или близким знакомым. Возвращался к чаю, а после чая собирался кружок.

Как и прежде, Мамин очень много читал. По-прежнему любил всех русских классиков. Много читал критических сочинений по истории литературы. Особенно интересовался летописями. Известные пермские летописи Василия Шишонко знал чуть не наизусть. В общественной жизни был избран гласным городской думы и не пропускал ни одного заседания. Но на заседаниях думы никогда не выступал и, по мнению Климшина, не мог быть активным общественным деятелем: «слишком был он для этого писатель-художник и мечтатель»².

Писатель в нем проявлялся все шире и глубже. Он жадно впитывал в себя весь материал – разговоры с той же Феклушей, рассказы близких о различных случаях в городе и за его пределами. В поисках сюжетов и образов нередко шел на «барахолку», где встречался с самыми разными людьми. «Здесь у него были прият-

---

¹ Там же. С. 50.

² Там же. С. 53.

ли, приятельницы, с которыми он беседовал, как свой человек. Полушуточки, остроты занятого барина раскрывали души простых людей. У Дмитрия Наркисовича всегда были самые искренние отношения с этими людьми. И эта простая публика – извозчики, прасолки, какие-то неизвестные старухи – всегда были его обществом»¹, – писал Дмитрий Аристархович Удинцев, зять писателя, впервые познакомившийся с ним все там же, в доме Алексеевой, когда однажды случайно попал в маминский кружок. Почувствовать себя равным с каждым человеком, к какому бы сословию он не принадлежал, – это редкий дар даже для писателя. Еще больше в такой ситуации ценится умение расположить к себе собеседника, чтобы увлечь его беседой и узнать что-нибудь для себя интересное. В таком случае не грех и подыграть ему, и похвалить, и отметить его превосходство в знании дела или ремесла. Всеми этими секретами владел Дмитрий Наркисович благодаря своему природному обаянию. И хоть друзья его и родные замечали, что пишет он, как бы походя, на лету схватывая все необходимое для нового рассказа, все же со временем он стал относиться к литературному труду с большой ответственностью, создавая свою собственную писательскую мастерскую.

В арсенале каждого писателя особое место занимают записные книжки, представляющие собой не только собственный фонд информации, но и отражение интересов и взглядов их хозяина. С 24 января 1880 года в Екатеринбурге Дмитрий Мамин начал вести первую записную книжку, что впоследствии продолжал делать практически до последних дней своей жизни, то есть до тех пор, пока мог писать. В его личных блокнотах – конспект работы немецкого философа Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление», заметки о взглядах французского публициста и философа Пьера-Жозефа Прудона и английского социолога, одного из родоначальников эволюционизма Герберта Спенсера, размышления о выводах основоположника

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 74.

научной педагогики в России Константина Ушинского.

В одной из книжек Дмитрий Мамин собственной рукой вывел: *«Литературные заметки, 16 апреля, 1884 г. Екатеринбург, Дмитрий Наркиссовичъ Маминъ – оттиск печати»*. Возможно, эта запись говорит о каких-то пробах печати его произведений. И дальше в этой же книжке замечания, написанные от руки и заметки, вырезанные из газет и наклеенные на странички¹.

Запись от руки: *«Однажды актер Мочалов, читая драму Полевого «Уголино», пришел в такой восторг, что воскликнул: «Николай Алексеевич, что же вы делаете? Пощадите: ведь вы совсем зарезали Шекспира!»* Стоит пояснить, что Николая Алексеевича Полевого, драматурга середины XIX века, известный критик того времени Виссарион Белинский называл Шекспиром Александрийского театра, главного императорского театра России. Что в этой фразе привлекло Мамина? Талант Полевого или языковой каламбур – остается неизвестным, но так или иначе, цитата заняла свое место в его записной книжке. А рядом с ней выписка из пьесы Бомарше «Свадьба Фигаро», эти факты явно свидетельствуют об интересе Дмитрия Наркисовича к драматургии. И в другом ряду стоит любимый им с детства, великий русский писатель и драматург Николай Васильевич Гоголь. Его высказывание о бессмертии в литературе, выделенное и подчеркнутое рукой писателя, претендующее на философское обобщение, видимо, задело Дмитрия за живое, коснулось его собственных сокровенных мыслей и чувств. *«Гоголь: «В литературном мире нет смерти, а мертвые так же вмешиваются в дела наши, как и живые; они требуют уничтожения неправильных обвинений, возвращения письменно того, что ему следует»*.

Немецкий историк философии XIX века Куно Фишер привлек внимание Дмитрия Наркисовича своими исследованиями в области поэтического творчества. В работе о «Фаусте» Гете он исследует вопрос о возникновении идеи и композиции поэмы, то есть соответствия

---

¹ Здесь и далее: РГАЛИ., Ф. 518, оп. 4, ед. хр. 97.

формы и содержания, что для Мамина было очень важным при написании собственных произведений. Стоит вспомнить только «Старателей», подвергшихся резкой критике как раз за размытость формы.

Не безразличными оказались для автора записной книжки и замечания его современника, известного французского писателя Ги де Мопассана о другом не менее известном, одном из крупнейших европейских писателей XIX века, французском прозаике-реалисте – Гюставе Флобере. Мопассан считал Флобера «человеком, лишенным кожи, – необыкновенной художественной чувствительности». Видимо, это высказывание Дмитрий Мамин, тяготея так же, как и Флобер, к реализму, примерял на себя.

Несколько заметок из газет, вклеенных в записную книжку, надо полагать, заинтересовали писателя своей фактической стороной, а та, что касалась аукциона египетских мумий, возможно, и своей экзотичностью.

«Египетские фараоны, проданные с молотка. В Лондоне происходил редкий аукцион. Мумии египетского фараона Птолемея Филадельфа, властителя Сирии, Антиоха Сотера и жены Селевка Никатора Альпины продавались с молотка. Все три мумии куплены были за 75 гиней, т.е. 750 рублей. Подлинность этих мумий, вывезенных в 1863 г. из Египта, засвидетельствована учеными британского музея и музея Соан».

Другая заметка из числа телеграмм, опубликованных в газете «Новое обозрение» в январе 1897 года, под заголовком «Женщина – сенатор», думается, не просто поразила русского писателя, но и стала для него примером иных отношений между мужчиной и женщиной, нежели он наблюдал в действительности и описывал в своих произведениях. Особенно когда он касался устоев домостроя староверов. Итак, короткая газетная информация гласит. «Такой сенатор явился от мормонского штата Ута. Это некая Мария Каннон, четвертая жена своего мужа. При избрании она имела противником своего мужа и «побила» его четырехтысячным большинством голосов. Ей всего 35 лет, и она врач с большой практикой. Она признается, что жи-

вет в мире и согласии с другими тремя женами своего мужа». Разумеется, для семейных отношений Урала в то время такое положение женщины было не только совершенно невозможно, но, скорее всего, представлялось абсолютной дикостью.

Приведена в книжке и сравнительная таблица богатства шести американских королей капитализма из журнала «Русская Мысль», на первом месте в которой стоит Джон Рокфеллер с годовым доходом 105,120,000 рублей. Потом перечислены турецкий султан, германский император, итальянский и английский короли. А дальше следует утверждение: «Однако никто из них не получает более нефтяного магната Джона Рокфеллера. Эти богачи получают 200 р. в минуту, 12 000 р. в час, 288 000 в день, 105,120,000 р. в год». Судя по всему, эти факты удивили Дмитрия Наркисовича не только баснословными суммами в сравнении с его собственными более чем скромными доходами, но и послужили наглядным материалом для изучения такого явления, как капитализм, к которому он будет не раз подступаться в собственных произведениях.

Мамин большое значение придает языку. Речь его героев не вызывает сомнений, принадлежат ли они к переселенцам из Черниговской губернии, представляют староверов или бежавших от преследования поляков. Скрупулезное отношение к языку проявляется не только в правильном написании диалектов, но затрагивает и более высокий уровень – знание языка в плане отражения им мировоззрения народа, его культуры. Дмитрий Наркисович коллекционировал уральские и староверческие имена и фамилии, с тем, чтобы наделять ими героев своих произведений. Показательны в этом плане персонажи только одного рассказа «В худых душах...», где мы встречаем такие имена – Евмен, Руфина Анемподистовна, Ксенофонт, Кинтильян, Варвар, Никаша.

Записывал Дмитрий Наркисович обороты речи, присущие той или иной местности. Работал над польскими идиоматическими выражениями, которые отличаются устойчивостью словосочетаний и отражают

культурное и историческое развитие народа. Его рукой и русскими буквами в книжке написаны польские выражения: «Цо робиць? Дурацке посчанье, дурацки будовники», «Упрямый як индык», «Подценькуй папу Богу. Цо такого?», «Кедысь-то була польска земля, правозивы поляки, правазива стара вудка, правазива свянча вера...», «Кацап, холоп», «Еще польска не сгиняла», «Пуки мы жиемы». И несколько польских фамилий.

На других страничках простым карандашом записи на немецком и французском языках. И цитата французского писателя, историка и филолога Жозефа Эрнеста Ренана: «Такое свойство духа, в котором человек бессознательно, невольно высказывается как откровение, считается ныне сумасшествием, подвергается опеке, тогда как в былое время это называлось творческим даром, вдохновением небес. Самые великие вещи в мире совершены в лихорадочном состоянии; нет ни одного замечательного творения духа, которое производилось бы по законам, правилам обыкновенных умов. Все, что значительно, является необыкновенным образом, как бы насильственно для того существа, которое порождает великие вещи». Как бы прагматически ни подходил к написанию своих произведений Дмитрий Мамин, как бы не старался ради гонорара, но в то же время он не мог не понимать и не чувствовать того, что строчки его не механически ложатся на бумагу, а, продиктованные неким высшим чувством, идут откуда-то изнутри. И в этих словах Ренана, большого мастера афоризмов, он нашел и отголоски собственных ощущений.

Записные книжки Мамина уникальны как инструмент его писательской мастерской и отражения образа мыслей.

5.

Показателен писательский подход Дмитрия Наркисовича к встречам с людьми, зарекомендовавшими себя в общественной и научной деятельности города. Об одной из таких встреч вспоминал Василий Алексе-

евич Ляпустин, екатеринбургский врач, известный деятель Уральского общества любителей естествознания. Он так же, как и Мамин, учился в Пермской духовной семинарии, только гораздо позже. А с Дмитрием Наркисовичем встречался только один раз в жизни, в Екатеринбурге, летом 1881 года, при очень интересных обстоятельствах, которые опять же раскрывают характерные черты Мамина-писателя, хоть и считался он тогда еще начинающим литератором.

Василий Алексеевич Ляпустин, в то время учащийся философских классов семинарии, был в городе проездом и имел рекомендательное письмо к Наркису Константиновичу Чупину, известному историку Урала, директору Уральского горного училища. Ни много, ни мало, но благодаря этому письму Василий Ляпустин оказался не только в кабинете Чупина в музее Уральского общества любителей естествознания, но и был приглашен Наркисом Константиновичем в гости на генеральскую дачу – дачу главного горного начальника Иванова. Дача эта находилась на берегу городского пруда там, где теперь находится стадион «Динамо». На террасе генеральской дачи, которую и писал маслом Дмитрий Мамин, собралось общество молодежи с тем, чтобы послушать Чупина, который слыл прекрасным рассказчиком уральской старины. Среди собравшийся молодежи находился и Дмитрий Мамин, как его представили, «начинающий писатель». Ляпустин так описывает его внешность: «Я, как сейчас, вижу характерное, типичное лицо Мамина. Молодой, лет 27, коренастый, здоровый, румяный, скуластый брюнет, с густой шапкой волос и небольшой, клинышком, бородкой»¹.

В тот вечер Чупин рассказывал о главном горном генерале Глинке, который царствовал на Урале более двадцати лет, свидетелем чему был Наркис Константинович, так как Глинка приехал в Екатеринбург, когда Чупин был еще десятилетним ребенком. Дмитрий Мамин проявил особый интерес к личности Глинки, он слушал рассказчика, записывал, запоминал, задавал вопросы, уточнял. Чупин рассказывал удиви-

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 65.

тельную историю о том, как генерал, отличавшийся немалой жесткостью, но при этом справедливостью, как-то присутствовал во время порки рабочих на Верх-Исетском заводе. Неожиданно только что высеченный рабочий встал, подошел к нему и сказал о том, что все должно быть по справедливости, а он вместо двадцати предписанных ударов плетью получил только семнадцать. Глинка был поражен таким заявлением. Рабочий по имени Мишка получил оставшиеся «плети», после чего генерал его взял к себе в услужение, где он достиг больших высот. Хозяин очень ценил своего слугу, и эта привязанность только раз подверлась испытанию – когда Глинка женился на молодой девушке, невзлюбившей Мишку. Но и тут ему нельзя было отказать в находчивости, так как он разоблачил перед генералом тайную любовную связь его жены.

Надо ли объяснять, что такой сюжет не мог не увлечь начинающего писателя. А Чупин, окончив свой рассказ, обратился к Дмитрию Наркисовичу: «Теперь ваша очередь. Чем вы нас сегодня порадуете?». И Мамин стал читать главу из неопубликованного еще романа «Приваловские миллионы».

А в 1891 году в седьмой и восьмой книгах журнала «Северный вестник» была опубликована повесть Д. Мамина-Сибиряка «Верный раб», в которой представлены художественные образы генерала Глинки и его верного раба Мишки. Через десять лет история жизни генерала, поведенная Чупиным и дополненная писателем сведениями из архива главного начальника горных заводов Урала, нашла свое воплощение на печатных страницах. *«Генерал Голубко был настоящий генерал, какие были только при императоре Николае, – высокий, плечистый, представительный, грозный, справедливый, вспыльчивый, по-солдатски грубый и по-солдатски простой. [...] И веселился грозный генерал всегда так искренне и радостно, что вместе с ним не смеялись только стены. Так раб Мишка и остался в генеральском доме, потому что генерал почувствовал к нему какое-то болезненное пристрастие»*¹.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 4. С. 490.

Так реальные факты, искусно использованные в художественном повествовании, год от года неуклонно подтверждали писательский талант Дмитрия Наркисовича Мамина.

6.

Еще в начале февраля 1881 года Дмитрий Наркисович получил письмо из Москвы, из редакции газеты «Русские ведомости», датированное 29 января 1881 года, с обращением: «Милостивый государь Дмитрий Наркисович! Выдающиеся известия, в самой кратчайшей форме, редакция покорнейше просит Вас сообщать по телеграфу»¹.

«Русские ведомости» – информационно-новостная и общественно-политическая газета, которая выходила в Москве. В 80-90-е годы XIX века редактор-издатель Василий Михайлович Соболевский проводил политику либеральной оппозиции правительству, газета отстаивала необходимость конституционных реформ, за что неоднократно подвергалась нападкам цензуры. С 70-х годов с «Ведомостями» сотрудничали известные публицисты Петр Боборыкин, Виктор Гольцев, писатель-народник Николай Златовратский, ученые Дмитрий Анучин, Максим Ковалевский. В разные годы в газете выступали такие русские писатели, как Лев Толстой, Николай Чернышевский, Антон Чехов, Михаил Салтыков-Щедрин, Николай Михайловский.

Увесистые подшивки «Русских ведомостей» за 1882 год в отделе газет Российской национальной библиотеки – большого формата и с трудом помещаются на столе читального зала, столешницу которого по такому случаю можно установить с наклоном. Как и большинство газет того времени, «Ведомости» отличаются плотным набором, отсутствием иллюстраций и типичными рубриками. «Нам пишут» – хроника разных городов, чаще всего известия из Оренбурга, Санкт-Петербурга, Харькова, Одессы. Рядом с информацией в колонке «Иностранных известий» под заголовком «Заговор

---

¹ РГАЛИ, Ф. 316, оп. 1, д. 118.

принца Наполеона» новость «От нашего корреспондента», в данном случае из Моршанского уезда Тамбовской губернии «о производстве деревянных колесных ободий».

В «подвале» номера от 16 января 1883 года – «Критические замечания», где анализируются журналы «Отечественные записки», «Вестник Европы» и даны размышления о сатире Салтыкова-Щедрина. Кроме рецензий, здесь часто размещаются статьи на проблемные темы, часто за подписью некоего «Буквы». В номере от 28 января 1883 года «подвал» с первой по третью полосы занят очерком «В.А. Жуковский» за подписью «Н.Г». Еще чаще встречается подпись – «Скромный Наблюдатель».

Из других разделов – «Официальный отдел», земская и биржевая хроники, «Афиша императорских театров», «Судебная хроника», «Реклама».

Краткие информации о «выдающихся» событиях как, например, I съезд уральских горнозаводчиков в 1880 году, на котором Мамин присутствовал как репортер, не удовлетворяли его собственным устремлениям. Он хотел писать крупные формы, а столичные газеты его как публициста все еще не воспринимали. Настоящий прорыв в этом плане произошел с «Русскими ведомостями», осенью и зимой 1881-го – и в начале 1882 годов, когда газета опубликовала серию очерков Мамина «От Урала до Москвы». Это был его первый публицистический триумф!

Очерки «От Урала до Москвы» родились естественным образом в ходе путешествия Дмитрия Наркисовича и Марии Якимовны из Екатеринбурга в Москву. Поездка была предпринята с вполне конкретными целями. Мамин хотел продолжить свое обучение в университете и поступить на филологический факультет МГУ, а Алексеева – учиться на высших женских курсах профессора Герье. Эти курсы имели историко-филологическую направленность, что было близко Марии Якимовне. К тому же оба они надеялись на продвижение произведений Дмитрия Наркисовича, что в Москве им казалось сделать проще.

Семье Маминых эта поездка в материальном плане далась трудно. Анна Семеновна с одной стороны, страстно желала, чтобы сын, наконец-то получил высшее образование, с другой, боялась потерять то достигнутое зыбкое равновесие, которое наступило с переездом семьи в Екатеринбург и удачной репетиторской работой Дмитрия. Но сам он еще надеялся на учебу в университете, и это желание со временем становилось только острее. Он переживал свои первые студенческие неудачи, о чем как-то сказал Дмитрию Аристарховичу Удинцеву: «Как-никак провести целых четыре года на ветеринарном отделении, бросить его для юридического факультета, не кончить и его – все это слишком большие издержки производства»¹.

Итак, 24 августа 1881 года Дмитрий Наркисович и Мария Якимовна выехали в Москву. Путешествие длилось шесть дней, в течение которых Мамин, как и прежде, оставался самим собой. Он общался с соседями по поезду и пароходу, наблюдал, записывал впечатления, анализировал происходящее, обращался к уже накопленным собственным знаниям, в частности, о тех местах, по которым им приходилось следовать. Наверное, он был счастлив: будучи молодым, путешествовал с любимой женщиной и всецело отдавался своему предназначению, все еще не заявившему о себе во весь голос, но упорно пробивавшемуся из глубины души и сознания.

Путевые заметки «От Урала до Москвы» именно в таком определении не только всецело соответствуют заявленному жанру, но и являются его ярким образцом. Тринадцать частей, озаглавленных по названиям мелькающих за окном вагона и парохода отрезков пути, важных для писателя не только в плане определения дороги от Урала до Москвы, но в оценке значений этих территорий для Урала и России в целом. Начиная с первой части «Екатеринбург – Тагил» мы вместе с писателем следуем проложенным маршру-

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 102.

том. *«Поезд с подавленным грохотом и монотонным постукиванием мчался по низкой равнине; на западе едва виднелись неясные силуэты Уральских гор. Промелькнула красивым извивом р. Исеть, на которой построен Екатеринбург; вдали блестело на солнце большое озеро. Близость Урала чувствовалась во всем...»*¹. Вместе с автором мы поддерживаем беседу с соседом, «высоким старичком с жиденькой русой бородкой» и узнаем от него немало подробностей о других пассажирах вагона. Смотрим за окно на прогуливающуюся по перрону на станциях публику, узнавая с помощью все того же старика знатных золотопромышленников и разорившихся купцов. И слышим спор автора с соседом о преимуществах железной дороги, совсем недавно чудесным образом соединившей Урал с Россией. Но даже это спор не мешает писателю наблюдать отдельных пассажиров и делать словесные портреты с натуры, не уступающие по своей художественности кисти живописца. *«Старик, особенно рядом с молодым фабричным, поражал всей своей фигурой чисто славянского, великорусского типа, открытым, полным мысли и движения лицом, благообразной сединой, представлявшей рядом с убожеством наряда и неизгладимой печатью трудовой жизни в каждом движении, в каждом взгляде – поразительную картину. Это было исторически сложившееся, всевыносящее терпение, дошедшее под серебром седин до своего апогея. Каким-то философским спокойствием веяло от этой патриархальной фигуры. Если бы я был скульптором, лучшие модели для статуи русского пахаря я не пожелал бы: эта впалая грудь, эти жилистые сильные руки, это удивительное лицо – все говорило само за себя»*².

Но не только живые образы встают перед нами во время путешествия писателя, весь его путь сопровождается обширной информацией об исторических, экономических, социальных и духовных аспектах раз-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 12 т. Под ред. Е.А. Боголюбова. Т. 12. С. 133.

² Там же, с. 136.

вития края. Мы узнаем историю Мраморского завода, расположенного в верстах тридцати от Екатеринбурга, возможности екатеринбургской гранильной фабрики. Автор в связи с этим рассказывает о становлении Уральского горного училища в Екатеринбурге и Демидовского реального училища в Нижнем Тагиле, в смысле развития профессионального образования на Урале.

Затем мы вместе с Маминым наблюдаем за окном промывку золота на Рудянке и Невьянский завод – первую вотчину Демидовых с известной достопримечательностью, наклонной башней, выстроенной по приказу Акинфия Демидова. Интересно, что и сегодня вблизи Рудянки моют золото тем же способом, что и прежде, только с помощью промприбора, что говорит о некоем усовершенствовании его предшественника-вашгерда, упомянутого в путевых заметках Мамина. А если вы подниметесь вверх по лестнице на Невьянскую башню, то услышите немало интересного о делах Демидовых. Но еще больше секретов осталось нераскрытых, о которых знают только стены башни.

Следующая станция и части заметок со второй по седьмую называются «Тагил», в них мы узнаем о городе с самого его начала, вплоть от того момента, когда в 1613 году на реке Тагил была основана Тагильская слобода. А дальше – история тагильских заводов, уже знакомая нам по «Горному гнезду». Но сколько бы подробно автор ни углублялся в социальные аспекты развития горного округа, он не может изменить себе и не остановить внимание на художественном его представлении. Описание Урала поражает своей глубиной, так можно только чувствовать, просто наблюдать – мало. *«Урал еще ждет своего художника, который воспроизведет на полотне его оригинальные, полные своеобразной прелести и суровой поэзии красоты: кто раз видал, тот никогда не забудет чудные уральские ночи с их глубоким голубым небом, на котором лихорадочным светом горят серебряные звезды, точно в прозрачном воздухе высоко стоит алмазная пыль...»*¹.

---

¹ Там же. С. 144.

Подробная характеристика заводов горного округа сопровождается статистическими данными о производстве чугуна, железа и меди, а также цифрами о земских сборах с тагильских заводов, о приписных крестьянах и мастеровых. Автор задается вопросом, который обсуждает с попутчиками по вагону и впоследствии неоднократно будет рассматривать в своих произведениях – о целесообразности отмены крепостного права для заводских крестьян и мастеровых, эффективности «воли». И приводит довод собеседника относительно мастеровых: *«По крайней мере, демидовским мастеровым жилось очень хорошо, хорошо не в единичных случаях, а в общем»*¹. Проблема переходного периода от крепостного права к капитализму для российского общества была болезненной и воспринималась неоднозначно. И то, что Дмитрий Наркисович брался за нее, пытаясь показать не только разные точки зрения, но и найти какое-то оптимальное решение этой сложнейшей социально-политической и экономической проблемы, говорит о его внутренней смелости и состоятельности как публициста.

Противопоставление уральского, горнозаводского, и российского крестьянина, задушенного нищетой, возникает, когда он показывает замеченного на перроне старика переселенца. Его портрет – красноречивый социально-психологический образ, равнозначный по силе и убедительности целому художественному полотну или повести.

*«Старик-переселенец стоял на платформе и жевал сухую корку черного хлеба, обмакивая ее в воде. Он с каким-то особенным выражением смотрел на шумевшую вокруг него толпу, как взрослый на толпу играющих детей. Очевидно, его мысли бродили далеко от окружающей действительности, где-нибудь в Орловской губернии, где ожидала его, может быть, голодающая семья и не менее голодающие односельчане»*².

В этих же частях заметок автор обращается и к ценностям музея прикладных знаний и выставке ху-

---

¹ Там же. С. 163.

² Там же. С. 154.

дожественных произведений, апеллируя к П.П. Демидову с тем, что он бы мог уступить Тагилу тысячную часть своих художественно-промышленных богатств, собранными его предками и им самим со всех уголков Европы.

Немаловажной темой для Дмитрия Наркисовича является раскольниковство на Урале. Яркие воспоминания юности, связанные со староверами, приведены и в путевых заметках. Подробным образом рассмотрена внешняя сторона их жизни – одежда и жилище, представлены оригинальные раскольничьи образы. А одному из них, «знаменитой Авдотье Степановне», судьба которой в бытовом отношении связана с историей раскола на Урале, имеющей исключительное значение в жизни многих раскольников, посвящена отдельная, седьмая часть заметок. И все-таки, автору важнее показать внутреннюю основу старообрядчества, на которой держатся все его устои. *«Миссионеры выбиваются из сил, чтобы доказать раскольникам их заблуждения, но ведь здесь дело не в хождении по-солоны и не в двоении аллилуйи, а в чем-то другом, что лежит глубже этих формальных проявлений целого народного мирозерцания, купленного потом и кровью тысяч страдальцев; вот до этого «что-то» миссионерам никогда не добраться, пока они не будут видеть за формализмом раскола его живую душу»*¹.

Интересно, что в заметках о тагильском горном округе даны темы, герои и даже наброски сюжетных линий, позже использованные автором в романе «Три конца». Надо сказать, что это один из характерных писательских методов Мамина-Сибиряка. Нередко отдельные эскизы, опубликованные в газетах и журналах, позже становятся частью его широких художественных полотен.

Восьмая часть под названием «Тагил-Кушва» начинается с появления в вагоне нового пассажира, севшего на станции Кушва. Вернее, с его фразы: *«– Вот те и клюква... да-с! – медленно проговорил господин, остановившись посреди нашего вагона. – Так-с...*

---

¹ Там же. С. 178.

Клюква!»¹. Странный пассажир на этом не останавливается, а продолжает свое представление попутчикам: «Позвольте отрекомендоваться: инженер в отставке, первый пьяница и единственный честный человек на Урале. Получаю две тысячи пенсии, денег ни гроша не имею, хотя бы и мог иметь...»². Дальше Игнатий Черноногов объясняет, почему он не имеет денег, «имел бы деньги...если бы хотел брать взятки». В образе Черноногова, а еще более в другом попутчике, буквально втянутом в двери вагона по причине свой толщины и опьянения – Ипате Евсеиче Пудовикове, самом богатом золотопромышленнике Урала, автор показывает яркие характеры, отражающие целые социальные слои Урала. В безобразном внешнем облике Пудовикова – заплывшего жиром, отекавшего, обрюзгшего от пьянок, отражено и его внутреннее безобразное состояние, далекое от всякого человеческого начала, которого Черноногов, несмотря на собственное пьянство, совершенно справедливо называет «животным». Причиной тому явились общеизвестные факты из жизни золотопромышленника: из пятидесяти тысяч годового дохода половина шла на безобразия и на спаивание толпы прихлебателей. Этими безобразиями – например, избитой до глухоты женой, которая неделю не дышит после его побоев – он кичится и перед пассажирами вагона, не сознавая своего нравственного убожества и того презрения, которое вслух высказывают ему: «Свинья – свиньей!»

Подобные образы «сильных мира сего», разговоры о взятках и подкупе чиновников, судов и горных начальников могли дорого стоить автору заметок, так как, несмотря на измененные фамилии, «герои» могли легко узнать себя по описанным событиям. Но Мамин и здесь остался верен себе, считая неприемлемым лгать в литературе. А если не лгать, а просто опустить острый сюжет? Такого выбора перед публицистом Маминым тоже не стояло, слишком он был реалист, слишком смел и независим.

---

¹ Там же, с. 190.

² Там же.

И сколько бы он ни писал о природе, он продолжает воздавать ей должное и в этих заметках, никогда не повторяясь, вознося ее величие и красоту над ничтожеством таких пудовиковых, которых было немало по Уралу и России. Он переводит свой взгляд с человеческого безобразия на картины природы и отдыхает в лесу, мелькающем за окнами вагона. Настроение уходящего лета передавалось и ему. *«Что-то невыразимо грустное чувствовалось в этой картине медленно умиравшей зелени, и только одна осина, дрожащая с вершины до корня пурпуром и золотом, переживала свою вторую молодость. Дорога медленно начинала подниматься все выше и выше; впереди уже недалек и перевал из Азии в Европу»*¹.

Кому, как не соседу по купе, открываешься иногда как никому другому? Черноногов, подтрунивая и посмеиваясь над морально разложившимся золотопромышленником, успевал рассказывать автору записок всевозможные истории, происходившие в посещаемых им местах. «А, кстати, вы слышали об убийстве лайского управителя Копылова?»² – обратился он в следующий раз к собеседнику. И поведал ему историю убийства в Лае создателя общественного товарищества Копылова от руки кабатчиков, которая позже войдет в повесть «Сестры».

Девятая часть заметок, «Кушва», содержит обстоятельный анализ истории и современного состояния Кушвы, по выражению автора, горного «гнездышка», где проходили становление многие горные инженеры, чему способствовали огромные запасы железной руды горы Благодать. В контексте этой части рассматривается один из важных для России того периода вопрос о казенных и частных заводах. Ведя дискуссию со своими воображаемыми оппонентами по поводу выгоды государственного или частного владения заводами, автор приводит много фактического материала в защиту своих доводов о вреде покровительственной системы, которая приводит предприятия к краху. В до-

---

¹ Там же, с. 193.

² Там же, с. 195.

вершение прочих фактов дает картину первого съезда уральских горнозаводчиков.

Путевые заметки Дмитрия Мамина подкупают своей правдивостью, выраженной в яркой картине вагонного быта, когда разные люди выходят и входят на станциях, устраиваются на ночлег и тихонько между собой переговариваются. А утром разворачивают котомки, доставая различную снедь, закусывая, шутят, и обязательно кто-нибудь начнет: «У нас такой случай недавно вышел...». Этих случаев автор заметок в течение всего пути наслушался не на один десяток произведений – ужасных, от которых душа стынет, и пронизанных юмором или разоблачающих обман. Именно такой разоблачающий случай во всех деталях с замечательными диалогами автор описывает в десятой части, когда в вагоне разгорается смех по поводу одного «россейского» купца, который купил в Екатеринбурге по дешевке «камушки» – самоцветы, для своей жены. Купец радовался и хвастался тем, как обхитрил пришедшего к нему с камнями горщика, заплатив ему в два раза меньше. В вагоне он хвастался камешками, не переставая повторять о том, как обхитрил мужика. Радовался он до тех пор, пока знающие уральцы не объяснили ему, что камешки его не настоящие, а чистое цветное стекло. После чего купчик до конца пути не мог успокоиться, что не он, а его обманули. А раз его, то значит, горщик тот, непременно, «разбойник» и, обращаясь ко всем, удивленно жаловался: *«Нет, вы представьте себе: ведь мужик, в грязной тряпиче, из-за голенища...а?»*¹. Этот образ показался купчику убедительным, чтобы «нагреть» мужика на меньшую сумму. Оказалось, наоборот, ровно на семьдесят пять рубликов «нагрел» его мужик.

Этот эпизод стал поводом для других попутчиков к собственным рассказам о ярмарках, где случаев обмана и купеческого разгула было не перечесть. Сравнивали нижегородскую ярмарку с ирбитской и соглашались: *«Уж, на что, кажется, Нижний, ярманка первеющая, а супротив Ирбита оносительно этих безобразиев не бывать... Ведь и купцы-то одни ездят,*

---

¹ Там же. С. 206.

*а вот поди»*¹. И образы ирбитской ярмарки перешли из вагонной беседы на страницы будущего романа Мамин-Сибиряка «Приваловские миллионы».

Три последующие части путевых заметок посвящены реке Чусовой, разговору со сплавщиками, подсевшими в вагон на станции Чусовой. Их образы и характер самой реки слились в одну эпическую картину, представленную автором в заметках и позже в рассказах, посвященных сплаву по Чусовой.

Завершающая часть «Пермь-Казань», путешествие на двухэтажном пароходе «Березники», которое началось по Каме от Перми и завершилось по Волге в Казани, подвело итог долгому пути автора от Урала до Москвы. Компанию ему составили опять же купцы, возвращавшиеся с ярмарки в Шадринском уезде в Нижний Новгород, и опять слышны были разговоры о «богатеньком народе в Сибири», о бескрайних ее землях и хороших пашнях. До того заманчиво говорили о Сибири, что сошлись на том, что «надо в Рассею ссылать в наказание, а не в Сибирь». На фоне общего разговора автор выходит на палубу, любуясь Камой, уходит мыслями далеко от душных, прокуренных кают к истории заселения берегов реки, поднимаясь вверх по течению до Соликамска и Чердыни. В будущем Пермскому краю и в частности его северу будут посвящены другие путевые очерки, но уже сейчас автор намечает их темы, не в силах удержаться от обращения к народной поэзии Чердынского уезда, особенно к свадебным обрядовым песням. *«Даже в чтении эти обряды и песни производят потрясающее впечатление своей глубокой, выстраданной поэзией и исторической правдой. Эти песни богаты такими оборотами, сравнениями, образами, не говоря уже о прекрасном старинном языке, каким они сложены; в них, как живая, встает неприглядная историческая доля многострадальной русской женщины, выносившей на своих плечах тройной гнет византийско-татарско-московских основ семейной жизни»*².

---

¹ Там же. С. 209.

² Там же. С. 224.

Другая историческая правда – борьба со взятками и ворами лесничего одного из заводов, встретившегося автору на палубе парохода. За свою принципиальность лесничий был изгнан со службы. Этой историей заканчивается тринадцатая часть путевых заметок «Пермь – Казань».

В завершающей части «Казань – Нижний – Москва» автор сочувствует бедности московско-нижегородского края, который больше, чем окраины, страдал от усиления платежного гнета над крестьянством. А в конце определяет Урал как особый край, ни на что не похожий.

Главная особенность заметок – эффект присутствия в вагоне поезда и на пароходе автора, повествующего с места события о своем путешествии и увлекающего за собой читателя по железной дороге и реке, делающего его соучастником всех бесед и встреч. Конечно, это произведение не отвечает краткому жанру «заметки» в его современном понимании. Скорее, это – путевой очерк с точным отображением событий, использованием художественных образов и аналитических отступлений, которые, на первый взгляд, нам автор сообщает, будто тут же, в вагоне или на палубе. На самом деле над очерками, которые в газете «Русские ведомости» выходили по частям, Дмитрий Наркисович работал очень усердно. Все увиденное и услышанное по пути в Москву он не только тщательно перерабатывал в литературную форму, но и дополнял фактическим материалом, собранным из разных источников. Неоценимую помощь ему в этом оказал скромный канцелярский служащий из Екатеринбурга Егор Яковлевич Погадаев, один из любимых собеседников писателя, знавший огромное множество забавных случаев и таинственных происшествий. Возможно, часть рассказов героев очерка принадлежит именно Егору Яковлевичу, а не вымышленным пассажирам. Но в том-то и состоит мастерство публициста, чтобы каждому факту найти свое нужное место, чтобы он заиграл всеми гранями авторского таланта. Путевые заметки «От Урала до Москвы» – очень талантливое, композиционно точно

выстроенное публицистическое произведение, недооцененное ни при жизни автора, ни после его смерти. Хотя с точки зрения журналиста оно может служить образцом в жанре путевого очерка.

Печать отдельных частей, начатых «Русскими ведомостями» 6 октября 1881 года за подписью «Ъ», прерывалась неоднократно, подрывая каждый раз теплящуюся надежду автора на следующую публикацию. К моменту выхода в свет первого очерка (определение жанра с точки зрения современного его понимания. – *Прим. автора*), Дмитрий Наркисович уже потерпел ряд неудач в столице. Он уже получил отказ о зачислении в Московский университет (опоздал с подачей документов), предприняв очередную и последнюю попытку поступить в Петербургский университет, но не успел и туда. К тому же ему отказали в ряде изданий с публикацией новых рассказов. А дома он оставил родных практически без средств к существованию. Поэтому вполне естественна его радость по поводу публикации первой части «От Урала до Москвы», которой он тут же делится в письме к матери от 6 октября 1881 года. *«Сегодня, сейчас у меня... радость, от которой мои руки трясутся: я как приехал в Москву, начал описывать свое путешествие в виде отдельных писем и первое письмо передал в «Русские ведомости»; прошло около трех недель, и я думал, что его не напечатают, хотел идти сейчас брать рукопись назад. Но развертываю сегодняшний номер, и, – о радость! – мое письмо напечатано все целиком, то есть напечатано больше 900 строчек, что составит больше 27 рублей. Всех писем будет больше, чем на 100 рублей. Вот милая и дорогая мама, мой первый успех, которого я не мог бы достичь, сидя в Екатеринбурге. Мне дороги не деньги, – хорошее начало после вынесенных мной испытаний укрепляет мой неунывающий дух. Письмо мое напечатано в фельетоне № 269, можешь его прочитать»¹.*

Здесь стоит сделать паузу и ответить на возможный вопрос молодого читателя: почему «в фельетоне»?

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 347.

Ведь фельетон – это сатирический жанр, и какое отношение он имеет к путевым заметкам? Листая подшивки газет XIX века, очень часто встречаешь это определение применительно к материалам публицистически-злободневного характера, часто расположенных в «подвале», нижней части газетной полосы, и не имеющих никакого отношения к сатире или юмору. Дело в том, что термин «фельетон» в то время имел иное значение: так называли и литературный материал, расположенный в «подвале», и сам «подвал» (слово «фельетон» в переводе с французского означает «лист», «листок»: одна из французских газет в начале XIX века первая из коммерческих соображений удлинила свою полосу, и этот добавленный снизу «листок» стали называть фельетоном). Судя по таким газетам XIX века, как «Русские ведомости», «Русский мир», «Неделя», часто эти понятия совпадали, и в «подвале» размещали актуальный публицистический материал. Так было и с путевыми заметками Мамина. В том же письме Дмитрий Наркисович, понимая остроту своего фельетона, продолжает: *«Только не смущайтесь его резким тоном, – это мое достоинство и вместе недостаток. Моя цель – самая честная: бросить искру света в окружающую тьму, окружающую языцы¹»²*. Это признание матери подтверждает, что автор заметок сознательно писал общественно-значимое произведение и не мог его писать по-другому. Дмитрий Наркисович не был ни революционером, ни радикально настроенным политиком, он был гражданином, и именно это обязывало его быть честным писателем. Он сам обязывал себя не лгать перед собственным народом. И не изменять своим взглядам в угоду различным течениям, как в литературе, так и общественной жизни. И это на всю его оставшуюся жизнь станет его «достоинством и вместе недостатком». «Достоинство» позволит ему до конца быть честным и принципиальным в творчестве, «недостаток» обособит его от литературных направлений, сложившихся и складывающихся в столичных

---

¹ Языцы – «языки», т.е. разные народы (старослав.).

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 347.

обществах, а значит, обречет на непонимание и одиночество.

Можно понять его радость по поводу первой публикации в значимой столичной газете и в плане реализации собственных творческих способностей, и что совсем немаловажно – получения гонорара суммой «больше 27 рублей», так как жить на средства любимой женщины для него было унижительно, а еще необходимо было помогать родным. В этом же письме матери он пишет: «... милая моя мама, я слишком много пережил за эти немногие недели мыслью не о своем будущем, а о вашем... Дорогие мои, мне, то есть нам, не много нужно, и мы с голоду не умрем, – меня заботила ваша участь. С божией помощью, отсюда, то есть из Москвы, я, может быть, буду иметь возможность лучше помогать вам, чем живя в Екатеринбурге»¹.

О том, что путевые заметки Мамина были высоко оценены редакцией «Русских ведомостей», говорит повышенный гонорар, который Дмитрию Наркисовичу заплатили из расчета не три копейки за строку, а пять, в результате чего он получил целых 47 рублей, что стало для него настоящим праздником. Уже 8 октября он писал матери: «Мое первое письмо так понравилось редакции, что даже произвело некоторый фурор, и мне говорят: *Пишите, что хотите, только больше...*»².

И Дмитрий Наркисович очень много работал, буквально оттачивая каждое слово своих заметок. Учитывая тот объем материала, который он привлек к дорожным впечатлениям, можно догадаться, сколько хлопот и волнений доставила ему подготовка этой публикации. К тому же он привез с собой в Москву неоконченный роман «Приваловские миллионы» и несколько рукописей на сюжеты из жизни Урала. И продолжал корпеть над ними.

Темпы работы автора значительно опережали возможности публикации в «Русских ведомостях» его «писем», как он нередко называл свои путевые замет-

---

¹ Там же.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 12 т. под ред. Е.А. Боголюбова. Т. 12. С. 372.

ки. Эйфория после выхода первой сменилась долгим ожиданием следующей. Впрочем, это ему казалось, что время застыло. С 13 октября по 24 ноября было опубликовано пять очерков этой серии, посвященных Нижнему Тагилу. Возможно, для ежедневной газеты это и не такая уж высокая периодичность публикаций, но, тем не менее, Мамину не отказывали. Просто он работал много и так же много производил.

В ноябре газета начала печатать рассказ с продолжением Петра Дмитриевича Боборыкина, известного в то время публициста. У Боборыкина было имя в журналистике, и естественно, что редакция предпочла его произведение очеркам, хоть и замечательным, но никому не известного автора. Так Боборыкин впервые «подвинул» Дмитрия Наркисовича. Старше его по возрасту, гораздо опытнее в литературе, а что самое важное – уже зарекомендовавший себя в столицах, он не раз будет в дальнейшем вставать на пути Мамина-Сибиряка. И не раз Мамин будет его опережать. Их будут сравнивать критики – и отдавать предпочтение Сибиряку, между ними будут выбирать издатели и читатели таланта. Петр Дмитриевич был очень заметной фигурой в публицистике XIX – начала XX века. Считается, что именно он ввел в употребление в российской прессе понятие «интеллигенция», которое с 60-х годов XIX века стало массово употребляться в русской культуре. Боборыкин объяснял, что заимствовал этот термин из немецкой культуры, где им обозначается часть общества, занимающаяся интеллектуальной деятельностью. Вот с таким человеком начинающему писателю Мамину пришлось столкнуться на страницах «Русских ведомостей».

Но и после публикации рассказов Боборыкина очерки Мамина не выходили в печати. Его мучило то, что никаких замечаний, претензий или объяснений редактор ему не предоставлял. Написанные материалы мертвым грузом лежали в столах «Ведомостей» и понять позиции, занятой редакцией, он не мог. Теряясь в догадках по этому поводу, Дмитрий Наркисович в письме к матери от 26 декабря 1881 года высказы-

вает свои предположения: «Мои фельетоны, как я по-дозреваю, замедлились по поводу внутренних интриг. Это – неизбежное зло, через которое приходится перешагнуть каждому новому человеку. Расчет самый простой: место, занятое моими фельетонами, принадлежало бы другим, – вот они другие и подставляют мне ножку»¹.

Так или иначе, сегодня об этом судить сложно. Явно только одно, что Дмитрию Наркисовичу Мамину по-прежнему приходилось прокладывать свой каменистый путь в литературе, и никто не поддерживал его на этом сложном пути, кроме любимой и любящей женщины и бесконечно переживающей за него матери. Но они не в силах были свернуть все препятствия перед ним. Они могли только любить...

Забегая вперед, надо сказать о том, что в начале 1882 года все путевые заметки «От Урала до Москвы» были опубликованы в «Русских ведомостях». В газете от 11 февраля был напечатан последний, четырнадцатый фельетон, под названием «Казань, Нижний, Москва». К сожалению, этот цикл не был отмечен ни критиками, ни общественностью. Не получил он никакого резонанса и в литературном сообществе. Видимо, это можно объяснить все той же неизвестностью автора, так как имя в литературе имеет большое значение. Не получив справедливой оценки сразу после публикации, путевые заметки будто бы прекратили свое существование. Известный исследователь творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка Евгений Александрович Боголюбов писал: «Очерки никогда до Октябрьской революции не были перепечатаны, и даже сам Д.Н. Мамин-Сибиряк не делал попыток включить их в издания своих сочинений. Только в 1947 году часть очерков была перепечатана Свердловизмом в книге «Д.Н. Мамин-Сибиряк. Статьи и очерки», не получившей, однако, массового распространения»². Желая исправить явную несправедливость по отношению к этому циклу и его автору, Евгений Боголюбов включил «Путевые заметки», опять

---

¹ Там же.

² Там же. С. 373.

же в сокращении, в собрание сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка в двенадцати томах под своей редакцией, которое вышло в Свердловском Областном Государственном Издательстве в 1951 году. В 1988 году цикл вышел в составе книги «В Парме» (составитель Н.Ф. Аверина) в книжном издательстве Перми. И, кажется, на этом все. Не густо. Между тем как цикл путевых заметок имеет большое значение для развития личности и творчества Дмитрия Наркисовича. Как он сам говорил, *«такой интересный фельетон, от которого я жить пошел»*¹. Публикация заметок в популярной московской газете придала ему уверенность в своих творческих силах и способствовала формированию собственного стиля и манеры письма в жанре путевого очерка, к которому он впоследствии будет неоднократно обращаться. И где уже будет узнаваема рука мастера, создавшая очерки весеннего сплава «Бойцы», циклы «Старая Пермь» и «Русская заграница», из летних рассказов – «Погибельный Кавказ», «По Варяжскому морю» и другие.

7.

Прибыв в Москву 30 августа 1881 года, Дмитрий Наркисович и Мария Якимовна сняли на Большой Кисловке меблированные комнаты Азанчевской. Первое впечатление о Москве у Мамина сложилось как о городе оживленном, торговом и бойком. Он сравнивал Москву с Екатеринбургом и находил, что они внешне похожи. И любил оба эти города.

Ему нравились московские храмы, в свои именины 26 октября (по старому стилю) он заказывает молебен в Успенском соборе Московского кремля. А в декабре посещает Троице-Сергееву лавру, где восхищается богатством ризницы и темной живописью иконостаса. Заказывает панихиду по отцу и жалеет, что ему не пришлось побывать в этом монастыре.

Словно наверстывая упущенное в студенческой юности, он часто ходит в музеи и почти ежедневно бы-

---

¹ Там же.

вает в Румянцевской библиотеке, созданной на основе частной коллекции крупного собрания книг, монет, рукописей, других исторических и этнографических материалов графа и дипломата Николая Петровича Румянцева. Много читает, изучает старинные рукописи и грамоты, составляет конспекты, запоминает, впитывая в себя все с жадностью наголодавшегося. Вместе с Марией Якимовной они перечитывают «Мертвые души», заново открывая для себя это великое произведение Гоголя.

Как и в Екатеринбурге, ходит на толкучку, где также ищет сюжеты для будущих рассказов и подсматривает характерные типы. Продолжает работать над «Приваловскими миллионами» и пишет очерки. Вместе с Марией Якимовной готовится встречать Рождество, любимый свой праздник, и начинает несколько детских статей, поняв, что – это самый выгодный род литературы в плане оплаты «после писания вывесок»¹. Столица поражает Мамина своими магазинами и богатством, ему начинает казаться, что здесь «нет только отца с матерью да птичьего молока»².

С начала 1882 года Дмитрий Наркисович всецело отдается литературе. В январе в первой книге «Иллюстрированного журнала для детей старшего возраста» выходит его святочный рассказ «Искорки» за подписью «Д. Мамин». В марте в этом же издании в двух книгах – очерк «Покорение Сибири».

В этот приезд в Москву, который продолжался для него и Алексеевой девять месяцев, Дмитрий Наркисович стал свидетелем двух очень важных для столицы событий. С 23 по 25 января проходила трехдневная московская перепись населения. В истории она осталась знаменита тем, что в ней принимал участие великий российский писатель граф Лев Николаевич Толстой, который решил воспользоваться переписью, чтобы узнать жизнь низов в Москве и помочь чем-либо беднякам. Он выбрал один из самых трудных участков, Проточный переулок, где находилась ночлежка

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 30.

² Там же.

московской гольфтьбы. И стал обходить его по плану. Под впечатлением увиденного писатель написал статью «Так что же нам делать?»

И что же представляла собою Москва согласно переписи 1882 года? Численность жителей составляла 753,5 тысяч человек и только 26 процентов родились в Москве, а остальные были «пришлыми». В случае 63 процентов главой хозяйства являлась брачная пара, в 23% – жена и только в 14% – муж. Странно сегодня сознавать, что всего лишь 130 с небольшим лет назад Москва была городом, не достигающим по численности населения и миллиона человек, а из 753, 5 тысяч меньше трети были коренными москвичами. Вот уж поневоле вспомнишь слова известной сегодня песни «Не сразу все устроилось, Москва не сразу строилась...».

Дмитрий Наркисович тоже принимал участие в переписи, и встречался с Толстым. Это была их единственная встреча в жизни. Все остальные взаимоотношения строились на симпатиях и антипатиях друг к другу в литературном плане.

Другое важнейшее событие, свидетелем которого стал Дмитрий Наркисович, – это подготовка и приготовления к предстоящей коронации императора Александра III. Приготовления длились больше года. Коронация состоялась в Успенском соборе Кремля в 1883 году, но Мамин ее уже не застал, отбыв обратно на Урал. По Уралу он тоскует постоянно и через день-два пишет письма матери и родным. Одно из писем Анне Семеновне от 26 февраля всецело отражает его настроение тех дней и месяцев.

«Милая и дорогая моя мама, я уже писал тебе, что мой рассказ «Старатели» принят в «Русской мысли». Вчера, то есть 25 февраля, приходим из кухмистерской¹ домой и находим письмо Скабичевского, который пишет, что мой очерк под названием «На рубеже Азии» уже набирается в типографии для мартовской

---

¹ Кухмистерская – недорогая столовая, где всякий желающей мог получить за небольшую плату простой обед.

книжки «Устоев»¹. Не прошло и двух часов, как получаю заказное письмо из редакции «Дело», которая извещает меня, что мои два рассказа «Все мы хлеб едим...» и «В камнях» приняты и мне назначена редакцией плата по 80 рублей за печатный лист в надежде, что я пришлю еще рассказов; второй рассказ «В камнях» будет напечатан в мартовской книжке «Дела».

Милая мама, ты можешь себе представить мою радость. Десять лет самого настойчиво и упорного труда начинают освещаться первыми лучами успеха, который дорог именно в настоящую минуту по многим причинам. Целый вечер я провел, как в лихорадке, и едва в состоянии был заснуть. Мы долго и много говорили с Марьей Якимовной и жалели только об одном, что нет бедного папы, который порадовался бы нашей общей радостью... Всякая моя радость отравлена отсутствием горячо любимого человека, единственного отца, которому мы обязаны, начиная с воспитания, и особенно тем, что это была глубоко честная, гуманная и любящая душа...»².

Отца ему не хватало всегда. Слишком рано они расстались, слишком рано оставил их навсегда Наркис Матвеевич. В марте, во время пасхального причащения в Воздвиженской церкви Москвы, Дмитрий вновь его вспоминает. И уже умом взрослого человека осознает, что в Москве нет таких попов, как на Урале, и нигде больше нет такого попа, каким был его отец. Признанием тому и является образ о. Викентия в очерке «На рубеже Азии», которого он наделил лучшими качествами провинциального священника, а также отразил сюжеты своего детства и обучения в бурсе. Дмитрий как будто бы постоянно вел разговор с невидимым отцом и так нуждался в его ответном слове...

Продолжая свое письмо к матери, он подводил некоторый итог московским успехам.

«...Итак, милая дорогая мама, с марта я выступаю разом в двух толстых журналах, вероятно, по пословице – не было ни гроша, да вдруг алтын. Моя

---

¹ «Устои» – демократический журнал XIX века.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 348.

тяжелая артиллерия пошла в ход, и теперь у меня на текущем счету переваливает за полторы тысячи рублей, но это не суть важное дело, ибо деньги – пустяки, владеющие нами по нашей человеческой слабости, – дело, мама, в работе, в хорошей честной работе, которая должна приносить пользу... Это моя заветная золотая мечта.

В резервах у меня стоит громадный роман, который двинется в поход еще не скоро, да до десятка больших и малых рассказов, которые отчасти лежат в моих старых рукописях, отчасти еще в голове. [...]

Хорошо помню, как я приехал в Москву с одними надеждами в карманах и с благочестивым желанием честно трудиться, всего прошло каких-нибудь полгода, и декорации переменились, и даже редакция «Дела» выражает скромную надежду иметь меня своим сотрудником и далее. Да, глупая штука счастье: то не имеешь лишнего двугривенного на обед, то валяются сотни рублей¹.

Под впечатлением обрушившейся на него радости Дмитрий Наркисович не замечает, как противоречит сам себе. То он убеждает Анну Семеновну в том, что деньги не могут быть важнее честной работы, приносящей пользу, то, как ребенок, радуется тому, что на него валяются сотни рублей. И то, и другое было для него одинаково важно. В том же письме он просит мать кормить хорошо ребят – Володю и Лизу, не жалеть молока и мяса, так как в средствах они теперь не стеснены, и обещает при первом же получении денег тут же выслать их матери. Но, увы, «честная работа» – сотрудничество с журналами, была слишком ненадежна и зависела от различных обстоятельств, которым были подвержены издания.

Уже через месяц, 24 апреля, тон его письма к Анне Семеновне совсем иной. Слегка обескураженный и язвительный по отношению к самому себе. Причиной тому стали обманутые надежды в плане публикаций его произведений. За прошедший месяц вышел только очерк «В камнях» в журнале «Дело». Как уже говорилось

---

¹ Там же. С. 349.

выше, это было первое произведение Дмитрия Мамина, опубликованное в толстом журнале. А дальше опять затор. Рассказ «Все мы хлеб едим...» не выходит, в еще более печальную историю в очередной раз попадают «Старатели». Еще в 1881 году очерк был послан автором в журнал «Слово», и был принят к печати, что вызвало его немалую радость. И тут же журнал был прикрыт цензурой. «Старатели» были переданы в «Устой», где пролежали целый год и как только были запланированы к печати в мартовской книжке, как тут же ее арестовали. Вместе с надеждами на публикации таяли и надежды на гонорар, и заработанные ранее деньги.

Небольшим утешеньем в этой ситуации служил положительный отзыв об очерке «В камнях», опубликованный в газете «Голос» 15 апреля 1882 года. О чем Дмитрий, иронизируя, сообщает матери. *«На первый раз погладили по головке, но это еще не велика честь, да и не за что, собственно говоря. Критик «Голоса» сам-то по части русской грамоты плетется, как слепой подле огорода...А все-таки для первого раза нам было не неприятно прочитать благоприятный отзыв о нашей недостойности: так уж, видно, устроен белый свет и тем он держится, что все любим, когда нам пятки почешут, сиречь¹ воскурят нашему тщеславию...»².*

Тщеславие ему было абсолютно не свойственно, и даже намеки на его проявление, как правило, тут же высмеивалось подобным образом самим собою. В этом же письме в ответ на сообщение младшего брата о том, что он не рассчитывает на медаль, он еще более категоричен. *«Володя пишет, что не рассчитывает на медаль, – и не следует, ибо это одно тщеславие, и второе ибо, что жить не с медалью, а с добрыми людьми... Плевать! Я даже совсем не желаю медали; конечно, если дадут, тогда придется взять, но это только печальная необходимость, а все дело в аттестате зрелости»³.*

---

¹ Сиречь – то есть.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 350.

³ Там же. С. 350–351.

Он всегда считал саму возможность учиться – великим даром. И мечтал для своих младших брата и сестры об обучении в каком-нибудь университетском городе, в чем меньше повезло ему самому.

В это их первое пребывание с Марией Якимовной в Москве было много замечательных и счастливых дней. Они одинаково интересовались литературой и историей, а Москва была тем городом, где как раз, что «ни шаг, то история». Они с любопытством осматривают Новодевичий монастырь, что наталкивает Дмитрия Наркисовича на размышления о московской старине, реставрации иконописи и значении колокольного звона¹.

Столица предоставляла много возможностей, но, как и когда-то в юности, ему пришлось согласиться с горькой истиной – жизнь в столице требовала средств, а зарабатывать их здесь оказалось гораздо сложнее, чем в Екатеринбурге. Он был ответственен не только за себя и любимую женщину, но прежде всего, за благополучие матери, братьев и сестры. Он смог установить связи с газетой «Русские ведомости», но этого было крайне мало, и в целом приходилось признать, что пробиться в литературе вновь не удалось. К тому же у Дмитрия вновь обострилась хроническая болезнь груди: он всегда болел вне Урала душевно и физически, и тогда обострялась тоска по родине. *«Только бы унести кости до зеленой травы, до сибирского леса, до гор... Так и тянет»*².

В конце мая Мамин и Алексеева возвращаются на Урал. Запоздавшей радостью к их отъезду служит наконец-то вышедшая книжка «Устоев» с опубликованным в ней рассказом «На рубеже Азии».

8.

Современная улица Толмачева в Екатеринбурге, дом № 41. Двухэтажное полукаменное здание с большими окнами в узорчатых наличниках, с трехступен-

---

¹ По материалам Объединенного музея писателей Урала.

² Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 30.

чатой башенкой, украшенной двумя ярусами сложной деревянной резьбы на железной крыше, было построено в начале XX века и удивительно гармонично вписалось в череду современных новостроек со стороны улицы Толмачева и густую зелень парка, окружающую его со стороны Литературного квартала. В прошлом на этом месте на улице Колобовской стоял одноэтажный дом, где жила Мария Якимовна Алексеева.

Сегодня вход в дом, что занимает музей «Литературная жизнь Урала XIX века», – с дворика, утопающего весной в цвету сирени. Раздается звук дверного колокольчика, возвещающий о приходе посетителей, и по старинной лестнице с балясинами мы поднимаемся наверх. Вся атмосфера дома пронизана духом ушедшего времени, связанного с формированием национальной культуры, и сегодня дорогой каждому россиянину. На втором этаже, направо от входа расположены две мемориальные комнаты, отражающие период жизни здесь Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка.

В первой – гостиной, на центральной стене фотопортрет начинающего писателя работы известного уральского фотографа Вениамина Леонтьевича Метенкова. Фотоателье и магазин Метенкова находились на Вознесенском проспекте, совсем недалеко отсюда. Вениамин Метенков, родом из старообрядческой семьи, был на пять лет младше Дмитрия Мамина. Фотолетописец Урала, он сродни писателю оставил в истории края фоторассказы об уральских заводах и поселках, рудниках и приисках, показал условия труда и быта горнорабочих конца XIX – начала XX века. Метенков, как и Мамин, был членом Уральского общества любителей естествознания. Эти два незаурядных человека, немало послуживших на благо просвещения родного Урала, были знакомы и неоднократно встречались.

В боковых витринах – личные вещи Дмитрия Наркисовича из его коллекций: старинное холодное оружие, уникальные иконы медного литья, переданные в дар музею УОЛЕ после его смерти женой писателя – Ольгой Францевной. Ирония судьбы: последняя жена

передает вещи, которые хранятся теперь в доме первой. Но такова участь писателя – не принадлежать никому, даже времени, он – вне его. Драпировка тяжелых штор, этажерка с нотами и черный рояль фирмы «Беккер»... Того и гляди, из соседней столовой выйдет хозяйка дома и, грациозно подсев к инструменту, коснется клавиш рукой, и зазвучат знакомые Чайковский и Глинка.

Над роялем портрет Льва Толстого, выполненный в оригинальной технике, – печатным способом, в основе которого не шрифт, а рукописный текст XIII главы из повести «Крейцера соната». Мелкие буквы складываются в слова и предложения, а общий текст в портрет графа Толстого. В то время такие портреты были модны в среде российских писателей. Этот принадлежал Дмитрию Наркисовичу, висел у него в кабинете в петербургской квартире и также был передан Ольгой Францевной вместе с другими реликвиями в музей УОЛЕ.

В столовой поздно вечером ужинали при свечах. Оригинальная посуда XIX века дает представление о том, как мог накрываться стол. После возвращения Марии Якимовны и Дмитрия Наркисовича в 1882 году из Москвы на Урал в доме Алексеевой по-прежнему собирается маминский кружок. В горнозаводском Екатеринбурге – городе инженеров, золотопромышленников, купцов и банкиров, представители творческой интеллигенции наперечет. Цвет ее группировался вокруг Мамина и Алексеевой. Как ни странно покажется на первый взгляд, но одним из таких людей был директор Сибирского банка Илья Захарович Маклецкий, у которого Дмитрий Наркисович бывал лично. Маклецкий был неординарным банкиром. Именно ему город обязан созданием первого концертного зала и музыкального училища. А еще раньше Илья Захарович был инициатором создания музыкального кружка в Екатеринбурге, руководил первыми оперными постановками, а бутафорский реквизит изготавливался у него дома. Маклецкий слыл неплохим акварелистом и любил литературу. Понятно, что такой человек был

интересен любознательному Мамину, и в разговоре с ним он мог многое почерпнуть для своих будущих произведений. Среди других личностей – любопытная фигура некоего Ольхина, сосланного в Екатеринбург, автора удачного либретто для оперы, не вышедшего по цензурным соображениям.

Как всякая художественная натура, Дмитрий Наркисович был музыкален. С детства он был сопричастен к церковному песнопению, когда он пел вместе с другом Костей Рябовым на клиросе в Анатольевской церкви Висима. Любил он и фольклорное пение, и классическую музыку, хотя в ней был избирателен. В период жизни писателя в Екатеринбурге он дружил со скрипачом Владимиром Ивановичем Мещерским, музыкантом театрального оркестра и преподавателем горного училища. С его участием в доме Алексеевой проходили музыкальные вечера. Отец Владимира Ивановича – Иван Андреевич, девяностолетний капельмейстер, был для Мамина живым источником для изучения «крепостной музыки» в Екатеринбурге, времен генерала Глинки. Другим легендарным человеком, с которым Дмитрий Наркисович общался в Екатеринбургском музыкальном кружке, где заведовал драматической частью, была бывшая крепостная актриса, игравшая на уральской сцене в опере, водевилях и драме, Евдокия Алексеевна Иванова. Естественным образом и ее рассказы нашли отражение в театральном цикле произведений Мамина-Сибиряка. А лично она стала прототипом героинь очерка «Поправка доктора Осокина» и повести «Доброе старое время», опубликованных в журнале «Русская мысль» в 1885 и 1889 годах.

Музыка, живопись, естествознание – к чему бы ни проявлял интерес Дмитрий Наркисович, он все пропускал через свои собственные переживания и рассматривал в контексте развития истории края.

Нередко, пополняя свою семейную библиотеку, он обращался в переплетную мастерскую Д.А. Кругляшева с тем, чтобы отдать в переплет необходимые ему журналы, летописи. Учеником там работал некий Сте-

панов, который еще с детства по секрету от всех пытался писать пьесы. Занимаясь переплетом, он обязательно заглядывал внутрь книг и по возможности их читал. От хозяина он знал, что этот человек, который часто к ним приходит, тоже пишет. Как-то Степанову пришлось встретить Дмитрия Наркисовича в доме одного рабочего, где собралось много народу. Он сидел поодаль от всех, на завалинке у старой бани. И Степанов, осмелев, обратился к нему с вопросом, о чем позже так вспоминал: «– Вы, говорят, пишете, сочиняете?.. Я тоже писать хочу. Мамин внимательно оглядел меня, улыбнулся: – Это нелегко. Тяжелый это путь. Нужно сначала жизнь узнать, потом уж и сочинять»¹.

Это было ответом на уверенные замечания тех, кто считал, что писал он легко, как будто бы походя. Если создавалось такое впечатление, значит он достиг того мастерства, когда труд представлялся забавой. Но мастерство приходило постепенно и оттачивалось не только на малых формах, но и на том «большом романе», о котором он неоднократно вспоминает в своих письмах, и который был окончен в доме Алексеевой. Самым ценным экспонатом в мемориальных комнатах Музея «Литературная жизнь Урала XIX века» является копия завершающей страницы рукописи этого романа, оригинал которой хранится в Государственном архиве Свердловской области. Копия выполнена настолько качественно, что ничем не отличается от подлинника.

– Этой копии почти двадцать лет, – говорит заведующая филиалом Объединенного музея писателей Урала Людмила Алексеевна Чеснова. – Интересно то, что сделана она оригинальным способом, рукой художника-каллиграфа. Такой метод копирования документов в 90-е годы прошлого века возможен был только в Москве и Санкт-Петербурге, мы заказывали копию в Санкт-Петербурге. И теперь очень бережем. Эта надпись в конце рукописи позволила нам доказать историческую ценность дома и открыть здесь в 1996 году музей.

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 81.

Историческая надпись гласит: *«Кончена эта рукопись в г. Екатеринбурге, в Колобовской ул., в д. Алексеевой 1883 г., 2 сентября, в 1 час 35 минут пополудни»*¹.

Эта рукопись романа, который принято считать, самым екатеринбургским произведением автора – «Приваловские миллионы». Пожалуй, только оно во всем творчестве Дмитрия Мамина имеет такую долгую историю создания и подтверждает истину, понятую Маминым на выходе готовой рукописи – «Нужно сначала жизнь узнать, потом уж и сочинять». У него получилось иначе – жизнь узнавал, сочиняя. Хотя намерения были иные, еще в юности он писал «идейный» роман, о чем будет потом вспоминать в «Чертах из жизни Пепко», в том числе с тем, чтобы на нем заработать. Но быстро заработать не удалось. А роман получился длиною в десять лет.

В своей автобиографической записке, написанной для А. Пругавина, сам автор считал, что роман «не доработал». *«Как все первые произведения начинающих авторов, тема этого романа была задумана очень широко, и, собственно, в настоящем своем виде «Приваловские миллионы» представляют только последний заключительный роман из тех трех, которыми автор предполагал в исторической последовательности очертить преемственное развитие типов уральских заводчиков»*².

По задуманному плану в первом томе должен был выступать основатель рода – Тит Привалов, характерный типаж уральского заводчика XVIII века, равноценно наделенный острым умом, организаторскими способностями и безмерной жестокостью и самодурством. О нем в заключительной редакции романа говорится только в воспоминаниях его потомков и сохранившихся легендах.

Далее согласно плану во второй части автор намерен был показать сороковые годы XIX века с выродившимися наследниками-заводчиками, склонными

---

¹ Из фондов филиала Объединенного музея писателей Урала – Музей «Литературная жизнь Урала XIX века».

² «Новая жизнь», № 1, январь, 1913 г.

к роскоши и мотовству на фоне разгара крепостного права на уральских заводах.

В третьем романе, который и известен современному читателю, выведен последний из Приваловых. «Человек, который несет в своей крови тяжелое наследство и который под влиянием образования постоянно борется с унаследованными пороками. В общем он повторяет «раздвоенных» русских людей, у которых хорошие намерения и заветные мечты постоянно идут вразрез с практикой. Таким образом, эта приваловская эпопея должна была захватить собой полный цикл развития приваловского типа»¹. Об этих планах и намерениях стало известно из черновых заметок автора так и озаглавленных «Приваловские миллионы, Приваловы и Гуляевы, Тит Привалов», сохранившихся в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Первой из сохранившихся редакций «Приваловских миллионов» является роман «Семья Бахаревых», написанный Маминым в 1878 году и при жизни автора не издававшийся. К этому произведению «применима оценка, которую Мамин-Сибиряк дал ранним своим произведениям: «в них не хватало знания жизни и технической опытности»². Со временем он сам пришел к выводу, что о ценности понимания жизненного опыта можно судить только с приобретением самого жизненного опыта.

В 1879 году автор начал переработку романа «Семья Бахаревых» с тем, чтобы создать новый – «Каменный пояс». Третья из сохранившихся рукописей «Приваловских миллионов», где уже в первых главах фигурирует тема приваловского наследства, также называется «Каменный пояс».

В первых числах ноября 1881 года Мамин начал работу над той редакцией рукописи, которая позже была направлена в журнал «Дело» и сегодня хранит-

---

¹ Примечания А. Груздева и С. Груздевой к роману «Приваловские миллионы» / Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2. С. 374.

² Там же.

ся в Государственном архиве Свердловской области¹. На первом листе рукописи надпись: «Москва, Большая Кисловка, меблированные комнаты Азанчевской, 1881, ноябрь первые числа». Это говорит о том, что работа автором начата во время его приезда с Алексеевой в Москву. Над этим вариантом романа Дмитрий Наркисович работал очень интенсивно в течение года. И еще до окончательной его редакции направил две первые части в журнал «Дело». Редактор журнала Константин Станюкович сообщил автору о своей реакции: «Первая часть мне очень понравилась и... если остальные части будут так же хороши и интересны, как и первая, – то разумеется мы напечатаем Ваш роман с удовольствием»². Станюкович похвалил язык романа, признал типичность большинства действующих лиц, отметил оригинальность описываемой социальной среды. Замечания касались мелочей. После того, как редакцией был принят весь роман, доработка его шла еще вплоть до сентября 1883 года. Роман начал печататься в январской книжке «Дела» за 1883 год и выходил по пятую включительно, затем с седьмой по одиннадцатую.

Сюжетная основа «Приваловских миллионов» строится на основе реальных фактов и событий из уральской жизни. Город Узел, место основного действия в романе, напоминает собою Екатеринбург второй половины прошлого века. Читатели того времени из Екатеринбурга возводили некоторые второстепенные образы к реальным лицам. Например, младший брат писателя Владимир Мамин, поступивший в сентябре 1882 года в Московский университет, в следующем году сообщал брату о том, какое впечатление произвел роман на студентов-екатеринбуржцев: «Вся екатеринбургская колония с величайшим интересом следит за романом, и уже для каждого из персонажей подыскивали какого-нибудь из екатеринбургских джентльменов,

---

¹ Ф.136, оп. 1, ед. хр. 3, 14.

² Примечания А. Груздева и С. Груздевой к роману «Приваловские миллионы» / Д.Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2. С. 376.

сомневаются только относительно семьи Бахаревых и Привалова»¹.

Сюжет романа, в основе которого лежит борьба за приваловское наследство, имеет под собой реальные факты, а именно – поразившая Дмитрия Наркисовича история Сергинско-Уфалейских заводов. Впервые о циничном разорении уральских заводов хищниками от буржуазии Мамин рассказал в путевых заметках «От Урала до Москвы».

Символично то, что представление буржуазного мира на страницах романа начинается с его прихлебателей, ярко демонстрирующих собственную нравственную низость. Подтверждение тому почти сатирический образ мещанки Хионии Алексеевны Заплатиной, содержащей доходный дом, козыряющей в обществе плохим французским, но имеющей блестящие способности в плане плетения интриг. За это ее презирали, но принимали в богатых домах. В обществе о ней говорили: «Да, Хиония Алексеевна очень умная женщина». Что это значит, уточняет автор: *«И далекая провинция начинает проникаться сознанием, что умные люди могут получать триста рублей, а проживать три тысячи. Это вполне современное явление никому не резало глаз, а подводилось под разряд тех фактов, которые правы уже по одному тому, что они существуют»*². Этим предложением автор обозначает тему всего романа и выносит приговор существующему общественному строю. Не случайно ведь Станюкович признает «типичность большинства действующих лиц» уже по первым двум частям романа.

Екатеринбуржцы, без сомнения, узнали в образе первого Привалова, страшной тенью сошедшего на страницы романа, самого богатого городского золотопромышленника Тита Зотова, который в своем настоящем имени и образе появится у Мамина-Сибиряка на страницах исторического очерка «Город Екатеринбург».

Совсем иной показана личность другого золотопро-

---

¹ Там же. С. 37.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2. С. 8.

мышленника – Василия Назарыча Бахарева, которого характеризует его любимая дочь Надежда: «...сам он фанатик своего дела, на которое смотрит как на священнодействие, а не как на источник личного обогащения»¹. Образ старшего Бахарева в романе наиболее цельный и представляет ту группу уральских промышленников, которые искренне служат своему делу. Под стать отцу и сын – Константин Бахарев, приверженец заводского дела, прообразом которого послужил Константин Павлович Поленов. Об отце и сыне сказано: «Это были две натуры одного закала». Хозяйка дома Бахаревых – Марья Степановна, типичный представитель старообрядчества, строго придерживающаяся издавна заведенных порядков. Ее половину дома не касались никакие новшества: «Здесь все было по-старому, в том строгом порядке, как это ведется только в богатых раскольниковых домах»². И в этом домострое автор видит залог всего мироустройства. Все его симпатии на стороне семьи Бахаревых. Именно с ней он связывает счастливый финал романа, редкий, если не единственный случай для крупных произведений Мамина-Сибиряка. Да и в повестях, и рассказах он не жалуется читателя счастливым окончанием. А Сергей Привалов удостоивается этой чести, хотя именно его образ далек от целостности и гармонии. Автор будто на протяжении всего романа лепит его из бесконечных слабостей – почти детской наивности, нерешительности, бесхарактерности, в какой-то период – пьянства. Такой натуре лихо противостоят акулы капитализма Половодов, Ляховский, Шпигель и даже женское сообщество в лице Зоси Ляховской, Заплатиной и Антонида Половодовой. И все же самым невероятным образом автор приводит Привалова к счастливой и богатой семейной жизни с Надеждой Бахаревой, созданной, надо полагать, усилиями старика-Бахарева, целью которого было сохранение рода Приваловых.

Скорее всего, такой финал романа в сравнении с

---

¹ Там же. С.117.

² Там же. С.179.

другими произведениями Дмитрия Наркисовича объясним в тот период его внутренним состоянием. Стабильные отношения с Марией Якимовной, обеспечившие ему устойчивое положение в семье и творчестве, подарили счастье и Сергею Привалову. О чем красноречиво говорит и посвящение на первой странице: «Посвящается М. Я. Алексеевой»¹. Собственно, невидимое присутствие жены писателя рядом с ним чувствуется на протяжении всего романа.

О дальнейшей судьбе этого произведения писатель сообщает в письме к брату Владимиру от 22 декабря 1882 года. *«Милый Володик, сего 22 декабря в первый раз прочел в № 49 «Огонька» объявление «Дела» на 1883 г., где в первую голову стоит: «Приваловские миллионы», большой роман из жизни сибирских золотопромышленников Д. Сибиряка. Понимаешь: мой роман, значит, принят (ответа редакции до сих пор не получал: или потерялось на почте, или милая небрежность редакции), и я имею получить около 3 000 руб. Это нам года на два хватит, и ты можешь быть спокоен за свою финансовую участь: деньги – сила, а право на труд – еще большая сила. Итак, я ликую, а вперед увидим, что будет»*².

Последняя фраза говорит о том, что, видимо, к обещаниям редакции Дмитрий Наркисович уже относится осторожно, хотя подсчитанные им за публикацию романа деньги и кружат голову. Да и как избежать головокружения, если он в ответе за всю семью, никогда не жившей в большом достатке. С «миллионами» Привалова он связывал повышение благосостояния своей семьи и утверждение собственного имени в литературе. О чем дальше и размышляет в том же письме, продолжение которого датировано 24 декабря, в канун Рождества (по старому стилю). *«... Это Рождество для меня лично является праздником праздников, потому что труд десяти лет принят и принесет плод; мы гонимся не за большим: не честь, не имя, не известность нам нужны, а частица презренного металла,*

---

¹ «Дело», № 1, январь, 1883 г.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 352-353.

которая спасала бы нас от голода и холода и дала возможность поработать спокойно года два, не думая о завтрашнем дне. Ведь целых два года, Володя, – это я называю счастьем, о котором мечтал целых пятнадцать лет. Ты можешь давить свою науку с спокойной совестью за завтрашний день, а я буду давить законы и для отдыха пописывать кое-что из приготовленных статей. Я так счастлив, что и высказать тебе не умею, и если о чем думаю, так о тех бедных и несчастных, которые придавлены бедностью и для которых праздник является лишней тяжестью, иронией и насмешкой судьбы... Конечно, заботиться о деньгах – буржуазно, но без денег совсем скверно...»¹.

Не успев ощутить радость за себя и близких, Дмитрий Наркисович тут же как будто бы стесняется этого чувства, выстрадавшего им десятилетней работой над романом, и сочувствует тем, кто не может в эти праздничные дни так же радоваться, как и он. Дальше он пишет брату о том, как вся семья готовится встречать Рождество, и упоминает о такой детали, что Анна Семеновна и Лиза сами моют пол и стирают, так как в преддверии праздника прачки и поломойки найти не смогли. Ограниченность средств в семье не исключала наем прислуги. В таких семьях, как Мамины, это относилось не к роскоши, скорее к необходимости. Находясь в благом расположении духа, Дмитрий сообщает брату об удовольствии, которое позволяет себе в эти дни – «покурить папиросочку». И снова радуется: «И все-таки я глубоко счастлив, особенно за тебя, а то эти маленькие посылки тебе денег для нас составляли крупную задачу, а теперь, когда начнут роман, дело будет пустяковое: только учись, а там и стипендию получишь... Мама посылает тебе на всякий случай 10 р., сходи в театр, побалуйся сладким, но избегай горького»².

Следующая информация о выходе «Приваловских миллионов» появилась в информационно-новостной

---

¹ Там же.

² Там же. С. 354.

газете «Русские ведомости», с которой сотрудничал Дмитрий Наркисович.

В номере 35 от 4 февраля 1883 года в «подвале» под рубрикой «Критические заметки» за подписью «В.Г.» анализируются журналы, вышедшие в январе текущего года «Дело» и «Отечественные записки». В частности, сказано: «Январская книжка «Дела» составлена разнообразно и заключает в себе, кроме переводов, начало романа Д.Н. Сибиряка «Приваловские миллионы», маленький рассказ г. Эртеля «Крокодил», статьи гг. Ленского, Приклонского и др. Остановимся на анализе «Крокодила»¹. Несмотря на то, что критик сам определяет жанр анализируемого им произведения «маленький рассказ», однако к большому роману от него не переходит. О том, что критика не жаловала его роман, Мамин осознал и сам, о чем писал брату Владимиру 6 марта 1883 года с долей некоторого раздражения: *«Мой печатающийся в «Деле» роман «Приваловские миллионы» встречен критикой холодно, и, думаю, ему не будет теплее и на конце. Впрочем, я и не рассчитывал на успех этого романа у рецензентов, как на незаслуженные похвалы моим маленьким рассказам. И то и другое одинаково несправедливо, и мне плевать на критику, которая ничего не смыслит»*².

Для любого автора отзывы критики важны. Молчание – самый страшный приговор. Тем более, невыносимо игнорирование произведения, которому посвящено десять лет жизни. И Дмитрий Наркисович не мог не переживать по поводу такого отношения к своему детищу. Иначе, как объяснить его реплику в письме к Володе от 11 декабря 1883 года: *«Недавно получил письмо от Бажина, который просит для январской книжки «Дело» какой-нибудь повести или рассказа и между прочим пишет, что Глеб Успенский³ остался очень доволен моими «Прив. миллионами», поелику»*⁴

¹ «Русские ведомости», № 35, 4 февраля 1883 г.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 355.

³ Успенский Глеб Иванович (1843–1902) – русский писатель демократического направления.

⁴ Поелику – потому что (устар.).

в них «все типы...»¹. Каждое мнение о романе автор старался не пропустить, собирая отзывы, как курочка зернышки. Однако впервые его подробный анализ наряду с другими произведениями был дан В. Альбовым в статье «Капиталистический процесс в изображении Мамина-Сибиряка», опубликованной в первой и второй книгах журнала «Мир Божий» за 1900 год, то есть, спустя семнадцать лет после первой публикации «Приваловских миллионов».

Автор статьи предполагает, что жизненные катастрофы имеют «важное значение» в формировании мировоззрения Мамина. И, анализируя его произведения, постепенно доказывает свой довод, при этом приравнивая капитализм Мамина к ряду жизненных катастроф. «Капитализм с его сложными жизненными отношениями, с его обостренной, бешеной борьбой за существование, с его разрушительной тенденцией, мог дать богатый материал для такого мировоззрения»². Дальше Альбов приводит аргументы в пользу того, что лучшие романы Мамина посвящены истории капитала на Урале и в Зауралье. «Эта история написана в лицах и сценах, широким размахом кисти и с глубоким знанием дела. В целом ряде блестящих картин, в типичных лицах и сценах, автор шаг за шагом, страница за страницей развертывает перед читателем историю капитала в той или другой отрасли промышленности, охватывающей иногда громадные круги и области. Он следит за его влиянием на докапиталистические формы жизни, обрисовывает стянутые им общественные слои, их взаимную группировку и общественные результаты, отсюда вытекающие. Автор не ограничивается одной только экономической эволюцией общества. Он следит за проникновением капитализма во все сферы человеческой жизни, в семью, в область правовых отношений, в нравы и понятия, в науку и литературу. Его герои – не ярлыки тех или иных экономических

---

¹ Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина-Сибиряка, из фондов ОМПУ.

² «Мир Божий», № 1, январь, 1900 г.

категорий, а живые люди с разнообразной и сложной психической структурой»¹.

Маминский герой капиталистического строя, по мнению В. Альбова, это человек, захваченный стихийным движением, когда одни легко и быстро приспособляются к сложившимся условиям, другие – переживают внутренний мучительный процесс разложения прежнего духовного человека и формирования нового. И совсем немногие остаются в стороне от охватившего всех движения. «По примеру ли Золя или по каким другим мотивам, Мамин в целом ряде романов – «Горное гнездо», «На улице», «Три конца», «Золото», «Дикое счастье», «Хлеб», «Приваловские миллионы» – дает нечто цельное и связанное, проникнутое одной идеей»², – пишет Альбов, указывая на то, что на «Приваловские миллионы» можно смотреть как на заключительный роман всей серии. В то время как он был написан и опубликован раньше всех остальных, указанных выше. И в этом критик видит некую закономерность в отображении капиталистического процесса в произведениях Мамина-Сибиряка.

Дальше автор делает вывод о полной несостоятельности Сергея Привалова, что идеи его утопичны, а в его борьбе ему не на что опереться. Но так и хочется возразить: а разве он боролся? Скорее всего, его пытались втянуть в борьбу, по крайней мере, за его наследство готов был сражаться его друг, адвокат Веревкин. А сам Привалов все время пребывал в каком-то ожидании чего-то на самом деле утопического. Но Альбов защищает его позицию и оправдывает его. «Он наглядно убедился в полном бессилии человека против стихийного процесса капиталистического развития и почувствовал себя ничтожной частичкой громадного целого, жалким материалом в какой-то всемогущей творческой руке, которая и привела его со всеми его самыми возвышенными планами и блестящими утопиями к одному общему знаменателю»³. Надо сказать,

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

не совсем к общему. Как уже было замечено выше, Привалова автор все-таки привел к счастливому финалу. Героям других его произведений, о чем разговор ниже, повезло гораздо меньше. И тут уже нельзя не согласиться с Альбовым в том, что все «честные и порядочные деятели... стоящие в стороне от новой силы, являются в романах Мамина не только одиночками, но кроме того, больными, идиотами, вырожденками, слабоумными, вообще ненормальными»¹. Что, конечно, подтверждает версию автора не только о формировании мировоззрения Мамина-Сибиряка под влиянием определенных «катастроф», но и его личном психологическом состоянии в пору капитализма, а также попытках найти положительного героя, увы, не увенчавшиеся успехом.

Роман «Приваловские миллионы» еще неоднократно дорабатывался автором перед его первым отдельным изданием в 1897 году. Поэтому между журнальным вариантом и окончательной редакцией есть расхождения. В целом это произведение служит примером того, насколько скрупулезно Дмитрий Наркисович работал над своими произведениями. Хотя не исключено и то, что такая участь постигла «Приваловские миллионы» именно потому, что он был первым серьезным романом в творчестве Мамина-Сибиряка, и на нем оттачивалось его умение работать и авторское мастерство.

Все редакции, предшествующие окончательному варианту романа – «Семья Бахаревых», «Каменный пояс I», «Каменный пояс II», «Сергей Привалов» – были впервые опубликованы в 2003 и 2006 году под редакцией доктора филологических наук, профессора Гурия Щенникова, в первой и второй книгах второго тома Полного собрания сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка в 20-ти томах². Такое издание предприняло издательство «Банк культурной информации».

Дмитрий Наркисович когда-то говорил: «...если со-

---

¹ Там же.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2003–2006.

брать все вместе (сочинения – *прим. авт.*), наберется до 100 томов, а издано около 36»¹. Это утверждение позволило редакционной коллегии под руководством Гурия Константиновича Щенникова объединить сочинения Мамина-Сибиряка в двадцать томов: «под числом 36 писатель, по-видимому, имел в виду сборники рассказов, очерков и повестей, опубликованные при его жизни»².

– Настоящее Полное собрание сочинений Мамина-Сибиряка, – говорит Юрий Владимирович Яценко, директор издательства «Банк культурной информации», – стало возможным благодаря инициативе министерства культуры Свердловской области в год 150-летнего юбилея писателя. Цель многотомного издания состоит в том, чтобы объединить в своем составе все рукописное и печатное наследие автора. Задача не простая. Несмотря на то, что большая часть рукописей хранится в Государственном архиве Свердловской области, специалистам пришлось поработать в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Одну рукопись нашли даже в Киеве, сейчас она готовится к изданию в 6-м томе. Очень важно то, что первое полное научное собрание сочинений Дмитрия Наркисовича издается именно на Урале, где он родился и вырос, в Екатеринбурге, где написаны многие его значимые произведения. Это справедливо, и это так должно и быть.

Правительство Свердловской области, поддерживая новое издание в начале 2000-х годов, понимало уникальность личности Мамина-Сибиряка и значимость его творчества для всего Урала. Алексей Петрович Воробьев, в те годы председатель Правительства, не только горячо поддержал издание и решил вопрос с финансированием, но и сам высоко оценил творчество писателя, считая, что все, что происходит в нашем обществе с наступлением капитализма, объяснено Маминым-Сибиряком в его произведениях более ста лет назад.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 396.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. Екатеринбург, 2002. Т. 2 (II часть). С. 5.

К сожалению, за последние десять лет, в течение которых редколлегия работает над подготовкой очередных томов этой серии, многое изменилось. Ушел из жизни Гурий Константинович Щенников, и редколлегию возглавил Олег Васильевич Зырянов, доктор филологических наук, профессор. С трудом находятся деньги на финансирование проекта. Произведениям Дмитрия Наркисовича, как и при жизни автора, дорогу в литературном мире приходится пробивать нелегко. И, тем не менее, четвертый и пятый тома изданы при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России».

Сейчас готовится к изданию шестой.

– Полное собрание сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка – это и увековечение памяти писателя, который является гордостью Урала, области, города, – продолжает разговор Татьяна Евгеньевна Богина, главный редактор литературно-художественного и историко-краеведческого журнала «Веси». – К сожалению, мы потеряли уже не одно поколение читателей. Увы, но нередко приходится слышать: «Что тут интересного? Много букв, бумага не блестит, и нет картинок». Это все можно отнести и к творчеству Мамина-Сибиряка, но в угоду низким вкусам мы не будем рисовать картинки к Мамину и лакировать бумагу. Вряд ли бы он сам этого хотел. Он никогда в своем творчестве ничего не приукрашивал. Достаточно того, что невозможно говорить об Урале, не цитируя произведения Дмитрия Наркисовича. Чтение, как и чувство, – это большая работа. И произведения Мамина-Сибиряка – для талантливой и думающей молодежи, которая, к счастью, у нас тоже есть. Новое Полное собрание сочинений предназначено для такой аудитории, оно поможет ей в решении сегодняшних проблем и в приобретении определенного эмоционального опыта. Ведь память – это тоже эмоции. Если чтение не вызвало эмоций, значит, не способствовало сохранению памяти о писателе, об Урале, о Екатеринбурге.

Другим памятником эпохи накопления капитала на Урале стал фильм известного советского и российского кинорежиссера, народного артиста РСФСР Ярополка Лапшина «Приваловские миллионы», снятый в 1972 году на Свердловской киностудии. Кинолента, собравшая целое актерское созвездие (в ней сыграли Леонид Кулагин, Людмила Чурсина, Владислав Стржельчик, Людмила Хитяева, Андрей Файт, Любовь Соколова, Александр Демьяненко, Евгений Евстигнеев) под руководством талантливейшего режиссера стала культовой не для одного поколения советского зрителя. Благодаря именно этой экранизации «Приваловские миллионы» получили такую широкую известность, какую роман не знал ни при жизни автора, ни в первой половине XX века. Сюжетная версия режиссера отличается от версии писателя. Скорее всего, это было определено временем. Вряд ли бы «Приваловские миллионы» в «чистом виде» устроили идеологизированный кинематограф советского периода.

Ярополк Лапшин привнес в картину свое прочтение авторского текста, сохранив при этом маминский колорит, дух Урала XIX века, показав типичность характеров золотопромышленников и нарождающихся буржуа. Узнаваемые для жителей города, и в то же время исторически верно показанные старинные особняки Екатеринбурга – дом предпринимателя Железнова, усадьба купцов Харитонов-Расторгуева с парком, прудом и беседкой, расположенная на Вознесенской горке, раз и навсегда определили место действия героев романа и фильма. Еще и поэтому принято считать роман самым екатеринбургским произведением автора, хотя за причастность к нему борются и другие города области, например, Реж. Сравняются господские дома, окружавшие их парки, вытаскиваются из небытия типы горнозаводчиков и золотопромышленников – «один краше другого». Исследователи усердствуют в том, кому отдать пальму первенства «Приваловских миллионов», как раз этим и доказывая силу таланта автора, выразившуюся в создании типичных для Урала образов.

Подходил к концу 1882 год, счастливый для Дмитрия Наркисовича. Его собственное признание по поводу того, что Рождество явилось для него «праздником праздников», было отмечено не только известием о публикации в будущем году романа «Приваловские миллионы». В конце года успехи сыпались на него как из рога изобилия, воздавая ему за упорство, верность выбранному пути и трудолюбие, вознаграждая не только морально, но и материально. За каждой публикацией следовал гонорар.

С 8 по 15 декабря в Екатеринбурге проходит Второй съезд горнозаводчиков, Дмитрий Мамин на нем присутствует и готовит статьи «Сторона добрых нравов» и «Уральские дельцы», которые отправляет в газету «Русские ведомости». А за день до окончания съезда, 14 декабря в этой же газете выходит корреспонденция «Колченоговское дело» об умышленном поджоге своих магазинов верхотурскими купцами. При написании публикации Дмитрий Наркисович использует подлинный «Обвинительный акт Екатеринбургского окружного суда о предании суду верхотурских купцов Колченоговых от 16 июня 1882 года». Дело это получило огласку в связи с тем, что купцы Колченоговы сожгли собственные магазины, чтобы получить страховку и покрыть убытки от торговли. Но в ходе длительного следствия с не менее длинным и монотонным описанием всех обстоятельств поджога братьями Колченоговыми, выяснились все нюансы преступления, и была вынесена резолюция: «По сему и на основании 201 статьи судебного устава означенные Колченоговы предаются суду Екатеринбургского окружного суда с участием присяжных заседателей. Настоящий обвинительный акт составлен в Нижне-Тагильском заводе 25 мая 1882 года и подлежит рассмотрению Казанской Судебной палатой. Подлинный ...товарищ Прокурора Н. Соколов»¹. Этот случай – хорошая иллюстрация к тому, как Дмитрий

¹ РГАЛИ, Ф. 316, оп. 1, ед. хр. 304.

Наркисович использовал документальные источники для сюжетов своих фельетонов и в то же время подтверждение его открытой позиции публициста. Ведь выступление по таким злободневным темам, было небезопасно. За псевдонимом автор явно угадывался, не так уж много было подобных Мамину авторов на Урале, а вернее – подобных не было вообще.

Но самой значимой творческой победой стало письмо от Салтыкова-Щедрина, редактора журнала «Отечественные записки», полученное в предпоследний день уходящего года, о чем Дмитрий тут же пишет ликующее письмо Володе в Москву.

«Екатеринбург, 1882, 30 декабря. Володька... ликуй!!... Сейчас только получил письмо от самого Салтыкова о том, что мой очерк «Золотуха» охотно принят редакцией «Отеч. зап.» и будет помещен в одной из ближайших книжек с платой гонорара по 100 р. за печатный лист... Ликовствуй, прыгай и веселись!!... Я большего никогда не желал и не желаю... Можешь быть совершенно спокоен за свою финансовую судьбу, только знай учись...

Из ред. «Русск. вед.» можешь получить за мою корреспонденцию о Колченоговском деле (№ 342) придется рублей 8 да еще справишься там же, будут ли помещены мои статьи «Сторона добрых нравов» и «Уральские дельцы». Последняя – описание 2го съезда уральских горнозаводчиков, имеет особенную важность, ибо вытянет рублей на 40... Тебе будет пока.

Ну, будь, мой милый здоров и благоразумен на новый наступающий год. Все тебя поздравляют. Марья Якимовна кланяется тебе и тоже поздравляет. Если получишь из редакций деньги, пожалуйста, добудь записки Ключевского¹ за 1883-й г.

Твой брат Дмитрий

P.S. прилагаю письмо в «Детский отдых», только едва ли по нему скоро получишь, ибо когда еще напечатает статью. Только, пожалуйста, не подписывай

---

¹ Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – один из крупнейших русских историков XIX века.

мою статью «Д. Сибиряк» или моей полной фамилией, а просто: Петров, Сидоров – как угодно»¹.

Признание Салтыковым-Щедриным очерка «Золотуха» было настоящим триумфом для Мамина. Ведь тот самый Салтыков, который десять лет назад по поводу одного из его первых произведений строго заметил «мы такое не печатаем», теперь давал ему путевку в творческую жизнь. Авторитет редактора «Отечественных записок» как и самого издания, был настолько велик, что автору, публикующемуся на его страницах, на самом деле «большого можно было не желать». Журнал создавал ему имя.

Влияние «Отечественных записок» на движение литературной жизни и развитие общественной мысли в России трудно было переоценить. На его страницах печатались демократически настроенные писатели Успенский, Островский, Решетников, Слепцов, Гаршин, Златовратский. И Мамин-Сибиряк.

Нет ничего удивительного в том, что «Золотуха» была принята Салтыковым-Щедриным. По определению самого автора, это его любимое детище (правда, надо отметить, что сказано это было в 1884 году). «Очерки приисковой жизни», как автор сам определил форму этого произведения, были опубликованы во второй книге «Отечественных записок» за 1883 год.

Появление «Золотухи» было замечено критиками газеты «Неделя», где в № 9 за тот же 1883 год появился сочувственный отзыв. И кто бы мог подумать, что защищать очерк автору придется перед собственным младшим братом! Володя, продолжая обучение в Московском университете, усвоил возрождавшиеся и входившие в моду эстетические теории «искусства для искусства». Суть этой концепции сводилась к утверждению самоценности художественного творчества, независимости его от политических и социально-общественных направлений. Следуя утверждениям сторонников данной теории, искусство должно доставлять наслаждение, а не отражать болезненные яв-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 354-355.

ления в обществе. С этой позиции Володя и выступил в отношении произведения брата со своего рода обвинительной речью. Это тем более странно, при том что Дмитрий радовался каждой новой публикации в том числе из-за возможности заработать очередной рубль на обучение Володи. Но даже в этой ситуации братья не поступались своими принципами. И, прежде чем дать слово Дмитрию для ответа младшему брату, стоит сказать о самом произведении.

Определение «Очерки приисковой жизни» как нельзя точно отражают художественно-публицистический характер «Золотухи». Автор дает развернутую картину золотых приисков середины XIX века, с детальным описанием методов и условий работы, с показом типичных характеров приисковых людей и стилем взаимоотношений между ними. Повествование от первого лица, как это часто бывает в произведениях Мамина, сразу же определяет автора участником событий, который ведет за собой читателя, предлагая ему думать, чувствовать, сопереживать.

«Мне пришлось провести на Панышинском прииске в обществе Бучинского несколько недель, и я с особенным удовольствием вспоминаю про это время. Для меня представляла глубокий интерес та живая сила, какой держатся все прииски на Урале, то есть старатели, или, как их перекрестили по новому уставу о золотопромышленности, золотники»¹. В очерке проанализирована особенность работы на приисках в пореформенное время. Если во время крепостного права на прииск «гнали» только мужиков, а «бабы, как коровы, ревели», то воля дала возможность стараться семьями, целыми родственными кланами, которые собирались в артели. От чего труд старателя легче не стал, но давал возможность семье выжить. «Труд всех членов семьи утилизировался с замечательной последовательностью, и не пропадала даром ни малейшая его крупица. Приисковая тяга не миновала ничьей головы»². О каторжной этой тяге в тексте говорится не

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 4. С. 125.

² Там же. С.131.

раз. С особенным сочувствием автор относится к женщине, которой и работать-то на прииске было нелегко, да еще встречались здесь и беременные, и рожали прямо в приисковом балагане, и новорожденного здесь же содержали – в грязи и холоде. И мать после родов тут же возвращалась к промывке, так как каждые рабочие руки ценились больше того золота, крупинки которого пытались найти в глиняной тягучей жиже.

Эстетики в описании приискового труда и быта никакой. Да и откуда ей взяться в глухой тайге, среди нищеты и произвола смотрителя прииска. Особенно краски сгущаются во всех отношениях во время непогоды. *«Рабочие походили на мокрых птиц, которые с тупым равнодушием смотрят на свои мокрые, опустившиеся крылья. Женщинам и здесь доставалось тяжелее, чем мужчинам, потому что сарафаны облепляли мокрое тело грязными тряпками, на подолах грязь образовывала широкую кайму, голые ноги и башмаки были покрыты сплошным слоем вязкой красной глины»*¹. В какой эстетический фантик можно было обернуть подобную безысходность?.. Для Мамина эстетика творчества заключается в создании пейзажей и в этом он не изменяет себе ни в одном произведении. Устав от безрадостной жизни людей, он обращается к природе. *«Я люблю северный лес за строгую красоту его девственных линий, за бархатную зелень красавиц-лихт, за торжественную тишину, которая всегда царит в нем. Вообще люблю этот могучий лес-великан, как олицетворение живой стихийной силы»*². Красота для Мамина в естественной, живой красоте леса, гор, травы, заката, течении реки. А еще в народном творчестве, что естественно так же, как природа. От полной бесшабашности русского человека, пьющего в горе и радости и складывающего приисковые песни, высмеивающие его собственное унижительное существование, до свадебной плачи, которую с тоской и к непогоде выводит случайно попавшая на

---

¹ Там же. С.135.

² Там же. С.162.

прииск чердынская¹ Марфутка. «В словах и самом мотиве «плачи» было столько безысходной тоски, глухой жалобы и нежной печали!..»² – с сочувствием пишет автор, что будто наяву слышишь женский голос, перемешанный со слезами и запутавшийся в густых и мягких лапах пихт.

Яркие типаж и образы – еще одна из сильных сторон очерка. Кого только нет на золотоносном прииске – начиная со зрителя Бучинского, наглого и хитрого вора, до странного человека, «которых на Руси непечатый угол», философа Ароматова. А между ними приисковый люд – семья старателя Зайца, разбойник Гараська, забитые и униженные женщины; староверы – нелюдимые и работающие в стороне от всех. А еще кутилы-господа, наезжающие от скуки поглазеть на прииск, не стесняющиеся своих пороков и слабостей. Каждый из них имеет право на существование в этом мире и находит свое место на страницах очерка, о каждом из них автор рассказывает абсолютно беспристрастно, предоставляя право делать выводы читателю.

Эту особенность Мамина-Сибиряка невозможно не заметить. Во всех своих произведениях он только сторонний наблюдатель происходящего. Нет душераздирающих воплей по поводу явной несправедливости, нет открытых призывов к сочувствию, нет, казалось бы, даже выраженного соучастия, и при этом такая полнота и глубина повествования, которая по эмоциональному накалу сильнее всякой патетики. Этой его писательской манере дал объяснение литературный критик Александр Скабичевский:

«Д. Мамину пришлось многие годы провести в малокультурном, полудиком крае, где рядом с веяниями европейской цивилизации, по правде сказать, очень жалкими, ограничивающимися одною внешнюю мишурою, скорее развращающей, чем развивающей и возвышающей людей, до сих пор еще мирно уживаются грубые до зверства нравы средневековья. Все

---

¹ Чердынская – из города Чердыни.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 4. С. 134.

те общественные неурядицы, которые, так сказать, а priori тяготят души людей в цивилизованных центрах, здесь рисуются перед глазами во всех своих безобразиях, с цинической откровенностью дикарей, ничего не стыдящихся и не боящихся.

Д.Н. Мамину, таким образом, пришлось слишком много изстрадаться, насмотревшись на целый ряд вопиющих безобразий и кровавых катастроф, дикого, не знающего ни малейшего удержа, произвола и надругательства над человеческою личностью с одной стороны и полного бесправия – с другой. Не до того ему было, чтобы углубляться в свою собственную душу, возиться с своим психическим разладом и с тонкими оттенками интеллигентного вельтшмерца¹. Что значил в его глазах весь этот вельтшмерц в более или менее комфортабельной обстановке жизни интеллигентных людей, в сытости, тепле и холе, сравнительно со всеми теми ужасами, какие запечатлелись в его памяти?². В этой же статье критик сравнивает Мамину-Сибиряка с французским реалистом Золя и указывает на то, что Мамин его даже превосходит. Этот критический очерк выйдет в 1896 году, но уже в марте 1884-го в письме к брату Дмитрий Наркисович, объясняя Володе свою позицию по поводу «Золотухи», в чем-то предвосхитит Скабичевского. Это письмо содержит взгляды Дмитрия Наркисовича на литературу и искусство, и отражает в целом мировоззрение писателя.

«На твое длинное литературно-критическое письмо, Володя, мне приходится отвечать только теперь, потому что раньше решительно было некогда – кончал целых три статьи и, кроме того, каждый месяц приходится писать письма десятками. [...]»

Ну-с, переходим к делу.

В твоём громадном письме «отрыгнутом» от чистого сердца, меня приятно порадовало главным образом твоё серьёзное отношение к литературе, хотя с твоими выводами в некоторых случаях я и не могу

---

¹ Вельтшмерц (Weltschmerz) – нем.: мировая скорбь.

² Скабичевский А. Д.Н. Мамин-Сибиряк // Новое слово, октябрь, 1896 г.

согласиться. Замечу еще в скобках одну особенность твоего рукописания – это авторитетность... Конечно, всякая юность самонадеянна, а юность мысли в особенности, но все-таки хотя Александр Македонский и был великий герой, но зачем же литературные стулья ломать! Это, между прочим, в виде вступления, а теперь обратимся к пунктам, именно, весь твой крестовый поход против «новых беллетристов» одна из тех несправедливостей, которые делаются только в юности. Мы, русские, можем справедливо гордиться такими именами, как Глеб Успенский, Златовратский, Салов и т.д. Они отринули все лохмотья и декорации старинной выдохшейся эстетики и служат боевую службу, которая им в свое время зачтется. Важно то, что ни в одной европейской литературе ты не найдешь ничего подобного, например, «Власти Земли» Успенского. Что вся эта школа слишком серьезно взялась за изучение народа и не хочет преклониться перед порнографически-эстетическими требованиями публики – в этом я полагаю особенную их заслугу. Ты метко выразился, хотя и чужой фразой, что народники «ввели мужика в салон» – совершенно верно и паки важно: время салонной эстетики миновало да и салонные беллетристики тоже. Салоны теперь являются только для отрицательной стороны жизни – не больше. Итак, сиволопный безпортошный мужик торжествует в литературе к ужасу эстетической надушенной критики... Но это не так ужасно, как кажется на первый раз, потому что этот мужик является подавляющей девяностимиллионной массой сравнительно с тоненькой и ничтожной салонной пенкой. Обрати на сие особенное внимание, ибо здесь уже говорит арифметика.

Но вышесказанным я еще не думаю отрицать «художество», конечно за вычетом тех волчьих ям, которые вырыты нашей несчастной критикой. Только я расхожусь с тобой вот в чем: есть такие вопросы, лица и события, которые, по-моему, должны быть написаны в старо-художественной форме, а есть другой ряд явлений и взглядов, которым должна быть прида-

на беллетристико-публицистическая форма. Именно так я и пишу: Кесарево Кесареви, а богово богови. Прогресс в том и заключается, что мы видим длинный ряд процессов дифференцирования, и литература переживает то же самое – чистое художество и художество прикладное, ибо довлеет дневи злоба его. Таким образом, громы и молнии твои против «Золотухи» разлетаются сами собой, тем более что серьезных статей никто не читает, а беллетристику читают все. Ты, например, глубоко ошибаешься, что «Золотуху» никто не читает, – напротив, ее все читают, и все читают с большим удовольствием, чему могу представить десятки свидетелей. Специально в литературе «Золотуха» для меня сделала то, что называется «литературным именем». Посвягая на «Золотуху», ты посвящаешь на меня и на мое любимое детище. У меня будет ряд таких статей об Урале, и поверь, что мне скажут за них спасибо. Конечно, они имеют временный интерес, интерес минуты, с которой и умрут, но я за вечными истинами и не гонюсь, как не гонюсь и не желаю того, что называется «славой»... Мы – рядовые солдаты, и только.

В укор нашим новым беллетристам ты ставишь западных, в том числе натуральную школу с Золя во главе. Вот поистине детский взгляд... Именно, всякая литература есть создание известного народа и известного времени. Так? На одном конце, примерно, стоит Париж и Золя, а на другом Екатеринбург и Д. Сибиряк... Получается, нечто вроде алгебраического уравнения, причем Д. Сибиряк никогда не будет дитем великой Франции, а Золя – екатеринбургским мещанином. Если бы Золя был русским, поверь, что он никогда бы не написал ничего вроде своей эпопеи «Ругон-Маккаров». Один человек стоит в центре европейской цивилизации, где учатся, ходя по улицам и дыша парижским воздухом, а другой – в стране гогов и магогов, где процветает «Екатеринбургская неделя». Естественно ли и справедливо ли требовать от нас того, чего мы не можем дать уже по условиям нашей жизни. То же самое заметь о Диккенсе и прочем боль-

шом европейском брате, причем припомни притчу Щедрина о мальчике в штанах и мальчике без штанов: русская изящная словесность и есть этот именно мальчик без штанов...

Но ничего нет хуже, Володя, наших эстетиков, взявших напрокат свои теории в западных Европах, да и то задним числом. Мы не можем захлебываться (и смаковать с эпическим спокойствием) разными психологическими эффектами и ювелирным дублированием слога. Кругом слишком много зла, несправедливости и просто кромешной тьмы, с которыми мы и воюем по мере наших сил, а для этого выработалось свое литературное оружие.

В конце концов, вопрос сводится вот к чему: потвоему, наш брат, автор, должен писать такие статьи, которые мог бы читать с удовольствием только человек салона или той буржуазии, которая тянется за салоном. Другими словами, мы должны служить золотому тельцу, дворянству, чиновничеству, псевдоинтеллигенции и т.д. Но этим людям уже служат, и ты можешь найти полное удовлетворение своим салонно-литературным требованиям в произведениях Маркевича, Сальяса, Авсеенко, в «Ниве» и т.д. Там мужика еще нет, а мы останемся с своим мужиком...

Впрочем, мы едва ли поймем друг друга. Вопрос слишком велик для такого короткого разъяснения. Твое заблуждение минует само собой по мере того, как ты из головастика превратишься в настоящую лягушку, а к тому времени мы, надеюсь, сойдемся «в мыслях». Пока достаточно и того, что ты серьезно интересуешься делом...

Твой брат Дмитрий»¹.

Из этого письма видно, с каким тактом Дмитрий Наркисович относится к младшему брату, как, вступая в дискуссию с ним, старается не отбить у него интерес к литературе и поощряет за проявленный интерес к такой сложной проблеме.

Мамин в своем творчестве никогда не станет эстетом в том виде, которого требовал от него брат. Он

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 356–357.

не сможет писать только ради удовлетворения эстетических интересов салонной публики, отгородившейся псевдоискусством от реального мира. Дмитрий Наркисович без всяких политических акцентов, словно зеркало, отражает процессы, сопровождающие смену экономической формации в России. А в зеркале мы видим себя.

Очень подробно капиталистический процесс в изображении Мамина-Сибиряка анализирует в статье, опубликованной в 1900 году, в первом номере журнала «Мир Божий» Вениамин Альбов. В отличие от своего известного однофамильца-беллетриста Михаила Альбова Вениамин Павлович остался в русской литературе почти незаметной фигурой. Сын бедного учителя, преподаватель Симферопольского духовного училища, он писал критические статьи о творчестве Чехова, публиковавшиеся также в «Мире Божьем», но о себе никаких сведений в редакцию не сообщал. В связи с этим авторство одной из лучших статей о Чехове, понравившейся самому Антону Павловичу, было присвоено Михаилу Альбову, удостоившемуся после этого звания не только беллетриста, но и критика. Редактор журнала Батюшков, давая пояснения Чехову о Вениамине Альбове пишет: «Претензий он никаких не заявляет... по-видимому, это еще молодой автор; думаю, что в нем есть серьезные задатки критика, и ценю его вдумчивость»¹.

Статья о Мамине-Сибиряке, опубликованная в двух номерах журнала, поражает глубиной анализа, предполагая высокую степень образованности автора.

Особо он выделяет очерк «Золотуха» и пишет: «...художник бессознательно для себя самого дал нечто совсем другое, – именно: капитал пользуется артельным организмом, как пружиной, которая, как нельзя лучше, помогает ему решить следующую задачу: как при наличности *minimума* благоприятных условий выжать *maximум* работы.

Капитализм властно захватывает все кругом. На

---

¹ Шалюгин Г. Я прочел статью Альбова. Электрон. источник: <http://prichal145.com/>

горных заводах и золотых промыслах он доканчивает работу предшествующих поколений; экспроприация населения идет рука об руку с безжалостными порядками промышленной свободы и конкуренции. В результате получилась та волчья воля, которая отдавала рабочие массы в бесконтрольное распоряжение заводоладельцев и промышленных компаний. В связи с этим идет развращающее и разлагающее влияние золотой лихорадки»¹. Критик подводит очерковые картинки Мамина под общественные тенденции, чего всегда избегает сам автор. Он говорит о самых серьезных проблемах художественным языком, не скрывая горькой правды жизни.

Таким образом, в своих взглядах не только на литературу, но и в целом на устройство общества и политику в дальнейшем с младшим братом он будет расходиться все дальше и дальше. Наверное, это была ирония судьбы, что Володя, ради которого Дмитрий многим пожертвовал в своих намерениях, чтобы дать ему образование, будет из всех родных ему наименее близок духовно. Возможно, это объяснялось большой разницей в возрасте между братьями, и Володя принадлежал уже к другому поколению; быть может, сыграло свою роль образование, полученное им в Московском университете и сформировавшее иные воззрения, судить об этом сложно. Но совесть Дмитрия в отношении брата была чиста, он его выучил и помог стать на ноги. И честно пытался ему заменить отца.

10.

С момента поступления Володи в университет в 1882 году Дмитрий старается делать все, чтобы брат жил в лучших условиях, чем он сам в студенческие годы, и ни в чем не нуждался. С самого начала пребывания в Москве Владимир живет на одной из самых лучших улиц города – Тверской, в меблированных комнатах Руднева. Москва ему не нравится. Сравнивая ее с Екатеринбургом, он отдает пальму первенства

---

¹ Мир Божий. № 1, январь, 1900 г.

родному городу. На что Дмитрий неоднократно убеждает его в письмах, предлагая не упускать возможностей в плане обучения и развития, предоставленные столицей.

Лучшими свидетелями взаимоотношений братьев тех лет служат почти ежедневные письма Дмитрия Наркисовича к Владимиру, в которых он откровенно и зачастую с отчаянной надеждой достучаться до юноши, охваченного максимализмом, предостерегает его от ошибок молодости, ссылаясь на свой личный неудачный опыт. Обижает Дмитрия и вызывает его полное непонимание лень Владимира в плане написания писем близким. Его долгое беспричинное молчание тревожит мать, о которой Дмитрий всегда печется и беспокоится. Он взывает к брату и просит его изменить свое отношение к переписке. *«Во всяком случае, не нужно смотреть на письма с официальной точки зрения, как на печальную необходимость, посылание «нижайших поклонов» и испрашивание родительского благословения, как это делают солдаты – письмо живая вещь. Когда пишешь письмо, не старайся писать красиво, а пиши то, что тебя интересует, что переживал или передумал. В письмах к тебе я впадаю в учительский тон – это тоже недостаток, но он выкупается желанием принести пользу своему ближнему»*¹, – пишет он Владимиру еще 7 июля 1881 года в Тюбук, где тот гостит у своего друга.

В другом письме, датированном 30 января 1883 года, предупреждает о более серьезных пороках, чем невнимание к родным. В нем Дмитрий со всей безжалостностью пишет о пагубной страсти к алкоголю. *«В новом, 83 году, твои письма, Володя, совсем застряли: одно письмо было написано от 2 янв., следующее через 10 дней, т. 12 янв., а после 12 янв. мы еще не получали твоих писем, так что, выходит, что ты не пишешь опять больше недели... Что сей сон значит? Может быть только два предположения: или ты болен, или, получив крупную сумму денег, тебе сделалось вдруг некогда писать домой. Я склоняюсь больше на послед-*

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 345-346.

нее предположение, потому что все больные люди особенно склонны писать домой.

На последнее предположение навело меня поведение Николая, пропадавшего из дому 10 дней и отысканного мной в кабаке только при помощи Погадаева. Да, Николай совсем опустиллся и дошел до того градуса, где уже люди не исправляются, а началось это падение очень просто: от одной рюмочки и только от одной – заметь это! – потому что не пей он этой первой, не было бы и последующих. А делается это очень просто: каждый молодой человек, когда пьет эту первую рюмочку, пьет ее не для собственного удовольствия, а из глупого самомнения, что ему от одной рюмочки ничего не сделается, а затем, как же отстать от товарищей... Твои редкие письма напомнили то время, когда Николаю тоже некогда было писать домой и т.д. Ум в развитии запоя не имеет никакого значения, великие люди и умом, и развитием, и напр. Ключевский, Тихонравов, Шапов и т.д. сердцем гибнут также от первой роковой рюмочки, как последние идиоты. Все эти мысли навеяны на меня твоим молчанием, а отчасти поведением Николы и еще отчасти высказанной тобой в одном письме мыслью о наследственности в нашей семье некоторых талантов к словесности. Но, заметь и заметь, передача талантов – вопрос в науке спорный и подверженный сомнению, но зато не подвержено ни малейшему сомнению то, что наследственные пороки передаются с замечательным упорством и последовательностью, а наша восходящая линия страдала упорным запоем. Пишу все это для того, чтобы ты боялся, как огня, первой невинной рюмочки и разных «некогда», которые живут на одном дворе.

До твоей поездки в Москву я считал тебя самостоятельным, но некоторые факты заставляют сомневаться в этом и поэтому я высказываю откровенно то, что у меня лежит на душе...»¹.

---

¹ Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина брату В.Н. Мамину, письмо от 30 января 1883 г., Екатеринбург. По материалам ОМПУ.

Попытка достучаться до сознания брата продолжается и дальше в письмах этого года: от 30 октября: «Сегодня, наконец, получили, Володя, твое второе письмо из Москвы, а то мы, по своему обыкновению, начинали серьезно считать тебя погибшим, а Александр Иванович даже видел приличный такому настроению сон... от печального до смешного всего несколько вершков!»¹. От 27 ноября, где Дмитрий особенно негодует на брата за непочтительное отношение к матери. «Не буду входить в разъяснение причин, почему ты не писал, скажу только, что люди работающие серьезно и много никогда не затрудняются корреспонденцией, а бездельники и лентяи всегда страдают нерасположением к письмописанию или недостатком времени. Пример сему можно видеть на твоих друзьях – Васе Знаменском и Александре Петрове. Конечно, такая беспорядочность – неотъемлемый признак гениальных натур, но, что будешь делать, все великие люди остаются непризнанными своими современниками. Обыкновенные люди, вроде Алеши Кронеберга, который живет в Москве, доходят до такой непростительной глупости, что пишут матери каждый день. Все сие пишется отнюдь не с коварной целью вытягивать из тебя письма для себя лично, – успокойся, я кажется начинаю хорошо понимать с кем имею дело, но ты не должен забывать о том, что у тебя есть мать, а также и то, что на свете есть такие междучеловеческие отношения, которые называются долгом и обязанностью. Тебе некогда написать матери, которая для нашего образования даже при жизни отца умела обходиться без кухарки, а теперь работает за четверых и которая в особенности для тебя много делала и делает... Поэтому, вероятно, ты так и платишь ей!.. Такое одолжение, подумаешь, набросать в 2 недели пять строчек, на которые требуется 10 минут, и это в ответ на все наши широковещательные и многошумящие письма, которые можно мерять на вес. Твоя болезнь не оправдывает, потому что я в прошлом году едва дышал, когда писал роман, а еще на-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 356.

ходил время писать тебе длинные письма... Это к слову пришлось, а не для самовосхваления. Из твоего поведения видно только то, что ты дурно относишься к матери, а из таких людей, поверь, никогда ничего не выходит: это против законов природы, и природа сама расправляется с такими выходками.

Моим письмам можешь обижаться и можешь не обижаться, но я пишу тебе в последний раз, потому что... ну надо же пожалеть хоть чернила и бумагу. Притом, сие чернословие нисколько не относится к нашим денежным расчетам и я совсем пишу наставления не потому, что приложил к ним 35 р. Деньги – сор... А я в особенности плохо их ценю за исключением только одного случая, именно, когда они следуют на винопитие.

Если тебе потребуются еще и еще деньги на твое нездоровье – отказу никогда не будет, как на всякое хорошее дело. Денежные расчеты не нужно смешивать с обычными человеческими отношениями.

До свидания. Остаюсь с слабой надеждой, что из моего брата может быть еще и не выйдет гениальный человек, которому везде по колено море.

Не хорошо, очень не хорошо, Володинька, поступаешь ты с мамой – запомни это. Твой брат Дмитрий»¹.

Неоднократно Дмитрий сетует на брата за то, что он не выполняет его поручений по передаче рукописей в редакции тех или иных изданий и ничего не сообщает на этот счет, в то время как для Дмитрия Наркисовича это каждый раз было архиважно. Он писал много, стараясь пристроить свои очерки в газеты и журналы, и очень ждал ответной реакции издания. Особенно его сердила необязательность брата в случае, когда он отправлял его в редакции за гонораром, который полностью поступал в его распоряжение. Надо полагать, что в это время Дмитрий Наркисович вспоминал свою юность: кабы, у него была такая поддержка в студенческие годы, он бы горы печатные свернул.

---

¹ Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина брату В.Н. Мамину, письмо от 27 ноября 1883 г., Екатеринбург. По материалам ОМПУ.

Нередко он делает брату замечания в его литературных попытках и дает необходимые советы, которые часто сводятся к собственному опыту – не искусственно надуманному, а выстраданному. *«Уметь описать предмет, по крайней мере с его главных сторон – великое искусство, которое приобретается не из книг и не от учителей, – они могут научить только грамоте, а от наблюдения предмета воочию»*¹.

Как он хотел, чтобы брат учился с учетом именно его опыта и ошибок, а не своих собственных! Не потому ли горьким отчаянием в Дмитриии Наркисовиче отозвалось известие о том, что Володя перешел с историко-филологического факультета на юридический. У старшего брата, легко владеющего пером, не находилось слов, чтобы передать глубокое сожаление семьи о поступке Володи, который он называет детским безрассудством и беспримерным легкомыслием. Но в tomto и дело, что пример такой был, о котором Дмитрий не хотел вспоминать, как о напрасно потерянном для себя времени. Пытаясь повлиять на решение младшего брата, он прибегает ко всем средствам увещевания. *«Самый тон твоего письма отзывается такой хлестаковщиной: вчера – филолог, сегодня – юрист, завтра ... Ты нас всех без ножа зарезал!.. Всего неделю назад мы получили твоих два письма: одно Маме, другое Марье Якимовне и ты ни одним словом не обмолвился, что готовишься устроить подобную глупость. Что тебе взбредет на ум – то и делаешь; поверь, что из такого бросания из стороны в сторону никогда и ничего не выйдет. Ты даже не счел нужным посоветоваться с нами... Нет горше глупости, яко глупость!!!»*². Все основания семейного протеста Дмитрий выкладывает на нескольких страницах письма. И как когда-то отец мечтал, чтобы он стал учителем, а он кидался от ветеринарии до юриспруденции, так и он убеждал теперь брата в необходимости окончания историко-фило-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 346.

² Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина брату В.Н. Мамину, письмо от 5 ноября 1882 г., Екатеринбург. По материалам ОМПУ.

логического факультета, что давало Володе надежду содержать себя и мать. Бесконечные доводы в пользу учительства, горькое сожаление о поступке брата поднимали в душе Дмитрия Наркисовича бурю эмоций, связанных с собственными безрадостными воспоминаниями и ошибками, которых уже никогда не исправить. Словно сквозь стон он пишет брату: *«Ты погнался за интересной наукой и заплатишь за это испорченной жизнью и испортишь остатки дней маме. Вся эта история твоего перехода в юристы – одно сплошное безумие!!! Ты думаешь, что в жизни только везде одни удовольствия и так называемый «труд по душе...» Поверь мне, человеку избитому и перебитому жизнью, что это все вздор и вздор!»*¹.

Трудно сказать, сколько еще писем было написано Владимиру по этому поводу, сколько слез было выплакано сдержанной Анной Семеновной и сколько нервных трубок табака выкурено Дмитрием. Видимо, не напрасно. Владимир окончил филологический факультет МГУ, а после Демидовский юридический лицей в Ярославле.

Забегая вперед, стоит сказать о том, что после окончания лицея в 1890 году Владимир Наркисович вернулся в Екатеринбург, где в течение пятнадцати лет работал адвокатом и выиграл несколько громких дел. Был среди учредителей и входил в состав правления Екатеринбургской публичной общественной библиотеки, созданной в 1899 году. Ныне это Свердловская областная универсальная научная библиотека имени В.Г. Белинского. Состоял, как и Дмитрий Наркисович, в Уральском обществе любителей естествознания. Был автором нескольких научных трудов по юриспруденции.

Избирался во II-ю Государственную Думу от партии кадетов Екатеринбурга, что вызвало неоднозначное отношение Дмитрия. В одном из писем к матери он пишет: *«Володя все время что-то молчит (в Думе – прим. авт.). Это не хорошо, а для избирателей и обидно. Его не для молчания избирали, а сказался грибом –*

---

¹ Там же.

полезай в кузов... Конечно, на настоящую Думу никто особенных надежд не возлагал, потому что набрался народ пуганный»¹.

Владимир Наркисович женился на дочери богатого екатеринбургского купца Марии Александровне Соколовой. От этого брака родился сын Олег.

Владимир Наркисович Мамин прожил недолгую жизнь, он умер от болезни в 1909 году, в возрасте 46 лет. Был похоронен на Втором монастырском кладбище, которое до наших дней не сохранилось.

11.

Новый 1884 год в творческом плане начался для Дмитрия Наркисовича очень успешно. Десятого января он получил письмо от Салтыкова-Щедрина с сообщением о том, что в первой книге «Отечественных записок» планируется напечатать первые девять глав романа «Горное гнездо», и просьбой немедленно выслать следующие главы для мартовского номера. Также в январской книжке «Вестника Европы» начинается публикация романа «Жилка: из рассказов о золоте» (в последующих редакциях «Дикое счастье»), и продолжается включительно по четвертый номер. В третьей и четвертой книгах журнала «Дело» одновременно с романом Эмиля Золя «Чем жизнь красна», словно проводя между авторами намеченную уже параллель, выходит очерк «Авва»², отнесенный самим автором к произведениям о попах.

Картины жизни духовенства, данные в этом произведении Дмитрием Маминым, свидетельствуют о хорошем знании внутренней стороны быта священнослужителей. История отца Андроника, выраженная в конфликте старого и нового поколения служителей церкви, была дана еще в очерке «Сестры», не опубликованном при жизни писателя. И как бы автор ни хотел остаться отрешенным наблюдателем, но все его невольные симпатии в «Авве» – на стороне «старого».

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 395.

² Авва (церковн.) – отец.

«Прежним попам, вроде Андроника, тогда узнают цену, когда их не будет... До сих пор в старых попах видели только смешные стороны, а хороших никто не хотел замечать. Посмотрите на отца Андроника: ведь это натура, настоящая, цельная натура, у которой все оригинально, все по-своему... Он сам навязывает себе такие недостатки, о каких новые батюшки благоразумно умалчивают. Даже самая необразованность и неотесанность старых попов имела свою хорошую сторону: раз – они стояли ближе к мужику, а второе – довольствовались самой скромной обстановкой и привычками... Новые батюшки будут ближе стоять к образованным и зажиточным классам, но они совсем разойдутся с народом, которому главным образом и должны были служить»¹.

Кроме этого социально-религиозного конфликта еще большего накала в очерке достигает конфликт нравственный, выраженный в отношениях о. Андроника и дьячка Паныши, казалось бы, его верного слуги и друга. Но эту верность дьячок не может сохранить перед угрозами и подкупом о. Георгия, представителя нового поколения духовенства. Дело доходит до того, что Паныша клеветает на о. Андроника на суде, затеянном против его друга Георгием, и, сознавая свое нравственное ничтожество, оправдывает его собственной слабостью, якобы позволенной таким мелким людишкам, как он. Иначе ведет себя о. Андроник. Он прощает всем своим обидчикам и с горечью восклицает: *«... рады-радехоньки про попа всякие глупости говорить, а сами разве лучше меня? Разве они были у меня на душе? Нашли в чем обвинять!»*². В этом восклицании гораздо больше, чем просто скорбь старого, одинокого попа по заблудшей пастве. Это философский и нравственный вопрос, неоднократно поднимавшийся в русской литературе: «А судьи кто?» Кульминация нравственного конфликта с присущим автору внешним спокойствием показана в финальной сцене, когда Паныша, потерявший от горя и раскаяния разум, пол-

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 6. С. 76.

² Там же. С. 93.

зает на коленях перед телом о. Андроника, умершего от паралича, вызванного клеветой и злыми наговорами, и кричит, хватая себя за жиденские косицы:

« – Авва...авва...авва!»

Положительная рецензия на очерк была опубликована в рубрике «Журнальное обозрение» газеты «Неделя» № 22, в которой автор сравнивает двух беллетристов и буквально пишет: «Весьма известный г. Боборыкин и почти неизвестный г. Сибиряк кончили: первый – свою повесть «Без мужей» («Вестник Европы»), второй – «Авва» («Дело»). Сравнивая сочинителя весьма известного с почти неизвестным, приходится отдать предпочтение последнему. А почему, – о том говорит мое сегодняшнее обозрение.

Месяца два тому назад я обращал внимание читателей на разряд наших беллетристов, которых я называл корреспондентами о нравах. Поводом к тому были гг. Кротков, Забытый, Немирович-Данченко и тот же Сибиряк»¹.

Далее рецензент объясняет, что он вкладывает в понимание определения «корреспондентов о нравах», отведя им роль «изобразителей культурного уровня массы». И оценивает назначение беллетристики. «Для практических целей текущей минуты беллетристика служить не может. Она незаменима для будущего историка, для общего самовоспитания людей, но не для мелких практических указаний и не для обрисовки текущей жизни массы. В последних двух случаях на первый план выступают именно наши корреспонденции «о нравах»»². А дальше прибегает к непосредственному сравнению двух авторов: «Г. Сибиряк, как мы уже видели по его замечательному «Горному гнезду», пишет, не мудрствуя лукаво. Так же написан и его последний рассказ «Авва» («Дело» № 3 и 4). [...] Повторяю, г. Бобырыкин, как корреспондент, – пока первенствующий беллетрист: умный, образованный, предприимчивый, много видевший и прекрасно передающий. И талантливый г. Сибиряк может быть по-

---

¹ «Неделя», № 22, 1884 г.

² Там же.

ставит ему в поучительный пример воздержания от непосильных задач»¹.

Само сравнение с «первенствующим беллетристом» – говорило о достижении г. Сибиряком определенного уровня в литературе, а уж то, что ему в данном случае было отдано предпочтение, являлось серьезной заявкой на будущее.

Как же долог и труден был этот бесконечный путь к настоящему признанию в литературе...

Возвращаясь к очерку «Золотуха», который Дмитрий Наркисович так рьяно защищал перед младшим братом, стоит вспомнить о том, что он обещал создать целый ряд таких статей об Урале. «Золотуха» положила начало «Уральским рассказам» – самому известному и признанному литературному циклу Мамина-Сибиряка, многие произведения которого были созданы в 1884–1885 годах.

В конце августа 1884 года он приступает к работе над очерком «Башка. Из рассказов о погибших детях», который выходит в ноябре в «Русской мысли». Месяцем раньше, в октябре в «Вестнике Европы» за подписью «Д. Мамин» публикуется рассказ «На шихане. Из записной книжки охотника». В декабре завершена работа над очерком «Родительская кровь», опубликованном за подписью «Д. Сибиряк» в пятой книге «Вестника Европы» в 1885 году. В шестой книге «Русской мысли» за той же подписью – «Из уральской старины», в двенадцатой – «Поправка доктора Осокина». В двенадцатом номере «Наблюдателя» – «Гроза».

«Уральские рассказы» отдельным изданием в двух томах впервые вышли в 1888–1889 годах. Второй том в 1889 году в том же составе был напечатан вторым изданием. С незначительно измененным порядком расположения тринадцати произведений «Уральские рассказы» в трех томах вышли в 1889 году. Это издание без существенных изменений было перепечатано в 1905 году (издание Е.П. Ефимова, тт. 1–3).

Сам автор считал «Уральские рассказы» лучшим из

---

¹ Там же.

того, что он написал. Это цикл не обошли стороной многие из современных ему критиков, отмечая в «рассказах» так много достоинств, будто решили одарить признанием писателя за все предшествующие годы его труда и терпения. Елена Колтоновская отмечала: «Его родной, сказочный Урал – тут весь, со своей дикой красотой, с дремучими душистыми лесами... Но Мамин дает не только Урал, а и Русь. И несправедливо называть его областным писателем или этнографом, как это иногда делают. Для Мамина Урал только великолепная рамка. На фоне уральской первобытности еще резче выступают коренные общерусские черты; тут они сохранились во всей неприкосновенности, ничем неприкрытые и незамаскированные»¹. Далее критик вспоминает картины передвижников, найдя общее между лесами Шишкина, морями Айвазовского – и пейзажами Мамина: «В них захватывает жизнь целого». Так оно и есть, какой бы из рассказов не открыл, тут же погружаешься «в жизнь» целостного организма – весеннего сплава («Бойцы»), беглых каторжников («Летные»), женского бесправия и возмездия («Отрава»), приисковой жизни («Золотуха»), охотничьей одиссеи («На шихане», «Гроза»). Неотъемлемый уральский колорит, богатая народная образность и глубочайший психологизм характерны для каждого произведения этого цикла.

Искренность в отношении к своим героям подкупает критиков и читателей. В журнале «Русская мысль» № 11 за 1888 год в «Библиографическом отделе» анализируется беллетристика: «Уральские рассказы», т. 1, Мамина-Сибиряка и «Морские рассказы» К.М. Станюковича. Автор рецензии, отметив, что Мамин первыми своими произведениями, печатавшимися в «Русской мысли» и в «Вестнике Европе», «сразу выдвинулся на очень видное место в рядах молодых русских беллетристов», тут же высказался о цикле «Уральских рассказов». «Особенную прелесть рассказам г. Мамина придает полная их правдивость, отсутствие деланности

---

¹ Колтоновская Е. В стороне от главного русла. Д.Н. Мамин-Сибиряк // Вестник Европы, февраль, 1913 г.

или придуманности. И, с тем вместе, это не фотография, не рабские воспроизведения действительности, не протокол записи: это – художественные снимки с натуры, в них настоящая, подлинная (как говорит Гл. Ив. Успенский) жизнь бьет ключом, потому что рассказы об этой «подлинной» жизни одухотворены подлинным талантом и к бытию вызваны неподдельною, горячею любовью к тем людям, о страданиях и радостях которых повествует автор»¹.

«Уральские рассказы» – это не просто название цикла и не только этнографическая привязка, это гораздо больше – проникновение в природу человека и ее взаимосвязи с общим мироустройством. Это человеческие инстинкты и качества, выработанные образом жизни, это стихийность природных сил и основательность характера, противостоящего им. Особенность этого цикла отмечает и Евгений Аничков в очерке «Мамин-Сибиряк». «На каждом шагу интересные люди и интересные события. На каждом шагу необычные, сильные чувства, необычные характеры. Все блестит своим собственным отблеском и чувствуется какая-то особая чисто русская красота, заветная и родная даже тому, кто никогда не был на Урале... Тянет туда именно ради того русского и даже старо-русского, что сохранилось в этой природе, что уцелело и в этих людях, знающих такие тайные раскольничьи скиты и не утративших чисто русскую обстановку жизни, чисто русскую полународную речь, русские суеверия и русские обычаи»².

Размышляя о назначении Мамина, Аничков, как и Колтоновская, выводит его за рамки регионального писателя, восхищаясь его масштабностью и своеобразием: «О г. Мамине принято говорить, что он знает Урал и открыл нам его. Нет, г. Мамин не только знает Урал, он еще гораздо более влюблен в него. [...] Но это вовсе не патриотизм местного человечка, восхищающегося богатством своего края. Г. Мамин шире этого. Противопоставлять Урал остальной России ему не при-

---

¹ Русская мысль. № 11, 1888 г.

² Аничков Е. Мамин-Сибиряк // Мир Божий, октябрь, 1905 г.

ходит и в голову. Нет у него особой слабости и к уральскому люду. Он всегда изображает свою родину как место, куда стекаются люди со всех концов. Кого только нет в его рассказах? И хохлы, и немцы, и русские ссыльные, и петербургские слетыши. Стоит им, однако, попасть на Урал, и они сразу как-то меняются; они сразу становятся интереснее, ярче, живее»¹.

Большинство уральских рассказов было написано Дмитрием Наркисовичем с натуры, то есть, происходящее действие он наблюдал в жизни. Но иногда сюжет был ему подсказан кем-то из собеседников. Как, например, история, отраженная в рассказе «Башка», которую поведал брату Николай Мамин. Он же и шутил, что подпись под произведением должна стоять не «Д. Сибиряк», а «Братья Мамины». Дмитрий удивительно запоминал рассказы со стороны и умел их перерабатывать.

В черед «Уральских рассказов», где действия зачастую происходят в тайге, горах, на приисках, лесной заимке или старообрядческих дворах, «Башка» стоит несколько особняком, так как показывает жизнь босняков на городской улице. В основном в кабаке под названием «Плевна», где собирается общество, принадлежащее в прошлом не к простолюдинам. Это бывший семинарист, бывший гимназист, бывшая актриса. Теперь все – спившаяся братия, промышлявшая для того, чтобы пропустить очередной стаканчик. И главный герой Башка, на первый взгляд, только и отличается от других тем, что умеет лучше других промышлять, искать различные варианты опохмелки. В «Плевну» его привела не только судьба многих бурсаков, оказавшаяся для него настоящим бурсацким «чистилицем», но и отсутствие «винта одного в мозгах» – формула, согласно которой был «очень уж башковат» и горд через меру. *«Сознание собственной силы и превосходства над окружающими сделало его несчастным, как и многое множество других талантливых русских выроdkов, кончивших роковым «общим знаменате-*

---

¹ Там же.

лем», как называл Башка кабак»¹ – типичная для России трагедия «горе от ума», не миновала Башку. Пропитая кабацкая публика, уважая и побаиваясь его, вряд ли могла угадать, какая душа скрывается под грязными лохмотьями. А душа болела, приводя к философским размышлениям: « – Странная вещь этот огонь, – задумчиво говорил Башка, глядя на переливы пламени. – Это стихийное начало, с одной стороны... с другой, символ очищения, прообраз домашнего очага, величайшее приобретение для ветхого человека и неутомимый работник для нового»². У Башки не было семейного очага, более того, он слыл непримиримым женоненавистником. И вот одна роковая встреча... и завсегдатаи «Плевны» стали с удивлением смотреть на своего кумира. Встреча с пьющей, опустившейся женщиной по кличке Фигура, бывшей актрисой, и ее другом Медальоном вносит полную сумятицу в его душу и существование. Новое, хорошее чувство ему не понятно, и он изо всех сосредоточенных сил борется с ним. А не сумев победить и поддавшись разлившемуся в душе теплу и привязанности, оказывается осмеянным и униженным Фигурой и пьяной толпой. *«После этого Башку никогда не видали в «Плевне», он исчез навсегда из Пропадинска»*³. И название города, и подзаголовок «Из рассказов о погибших детях» придает особый трагизм всей истории.

Этот рассказ привлек внимание Льва Толстого. В письме к матери от 8 октября 1893 года Дмитрий Наркисович писал: «Толстой в восторге от моего рассказа «Башка» и сам читал его вслух своей семье». Оценил его и другой известный писатель, Максим Горький: «Рассказ производит сильное впечатление, еще раз доказывая, что иногда и грязь не мешает человеку блеснуть алмазами духовной красоты»⁴.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 3. С. 310.

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 317.

⁴ Там же. С. 447.

В 1902 году вышел четвертый том «Уральских рассказов», куда вошли произведения «Озорник», «Переводчица на приисках», «Доброе старое время», «Верный раб», «Вольный человек Яшка». В них с новой силой проявилось естественное для Мамина соответствие богато одаренной и сильной природы с такими же богато одаренными и сильными личностями. Особенно в этом плане показателен рассказ «Вольный человек Яшка», впервые опубликованный в газете «Русские ведомости» в 1893 году и многократно издаваемый отдельным изданием в 1898, 1900, 1902, 1907 годах. В 1901 году был включен Маминым в состав «Уральских рассказов».

Действие повествования нас вновь возвращает на реку Чусовую, по которой глубокой осенью идет последний караван. Покинув «камни», он наконец-то выходит на широкую и тихую часть реки, где для измученных бурлаков наступает относительный отдых. Из их общей массы сразу же выделяется Яшка, как непутевый человек. Даже портрет Яшки – *«весь какой-то взъерошенный, кривой на один глаз – одним словом, не настоящий мужик, а так, мякина в зерне»*¹ вызывает иронию читателя. Да он таков и есть, и все над ним помирают со смеху. В одних портках и пестрядинной² рубахе, без какой другой одежки, прежде пропитой, он вызывал у всех плывущих на барке не жалость, а смех. Еще больше насмешек удостаивались его рассказы о том, что был он когда-то заядлым охотником, стрелял дичь и знал все ее повадки. Ну кто поверит ему, непутевому человеку?

Ночью наступил пронизывающий холод и выпал снег, покрывший барку. Снег летел на бурлаков, дрожащих от холода. Все хотели горячей еды и тепла. Кто хоть раз ощущал студеность северных рек, их сковывающее, колдовское дыхание, тот умеет ценить горький запах дыма шающих, а не горящих мокрых поленьев и с трудом вскипяченную кружку воды. Бурлаки

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 4. С. 545.

² Пестрядь – грубая льняная или хлопчатобумажная дмотканная ткань из разноцветных ниток.

попрятались под корму, куда не попадал хотя бы снег. И только Яшка почти раздетый спал под мокрой рогожкой, засыпанный снегом. Он, конечно, был непутевый, но еще вольный человек, привыкшей проводить ночь на открытом воздухе, а зимой спать прямо в снегу.

А днем случилось нечто невероятное. *«Над баркой с гоготаньем тяжело кружились дикие гуси. Обессилившая птица, застигнутая ранним снегом, падала в реку. До десятка гусей с какой-то отчаянной решимостью сели прямо на барку. Последнее было тем более удивительно, что дикий гусь – очень осторожная птица и не подпустит охотника на несколько выстрелов»*¹. Все бросили работу и стали ловить легкую добычу. С отчаянным воплем бежал по барке и Яшка, но совсем с другой целью – он просил и требовал, чтобы люди не трогали птиц: *«Братцы, миленькие, не троньте божью тварь!.. Разве можно ее трогать в такое время?»*². Вырывая обезумевшую птицу из ловких рук баб, поглаживая и успокаивая гусей, он выпускал их на волю. И умилялся тому, что такая смиренная птичка, ищет у человека защиты. *«Яшка торжествовал и даже перекрестился, спуская последнего гуся»*³. В то время как в Перми, куда шел караван, можно было продать такую птицу по целковому⁴ за штуку, купить ружье и одежду, не говоря уже о том, чтобы приготовить горячее варево и согреться тут же на барке.

Удивительным образом в короткой форме рассказа автору удалось сконцентрировать мысль о каком-то высшем миропонимании. Его невзрачный, непутевый Яшка в невероятной для всех ситуации становится средоточием величайшей мудрости и гуманизма. Нельзя бить слабого и незащитного даже ради собственного насыщения и спасения, нельзя предавать того, кто доверил тебе свою жизнь, нельзя, если даже это не человек, а птица. Он чувствовал птицу, ценил ее свободолюбие и ум, когда они были в равных условиях

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 4. С. 549.

² Там же. С. 550.

³ Там же.

⁴ Целковый – серебряная монета достоинством в 1 рубль.

в лесу, и не мог принести ее в жертву ради сиюминутной выгоды, преступив в себе ту нравственную черту, которая отделяет дозволенное от недозволенного. Хотя вряд ли Яшка задумывался о такой философии, он просто жил, следуя своему внутреннему ощущению – вольного человека, части целой уральской природы.

Все «Уральские рассказы», как впрочем, и другие произведения Мамина-Сибиряка, созданы выразительным языком, о чем очень точно пишет Елена Колтоновская. «Маминский язык не только красив, но и своеобразен. Его не смешаешь с языком другого писателя. Особенность его – чисто русская музыкальность и сочная колоритность; народные эпитеты и обороты, разные уральские и старорусские словечки, которыми он пересыпан, не нарушают его напевности и органической гибкости, а лишь придают ему живость и характерность. Оригинальная красота маминской речи сказывается в тех именно произведениях, которые больше всего говорят о нем самом, где он наиболее самобытен, напр., в его «Уральских рассказах»¹.

Состав этого цикла был определен самим писателем, и сегодня он печатается в соответствии с концепцией автора. Но под определение «уральских рассказов» в широком смысле этого выражения могут подойти многие произведения, написанные Мамин-Сибиряком в разные годы. В 1884 году впервые отдельным изданием с рисунками известного русского живописца Константина Савицкого выходит замечательный, широко известный рассказ «Емеля-охотник», выпущенный в издательстве Фрёбелевского педагогического общества² в Санкт-Петербурге, в серии «Рассказы для детей младшего возраста», и награжденный медалью этого общества. Литературное и педагогическое сообщество единогласно отмечало гуманизм этого

---

¹ Колтоновская Е. В стороне от главного русла. Д.Н. Мамин-Сибиряк // Вестник Европы, февраль, 1913 г.

² Фрёбель Фридрих – немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания, разработавший идею детского сада. В XIX веке в России создавались просветительские и благотворительные педагогические общества, следующие теориям Фрёбеля в плане создания системы раннего детского воспитания и развития.

произведения. Рассказ много раз выходил отдельным изданием и в составе сборников для детей.

В октябре того же года в журнале «Наблюдатель» публикуется «Золотая ночь. Из рассказов о золоте», которую сам Мамин относит к рассказам о приисках. А с первого сентября он начинает работу над романом «На улице».

12.

Успешный литературный труд мог не только кормить. Дмитрий Наркисович давно уже подумывал о покупке собственного дома для всей семьи. Снимать жилье и переезжать с квартиры на квартиру, было хлопотно и ненадежно. Очередной адрес по которому проживала семья Маминых в Екатеринбурге, находился по улице Офицерской, ныне Пролетарской, в доме Черепанова. И вот в марте 1885 года свершилось – Дмитрий Наркисович купил дом по улице Соборной, ныне Пушкина.

Покупка состоялась на гонорар, полученный от публикации «Горного гнезда» и «Приваловских миллионов». Правда еще пятьсот рублей пришлось взять в долг, но теперь Дмитрий был уверен, что сможет его вернуть.

Сохранившийся документ, «Выпись из крепостной книги Екатеринбургского нотариального архива от 9 марта 1885 года о покупке Маминым Дмитрием Наркисовичем дома и домово́й усадьбы в Екатеринбурге по Соборной»¹, отражает процесс сделки.

«Страница сто вторая № 4.

Леонид Алексеевич Григорьев Екатеринбургский нотариус к нему явились в контору его по Покровскому проспекту, в дом Гофмейстера, лично ему известные и имеющие законную к совершению актов правоспособность: Статский Советник Виктор Николаевич Мылов и Потомственный почетный гражданин Дмитрий Наркисович Мамин, живущие в Екатеринбурге, первый по Разгуляевской улице, в доме Вандышева,

---

¹ Ф. 316, оп.1, ед. хр. 133.

а второй по Колобовской улице в доме Алексеевой... с объявлением, что они – Мылов и Мамин желают совершить акт купли-продажи недвижимости».

Подробно перечисляются все площади, измеренные в аршинах, сколько «спереди улицы», сколько «сзади». Мамин денег серебром должен выплатить 2400 рублей, а продавец «кои получить по утверждению этой купчей»¹.

В этом доме семья Маминых-Удинцевых жила более тридцати лет. Позже, в 1946 году, здесь был открыт литературный музей им. Д.Н. Мамина-Сибиряка.

А тогда, в 1885 году почти весь уездный город Екатеринбург находился на территории, которую сегодня занимает центр города. Улица Соборная выходила к площади с одноименным названием, вымощенной брусчаткой, на которой возвышался Екатерининский собор. От него шел спуск к реке Исети, а на пути стояла водонапорная башня с каменным нижним и деревянным верхним этажом, сохранившаяся до наших дней. Параллельно улице Соборной шла Колобовская, ныне Толмачева. Она выходила на Главный проспект, улицу Ленина, а на углу в первом этаже большого каменного дома находились магазины «Детский мир», «Китайский чайный магазин» и купеческие лавки. Второй этаж занимал «Меблированный дом «Пале-Рояль»». На противоположном углу в одноэтажном здании с большими окнами, выполненными в виде арок, расположилось «Т-во Ф. Реддавей и Ко», а рядом портной «З.Ф. Сенилов». В другом доме – магазин «Т-во А. Носов, К. Тагильцев и Ко». Основным транспортом зимой и летом был гужевой, а попросту говоря, извозчики.

Если от дома Севастьянова, построенного в XIX веке на берегу Городского пруда и известного каждому жителю города бросающейся в глаза нарядностью и изяществом архитектуры, пройти мимо Музея камнерезного искусства, размещенного в здании бывшей аптеки Екатеринбургского горного ведомства (построенной в 1821 году по проекту известного архитектора Михаила Павловича Малахова), повернуть налево и

---

¹ Ф. 316, оп.1, ед. хр. 133.

дойти до улицы Пушкина, то совсем скоро выйдешь к дому № 27 с деревянными воротами, прикрывающими зеленый дворик. Это – дом Маминых.

Рассказывая о создании литературно-мемориального музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге, стоит обратиться к статье Елены Константиновны Полевичек, главного хранителя фондов Объединенного музея писателей Урала с 1987 по 2010 годы, члена ученого совета музея: «История формирования фонда Д.Н. Мамина-Сибиряка в Музее писателей Урала»¹.

Пожелание создать музей Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге впервые прозвучало в завещании его дочери Елены Дмитриевны Маминой. Далее инициатива исходила от общества «А.П. Чехов и его эпоха», которое действовало при Румянцевском музее в Москве (сегодня – Российская государственная библиотека). В связи с чем 21 августа 1926 года была образована специальная Комиссия по увековечению памяти Д.Н. Мамина-Сибиряка, в которую вошли писатели Викентий Викентьевич Вересаев, Николай Дмитриевич Телешов, Игнатий Николаевич Потапенко, Сергей Яковлевич Елпатьевский, племянник Мамина – Борис Дмитриевич Удинцев, и другие. Они обратились в Свердловск, где в то время еще жили люди, знавшие писателя, и был дом на улице Пушкинской, 27², приобретённый им лично. К тому же в Уральском обществе любителей естествознания хранились рукописи, оставленные Маминым в дар городу в 1891 году, личные вещи, переданные вдовой писателя в 1916–17 годах, и часть библиотеки.

Призыв москвичей нашел горячий отклик на Урале. И при Уральском областном бюро краеведения образовалась Маминская подкомиссия, которую возглавил Сергей Аристархович Удинцев, общественный деятель, краевед и родственник Дмитрия Наркисовича. Под его руководством уже 27 декабря 1926 года была

¹ Полевичек Е.К. История формирования фонда Д.Н. Мамина-Сибиряка в Музее писателей Урала // Материалы практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Д.Н.Мамина-Сибиряка. Екатеринбург, 2002.

² Улица Пушкинская переименована в ул. Пушкина в 1988 г.

открыта первая выставка личных вещей Мамина-Сибиряка, тогда же на краеведческой конференции прозвучал его призыв о том, что «Маминский уголок должен послужить началом организации литературного музея в Свердловске». Главная задача которого состояла бы в сборе и хранении материалов, относящихся к жизни и творчеству писателей-уральцев. У комиссии было много замечательных идей, многие из которых были воплощены в жизнь. В том числе выход в 1936 году сборника воспоминаний о Дмитрие Наркисовиче его современников. Книга была напечатана тиражом пять тысяч экземпляров, и по сей день она является бесценным первоисточником в плане изучения жизни и творчества писателя. Конкретным документом, утверждающим решение о создании в Свердловске литературного музея им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, стало постановление областного исполнительного комитета от 8 марта 1940 года. Главная задача музея определялась так: «Ознакомление широких масс трудящихся с жизнью и деятельностью наиболее выдающихся уральских писателей, содействие научному литературоведческому изучению литературного наследства Урала». Музей должен был располагаться в маминском доме по адресу: улица Пушкинская, 27. Быстрому осуществлению этого намерения помешала Великая Отечественная война. Открытие музея состоялось уже после ее завершения, 1 мая 1946 года.

Еще в 1926 году в состав маминской подкомиссии вошел Павел Петрович Бажов. До последних дней жизни он руководил работой ученого совета музея и проведением маминских конференций.

Самое большое поступление личных вещей Дмитрия Наркисовича Мамина в литературный музей произошло при непосредственном создании экспозиции во время передачи их в 1946, 1948, 1949 годах Свердловским краеведческим музеем, в свою очередь унаследовавшим их от УОЛЕ.

В 50-е годы под руководством директора Т.Н. Мыслиной был создан большой фонд фотокопий и микрофильмов произведений Мамина-Сибиряка, а также

рукописей и первых публикаций, его писем и документов. Источниками копий были разные архивы Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга).

Таким образом, к концу 50-х годов XX века сложилась определённая структура фонда Д.Н. Мамина-Сибиряка – личные вещи писателя, книги из его личной библиотеки, автографы писем, фотографии, копии произведений и документов, журналы с первыми публикациями, прижизненные издания книг, воспоминания о писателе и так далее.

Тесную связь с музеем поддерживали Борис Дмитриевич Удинцев и его сестры – Наталья Дмитриевна и Анна Дмитриевна. Борис Дмитриевич принимал активное участие в создании первой экспозиции 1946 года. В 1971 году семья Удинцевых передала в музей на хранение большой комплекс предметов, документов и фотографий, книг. Это поступление оказалось самым значительным для маминского фонда после 1946-1949 годов.

Фонд писателя пополнялся все последующие годы, на сегодняшний день это интереснейшее собрание документов и книг имеет неоценимое значение в изучении жизни и творчества Мамина-Сибиряка. В разные годы большую роль в развитии музея и пополнении фондов сыграли Инна Ивановна Куликова, Ирина Ивановна Степанова, Анжелика Ивановна Рязанова, Лидия Александровна Худякова.

Как и прежде, о появлении гостя на пороге в маминском доме извещает колокольчик. Хочется снять пальто и дожждаться, когда откроются двухстворчатые двери, выйдут хозяева и тебя пригласят в комнаты. Ждать приходится недолго.

Заведующая музеем Надежда Прокопьевна Крякунова любезно открывает двери в кабинет писателя. Внутренне замираешь, «невольнo снимая шляпу» даже перед вещами, которых касался Дмитрий Наркисович.

Кабинет писателя – «святая святых». Просторный, удобный, где все находится под руками – настоль-

ная лампа, блокнот, стаканчик для карандашей, портрет М.Е. Салтыкова-Щедрина и другие предметы на письменном столе. На стене акварель «Вид на Чусовую», выполненная самим Дмитрием Наркисовичем. Под картиной полочка каслинского литья с бюстом А.Н. Толстого. Несложно перенестись во времени назад и ощутить присутствие домочадцев.

За стеклом окна, чуть подпернутого осенними слезами, размываются красные грозди рябин. В кабинете тихо, от высокой печи-голландки исходит ровное тепло и спокойствие, здесь ничто не отвлекает от творчества. Только вызывает воспоминания о юности большая картина маслом «Река Чусовая» слева на стене, написанная другом писателя, художником Алексеем Денисовым-Уральским в 1895 году, с дарственной надписью: «От автора Денисова Дм. Н. Мамину-Сибиряку». Справа от стола – книжный шкаф с книгами – любимыми и необходимыми. На стенах фотографии близких – матери и жены, Марии Якимовны. Здесь он был окружен вниманием и любовью. И мог писать – много, самозабвенно...

После отъезда Дмитрия Наркисовича из Екатеринбургa обстановка кабинета долгое время сохранялась его родственниками. И была восстановлена в новой экспозиции музея по воспоминаниям племянника писателя.

Но обратимся к истории музея. К началу семидесятых годов дом нуждался в реставрации. Необходимые реставрационные работы были проведены в период с 1973 по 1977 годы. Вот что рассказывает Надежда Прокопьевна Крякунова, которая пришла работать в музей в 1973 году, сразу после окончания университета.

– Приближался юбилей Мамина-Сибиряка, 125 лет со дня рождения. К этой дате готовили и сам дом, и новую экспозицию. Одновременно обсуждалась идея создания нового литературного объединения.

Новая экспозиция имела и новую концепцию. Главным было стремление к большей подлинности, достоверности, мемориальности. Были воссозданы отдель-

ные уголки дома семьи Маминых – кабинет писателя и комната матери. Информацию о жизни и творчестве Дмитрия Наркисовича представили в стеновых витринах. Следующий раз экспозиция обновлялась в 1989 году, появились новые документы и предметы быта. Витрины были заменены на более изящные из бука, но концепция осталась прежней.

А вот к 150-летию Мамина встал вопрос о том, чтобы экспозицию полностью сделать мемориальной. Теперь главной стала идея – жизнь семьи в доме.

Очередную экспозицию коллектив оформлял под руководством Надежды Крякуновой. Из Москвы был приглашен художник Авет Александрович Тавризов.

Денег, как всегда в таких случаях, было немного. Мамину и теперь его дом давался нелегко. Тавризов, учитывая пожелания музейщиков, заказал изготовление специальной мебели, которая бы выполняла функцию витрины, в то же время являясь элементом интерьера. Мебель и сегодня стоит в доме, удивляя посетителей не только сходством с оригиналом XIX века, но и своей функциональностью. Литературное творчество, информация о нем внешне спрятана с глаз посетителей, но присутствует внутри дома, как и подобает всякому творческому процессу – быть внутри. Художник нашел потрясающий ход.

Вот в комнате Елизаветы, сестры писателя и всеобщей любимицы в семье, стоит подлинный стол, за которым она работала, став преподавателем, а напротив буфет с бытовыми предметами того времени и посудой. Проникнувшись атмосферой, которую создают в том числе размещенные на стенах фотографии старого Екатеринбурга, гравюры того времени, в который раз бросаешь взгляд на буфет. Казалось бы, это подлинный свидетель жизни семьи. И в который раз заведующей музеем приходится признаться, что буфет как раз из той мебели, что сотворена в патриарших мастерских. Раскрыв его дверцы, вынув ящики, она демонстрирует внутренние витрины, где содержится информация об истории создания трех романов – «Приваловских миллионов», «Горного гнезда» и «Трех

концов», еще раз подтверждая этим великолепное решение литературной экспозиции!

По такому же принципу устроена и конторка в комнате, где рассказывается о братьях Николае и Владимире. За этой конторкой старший брат переписывал рукописи Дмитрия перед отправкой в различные издания. На конторке лежит первая страница рукописи рассказа «Башка». В основу сюжета этого произведения легла история, поведенная писателю Николаем.

В 2014 году, в честь 130-летия выхода рассказа, в музее организована выставка под названием «Башка» и другие...». К теме босячества, раскрытой в этом рассказе, Мамин-Сибиряк обратился раньше Горького, который считал маминский рассказ одним из лучших, говоря, что он производит очень сильное впечатление на читателя. Затронут на выставке и аспект взаимоотношений этих двух писателей, проводится параллель между их произведениями, поднимающими проблему людей «дна». Истории создания рассказа, его прототипам, отзывам о нем великих русских писателей и посвящена выставка, где представлены не только экспонаты из фондов музея, но и воссоздан уголок кабака «Плевна», описанного в «Башке», что дает возможность попасть в атмосферу трактирной жизни, главным героем которой был бывший семинарист.

Возвращаясь к конторке, с интересом узнаем, что внутри нее «спрятаны» «Уральские рассказы» и сведения о демократической литературе, к которой был близок Дмитрий Наркисович. Здесь же Мамин представлен как драматург. В октябре 1887 года журнал «Наблюдатель» опубликовал пьесу Д.Н. Мамина-Сибиряка «Золотопромышленники». В ноябре она была поставлена в Екатеринбурге, а спустя месяц в московском театре Корша. Эту постановку видел Владимир Наркисович. В экспозиции представлена первая публикация пьесы «Золотопромышленники», а также рукопись второй редакции под названием «На золотом дне».

Напротив комнаты братьев – комната матери. Анна Семеновна прожила в этом доме двадцать пять лет,

до самой своей смерти в 1910 году. В то время, когда Дмитрий Наркисович жил в Екатеринбурге, ее комната называлась чайной. Здесь по вечерам собиралась вся семья и за чайным столом обсуждались новости. Анна Семеновна, как и во многих произведениях писателя, незримо присутствует в этом доме, согревая его своим материнским теплом. В комнате все восстановлено так, как было при ней. Кровать, накрытая покрывалом, с подзорами. В левом углу у входа в комнату стоит швейная машинка «Зингер». В красном углу – икона с лампадкой. На стене – портрет Наркиса Матвеевича, на столе – альбом с семейными фотографиями, украшает интерьер вышивка крестом, выполненная ее руками, и ковер на полу, принадлежавший семье. На всем видна печать заботливой руки хозяйки дома.

Свидетелями сыновней признательности матери служат купоны денежных переводов от Дмитрия Наркисовича из Петербурга, конверты писем от него с почтительной надписью «Ее высокоблагородию Анне Семеновне Маминой»...

После того, как Елизавета Наркисовна в 1890 году вышла замуж за Дмитрия Аристарховича Удинцева, Мамины-Удинцевы начали реконструкцию дома и завершили ее в 1900 году. Дом был облицован кирпичом, были пристроены столовая, прихожая и комната для Николая.

Сегодня в столовой – справа у стены пианино с подсвечниками. Над ним – большая фотография семьи Удинцевых 1915 года, последних обитателей этого дома. В кресле с высокой спинкой – Елизавета Наркисовна. В центре комнаты – стол, накрытый белой скатертью с кистями, на столе – самовар. В горке – стаканы и бокалы из фарфора, принадлежавшие семье Маминых. Часы на стене, купленные Наркисом Матвеевичем еще в Висиме. В правом углу – этажерка с прижизненными изданиями некоторых детских книг Дмитрия Наркисовича и журналов, с которыми сотрудничал писатель. Над этажеркой акварель Аленушки, дочери писателя, под названием «Домик

в Павловске». На журнальном столике – фотография Аленушки с Ольгой Францевной Гувале и открытка, написанная детской рукой, начинающаяся словами «Милая мама...».

На стенах, как в каждом доме того времени, много портретных фотографий – Ольги Францевны и Дмитрия Наркисовича с дарственной надписью жене, а также любительская семейная фотография, на которой в числе прочих запечатлена родная сестра Марии Морицовой Абрамовой – Лиза Гейнрих (в будущем Куприна), которая десять лет жила и воспитывалась в доме Маминых, рассказ о ней еще впереди.

В одной небольшой комнате – переплетение судеб, как переплетение кружев на фамильной скатерти: любовь и страсть, боль и разлука, верность и предательство, служение литературе и отечеству. Сама жизнь...

Стоит сказать несколько слов о Николае Наркисовиче Мамине. Не случайно для старшего сына Анна Семеновна выделила в доме отдельную комнату. К сожалению, обладая большими способностями, Николай, больной алкоголизмом, не смог найти им применения. Анна Семеновна постоянно переживала за сына и никогда не отказывала ему в сочувствии и сострадании.

Николай Наркисович одно время служил канцеляристом в Екатеринбургской епархии. Передавал Дмитрию нелегальные факты из жизни духовенства, за что часто был изгоняем церковниками и переходил с места на место, не имея постоянного заработка. Он был способным и талантливым человеком: играл на скрипке и гитаре, хорошо пел, был замечательным рассказчиком, отличным переплетчиком, грамотным писарем. Обладал хорошей памятью и чувством юмора. Он всю жизнь поставлял Дмитрию Наркисовичу различные сюжеты для его произведений. И жил на его содержании. Дмитрий не только оплачивал труд брата-переписчика, но и поддерживал его морально. Однажды подарил ему серебряные часы, которыми старший брат очень гордился, но быстро спустил в кабаке. Понимая пагубную зависимость Николая от

вина, Дмитрий все равно его жалел и как мог, боролся за его существование. Николай время от времени жил в Арамиле у священнослужителя отца Андрея. Прожил он 66 лет, не женился и не оставил после себя детей. Похоронен в Екатеринбурге на Ивановском кладбище. Могила до наших дней не сохранилась.

Семья и Урал – это то, чем Дмитрий Наркисович дорожил всю свою жизнь.

– Уральский период был большим, очень значимым и самым активным в творческой деятельности Дмитрия Наркисовича, – подводит итог Надежда Прокопьевна Крякунова. – О нем мы рассказываем в двух комнатах дома. В столовой представляем литературу, написанную для детей. В бывшей кухне – последний, петербургский период. Уральский период – самый насыщенный для писателя. Мамина сделал Урал. Он был напитан уральскими корнями во всех смыслах – нравственном и физическом, это была его стихия, его опора. И широкие эпические полотна он написал только здесь.

13.

После успешного 1884 года в начале 1885 года у Дмитрия Наркисовича наступает некоторое творческое затишье, хотя и относительное. Он по-прежнему много пишет, почти каждый день отправляя толстые конверты в различные издания. Не брезгует и провинциальными. В двух апрельских номерах казанской газеты «Волжский вестник» выходит очерк «Один из анекдотичных людей», написанный в связи со смертью Павла Демидова, князя Сан-Донато. А с сентября по ноябрь здесь же публикуются очерки «От Зауралья до Волги». Не обходит писатель стороной и другую провинциальную газету, «Саратовский листок»: как ни парадоксально, но в них хорошо платили за печатные строчки.

Регулярно напоминает о себе Мамин и в столичных изданиях. В марте рассказ «Блажные» принят в «Восточном обозрении», еженедельной газете, открытой

в 1882 году в Санкт-Петербурге и Иркутске. В этом же месяце написан рассказ «Ната», позже вошедший в сборник «Золотая лихорадка». Помимо рассказов Дмитрий Наркисович постоянно работает над произведениями больших форм. В письмах этого периода к родным, особенно брату Владимиру, он не скрывает своего прагматичного подхода к литературе и каждую написанную строчку переводит в рубли. Нередко он иронизирует по поводу этой своей способности, но не лжет и не лицемерит. Выбрав писательство в качестве профессионального труда, он и рассматривает свою деятельность с точки зрения получения заработка. Однако только лишь стремлением к доходности успеха в литературе не достичь. Чтобы писать такие вещи как «Уральские рассказы», надо не просто водить пером по бумаге, а «жить тысячью жизней», каждую – прочувствовав, пропустив через себя. Иначе на страницах будет пусто, и читатель ощутит эту пустоту.

В июне в «Русской мысли» выходит рассказ «Из уральской старины», в рукописи – «Узелки». Оттиск из журнала Дмитрий Наркисович дарит Илье Захаровичу Маклецкому.

В июле в «Журнале романов и повестей», издаваемой редакцией «Недели», публикуется рассказ «Последняя веточка: Из старообрядческих мотивов».

Проложив, наконец-то, первую тропинку в большую литературу, Дмитрий Наркисович понимает, что провинция ему становится тесна. Ему не хватает той писательской атмосферы, которая питает любого беллетриста, того общения, которое обогащает и открывает двери различных изданий. И семнадцатого августа они с Марией Якимовной вновь едут в Москву. Вместе с ними отправляется и дочь Алексеевой – Ольга. Двадцать третьего августа они на пароходе прибыли в Нижний Новгород и в поисках новых впечатлений бродили по ярмарке. А вскоре добрались до Москвы, где остановились в доме Ланской на Тверском бульваре.

Первое событие в столице – знакомство с редакцией журнала «Русская мысль», куда он раньше отправлял свои произведения только почтой. Дмитрий Наркисович был лично представлен Виктору Александровичу Гольцеву, который работал в «Русской мысли» с 1880 года, то есть с момента основания журнала. С марта 1885-го фактически стал его главным редактором, с 1905 года – официальным, на всем этом протяжении привлекая к сотрудничеству прогрессивных журналистов. Сам Виктор Александрович был известным публицистом и литературным критиком, ученым – профессором Московского университета и общественным деятелем. В журнале – признанный лидер. Не выражая явно никаких политических взглядов, Виктор Александрович слыл сторонником конституционного устройства государства, преобразований в сфере просвещения народа, гласности и промышленного прогресса. В 1886 году журнал под его руководством, по наблюдению московской полиции, был признан «В высшей степени вредным для спокойствия государства органом». Первое знакомство Мамина с Гольцевым перерастет в долготетнее творческое сотрудничество.

В первое же посещение редакции журнала Дмитрий Наркисович получил заказ на небольшой рассказ для осенних книжек. То, как это было сделано, поразило его своей обыденностью: «Так заказывают платье, сапоги, даже как-то проще»¹.

В Москве, как и в Екатеринбурге, он много пишет, но при этом не жалеет времени на посещение музеев и театров. В средствах он теперь не так стеснен, как в первый их с Алексеевой приезд в Москву. Они бывают в Малом театре, смотрят в театре Корша «Свадьбу Кречинского», а в Большом – оперы «Жизнь за царя» и «Нижегородцы». Восхищаются храмом Христа Спасителя как истинным чудом искусства, а в Третьяковской галерее испытывают потрясение от репинского «Ивана Грозного». Илья Ефимович Репин окончил большое и

---

¹ Из письма Д.Н.Мамина А.С.Маминой от 26 августа 1885 г. По материалам ОМПУ.

значимое для себя и России полотно «Иван Грозный убивает своего сына» в том же 1885 году. Картина не понравилась императору Александру III, и в апреле ее запретили к показу: тем самым она стала первой картиной, подвергшейся цензуре в Российской Империи. Павлу Михайловичу Третьякову, купившему полотно для своей коллекции, не позволялось показывать Грозного публике. Этот запрет был снят в июле 1885 года, что сделало возможным встречу Дмитрия Мамина с шедевром художника. С самим автором полотна он впоследствии познакомится лично.

Продолжает знакомиться он и с литераторами, в частности, с Николаем Николаевичем Златовратским, начавшим свой путь в литературе с «Отечественных записок», куда случайно попал корректором. Об этом знакомстве Дмитрий пишет матери. *«У Златовратского был всего раз, да больше и не тянет – очень уж скучный человек, а я, как ты знаешь, переносю все, кроме скуки. Лучше сидеть дома и писать, что я и делаю»*¹.

За два с половиной месяца несколько раз посещает собрания литераторов. Значительным событием для него становится знакомство 14 ноября 1885 года с молодым, но солидным публицистом и общественным деятелем Владимиром Короленко. Слушая его рассказы о жизни в ссылке в Восточной Сибири, Дмитрий Наркисович даже представить не мог, как это знакомство в дальнейшем изменит его судьбу... А если бы мог?.. Отказался бы он от этой встречи?..

А пока он пишет рассказ «Лётные» и продолжает работать в новом жанре – драматургии, сочиняя пьесу под названием «На золотом дне», оттачивая форму, добиваясь подлинной сценичности. Планирует поездку в Петербург, чтобы встретиться с Салтыковым-Щедриным, и получает отказ «Вестника Европы» по поводу публикации своего рассказа «Лётные», в связи с чем просит мать не огорчаться его литературным неудачам. *«Неприятно, но что будешь делать – значит, статья*

---

¹ Из письма Д.Н. Мамина А.С. Маминой от 29 сентября 1885 г. / Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 361.

плоха и необходимо ее еще раз переделывать, хотя я писал ее со всем тщанием и поэтому очень рассчитывал на нее. Такова бывает судьба, милая мама, авторских статей: авторы как и родители, часто ошибаются в своих детищах... Видишь, как я благоразумно философствую и нисколько не горячусь, как это бывало прежде... Неудачи нашего брата как-то всегда связаны с денежными расчетами и это усугубляет неприятность. Но ты можешь смело не огорчаться моими литературными неудачами: Тургенев по 9 раз переделывал все свои статьи, а я едва успеваю написать черновую и, если переделываю два раза, то прихожу в некоторый ужас от такого барства работы. Собственно говоря, и я буду делать так же, только вот немножко заправиться финансами: напишу статью и положу – пусть вылежится, а потом переделаю ее и т.д. То же самое сделаю и с «Лётными»¹.

В этом «философствовании» отражается типичный авторский взгляд на ежедневную работу, когда оправдываешь спешку в творчестве необходимостью зарабатывать на хлеб насущный, с надеждой, что все лучшее будет написано еще впереди. Ожидания Дмитрия Мамина оправдаются – много «лучшего» будет им еще написано, но превзойти «Уральские рассказы» в состав которых будет включен и очерк «Лётные. Из рассказов о жизни сибирских беглых» ему будет трудно. Он писал их своим сердцем, неразрывно связанным с Уралом.

Рассказ посвящен беглым каторжникам, которые, несмотря на все трудности своего опасного пути, стараются вернуться на родину, в чем автор их сравнивает с перелетной птицей. «Между перелетной птицей и лётным существует роковая аналогия: та же стихийная тяга к своему месту, те же становища, высылки, кормежки, с тою разницей, что для каждого лётного опасность этого рокового пути удесят�еряется тысячью препятствий специально человеческого существования»².

---

¹ Из письма Д.Н. Мамина А.С. Маминой от 30 ноября 1885 г. / Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 361–362.

² Там же. Т. 3. С. 395.

Показывая жизнь беглых по кличкам Иосиф Прекрасный, Перемет и Иван Несчастливая Жизнь, автор дает не только социальную картину жизни сбежавших каторжников, но в связи с этим приводит глубокие размышления о существовании человека на земле. Стремление к свободе, присущее всем лётным, оказывается не самым главным, когда человек, привязанный к земле, прирастает к ней корнями и не способен парить как птица в воздухе. О чем и думает Иван, прятаясь на острове неподалеку от родного села. Любуясь деревенским миром и его трудовой обстановкой, созданными дедами и прадедами, он по-новому оценивает для себя значение этого громадного живого механизма, где ничего не было лишнего, а только все крепко взаимосвязано. *«Каждая крестьянская душа выстраивается по этому порядку и только благодаря этому порядку знает, что хорошо, что дурно: радуется, горюет, надеется, плачет, молится и – главное – чувствует себя на своем месте. А что же такое он теперь? Ивана давила не внешняя обстановка бродяжнической жизни, а сознание, что он лишний человек на белом свете, как выдернутый зуб или как отвалившийся от горы камень, и что у него даже настоящего горя не может быть, как у той же Феклисты»*¹. Феклиста – его любовь, из-за которой он и попал на каторгу.

В рассказе все опять органично. Злобное отношение к лётным в деревне накаляется на фоне уходящего лета. *«Что-то такое страшное и неумолимое чувствуется в слове «осень». Это – медленная агония умирающей природы...»*². И эта тоска в природе наводит тоску на сердце человека и не дает покоя лётным, не знающим, кем себя ощущать: *«Ни ты человек, ни ты зверь, ни ты птица какая... всем свое место есть, одному лётному земля – клином»*³.

Ряд роковых обстоятельств приводит к страшным событиям в родной деревне Ивана, где он погибает,

---

¹ Там же. Т. 3. С. 411.

² Там же. С. 430.

³ Там же. С. 433.

заживо сожженный разъяренной толпой. Факт, который автор бесстрастно констатирует в заключении повествования: *«К утру Тебеньково представляло из себя дымившееся пожарище, а от Ивана Несчастной Жизни не осталось даже костей»*¹. Странно, что в этом случае, как и во многих других маминских рассказах, не возникает даже сомнения в последовательности внутренней философии произведения. Вот только сейчас автор восхищался стройным укладом крестьянского мира, как тут же показывает неоправданную беспощадность народного бунта. Как ни парадоксально, но это и есть органичное устройство русского человека, пустившего корни на уральской земле; чтобы его понять, надо здесь самому родиться.

Основанием для отказа «Вестника Европы» в публикации «Лётных» послужило письмо Александра Пыпина, члена редакции журнала, в котором он объяснял Мамину невозможность публикации по причине наличия в произведении якобы порнографических сцен. Это обвинение для Дмитрия Наркисовича было очень обидно. После доработки он передал рассказ в журнал «Наблюдатель», где он и был опубликован в первой и второй книжках за 1886 год. Также был напечатан в составе «Уральских рассказов» в 1888, 1889 и 1905 годах. В 1893, 1896, 1900 и 1902 годах выходил отдельным изданием.

Что подразумевал Пыпин под порнографией, представить сложно. Для творчества Мамина-Сибиряка вообще не характерны интимные натуралистические подробности. В «Лётных» описано рождение ребенка бродягой Дунькой, которой Иван во время родов помогает перебраться в свой балаган. Но сцена описана как раз с большой осторожностью к изображаемому событию и пронизана подлинным гуманизмом. *«Вот здесь, почти у него на глазах, родился новый человек, и бродяга смутно сознавал все величие свершившегося акта природы: новая жизнь теплилась в балагане, как блуждающий огонек... Небо точно выше поднялось над грешной землей, тонувшей во мраке*

---

¹ Там же. С. 437.

бродивших по ней ночных теней, и частые звездочки глядели с него так приветливо и чисто, как детские глазки»¹.

Уязвленный несправедливым отношением к своему детищу, не забывший обиды Дмитрий Наркисович спустя три года, когда в 1888 году вышел первый том «Уральских рассказов», отправил его Пыпину с упрёком: *«Посылаю Вам книжку «Уральских рассказов», где помещен рассказ «Летные», возвращенный мне, как порнографическое произведение, – повторяю Ваши собственные слова. Прочтите его, чтобы убедиться, кто прав – редакция или автор. Примите уверение в истинном и глубоком уважении»².*

Поездка Мамина в Санкт-Петербург осенью 1885 года не увенчалась успехом. Он не смог встретиться с Салтыковым-Щедриным, так как был в очередной раз глубоко оскорблен приемом Михаила Стасюлевича, редактора «Вестника Европы», и в тот же день покинул город. *«Для меня окончательно выяснилась роль литературного кустаря, у которого все отношения с редакциями ограничиваются спросом и предложением. Отсюда: прямой вывод: зачем совать нос, куда не следует»³,* – писал он в том же письме Пыпину.

Дмитрий Наркисович посещает литературные собрания в Москве, ходит на благотворительные литературно-музыкальные вечера. Но при этом ощущает острую потребность в общении с людьми, понимающими его, близкими по духу и статусу. Мария Якимовна во всем поддерживает его начинания и помогает в литературных делах, но постепенно их отношения начинают напоминать отношения младшего со старшим, начинающего автора и редактора, имеющего права безраздельно вмешиваться в его произведение, и на вторых ролях, конечно, был Дмитрий Наркисович. И эта ситуация ему уже не всегда по нраву. Он хотел бы большей самостоятельности и независимости, особенно в литературе. Но по-прежнему, испытывая привя-

---

¹ Там же. С. 422–433.

² Там же. Т. 10. С. 371–372.

³ Там же.

занность к Алексеевой, он не в силах отстаивать свою творческую свободу перед ней.

Настоящей разговор по душам он в эти дни ведет в письмах к Михаилу Константиновичу Кетову, другу, члену маминского кружка, которого он называет своим «кумом».

«8 сентября 85 г.

...Во едино из воскресений отправляюсь к Сухаревой башне, где происходит московская толкучка, и между прочим, заглянул к букинистам. Книг горы, и вдруг вижу сказки Афанасьева, три новеньких тома, еще не разрезаны. Запрашивают 3 р., а отдали бы за 1-1/2. Не знаю, сколько следовало давать, и ушел. Напишите, если стоит, то отыщу их в следующий раз. Купил на улице «Русскую историю до монгольского ига» М. Погодина, 2 больших тома за 1 рубль.

Литературных новостей знаю очень немного, потому что в Москве совсем нет литераторов. Познакомился пока с проф. Гольцевым, такой умненький мужичок, только уж очень скромн. Он рассказывает, что Златовратский придет в Москву недели через две, что Гаршин в третий раз сошел с ума, что Станюковича отправили нынешним летом со всей семьей на жительство, кажется, в Тюмень, что Шедрин очень болен, что Михайловский по-прежнему живет на станции Любань на Николаевской дороге»¹. Такой подробный отчет можно объяснить интересом Кетова к писательской среде, который Мамин старается удовлетворить. И в последующих письмах пишет в таком же духе.

«10 октября 85 г.

...С другими литераторами познакомился мельком на «четвергах», происходящих в Татарском ресторане; здесь собирается все мелкий литературный народ, и Златовратский называет эти четверги «нижней палатой». Верхняя палата собирается раз в месяц в ресторане Эрмитажа и состоит из московских про-

---

¹ Письма Д.Н. Мамина-Сибиряка М.К. Кетову (Из собрания Свердловского литературного музея); Степанова И. Русская литература 1870–1890 годы. Сб. 8. Свердловск, 1975.

фессоров, которые принимают в литературе очень далекое участие. Эта палата еще не собиралась, и поэтому я опишу ее после, когда сам побываю на ней.

На «четвергах» я познакомился с Нефедовым, который писал очерки Урала, был редактором в «Русском курьере», а теперь специально занимается археологией и разъезжает по России с поручениями археологического общества. Ему под шестьдесят, но он говорит красится и поэтому черен, как головешка. Так милый человек. Был тут же Немирович-Данченко (брат знаменитого корреспондента), он драматург и нынче идет его пьеса «Темный бор». Еще совсем молодой человек, франтик средней руки. Еще был драматург Невежин, пожилой человек из жидов, кажется – так что-то вроде Вашего Соколова. Кроме проф. Гольцева и Златовратского, остальная публика четвергов безымянная мелкота. Собираются поговорить о своих литературных делишках, а главным образом сплетничают, как свойственно не одним литераторам. Сегодня как раз второй четверг и, как говорили, будут другие профессора. Мне всех больше нравится Гольцев: душа человек и такой умный с московским душком»¹.

Чуть ироничный тон письма и меткие характеристики персонажей, каждый из которых мог бы стать героем очередного очерка Мамина, выдают его наблюдательность и независимость характера. Он, «литературный кустарь», совсем не торопится пасовать перед московским литературным сообществом и тем самым определяет свое далеко не кустарное место. Он не сливается с «безымянной мелкотой», а наблюдает ее со стороны, понимая, что выше ее по литературному опыту, но он – провинциал, и в какой-то степени для него это приговор. Он – еще не свой. И станет ли своим?..

Интересен в этом письме факт о Немировиче-Данченко – брате «известного корреспондента». То есть первоначально слава пришла к Василию Ивановичу Немировичу-Данченко, известному беллетристу XIX

---

¹ Там же.

века, а вот в историю искусства вошел его брат – Владимир Иванович, театральный режиссер.

Яркая картина четвергов, созданная Маминым в письме к другу, это – подлинное свидетельство той среды, в которой шло формирование русской классической литературы. Как бы насмешливо ни относился Дмитрий Наркисович к этому собранию, но творческому человеку всегда необходимо сообщество, свой круг, где тебя понимают, способствуют развитию твоего таланта, где устанавливаются связи и, увы, наживаются завистники.

В письмах к Кетову Дмитрий Наркисович не очень-то распространяется о своих собственных делах. Сообщает, что они с Марией Якимовной начинают свыкаться с Москвой, а то прежде очень скучали. Что Мария Якимовна занимается музыкой с учительницей и опять поступила на курсы Герье, а он «усиленно двигает русскую словесность» и кроме рассказов пишет пьесу «На золотом дне», которую в попытках счастья мечтает «толкнуть на императорскую сцену» – «где наша не пропадала». В каждом письме передает многочисленные поклоны от себя и Марии Якимовны, что являлось неотъемлемым атрибутом писем в XIX веке и признаком хорошего тона. Но частенько не удерживается и шалит: *«Целую Вас, милейший кум, в сахарные уста, украшенные французскими усиками и остаюсь Ваш кум и почитатель, и порицатель Д. Мамин»*¹.

Рассказывая в каждом письме, прежде всего, о своих московских встречах, Дмитрий Наркисович представляет Кетову все новые и новые лица, несомненно, известные ему по литературным и научным трудам.

«1 декабря 85 г.

...Вы, достолюбезный кум, огорчаетесь относительно рассказа Гольцева, – подумайте на эту тему, она поучительна для Вас в том отношении, что писать беллетристику не так-то легко даже и умным людям... Говорю сие не для собственного прославления, а для восстановления истины: не все то легко, что кажется легким. Сам Гольцев говорит, что этот рас-

---

¹ Там же.

сказ первый и последний в его жизни и что он написал его на пари с какой-то дамой... О, женичины! – сказал Шекспир, и я не продолжу дальше его мысли, т.е. Шекспира, который отличался большой и часто неуместной откровенностью. Из других профессоров встречаю М.М. Ковалевского – юрист Московского университета, читает государственное право: толст, румян, добр и великодушен, но барин до мозга костей, барин в лучшем значении этого слова; потом Иванюкова, автора вышедшего курса полит. экономии – тоже барин, только другого покроя. Красивый розовый старик с интеллигентной физиономией и настоящими манерами светского человека. Он из офицеров. Потом жил где-то в Америке, работал на плантации, а потом вернулся в Россию и теперь профессор в Петровско-Разумовской академии. Студенты его любят, хотя он, как говорят, «популярничает» среди молодежи. Все сие ученые мужи отличаются чисто московскими добродетелями – добродушием, общительностью и шириной натуры, и вместе и специально московскими пороками – краснобайством, популярничанием и так сказать московской закваской¹.

Как мы видим, в том типе московской интеллигенции, как его для себя определил и описал Мамин, нет ничего общего с интеллигенцией горнозаводского Урала, сформированной в иных географических, социальных и экономических условиях. Ни в одном письме и ни разу Дмитрий Наркисович даже не делает намек на свое сближение с этой средой. Он знакомится, общается, его представляют, он наблюдает, анализирует, но в стороне и со стороны.

Это письмо он опять завершает в юмористическом тоне, так незаметно переходя на него, что первоначально не допускаешь мысли о каком-то подвохе. «*Не могу при этом не огорчить Вас, мой драгоценный кум: вот уже четвертый месяц живу в Москве, видел много людей и, представляете себе Ваш собственный ужас, не только не видел играющих в карты, но даже не слышал ни одного картежного разговора... Ужас!*

---

¹ Там же.

*Ужас!! Ужас!!!*¹. Видимо, Кетов отличался страстью к игре в карты, которую не поддерживали и пресекали в маминском кружке. Но, тем не менее, их связывало с Дмитрием Наркисовичем гораздо большее, что оба очень ценили.

Осенью 1885 года Мамин узнает о болезни Егора Яковлевича Погодаева, к которому испытывал глубокое уважение. Он переживает за него и просит Анну Семеновну оказать ему денежную помощь, «не боясь при этом цифры в 50 рублей». «Я слишком обязан Егору Яковлевичу за материалы и нажил на его рассказах сотни рублей», – пишет он матери 13 сентября. Таким он будет всегда. Деньги никогда не будут для Мамина – самоцелью, только средством к существованию и возможностью помочь, отблагодарить. А помогал он многим.

В конце декабря Погадаев умер. Его фотографию Дмитрий Наркисович поставил на своем рабочем столе. А матери писал: «Жалею бедного Егора Яковлевича – жить бы, жить нужно было старику».

14.

По его собственному выражению, «усиленно двигать русскую словесность», Дмитрию Наркисовичу приходилось почти «врукопашную». Пребывание в Москве способствовало лучшему познанию литературных течений и тенденций, но он все еще оставался молодым и малоизвестным писателем. И это после «Приваловских миллионов», «Горного гнезда» и «Уральских рассказов». Но в такую эпоху ему досталось творить, в такую пору посчастливилось жить, когда на горизонте русской словесности поднимались многие будущие литературные корифеи, когда еще жив был Лев Толстой, и не угасла слава Добролюбова, Некрасова, Тургенева. Подниматься против течения, созданного ими в российской литературе, было нелегко, да и позволено было не каждому. Критики безжалостно кле-

---

¹ Там же.

вали каждого новоявленного сочинителя, не давая по-
блажки ни в чем. Не был исключением ни Мамин, ни
«Д. Сибиряк». В начале 1886 года на его произведения
с руганью обрушился критик газеты «Сын Отечества»,
что вызвало большую тревогу Анны Семеновны, кото-
рая ревностно следила за всеми откликами в прессе на
имя ее сына. И даже поощрительный кивок в сторону
Дмитрия со стороны Скабичевского со страниц перво-
го номера «Русских ведомостей» – «видно, что он забо-
тится о развитии своего таланта и делает заметные в
этом отношении успехи», не успокаивает ее разволно-
ванную душу.

И только сам Дмитрий Наркисович вроде бы от-
носится к нападкам самым ироническим образом и
утешает мать. *«... Ты, мама, напрасно опасаясь за
мою участь. Мне просто смешно читать эти крити-
ческие глупости, и, право, на них никто не обраца-
ет внимание. У меня есть свое маленькое литера-
турное имя – и совершенно достаточно. Мне всего 33
года. Чего же больше? Я ведь не мечтаю быть Гоголем
или Тургеневым... никогда. Что касается моих собра-
тьев по перу, то мне положительно завидуют, то
есть моему быстрому успеху. Всего четыре года, как
я пишу, а ведь начинающие «молодые» литераторы
пишут более десяти лет, как Гаршин, Альбов (Миха-
ил. – Прим. автора), Салов и т.д. Но прежде всего я не
тщусь лезть в знаменитости: аллах видит мою вели-
кую скромность»*¹. Вряд ли это только бравада, Мамин
резво оценивал свои возможности и не скрывал, что
зарабатывает на литературной работе. Однако в идеа-
ле он стремился к творчеству, что тоже правдиво при-
знавал. *«В эти годы мне приходится печатать много
несозревших вещей, но ведь не всегда так будет – вот
поправлюсь с делишками, и тогда уж заведем насто-
ящий «штиль» в борзописании и будем переделывать
каждую вещь раза по три и больше. Еще раз не бес-
покойтесь за меня.... Это просто фельетонная грыз-
ня, где правды искать все равно, что искать форте-*

---

¹ Из письма Д.Н.Мамина А.С.Маминой от 12 января 1886 г. /
Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 362–363.

*пьянных струн в шах, как говорил один профессор в медицинской академии*¹. Остер, однако, на язык был писатель.

О своих родных он печется постоянно и ради них собственно позволяет себе «борзописание». Регулярно высылает деньги от гонораров, помогает учить младшего брата и балует маленькими подарками мать и сестру. В январской посылке отправляет Анне Семёновне серебряную булавку кавказской работы, а Лизе – торжковские² «переда» на туфли, предлагая сшить из них у местного сапожника Меклеру туфли для сестры и объясняя, что «задки выкроются» из этих же шкурок. И обеим шлет коллекцию портретов. Мамины, большие почитатели литературы и науки, ценили фотографии выдающихся личностей. Дмитрий старался достать для Лизы редкие экземпляры открыток, не поступавших даже в продажу, как, например, портрет Льва Толстого, снятый осенью 1885 года. К письмам прикладывал автографы Златовратского, Пругавина, Нефедова и других писателей, чем очень радовал сестру. Отдельными посылками высылал дешёвые издания Сытина – разные рассказы для народа, с тем, чтобы Лиза раздавала их бедным детям. Не имея лишних денег, он не считался с расходами, если дело касалось просветительских целей.

И как бы его ни хлестали критики, изо всех сил цеплялся за издания и двигал свои публикации. Наконец его признали и в Москве, пусть пока еще как молодого писателя. А секретарь Общества любителей российской словесности Александр Пругавин просит его написать автобиографию от третьего лица для сборника о молодых писателях, с аналогичной просьбой он обращается и к Александру Эртелю, в будущем большому другу Мамина. По каким-то причинам сборник не был издан, «Автобиография» осталась у Пругавина и впервые была опубликована им в первом номере журнала «Новая жизнь» за 1913 год.

---

¹ Там же.

² Торжковские – произведенные и купленные в городе Торжке, известном своими кустарными промыслами.

В предисловии к автобиографии Д.Н. Мамина-Сибиряка Пругавин пишет об обстоятельствах ее появления. О том, что во второй половине 80-х годов московские писатели прогрессивного лагеря были объединены, с одной стороны, сотрудничеством в «Русских Ведомостях» и «Русской мысли», а с другой – участием в деятельности «Общества любителей российской словесности» при Московском университете.

«Помимо Л.Н. Толстого и А.Н. Островского, в это время в Москве жили: Н.Н. Златовратский, В.Е. Якушкин, Ф.Д. Нефедов, Е.С. Некрасова, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Л.Ф. Ломовская-Маклакова, князь А.И. Сумбатов, Г.А. Мачтет, Вл. И. Немирович-Данченко, пишущий эти строки и другие. Кроме того, в Москву в то время часто наезжали, а иногда и подолгу жили в ней: Глеб Ив. Успенский, Вл. Г. Короленко и А.И. Эртель. Все эти лица состояли членами «Общества любителей словесности» и почти все они выступали в публичных и торжественных заседаниях Общества, которые в то время устраивались довольно часто. В качестве секретаря Общества (1887 и 1888 гг.) мне приходилось принимать непосредственное участие в устройстве этих собраний.

Наблюдая живой, горячий интерес, какой проявляла публика к выступлениям более или менее молодых писателей того времени, а также к их произведениям, появившимся в печати, я задумал путем издания особой книги возможно подробнее познакомить публику с биографиями молодых писателей и с их литературной деятельностью.

В этих видах я обратился к молодым беллетристам с просьбой доставить мне сведения о себе как биографического, так и библиографического характера, написанные в третьем лице. Просьба моя была исполнена всеми теми писателями, к которым я обратился с нею. Но предполагавшееся мною издание не состоялось. Сведения, полученные мною от Д.Н. Мамин-Сибиряка, приводятся мною ниже без всяких изменений¹. А поэтому со слов Дмитрия Наркисовича мы можем

---

¹ «Новая жизнь», № 1, январь, 1913 г.

судить о том, почему критика ругала его очередной роман «На улице», печатавшийся с началом 1886 года в «Наблюдателе». *«Автор сделал непростительную ошибку; перемешались две темы: с одной стороны, перед читателем проходят лица из «Горного гнезда», а с другой – представители «улицы». Первая тема осталась недоконченной, вторая – только затронута»*¹. Он пытался продолжить судьбу героев «Горного гнезда», переселив их в Санкт-Петербург, но его замысел не очень удался. В горном гнезде Урала они себя чувствовали более естественно, чем на лицах Петербурга.

Первые месяцы 1886 года Мамин с Алексеевой по-прежнему в Москве. С ними живет Оля, дочь Марии Якимовны, иногда приходит в гости Володя Мамин, который продолжает учиться в университете. Дмитрий Наркисович много пишет. Бывает у Златовратского, где общается с «братьями писаками» – Пругавиным, Короленко, Мачтетом² и другими менее известными писателями. Он укрепляет свои связи с редакциями изданий, а 22 марта 1886 года удостоивается чести быть избранным в действительные члены «Общества российской словесности» при Московском университете. Удивительно то, что прилагая массу усилий, чтобы пробиться в литературное сообщество и зарекомендовать себя, Дмитрий Наркисович как будто бы не получает истинного удовлетворения от очередной достигнутой цели, более того, относится к новому положению с неким сарказмом. Как будто всякий формальный статус претит ему в силу как раз своего формализма. А сам он был насквозь естественный, словно бы сотканный из уральской природы. О своем членстве в «Общества российской словесности» он сообщает матери тоже с долей юмора. *«Мои права: свободный вход на заседания Общества, получение бесплатное всех изданий Общества и получение 4 билетов на каждое публичное заседание Общества, на котором читают-*

---

¹ Там же.

² Григорий Александрович Мачтет (1852–1901) – русский писатель.

ся плоды вдохновения членов Общества; мои обязанности: содействовать обществу в его целях, то есть давать время от времени какую-нибудь статейку для публичного чтения. ... Интереснее всего то, что теперь я могу восседать за одним столом с профессорами Тихонравовым, Стороженко, Ключевским и иными, яко сопричисленный к лику любителей, и только могу воскликнуть с гоголевским городничим: «Хорошо быть генералом, черт возьми!» Вернее сказать: хорошо быть, с генералами... Понятно, что все это я так говорю, шутя, так как все наши общества ничего не стоят»¹.

Не вызывают у него восторга и литературные чтения вслух, которые часто проходят в Обществе. Как правило, он подвергает критике всех выступающих, и даже приглашение на профессорский обед в трактире «Эрмитаж», куда созывалось только избранное общество, не льстило ему. А речи, сказанные там, вызывали сначала любопытство, потом скуку. И даже хвала в адрес «Горного гнезда» приятна была только тем, что вызывала воспоминания об Урале, о его гнезде, где он питал свое вдохновение. Здесь он был – не свой, не москвич. Не умеющий принять столичный стиль и антураж, не желающий приспособиться. Свое раздражение он скрывает с трудом. И дает ему волю в письме к сестре Елизавете от 20 апреля 1886 года. «...Прилагаю также билет на юбилейное заседание нашего Общества любителей словесности, на котором мы присутствовали вчера... Заседание прошло по программе, много аплодировали читавшим профессорам, хотя читали они плохо, то есть свои профессорские глупости читали. Можно было сказать гораздо умнее. Публики было видимо-невидимо: профессора, артисты, предержащие власти, скубенты и «дамы, дамы без конца», московские дамы – жирные «до неистовства», бойкие, нахальные и, говоря между нами, глупые в достаточной мере. Тут же мелькали

---

¹ Из письма Д.Н. Мамина А.С. Маминой от 26 марта 1886 г., Москва / Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 364–365.

тощие фигурки курсисток – точно монашенки. Особенно одна – такая худенькая, зеленая, сгорбленная... Много таких, и у меня каждый раз сердце болит за этих бедных девушек, «взыскующих града», среди откормленных, жирных и счастливых своей глупостью свиней. Да, много было поучительного, голубчик, горько-поучительного, – и эта мертвая университетская наука, и это жирное свинство, и эта честная святая бедность...»¹.

На этом же юбилейном празднестве Мамин впервые увидел русского драматурга Александра Николаевича Островского, создателя русского театра, который не произвел на него впечатления – «толстый старик с совершенно татарским лицом». Им не суждено было подружиться, в июне этого же года Островский умер.

Но для Мамина существовала еще иная Москва. Принадлежащая только ему. Несмотря на то, что Мария Якимовна часто в столице болела, в те дни, когда ей становилось лучше, они ходили вместе в Кремль, в Третьяковскую галерею, посещали музеи и спектакли. И эту Москву он любил.

В начале мая они едут в Крым, поправить здоровье Ольги и подлечить бронхит Марии Якимовны. Откуда возвращаются вновь в Екатеринбург.

15.

Еще в январе 1886 года, будучи в Москве, Дмитрий Наркисович получил письмо из Екатеринбурга от Петра Николаевича Галина, который с этого года был назначен редактором газеты «Екатеринбургская неделя» и пригласил Мамина на работу в редакцию. *«Я там буду работать, наконец. Целых восемь лет ждал возможности работать в своей газете... Как иногда достигаются трудно самые простые вещи»*², – пишет он матери 19 января.

¹ Из письма Д.Н. Мамина Е.Н. Маминой-Удинцевой от 20 апреля 1886 г., Москва / Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 367–368.

² Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина А.Н. Маминой, по материалам ОМПУ.

До 1886 года Дмитрий Наркисович на самом деле с «Екатеринбургской неделей» не сотрудничал, хотя свои планы, поддержанные группой лиц, на газету у него были.

До 1885 года «Екатеринбургская неделя» выходила тиражом в 400–500 экземпляров, что не покрывало убытков по ее изданию. И возник вопрос о ее продаже, чем и хотел воспользоваться Мамин. Член маминского кружка Магницкий подтверждает этот факт, говоря в своих воспоминаниях о том, что в конце 1885 года они хотели купить газету с тем, чтобы Мамин ее возглавил в качестве редактора¹. Можно понять, что с этой надеждой Дмитрий Наркисович связывал реализацию многих своих творческих планов. Гораздо позже, в 1883 году, отвечая на вопросы анкеты «Русской мысли», в графе: «Личное желание», он написал: «Быть издателем большой газеты, жить в Москве». Редактор собственного издания – об этом рано или поздно мечтает любой пишущий человек! Но мечта о покупке газеты группой интеллигенции оказалась полной иллюзией. За городской рупор, как и во все времена, не исключая сегодняшние, бились те, кто имел деньги и был приближен к власти. В начале 1886 года газету приобрел Александр Максимович Симанов – родственник городского головы Ильи Ивановича Симанова, который принадлежал к мукомолам. Газета придавала им вес и значение, а в руководстве нужен был свой человек, которым Мамин никак не являлся. «Своим» человеком оказался Петр Николаевич Галин, тоже коммерсант и торговец. Путем приближения газеты к фамилии Симановых собственники газеты надеялись поднять тираж и привлечь дополнительных заказчиков к типографии, разумеется, с целью увеличения доходов. К тому же Уральское общество любителей естествознания приняло решение о проведении в Екатеринбурге в 1887 году сообща с городом и земствами «Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки», благодаря чему тоже можно было рассчитывать на увеличение тиража газеты, постоянно привлекая с ее страниц внимание

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 53.

к выставке. С целью привлечения внимания к газете был приглашен для сотрудничества и Дмитрий Наркисович, который еще не расстался с надеждой занять должность редактора.

Еще находясь в Москве, он отправляет в газету несколько своих статей. В первом номере за 1 января 1886 года в «Екатеринбургской недели» выходит его фельетон о проблемах кредитования и винной монополии за подписью «Андрей Могила». Прежде чем перейти непосредственно к «фельетону», как обозначена публикация, стоит несколько слов сказать о самой газете.

Контора редакции находилась в Екатеринбурге на Театральной улице, в доме наследника Зотова, была открыта «ежедневно от 10 часов утра до 6 часов вечера, кроме праздника». Издание заявлено как «Газета литературная и политическая», которая выходит один раз в неделю, по средам. «Редактор А.М. Симанов, издатель Г. Тиме», но с 27-го номера газету подписывает уже редактор П.Н. Галин, а с 43 – издатель А.М. Симанов.

Во втором номере газеты в статье «От редакции» извещается о том, что газета будет выходить под новой редакцией, и излагается своего рода программное заявление, призванное сделать «Екатеринбургскую неделю» не похожей на многие другие провинциальные издания.

«Газета провинциальная, являясь продуктом местной литературной силы, заноса на свои страницы местные же явления... естественно, не имеет возможности конкурировать в качественном отношении со своими столичными собратьями.

...Мы не желали бы никоим образом низводить единственное в нашем городе издание на ту степень сплетни и инсинуации, которые уже поразили многие провинциальные издания. Мы не желали бы предоставить страницы нашей газеты статьям, имеющим претензию бить на пряный вкус публики, а, напротив. Мы намерены давать место в «Екатеринбургской неделе» только статьям, посвященным разработке местных вопросов, обсуждению местных интересов и нужд нашего богатого, но еще едва просыпающегося края»¹.

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 2, 8 января, 1886 г.

Постоянные рубрики газеты – «Внутренние известия», «Иностранные известия», «Корреспонденции с мест», «Телеграммы “Северного телеграфного агентства”» – содержат информацию, поступившую начиная с Камышловского уезда и заканчивая Британским Королевством. В разделе «Хроника» – отчеты о заседании городской думы и из зала суда. Нередки заметки о театре и библиографические обзоры. В каждом номере объявления типа того, что «Ученик Варшавской консерватории дает уроки на фортепиано, пения и теории музыки. Адрес: Водочная улица, дом старшего Медякова, спросить г. Маркушевского»¹. И непременно крупные рекламные блоки нотариальных контор, крупных магазинов или фотографий господ Терехова и Метенкова с предложением посетить фотоателье, где вам предложат портреты «различных форматов от миниатюрных до натуральной величины»² и «съемку портрета с быстротой молнии»³. В каждом номере обязательно «Расписание Горнозаводской ж.д. пассажирский поезд» из Екатеринбурга в Пермь и обратно. И рядом «Расписание Екатеринбургско-Тюменской ж.д.». В целом газета давала полное представление о жизни Екатеринбурга, земств и не скупилась на новости из столиц России и «заграницы».

Фельетон за подписью Андрея Могилы, темы которого заявлены в самом начале: «Частные банкирские конторы и городской общественный банк. Господин Зингер продает выигранные билеты. С 1 января водка будет дешевле» соответствует жанру статьи на злободневную тему и написан с большим остроумием и сочувствием к людям, разоряемым банками. Честно говоря, читая эту корреспонденцию, трудно осознать, что это написано не про наши дни, не «про сейчас», не «про сегодня». Автор анализирует сценки, увиденные им в банке Екатеринбурга, куда жители города приходят закладывать золотые и драгоценные вещи, чтобы потом их выкупить. Но, как правило,

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 13, 26 марта, 1886 г.

² Там же.

³ «Екатеринбургская неделя», № 15, 9 апреля, 1886 г.

выкупить никому не удастся, так как огромный банковский процент лишает клиентов всякой финансовой способности.

Описывая картинку в банковской очереди, автор искреннее переживает за плачущую женщину, которая заглядывает в футляр и прижимает его к сердцу. Наконец она подходит к автору статьи и просит его купить вещи из футляра – два детских золотых крестика и осыпанный мелкими бриллиантами золотой медальон с миниатюрным портретом мужчины внутри и прядью детских волос. Она просит его купить дорогие ей вещи, объясняя тем, что в банке она их выкупить уже никогда не сможет, а его она знает, и будет спокойна, что вещи попадут в хорошие руки. Вдруг ее дети потом, когда-нибудь смогут у него их выкупить. Автор не может ничем ей помочь, и тогда она подходит к оценщику, моментально назначившему ей минимально низкую цену.

Другая девушка отдает в заклад швейную машинку «Зингер», единственное средство для зарабатывания денег, так как на лечение больной ее матери ушли все сбережения. Называя частные банки Печенкина и Андреева, автор указывает на то, что это одна только наружная сторона дела. *«Это видимые слезы, которые в сравнении с теми слезами, когда человек плачет в своем сердце, ничто. Сколько нужно было голодных дней, тяжелой борьбы с нуждой, невидимого плача, чтобы заставить даму расстаться с вещами так ей дорогими, или эту бедную девушку с единственным орудием работы – машиной. Кто знаком с нуждой, тот поймет чувства этих честных тружениц, тот может судить о пролитых слезах. Если бы можно было собрать все эти слезы, да давно бы захлебнулись господа банкиры»*¹, – пишет он.

Действия банков автор рассматривает как неотъемлемую часть капитализма. Рассуждая о грабительских малых кредитах, он не просто брюзжит, но подсказывает, на его взгляд, верный выход. *«Блестящее положение дел банкирских контор Печенкина и Андрее-*

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 1, 1 января, 1886 г.

ева, ведущих дело почти исключительно при помощи мелкого кредита, указывает на неотложную потребность мелкого кредита. Для массы народонаселения, но не такого кредита, который выматывал бы внутренности у живого человека. Ведь Печенкин и Андреев кредитуют под 36 % годовых, в виде одного месячного процента на выданный капитал и двух месячных процентов за хранение залога. Тридцать шесть годовых процентов без малейшего риска – караул! Вот где причина, что бедняки, находясь в нужде и, закладывая свою собственность, через несколько месяцев уже не в состоянии ее выкупить.

Кто может помочь? Город. Это его нравственная обязанность. Городской банк должен быть открыт одинаково для всех горожан не только в виде крупного кредита под недвижимую собственность или купеческие векселя. Но и под движимую собственность всякого бедняка, взимая человеческие проценты. Хотя бы 24 и проводить надлежащую оценку золота¹. Разве не то же самое происходит сегодня? Разве не те же самые 36 процентов годовых берут коммерческие банки за предоставление мелких кредитов по картам?

Далее в своем фельетоне автор проводит параллель доморощенных банкиров с компанией Зингер, которая берет такие же проценты, но изящно, «цивилизованно сдирает кожу с тельца», то есть, с того же жителя Екатеринбурга, например, путем продажи выигрышных билетов.

И в заключении автор пишет о водке. «Любители очищенной и полугара! Да взиграет утроба ваша: с 1-го января водка будет дешевле. Если вы раньше пили до чертиков, то теперь свободно можете качать на те же деньги до зеленого змея.

Нас, собственно говоря, интересует не предстоящая дешевизна водки, всегда увеличивающая пьянство с его плачевными последствиями, а экономический вопрос для целого края. Монополия создала громадные заводы, задушила мелкое производство и тем самым лишила массу народонаселения пользо-

---

¹ Там же.

ваться остатками винокурения, как важными в домашнем хозяйстве»¹. Это опять же о так знакомых сегодня признаках капитализма – создании монополий в угоду крупному капиталу, с целью разорения мелкого и среднего бизнеса. Думаю, что подпись «Андрей Могила» Мамин выбрал не случайно. Слишком безрадостен тон его фельетона, к тому же фамилии банкиров названы реальные. Спустя всего лишь несколько номеров в «Екатеринбургской неделе» опубликовано объявление о том, что банк Печенкина проводит аукцион по распродаже золотых изделий, не выкупленных изпод залога. Будто в продолжение темы, будто бросая вызов автору, спрятавшемуся за псевдонимом, и в доказательство того, что все его размышления и сочувствия бедным похоронены в той же могиле.

Следующее упоминание имени Мамина на страницах «Екатеринбургской недели» относится к номеру за 5 февраля. На первой полосе крупно в рамочке напечатано «От редакции» – «Мы получили от нашего даровитого беллетриста Д. Сибиряка рассказ «Учителька», печатание которого начнётся в непродолжительном времени»². Наверняка, это была наживка для читателя и потенциального подписчика. О том, что он существовал, подтверждение находим на этой же полосе, чуть ниже, также «От редакции» сообщается: «В виду получаемых нами заявлений от гг. учительниц и учителей сельских школ, о желании подписаться на «Екатеринбургскую неделю» с разсрочкой, мы нашли возможным не только допустить разсрочку подписной суммы, но даже уменьшить и самую подписную плату. Учителя и учительницы, студенты, воспитанники и воспитанницы всех учебных заведений, подписавшиеся на «Е.Н.» могут получать оную вместо ШЕСТИ руб. за ЧЕТЫРЕ и, кроме того, допускается разсрочка таким образом: при подписке вносится два руб., 1 апреля один руб., и 1 июня один руб.»³. Вряд ли такое совпадение «Учительки» Д. Сибиряка с желанием сель-

---

¹ Там же.

² «Екатеринбургская неделя», № 6, 5 февраля, 1886 г.

³ Там же.

ских учителей иметь газету на одной странице можно считать случайным. «Екатеринбургская неделя» вела свою политику.

Все то немногое, что Дмитрий Наркисович написал для «своей газеты», с новой силой раскрывает в нем уже состоявшегося, разностороннего журналиста. Кажется, ему все темы удавались одинаково хорошо. А может, на самом деле это он одинаково неформально подходил к любому материалу: будь то беллетристический очерк или некролог.

Впрочем, очерк под заголовком «Доброе слово», посвященный Леониду Николаевичу Чечулину, уральскому ученому, математику, трудно назвать некрологом. Мамин пишет о нем, как о живом, как будто он только сейчас беседует с ученым.

«В нем было что-то особенное, именно то благородство и открытая честность, которые действуют на всякого неотразимо. ... В Леон. Ник. именно и была эта симпатичная черта – мы не назовем ее громким именем героизма, а просто активной честностью, и по нашему глубокому убеждению, эта именно душевная черта особенно дорога в наше апатичное, индифферентное время.

Особенно приятно отметить вторую, в высшей степени дорогую черту в покойном – это ту горячую и бескорыстную любовь к знанию, которая переживает человека.

Когда выбиралась свободная минутка, я любил завернуть к Леон. Ник., чтобы побеседовать и «от философии», и о кривых второго порядка. И о разной другой хиромантии. Иногда вдвоем мы просиживали целый вечер в этих разговорах, – и я навсегда сохраню самое теплое воспоминание об этом скромном времени препровождения, притом в таком городе, где вечером обыкновенно напропалую жарят в карты. Эта любовь к чистому знанию и не упавший интерес к общим философским вопросам служат лучшими доказательствами, что интеллигентность покойного Леон. Ник. не была фальшивой монетой или чем-то взятым на-прокат, как у большинства. Для далекой

и глухой провинции в высшей степени симпатичная и дорогая черта, и я любил увлекающегося интеллигентного человека от всей души, тем более, что слишком уж много развелось умных людей, которым кроме своей рубашки, все трын-трава»¹. Как много сказано в этих немногочисленных фразах: и охарактеризована атмосфера провинциального города, и представлены собственные ценности, и отношение к знаниям, и все самое важное сконцентрировано в понятии «интеллигентность». Вспоминая покойного, Дмитрий Наркисович сожалеет не только о его уходе, но и о том, что вместе с Чечулиным уходит поколение, особый слой русской интеллигенции, рядом с которым комфортно и ему самому. Он не просто понимает этот слой, он чувствует с ним одинаково.

«...Помню, на одной стене в его кабинете висела литография известной картины Перова – «Похороны». Мы часто сидели под этой картиной за чаем, и помню, однажды Леон. Ник. особенно восторженно проговорил, указывая на гравюру: – Посмотрите, батенька, на спину-то у этой бабы – ведь это целая трагедия!.. Вот это я и называю истинным художеством: простая деревенская баба везет хоронить мужа, тут же у гроба двое осиротевших ребятишек..., кажется всего естественнее было бы повернуть бабу лицом к публике и изобразить на нем бабье горе, а Перов точно нарочно посадил ее к публике спиной и в этой бабьей спине целую трагедию изобразил: тут и бабий труд, и молчаливое отчаяние, и безысходное, одинокое горе и жалость вот к этим самым мальчонкам. И вековая бабья забота... вся «долюшка русская, долюшка женская»².

Вспоминает Дмитрий Наркисович и рассказ Чечулина про нищую старуху из Тагила, которая бежала за арестантской колонной, чтобы отдать свою последнюю нищенскую копеечку. «Вот где она, женская душа сидит!..»

В заключение некролога есть такие строчки: *«Мне*

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 11, 12 марта 1886 г.

² Там же.

тяжело писать стереотипную похоронную фразу: мир твоему праху, чистый сердцем и мыслью дорогой друг... Дай Бог, чтобы на Руси было побольше таких хороших людей, о которых как о Леониде Николаевиче, можно было бы сказать от всего сердца последнее «доброе слово»!..¹ Несмотря на эту авторскую ремарку, ни одного стереотипного слова в этом очерке нет, он проникнут неподдельной большой любовью и уважением к ушедшему в мир иной. Очерк подписан «Д. Мамин (Сибиряк), Москва, 21 февраля». В Екатеринбург он пришел с некоторым опозданием, что не умаляет его искренности. Дмитрий Наркисович не умел льстить и подстраиваться под необходимые настроения публики. Он не был конформистом, что во многом усложняло его жизнь, но он не мог молчать, когда должен был говорить.

В «Екатеринбургской неделе» на него делали ставку как на приманку, чтобы ловить читателя и подписчика «на живца», а он все надеялся на то, что сможет когда-нибудь сам определять политику газеты. И готовил передовые статьи, одна из которых называлась «Кризис уральской горнопромышленности». Ее публикация состоялась по частям в номерах с 29 по 31 за 1886 год. Эту работу Мамина, как и многие другие публицистические вещи, отличает скрупулезнейший подход в отборе фактов и цифр, которые подвергаются стройному анализу с точки зрения факторов – исторического, экономического и социального. Поводом к написанию статьи послужил промышленный кризис, особенно в сфере русского железного производства, засвидетельствованный в 1885 году на съезде горнозаводчиков в Петербурге. Мамин на протяжении всей статьи пытается разобраться, так ли это на самом деле, и что может быть тому причиной. Давая повод к размышлению и читателю, он практически с самого начала выдвигает тезис: *«Вообще, оказывается по этой логике безжалостных цифр, что мы едва плетемся в хвосте великого промышленного движения, и если XIX век для европейцев является веком железа, то для нас он слу-*

---

¹ Там же.

жит возвращением к доисторическому существованию, к каменной эпохе...»¹. Анализируя, в чем заключается кризис, автор рассматривает разные версии – падение цен на железо на Нижегородской ярмарке 1885 года на фоне еще более дешевого заграничного чугуна; переход от дармового крепостного труда к дорогому вольному, что особенно касается уральских заводов. Главной причиной кризиса на Урале автор называет и такую: «...кризис заключается в том, что наши уральские заводчики привыкли только получать с своих заводов миллионные дивиденды и ничего не затрачивали на улучшение производства, благодаря чему явилась крайняя отсталость, рутинная и халатность в уральском горном хозяйстве»². Далее идет анализ торговых пошлин на российское и получаемое по импорту железо, «сочувствие» основным уральским «беднякам» – восемнадцати заводчикам, в числе которых Павел Демидов, граф Строганов, Стенбок-Фермор – наследники заводчика Яковлева и Расторгуева, князь Белосельский-Белозерский, А.Ф. Козелл-Поклевский и другие. Автор показывает их отношение к минеральному топливу, используемому давно по всей Европе, но только не в России, и техническому прогрессу в целом, отмечая при этом самое большое преимущество уральских заводчиков перед европейскими – наличие единственной в целом свете по своим рудным богатствам земли. Интересен и сам вопрос, что считать кризисом. Автор дает такой ответ: «В промышленности кризисами называется такое положение дел, когда не только колеблется в своих основаниях весь внутренний строй данного предприятия, но главным образом, нарушается органическая связь этого предприятия с общим ходом основных экономических процессов в известном государстве»³.

Примечательно то, что сегодня, 130 лет спустя, статьи этого цикла воспринимаются как отражение со-

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 29, 27 июля, 1886 г.

² Там же.

³ «Екатеринбургская неделя», № 30, 3 августа, 1886 г.

временной действительности. Реальность в очередной раз поменялась и находится в противофазе с тем временем, из которого Евгений Боголюбов, комментируя публицистические произведения Мамина-Сибиряка, в том числе и «Кризис уральской горнопромышленности», в своем издании 1951 года, писал, что они «утратили живой интерес и имеют только историческое значение»¹. «Иначе и не могло быть, так как Д.Н. Мамин-Сибиряк не был писателем-революционером и не имел ясной революционной перспективы»², – пишет исследователь творчества писателя. Приводя в качестве аргументов следующее: «Кое-где в публицистических очерках Д.Н. Мамина-Сибиряка как бы в поучение корыстным заводчикам приводятся примеры более «разумной» деятельности других промышленников, сводившейся в сущности к введению более усовершенствованных форм эксплуатации. Эти и подобные заявления, частью опровергнутые позднее самим Д.Н. Маминым-Сибиряком, имеют в настоящее время только исторический интерес, как свидетельство ограниченности и противоречивости мировоззрения писателя и его социального окружения»³. Поскольку ссылки на опровержение самого писателя не даны, то оставим этот момент без комментариев. Что же касается остального утверждения в ограниченности и противоречивости, а также сохранении сугубо исторической ценности, то, видимо, в советские времена, особенно в 50-е годы прошлого века, судить иначе было просто невозможно. Кто бы тогда, в период подъема социалистической индустриализации, мог бы предположить о возвращении в Россию капитализма?! И вряд ли Боголюбов мог бы по-иному отнестись к заявлениям о промышленных кризисах, которые согласно идеологическим утверждениям того времени, в принципе, не могли существовать в социалистической экономике. Делая акцент на патриотизме произведений

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 12 т. под ред. Е.А. Боголюбова. Т. 12. С. 365.

² Там же.

³ Там же.

писателя, он постепенно отходит от идеологической их подоплеки.

Совсем иное дело теперь, когда очерк «Кризис уральской горнопромышленности» является не только ценным историческим источником, но и некоторым указанием к действию. Разве не о современном положении дел говорят вот эти, например, строки: *«Дело в том, что наше время есть время самых сложных и грандиозных комбинаций взаимодействующих сил. Не только органически связанных между собой явления внутренней жизни одного государства, но жизнь всех государств находится под давлением известных железных законов. Нельзя так, вдруг, за здорово живешь, прийти, увидеть и победить. Это особенно ясно можно проследить на явлениях экономического порядка, того международного сцепления известных роковых сил, ворочающих всем, которые действовали всегда и везде, но определены, взвешены и высчитаны сравнительно очень недавно. Мы, читатель, говорим о том маховике, который приводит в движение все европейские колеса, шестерни, валы и валики, влияние которого чувствуется всюду и от которого не уйдешь никуда – этот маховик – капитал. Европейские капиталисты давно «гадят» русской промышленности и никак не дают «лунить по пути» прогресса... Вот и любопытно, как господин капитал взглянет из своего прекрасного далека на наше промышленное зверство, то-есть на желание освободиться от давления этого капитала при помощи своего собственного средства»*¹, – ну чем не пророческие слова?..

Статья была опубликована 27-го июля, 3 и 10 августа за подписью «N.N» с обещающим из номера в номер – «Продолжение будет». К этому времени Мамин уже вернулся из Москвы, но в штате редакции так и не работал. Практически в это же самое время на роль секретаря и «ближайшего сотрудника газеты» был приглашен из Перми Иван Григорьевич Остроумов, что во многом определило дальнейшую судьбу Дмитрия Наркисовича в отношении газеты.

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 31, 10 августа, 1886 г.

Иван Григорьевич десятью годами позже учился в той же Пермской духовной семинарии, что и Мамин. Уже в то время среди учеников семинарии Дмитрий Наркисович был известен как писатель, хотя его романы «Горное гнездо» и «Приваловские миллионы» появились позже. Но даже слухов о том, что Мамин печатается в столичных газетах и журналах и под псевдонимом пишет крупные романы было достаточно для того, чтобы считать «нашего Мамина» в одном ряду с Помяловским, Чернышевским и Добролюбовым¹.

Остроумов был исключен из семинарии в связи с тем, что проходил по делу пермских декабристов, революционно-народнической организации, был арестован и выпущен из тюрьмы в 1884 году. После выхода на свободу находился под надзором полиции. В поисках средств к существованию он стал сотрудничать с газетами «Волжский вестник» и «Екатеринбургская неделя». А во второй половине 1886 года, получив предложение из «Екатеринбургской недели» занять штатную должность, с радостью принял его. Он знал, что в Екатеринбурге живет Мамин и надеялся познакомиться с ним ближе. Но его желанию не суждено было сбыться. С Дмитрием Наркисовичем они часто встречались в общественных местах, но так и не сошлись, чему был целый ряд причин. Несколько иначе писатель относился к жене Остроумова – Надежде Васильевне, которая приехала вместе с мужем и заняла место секретаря, так как кандидатуру Ивана Григорьевича в итоге не утвердили по причине политической неблагонадежности. Но фактически он все равно выполнял функции секретаря и ведущего сотрудника.

За короткий срок Остроумов привлек к редакции много интересных и молодых авторов, что подняло качество газеты и ее тираж. А, следовательно, уменьшило шансы Мамина на редакторство, которые, видимо, и так были невелики. Можно в этой ситуации понять Остроумова, который, даже зная о такой ситуации, не мог поступиться собственными принципами. Забегая вперед, можно сказать, что к открытию «Сибирско-

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 90.

уральской научно-промышленной выставки» подписка поднялась до 1200-1500 экземпляров и розничная продажа давала еще до 200-300 штук. К тому же известный публицист Николай Шелгунов в одном из своих ежемесячных очерков в журнале «Русская мысль» открыто приветствовал «Екатеринбургскую неделю» как газету прогрессивную. Показательно, что цензор газеты все чаще и чаще использовал красные чернила на корректурных оттисках, выражая тем самым свое недовольство демократическими взглядами выпускающих газету.

Другое принципиальное расхождение между Маминым и Остроумовым состояло в отношении к Екатеринбургу. Дмитрий Наркисович очень любил город и восхищался им чрезмерно, характеризуя его неоднократно в печати не только промышленным, но и «умственным» центром Урала. Остроумов считал это несправедливым: «Это было с его стороны смело и удивительно, так как не соответствовало реальной действительности и совершенно игнорировало исторически сложившиеся культурные достижения Перми и тяготевшего к ней Прикамья»¹. Ведя в газете библиографию литературы, Остроумов каждый раз исправлял в текстах Мамина то, что, по его мнению, не соответствовало действительности. Таким образом, они оказались в разных лагерях, и никто не хотел уступать свои позиции. У Остроумова была должность, у Мамина – имя, с которым первый не мог не считаться. При всех противоречиях, существовавших между ними, Иван Григорьевич не просто считался, но и глубоко уважал Дмитрия Наркисовича.

Удивительно, что как внештатный сотрудник редакции Мамин не боится никаких тем, проявляет смелость и компетентность в самых разных вопросах. В номере 31 за 10 августа 1886 года опубликована его «Библиографическая заметка» на «Сборник критических статей о Н.А. Некрасове. Часть первая (1840–64 гг). Составил В. Зелинский» за подписью «Д.М.-н». Прикасясь к святому в литературе, он не боялся быть

---

¹ Там же. С. 93.

узнанным. «Книжка Зелинского составлена так удачно, что ее прочтет с удовольствием каждый образованный человек, которому дороги интересы родной литературы. Это не научный труд в строгом смысле. Но для обыкновенной читающей публики книжка г. Зелинского принесет несомненную пользу. Потому что в ней собраны главные критические статьи о поэзии Некрасова с 1840 по 64 год, именно за тот период, когда развилась и окрепла «некрасовская поэзия»¹, – пишет автор. И далее приводит цитаты из критических статей Виссариона Белинского и Аполлона Григорьева и отсылает к самой книжке, «изданной очень мило с подходящей ценой 1 р. за томик в 180 страниц»². Расценка за оплату этой заметки составила шесть копеек за строку, выше, чем за материалы других авторов. Разметка гонорара проходила не без участия секретаря газеты.

Первая встреча Остроумова и Мамина состоялась в редакции «Екатеринбургской недели». Но познакомиться ближе им не удалось, так как редактор Галин увлек Дмитрия Наркисовича в свои комнаты, чтобы вместе позавтракать, после чего с удовлетворением говорил о том, что писатель передал ему рассказ о Киево-Печерской лавре и что рукопись уже сдана в набор.

Далее Остроумов вспоминает, что, когда рассказ «Святой уголок» был напечатан, Галин попросил Остроумова лично отнести гонорар Мамину. При этом не упустил возможности заметить, что ни для кого не секрет, что Мария Якимовна Алексеева, в доме которой Мамин живет в качестве квартиранта-нахлебника, является фактически его женой, но сами они скрывают это, и никто из знакомых не касается их взаимоотношений. Такая осведомленность редактора явно отдавала душком провинциальных сплетен и лично ему не делала чести. Вряд ли уж такая тайна могла оставаться за семью печатями, если все в Екатеринбурге знали, что Алексеева является вдохновительницей ро-

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 31, 10 августа, 1886 г.

² Там же.

манов «Горное гнездо», «Приваловские миллионы», «Три конца», которые в первоначальных изданиях были ей открыто посвящены. Не секретом было для горожан и то, что Мария Якимовна оберегала Дмитрия Наркисовича от широких кутежей, влечение к которым у него осталось еще со студенческих времен.

Остроумов Мамина дома не застал и передал конверт с гонораром Марии Якимовне. Он очень хотел, чтобы Дмитрий Наркисович и дальше сотрудничал с газетой, в которой других известных имен не было. Но после этого визита Мамин, по утверждению Остроумова, в редакции «Екатеринбургской недели» больше не появлялся, хотя с сентября по ноябрь в газете выходят и другие материалы, принадлежащие перу знаменитого беллетриста.

Он никогда не был равнодушен к Уралу. Проблемы, которые заострял в своих публикациях, были не надуманными, не сиюминутными, а содержали глобальную задачу, требующую необходимого разрешения. В «Екатеринбургской неделе» от 28 сентября за уже знакомой читателю подписью «N.N.» выходит корреспонденция «Значение минерального топлива для Урала». Автор со всех сторон рассматривает преимущество минерального топлива, используемого при производстве железа в Европе, перед древесным углем, который до сих пор потребляется на уральских заводах. И никто при этом не задумывается ни о масштабах истребляемых лесов, ни о высокой себестоимости продукции, ни о других вытекающих отсюда последствиях.

В заключение корреспонденции он прямо пишет: *«И так, лично мы, решительно, ничего не имеем против того, чтобы г.г. уральские заводчики вели свое производство на древесном топливе – плавьте чугун и выделывайте железо хоть на гагачьем пухе или брюссельских кружевах, но вопрос о значении топлива выходит далеко из рамок специально заводских интересов, потому что с ним именно связана будущность кустарных промысловых на Урале, вопрос о наделах земель заводского населения, лесоворный промысел и, прежде всего, увеличение заводской производитель-*

ности в тех размерах, какие дадут возможность удешевить наше уральское железо, чтобы конкурировать не только с польским и южно-русским, но и с заграничным»¹.

Частично эту тему автор продолжает в цикле под названием «Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка», который выходил в виде больших корреспонденций с конца октября по ноябрь 1886 года. Выставка была таким значимым событием для Екатеринбурга, что в течение всего 1886 года на страницах городской газеты публиковалась информация о подготовке к этому событию. Цикл Мамина в этом ряду был самым масштабным и по глубине затронутых проблем, и по объему газетной площади.

16.

Освещение работы Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки имело для газеты очень большое значение. О статусе события говорит тот факт, что очередное собрание членов Уральского общества любителей естествознания, выступившего инициатором проведения мероприятия, должно было состояться с участием делегатов от города и земства, а также лиц, принявших участие в гарантированном фонде выставки, на квартире его Превосходительства почетного члена общества, господина начальника Пермской губернии, Василия Викторовича Лукошкова, в гостинице Плотниковой, в Екатеринбурге.

Как выяснилось позже, на это заседание съехалось более семидесяти человек, в том числе местный архиерей Нафанаил, генералитет, представители города и земства. Длиннейший стол, покрытый красным сукном, был украшен экземплярами раскрашенного плана выставки, составленного губернским инженером Р.О. Карвовским, устава общества и прочими документами. По приглашению вице-президента общества естествознания А.А. Миславского от имени присутствующих господин губернатор согласился принять на

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 38, 28 сентября, 1886 г.

себя председательство в этом собрании¹. Проведение выставки ставило своей целью привлечение дополнительных средств и внимания к Екатеринбург, к его научной среде и горному делу. В чем опять уместно провести параллель с днем настоящим, с событиями ХХI века.

Из номера в номер в газете печатается объявление о том, что «Желающие получить программы, бланки для заявлений, фактур и т.п, а также и всякого рода сведений о выставке, благоволят обратиться к Комитету выставки с сообщением точного адреса.

Канцелярия Комитета помещается по Соборной улице, в д. Новоселовой, № 6, впредь до изменения, она открыта для личных переговоров ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, с 1 часа до 3 часов пополудни». К такому знаменательному событию готовились больше двух лет. Не мог остаться в стороне от этого и Дмитрий Наркисович.

В «Екатеринбургской неделе» № 39 от 5 октября 1886 года он начинает цикл своих публикаций «Сибирско-уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге». И со свойственной ему дотошностью в начале первой статьи дает определение международных, национальных и областных выставок. Подчеркивает, что на внутренней выставке важно создать такую общую картину, которая бы давала всестороннее и полное представление внутренней жизни государства. А весь интерес областной выставки заключается в наибольшей полноте подробностей, в разработке и освещении частных. «Не менее важно рельефно выдвинуть свои особенности. И наша выставка скорее будет «уральско-сибирской»², – пишет автор. И обижается, что столичная пресса сомневается в научности выставки, аргументируя это тем, что ученые-исследователи вряд ли поедут в такой центр как Екатеринбург, который не является ни столицей, ни университетским центром, где нет музеев и библиотек. Журналисты из столиц ставят в вину провинциальному Екатеринбург

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 16, 23 апреля, 1886 г.

² «Екатеринбургская неделя», № 39 от 5 октября 1886 г.

даже широкую программу выставки, захватывающую все отделы знаний. Защищая Урал, как богатый объект для исследователей, куда приезжал такой ученый, как Гумбольдт, Дмитрий Наркисович, в данном случае выступающий под псевдонимом N.N, задается вопросом: *«Почему теперь настоящим заправским ученым не воспользоваться прекрасным случаем? Чтобы познакомиться и осветить темную страну своими знаниями – это целая просветительская миссия, от которой брезгливо чураться и отказываться могут только ученые редакции «Восточного Обозрения»¹.*

Он уверен, что именно ученый отдел выставки выйдет самым удачным, ведь выставка – это уже подвижной университет, где представится уральской публике чему-то научиться. *«Впрочем мы маленькие провинциальные люди и будем делать свое маленькое провинциальное дело по мере наших маленьких сил и с особенным удовольствием предоставляем большим кораблям большое плавание»* – замечает автор не без сарказма.

Дальше он обсуждает вопрос о помещении выставки, которое предоставляется в железнодорожных мастерских, хоть и бесплатно, но на его обустройство требуется 25 000 рублей. А потом УОЛЕ опять останется без помещения. И предлагает купить для этих целей постоянное помещение, например, дворец Харитонов, рассуждая о том, что средств, конечно, потребуется больше, зато у общества останется свой центр, который можно использовать для музея, общественной читальни, постоянной выставки кустарных изделий. Для Дмитрия Наркисовича, рьяно радеющего за просвещение во всех его проявлениях, вопрос о недостатке средств не мог быть оправданием. Он искренне недоумевает: неужели Екатеринбург, такой богатый город, где только в одном клубе на карты бросают больше 100 000 рублей, не может затратить 50-70 тысяч на действительно важное и перспективное дело? Увы, его мнение разделяли не все.

Просветительскую и образовательную тему с точки

---

¹ Там же.

зрения одной из целей выставки автор продолжает в следующей статье, заостряя внимание на доступности научной программы для обычного провинциала. Он констатирует: мало дать голую схему, необходимо ее оживить. Как исследователь, привыкший докапываться до сути вопроса, он и программу выставки подвергает тщательному анализу. Так, он указывает, что в первом историческом отделе, где представлены сферы минералогии, геологии, ботаники и зоологии в широком смысле слова, непосвященный посетитель затруднится найти в программе пункты, где кроются самые интересные вопросы, касающиеся Урала. То же самое и в вопросе географии растений – *«Урал в этом случае представляет особенную научную важность, как естественный порог из Европы в Азию, который представляет исключительные условия для наблюдения самого процесса перехода растений из одной части света в другую. Программа ботанического отдела грешит отсутствием ясности в этом вопросе»*¹.

Еще большее неудовольствие автора вызывает то, что не обозначен в научном отделе вопрос о постепенном обрусении уральских инородцев и об их быстром вымирании. На Урале сошлись две группы народностей – с севера финские, такие как вогулы, пермяки (зыряне) и остяки, а с юга монгольские – башкиры, киргизы. *«В самом деле, тысячи людей гибнут на наших глазах самым жалким образом, и мы ежедневно проходим мимо этого вопиющего явления с непоправимым равнодушием. Наш христианский долг протянуть руку погибающему брату, и, кроме того, мы в конце концов все-таки в долгу перед этими жалкими инородцами, которых всякими правдами и неправдами выжили из отчин и дедин. Никакое право не в силах оправдать этого насильственного захвата чужих земель, хотя задним числом, заплатить им часть нашего исторического долга»*².

В третьей статье Дмитрий Наркисович рассматривает такой лично ему небезынтересный отдел, как ар-

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 40 от 12 октября 1886 г.

² Там же.

хеология. И наряду с каменным и бронзовым веками, привлекая массу дополнительной информации, исследует вопрос возникновения государства Пермь или Биармии, которое в исландских сагах называется Биармланд. *«Это таинственное государство еще на заре нашей русской истории привлекло к себе удалую скандинавскую вольницу. Они ходили не только воевать в Биармию, но и женились на пермских принцессах»*¹. Далее он рассматривает историю государства Пермь от бассейна Северной Двины, от чудских памятников-городищ до памятников Пермской культуры. И взаимосвязь их с колонизацией Урала с точки зрения трех периодов – новгородского, московского и петербургского. Понимая важность этого материала, автор задается небезразличным для него вопросом, как это всеобъемлюще показать на выставке?

После чего естественным образом переходит к отделу «горной и горно-заводской промышленности», сразу обозначая проблему: *«Уральское горное дело – это наш «больной человек», которого ведут по пути промышленного прогресса на костылях, а в последнее время он отказался совсем двигаться и слег окончательно на «одр»*².

В связи с этим он не может обойти молчанием позицию, которую поначалу заняли уральские заводчики в отношении выставки (1 июня 1886 г). Ни Демидов Сан-Донато, ни Стенбок-Фермор, ни граф Строганов не изъявили желания принять участие в формировании гарантированного фонда выставки. Иначе себя проявили заводчики А.Ф. Козел-Поклевский и наследники графа Шувалова. Таким образом, автор предполагает: создается впечатление, что заводчики, проживающие в столицах или за границей, даже не подозревают о затеваемой выставке. И тут же опровергает свое предположение: *«Но ведь у отсутствующих уральских магнатов остаются здесь «очи и уши», отчего же все эти управляющие, поверенные*

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 41 от 19 октября 1886 г.

² «Екатеринбургская неделя», № 42 от 26 октября 1886 г.

*и доверенные игнорируют выставку?..»*¹ И выдвигает на это свой аргумент: уральские магнаты игнорируют выставку с высоты своего величия. Иначе и быть не может.

Разразившись в этой же статье резкими словами по поводу непроизводительного горного дела, автор, помимо всякой программы выставки, переживая за главную уральскую отрасль, представляет на суд читателя свою программу из десяти пунктов: некоторые перекликаются со статьей «Кризис уральской гонопромышленности».

В завершающей статье цикла «Сибирско-уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге» автор дает обзор пятого раздела «Предметы заводской, фабричной и ремесленной промышленности Урала и Сибири», где собрано «всякого жита по лопате». Рядом с канатным и мельничным производством встанут фотографические приборы, ювелирные изделия, разные «напитки» в производстве которых Урал особенно преуспел. *«Если взять все наши уральские горные заводы и сложить, то они вместе, за все время своего существования, не дали такой казне столько прибыли, сколько уральская водка дает в один год»*². На этом фоне, по мнению автора, об остальных отраслях промышленности можно говорить только из вежливости: мельничное производство, сало, химические продукты, металлические изделия. И в итоге он приходит к выводу: *«Горнозаводское дело и промышленность в известном смысле заводская, фабричная и ремесленная – дети одного и того же разрастающегося, все проникающего и все давящего капитала»*³, в то время, как кустарное производство, имеющее большое значение для мелкого торговца, не поддерживается на уровне государства, отдающего предпочтение крупному капиталу.

Публикация в газете цикла статей «Сибирско-уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбур-

---

¹ Там же.

² «Екатеринбургская неделя», № 43 от 2 ноября 1886 г.

³ Там же.

ге» была завершена 2 ноября 1886 года. Она имела большое значение не только для популяризации самого мероприятия и деятельности Уральского общества любителей естествознания, но и осталась важным первоисточником – в плане подробного анализа программы выставки, имеющей большое значение для развития города и региона. Кроме того, Мамин-Сибиряк в очередной раз предельно ясно изложил свои взгляды на нарастающий в России капитализм, проанализировав все сферы деятельности промышленного Урала, одновременно дав оценку его научному потенциалу.

В этом же номере «Екатеринбургской недели», в разделе хроники с подзаголовком «По России», первая же информация привлекает внимание фамилией Мамина и кратко повествует о другом событии. «Скоро исполнится 75-летний юбилей Общества любителей русской словесности. По словам «Русских Ведомостей», ко дню этого юбилея предполагается издать сборник трудов членов общества, в котором, между прочим, будет помещена статья и Мамина, нашего земляка и сотрудника»¹.

Что же касается выставки, то ее открытие состоялось 14 июня 1887 года в центре города, у Плотинки. Заранее здесь были построены деревянные павильоны, разбиты клумбы, посажены цветы и устроены фонтаны. Под выставочные павильоны были также задействованы пустующие цеха железнодорожных мастерских и гранильной фабрики. В выставке, ставшей событием мирового масштаба, приняли участие почти четыре тысячи экспонентов из 32 губерний Российской Империи. Впервые в стране были самым лучшим образом объединены научная и промышленная экспозиции.

Почетным президентом выставки стал Великий князь Михаил Николаевич Романов. Члены общества УОЛЕ добились своей цели – привлечения внимания российской общественности к Уралу и непосредственно к деятельности своего общества, а также пожертвований и даже выделения здания под собственный музей.

---

¹ Там же.

Проведение выставки сопровождалось большой культурной программой. В течение трех месяцев Екатеринбург посетило несколько актерских трупп. Вечерами в парках и на выставочной площадке играли духовые оркестры. В рамках художественного отдела действовала Передвижная выставка Академии художеств, состоящая из 114 живописных полотен, в том числе, Перова, Айвазовского, Шишкина, Верещагина, а также 79 рисунков и коллекции скульптур Петра Клодта.

Дмитрий Наркисович Мамин не ограничился только публикациями в «Екатеринбургской неделе» в ходе подготовке выставки. Как член УОЛЕ он входил в состав организаторов и состоял в экспертной комиссии по трем отделам, кроме того, он освещал работу салона, делая обзор отделов, в петербургском издании «Новости и биржевая газета» под названием «Выставка в Екатеринбурге» и за подписью «Д».

В одной из статей он описал художественный раздел выставки, где остановился на картинах художника из Екатеринбурга Владимира Гавриловича Казанцева.

«В. Г. Казанцев взял главным сюжетом своих картин драматические моменты борьбы света и тьмы, ласковые умирающие тона зелени, мягкие тени, чудное, точно повеяло смолистым ароматом хвойного леса, росой, набегающей струйкой дыма и вас охватывает такое бодрое и хорошее чувство, какое может дать только одна природа. Таковы картины Казанцева «Солнце село», «Первая пашня», и в художественном отделе «Взошла луна», «В ночном», «Полночь на Севере», «Светает» и т.д. Мы особенно ценим эти картины нашего уральского художника, с такой серьезной полнотой рисующий родные просторы»¹.

Упомянул в своих статьях корреспондент и о работах тогда еще молодого кустаря Алексея Денисова-Уральского.

Выставка завершила работу 15 сентября 1887 года,

---

¹ Галеева Т., Галеева Р. Д.Н. Мамин-Сибиряк – художник // Урал, 2002, № 11. С. 62.

при населении Екатеринбурга в 37 000 человек ее посетили 80 000, в том числе иностранцы.

Традиции Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки были возрождены в Екатеринбурге в июне 2003 года, когда по инициативе администрации города проходила новая Урало-Сибирская научно-промышленная выставка, посвященная 280-летию города. В июне 2007 года III юбилейная Урало-Сибирская научно-промышленная выставка проводилась в честь ее собственного 120-летия и 75-летия Уральского отделения Российской академии наук. Участниками выставки стали около 700 предприятий Урала и России.

Первая Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка осталась не только в возрожденных традициях, но и в фотографиях члена УОЛЕ Вениамина Метенкова. Общий вид выставки и отдельных ее павильонов и сегодня дают нам представление об этом событии. Несомненно, Мамин и Метенков встречались здесь. Один – с карандашом и бумагой, второй – с фотоаппаратом, они вписали первую научно-промышленную выставку в городскую историческую летопись.

Спустя 127 лет после этого они «встретились» вновь на другой выставке. Осенью 2014 года Фотографический музей «Дом Метенкова» и Государственный архив Свердловской области в бывшем ателье Метенкова, в Екатеринбурге открыли выставку «Вениамин Метенков. Сергей Прокудин-Горский. На Урале», поразившую посетителя не только своей документальностью, но и высокой степенью публицистичности. Экспозиция, в которой впервые использованы уральские фотографии Вениамина Метенкова, напечатанные большим форматом с авторских негативов, предлагает отправиться в путешествие по Уралу конца XIX – начала XX веков. Вместе с Метенковым уральский край нам представляет Сергей Прокудин-Горский, пионер цветной фотографии в России, благодаря которому мы видим дореволюционную Россию не только черно-белой, но и в цвете. Метенков и Прокудин-Горский были единомышленниками и одинаково понимали миссию фотографа, задавшись целью создать фотографиче-

ское свидетельство о своем времени. Они работали в разных жанрах, фотографировали не только виды природы и памятники истории, но и повседневную жизнь простого человека – поселенца у своей хижины, рабочего на заводе, старателей на приисках, крестьянина у своего хозяйства.

Знаменательно то, что фотографии этих двух замечательных авторов организаторы выставки сопроводили цитатами из произведений Мамина-Сибиряка, придав экспозиции образность и философскую глубину.

Подчеркивая значение русской культуры XIX века, обладающей подлинным интересом к современности, с присущим ей честным взглядом на общество и человека, лишенной салонной сентиментальности, авторы экспозиции отмечают: «За столетие неузнаваемо изменился быт и весь уклад жизни, навсегда потеряны многие памятники архитектуры, и только в фотографии или на страницах книги сохранилась маленькая частица утраченного времени. Такие авторы, как Метенков или Прокудин-Горский в фотографии, Денисов-Уральский в живописи или Мамин-Сибиряк в литературе создали не подверженный коррозии памятник Уралу своей эпохи, определили место нашего края на карте русской культуры»¹.

17.

Другим важным для Дмитрия Наркисовича событием 1887 года стала постановка его первой пьесы «Золотопромышленники», о чем мы также узнаем из «Екатеринбургской недели» от 15 ноября. В разделе «Хроника» читаем сообщение: «10 октября, в бенефис г-на Великанова, шла новая пьеса «Золотопромышленники», сочинения нашего известного беллетриста Д.Н. Мамина (Д. Сибиряка). Театр был переполнен; публика много раз вызывала автора и награждала аплодисмен-

---

¹ Вениамин Метенков. Сергей Прокудин-Горский. На Урале. Фотографический музей «Дом Метенкова», Екатеринбург, сентябрь 2014 г.

тами. Отчет об этой пьесе, названной «бытовой хроникой», мы дадим в следующем № «Екат. Недели»¹.

Любопытен в следующем номере газеты, в рубрике «Театр» подход корреспондента, подписавшегося «Приезжий», к анализу «Бытовой хроники из Сибирско-Уральской жизни Д.Н. Мамина», который он определяет в первых строчках своей рецензии. В частности, екатеринбургскую публику волновало, не затронул ли г. Мамин какого-то из местных золотопромышленников. Поэтому всех устроило, что в конце пьесы повторяли: «Она имеет общий, никого не задевающий, только недоконченный характер». Публика собралась не для бенефицианта, режиссера театра местной труппы Великанова, а по внешним причинам. «В своей бытовой хронике «Золотопромышленники» Д.Н. Мамин выводит несколько довольно рельефно обрисованных характеров, впрочем, более сильной и сочной кистью написанных им гораздо прежде, в его прекрасных повестях и рассказах»², – пишет рецензент. И продолжает анализировать недостатки пьесы: «Несмотря на несомненные достоинства отдельных сцен, нужно заметить, что в пьесе Д.Н. Мамина нет связи; каждое действие стоит особняком; одно событие не вытекает из другого, и потому цельного впечатления пьеса не дает... Автор сам, вероятно, чувствуя отсутствия связи и законченности в пьесе, не дал ей точного определенного названия драмы или комедии. Что касается исполнения пьесы, то в общем оно было не более, как сносно»³. Ниже текста приписка: «Мы слышали, что право на постановку пьесы «Золотопромышленники» продано г. Маминым (Сибиряком) московскому театру Корша за 8 процентов с валового сбора, на три года»⁴.

А вот как о постановке сообщал в письме Володе в Москву от 14 ноября 1887 года сам Дмитрий Наркизович. *«В октябре «Наблюдатель» напечатал мою первую пьесу, а 10 ноября она шла на здешнем театре.*

---

¹ «Екатеринбургская неделя», № 45, 15 ноября 1887 г.

² «Екатеринбургская неделя», № 46, 22 ноября 1887 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

Труппа у нас плохонькая и дела сошли плохонько, но не без некоторого успеха: театр был битком набит, вызывали автора и т.д. Но из театра я возвращался домой в грустном настроении: мне самому не понравилась пьеса.

Прихожу домой и нахожу телеграмму И.А. Пономарева из Москвы: «Корш в восторге... предлагает 2 % с акта и требует исключительное право представления только для Москвы 1890 г. Одним словом, это такой успех, о каком я и не мечтал. Я немедленно телеграммой изъявил свое полное согласие на все условия, и 4 декабря пьеса пойдет в театре Корша. Ты сходи посмотреть спектакль и вышли мне афишу»¹.

Видимо, вдохновленный восторгом Федора Адамовича Корша, владельца частного Русского драматического театра, существовавшего в Москве с 1882 по 1933 годы, Дмитрий Наркисович уже через день после получения телеграммы от И.А. Пономарева пишет заявление в Общество русских драматических авторов. *«Прилагая при сем афишу написанной мной пьесы «Золотопромышленники» (сцены в 4-х действиях), покорнейше прошу принять меня в число членов Общества русских драматических писателей. Предоставляю Обществу охранение своего права драматической собственности, заявляю свою готовность подчиняться Уставу Общества и представляю свой членский взнос в размере 15 рублей. Дмитрий Мамин (Сибиряк). 1887 г. 16 ноября. Екатеринбург. Адрес: Екатеринбург, Колобовская ул, д.41»².*

В ноябре оттиск пьесы «Золотопромышленники» из десятой книги журнала «Наблюдатель» Дмитрий Наркисович преподнес в дар Алексеевой с надписью: «Моему лучшему другу Марии Якимовне, советами и указаниями которой я пользовался, когда писал эту пьесу. Автор. 18. 11.87 г. Екатеринбург». Несмотря на «советы и указания», Мария Якимовна была не довольна пьесой, о чем со свойственной ей прямоотой неоднократно

---

¹ Письмо Д.Н. Мамина – В.Н. Мамину от 14 ноября 1887 г. Екатеринбург, из фондов ОМПУ.

² РГАЛИ, Ф.316, оп.1., ед. хр. 120.

говорила Дмитрию Наркисовичу. Не были в восторге от этого произведения и члены маминского кружка, советуя ему писать лучше прозу, не трогая драматургию, так как это не его стезя. Тем не менее, 18 и 21 декабря премьера спектакля «Золотопромышленники» состоялась в Москве, в театре Корша. Второй спектакль прошел с участием известных драматических артистов Владимира Давыдова и Александры Гламы-Мещерской. Его по просьбе брата смотрел Владимир Мамин, и сообщил Дмитрию, что «Пьеса имела средний успех, знаменитости сделали свое дело хорошо, а ходу действия, сценичности пьесы повредило богатство материала, содержание не уместилось в 4-х действиях. Ты запутался и связал себе руки»¹. Сообщает Владимир и о том, как отреагировала на постановку московская пресса. «Московские ведомости» разругали пьесу. «Новости дня» отметили, что хотя она имела успех, но она не сценична, а «Русские ведомости» пересказали содержание, отметив, что мешают длинноты. И, тем не менее, все отмечают, что нужно поощрять искусство и в таком проявлении. В конце года, 27 декабря было дано цензурное разрешение на издание «Золотопромышленников» литографией Московской Театральной библиотеки Е.Н. Рассохиной.

Пьеса «Золотопромышленники» жива в репертуаре российских театров по сей день. И Мамин был принят в Общество русских драматических авторов. Но как драматург он все же не состоялся. Осталась в рукописи пьеса «Маленькая правда», которая хранится в Государственном архиве Свердловской области. Пытался он написать в жанре драматургии историю «Покорение Петербурга», которая позже стала романом «Черты из жизни Пепко». Обещал написать пьесу для МХАТа, о чем сообщал в письмах к Немировичу-Данченко, но не сложилось.

Его планидой была проза.

---

¹ Письмо В.Н.Мамина – Д.Н.Мамину от 22 декабря 1887 г. Екатеринбург, по материалам ОМПУ.

Еще в 1884 году Дмитрий Наркисович вступил в Уральское общество любителей естествознания, что подтверждено сохранившемся дипломом общества. «Уральское общество любителей естествознания соизволением Августейшего Императора Александра II, Самодержца Всероссийского и проч. и проч. и проч., учрежденное 11-го сентября 1870 года в Екатеринбурге сим дипломом свидетельствует, что Дмитрий Наркисович Мамин в XIV годичном собрании 21 октября 1884 г. избран был действительным членом. Екатеринбург, 21 октября 1884 года. Президент: Ив. Иванов, Вице-президент: А. Миславский, секретарь: О. Клер»¹. В УОЛЕ Дмитрий Наркисович проявил себя как этнограф, краевед, коллекционер и археолог, что естественным образом нашло свое отражение в его произведениях.

В марте 1888 года он окончил исторический очерк «Екатеринбург», написанный по заказу екатеринбургского городского головы И.И. Симанова для календаря-справочника на 1889 год, носившего общее название «Город Екатеринбург»². Этот очерк – прекрасная иллюстрация работы Дмитрия Наркисовича над историко-краеведческим материалом. Прежде всего, стоит отметить выразительность публицистического стиля очерка, богатство используемого материала и любовь к городу, которую не в силах скрыть автор. С первых строчек он как будто бы забивает колышек и дает четкое определение Екатеринбургу – «живой узел». Он подчеркивает его значимость в череде пестрых русских городов, историческая роль которых как сторожевых, военных или торговых пунктов давно кончилась. Таким образом, отведя особую роль Екатеринбургу, автор в дальнейшем приводит аргументы в его пользу. А доказательств предостаточно. Обозначив жанр рабо-

---

¹ «Диплом», экспозиция Дома-музея Д.Н. Мамина-Сибиряка, Екатеринбург, 2014 г.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 12 т. под ред. Е.А. Боголюбова. Т. 12. С. 238.

ты как «исторический очерк», Дмитрий Наркисович на первой же странице дает список источников, которые он при этом использовал. А их ни много ни мало – двадцать штук, посвященных истории и географии края, развитию горного дела и ремесел, становлению образования, материалы по расколу, статистики и другим направлениям. Дмитрий Мамин прибегал как к трудам начала XIX века, так и к работам своих современников, среди которых были лично ему знакомые историки и краеведы Василий Никифорович Шишонко и Наркис Константинович Чупин, профессор, географ, антрополог и этнограф Дмитрий Николаевич Анучин. За какой бы историко-краеведческий материал ни брался Мамин, он всегда подходил к нему с большой ответственностью. Личные впечатления подкрепляя знаниями из авторитетных источников, обращался к фундаментальным трудам, проводил настоящие исследования и обстоятельно излагал свои мысли. Он не терпел халтуры в работе и одинаково глубоко разрабатывал темы в публицистических и беллетристических жанрах. К истории Екатеринбурга он подошел так же серьезно, как к написанию большого романа.

Крестным города автор называет В.Н. Татищева, но не меньшую роль в его развитии отводит и Генину (так в тексте). Но для Мамина важнее было то, как к Уралу относился Петр I, в царствование которого и был заложен город. *«Урал вообще привлекал настойчивое внимание великого императора, предвидевшего своим гениальным умом историческую роль этого горного кряжа, единственного в свете по своим подземным сокровищам»*¹. Далее рассказывая о создании заводов, в том числе и самого старого – Невьянского, автор подводит читателя к проблеме формирования населения края и города, сложившегося из приписных к заводам крестьян, бежавших каторжных и раскольников. Вопросу раскола уделяется особое внимание, так как Екатеринбург вплоть до конца XIX века оставался вторым после Москвы раскольниковым центром в России. Знаменитые купеческие фамилии Екатеринбурга – Ря-

---

¹ Там же. С. 241.

зановы, Казанцевы, Толстиковы, Гилевы, Коробковы принадлежали к расколу и стояли во главе такого доходного дела, как салотопление. Развитие кожевенных ремесел, создание гранильной и камнерезных фабрик, строительство Монетного двора способствовали дальнейшему развитию города. А вот «золотой век» мало принес дохода в городскую казну, в то время как значительно разложил общество в моральном плане. И в этом отношении преуспели опять же староверы Зотовы, Расторгуевы, Харитоновы.

Останавливаясь на посещении Екатеринбурга известным путешественником, светилом европейской науки Александром фон Гумбольдтом, Мамин приводит в очерке описание города, сделанное спутником Гумбольдта, минералогом Розе, что дает представление об облике города первой трети XIX века – *«Со своими многими белыми колокольнями и большими каменными строениями он представляет весьма красивый вид и производит хорошее предубеждение (впечатление?) в пользу главного места уральского горного промысла»*¹. Другой путешественник, англичанин Аткинсон, проезжавший через Екатеринбург в середине века отметил его «европейский вид». Мамин-Сибиряк дает объяснение этому явлению, которое видит в том, что «Екатеринбург был единственным горным городом во всей России, и весь склад его жизни выстроился по специальному уставу, где даже народное образование пошло от *уральского горного училища*. Дав обзор имеющихся в городе типографий и библиотек, благотворительной деятельности купцов и промышленников, перечислив, начиная с 1802 года фамилии «городских голов» до действующего И.И. Симанова, и, приведя массу различных статистических данных, автор очерка в заключении пишет о Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 года, которая для Урала в целом стала символом первой четверти свободного века, и подтвердила центральное положение Екатеринбурга. Более того, автор уверен, что в буду-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 12 т. Под ред. Е.А. Боголюбова. Т. 12. С. 261.

щем Екатеринбург станет губернским городом, в чем, как мы теперь понимаем, он не ошибся.

Замечательно то, что очерк не только интересен, но и является разносторонним справочным пособием по Екатеринбургу, написанным живо и увлекательно. В том же 1888 году Мамин-Сибиряк пишет еще один очерк такого же плана «Старая Пермь», определив его как путевой. По форме – это записки путешествующего по железной дороге из Екатеринбурга в Пермь, а оттуда на пароходе в Чердынь. Следуя вместе с автором по его пути, который он совершил летом 1888 года, мы вместе с ним исследуем и открываем для себя весь Пермский край. Саму Пермь Мамин воспринимал только как административный центр, искусственно созданный властью. Гораздо больший интерес он проявлял к прошлому и настоящему древней «Великой Перми», старинным летописям, роду Строгановых и его значению в освоении края, к промышленным центрам – Соликамску и Березнякам, к старинной Чердыни. *«Соликамская старина, усольская, чердынская и вообще прикамская слишком тесно связаны между собой, чтобы рассматривать их отдельно»*¹, – пишет автор. Как и в предыдущем очерке о Екатеринбурге, здесь мы находим много материала по истории и географии края, знакомимся с производством соды на заводе в Березниках и соляным делом, вместе с пассажирами парохода радуемся паровой лесопилке, поставленной на барже и в этих глухих краях приравненной к открытию Эдисона. Но, сколько бы ни привлекали к себе внимания Дмитрия Мамина технические новшества и открытия, он оставался верен себе и по-настоящему любовался только природой. Реки завораживали его: *«...эта живая, движущая дорога поднимает в душе такое бодрое и хорошее чувство, точно и небо выше, и мир раздвигается перед вами. Около таких могучих рек вместе с вековыми лесами выросла и сложилась своя поэзия, цикл духовных представлений и особый склад приподнятого душевного строя... Движение – символ жизни, а отсюда всякая река – что-то живое,*

---

¹ Там же. С. 319.

*отвечающее неустанной работе, творящейся в неведомых глубинах души человека»*¹. И все-таки, задумываясь над тайной движения воды и живого узла в сплетении трех рек, Камы, Вишеры и Колвы, он вновь возвращается к историческому значению этого места в смысле великого торгового пути, соединившего север с югом.

Добравшись до Чердыни и отметив, что она, как вечный город Рим, расположена на семи холмах, Дмитрий Мамин начинает ее изучение с древней московской грамоты, титулующей ее как «Пермь Великая Чердынь». А потом подробно рассматривает город с древних времен, прибегнув даже к результатам археологических раскопок. Из Чердыни автор путевого очерка направляется в Ныроб, чтобы посмотреть место заключения боярина Михаила Никитича Романова, по пути изучая старинные чудские городища. Стоит отметить, что весь очерк богат статистическими данными и этнографическими зарисовками, представляющими читателю вырождающееся пермское племя – его обычаи, язык, в большинстве своем сохранившийся в названии уральских рек: Чусовая, Иньва, Евга, Юсьва, Обва и других.

При чтении очерка «Старая Пермь» возникает впечатление, что всеми сведениями, изложенными в публикации, автор уже владел, просто передвигаясь из одного пункта Пермского края в другой, настолько органично подан весь фактический материал в сочетании с личными наблюдениями на местности и художественным их оформлением. В действительности свою поездку по краю Дмитрий Мамин совершил с конца июня до начала июля, вернувшись в Екатеринбург 3 июля, а окончил очерк 7 ноября, подписав его Д. Сибиряк. Видимо, столько времени понадобилось Дмитрию Наркисовичу, чтобы поработать с историческими и другого рода первоисточниками. «Старая Пермь» была опубликована на следующий год, в седьмой книге журнала «Вестник Европы».

Но хотелось бы вернуться к методу писателя в ра-

---

¹ Там же. С. 321.

боте над историко-краеведческими материалами. По приезде в Пермь он отправился к Василию Никифоровичу Шишонко, которого называет пермским Нестором по аналогии с древним летописцем, автором «Повести временных лет». А читатель, с первых же строк описания посещения Шишонко проводит аналогию с тагильским летописцем и понимает, что сейчас войдет в дом пермского Шорина. *«В.Н. Шишонко я застал дома. Он живет на краю города, где-то у бульвара. Новенький одноэтажный дом, поставленный по-английски в глубине двора, смотрел весьма уютно. Сам хозяин, большею частью, в разъездах по делам службы, а дома является гостем. Уютная семейная обстановка делала понятным, как громадный труд вершился здесь между прочим, из-за десятка других обязательных дел. – Не знаю, удастся ли закончить летопись самому, то есть напечатать – говорил г. Шишонко с невольной грустью в голосе. – Все под богом ходим... Но на случай смерти у меня все приведено в порядок, так что и без меня могут напечатать. Сейчас войдет в дело XVIII в.; его надолго хватит.*

Желая познакомить меня с своей работой, он велел принести совсем приготовленные к печати материалы. Это был настоящий архив. Старинные акты, копии с разных документов, вырезки из газет, письма и опять копии составляли громадный фолиант»¹.

Теперь стоит подробнее познакомиться с Василием Никифоровичем, которого Мамин-Сибиряк высоко ценил и часто использовал его труды для изучения истории Урала. По профессии врач, Шишонко окончил Петербургскую медико-хирургическую академию и с 1863 года, когда Мите Мамину было всего одиннадцать лет, жил в Перми. По специальности он проработал пять лет, потом служил секретарем Губернского статического комитета. А с 1879 по 1889 годы занимал пост инспектора народных училищ Пермской губернии, проявив себя в качестве организатора народного образования. Но где бы ни работал Василий

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 12 т. Под ред. Е.А. Боголюбова. Т. 12. С. 296.

Никифорович, везде проявлял большой интерес к изучению края, посвятив этому, двадцать пять лет своей жизни. И только с открытием земских учреждений получил возможность издавать свой труд, который печатался на земские средства. Называется он «Пермской летописью» и на момент посещения писателем ее автора был доведен до XVIII века, представляя собой шесть объемных выпусков, общей сложностью 4 000 печатных листов. Высоко ценя летопись Шишонко, Дмитрий Мамин сетовал на то, что эта единственная в своем роде работа, не оценена по достоинству «неблагодарными современниками, видящими в каждом труде одни недостатки». И возмущался тем, что экспертиза сибирско-уральской выставки присудила господину Шишонко только большую серебряную медаль, в то время как итальянскому профессору Сомье за описание путешествия по Сибири – золотую. Сам же удивляясь разносторонним интересам Василия Никифоровича, отмечает его энциклопедические знания. *«Часа полтора прошло для меня совсем незаметно в самой оживленной беседе. Я ехал на север, в Чердынь, и он сообщил много такого, чего нет в печатных источниках. Память у него была удивительная, и оставалось пользоваться только готовыми сведениями»*¹.

И по сей день летопись Шишонко представляет собой уникальный труд, располагающий редкими сведениями об истории Урала. Повествование разделено на периоды и начинается с 1263 года. На издании значится: «Составил член разных ученых обществ, директор Народных училищ Пермской губернии Василий Шишонко. Издание печатано на средства Губернского земства. Дозволено цензурою С. Петербурга»².

Оригинальность издания чувствуешь сразу, как только погружаешься в содержание летописи, однако нас интересует период более поздний. Например, в пятом томе узнаем массу сведений о развитии уральского региона в царствование династии Романовых.

---

¹ Там же.

² Шишонко В. Пермская летопись. Пятый период, часть вторая. С. 1695-1701.

Въезд в поселок Висим. 2014 г.

*Литературно-мемориальный музей Д.Н. Мамина-Сибиряка
в поселке Висим. 2014 г.*

Когда в висимском музее появляются дети, старый дом оживает. Экскурсию ведет В.Б. Петрова, заведующая музеем. 2014 г.

Этому дому
гораздо больше ста
пятидесяти лет,
а хозяйке – Нине
Александровне
Отливан, первому
директору музея
Д.М. Мамина-
Сибиряка в Висиме,
за восемьдесят.
Бабушка ее мужа
играла на висимской
улице с маленьким
Митей Маминым.
2014 г.

На этих же скамейках когда-то сидели ученики церковно-приходской школы, где преподавал Наркис Матвеевич Мамин. Теперь «урок ведет» Н.В. Асхатова, научный сотрудник музея. На печи виден горшок для той самой общей каши, благодаря которой появилось выражение «однакашники». 2014 г.

В 2003 г. в связи с вручением литературных премий имени Д.Н. Мамина-Сибиряка в поселок Висим приехали российские писатели, а местные жители специально нарядились и изображали жителей трех висимских «концов»

И сегодня на висимской улице можно встретить кержацкие дома «с тремя коньками», которые образуют маленький замкнутый мирок. 2014 г.

Теперь на берегу реки Чусовой стоит монументальный памятник сплавщикам-бурлакам, на котором начертано: «Единению России и памяти предков, ковавших могущество уральского края, посвящается». 2014 г.

Диорама в висимском музее воссоздает общий вид берега Чусовой у впадения в нее Утки. Здесь строились знаменитые барки, сплав на которых красочно описан Маминым-Сибиряком в его очерке «Бойцы». Из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме. 2014 г.

Гора Белая, окрестности поселка Висимо-Уткинск – родные маминские места, по которым он немало прошел в детстве и юности. 2014 г.

И сегодня окрестности Усть-Утки поражают красотой и уральским размахом. 2014 г.

Этот живописный портрет Д.Н. Мамина-Сибиряка в неизменной енотовой шубе «настоящего писателя» висит в фойе нижнетагильского Драматического театра, который носит его имя. Художник В. Маркин. 1977 г.

Церковь Николая Чудотворца в Нижней Салде, где служил отец Мамина-Сибиряка Наркис Матвеевич Мамин, в настоящее время постепенно восстанавливается. 2014 г.

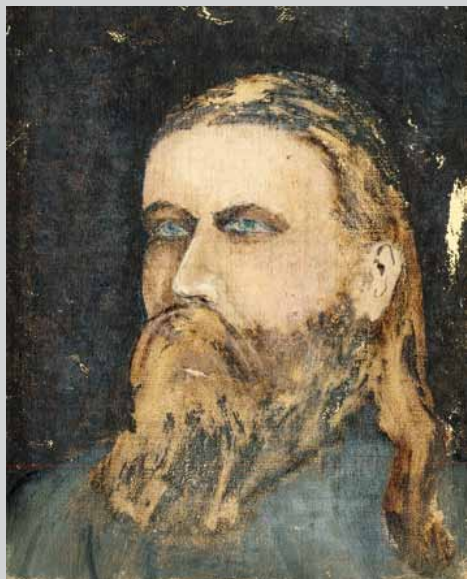
Захоронения XIX в. скрыты под полтораметровым слоем земли. При первых раскопках было найдено основание снесенного в советское время чугунного креста на могиле жены и тещи управителя Нижнесалдинского завода. 2014 г.

Это не настоящая могила Наркиса Матвеевича, а своего рода памятный знак, размещенный рядом с полуразрушенным храмом. 2014 г.

*Портрет Н.М. Мамина
писал маслом сам
Дмитрий Наркисович,
по-видимому, с той же
фотографии, которую
можно увидеть в
висимском музее.
РГАЛИ*

*Библиотека имени Д.Н. Мамина-Сибиряка в Нижней Салде находится
в том же доме, в котором жила семья священника Н.М. Мамина.
Этот дом, по рассказам старожилов, был связан с церковью Николая
Чудотворца подземным ходом, остатки которого однажды были
вскрыты при земляных работах. 2014 г.*

В Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» хранятся уникальные иллюстрации к произведениям Д.Н. Мамина-Сибиряка и портреты уральских типажей, выполненные нижнетагильским художником Михаилом Дистергефтом

«Раиса Павловна и Сахаров»,
иллюстрация к роману
Д.Н. Мамина-Сибиряка «Горное
гнездо»

Иллюстрация к роману
Д.Н. Мамина-Сибиряка «Горное
гнездо»

«Горщик», 1980 г.

«Огненная работа», 1980 г.

Этот мощный портрет молодого Мамина-Сибиряка на фоне родного Висима также написал Михаил Дистергефт. Из архива Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»

До сих пор сохранился в Нижнем Тагиле дом, в котором в 1878 г. останавливался Д.Н. Мамин-Сибиряк. Он находится на современной улице Кирова, которая прежде называлась Большерудянской. На доме установлена мемориальная доска. 2014 г.

На открытой площадке Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» выставлено металлургическое оборудование XIX в., с помощью которого и производилась «огненная работа». 2014 г.

Большим успехом у зрителей пользуется спектакль «Дикое счастье» нижнетагильского Театра драмы. Сценарий по произведениям Д.Н. Мамина-Сибиряка написал известный уральский драматург Олег Богаев. Постановка заслуженного деятеля искусств РФ, лауреата Государственной премии России Валерия Пашнина. 2014 г.

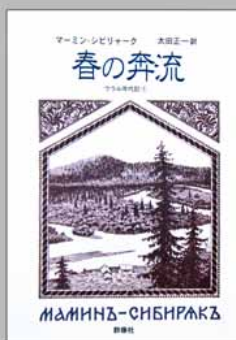
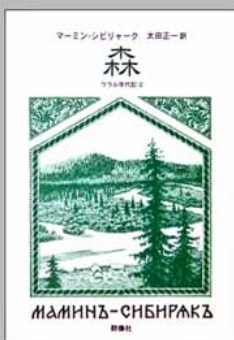

Священник отец Кондрат – заслуженный артист Якутии Василий Саргин, Татьяна Власьева – заслуженная артистка Башкортостана Любовь Новоселова. 2014 г.

Общий выход артистов в конце спектакля, на авансцене в роли Гордея Брагина – заслуженный артист РФ, художественный руководитель театра Игорь Булыгин. 2014 г

Произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка были переведены и на японский язык. Для оформления книг в Японии использовали обложку от «Полного собрания сочинений» – бесплатно приложения к журналу «Нива» за 1916 г. (слева, из музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме). В центре – «Лес», справа «Бойцы» на японском языке (из Центральной городской библиотеки в Нижнем Тагиле). 2014 г.

Автор идеи детского литературного конкурса «Серая шейка» Юрий Исунов (в центре), рядом с ним главные организаторы, справа – Н.П. Якимова, директор Центральной городской библиотеки города Нижний Тагил, слева – Л.Б. Сметанина, заместитель директора по работе с детьми. 2014 г.

*Скульптурный портрет
Д.Н. Мамина-Сибиряка работы
Неверова ждет монументального
воплощения. 2014 г.*

*«Прощание» – сцена расставания
Дмитрия Мамина и Марии
Алексеевой*

*Скульптор Анатолий Неверов в мастерской среди своих работ,
посвященных Мамину-Сибиряку. 2014 г.*

Центральная городская библиотека Ирбита носит имя Д.Н. Мамина-Сибиряка и расположена на улице из старых уютных кирпичных домов. 2014 г.

Ирбитская ярмарка существует до сих пор, правда, масштаб уже не тот. А вот старинные здания в центре Ирбита помнят и купеческий размах, и «Ирбитский ярмарочный листок» с корреспонденциями Д.Н. Мамина-Сибиряка. 2014 г.

Бюст Д.Н. Мамина-Сибиряка в Сиреновом сквере был поставлен в 1955 г. Это самый первый из памятников писателю в России, он находится на месте бывшего Гостиного двора, где когда-то бушевала Ирбитская ярмарка. 2014 г.

И, конечно, более подробно описано время Петра I, который непосредственно приложил руку к развитию уральских заводов. Здесь же представлена и огромная родословная Демидовых, составленная «г. товарищем прокурора Московского Окружного суда». И подробное описание Невьянского и тагильских заводов, и то, как складывалось народонаселение горного округа, и даже его особенность. «Они (жители – прим. автора) отличаются красивым видом и крепким сложением, обнаруживающим их здоровье», нечто подобное мы находим и на страницах произведений Мамина. Скрупулёзное исследование округов Верхотурского уезда с точки зрения залегания природных ископаемых и минералов, подтверждающих, что везде находится коренное и рассыпное золото, стало еще одним источником для тем и фактов, используемых писателем. Этому же послужили и разделы о набегам башкир, описание церквей и соборов, ряд статистических данных, подробности о ремеслах и промыслах, где только сундучное производство, как оказалось, требующее очень много рабочих рук, описано на нескольких страницах. Не пройдут мимо писателя особенности Невьянской, Ирбитской и Крестовской (Троицк) ярмарок, не говоря уже о расколе, по поводу чего представлен большой объем материала, вплоть до заунывных старообрядческих песен.

Даже этот беглый взгляд, брошенный на тома летописи, дает представление, каким бесценным пособием была она для Дмитрия Наркисовича, посвятившего Уралу не только публицистические очерки, но и большую часть художественных произведений, поражающих читателя доскональным знанием предмета. О том, насколько Мамин-Сибиряк дорожил летописью Шишонко, говорит тот факт, что тома из его личной библиотеки были переплетены в переплетной мастерской Д. Кругляшова в Екатеринбурге.

Кроме летописи Василий Никифорович написал книгу об истории народных училищ Соликамска и Соликамского уезда, а также ряд практических изданий, как «Приготовление кумыса из кобыльего и коровьего

молока»; собирал песни, былины и легенды Прикамья. Из его книг можно было собрать отдельную библиотеку.

Посещение Дмитрием Маминым пермского краеведа в 1888-м году по пути в старую Чердынь было словно обусловлено судьбой. «Все под богом ходим... Но на случай смерти у меня все приведено в порядок, так что и без меня могут напечатать...», – эти слова оказались пророческими. Через год Василия Никифоровича не стало. 23 ноября 1889 года в екатеринбургской газете «Деловой корреспондент» (№ 205) появился некролог «Василий Никифорович Шишонко», написанный Дмитрием Наркисовичем. Перепечатка некролога дана в сборнике «Памяти Василия Никифорович Шишонко» (Пермь, 1889).

Василий Никифорович ушел, а главный труд его жизни востребован исследователями и сегодня.

Путь в Чердынь и ее окрестности по-прежнему не близок. Добраться нам туда не довелось. Но представление об этом крае сложилось. Подробности, описанные в очерке Мамина-Сибиряка, дополнили образы и настроение картин самого уральского художника XX-XXI веков, жителя Екатеринбурга – Алексея Ефремова. Сравнение его с Маминым-Сибиряком вполне естественно – оба неистовые патриоты Урала, оба равнодушны к его истории, в которой находят основу для собственного вдохновения.

Через столетие Мамин проложил творческий мост к художнику Ефремову, который на своих полотнах использует тот же реалистический метод отражения действительности, так характерный и для писателя.

– Мамин-Сибиряк ведь ничего из пальца не высасывал, он все свои сюжеты брал из жизни, – соглашается с заданной параллелью Алексей Валентинович. – Вот она – Чердынь на семи холмах и река Колва, – показывает он свою одноименную картину, – дальше отсюда в ясную погоду видна гора Полюд, и когда там загорались костры, то в крепости знали, что надвигается враг.

Не надо напрягать воображение, чтобы предста-

вить себе город именно таким, каким его осматривал Дмитрий Наркисович. С этими деревянными домами, колокольнями и куполами, с крутыми берегами, возвышающимися над холодной Колвой.

– А вот это Ныроб, – указывает на другую картину художник, – когда я работал с натуры, то помнил историю Михаила Никитича Романова, дяди первого царя из рода Романовых. Он был сослан Борисом Годуновым в Ныроб Чердынского уезда. Год просидел в яме, закованный в кандалы, которые сейчас хранятся в музее, в Чердыни. Весят чуть ли не сорок килограмм. Местные дети узника в яме подкармливали. Стража их ловила, детей пытали, а их родителей отсылали в острог. Когда пришли к власти Романовы, они в знак благодарности пожизненно освободили ныробчан от податей. Жители города никогда в царское время не платили налоги.

Когда я писал эту картину, шел дождь. И я думал: «Хорошо, что он идет». Невеселая тема в гармонии с дождем получилась естественной. Вышла пронзительная работа, в которой отражено знание об истории этого города, а в связи с этим – особое настроение.

На другой картине Белогорье.

– Изначально гнездо староверов, – продолжает Алексей. – Первый миссионер, пришедший в эти места, вошедший за ночь на эту гору и встретивший утро на вершине холма, который видно за пятьдесят километров, понял, что здесь должен быть монастырь. Сохранились многочисленные факты, когда молебны в церквях монастыря вызывали дождь во время засухи. И мне хочется отразить в картине и храм, и небо, и даже – тучи. Когда знаешь историю Белогорья, то это уже не просто этюд. Это – драматургия, которая отражается в произведении.

Чусовую и Кын, Соликамск и Усолье пишет Алексей Ефремов, словно следуя по следам писателя. Испытывая тот же самый интерес: к рекам, холмам, к монастырям, к людям, населяющим этот интересный во всех отношениях край. Его картины, как и очерки Сибиряка, широко эпичны и удивительно лиричны.

И его деревянные домики, поленницы дров, петухи и дети в уральской провинции – это все впитано из собственного детства, как и у Мамина, навсегда связавшего их с этим краем. Два художника – один пером на бумаге, другой кистью на холсте бесконечно признаются в любви к Уралу.

– Реализм, который исповедует Мамин-Сибиряк, для меня в творчестве также важен, – подчеркивает Алексей Ефремов.

Но при этом он, как и писатель, не отказывается от художественности – символов, образов, характеров, своего языка, способного раскрыть главный замысел произведения. Неоднократно пишет Алексей Ефремов родину писателя – Висим, и уголки города Перми, где когда-то учился в духовной семинарии Мамин. Пишет будто застывший в XIX веке Мотовилихинский район, и в лучших просветительских традициях библиотеку им. Пушкина рядом с оперным театром и сквером.

Да и сам Екатеринбург – сколько раз он писал Дом купца Железнова, овеванную легендами усадьбу Харитоновых-Расторгуевых и Вознесенскую горку? Сколько раз возвращался к «дому Алексеевой» и писал его в Рождество, во время цветения сирени и в октябре, когда алеет рябина, в пасмурный и солнечный день! И одинаковых картин нет, как не бывает одного настроения, одного состояния души.

Да и родился художник недалеко от «дома Алексеевой», в Литературном квартале, когда он таковым еще не был, как сам он говорит, в доме напротив усадьбы купца Злоказова, где сегодня находится «Музей литературы XX века». И старый город – любимая тема его творчества. Тот Екатеринбург, где был Главный и Покровский проспекты, Златоустовская и Офицерская улицы. И Вторую Береговую Ефремов рисует, запечатлевая на своих картинах последних свидетелей ушедших веков – покосившиеся домики, мимо которых когда-то ходил писатель Мамин-Сибиряк и доживала здесь свои последние дни Мария Якимовна. Все в этом городе далеко и рядом, все взаимосвязано и предрешиено...

В этом же, 1888 году, Дмитрий Наркисович совершает еще несколько поездок по Уралу. В феврале он едет в Касли и башкирские деревни с членом маминского кружка Адольфом Александровичем Фолькманом, который, будучи податным инспектором, с особыми целями объезжал район. Летом он снова путешествует по Южному Уралу, записывает местные этнографические особенности, фольклор и обычаи башкир.

Результатом этих поездок стали его очерки «Поездка на гору Ирмель» и «На кумыс. Из летних экскурсий», где детально описаны не только места Южного Урала, но обычаи башкир, устройства их жилищ, особенности языка, а также лечение кумысом.

Очерк «Поездка на гору Ирмель» был опубликован в издании «Новости и Биржевая газета», вырезан и вклеен колонками в записную книжку, позже сопровождается пометками Бориса Удинцева на внутренней обложке: «Ирмель – горн. массив Южн. Урала в Башкир. АССР, между хребтами Аваляк и Зигальга. Высота 1584 м. Сложен кварцевыми и крист. сланцами. Сплошь покрыт лесами»¹.

Сам автор начинает непосредственно со сборов к восхождению. *«Приготовления к экспедиции шли со вчерашнего дня, потому что подняться на Ирмель не шутка. Снаряжалась походная фотография, осматривались ружья, собирались ящики с красками, а тут еще нужно было не забыть барометр, морской бинокль, складной стул, магазинную винтовку и целый ряд других необходимых вещей»*².

Подняться на высоту 5000 футов было мечтой писателя. Он упоминает о том, что неоднократно бывал на Южном Урале, собирал различные сведения, был в Златоусте и на кумысе, но на гору не поднялся. В то время как, по его собственному утверждению, «Собирая материал об Урале, миновать такую гору как

¹ РГАЛИ, Ф. 316, оп. 2, ед. хр. 14.

² Там же.

Иремель было невозможно». Перед восхождением Дмитрий Наркисович жил в Балбуке, башкирском селении. Изучая речку Уй, деревушку Тунгатарово, описывал горы и хребты. Самым красивым, по его мнению является Уй-Таш. А священная гора Ануш-Куль примечательна тем, что на ее вершине находится могила башкирского святого. Пустой вал из кучи камней, и только. Богомольцы идут издалека, и каждый несет с собой камень.

Подробно описывает бухарскую палатку. *«Устройство ее такое: шатер на четыре стороны, с островерхой крышей и несколько расширенным основанием. Снаружи она покрыта грубой бумажной материей нежно-зеленого цвета, а внутри расшита сплошь самыми фантастическими узорами. Смотря на надобности, можно оставить один вход в палатку или прибавить к нему и выход»*¹.

Особенность Иремели состоит в том, что, как и Ауш-Куль, это – святая гора, и на ней где-то похоронены башкирские угодники. *«Издали гора имела очень внушительный вид. Она сверху до низу состояла из одной сплошной россыпи – целая верста насыпанных в беспорядке камней. Такую голую каменную гору я видел на Урале еще в первый раз... Иримель распадалась на несколько вершин, связанных между собой широкими, болотистыми седловинами»*².

Мечта Мамина сбылась. Он поднялся на вершину горы, представляющую собой громадную плоскость, поросшую жесткой болотной травой: *«Кое-где пестрели убогие цветики, и я на память сорвал несколько синих колокольчиков»*³.

Проводником при восхождении на гору был башкир, старик Ямангулов, который объяснил, что он – дворянин. Но в то же время: *«Сама бревно рублю, сама вожу... все сама мало-мало. Дворянство Ямангулова было сравнительно недавнее и выросло во времена учреждения так называемых кантонных начальников,*

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

оставивших после себя в Башкирии недобрую славу»¹. В каждом абзаце этого очерка чувствуется неподдельный интерес автора к местности и населению здесь проживающему. Ему важно все – окружающая башкир природа и ее влияние на культуру и обычаи народа, их песни и предания, история и социальные отношения. Он с уважением относится к их традициям и восхищается мудростью, смелостью и умением башкир выживать в любых условиях. Разделяет их понимание природы и врожденное стремление к свободе. Очерк подписан «Д. Сибиряк» и представляет собой один из материалов автора этнографической направленности.

Еще более колоритен в этом плане очерк «На кумыс», опубликованный в девятой книге журнала «Русская мысль» за 1888 год. Он дает полное представление о том, что представляет собою лечение кумысом в степи.

Еще раньше, летом 1886 года, Дмитрий Наркисович вместе с Алексеевой возили на кумыс лечить ее дочь Ольгу, которая болела чахоткой, да и Мария Якимовна часто страдала бронхитом. В то время лечение кумысом признавалось самым эффективным для больных чахоткой. Но использовать время только на лечение и отдых Мамин себе никогда не позволял. Он вновь писал.

Каждую весну телеги больных, мечтающих о кумысе, отправляются в степь. *«Есть выработанная многими летями степная культура, и кумыс является живым продуктом, – настолько живым, что ни одна лаборатория не приготовит его, несмотря на все чудеса европейской кухни, техники и специально врачебного искусства. Если желаете пить кумыс, поезжайте в степь»*². Далее автор рассказывает о том, как сначала страждущие лечения приезжают в Екатеринбург и выбирают башкирский или киргизский кумыс. И сам, отдавая предпочтение киргизскому, объясняет, где им можно лечиться. *«Лучший кумыс в Кокчетаве, 1000 верст от Екатеринбурга. Кокчетав славится*

---

¹ Там же.

² Русская мысль. 1888. № 9.

как степная Швейцария: горы, озера, леса. Побывавшие в Кокчетаве отзываются о нем с восторгом»¹. На второе место после Кокчетавы автор ставит троицкий кумыс, которым лечатся в стороне Челябин; двести верст за Михайловку, есть село Кочкарь. Вот туда и тянутся повозки с больными. Кумыс пришлось пить и автору очерка, по поводу чего он писал: «*Это прославленное питье не представляло ничего привлекательного: что-то такое в нем есть неприятное – острое, и потом этот вкус прелой, квашеной кожи*»².

Совсем другой интерес вызывает в нем образ жизни башкир. Он подробно и с большим удовольствием описывает внутренне убранство коша Баймагана, производителя кумыса. Его жилище «обличало полный достаток хозяина: тут были и зеленые тагильские сундуки, накрытые дешевыми бухарскими коврами, и скрытая под пологом кровать – направо от двери, и горы подушек под курпе (степные шелковые одеяла), и кошма на полу, и ружье на стенах... На особой деревянной подставке с низенькою деревянною решеткой, что-то вроде крестьянской зыбки, помещалась «саба», кожаный громадный мешок с кумысом; в каждой такой сабе устроен пискек – деревянная мутовка, которая постоянно взбалтывает кумыс. Как подставка сабы, так и верхний конец пискака были покрыты вычурную резьбой, костяными инкрустациями и раскрашены с азиатской пестротой... Мне очень нравилось в коше Баймагана, где все было устроено с таким удобством; недаром еще Геродот завидовал подвижным домам кочевавших скифов»³.

Кроме непосредственных описаний образа жизни и уклада башкир Дмитрий Наркисович записывал их фольклор, некоторые из этих сюжетов и сказаний вошли в рассказы, сказки и легенды, написанные гораздо позже и посвященные Башкирии – «Горная ночь», «Ак-Бозат», «Байгуш», «Юмма», «В последний раз». Одним из самых пронзительных произведений этого цикла

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

является рассказ «Кара-ханым», что дословно переводится с башкирского – «черная женщина».

История посвящена вымирающей башкирской деревне Юсбашева, где от голода больше всего страдают дети и старики. И вот однажды в эту жалкую деревню приезжает женщина, вся одетая в черное, тут же прозванная Кара-ханым, и открывает, непонятно зачем, школу для девочек. В школе она девочек кормит и одевает, учит ремеслам и наукам. Опекает новорожденную малышку в бедной семье, вызывая полное непонимание местных жителей. Неожиданно выясняется, что она потеряла двух своих детей и теперь всю материнскую любовь сосредоточила на тех детях, кому больше всего нужна ее помощь. Но даже это в глазах башкир не оправдывает ее бескорыстных поступков. Перед смертью одна из самых старых и мудрых старух деревни просит прийти к ней Кара-ханым и спрашивает ее: *«Я завтра умру... придет время и ты умрешь. Что тогда будет с твоей школой? – Придет другая Кара-ханым и будет делать то же...»*¹. Ответ поразил старуху. Она только перед смертью поняла смысл жизни. Рассказ был опубликован в апрельской книжке журнала «Детское чтение» за 1896 год. Издатель журнала Д.И. Тихомиров, прочитав рассказ в рукописи, высоко его оценил: «Убил ты нас всех, до слез тронул, без преувеличения... Дорогой мой, – ты взял новую ноту, новую тему – ты другим указываешь путь...»², – писал он Дмитрию Наркисовичу.

Скорее всего, прототипом Кара-ханым послужила Мария Якимовна Алексеева. В конце 1886 года Оля Алексеева умерла. Кумыс ей не помог. Мария Якимовна очень переживала смерть дочери, это стало для нее тяжелым ударом. Временами она теряла самообладание. Женщина образованная, но воспитанная в старообрядческом духе, она просила прощения у Бога за свои грехи. И хотела она того или нет, но иногда в

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Кара-ханым / Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 260.

² Рассказы для детей. Комментарий А.И. Груздева / Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 400.

отчаянии ей приходила мысль, что божье наказание наступило за ее развод с мужем, за невенчаный брак с Маминым.

Справляясь со своим несчастьем, Мария Якимовна в 1889 году открыла в доме Грачева по Второй Береговой улице ремесленную школу. Правда просуществовала она недолго.

Такое сходство двух женщин – реальной и вымышленной – позволяет предположить, что Дмитрий Наркисович, обратившись в 1896 году к теме «женщины в черном», мысленно вернулся в Екатеринбург, к жизни Алексеевой, к поездкам вместе с ней по Башкирии.

В конце 1880-х годов Мамин-Сибиряк много путешествует по Уралу. В связи с этим 22 января 1889 года он обращается в Общество любителей российской словесности. *«Каждое лето мне приходится путешествовать по Уралу, и по пути я не упускаю случая записывать все, что касается этнографии и вообще и бытовой обстановки этого обширного края. Между прочим, мне хотелось бы заняться собиранием песен, сказок, поверий и других произведений народного творчества, поэтому решаюсь обратиться к Обществу с просьбой, не найдет ли оно возможным выдать мне открытый лист для указанной выше цели. Значение такого листа хорошо известно всем исследователям глухих углов далекой провинции, где можно натолкнуться на неприятные недоразумения и препятствия.*

Действительный член Общества любителей российской словесности Дмитрий Мамин»¹.

Заявление это было рассмотрено на заседании Общества 25 февраля и Мамину выдано свидетельство на право «собирания песен и других произведений народной словесности» за № 100. В конце 1890 года был выпущен сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год, в котором была опубликована киргизская сказка Д. Мамина «Баймаган».

А летом 1889 года в «Новостях и Биржевой газете»

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 372–373.

№ 174 от 27 июня впервые был опубликован его рассказ «Зверство» (Из летних экскурсий), который впоследствии был включен в цикл «Сибирских рассказов».

«Красиво дремлет на крутом берегу кучка домиков, спрятавшихся на вековом бору. У самой воды вытянулось деревянное здание, где чающие исцеления пьют железную воду и принимают ванны. Это провинциальные «минерашки», забравшиеся на сибирскую сторону Урала. Местное название – Курьи. Публика уже привыкла к ним и охотно их посещает, особенно благодаря удобствам, которые доставляет Уральская железная дорога, – по ней до вод рукой подать. Скептики клятвенно уверяют, что курьинская вода не содержит ни одного атома железа, а верующие доказывают, что вода прекрасно действует. Мы знаем только то, что они многим помогли, что они доступны самым небогатым людям и что наконец несколько деревень живут недурно благодаря «наезжающим господам». В зной публика прячется по квартирам или бродит по парку, и только самые неугомонные и точные курсовые дамы торопливо пробираются к ванным. Мне не помогут никакие воды, но я верю в животворящую силу солнца и по целым часам брожу на припеке»¹, – это начало рассказа. В небольшом по объему вступлении Дмитрий Наркисович со свойственной ему репортерской точностью сообщает читателю массу информации. Знакомит с уральским курортом Курьи, указывает его местоположение и как к нему можно добраться, определяет метод лечения – железные воды, сообщает, что ему они не помогут, и показывает отношение публики к данному лечению, суть которого заключается главным образом в вере в исцеление. И даже определяет статус лечащихся: местные «минерашки» доступны даже небогатым.

В Курьях Дмитрий Мамин как минимум бывал два раза, в 1888 году по приглашению Ивана Ятеса и в 1903-м, когда лечилась на водах его сестра Елизавета. Результатом первой поездки и стал рассказ «Зверство». В основу его положен разговор автора с местным сле-

---

¹ Там же. Т. 5. С. 21.

пым, сторожившим вход на курорт от пасущихся поблизости овец, и беседа с попутчиками в поезде при возвращении в Екатеринбург. И в том и другом случае собеседники поразили писателя той спокойной рассудительностью, с которой толковали о случаях неимоверной жестокости, проявленной к своим собратьям по крови. Выжечь глаза кислотой или прибить к ступне молодой женщины раскаленную подкову – это случаи, вызывавшие смакование и даже одобрение не только нищего слепого, но и почтенной публики в железнодорожном вагоне. И поскольку других свидетельств о Курьях в творчестве Мамина не осталось, то можно предположить, что факты эти потрясли его впечатлительную натуру куда больше, чем деятельность пригласившего его заводчика и мецената. Фамилия братьев Ятесов была известной на Урале. Одному из них, Фоме, принадлежали машиностроительный и чугунолитейный завод «Ф. Ятес» (ныне Уральский завод транспортного машиностроения) и особняк по улице Соборной, недалеко от дома Маминых. Писатель не мог об этом не знать, более того, возможно он был знаком с братьями, раз Иван пригласил его в Курьи. Сегодня в особняке Фомы, расположенном на улице Пушкина, 19 находится Уставный суд Свердловской области.

Значимой фигурой для Урала был Иван Ятес. До сих пор сохранились на Урале свидетельства его созидательной деятельности. И самое красноречивое из них – бумажная фабрика между Сухим Логом и Курьями, на берегу той же самой реки Пышмы, где и сегодня находится курорт.

В 1886 году, то есть за два года до посещения курорта Маминым-Сибиряком, Сибирская бумажная фабрика, построенная под руководством Василия Ятеса – брата Ивана, стала выдавать первую продукцию – писчую и альбомную бумагу. Василий Ятес умер в 1887 году, не дожив до Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки, на которой его братья были награждены медалями горного департамента: Фома – за тщательное изготовление паровой машины, Иван – за внедрение машинного способа выпуска бумаги.

В дальнейшем модернизацией этой фабрики занимался только Иван Егорович. Повторный пуск Сибирской писчебумажной фабрики состоялся 1 июля 1894 года. Владелец извещал своих клиентов в газете «Деловой корреспондент» № 12 за 1895 год: «Эта вновь построенная фабрика – последнее слово науки и техники, со всеми современными усовершенствованиями писчебумажного производства, ... дает полное ручательство для наших покупателей получать бумагу всех сортов высшего достоинства».

В 1894 году Иван Ятес взял в аренду курорт Курьи. Отремонтировал дома для отдыхающих, навел порядок в парке, обновил мостки и дорожки¹. Мамин-Сибиряк, посетивший Курьи во второй раз в 1903 году, должен был увидеть все это своими глазами. Однако предпринимательская деятельность Ятесов на пользу обществу и Уралу, тем более связанная с развитием бумажной промышленности (а всякий пишущий человек с почтением относится к свежим, качественным листам бумаги) не нашла отражения в его творчестве. Впрочем, как и непосредственная деятельность курорта Курьи: скорее всего, в его врачующую силу писатель на самом деле не верил.

Фабрика Ятеса работает и по сей день. Называется только иначе – ЗАО «Уральская бумага». Находится она все там же, на красивейшем берегу Пышмы, у плотины, построенной Василием Егоровичем. Затянувшейся весной 2014 года, когда в начале апреля еще лежал снег, вода студеной лавой рвалась только на самом сгибе плотины, оставляя белым и нетронутым русло выше по течению и лениво пробираясь сквозь лед и заснеженные заводи – ниже по реке. Не баловала эта весна и солнцем, все в природе набухло от мокрого снега, напиталось, словно губка, серой влагой – под ногами, в воздухе, в облаках. Графически вычерченные скалы на противоположном берегу Пышмы как ни в какое другое время года напоминали морские рифы, сложенные из известняка, с промоинами в виде пещер

---

¹ Сухоложье: история, люди, судьбы. – Екатеринбург, 2010. С. 87–89.

и гrotов. Старые корпуса фабрики, крепко выложенные из красного кирпича на особый манер почти 120 лет назад, стоят до сих пор на своих ногах. Вздыхают, бормочут живыми звуками, обижаясь, видимо, на то, что вместо качественной писчей бумаги выдают теперь обычную салфеточную. Возвышается над этим рабочим механизмом шестигранная труба из узкого кирпича, подобранного один к одному, с ровными гранями, будто очерченными по линейке. Все так и было во времена Мамина-Сибиряка.

До Курей отсюда – рукой подать. Местные «минерашки» после зимы еще не ожили. Томятся сыростью и пустотой. Подвесной мост, соединяющий два берега, уныло скрипит над серой водой, засыпаемой мелким колючим снегом. На левом высоком берегу разместились корпуса санатория и знаменитая круглая беседка на открытой скале. Стояла она здесь и во время пребывания в Курьях Дмитрия Мамина. Только была тогда деревянной, а сегодня выложена из камня. Из беседки открывается вид на реку и поселок. Въезд на территорию санатория находится с противоположной стороны, где и сидел у ворот тот самый слепой. Корпусов того времени не сохранилось. Один-единственный дом, деревянный, беленый известью, украшенный резными наличниками и карнизом, словно музейный экспонат, дает представление о том времени, когда на «минерашки» съезжались и знатные дамы, и публика попроще. Конечно свидетелем того времени остался сосновый бор, включенный сегодня порывами ветра. Да еще кусты краснотала, скорее всего, наши современники, радуют глаз среди холодной влаги.

С правого берега видны белые скалы. Они – словно свечи, устремленные вверх. Правильные формы камня, гармонично вписанные в общий рельеф русла реки, вызывают восхищение и уважение перед графикой природы. Исполинская красота Урала вряд ли может прийтись по сердцу разнеженному вечным солнцем южанину. С Уралом надо сжиться, чтобы его чувствовать и принимать. Урал создает свой нрав и своего человека, того, которого без конца описывал Мамин-Сибиряк.

Все эти поездки были связаны и с археологическим поисками.

Еще в начале 1888 года Дмитрий Наркисович получил приглашение от профессора Анучина стать членом археологического общества. Дмитрий Николаевич Анучин впервые организовал в России университетское преподавание антропологии, этнографии и географии и устроил при Московском университете обширный Антропологический музей с отделами этнографии и доисторической археологии. С 1875 года Анучин работает в Обществе любителей естествознания, этнографии и антропологии, где занимает разные должности, а с 1890 года состоит бессменным президентом Общества. Это приглашение льстит Мамину, но Анучину он отвечает со свойственной ему прямоотой: «...Могу только благодарить и постараюсь оправдать Ваше доверие, но необходимо предупредить, что я слишком мало знаю в Вашей специальности и могу работать только не больше как любитель. Постараюсь, конечно, подготовиться, но для последнего нужно время. Для меня во всяком случае такая работа представляет живой интерес, и обыкновенные поездки по Уралу примут уже деловой характер, а это имеет свое значение. Собираюсь летом еще в Чердынь, с археологической целью, которую имел в виду для себя, именно для своей истории Урала, собственно ее новгородского периода – необходимо познакомиться с топографией исторических событий»¹. Далее Мамин также пишет о необходимости получения открытого листа Общества, что имело силу рекомендательного письма. И обещает, что все его находки пойдут в коллекцию Общества, а копии будут переданы УОЛЕ.

В другом письме к Анучину от 30 мая 1888 года Дмитрий Наркисович сообщает уже о конкретных результатах поисков. Пишет о том, что сделал первую раскопку в окрестностях Екатеринбурга. Местность – по Сибирскому тракту, в десяти верстах от города, где есть озеро Карасье, а рядом Разбойничий остров. Несколько лет тому назад бродяги, проживающие на

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 370.

острове, распустили слух, что там зарыт клад, 45 пудов золота. И остров, несмотря на то, что он окружен болотом, был весь изрыт кладоискателями. Мамин там копал вместе с консерватором музея УОЛЕ Гаккелем. И кое-что им было найдено. *«Мы копали и сами нашли несколько стрел (кремневые, нешлифованные), долото из зеленой яшмы (по длинному краю обито) и массу черепков с оригинальным орнаментом. Эти вещи поступят в Уральское Общество, я себе оставил только образцы. Если делать правильно раскопку, то можно надеяться на серьезные результаты... Потом ездил в Палкину, 12 в<ерст> от Екатеринбурга, и там достал коллекцию черепков с оригинальным орнаментом, а каменных вещей не оказалось – нужно самим копать. Слышал, что на одном озере стоит восемь нетронутых курганов, которые и раскопаем, как только получу от Вас открытый лист на раскопки – вчера вместе с Веселовым посылал Вам об этом телеграмму»*¹.

Думается, что не только археология привлекала писателя. Возможно, он, как и многие в те годы, мечтал таким образом найти клад и разбогатеть, обеспечив будущее себе и своим близким.

3 декабря 1888 года Маминым был написан отчет о коллекции известняков, собранных летом того же года. В документе упоминаются деревня Подбобыка, река Пышма, Сухой Лог, Дивья Пещера на реке Колва.

Археологией он увлекся серьезно, как и всем, чем увлекался до этого. В поисках артефактов объехал многие районы Урала, принимал участие в составлении и описании коллекций УОЛЕ, в чем себя зарекомендовал отнюдь не по-дилетантски, а вполне профессионально. Его собственные интересы коллекционера в большей степени проявились в отношении к минералам и уральским камням-самоцветам.

В конце 1880-х годов Дмитрий Наркисович хотел заняться добычей золота, для чего даже намеревался взять в аренду золотоносные земли у башкир. В этот

---

¹ Там же. С. 371.

период времени он часто выезжал из Екатеринбурга вместе со своим компаньоном Иваном Васильевичем Поповым, бывшим однокашником по обучению в Пермской духовной семинарии. В этих поездках Дмитрий Наркисович проявляет себя великолепным товарищем, как и прежде – замечательным рассказчиком и собеседником. Он легко общается с башкирами, даже не зная их языка. На их предложение откусать национального блюда – вареной баранины, как и они, прямо руками из котла, он, ничуть не смущаясь, подсаживался к огню, доставал куски мяса из котла и отправлял их в рот. Этим он сразу вызвал большое доверие башкир. И когда уже Дмитрий Наркисович просил их сварить для него и Попова «шарбу» – уху, то они доставляли для нее лучшую рыбу, стараясь угодить уважаемому гостю. Несмотря на конкретную цель таких поездок, поиск золотоносных участков, Мамин всегда оставался писателем, собирая и записывая рассказы о местных чудесах и легенды.

В поездках с Поповым Дмитрий Наркисович посетил Нижне-Сергинский металлургический завод и курорт минеральных вод, где по просьбе арендатора курорта доктора Доброхотова остался на несколько недель. Отсюда проехал на Ревдинский завод и осмотрел его. Поездки с Поповым нравились Мамину. С золотом у них не вышло. Видимо, не было в товарищах той предпринимательской жилки, без которой не стоит подступаться ни к одному доходному делу, тем более старательскому. Зато эти путешествия дали Мамину много материала для дальнейших его произведений. Он с любопытством ребенка осматривал встречающиеся на пути достопримечательности, собирал материал об истории заводов и их деятельности, записывал местные сказки и песни. Покуривая трубку с длинным мундштуком с серебряным украшением, подпрыгивая в коробке на дорожных ухабах, Дмитрий Наркисович меньше всего походил на золотопромышленника, предполагающего принять участие в разработке заявок на золото. Слишком он для этого был интеллигентным и мечтательным человеком, лишенным

всякой хитрости и ястребиной хватки, чем отличались уральские старатели.

Эти поездки Мамин ценил скорее как представившуюся вновь возможность смотреть и изучать Урал. Поездки по приискам и заводам нравились приятелям, и очередное путешествие они предприняли в село Мурзинку Верхотурского уезда – центр добычи уральских самоцветов, результатом которой стало пополнение маминской коллекции минералов и камней. А также очерки «Самоцветы», опубликованные в третьей и четвертой книгах «Русской мысли» за 1890 год, позже в сборниках в 1937 и 1947 годов, а отдельным изданием только в 2013 – в Нижнем Тагиле. Собственно, это один очерк, сложенный из нескольких дней путешествия. И начинается он в типичной маминской манере – путевых заметок, подробно и динамично, представляющих сначала суету железнодорожного вокзала, когда «весна будит свои уральские кровные интересы – мелкой частной золотопромышленности», затем беседы в вагоне поезда, пока попутчики едут до Невьянска, сам город Невьянск – «кондовое раскопачье гнездо», небезынтересную дорогу до Мурзинки, и промысел самоцветных камней. Свой выбор конечного места путешествия писатель объясняет так: *«Я беру именно Мурзинку, как типичный уголок, где добывание самоцветов уже утвердилось прочно и создало «интересного мужика», который «любопытничает по части камешков» с одной стороны, а с другой образовалась кучка торгашей, забравших всю торговлю добытыми самоцветами в свои руки»*¹. Далее автор размышляет о том, что коллекторство – собирательство камней – со стороны может показаться смешным, но жить на Урале и не любить уральских самоцветов, на его взгляд, еще смешнее. И уверяет, что на Урале существует целый разряд таких любителей, страдающих этой «каменной болезнью». Еще в Невьянске автор очерков знакомится с Петром Васильевичем Калугиным, управителем золотых промыслов, владельцем

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Самоцветы. Очерки. . Нижний Тагил: 2013. С. 4.

прекрасной минералогической коллекции, часть которой он видел на выставке 1887 года в Екатеринбурге. А теперь писателю довелось лично познакомиться с Калугиным и приобрести у него брошюру, составленную им о мурзинских копиях для Сибирско-Уральской промышленной выставки. К брошюре была приложена карта всех существующих копий, несомненно, очень полезная для Мамина.

Но до Мурзинки еще надо было доехать, минуя Быньговский завод, громадную раскольничью деревню Таволги и такую же большую деревню Бородовое, к ночи добраться до Петрокаменского завода, а оттуда с утра до Мурзинки – рукой подать, верст двадцать пять.

Несмотря на то, что все Невьянские заводы стояли на участках, баснословно богатых золотом, Быньговский произвел на путешественников печальное впечатление, и, выехав на просторы ближе к Таволгам, они почувствовали облегчение, будто «вырвались из какой-то зараженной местности». В сопоставлении с золотосносными землями зеленые пашни подействовали на приятелей совсем иначе. *«Что-то умиротворяющее, трудовое, настоящее вот в этих вспаханных нивах; здесь есть смысл, и освежающая душу неустанная работа и незыблемая вера всему»*¹. Так оценил писатель крестьянский труд в сравнении с разрушающим все и разлагающим душу человека золотом. Еще более проникся он к Таволгам: *«громадная раскольничья деревня, получившая известность утвердившимся здесь кустарным промыслом по части выделки овчин и шитья сибирских полушубков и нагольных тулупов. Все такие славные крепкие дома, – видимо, живут хорошо, не так, как живут на золотых промыслах»*².

Теперь в XXI веке село Быньги известно больше всего необычным собором, не имеющим аналогов в России. Храм во имя Святителя Николая Чудотворца называют в народе Никольской церковью или «чугунным храмом». Возведен он был еще в восемнадцатом веке.

---

¹ Там же. С. 29.

² Там же.

По поводу строительства его живет легенда, в которой может быть, немало и правды. После того, как владелец железного Невьянского завода Савва Яковлев умер, его дети начали спорить о наследстве. И один из сыновей, Петр Саввич Яковлев, публично пообещал перед Богом и людьми, что если он станет владельцем Невьянских производств, то построит здесь чудесный храм. Желание Петра сбылось, и он сделал, как обещал. По его распоряжению в Быньгах был отстроен феноменальный «чугунный храм». Инженеры и строители применили для него все знания о железе, чугуне и железобетоне того времени. И сегодня сразу с порога вступаешь на литой чугунный узор церковного пола, изготовленный еще на тех демидовско-яковлевских заводах. И внутреннее убранство церкви, на удивление, не тронутой большевиками, вызывает восхищение. В своем очерке Дмитрий Наркисович отмечает, что на площади недалеко от церкви стоят настоящие хоромы – поповские, *«а весь секрет опять в золоте. Заводоуправление отвело причту землю, а в ней оказалось золото; ну отцы и добыли его. В лучшем виде все оборудовали»*¹.

Живы сегодня и Таволги. В самом центре села выстроена староверческая часовня, куда приходят на моления члены местной общины. Как не вспомнить тут маминские строчки об огромной раскольничьей деревне, вытянувшейся на несколько верст вдоль реки Таволги. На деревянном храме памятная доска «1697-2007 гг. Старообрядческая часовня возведена в честь первых православных, волею судеб оказавшихся на Уральской земле. Своим трудом и верой прославивших Святую Русь. Освящена 2 ноября 2007 г.» Об образе жизни и быте староверов рассказывает небольшой музей, разместившийся в гончарной лавке, где для вас тут же посуду из глины сформируют и покажут, как ею пользоваться в быту. В музее этом представлено все – от деревянной ложки до шерстобитного станка для выделки тех самых овчин, о которых пишет Ма-

---

¹ Там же. С. 29.

мин, и домовины¹, выдолбленной из цельного ствола дерева – последнего приюта кержака. Тут же рядом – мастерская росписи, еще одно ремесло, занесенное на Урал староверами, и стоит это все на месте староверского скита, возникшего здесь еще раньше деревни, и давшего жизнь Таволгам.

Добыча камней в Мурзинке – исконный промысел, которому больше сотни лет, говорится в очерке, и образ богатого мурзинского мужика у писателя рождается будто бы тут же, на ходу, пока пара лошадок трясет коробок по улицам села. *«Богатый мурзинский мужик жил по-богато: все туго, все толсто, все крепко, все сыто, все кругло. Бревно, так бревно, точно оно выросло на заказ для богатого мужика, баба, так баба, ширококостная, точно из подошвенной кожи, хоть запрягай ее в корень, девка-дочь вроде бревна – круглая, с битым телом, которого не уципнуть самому бойкому деревенскому парню. Поданный самовар походил на средней руки локомотив. Хозяин тоже походил на самовар»*². Но не так замечательно обстояли дела во всем селе, как у этого богатого хозяина. Досконально изучив нелегкий и опасный труд горщика, не застрахованный от несчастия ни с одной стороны, Мамин-Сибиряк дает полную картину добычи самоцветов, вся цена которой здесь на месте измеряется водочной мерой. *«Всякого сословия камень по-своему крепится в жиле: который подешевле, так он груднее, а который подороже, так тот совсем один попадется. Все от счастья, кому что пошлет господь-батюшка: одному на полштофа, а другому и на целое ведро»*³. Те камни, за которые местные мужики лишних полштофа водки у торговцев выпрашивали, потом за большие деньги продавались в Москве, Санкт-Петербурге и даже Париже.

Описав в подробностях самое большое месторождение самоцветов на Урале с точными характеристи-

---

¹ Домовина – гроб (устар.).

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Самоцветы. Очерки. Нижний Тагил, 2013. С. 31.

³ Там же. С. 42.

ками топазов, бериллов, сапфиров, рубина, пирита, хрусталя, аметиста и других камней, Мамин-Сибиряк не обошелся без «случаев», суеверий и горщицких баек, а также личных встреч с теми, кто добывал и скупал камни. Проведя анализ истории развития гранильного дела на Урале, он завершил очерки «Самоцветы», «каменной болезнью», рассказом о собирателях минералогических коллекций, к которым относил и себя.

В большой белой церкви, которая по мнению писателя придает Мурзинке характерный вид настоящего русского села, в Сретенском храме, построенном в 1729 году, располагается сегодня минералогический музей им. А.Е. Ферсмана, русского геохимика и минералога, профессора Московского университета. Александр Евгеньевич неоднократно бывал в Мурзинке и писал о ней так: «Трудно во всем мире назвать другой уголок земного шара, где было бы сосредоточено большее количество ценнейших самоцветов, чем в знаменитой Мурзинке – этом заповедном для минеролога районе Урала...».

В музее обязательно расскажут и о том, что посещал окрестности Мурзинки писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, упомянут его очерк «Самоцветы» и организуют экскурсию на самую ближнюю копию – Тальян, описанную в четвертой части «Самоцветов»: «...теперь можно было видеть и жилу, т.е, полосу кварца, которая неправильной лентой проходила по основной породе крупнозернистого гранита. О правильной разработке тут, конечно, не могло быть и речи, а просто долбили камень «сколь мога»¹.

Сегодня туристам тоже предоставляют возможность самим поискать ценные камни. Некоторым везет найти здесь друзья хрусталя или аметисты. В общем, «кому что пошлет господь-батюшка: одному на полистофа, а другому и на целое ведро».

---

¹ Там же. С. 41.

В то же время, в конце 1880-х годов, Мамин осуществляет поездки в нынешнее Зауралье и Сибирь. После Мурзинки, Курьев и Камышлова он едет в Тобольскую губернию, в селение Заводоуспенск Тюменского уезда, известное своей сначала винокуренной, а потом бумажной фабрикой, которая была пущена за несколько дней до приезда писателя промышленником и купцом Иваном Щербаковым. Его Мамин знал по Екатеринбург, где давал частные уроки его детям. В Заводоуспенске Дмитрий Наркисович провел несколько дней, собрав много материала, который впоследствии найдет отражение в романе «Золото» и ряде публицистических статей. Одна из них – «Первая писчебумажная фабрика в Сибири», опубликованная в «Русских ведомостях» в 1888 году в № 273, позже, в 1890 году, под названием «Варнаки» будет перепечатана в «Русской старине».

В самом начале очерка автор выкладывает весь необходимый материал для настоящих и будущих исследователей края, в первую очередь сам выступая в качестве заинтересованного этнографа и краеведа. *«Осенью 1888 года мне случилось побывать в Успенском заводе (Тобольской губ), и там, между прочим, я случайно наткнулся на очень интересный материал из недавнего прошлого, о котором стоит сказать несколько слов. Дело в том, что этот Успенский завод – место упраздненной каторги, и все население сложилось из бывших каторжан. На Урале таких каторг существовало несколько: в Богословском заводе, в Березовском заводе, а затем в Камышловском уезде – Ертарский завод. Успенский завод сложился преддверием уже настоящей сибирской каторге. В Богословском и Березовском заводах каторжане работали разную «горную работу», а в Ертарском и Успенском существовали казенные винокуренные заводы, сдававшиеся в аренду партикулярным лицам. Каторжная казенная водка – это уже одно достаточно говорит за*

себя»¹. Сразу обозначен целый пласт исторических, экономических и социальных проблем. Анализируя попавшие ему в руки документы, Дмитрий Наркисович подробно останавливается на таком явлении, как каторга.

Другой большой очерк, созданный на основе этой поездки, под названием «На каторжном пепелище» был опубликован в газете «Уральская жизнь» в 1904 году в № 225, 232, 239. В нем автор вновь возвращается к архивным документам, в частности, к спискам каторжан, сохраненных местных батюшкой и переданных временно писателю. По ним Мамин-Сибиряк смог проанализировать контингент каторги, кто и за что был сослан в Сибирь. Кроме уголовных преступников, он нашел в списках и политических. Например, Франца Кохановского, осужденного за участие в Варшавском тайном обществе в 1848 году. А также узнал о том, что Успенский завод посещал Федор Михайлович Достоевский, отдыхая здесь в 1859 году, когда возвращался с каторги.

В 1890 году в Тобольске купец Сыромятников стал выпускать газету «Сибирский листок» – частное торгово-промышленное издание, куда Дмитрий Наркисович был приглашен для сотрудничества. «Очерк об экономических проблемах шадринского крестьянства» появился в первом номере «Сибирского Листка» в декабре 1890 года. В следующем 1891 году с марта по август газета опубликовала еще четыре статьи уральского корреспондента. Их содержание охватывает историю освоения Урала и Зауралья, роль раскольников в освоении восточных земель России, судьбы башкир, голод 1891 года, упадок золотодобывающей отрасли уральской промышленности, распространение преступности среди промышленных рабочих»².

И конечно, он был в Ирбите! Городе, знаменитом своей ярмаркой, которую по своей значимости стави-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 12 т. Под ред. Е.А. Боголюбова. Т. 12. С. 339.

² Копылов В. Д.Н. Мамин-Сибиряк в Заводуспенске. Электрон. ресурс <http://www.zavodouspensкое.ru/>

ли на второе место после самого главного российского торжища – ярмарки в Нижнем Новгороде. Но находились и те купцы, что отдавали предпочтение Ирбитской. В течение трех сотен лет в начале каждого года обычное прежде сибирское село Ирбит превращалось в торговый город – разноплеменной и разноязычный, со своим торговым размахом, неповторимым нравом, ярмарочными затеями и кутежами.

Сложно сказать, когда впервые Дмитрий Наркисович посетил Ирбит, но ярмарку он упоминает во многих своих произведениях, а в «Приваловских миллионах», впервые опубликованных в 1883 году, описывает ее как вполне заправский посетитель. *«Ирбит – большое село в обыкновенное время – теперь превратился в какой-то лагерь, в котором сходились представители всевозможных государств, народностей, языков и вероисповеданий. Это было настоящее ярмарочное море, в котором тонул всякий, кто попадал сюда. Жажда наживы согнала сюда людей со всех сторон. ... При первом ошеломляющем впечатлении казалось, что катилось громадное колесо, вместе с которым катились и барахтались десятки тысяч людей, оглашая воздух безобразным стоном»*¹.

Доподлинно известно то, что бывал Мамин-Сибиряк в Ирбите неоднократно. Хорошо его знал, дружил со многими жителями города. Останавливался, как правило, в гостинице «Биржевая», принадлежавшей председателю земской управы Дмитрию Аристарховичу Удинцеву. В романе «Приваловские миллионы» описывая внутреннее состояние Сергея Привалова, впервые попавшего на ярмарку, писатель красноречиво передают атмосферу торговых дней. *«Тема была бесконечна: нажива, вино, женщины, карты... Что-то пьяное и беспутное чувствовалось даже в самом воздухе»*², и когда среди попутчиков Привалова встает вопрос, куда бы сегодня поехать, то его друг Веревкин отвечает: «Вероятно, в «Биржевую гостиницу». Потом он объясняет присутствующим, что значит в его по-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2. С. 306.

² Там же. С. 308.

нимании Ирбитская ярмарка. *«Любопытное местечко этот Ирбит, поелику здесь сходятся вплотную русская Европа с русской Азией! Люблю я эту самую Сибирь: самая купеческая страна. Бар и крепостного права она не видала, и даже всероссийский лапоть не посмел перевалить через Урал... В сапожках ходит наша Сибирь! И народец только – сорви голова»*¹.

Гостиница «Биржевая» была самой презентабельной в Ирбите. Но вполне вероятно, что не всегда писатель останавливался в ней. Существуют и другие свидетельства, в частности то, что Дмитрий Наркисович жил в доме Александры Степановны Албычевой, представительницы ирбитской интеллигенции. А после знакомства в Екатеринбурге с Дмитрием Аристарховичем Удинцевым, ставшим членом маминского кружка, вполне мог предпочесть «Биржевую».

В 1890 году Дмитрий Удинцев женился на Елизавете Маминой. Он был человеком передовых взглядов, за что и попал в опалу в пору учебы в Пермской духовной семинарии, служил мировым судьей, председателем нескольких уездных земских управ, в том числе Ирбитской и Чердынской. В Чердыни в 1899 году Дмитрий Удинцев основал краеведческий музей, в то время один из лучших в Прикамье. Активно сотрудничал с разными газетами Урала, в том числе с «Ирбитским ярмарочным листком», много писал о хозяйственно-экономических проблемах Урала.

Его брат, Сергей Удинцев, был членом УОЛЕ и Пермского экономического общества, экономистом, журналистом, сотрудником многих газет, автором десятка очерков по краеведению.

Всего братьев Удинцевых было четверо, и всех их Дмитрий Наркисович знал, со всеми дружил.

Но с Ирбитом его связывала не только семья Удинцевых. К удивлению и счастью для обоих, здесь снова переплелись дороги Мамина и Павла Николаевича Серебреников, его товарища по учебе. Здесь писатель познакомился и с его супругой – Евгенией Павловной.

---

¹ Там же.

Серебренниковы вошли в историю Ирбита как выдающиеся земские врачи, проживавшие в городе в 1881–1883 годах. Однако Павел Николаевич и Евгения Павловна занимались не только врачебной, но и общественной, просветительской деятельностью. По их инициативе и при непосредственном участии в Ирбите, одном из первых городов России, были открыты фельдшерские курсы. Мамин бывал в доме Серебренниковых, восхищался их подвижническим трудом.

Семьи Удинцевых и Серебренниковых стали прототипами героев некоторых его произведений, таких как «Штучка», «Крупчатая».

Супруги Серебренниковы жили недалеко от Пассажа, где на Торговой площади с 1864 года происходило открытие ярмарки. Сначала служили молебен, потом поднимали российский флаг. После чего распахивались двери многочисленных магазинов, торговых рядов и павильонов.

В справочной книжке «Ирбитская ярмарка» за 1897 год в статье «О происхождении Ирбитской ярмарки» дано историческое объяснение появления в этом местечке торжища, которое уходит корнями в заселение края беглыми крестьянами и пришлыми ремесленниками, а также анализируется настоящее положение дел. «Ирбит – уездный городок (6000 жителей) Пермской губернии, лежащий на слиянии рек Ирбита и Ницы, судоходной в весеннее время... В течение января и февраля месяца он совершенно меняет свою физиономию и характер. Сюда стекается десятки тысяч народа, здесь можно бывает видеть представителей противоположных концов восточного материка: западных европейцев – немцев, французов и англичан, и жителей Китая, Монголии, Персии. Сюда привозят товаров на сумму до 60 000 000 рублей. Словом, здесь происходит знаменитая Ирбитская ярмарка – ежегодный обмен произведениями Азии и Европы»¹. В этой же книжке половину всего объема занимает список приезжающих на ярмарку купцов и

---

¹ Иконников В.А. О происхождении Ирбитской ярмарки // Ирбитская ярмарка. Справочная книжка. Ирбит, 1897.

компаний с расквартированием по ирбитским домам, среди которых встречается и дом Удинцевых. В другой графе – название постоянного места торговли или производства привезенных изделий. И диву даешься, как шестистысячный Ирбит мог вместить в себя такую массу разнородного товара и людей, начиная от сибирских городов Минусинска, Красноярска, Барнаула, Бийска – до западных Самары, Москвы, Варшавы и Лодзи, Лондона, Берлина и Лейпцига. А еще среднеазиатские города и страны, и поражающая своей немыслимой величиной цифра в 60 000 000 рублей, при том, что железоделательный завод в то время оценивался в сумму два-три миллиона! Невероятный размах и накал торговых страстей! После ярмарки, длившейся чуть больше месяца, Ирбит жил сыто целый год до следующей ярмарки.

А сколько было увеселительных и развлекательных мероприятий в эти дни! В здание местного театра «вселялась» труппа заезжих артистов, шуточные балаганы с Петрушкой и живым медведем веселили публику прямо на Торговой площади.

С 25 января по 1 марта, то есть во время ярмарочных дней, ежедневно выходила газета «Ирбитский ярмарочный листок», издаваемый Ярмарочным комитетом, редактором которой с 1889 года был Евгений Александрович Иконников, представитель еще одной знаменитой ирбитской фамилии. С 1896 года он начал выпускать к газете приложение – справочную книжку «Ирбитская ярмарка».

Дмитрий Наркисович Мамин сотрудничал с «Ирбитским ярмарочным листком», как и с другими зауральскими изданиями. Эта газета была уникальным явлением: выходя всего один месяц в году, она имела большую популярность среди приезжающей на ярмарку иногородней публики, и не случайно продержалась как периодическое издание несколько десятилетий. Главною своею задачей «Листок» ставил «служение отражению Ирбитской ярмарки». С этой целью в «Листке» помещались передовые статьи о ходе ярмарочных дел, еженедельные торговые обозрения, торговые све-

дения, статистические данные о привозе, продаже, остатке товаров. В программу издания, кроме правительственных и местных административных распоряжений, входили также местная хроника, дневник происшествий, информация о зрелищах и увеселениях, справочный отдел.

Независимо от этой специальной задачи «Листка» редакция по возможности знакомит читателей с общим торгово-промышленным значением местностей, входящих в районы Ирбитской ярмарки, и наиболее выдающимися явлениями, обусловленными этим положением. В этот отдел входят статьи, сообщения и корреспонденции из разных городов, причем, в интересах иногородней ярмарочной публики, в этих корреспонденциях сообщаются местные новости дня. Находят в газете себе место разного рода материалы, имеющие значение для истории Пермского края. Публикуются объявления о спектаклях театральной труппы и анализируются прошедшие спектакли.

Статьи и очерки Мамина-Сибиряка в «Листке» приветствовались, что свидетельствует из письма редактора Е.А Иконникова от 16 февраля 1891 года. «Милостивый Государь, Дмитрий Наркисович! От всей души благодарю Вас за участие в нашем «Листке» и прошу простить великодушно за те промахи, которые наделаала корректура в вашей статье «Русское золотое дело». Посылаю Вам десять руб. за первую Вашу статью, осталось 50 коп. – пришлю с гонораром за вторую статью, которая выйдет 18 февраля. Прошу извинить, что не могу заплатить Вам дороже 5 коп. за строчку. Средства редакции слабоваты. Еще раз благодарю Вас за ваше участие и желаю всего хорошего. С искренним почтением и уважением. Е. Иконников. P.S. Гонорар за ст. «Каменный промысел на Урале» – вышлю 18 февраля»¹.

На первой полосе первого номера «Ирбитского ярмарочного листка» за 1893 год сообщается о том, что

---

¹ Письмо Е. Иконникова Д.Н. Мамину-Сибиряку от 16 февраля 1891 г. РГАЛИ, Ф.316, оп.1, ед. хр. 116.

вступая в 29 год своего существования, газета своей главной задачей по-прежнему считает отражение Ирбитской ярмарки. А среди перечисленных лиц, принимающих участие в издании «Листка» названы А.И. Иконников, В.А. Иконников, М.С. Левитов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.О. Португалов, С.А. Удинцев.

Дмитрий Наркисович, сотрудничая с «Ирбитским ярмарочным листком», не изменял своим принципам репортера. Для него не существовало разделения на большие и маленькие газеты, на значимые и второстепенные. В журналистике он оставался верен себе – гражданину и публицисту.

Сегодня все тот же самый Пассаж стоит на прежнем месте, являясь также торговым центром. Но уже давно нет Ирбитской ярмарки – она переродилась в фестиваль народных промыслов и развлечений. Только старинные особнячки из красного кирпича с арками, коваными дверями и балконами помнят бывший размах ярмарочных дней, когда Ирбит становился заснеженной купеческой гаванью, со скрипом полозьев саней, звоном бубенцов и летящим из-под лошадиных копыт снегом.

С особнячками и ярмаркой связано много легенд, которые до сих пор живут среди ирбитчан. Одним из героев былей и небылиц является купец Дмитрий Васильевич Зязин, в скупости своей доходивший до абсурда. Но, тем не менее, он имел слабость к украшательству родного города, к возведению самых красивых особняков. В одном из тех, где жил сам Зязин с семьей, сегодня находится Центральная городская библиотека: 14 января 1954 года Указом Президиума Верховного совета РСФСР ей присвоено имя Д.Н. Мамина-Сибиряка. Сюда были перенесены фонды той самой земской, публичной библиотеки, открытой в 1889 году, которую с 1907 по 1919 годы возглавляла Александра Степановна Албычева, и для которой в 1894 году Сергей Удинцев, делопроизводитель земской управы, составил печатный каталог имеющихся в фондах изданий. В фойе библиотеки установлен

бюст писателя. Так и остался Мамин-Сибиряк в истории и жизни Ирбита, вдохновляя к творчеству тех, кто пришел после него.

Самобытный художник, Почетный гражданин Ирбита, ветеран Великой Отечественной войны и труда Анатолий Андрианович Стихин увлекался творчеством Мамина-Сибиряка всю свою жизнь. Он ценил в его произведениях уральский колорит: точность в изображении уклада жизни местного населения, и, конечно, пейзажа. Он восхищался сочным народным языком, живой речью персонажей произведений уральского прозаика.

Изучая жизнь и творчество писателя, Анатолий Андрианович дерзнул некоторые факты взять за основу сюжетов своих живописных работ. На одном из эскизов он запечатлел Мамина-Сибиряка с Марией Якимовной Алексеевой на археологических раскопках в Ирбите в мае 1888 года. Идея создания другой работы «Д. Н. Мамин-Сибиряк позирует И. Е. Репину» родилась после прочтения автором письма Ильи Ефимовича своему брату, в котором он сообщал о том, что Дмитрий Мамин позировал ему для картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», о чем речь пойдет ниже.

В знак ли признательности за то, что Дмитрий Наркисович в своих произведениях навсегда увековечил главное историческое событие Ирбита, или в знак уважения писателю, много раз посещавшему этот город, но именно здесь впервые в России и на Урале был открыт ему памятник. Бюст работы свердловского скульптора И.А. Камбарова изображает Дмитрия Наркисовича в известной шубе и меховой шапке – как и полагается сибирскому писателю. В ноябре 1954 года бюст был установлен в Сиреневом сквере, в свою очередь разбитом в 1930 году на месте разрушенных строений Гостиного двора, где и бушевала некогда ярмарка, недалеко от здания бывшей гостиницы «Биржевой».

Весной, в период цветения сирени, этот сквер становится любимым местом прогулок горожан.

С возрастом отношение Мамина к газетно-журнальной работе меняется. Теперь он видит в ней такую же общественную значимость, как и в литературной деятельности. Требуя к ней уважения и неоднократно подчеркивает, что гордится своей профессией журналиста.

В 1890 году Дмитрий Наркисович побывал в районе Далматовского монастыря, в Шадринске, проехал по долине реки Исеть. Эта река неоднократно упоминается им в различных произведениях. Город Шадринск и события, происходившие здесь, будут позже описаны в романе «Хлеб». А Далматовский монастырь, Каменский завод и река Исеть нашли свое отражение в исторической повести «Охонины брови», посвященной восстанию Пугачева в Зауралье.

Иногда с посещением Сибири, куда относили раньше и современное Зауралье, связывают псевдоним Дмитрия Наркисовича – Сибиряк. Гораздо раньше, в 1881 году, писатель опубликовал статью «Покорение Сибири», в 1882 году впервые появилась его подпись – «Сибиряк». Связаны ли все эти явления, сегодня сказать трудно, сам писатель объяснения своему псевдониму не давал.

Все поездки по Уралу и Западной Сибири давали Дмитрию Наркисовичу массу материала для творчества, да и сами эти путешествия можно рассматривать как творческий процесс, который обогащал писателя, вдохновлял, расширял его кругозор, способствуя постоянному самообразованию, держал в постоянном тонусе, не давая повода к унынию и хандре. Он был полон сил, энергии и желания творить.

21.

Знаменательным и очень радостным событием для Дмитрия Наркисовича стал выход в Москве, в издательстве Пономарева, в мае 1888 года первого тома «Уральских рассказов» тиражом 2400 экземпляров, что имело свою историю.

Иван Александрович Пономарев был соучеником Дмитрия Наркисовича по духовному училищу и семинарии. Однажды он обратился к Дмитрию Афанасьевичу Бонч-Бруевичу, чиновнику межевого департамента и управляющему делами типографий товарищества Кувшинова, с просьбой издать произведения талантливого писателя, который хорошо знает Урал – Мамина-Сибиряка. Было известно, что Бонч-Бруевич стремился издавать хорошие книги передовых писателей своего времени. Рассказывая Дмитрию Афанасьевичу о своем однокашнике, Пономарев не искал слов, он убеждал, что Мамин – настоящий демократ, воспитанный на семинарских щах, сын провинциального священника, уже прославивший Россию своей литературной деятельностью. «Но его затирают, – говорил Пономарев, – так как он самостоятелен в своих взглядах и не имеет никаких связей. Я знаю, что ему трудно печататься в журналах, – он не принадлежит ни к одной современной литературной группе, а идет своей собственной дорогой. Ему весьма трудно... Вот я и решил помочь ему издать его «Уральские рассказы». Произведения эти прекрасные. Они рисуют очень хорошо быт русской уральской жизни: и фабрикантов, и уральских рабочих, и заводчиков, которых почти никто до сих пор в литературе не обрисовывал»¹.

Прежде чем отдать в набор рукопись, Бонч-Бруевичу пришлось преодолеть сопротивление цензора, который предупредил, что как бы не пришлось с рассказами «этого Мамина» попасть в какую беду. В типографию в помощники к корректору приходил подчитывать текст для сверки с рукописью шестнадцатилетний сын Бонч-Бруевича – Владимир, будущий видный деятель коммунистической партии, литературовед, историк, этнограф, а в то время большой любитель книг. Владимир Дмитриевич вспоминал, с каким интересом в типографии все отнеслись к книге Мамина-Сибиряка. «Наборщики набирали с удовольствием и радостью, а иногда так заинтересовывались, что

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. – Свердловск, 1962. С. 111.

начинали читать вслух и все соседи бросали работу и слушали. Вот это писатель, пишет он по-настоящему!»

За первым томом стали набирать второй. И в один из своих приездов в Москву Дмитрий Наркисович пришел в типографию посмотреть, как идет работа над его книгами. Его прихода ждали и смущались появления такого большого писателя. А он пришел и сразу стал своим. «Мы все находились под его обаянием. Передо мной стояли его орлиные черные глаза, которыми он так глубоко и вдумчиво смотрел в душу человека. Его мимолетные рассказы, его раскатистый смех, шутки и остроты долгое время невольно вспоминались мне, и я, как зачарованный, желал все больше и больше вчитываться в его произведения», – вспоминал Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич.¹

После выхода «Уральских рассказов» по горячему желанию рабочих типографии пятьдесят книг было продано им по себестоимости, 35 копеек за экземпляр – при розничной цене в магазине 1 рубль 50 копеек.

В январе 1889 года первый том «Уральских рассказов» был подарен Дмитрием Наркисовичем Казанцеву с надписью: «Нашему уральскому художнику Владимиру Гаврииловичу Казанцеву на память об Урале».

На выход «Уральских рассказов» отдельным изданием откликнулись сразу несколько журналов. В десятой книге «Вестника Европы» за 1890 год в разделе «Литературное обозрение», как и в других изданиях, вышла положительная рецензия: «Д.Н. Мамин-Сибиряк. Уральские рассказы. Два тома. М. 1888-89». В начале отзыва обозначено, что Мамин, в отличие от других русских писателей, описывающих народ: Тургенев – орловский; Некрасов – верхнего Поволжья, Писемский – так же, Островский – москвичей и то же верхнего Поволжья, показывает новый для России край – Урал, где в силу его горнозаводского уклада много своих особенностей. И разобраться в этих особенностях может только Мамин. «... Картина местного быта, нравов управителей прежнего и новейшего времени и управляемых получается довольно мрач-

---

¹ Там же. С. 115.

ная: с одной стороны – самодурство, притеснение заводского населения и бессмысленное разбрасывание накопленных богатств, с другой – бедность и «власть тьмы» в разных видах. Автор исполняет свою задачу с большой талантливостью: он умеет подмечать черты нравов, как они складывались в их особых условиях, хорошо изучил быт, и, наконец, обставляет свой рассказ прекрасными изображениями местной природы; описания уральских пейзажей составляют одну из привлекательных сторон его рассказов; наконец, автор прекрасно владеет народным языком»¹.

Выход отдельным изданием любимой книжки стал для писателя настоящим счастьем. В 1888 году он начинает писать роман «Три конца», где отразит этнографические особенности родного Висима. А летом 1890 года едет в отдаленные скиты Урала и в последний раз посещает Висим, где все ему напоминает о детстве и близких людях – отце, Косте Рябове, дьячке Матвейче.

С 1888 по 1891 годы Дмитрий Наркисович состоит гласным (депутатом) Екатеринбургской городской думы. Но активностью в этом плане не отличается, никаких предложений от него не поступает. Властные дела его не интересуют. В 1889 году он был и присяжным заседателем екатеринбургского окружного суда, о чем свидетельствует список очередных и запасных присяжных заседателей, избранных по жребию по первому Уголовному Отделению в г. Екатеринбурге для участия в публичном заседании Екатеринбургского Окружного суда для рассмотрения дел в течение сессии и заседаний с 20 по 28 февраля 1889 года. Среди купцов, надворных советников, отставных рядовых, купеческих сынов, коллежских асессоров, отставных фельдфебелей, тайных советников и мещан, под номером 22 – потомственный почетный гражданин Дмитрий Наркисович Мамин². Есть все основания полагать, что и заседания в судах в большей степени

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк. Уральские рассказы. Два тома. М., 1888–89 // Вестник Европы, 1890, октябрь.

² РГАЛИ. Ф. 316, оп.1, ед. хр. 122.

его интересуют только с точки зрения сбора фактографического материала для своих произведений. Он – не политический деятель, и даже не общественный, он – писатель и публицист.

В конце 1890-х годов рассказы Мамина публикуются в разных сборниках. Очерк «Жизнь хороша» включен в литературный сборник, посвященный памяти Всеволода Гаршина – «Красный цветок». Выручка, полученная от продажи сборника, передавалась в комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам. В этом же году в «Сборнике повестей и рассказов», вышедшем в Казани, был опубликован очерк Мамина-Сибиряка «Встреча», получивший премию подписчиков «Казанского листка». В конце года сборник собирается редактором газеты «Одесские новости», в числе авторов – Д.Н. Мамин, В.Г. Короленко, А.П. Чехов.

В этом же году издатель Пономарев отдельным изданием выпускает роман «Горное гнездо». В течение этого же года «Уральские рассказы» публикуются на страницах журнала «Современность» в Сербии.

В сентябре в журнале «Артист» выходит повесть Мамина о жизни провинциальных актеров – «Буянка». А в ноябре в этом же издании появляется его корреспонденция из Екатеринбурга о театральном сезоне в городе, о приезде драматической труппы Петра Петровича Медведева.

22.

В начале сентября 1890 года, вернувшись с охоты, Дмитрий Наркисович получил известие о том, что должен навестить приехавшую в Екатеринбург из столицы актрису Абрамову. Мамин помнил ее по мимолетному знакомству в Москве, не оставившему в его душе и памяти ничего, кроме фамилии. И он внутренне приготовился к встрече со «столичной штучкой». Уж если в провинции актрисы были страшными ломаками и позершами, то, что стоило ждать от московской дивы?

Мария Морицевна вышла к Мамину в дорожном черном костюме и протянула руку:

– Очень рада с вами познакомиться, давно знаю вас по вашим произведениям.

Понимая, что к его произведениям можно относиться вовсе неоднозначно, и всегда, когда речь заходила о его творчестве, бывая внутренне настороже, Дмитрий Наркисович, неожиданно почувствовал, что в данный момент его это не тяготит. Не производила Абрамова и впечатления «штучки». Скорее все было наоборот. *«Она мне не показалась красавицей, а затем в ней не было ничего такого, что присвоено по штату даже маленьким знаменитостям: не ломается, не представляет из себя ничего, а просто такая, какая есть в действительности. Есть такие особенные люди, которые при первой встрече производят такое впечатление, как будто знаешь их хорошо и давно»*¹, – описывал он позже эту встречу, изменившую все в его жизни.

Мария Морицевна, отправляясь в Екатеринбург, сообщила об этом Владимиру Галактионовичу Короленко, с которым состояла в переписке. И он попросил ее взять с собой его портрет и письмо, чтобы передать их Мамину. Абрамова согласилась, конечно, не предполагая, чем обернется для нее встреча с писателем. А если бы могла знать?... Есть афоризм, приписываемый писателю Александру Грину: «Все, что неожиданно изменяет нашу жизнь, – не случайность. Оно – в нас самих и ждет лишь внешнего повода для выражения действием».

Мария Морицевна родилась в 1865 году в Перми. Ее отец – Мориц Гейнрих Ротони, венгр по национальности, военный офицер из старинного дворянского рода, был участником восстания мадяров в 1848 году. Был ранен, а за его голову была назначена большая награда. Но он оказался в России. Сначала долгое время жил в Оренбурге, женился на сибирячке, переименовав фамилию на Гейнрих. Переехал в Пермь, открыл собственное фотоателье, и большая семья, в которой

---

¹ Мария Морицовна Абрамова // Дневник артиста. 1892. № 4.

было двенадцать детей, жила в достатке. Маруся была любимицей отца, отличающегося крутым нравом. В десять лет она поступила в Пермскую женскую гимназию и почти все время шла первой ученицей. Она была очень впечатлительной натурой. Однажды ее любимый преподаватель о. Савва рассказал на уроке евангельскую притчу об одном богатом юноше, который раздал свое имение нищим. Возвращаясь после уроков домой, Маруся встретила нищенку, одетую в лохмотья. Сначала она отдала ей мелочь, оставшуюся после обеда, но этого ей показалось мало, и она сняла с себя новенькую шубку и отдала нищенке. Зимой! И вернулась по морозу домой в гимназической форме. Для маленькой девочки не существовало двух правд: если нищим надо отдавать все, то, почему это должна сделать не она?

В 1880 году в Пермь был сослан Владимир Галактионович Короленко. Русский писатель украинского происхождения, общественный деятель, отличавшийся своей правозащитной деятельностью, подвергавшийся за это репрессиям со стороны царского правительства. Во многих его произведениях звучат мотивы не только детства, проведенного на Украине, но и сибирской ссылки.

В Перми Короленко занимался педагогической деятельностью. Вел он уроки и в семье Гейнрих. К интересному ссыльному потянулась местная молодежь. Собирались у него по вечерам, читали и обсуждали различную литературу, в том числе и запрещенную. Бывала в этом обществе и шестнадцатилетняя Мария Гейнрих. В 1881 году был убит российский император Александр II. Власти потребовали от Короленко, чтобы он принес присягу Александру III. Он отказался, в связи с чем его решили сослать еще дальше в Сибирь. 11 августа вечером на вокзале Перми собрались его друзья из числа местной молодежи, чтобы проводить писателя. Мария Гейнрих благодарила Короленко за тот свет, который он принес в провинциальную Пермь, не предполагая, какую роль этот человек сыграет в ее дальнейшей судьбе.

Мориц Гейнрих был очень строгим отцом. Но и в Марии ведь текла его кровь – вспыльчивая и гордая, она не уступала в спорах с ним, что не раз служило поводам к ссорам между дочерью и отцом. А однажды Мориц даже высек свою взрослую дочь. Глубоко оскорбленная Мария убежала из дома в Казань, где поступила на фельдшерские курсы. Но вскоре увлекшись театром, бросила учебу. А, чтобы у отца не было шансов вернуть ее, вышла замуж за актера Абрамова, с которым также быстро развелась.

Она много ездила по провинциальным городам и играла в плохоньких театрах. Начитанная, умная, гордая, она стала томиться той средой, в которой оказалась. Пошлость и фальшь, которые царили в провинциальных труппах с ограниченным репертуаром, не отвечали запросам ее пылкой и чистой души, стремившейся к истинному искусству. Внутреннее неудовольствие усугубилось семейной трагедией. В 1886 году умерла мать Марии. При всем своем крутом нраве Мориц пал духом, забросил фотоателье и стал пить, обрекая на нужду себя и многочисленных своих детей. Мария росла среди десяти братьев, в 1882 году в семье появилась маленькая Лиза, заботы о которой после смерти матери Мария полностью взяла на себя. Она забрала Лизу, и девочка вместе с ней путешествовала, переезжая с различными антрепренерскими труппами из одного города в другой. Жалела Мария и отца, старалась всячески ему помогать, высылая деньги из своих гонораров.

К двадцати трем годам Мария Морицевна осознала всю несостоятельность своих помыслов в отношении артистической карьеры. Разочарование, отчаяние движут ею, когда она пишет из Петербурга 7 августа 1888 года письмо Короленко.

«Здравствуйте, дорогой Владимир Галактионович! Давно собиралась я написать Вам, да не знала, где Вы. Вот удивляю-то я Вас своим письмом! Вы, я думаю, и о существовании-то моем позабыли! А я Вас всегда помнила! Ваши хорошие, теплые слова, которые слушала, разиня рот, вместе со своей подружкой (Верой

Бородиной) (такой же глупой в то время девчонкой), она уже умерла – через год после того, как Вы тогда уехали из Перми, а я вышла замуж за Абрамова – и очень несчастливо – разошлась с ним – и вот скоро год, как вдовствую. На сцене – я добилась того, к чему так сильно стремилась: «сделалась актрисой заправской» – с репертуаром, положением (как у нас называется), получаю 200 р. в месяц жалованья и два бенефиса, – а это по провинциальному считается очень хорошо. Теперь в Питер вот приехала пытаться счастья. Никогда я не забуду, как – я начинала, разыгрывала в Мулах, помните? И просила Вас смотреть – и сказать по совести, есть ли у меня талант! И Вы сказали мне: Да! и я была ужасно как счастлива! Но мне не для того только хотелось быть актрисой, чтоб получать деньги – занимать положение, а чтобы быть полезным членом общества, приносить добро своим трудом! А вот этого-то и нет, а, напротив, с каждым днем убеждаешься, что и признака никакой пользы нет, а только кривлянье, да ломанье самой себя, своих сил и жизни, на потеху праздной толпы, и так больно, так гадко сделается, что и сказать нельзя!! Хоть в омут головой, а жизнь, которую, поневоле, приходится вести, – такая пошлая, грязная, безобразная, яма помойная! А люди, которые живут этой жизнью, – о них и говорить нечего! Слова человеческого, хорошего, в пять лет ни разу не слышала! А вне сцены – то же самое! Кто знакомится с актрисами? Перворядники, ловеласы всевозможные, которые смотрят на актрису, как на кокотку высшего разряда. А порядочные-то люди... да бог знает, может, и в самом деле, как говорят, они только в романах бывают, а если и встречаются, то, должно быть, очень, очень редко, должно быть, избранным только на встречу. А нам: «жрецам чистого святого искусства» (вот насмешка) чести много! Ну, пусть! Да жить-то только очень уж тяжело – с сознанием одной только пошлости и мерзости жизни, без признака идеала! И чувствовать, сознавать, как эта пошлая гадкая жизнь все больше и больше тебя затягивает, – и так незаметно, потихоньку, что совершенно бессознательно под-

даешься ей!! А бывает, что и опомнишься! И брыкнешь в сторону – и хочется иначе жить! Иначе чувствовать, быть лучше, честнее!!! И почувствуешь одно... что сил нет!! Ну и ползешь опять по этой грязи до тех пор, пока не толкнет тебя кто-нибудь, – да заставит оглянуться! А оглянешься – огрызнешься только, и опять дальше Господи, думаешь, что же это такое? Разве это жизнь? разве можно так жить? Зачем же? Голубчик, родной, научите меня, что мне делать с собой – с своими мыслями? Такой хаос в голове, что и сказать не могу!..

Одно знаю, чувствую, что верить надо, сильнее верить во что-нибудь, да не могу! Во что? Научите! Почему я к Вам так пишу – сейчас скажу: помните, когда мы в Перми бегали с Верой посидеть к Вам, послушать Вас! а я была еще совсем, совсем неразумной глупенькой девочкой – с стремлениями к пользе и добру (должно быть, такими же глупыми, какой была и я сама), а Вы так хорошо говорили, что только сильнее хотелось этого добра – и так хорошо делалось на душе от Ваших слов, и верилось во что-то... и потому, что не фразы то были, – это чувствовалось! И смотрела я на Вас тогда, как на что-то высшее, чем обыкновенные люди, и самой хотелось быть такой... Помню я себя такой – и люблю! И не могла я и Вас забыть, потому что Вы невольно действовали на меня так, что заставляли хотеть быть лучше! И до сих пор – я Вас помню, уважаю и люблю! Потому что это не забывается.

Если бы я была уверена, что Вы не посмеетесь надо мной и моими бреднями, – а отнесетесь так же хорошо, как прежде, – я бы очень много написала Вам о своей жизни. Голубчик! Напишите мне несколько хороших слов! Если бы знали Вы, как мне это нужно! Как жизни, и не фраза это! Ей-богу, нет! Я уверена, что Вы мне напишете! Ведь да? С нетерпением буду ждать Вашего письма! Ради бога, напишите скорей, хотя и 23-летней женщине, но в то же время – ужасно глупой, взбалмошной, неприкаянной девчонке»¹.

Это письмо – крик души женщины, отчего-то уже разочаровавшейся в жизни и театре, но пытающейся

---

¹ Куприна К. Куприн – мой отец. М., 1971. С. 11.

найти себе применение в жизни, обрести уверенность и смысл собственного существования. Женщины одинокой, способной горячо любить и страдающей от отсутствия любви, видимо, уже испытавшей унижение от ухаживаний недостойных поклонников, но в то же время не приемлющей легкие, поверхностные отношения.

Видимо, Владимир Галактионович ответил Марии Морицовой, так как она и в дальнейшем будет ему писать, а он – благоволить к ее особе.

Вскоре после этого письма ей удалось осуществить свою давнюю мечту. Мария Морицевна приехала в Москву, заняла денег и сняла Шалапутинский театр, назвав его «Театром Абрамовой». В то время в Москве существовало немало частных театров, которые конкурировали между собой. Самым влиятельным был «Театр Ф.А. Корша», с которым сотрудничал молодой драматург Антон Чехов. От него-то и стали переходить к Абрамовой лучшие актеры, чего не мог потерпеть Федор Адамович. К тому же на сцене «Театра Абрамовой» была также поставлена пьеса Чехова «Медведь», с чем Корш уже никак не мог смириться. И на премьере следующего чеховского спектакля – «Леший», актеры были освистаны подсадной публикой, а постановка раскритикована в газетах. Это было настоящим ударом для Марии Морицевны, которая переживала не только за себя, но и за Чехова, испытывая перед ним искреннее чувство вины. К тому же в своем театре Мария Морицевна никому не могла поручить ведение административных дел, а ее одной на все не хватало. Осенью 1889 года она обратилась с предложением заведовать репертуаром ее театра к Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко. Но получила отказ, так как он уже успел убедиться в том, что дела театра шатки и ни к чему не приведут.

В январе следующего года Абрамова еще оставалась в Москве. В Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве сохранилась афиша «Театра М.М. Абрамовой», Общества Русских Драматических Артистов, от 14 января 1890 года, не тронутая еще ни одним исследователем.

На тонкой, почти папиросной бумаге в цветной печати извещается о том, что «В воскресенье, 14 января 1890 г. утренний спектакль по уменьшенным ценам.

Представлено будет: Мертвые души, Сцены в 4 действиях составлены из поэмы Н.В.Гоголя. Действующие лица: Павел Иванович Чичиков – г. Долинов, Коробочка – госпожа Медведева, Плюшкин – г. Гусев, Ноздрев – г. Соловцов, Капитан-исправник – г. Рошчин-Инсаров. Действие первое происходит у Коробочки, второе у Собакевича, третье – у Плюшкина, четвертое – у Ноздрева». Кроме «Мертвых душ» проанонсирован водевиль «Вдовы» с пением Д. Гарина и А. Уманца в 1 действии. А также сбоку вдоль афиши – о вечернем спектакле: «Мертвая петля», драмы в 5 действиях, соч. Н.А. Потехина. И далее «В понедельник, 15 января, в пользу Благотворительного Общества для питомцев Императорского Московского Воспитательного дома, состоящего под непосредственным покровительством Их Императорских Величеств, представлено будет: ДИКАРКА, комедия в 4 действиях, сочин. А.Н. Островского и Н. Соловьева. СУПРУЖЕСКОЕ СЧАСТЬЕ, комедия-фарс в 2 действиях, соч. Северина».

С другой стороны также сбоку дана реклама на вторник, 16 января. «В бенефис Н.Н. Зубова, представлено будет: ГОРЕ ОТ УМА, комедия в 4-х действиях, соч. Грибоедова.

Готовится к постановке новая пьеса Королева – СВЕТСКИЕ ЗАТЕИ, ком. В 3 действ.

Распорядитель Н.Н.Зубов, Главный режиссер. Н.Н. Соловцов».

Рядом с рекламой театральных действ соревнуются рекламодатели в представлении услуг – художественной фототипии Ев. Гофферс, придворный фотограф Г.В. Трунов, Театральный и художественный журнал «Артист», Парфюмерованная А.Ралле и К., а также товаров – столовое вино, жженный кофе и табак.

Однако, несмотря на разнообразный репертуар, «Театр М.М. Абрамовой» не выдерживает конкуренции в столице.

Отчаявшись, Мария Морицевна в 1890 году под-

писала договор с антрепренером Петром Медведевым об участии в гастролях в Екатеринбурге, куда к тому времени переехала ее семья из Перми.

Здесь в меблированных номерах недалеко от театра, в которых она остановилась, Мария Морицевна встретила с Дмитрием Наркисовичем.

В эти же дни она пишет вновь Короленко. И сообщает, что ее приезд в Пермь, откуда она следовала до Екатеринбурга, не доставил ей большой радости. Спился и совсем опустился отец, пришлось забирать у него всех детей и пристраивать на содержание и воспитание. Не доставила удовольствие и встреча со старыми гимназическими подружками, с которыми «мечтали мир перевернуть и осчастливить». «Рада была повидаться и вспомнить старое, но в общем свидание произвело на меня нехорошее впечатление – не такими я думала и хотела их встретить – уж коли мне не задалась жизнь и не вышло того – о чем мечталось, так этому так много причин не от меня зависящих, что кто их узнает – тот многое простит, да и я сознаю ведь свое убожество, а в них я встретила такое страшное довольство собой, своими познаниями – так носятся со своим Я, что страшно и грустно делается, а главное как-то зачерствели... [...], был у меня сегодня Мамин-Сибиряк. Очень понравился, такой симпатичный, простой»¹.

Что определяет взаимное понимание двух случайно встретившихся людей, когда «как будто знаешь друг друга хорошо и давно», когда без всяких оснований на то, внутренне признаешься себе: «мой мужчина», «моя женщина», когда понимая всю невозможность дальнейших отношений, сопротивляясь собственному порыву чувств и дружному хору осуждений и наговоров, нуждаешься только в одном – ее, его присутствии рядом. Дмитрий Наркисович сгорал в огне всеобъемлющей страсти. Никогда и ничего подобного он не испытывал.

Он ходил на все спектакли Абрамовой, но для него

---

¹ Письмо М.М. Абрамовой В.Г. Короленко, 1890 г. Екатеринбург, из фондов ОМПУ.

не существовало театра, не было вокруг зрителей, он всем своим существом устремлялся на сцену, меньше всего думая о том, как сейчас в глазах екатеринбургских обывателей выглядит сам. А обыватель не упускал ничего.

Иногда вместе с ним на спектаклях была Надежда Васильевна Остроумова, приехавшая в Екатеринбург вместе с Иваном Григорьевичем Остроумовым в качестве его жены (позже она развелась с ним и вышла замуж за публициста Ивана Сергеевича Сигова). Надежда Васильевна работала в «Екатеринбургской неделе» и нередко писала театральные рецензии, имея «особе место» в театре. Место Мамина было рядом. В антрактах Дмитрий Наркисович не выходил в фойе, а за кулисы ему запрещала входить Абрамова. Он оставался в кресле и беседовал с Надеждой Васильевной, которой было приятно общество писателя. Они встречались на своих театральных местах в течение всего сезона, и Остроумова-Сигова вспоминала, как он менялся. «На моих глазах происходило перерождение Мамина в другого человека, вызывавшее сначала мое удивление, а потом глубокое сочувствие. Это был уже совсем не тот человек, которого я знала раньше. Куда девался его желчно-насмешливый вид, печальное выражение глаз и манера цедить сквозь зубы слова, когда он хотел выразить свое пренебрежительное отношение к собеседнику? Глаза блестели, отражая полноту внутренней жизни, рот приветливо улыбался. Он на моих глазах помолодел. Когда на сцене появлялась Абрамова, он весь превращался в слух и зрение, не замечая ничего окружающего. В сильных местах роли Абрамова обращалась к нему. Глаза их встречались, и Мамин как-то подавался вперед, загораясь внутренним огнем, и даже румянец выступал на его лице. Когда опускался занавес, Дмитрий Наркисович обращался ко мне и вполголоса говорил: «Хороша!» Я кивала головой. Затем он, видимо, погружался в мечты»¹. После спектакля он провожал актрису домой.

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 153.

Мария Морицевна съехала из меблированных номеров, спустя пару недель после приезда в Екатеринбург. Она сняла в глухом квартале небольшую, скромно обставленную квартиру из трех комнат, никуда не ходила, за исключением театра, и никого у себя не принимала, наслаждаясь покоем и уединением. С Маминым они говорили о литературе, писателях, последних книжках, и она все больше и больше подкупала его своей образованностью, широтой взглядов и глубиной души, способностью думать, сочувствовать и переживать. Трезво оценивая свои способности, Мария Морицовна не уподоблялась столичным примам, а много играя в сезоне, воспринимала сцену как работу, не всегда доставляющую ей удовольствие. О театре она говорить не любила. А печь топила сама. «Огонь так весело горит, смотришь на него и уносишься мыслями ... Пока я в театре, у меня одна мысль: ах скорее бы домой, – передавая состояние Марии Морицевны тех дней, вспоминал позже Дмитрий Наркисович и писал дальше. *«Это не было пустым набором слов, продолжением какой-нибудь слезливой мелодрамы, а была сама действительность. Мария Морицовна¹ до конца сезона прожила здесь, никуда не выезжала и вообще никуда не показывалась. Общества она не любила, особенно провинциального, предпочитая ему чтение. У нее было одно удовольствие – быстрая езда. – Как-то так хорошо думается в это время, – объясняла она. – Я согласна была бы ехать так без конца... Это совершенно особенное настроение, и так спокойно на душе. Смотришь и не видишь, и ничто тебя не мучит, не тревожит, не беспокоит...»².*

Первый спектакль, в котором Дмитрий Наркисович увидел Марию Морицевну в Екатеринбурге, был поставлен по пьесе Николая Потехина «Нищие духом», довольно популярном произведении того времени. Она играла одну из главных ролей – Кондорову, и произвела на Мамину сильное впечатление, хотя в то время он еще не был в нее влюблен. Более того, шел в

---

¹ Морицовна – написание Маминым. – *Прим. авт.*).

² Мария Морицовна Абрамова // *Дневник артиста, 1892. № 4.*

театр с тем предубеждением, которое питал ко всем гастролерам (а их он повидал на своем веку немало). Абрамова хоть и не была знаменитостью, но в Екатеринбурге ее знали, и ее гастроли, конечно, были поводом для обсуждений и досужих сплетен. Но, как и при первом их свидании, она превзошла его ожидания. *«На сцене Мария Морицовна была замечательной красавицей. Это была, действительно, красота поражающая, колоритная, эффектная... Каждое движение, каждый жест, взгляд – была красота и красота уверенная, спокойная, полная самой собой. И все гармонировало одно с другим»*¹. Глядя на героиню Абрамовой во втором действии спектакля, Мамин уже не скрывает своих чувств не только к Кондоровой, но и к Марии Морицовне. *«Эта вспыхнувшая гордость несправедливо обиженной, любящей женщины, эта весенняя гроза молодого чувства, это поднявшаяся во весь рост сознание своего человеческого достоинства – все это было так хорошо...»*².

Безоглядно вспыхнувшая любовь к Абрамовой не затмила объективного отношения Мамина к ней как к актрисе. Она сама признавалась, что любит сильные драматические роли, а репертуар труппы был далек от совершенства. И Мамин понимал, что она в таких условиях не могла себя всецело проявить. Он видел слабые стороны ее игры, что ему не мешало ее одновременно боготворить. На Абрамову ходили и местные купцы и золотопромышленники. Молодая, интересная актриса дразнила екатеринбургских «кошельков» своей неприступностью. И они встречали ее выступления шумными аплодисментами. Конкуренцию Абрамовой составила актриса Морева, из той же труппы, еще моложе, и по мнению определенной публики – студентов и учителей – талантливо исполняющая драматические роли. О том, что они Абрамовой менее удавались, говорил и Иван Григорьевич Остроумов, изначально демонстрировавший неприязнь к Марии Морицовне. Да и она его не жаловала. Остроумов же в своих

---

¹ Там же.

² Там же.

воспоминаниях сравнивает двух актрис и с обидой и невольным возмущением говорит о том, что Моревой на ее бенефисе рукоплескали, а в подарок преподнесли только полное собрание сочинений Шиллера, в то время как Абрамовой преподнесли ряд золотых вещей, стоящих несколько сот рублей. «При этом, – пишет Остроумов, – к удивлению поклонников Моревой обнаружилось, что на бенефисе Абрамовой в первом ряду кресел сидел Дмитрий Наркисович и руководил поднесением подарков»¹. Это был более чем достаточный повод для злословий.

Сама Мария Морицевна воспринимала гастроли как тяжелую работу, о чем и писала Короленко. «Работы здесь у меня гибель страшная и приходится играть каждый день почти, и часто все новые роли, ведь я всего два года еще взяла репертуар сильный драматический, а то пустое играла – так теперь мне сильно достается при каждодневных спектаклях. Публика принимает хорошо, один бенефис мой уже прошел 7-го декабря, был почти полный сбор»². В этом же письме она сообщает о том, что «Екатеринбургская неделя» ее ругает, чему были свои причины, а Остроумова она не видела и видеть не хочет. Стоит вспомнить, что Остроумов тоже был родом из Перми, и если она пишет о нем Владимиру Галактионовичу, как о человеке им обоим знакомом, то возможно, они встречались все вместе в Перми.

Мария Морицевна вставала утром очень рано, часов в шесть, и начинала учить роль. В одиннадцать отправлялась на репетицию, после репетиции обедала, отдыхала, а в шесть часов опять отправлялась в театр. И так изо дня в день, ведь ей приходилось играть шесть раз в неделю. Свободного времени почти не оставалось. Знакомых в Екатеринбурге у нее было человек пять-шесть, и виделась она с ними редко.

Она была достаточно решительной женщиной и никогда не уезжала в театр без маленького никели-

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 94.

² Письмо М.М. Абрамовой В.Г. Короленко от 16 декабря 1890 г., Екатеринбург. Из фондов ОМПУ.

рованного револьвера. И одновременно с этим была подвержена меланхолии, особенно, когда ее одолевали тяжелые раздумья – ведь ей приходилось играть массу глупых и неинтересных ролей. Когда она была не в настроении, то молча забивалась в угол, укутавшись в пуховый оренбургский платок, и не хотела ни с кем разговаривать. В эти минуты на нее было больно смотреть. Внутренние переживания, связанные, как ей казалось, с собственным несовершенством, изматывали ее. Хотя в действительности она была глубоким и одаренным человеком, к тому же миловидной и располагающей к себе женщиной.

По мере того, как развивались их отношения с Маминым, екатеринбургское общество, где на Марию Морицевну имели виды не только толстосумы, все больше и больше раздражалось по поводу этого союза. Одним из претендентов на ее внимание был небезызвестный уже нам Галин, редактор «Екатеринбургской недели», который выбрал газету в качестве места для выяснения отношений.

Сначала лился елей. «Госпожа Абрамова была недурной Кондоровой» – это в «Екатеринбургской неделе» от 25 сентября 1890 года. Далее: «Мы в долгу перед г-жой Абрамовой, о таланте которой до сих пор сказали несколько слов. Обстоятельства слагались так, что или она не участвовала в тех спектаклях, которые мы посещали, или занимала в них небольшие роли, тогда как, например, общие отзывы об исполнении ею роли Настасьи – «Кумы» в «Чародейке» – были весьма сочувственны. В комедии Островского «Без вины виноватые» госпожа Абрамова была в роли Отрадиной-Кручининой, и должны сказать, что она провела эту роль правдиво...»¹ (это в газете от 14 октября).

А в уже приведенном письме Короленко от 16 декабря читаем следующее: «С прессой местной не лажу. Галин – ужасная дрянь – такой нечистоплотный, гадкий человек. Первое время, когда я приехала, – он у меня бывал каждый день, превозносил мой талант и

---

¹ Галеева Р. Такое короткое счастье // Уральский музей, 2008. № 4.

т.д., а в конце вздумал разыграть любовь с предложением произвести меня в знаменитости и сделать звездой на екатеринбургском горизонте. А когда я ему объявила, что никогда не покупала себе рекламы, да еще такой ценой, и выгнала вон, то нажила смертельного врага – вредил все время и в труппе, и в газете – даже уезжать хотела. Я себе представить не могла, до каких мерзостей может дойти человек. Но я решила отомстить ему – когда буду уезжать – опубликовать в другой газете его письмо ко мне, где он предлагает мне на выбор его любовь или ненависть. Мамин не советует этого делать, говоря, что никогда не следует отвечать пошлостью на пошлость, но я с ним не согласна – это должно по моему мнению только выяснить положение артистки в провинции и может пристыдить его – и – ой, простите, надоела с этой мерзостью, да так уж наболело»¹.

К сожалению, и друзья Мамина не разделяли увлечения Дмитрия Наркисовича, сочувствуя Марии Якимовне и сожалея о нарушении того устоявшегося порядка вещей, незыблемостью которого, как правило, дорожит большинство.

А Маминым владела страсть. Как-то прямо из театра, не досмотрев спектакль, он поехал в дом Казанцева. Феклуша, тоже зная новость, о которой говорил весь город, и по-матерински любя Дмитрия Наркисовича, встретила его ворчанием: «Чего так поздно? Сестра твоя с мужем была, говорит, что дома совсем не показываешься». Мамин порывисто обнял старушку и прошел в комнаты к Николаю Владимировичу. И неожиданно заговорил о поэзии Некрасова. «Я открыл для себя ее заново. Некрасов – не только поэт-гражданин, борец за свободу и счастье народа, но и замечательный лирик. Его стихи проникнуты любовным пафосом», – и он выложил на стол пачку стихотворений Некрасова, выписанных им лично. В них были слова:

---

¹ Письмо М.М. Абрамовой В.Г. Короленко от 16 декабря 1890 г., Екатеринбург. Из фондов ОМПУ.

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное,
Налетело, как гроза...

.....
О, письма женщины, нам милой!
От вас восторгов нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла...

Казанцев, все понимая, заметил: «Это апофеоз страсти». Мамин весь вспыхнул: «Ну, и что же? Разве страстная любовь не делает человека более сильным, решительным, уверенным в себе, готовым на борьбу за свои убеждения, особенно, если их разделяет любимая женщина?» Свидетелем этой сцены была Надежда Васильевна Остроумова, она видела тогда Мамина в последний раз – «очень веселым, уверенным в себе, восторженно говорящим о своих произведениях и будущих работах. Это был новый Мамин, в котором чувствовалось сознание силы своего дарования и грядущих достижений. Вся фигура его, несмотря на 38 лет, дышала пылом юности...»¹.

Так уж устроен творческий человек, что любовь находит отражение в его творчестве, а творчество – пронизывает любовь. После единственной и непродолжительной размолвки Мамина и Абрамовой он поздно вечером пишет любимой письмо.

«С опущенными глазами, с неизяснимым чувством подхожу я к тебе, милочка моего сердца, и чувствую как с каждым моим шагом вперед делается в мире светлее и недавние печали как дым тают под лучами нового солнца... Тихо, тихо беру я тебя за руку и благоговейным поцелуем прикасаюсь к ней. И земля делается неизмеримо маленькой ничтожной планетикой, которая самым глупым образом вертится около солнца, унося с собою эту страшную смесь зла и глупости, которая называется человеческой жизнью и как плесень покрывает эту маленькую, глупо вертящуюся планетку...

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 155.

С вечной любовью, вечно воспламеняющейся и вечно неудовлетворенной, смотрю я тебе в глаза, мое сердце и тихо шепчу: Счастье мое... Будем счастливы здесь и пожалеем тех бедных, глупых и злых существ, которые вертятся на глупой планете со своими радостями и огорчениями ... Ведь кругом все ложь, даже это небо – и оно ложь, потому что оно было таким, м.б, несколько тысяч лет назад, пока шли лучи от различных звезд до наших глаз... Тебя скоро утомит эта бездонная ложь, усыпанная звездами, тебе будет тесно в этом блестящем воздушном мире, поднимемся еще выше, в мир тех вечных неумирающих идей, под животворной теплотой лучей которых отдохнет твоя измученная душа и вдохнет в себя новые силы.

Вот на далеком горизонте в мириадах роз величественные восходят тысячи великих светил, перед которыми то солнце, которым мы когда-то так любовались, кажется теперь таким желтым, как солдатская пуговица, несчастным пятном.

– Здесь, Маня, шепчу я: здесь наш мир, вечный неумирающий мир, который и нас самих сделает бессмертными и вечными потому, что умрет только наша телесная оболочка, эта скорлупа, в которой затаилась великая тайна жизни...

Да, все это хорошо, все это отлично, мое сердце, моя Маня, но теперь половина одиннадцатого... Что-то ты, моя желанная, делаешь?.. Мне кажется, что я просто не дождусь завтрашнего утра, когда увижу тебя, мое сердце, моя ласточка... Еще раз благословляю тебя, Маня: Господи, сохрани мою Маню...»¹.

Что значили все сплетни, наговоры и наветы по сравнению с той вечностью, в которую их уносила эта любовь?!. Что они могли сами поделать с тем, что происходило с ними? Мамин перерождался против своей воли и всяких доводов разума. Он безнадежно чувствовал себя виноватым перед Марией Якимовной, не хотел и не мог оправдываться перед ней, понимая, что не найти тех слов, которые могли бы служить оправданием. Он не слышал родных, не замечал просьб и

---

¹ РГАЛИ, Ф. 316, оп.1, ед. хр. 55.

мольбы матери, готовой теперь стеной встать на защиту Алексеевой.

Мария Якимовна страшно переживала этот разрыв. Она похудела, сильно осунулась и мучилась приступами удушливого бронхита. Как всякая любящая женщина, она надеялась, не верила слухам и не принимала сочувствия. Сильная, гордая она старалась и в горе оставаться независимой ни от кого. А самое главное – от собственной обиды, способной толкнуть ее на безрассудство, которого она не могла себе позволить. Она не слушала досужливых кумушек и тех, кто в ее поддержку организовывал бойкоты спектаклей Абрамовой.

Как всегда в таких случаях, находятся доброжелатели, которые выражают свое расположение обиженной стороне. Марию Якимовну называли «добрым гением» Мамина, сугубо на ее счет относя его литературный успех. В адрес писателя сыпались упреки в нахлебничестве и жизни за счет Алексеевой. Все это только лишний раз обнажало причины его накопившейся внутренней неудовлетворенности и возобновившейся тяги к спиртному. Быть может, он как раз хотел избавиться от этой довлеющей над ним зависимости от состоятельной женщины, быть не при женщине, а служить ей опорой. Быть может, хотел стать свободным и в творчестве. В конце концов, как любой нормальный человек, мог хотеть иметь своих детей, что не противоречит естественным желаниям. Судить проще, но судить никого не стоит. «Все, что неожиданно изменяет нашу жизнь, – не случайность...»

Сами Мамин и Алексеева вопреки общественному рою голосов старались сохранить лицо. Не выясняли отношений, не устраивали сцен на публике. И даже на открытии кулинарных курсов, задуманных Алексеевой в поддержку безработных женщин, и состоявшемся за несколько дней до отъезда Мамина из Екатеринбурга, Дмитрий Наркисович присутствовал.

Не хотела верить в его отъезд только Мария Якимовна. Не могла смириться с этой мыслью. Простым карандашом, корявым почерком, выдающим сильное

волнение и возможно слезы, она писала ему письмо, порой бессвязное, лишенное характерной для нее четкости мысли, полное отчаяния и любви, безрассудное при ее рассудочности, безнадежное при надежде и мольбе. «Дмирий Наркиссович! Тоня мне сказала, что Вы уезжаете завтра... Очень не хотела бы, чтобы из-за меня Вам пришлось ехать совсем, и глубоко верю и желаю впредь, что ... Вы не уедете, т.е вернетесь. Не бойтесь приехать ... Вам нечего бояться столкновений. Вы уезжаете, не простившись, придите в дом без меня. Мы расстанемся, как лично враги... Зачем? Почему? За что? Что я Вам сделала? ... Но подумайте, и Вы поймете, что другого никогда быть не могло. Вам тяжело? А мне легко? Не верьте сплетням, которыми стараются давить на ваше самолюбие. Верьте только тому, что где бы Вы не были, в каких бы обстоятельствах жили, всегда и везде душа моя будет полна Вашими радостями и вашими печальями – благословенная радетеley молю... Вас окружают близкие люди, Вы в состоянии быть на людях. А я ...мало слов, много слез, и горя реченька – бездонная! Никто не видит моего горя, и никто не заметит, с каким чувством уйду я сначала в подвал, а потом в могилу. Да, что об этом говорить? Кому нужно? Прощай, Дмитрий! Будь счастлив и помни, что есть в мире сердце, в котором ты перестанешь жить только тогда, когда оно перестанет биться. Жить вместе невозможно – вижу, что тебе со мной и скучно, но вражды, вражды не перенесу. Помните, что живу только известиями о Вас, хотя знаю, что они на половину искажены. Будьте здоровы, и если вздумаете написать мне, то верьте, что внесете радость в мое безутешное одиночество, что единственная милостыня, которую могу принять от Вас и в которой я нуждаюсь, потому что теряю почву под ногами... Еще раз – будьте счастливы, работайте и избегайте приключений...

Куда Вам писать, конечно, если этого желаете? (приписка сбоку).

Если захотите меня видеть, я дома – больна, сижу без голоса.. мои нервы...»¹

---

¹ РГАЛИ, Ф. 316, оп.1, ед. хр. 81.

В февральском номере «Артиста» за 1891 год появилась статья о екатеринбургской труппе, подписанная литерой «Ъ»: *«Наш театральный сезон скоро заканчивается. Мы можем подвести некоторые итоги. Первое место, без сомнения, принадлежит в труппе М.М. Абрамовой. Это молодая, крупная сила, которая вносит с собой на сцену и молодую искренность тона, и подкупающую теплоту, и красивую энергию каждого движения. Мы уверены, что г-же Абрамовой еще предстоит блестящая будущность. К особенностям ее таланта нужно отнести то, что она не копирует разные столичные знаменитости, а вырабатывает собственные типы»*¹. Нетрудно догадаться, что автором этих строк, ставших последней каплей, которая переполнила чашу терпения екатеринбургских обывателей, был Мамин. В ответ на эту статью в адрес Абрамовой посыпались обвинения в «Екатеринбургской неделе» от 24 марта 1891 года: «Направление таланта этой артистки можно назвать ложно классическим. Заученность и однообразие красивых манер, имеющих претензию быть пластичными, делают госпожу Абрамову видной представительницей ложноклассицизма на сцене. Она характерна в ролях авантюристок и кокоток, но и здесь ей вредит полное незнание ролей и постоянное вымарывание из них важных эпизодов и фраз»².

Это был последний удар Галина, но он не достиг своей цели. Еще 8 марта 1891 года Дмитрий Наркисович и Мария Морицевна покинули Екатеринбург.

---

¹ Галеева Р. Такое короткое счастье // Уральский музей. 2008. № 4.

² Там же.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Семейное гнездо. Рождение Аленушки. Страшное горе. Близкие друзья – Давыдова и Михайловский. Романы «Золото» и «Хлеб». Дружба с Тихомировым и сотрудничество с журналом «Детское чтение». В Крыму. Ольга Францевна Гувале. «Аленушкины сказки» и детская литература. Под колпаком полиции. Лиза Гейнрих. Путешествие по Кавказу. Литературное сообщество. Дружба с Денисовым-Уральским. Последний раз на Урале. Царское Село. Финляндия и путевые очерки. Смерть брата и матери. Болезнь. Сорокалетие творческой деятельности. Уход из жизни.

1.

21 марта 1891 года Мамин с Абрамовой прибыли в Санкт-Петербург и сняли квартиру на улице Миллионной, в доме № 9.

Дмитрий Наркисович и в столице работает очень плодотворно. Он начинает устанавливать литературные связи и обращается в журнал «Северный вестник», к редактору Борису Борисовичу Глинскому. Он приносит ему объемистую рукопись под названием «Платина», она будет опубликована в десятой-двенадцатой книгах журнала в 1891 году. Глинский был очень рад сотрудничеству с известным писателем, который произвел на него хорошее впечатление. «Высокий, статный, с умным красивым лицом, выразительными глазами, он сразу располагал к себе, вызывал симпатию и естественно заставлял думать, что перед тобою находится отмеченный божественною печатью человек с большим талантом и широкою, любвеобильною душою»¹.

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 190.

Глинский считал для себя большой удачей то, что Мамин выбрал его журнал, хоть и понимал, что это — не единственное издание, с которым он готов был сотрудничать. Их отношения стали дружескими. И Борис Борисович наблюдал как: «...Дмитрий Наркисович рука об руку с артисткой М.М. Абрамовой свивал свое уютное гнездышко на Миллионной улице, где чувствовалось столько душевного тепла и где взор с любовью останавливался на этой красивой парочке из литературно-артистического мира, перед которой, казалось, развертывалась такая широкая, светлая жизненная дорога»¹. Чтобы эта дорога была еще и гладкой, Мамин старался заработать не только в журналах, где всегда существовал риск остаться без денег, но прежде всего делал ставку на газеты.

Первые же дни появления в Петербурге были наполнены для него новыми творческими поисками, планами и надеждами. Наконец-то у него появилась возможность посмотреть на северную столицу другими глазами. В письме от 5 мая 1891 года он писал матери: *«Я жив, здоров, работаю как могу и не вижу, как летит время. Прочитай мою статью об Эрмитаже в «Новостях». От Эрмитажа перейду к Академии художеств и затем буду описывать достопримечательности Петербурга. Эта работа имеет для меня, кроме материальных расчетов — 6 коп. за стр., — еще тот расчет, что я познакомлюсь хорошо с Петербургом для других работ»*².

Посылком статьи, опубликованной в «Новостях и Биржевой газете» № 144, 153, 164, 175 в цикле «Прогулки по Петербургу» с подзаголовком «Эрмитаж», послужило собственное утверждение Мамина-Сибиряка, что житель Петербурга, проживающий рядом с огромными художественными ценностями, мало их знает и изучает, а порой и не видит в силу их постоянной доступности. В то же время провинциал, приехавший в столицу, сразу же бежит осматривать художествен-

---

¹ Там же.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в двух томах. М., 1999. Т. 2. С. 401.

ные экспозиции, боясь упустить выпавший ему шанс. Надо сказать, что утверждение это верно и до сих пор. Дмитрий Наркисович решил продолжить самообразование и наверстать упущенное в студенческие годы. Свой поход в Эрмитаж он так и начинает: *«В один из последних воскресных дней я отправился в Эрмитаж... В обширной передней вас охватывает дремлющий полусвет и таинственное эхо осторожных шагов, как где-нибудь в старинном храме. Да, это и есть храм, храм искусства...»*¹.

Осмотр музея он начинает с отделов древностей – Египет, Греция и Рим. Особое чувство вызвала в писателе Греция. *«Невольнo чувствуешь себя варваром, скифом, когда рассматриваешь все эти мелочи домашнего обихода, окружавшего древнего грека. Прежде всего, он умел жить и постичь вполне тайну своего греческого дня, скрывать от наших глаз разъедавшую его язву рабства...»*². Даже по этим отдельным эпизодам можно судить, что стиль этой публикации Мамина иной, более пластичный, к чему располагает сама тема.

В конце первой части автор объясняет цель своего труда: *«Наша цель – заинтересовать его (читателя – прим. авт.), чтобы он сам отправился в Эрмитаж и осмотрел все то, о чем мы говорили выше. Нам лично приходилось бродить по совершенно пустым залам, не считая двух-трех торопливо промелькнувших художника»*³.

Искусство, с которым он призывает знакомиться, в его представлении – не абстрактное явление, а итог определенного развития цивилизации. *«Не забывайте, что под этим камнем, металлом, глиной, краской и рисунком притаилась неумирающая история, с ее кровью, слезами, несбывшимися надеждами и лучшими мыслями излюбленных людей»*⁴.

С новой частью статьи автор осуществляет переход из отдела древностей в новый мир. И говорит о том,

---

¹ «Новости и Биржевая газета», № 144, 1891 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

что в процессе развития центр цивилизации перемещается от берегов теплого моря к северу. Важным фактором в развитии искусства становится христианство, а также климат, изменивший даже костюм древних богов. А их мраморную «классическую наготу сменило глубокое внутренне содержание, то, что мы можем назвать динамикой красоты».¹ Автор выходит на такой важный вопрос о предназначении искусства, как отражение внутренней красоты, – «Нужно совместить много условий, чтобы из мертвого камня вышло живое художественное произведение»².

Переходя в зал живописи, картин старых мастеров, он делится первым впечатлением, «которое поражает глаз при беглом обзоре старинных картин, это тот особенный темноватый черепаховый тон, в котором они написаны почти все, за очень небольшим исключением»³. И от формы вновь переходит к внутреннему содержанию: «есть неумирающие идеи, чувства, представления и они нашли свое воплощение вот здесь, в этой пестрой комбинации красок»⁴. Ценность этой коллекции для зрителя автор видит в том, что можно пройти от первоисточников до совершенных образцов и получить цельное художественное представление. При этом замечание о том, что «важнее всего, чтобы каждый художник был самим собой, а талант пробьется сквозь какую угодно форму», претендует на обобщение, относящееся к творчеству любой эпохи. Что подтверждает и следующий тезис автора о сохранении собственного стиля: «у всякого времени свои птицы и свои песни»⁵.

В заключительной части статьи, подписанной «Д. Мамин-Сибиряк», подчеркивается значение самого большого российского художественного музея и подводится итог: «Эрмитаж – это наше национальное сокровище»⁶.

---

¹ «Новости и Биржевая газета», № 153, 1891 г.

² Там же.

³ «Новости и Биржевая газета», № 164, 1891 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ «Новости и Биржевая газета», № 175, 1891 г.

Читая статью, напоминающую по стилю и тематическому охвату искусствоведческий обзор, трудно избавиться от впечатления, что все написано автором на основе личных впечатлений тут же, в залах Эрмитажа. На самом деле Дмитрий Наркисович и в этом случае прибег к своему писательскому методу – привлечению большого объема дополнительного материала для написания статьи. В частности, он использовал «Каталог картин Эрмитажа» Э. Браминга и Б. Соловьева 1890 года издания, монографию А.А. Андреева «Живопись и живописцы главнейших европейских школ» 1857 года, книгу «Картины галереи Европы», т. 1 и т. 2, издание Вольфа СПб. И все-таки впечатления самого писателя имели не последнее значение. Приобретенный им «Каталог Эрмитажа» был весь испещрен собственными пометками. Такой серьезный и глубокий подход к газетным жанрам свидетельствует о том, что Дмитрий Наркисович с поры своего репортерства в том же Петербурге профессионально и нравственно значительно вырос. Теперь он чувствовал огромную ответственность за все написанное, к тому же процесс создания публицистических и беллетристических трудов доставлял ему истинное удовольствие. А следовательно, плоды этого процесса должны быть достойными.

Судя по названию цикла «Прогулки по Петербургу», автор должен был радовать читателя знакомством и с другими достопримечательностями столицы, о чем собственно и сообщал матери в письме, но этого не случилось. Все последующие наброски об искусстве, сохранившиеся в записных книжках писателя, не нашли своего художественного воплощения. Хотя после «Эрмитажа» он вел в журнале «Мир Божий» раздел «Обозрение», в котором публиковались материалы о выставках и музеях Санкт-Петербурга. Обращение к теме искусства было несколько новым для Мамина, отточившего свое перо на «скалистых» темах Урала.

В середине мая Дмитрий Наркисович и Мария Морицевна переезжают в Лесной, под Петербург, где

Абрамова принимает участие в летних спектаклях. А в первой половине июня Дмитрий Наркисович получает из дома известие, что 4 числа у Елизаветы родился сын – Борис, тот самый Борис Дмитриевич Удинцев, который в будущем станет главным исследователем жизни и творчества своего дяди.

В этом же месяце Дмитрий Наркисович устраивается сотрудником в редакцию небольшой газеты под названием «Русская жизнь» – готовить фельетоны для номеров, выходящих по средам. Он сетовал: «Журнальный заработок самый скверный: то густо, то пусто, а маленькая газетка, как маленькая синица, всегда лучше большого журавля-журнала». Свои планы на полугодие он называл «довольно скромными» и перечислял: роман о золоте для «Северного вестника», роман о хлебе для «Наблюдателя», исторический роман о пугачевщине в Зауралье для «Исторического вестника». За короткое время, проведенное в Петербурге, он успел написать две повести. К тому же на весь летний период редакция «Русской жизни» возложила на Мамину обязанность давать и воскресные фельетоны. Его перу принадлежат серии зарисовок из дачной жизни, о театре и артистах, о литературе и творческом наследии писателей, отчет о похоронах И.А.Гончарова. Фельетоны шли в разделе «Дела и дни» за подписью «Маленький человек».

О похоронах Ивана Александровича Гончарова, чьими романами зачитывались в семье Маминых еще в Висиме, он пишет матери в письме от 22 сентября 1891 года. *«Прошлая неделя у нас могла назваться «гончаровской», – и газеты и люди были заняты только им одним. Похоронили старичка очень пышно, хотя в сущности, никому его и не жаль, – очень уж стар был, да и публика его забыла. Все-таки пресса голосила на все лады целую неделю... На похоронах и я был. Его хоронили не на Волковом кладбище, где покоится русская литература: Добролюбов, Писарев, Салтыков, Шелгунов, Помяловский, Решетников, а в Александроневской лавре, где хоронят только генералов и купцов первой гильдии. Публика на похороны тоже набралась*

аристократическая, даже был великий князь Константин Константинович, которого я и не заметил по своей рассеянности, а узнал о сем уже из газет»¹.

В 1892 году Мамину исполнилось сорок лет. Приближающуюся дату он ждет с необъяснимым мистическим страхом и даже называет ее смертью. А матери в том же сентябре пишет о том, что «пора подводить житейский итог», вспоминает в письме к ней Висим, висимцев и делится планами: *«Нужно будет написать на всякий случай воспоминания о всех... простых и хороших людях, среди которых прошло мое детство. Пора подводить жизненный итог: мне через год 40 лет, а этот возраст я считаю критическим. Теперь я говорю лично про себя, а других это касательно, не мешает жить и наслаждаться жизнью. Впрочем, довольно философии; я до нее не охотник вообще»*². В итоге воспоминаниями о хороших и простых людях станет цикл «Из далекого прошлого». С чем связан у писателя страх смерти, сложно объяснить, ведь он в столице, любит и любим. Скорее всего, он страдает, находясь во власти предубеждения по поводу сорокалетия (по старинным преданиям напрямую связанного с сороковиной, отмечающимися по умершему), якобы приближающего смерть человека. Этот страх безотчетный, скорее лежащий на поверхности, так как на похоронах Гончарова его интересует только внешняя сторона процесса, а Александро-Невская лавра воспринимается как некрополь знатных людей. И только. Нет переживания, связанного с уходом навсегда, с потерей человека, как такового. В то время он не был к этому готов и не хотел, несмотря на приближающееся сорокалетие. Он жил полноценно – рядом любимая женщина, он может писать, и его публикуют.

По всей видимости, 11 августа 1891 года был очередной спектакль, в котором играла Мария Морицевна. Сохранилось письмо Ильи Ефимовича Репина, известного русского художника, к Мамину от 12 августа, в котором он объясняет свое отсутствие на этом спек-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 379.

² Там же. С. 407.

такле. «Многоуважаемый Дмитрий Наркисович! Вчера я был в таком горе. Мне нездоровилось, и я не мог быть на представлении Марии Морицовны. Сообщите мне, как прошел спектакль и будет ли 15 августа, как говорят. Мне так хотелось бы посмотреть ее игру. По всей вероятности, она была счастлива. Очень, очень благодарю за приглашение, за присланный билет. Как мне обидно, что не был и не мог им воспользоваться. Искренно уважающий Вас И. Репин»¹. По свидетельствам современников можно судить, что Репин по крайней мере два раза видел игру Абрамовой на сцене.

Репин и Мамин были знакомы. Познакомились они практически сразу после приезда писателя в Петербург в 1891 году. Еще 17 апреля он сообщал матери, что «...Познакомился главным образом с редакциями «Северного вестника» и «Новостей»... Из лиц познакомился со следующими: Альбов, Потапенко, Луговой, Эмиль Пуп (псевдоним П.А. Сергеевко), Григ, Градовский, Нотович, поэт Минский, Фруг, художник Репин. Интереснее всего мое знакомство с Репиным; у него я был в мастерской, и он рисовал с меня для своей будущей картины «Запорожцы» и целых два часа: ему нужно было позаимствовать мои глаза для одного, а для другого – веко глаз и для третьего запорожца поправить нос. Опишу как-нибудь этот любопытный сеанс подробнее»².

В данном случае имеется в виду картина Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», которая и была написана в 1891 году. Илья Ефимович задействовал немало типажей, чтобы создать целостный образ запорожских казаков. Среди них оказался и Мамин-Сибиряк. Насколько близко продолжалось знакомство писателя и художника, сказать трудно. Но в одном из писем к Александру Жиркевичу, русскому литератору, военному юристу и общественному деятелю, Репин с издевкой писал о творчестве Мамина-Сибиряка. «Я тут перечитывал кое-что Короленко – какой слабый писатель!.. Еще Мамин-Сибиряк то же, тех

---

¹ РГАЛИ. Ф. 316., оп. 2, ед. хр. 14.

² Из фондов ОМПУ.

же щей, да пожиге еще. А ведь они любимцы нашей интеллигенции»¹. Такие слова художника – вполне характерны для его авторитарного и желчного характера, он на все имел свое мнение, отличное, как правило, от взглядов большинства.

Тем не менее, Дмитрий Наркисович особенно высоко ценил полотна Репина и Васнецова. А копия картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» впоследствии висела в его квартире в Царском Селе.

К осени 1891 года Дмитрий Наркисович снял квартиру № 14 в доме № 8 в Саперном переулке. Она располагалась на первом этаже, выходила окнами во двор, состояла из четырех небольших комнат, передней, кухни и ванной, отапливалась тремя печами. Саперный переулок находился от центра недалеко, что вполне устраивало Мамину.

Мария Морицевна играла в Панаевском театре в Петербурге, принимала участие в летних спектаклях в Павловске, в Озерках и Лесном. На зимний сезон 1891-1892 года имела ангажемент в Киев, Тифлис, Ревель и Гельсингфорс, но по болезни отказалась. Теперь Мария Морицовна могла себе позволить такую слабость. У нее был любимый муж. Как-то они ехали вечером на извозчике мимо Александринского театра, и Абрамова проговорила.

– Если бы у меня сегодня были средства, я купила бы себе клочок земли, и тут же бы дала подписку обеими руками никогда и на двадцать верст не подходить ни к какому театру.

Откуда все же такое устойчивое неприятие сцены, неестественное для актрисы? Мамин удивился, но поверил жене. Мария Морицевна жила в скромной обстановке, не требуя для себя ничего лишнего. Она была счастлива тем, что может позволить себе жить в соответствии с требованиями своей души. Даже мельком не вспоминала о сцене, наслаждалась семейным теплом, домашним уютом. Любила тот литературный

---

¹ Письмо И.Е. Репина А.В. Жиркевичу, 1890-е годы. Из фондов ОМПУ.

кружок, в который они были вхожи с Дмитрием Наркисовичем. Она сама когда-то писала стихи, сочиняла рассказы и была большим ценителем литературы. Словом, могла бы выдвинуться на любом поприще. Но больше всего близкие ценили в ней хорошего, отзывчивого и самостоятельного человека. *«Все у нее выходит крупно и колоритно... А главное все свое!.. Ни малейшего следа театральной среды... Когда я смотрю на нее, мне невольно приходит на ум сравнение: есть бульжник и есть драгоценные камни, твердые, блестящие, яркие... Именно таким драгоценным камнем представляется мне Мария Морицевна»*¹, – приводит о ней слова одного из литераторов Мамин-Сибиряк.

Мамин наслаждался своей любовью и – наконец-то – по-настоящему семейной жизнью в свитом ими двоими гнездышке. Брак его в очередной раз был не венчанным, так как Абрамов не давал развода Марии Морицевне, но это препятствие со временем казалось преодолимым. Любимая женщина мягко, но настойчиво ограждала его от спиртного, не позволяла компрометировать свое имя и строго ценила все, что выходило из-под его пера. А он ради нее готов был на все, особенно когда узнал, что она ждет ребенка.

К осени в петербургских литературных кругах, съехавшихся в столицу с минеральных вод и дач, разносится весть о приезде в город Мамина-Сибиряка. Редакция нового издания «Мир Божий» тут же отправляет к нему своего депутата – Виктора Петровича Острогорского, русского педагога, литератора и общественного деятеля. Его дипломатическая миссия удалась. Он заручился согласием Мамина на постоянное сотрудничество и даже получил для публикации рассказ «Зимовье на Студеной». С этого момента у Дмитрия Наркисовича на долгие годы сложились самые лучшие отношения с «Миром Божьим», а после и его журналом-преемником.

Рассказ «Зимовье на Студеной» был отмечен золотой медалью С. Петербургского Комитета Грамотности, состоящего при Императорском вольном экономическом

---

¹ Мария Морицовна Абрамова // Дневник артиста, 1892. № 4.

обществе. В ответ на это Мамин направил в правление Комитета письмо следующего содержания:

«Г. председателю комитета
Милостивый Государь Яков Тимофеевич

Глубоко тронутый лестным для меня влиянием Комитета Грамотности к моему рассказу «Зимовье на Студеной», удостоенному золотой медали имени А.Ф. Погосского¹, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, выразить от моего имени Общему собранию Комитета Грамотности мою искреннюю признательность. По случаю, если бы Комитет признал полезным принять на себя издание моего рассказа, осмеливаюсь, со своей стороны, предложить его в бесплатное пользование.

Примите, Милостивый государь, уверение в совершеннейшем почтении и преданности

Д. Мамин-Сибиряк

7 марта 93 г.

Петербург»²

А пока Мамин-Сибиряк вошел в тесный редакционный кружок журнала «Мир Божий», сблизился с Александрой Аркадьевной Давыдовой, вдовой директора С-Петербургской консерватории, композитора и виолончелиста Карла Юльевича Давыдова, издательницей журнала, и ее семьей. Познакомился с писателем Глебом Ивановичем Успенским, особенно близко сошелся с Николаем Константиновичем Михайловским, публицистом, литературным критиком, переводчиком, теоретиком народничества. Михайловский часто бывал на квартире у Маминых. Особое расположение к нему питала Абрамова, и он отвечал ей взаимностью. Почти каждый день Мамина и Абрамову принимали и в доме Давыдовой. Александра Аркадьевна любила окружать

---

¹ Погосский Александр Фомич (1816–1874) – русский писатель, драматург, издатель XIX века.

² РГИА., Ф. 91, оп. 1., д. 765 (стиль, орфография и пунктуация сохранены. – Прим. авт.)

себя литературной богемой, ее салон в городе был известен. К Абрамовой она проявила дружеское расположение и ввела их с Маминым в круг своих людей.

Любому художнику, в том числе и писателю, трудно скрыть от общества свои личные чувства, так как они все равно проявляются в его произведениях. Дмитрий Наркисович находился на высоте творческого подъема. Все произведения, написанные им в то время, а также посвященные Марии Морицевне, отличается та же страсть, восходящая к небесным светилам и космосу, что дала о себе знать в его письме к ней: *«Вот на далеком горизонте в мириадах роз величественные восходят тысячи великих светил...»*. В январской книжке журнала изящных искусств и литературы – «Артист» за 1894 год наряду с рассказом Чехова «Черный монах» был опубликован очерк Д. Мамина-Сибиряка – «Дорогой друг». В литературных и театральных кругах знали, что он посвящен Абрамовой. И сюжет, и стиль очерка, а по сути новеллы резко отличаются от всего уральского творчества автора. С самой первой фразы: *«Шел дождь, а Сергей Петрович стоял в чужом садике и любовался чужими цветами»*¹, – мы не узнаем Мамина-Сибиряка. Налицо поэтический образ, ведь дальше речь идет о любви сорокалетнего мужчины к замужней молодой женщине, о любви, перевернувшей всю его жизнь. И мы узнаем аналогии с его собственной. *«Да, они играли в мужа и жену, представляя публике пример счастливой парочки. Ах, как часто это случается и как часто действующие лица такой комедии сами верят своему несуществующему счастью»*, – и если это еще можно отнести к общесветскому наблюдению, то следующее описание по тональности и искренности очень схоже с его собственным письмом к Марии Морицевне. *«Счастье идет быстрыми шагами, и Сергей Петрович не замечал, как летели дни за днями. Ему даже хотелось крикнуть солнцу: остановись. А грустная планета земля продолжает вертеться, как громадный клубок, наматывающий на себя часы, дни, недели, месяцы, годы; сердце билось, приближая каждым*

---

¹ Мамин-Сибиряк Д. Дорогой друг // Артист. 1894. № 33.

новым ударом к небытию... Как вообще велико и мало в одно и то же время счастье каждого человека!..»¹.

Это произведение – психологический этюд, раскрывающий самые сокровенные мысли и чувства неожиданно и страстно влюбившегося мужчины. Его внутренние терзания по поводу того, как он мог прожить сорок лет, не любя; раздирающая душу ревность, желание творить глупости, сладкие сны и тревожное пробуждение – да разве можно передать все ощущения влюбившегося взрослого мужчины?! Разве под силу ему самому разобраться в вихре, охватившем его сознание и душу. « – Ах, милая, милая... [...] Нет, теперь все будет по-другому... Ему и самому хотелось сделаться лучше, чище, светлее. В душе поднималась такая сладкая тревога, такая запоздалая радость... Сергею Петровичу хотелось и плакать, и смеяться, кого-то обвинять, что он прожил всю жизнь по свински, когда можно было устроиться несколько иначе. – Ах, милая, милая...»². Женщина, встретившаяся ему на пути, подвигает его на новые поступки, заставляет поверить в себя, стремиться к совершенству, совершать безрассудные поступки, жертвовать собой, испытывать небывалый подъем духа и прилив энергии. «Да, я смешон в твоих глазах своей ребяческой искренностью, своим запоздалым чувством, но я не умею быть другим. Я весь тут...»,³ – восклицает герой Мамина-Сибиряка и трудно понять, чье это признание, вымышленного Сергея Петровича или его собственное.

Другим произведением, где зрелый мужчина страстно влюбляется в молодую замужнюю женщину, является повесть «Братья Гордеевы». Впервые она была опубликована в девятой и десятой книжках журнала «Русская мысль» за 1891 год. Тема повести уже неоднократно рассмотрена Маминым – все те же «заграничные» и крепостное право.. С берегов Невы и Петрова града он вновь возвращается в медвежий уральский угол, Землянский завод, в раскольниковую семью

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

Федота Якимыча, своего рода самородка, вышедшего в люди, исключительно благодаря «собственному уму, сметке и чисто крепостной энергии». Способствовала этому и жена из богатого, знатного рода, вышедшая за Федота Якимыча против согласия отца, что считалось страшным грехом у староверов. Более сорока лет он прожил в браке с Амфеей Парфеновной, верно служа старой вере и заводским интересам, слывя верным и неподкупным рабом своих хозяев. Был Федот Якимыч человеком твердых убеждений, строгих крепостнических традиций и приверженцем домостроя, и, казалось, ничто не могло лишить его равновесия. Но приехали «заграничные» братья Гордеевы, и лишился управитель всех землянских заводов опоры под ногами. Один из братьев, Леонид, привез жену-немочку, красавицу Амалию Карловну – Маличку, в которую самым беспомощным образом влюбился нестигаемый старик.

Состояние этой мечущейся души описано автором с сочувствием и пониманием.

«А старик совсем потерял голову и готов был сделать в угоду немке решительно все на свете, – у него не осталось даже того стыда, который удерживает мужчину от последних глупостей. Это был настоящий пожар, который оставляет после себя только пепел»¹. Понимая и осознавая надвигающуюся катастрофу, автор не отводит от нее своего героя, не спасает его, предоставляя ему право пройти сквозь чистилище этой запоздалой и грешной любви, апофеозом которой становится объяснение с женой. «Амфeya Парфеновна слышала все, что делалось перед дверьми светлицы, и стояла неподвижно, как окаменелая. Она походила теперь на разбитое грозой дерево, которое стоит без вершины, с расщепленной сердцевиной и оборванной листвой. Да, ударил неожиданный гром... Она была оскорблена не только как жена, как мать семейства, как хозяйка дома, но главное как представительница старинного рода Севастьяновых»². Оче-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 6. С. 323.

² Там же. С. 329.

видная параллель с Марией Якимовной Алексеевой, возможно, была необходима Мамину, чтобы хоть в такой форме признать свою вину перед ней и выразить благодарность за все, чем был ей обязан. Но даже раскаяние не могло спасти ни Федота Якимыча, ни создавшего его автора. В повести он отправляет Амфею Парфеновну в раскольничьи скиты, а Федота Якимыча к любимой Маличке, в жизни – сам уезжает вместе с Марией Морицевной в Санкт-Петербург, оставаясь, несомненно, счастливым.

И как это часто случается, личное счастье никогда не считается с тем, что происходит вокруг. А вокруг... наступал голод.

2.

В 1891 году в стране разразилась катастрофа, подлинные масштабы которой власть пыталась скрыть. В столичных газетах печатали списки губерний, страдающих от голода, но цифры, как всегда в таких случаях, были заниженными. Так, по поводу Пермской губернии было сказано, что она обеспечена продовольствием. В действительности дело обстояло совсем иначе. И Мамин-Сибиряк об этом достоверно знал, получая почти каждый день с Урала письма.

В конце 1890 года семья его сестры Елизаветы переехала в село Белоярку, куда после избрания участковым мировым судьей направили Дмитрия Аристарховича Удинцева. Дмитрий Наркисович тоже бывал в Белоярке, дважды проезжал он это село в 1888 году, следуя на археологические раскопки. Однажды купил там для сестры у какого-то хитника¹ восхитительный изумруд, в самом селе встречался со старожилами и записывал их рассказы.

В августе 1891 года в письме к сестре он спрашивает: «Что у вас там делается? Страшно читать. Этакого голоду еще не было». Весна 1891 года в Зауралье была необычной. Сеять зерновые пришлось рано, в апреле,

---

¹ Хитник – человек, занимающийся незаконной добычей драгоценных камней.

и только через месяц пошел дождь. А потом установилась засуха. Не помогали никакие крестные ходы, жара доходила до 47 градусов, хлеба горели на глазах обезумевших крестьян. Летом цены на хлеб поднялись в пять-шесть раз. Крестьяне продавали все, что могли. Мужчины и даже дети шли на заработки на промышленные предприятия. Люди ели хлеб из лебеды и различной мешанины, потом маялись животами. К поносу добавилась цинга. Удинцевы вступили в борьбу с голодом, помогая крестьянам. Елизавета Наркисовна, учительница Белоярской земской школы, организовала бесплатную детскую столовую для голодающих детей. Дмитрий Наркисович прислал ей на эти нужды 90 рублей немалую долю его семейного бюджета. Дмитрий Аристархович вел закупку хлеба у зажиточных крестьян, а также вместе с другими энтузиастами добился в уездной управе ссуды для Белоярской волости на обеспечение посева 1892 года.

Накануне отъезда в Петербург Дмитрий Наркисович подарил зятю своего любимца – лошадку Карлушку, образ которого, конечно, неоднократно выводил в своих уральских рассказах. Писатель был очень привязан к Карлушке, любя его за ум и деликатность. Возраст у Карлушки был уже почтенный, и Дмитрию Аристарховичу приходилось покупать ему солому по десять рублей за воз. И, конечно, когда наступил голод, Удинцев, ради спасения людей забыл о лошадке, требующей особого ухода. Дмитрий Наркисович неоднократно в письмах к родным интересовался судьбой своего любимца, боясь, чтобы его не съели в это трудное время. Его не съели, но он сам погиб с голоду. После этого встретившись с зятем в Петербурге, Мамин первое, о чем спросил Удинцева, это о Карлушке. И Удинцев, оправдываясь, проговорил: «Люди умирали с голоду». «Ну, Бог с ним!» – со слезами на глазах ответил Дмитрий Наркисович, а впоследствии, когда горе притупилось, уже с юмором рассказывал своим друзьям, что его зять – зверь, который кормил голодных людей, а его Карлушку уморил с голоду.

В этом же году Дмитрий Наркисович делает в за-

писной книжке наброски и очень подробный план романа «Хлеб». Им прописаны образы будущих героев. Начерчен план реки, где расположены деревни. На реке указан в виде черточек мост – «Прорыв», дальше названия – Зуево, Бакланак, Жульновское плесо, Мельница Ермилыча, Чураково. А также дана карта реки. Все чертежи сделаны карандашом.

Материалы для романа «Хлеб» Мамин собирал двенадцать лет, объехав, как было сказано выше, все Зауралье и берега Исети. Это были благодатные, в полном смысле «хлебные» места, но именно здесь за последние тридцать-сорок лет буквально прошло обнищание. Замысел романа писатель объяснял в письме к Александру Николаевичу Пыпину. *«Главным действующим лицом является р. Исеть, которая на всем своем протяжении, на расстоянии 350 верст, в буквальном смысле усажена заводами, мельницами, заимками и громадными сибирскими селами... На ней стоят два города, четыре завода, 80 мельниц больших, до десятка фабрик и целый ряд сибирских «заимок». Зауралье представляет собой хлебное золотое дно, и его разорение последовательно шло с водворением в этом крае капиталистической крупной хлебной торговли, пустившей в оборот миллионные капиталы и выдувшей все запасы у крестьян, которые в форме денег ушли на ситцы, самовары и в кабак, – с водворением целой сети винокуренных заводов...»*¹

Здесь же даны и подготовительные материалы к следующему роману «Золото», где содержатся таблицы с отражением добычи золота на Урале, а также с числом рабочих на приисках, и количество самих приисков. Приведена башкирская поговорка: «Хлеб куплял, табак куплял – государственной работы не мог куплять»².

К «Золоту» он приступил в сентябре 1891 года, о чем сообщал в письме Анне Семеновне: *«Милая мама, прошлая неделя для меня ознаменовалась тем, что я «сел» за большую работу, именно, начал большой роман «Золото». Описываю в нем березовский завод,*

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 379.

² РГАЛИ. Ф.316. Оп. 2. Ед. хр. 4.

конечно с некоторыми изменениями и дополнениями против действительности. Роман будет печататься в «Северном вестнике» с январской книжки»¹.

Писал он напряженно и удивительно быстро. Одновременно работая над двумя такими крупными романами, не оставлял сотрудничество с газетами. Мало появлялся в свете и никуда не ходил, кроме салона Давыдовой, где встречался с близкими ему по духу литераторами. Был на дне рождения Михайловского, где общался с Глебом Ивановичем Успенским, «скромнейшим и симпатичнейшим» человеком. Но большую часть времени проводил дома, за письменным столом.

Наслаждалась миром в семье и Мария Морицевна. К материнству она готовилась со спокойным достоинством, хотя проявляла иногда беспричинную тревогу и говорила о смерти.

В середине ноября в Петербурге, наконец-то выпал жалкий снег, так не похожий на уральский – белый, словно сахар. *«Сегодня нашу петербургскую зиму сгребли в кучи, сложили на возы и вывезли за город»*², – пишет Мамин матери и жалуется, что смотреть противно на такую зиму. И вновь мыслями обращается на Урал, где и снег чище, и мороз стуже, и зима светлее. Откровенно признается, что скучает по родным местам, но только не по Екатеринбург, что можно объяснить отношением к нему и Абрамовой перед отъездом из города.

3.

В январе 1892 года Дмитрий Наркисович продолжает работать над романом «Золото». И пишет большое количество других произведений: легенду – для сборника в пользу голодающих, изданного «Русскими ведомостями»; рассказы для двух детских журналов; очерк для «Русского богатства», который стал выходить под новой редакцией во главе с Михайловским; статьи для «Русских ведомостей» и «Новостей». Пишет

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 376.

² Там же. С. 379.

ежедневно около 10 000 букв, и говорит о том, если бы у него был хвост, то писал бы и хвостом. Он старается побольше заработать, чтобы обеспечить будущее своей семье. Ведь скоро их будет трое.

В двадцатых числах февраля Мамин завершает четвертую часть романа «Золото», остается пятая, она же – последняя. На одном из приёмов у m-те Давыдовой, как называл он Александру Аркадьевну, Мамин был приглашен графом Мекленбургским на обед в его дворец. Дмитрий Наркисович отнесся к этому со свойственным ему юмором, расценив это приглашение как один из тех курьезов, какие иногда случаются в жизни.

В начале марта выходит первый номер обновленного журнала «Русское богатство», вокруг которого сосредоточились бывшие сотрудники «Отечественных записок» и «Дела». Возглавили редакцию на равных правах Николай Константинович Михайловский и Владимир Галактионович Короленко. В первом же номере было сообщено о расширении литературного отдела, среди объявленных авторов значился Мамин-Сибиряк. В этом же номере опубликован его рассказ «Ученое горе». И в мартовской же книжке журнала «Всемирная иллюстрация» выходит его быль «Полонянка» с иллюстрациями Михаила Малышева, русского живописца и рисовальщика, жанриста, иллюстратора произведений Пушкина, Лермонтова, Короленко, Салтыкова-Щедрина, Гаршина.

С живым интересом следя за всеми литературными событиями, Дмитрий Наркисович с большим волнением ждет своего личного. Ему в этом году сорок. И наконец-то он сможет увидеть своего собственного ребенка, прижать его к себе, носить на крепких своих руках! Они будут счастливы с Марусей!

Мария Морицевна счастьем радовалась тихо, как-то смиренно, и часто молилась. Она была религиозна. Но однажды сказала Дмитрию Наркисовичу, что застрелилась бы на его могиле, чем привела его в полное смятение, так как он ей такого со своей стороны

обещать не мог. После похорон Гончарова, на которых она присутствовала вместе с Маминым, попросила ее тоже похоронить в Александро-Невской лавре, даже гроб выбрала – металлический. А дома, неожиданно для Мамина, благословила его образом, который неотлучно был при ней. Это ожидание материнства и одновременно какая-то необъяснимая, беспричинная подготовка к смерти были взаимоисключающими явлениями. Оправдать их можно было только тревожным состоянием беременной женщины.

Незадолго до родов она увидела дурной сон. Покойный брат Леонид звал ее к себе, и она уехала с ним куда-то. Этот сновидение ее вновь беспокоило. К тому же знакомый акушер, обследовавший ее в конце сентября 1891 года, ошибся в сроках, ни много ни мало – на два месяца... Это стоило дорого, следствием ошибки для Марии Морицевны стали напрасные волнения, томительные ожидания, страх и бессонные ночи. «Я не боюсь смерти, – несколько раз говорила она мужу, – но умру со страстной жаждой жизни»¹.

В марте Дмитрий Наркисович и Мария Морицевна переехали из своей квартиры в меблированные комнаты, в центр города, чтобы быть ближе к Повивальному Еленинскому институту, государственному учреждению, расположенному на Фонтанке, покровительницей которого была великая княгиня Елена Павловна. На тот момент это было лучшее в городе медицинское учреждение, имеющее развитую акушерскую службу.

В ночь с 18 на 19 марта Дмитрий Наркисович отвез жену в институт. Роды были трудными и продолжались 65 часов. Главными причинами этого врачи называли узкий и неправильный таз, при котором стоило бы вызвать роды заранее, на сроке семи месяцев, но тогда пришлось бы пожертвовать ребенком. Мамин не был уверен, что Мария Морицевна на это бы согласилась. Несмотря на все условия, которые мог предоставить лучший институт, роженица очень страдала, но с детской кротостью переносила выпавшие на ее долю испытания. Измучившись, но не потеряв самооблада-

---

¹ Мария Морицовна Абрамова // Дневник артиста. 1892. № 4.

ния, 21 марта в три часа утра она родила дочь. И, увидев малышку, обратилась к мужу: «Митя, посмотри на нашу девочку...». Это были последние ее осознанные слова. Дальше начался процесс послеродового осложнения. При больной находились два профессора медицины, три доктора, четыре женщины-врача – все было сделано, чтобы сохранить ей жизнь, но 22 марта 1892 года в восемь часов вечера Мария Морицевна Абрамова умерла. Она скончалась на руках Дмитрия Наркисовича. Рядом у ее постели стояли Анна Ивановна Никольская, близкая к семье Маминых, Николай Константинович Михайловский, Александра Аркадьевна Давыдова. Они же взяли на себя заботу о новорожденной девочке и о Мамине, потерявшем всякое присутствие духа у постели умершей жены.

Боль потери была невыносимой. Мамин не мог смириться с тем, что самые страшные предчувствия Марии Морицовой, к которым они оба при ее жизни не хотели относиться всерьез, сбылись. Она должна была жить, но Бог распорядился иначе. Почему Всевышний забрал ее к себе? Почему оставил его и ни в чем не повинное рожденное дитя тогда, когда они только и должны быть счастливы все вместе? «Дочь моя, мое сокровище, плачь о своей маме, когда меня не будет», – Мамин не представлял своей дальнейшей жизни и не понимал, зачем она теперь нужна. Вот только затем, чтобы похоронить его голубку так, как она хотела.

Он все исполнил... Выбрал металлический гроб и отличное место на высоком берегу реки, недалеко от церкви и могилы Гончарова. «Вот куда он теперь будет ходить, и даст Бог, приведет сюда большую дочь и скажет ей: будь такой же, как твоя мама...», – Дмитрий Наркисович не находил себе утешенья. Покончив с похоронами жены и оставив дочь в доме Давыдовой, он пытается привести в порядок свои дела, но не может собраться ни с силами, ни с мыслями. И сам, словно осиротевший ребенок, ищет защиты у ближнего своего, прячется под родное крыло и хочет бесконечно говорить о своей Марусе, потому что не может не говорить о ней, ведь горе он еще не пережил и не сжился с ним.

Бесконечно привязанный к матери, как могут быть привязаны только ранимые и чувствительные дети, каким собственно и был Дмитрий Наркисович, в эти трудные минуты он нуждается в ней больше всех. Не останавливает его желания говорить с матерью о Марусе и прижизненная неприязнь к ней Анны Семеновны, простившей все Марии Морицевне с ее уходом.

Он пишет матери 25 марта 1892 года длинное, эмоциональное письмо, которое не может закончить, оставляя своим бисерным почерком на полях приписки до тех пор, пока не заполняет ими все свободное место на нескольких страницах. *«Милая дорогая Мама, пишу тебе в страшном горе, которое понесу как святыню, до самой могилы... Ее не стало, моей дорогой милой, любимой, любимой безумно Маруси»!!! Плачь, Мама, молись за нее: она стоит твоих слез и молитв... Это была чистая хорошая душа, любившая меня и поддерживавшая на все хорошее, честное, доброе... Милая, милая, милая... В твоих глазах это была только актриса с прошлым, которую ты не видала и, вероятно, питала к ней недружелюбные чувства, но ты была несправедлива, моя дорогая: она, моя голубка, стояла любви и была вся чиста... Как она, Мама, вила наше гнездо, с какой радостной покорностью готовилась быть матерью и была бы отличной матерью... Плачь, Мама, о ней, как о замечательно хорошей женщине и молись о ее чистой детской душе!! При жизни ей ничего не было нужно, а смерти она не боялась...*

...О, Мама, Мама, сколько я пережил... Маруся, Маруся, светлая, чистая, любящая голубочка, слышишь ли ты меня, мое ... горе, мои слезы?!. Счастье мелькнуло, как вихрь, и беда пронеслась как молния. Нет исхода, нет будущего...

Плачь, Мама, молись Мама: она это заслужила... Это была мне и дочь, и жена, и мать по любви, по заботам, по коротким радостям и короткому счастью. Вихрем пронеслись 15 месяцев счастья, и осталось черное горе, безысходное, тяжелое, как могильная плита... На руках у меня осталась наша девочка Елена – все мое счастье!!..

Вечная тебе память моя голубка, моя радость, мое счастье!.. У меня осталось – великое счастье отца, которым надарила меня моя Маруся, и которое стоило ей жизни.

Твой несчастный, неутешный сын Дмитрий.

Приписка на первой странице. Сегодня Благовещение: птица гнезда не вьет, и ласточка без гнезда, а Маруся провела первую свою ночь в могиле. О, моя чистая, любящая, бесконечно родная Маруся!! Я свое счастье хоронил при жизни от всех, а теперь могу о нем говорить...

Приписка на второй странице: У Маруси остался в Екатеринбурге больной очень старик, которому она высылала последние деньги: я позабочусь о нем, потому что это отец моей бедной Маруси.

О тебе Маруся ничего не говорила, женским инстинктом чувствуя, что ты относилась к ней неприязненно. Голубка моя, мое счастье, мой свет, прости, прости, прости...

Приписка на третьей странице. Теперь Петербург родной мне город: я не выеду из него, потому что не могу оставить мою Марусю одну... У нас уже была нанята дача, но на лето я поселюсь с Давыдовыми, которые взяли мою девочку, пока я один не буду в состоянии ее вести.

Летом или весной, мама, выпишу тебя погостить у меня и посмотреть на мою Елену... Сам я не могу приехать на Урал, пока она такая маленькая... Когда можно, желаю тебя видеть¹.

Девочка родилась слабая и болезненная. Учитывая состояние Дмитрия Наркисовича, Александра Аркадьевна взяла ребенка в свой дом, где окружила его заботой. А вскоре к Елене была приставлена одна из лучших гувернанток Петербурга – Ольга Францевна Гувале, которую в городе многие знали с самой положительной стороны. В семье Давыдовой она жила давно и воспитывала приемную дочь Александры Аркадьевны – Марию. Кроме того, после смерти Марии

---

¹ Письмо Д.Н.Мамина А.С.Маминой от 25 марта 1892 года, С-Петербург. Из фондов ОМПУ.

Морицевны на руках Дмитрия Наркисовича осталась ее младшая сестра Лиза, которая также временно была устроена у Давыдовой.

Спустя две недели после похорон, накануне пасхи, 4 апреля 1892 года, Дмитрий Наркисович снова пишет матери: *«Милая дорогая мама, завтра «великий день», общая христианская радость, самый теплый русский праздник, а я его буду встречать своим черным горем, своими слезами, своим одиночеством... Встречу Христа на кладбищенской церкви около своей Маруси и с ней первой похристосуюсь: теперь все надежды и радости там, за гробом, где нет ни печаль, ни воздыхание. О, милая, милая, милая... Я сейчас живу тенью, хожу тенью, работаю тенью. Но есть и жизнь, моя родная старушка, такая маленькая слабенькая жизнь, которая едва тлеет. Моя девочка Елена почти совсем поправилась. Ей уже две недели, и она начинает походить на человека. Все знакомые находят, что девочка очень походит на мать, и это меня больше всего радует. Буду жить для этого маленького существа, буду работать для него и буду им счастлив...»*¹

Как ни велико было горе Мамина, но необходимо было заниматься множеством дел. Кроме литературных занятий, чем он собственно зарабатывал на хлеб, надо было устраивать судьбу Алены, как он стал называть девочку, и Лизы, платить по долгам, думать о том, где жить дальше. Квартира в Саперном переулке слишком обо многом ему напоминала. Он хотел бы жить в Москве, но теперь это было исключено. Он каждый день ходил в Александро-Невскую лавру на могилу жены и не мог примириться со своей утратой. А еще он хотел о ней говорить. Бесконечно... Десятого апреля 1892 года он пишет письмо Морицу Григорьевичу Гейнриху, отцу жены, который с 1890 года был болен, не мог работать, и дочь каждый месяц посылала ему 25 рублей. В своем письме Мамин рассказывает о том, как умерла Мария Морицовна, и просит ее отца, чтобы он позволил оставить ему Лизу. В память

---

¹ Удинцев С. Д.Н.Мамин в письмах к матери // Урал. 1913.

о жене, он хотел бы дать ей хорошее воспитание, то, которое в провинции не доступно. «Я помещу ее в институт или женскую гимназию». Правда, кажется странным, что при этом он просит Морица узаконить Лизу и обещает, что в этом деле ему посодействует его брат, юрист Владимир Наркисович. Почему среди двенадцати детей Гейнриха и его жены Елизаветы Дмитриевны самая младшая, Лиза, оказалась незаконной?... Он также просит Гейнриха не отказываться от тех денег, которые он будет посылать ему вместо Марии Морицовны. *«Вообще, не нуждается ли Вы в чем-нибудь: сделаю все, что смогу, пока здоров. Вы потеряли дочь, я потерял все...»*¹, – завершает он свое письмо. А 1 мая, как и обещал, высылает 25 рублей за апрель. С объяснением, что раньше не мог, так как много средств ушло на похороны и оплату счетов.

Опять он взваливает на себя тяжелую ношу, свой крест, который его никто не обязывал нести. Но иначе он поступать не может. В его собственном наборе ценностей есть то, что гораздо важнее денег. Он будет работать, зарабатывать, платить долги, нуждаться сам и отдавать последнее близким. Мало кто в этом увидит большое благородство любящего сердца, но многие без колебания будут отзываться о нем как о человеке широкой души.

На сороковой день после кончины жены он заказал на ее могиле панихиду. Оставшись один, он думал о том, как летом устроит склеп, запасной гроб будет стоять как бы в комнате, а над ней будет возвышаться часовенка с бронзовым бюстом Маруси. «Последние силы и средства употреблю на то, чтобы моя голубка была похоронена с честью... При жизни я не мог много сделать для нее и устрою хоть последний приют». На следующий день он написал письмо Морицу Гейнриху: *«...Да, сорок дней... Каждый день я оплакиваю Марусю и хожу к ней на кладбище. Моему горю нет границ, и я все сделаю в память Маруси: буду помогать вам,*

---

¹ Письмо Д.Н.Мамина М.Г. Гейнриху, 10 апреля 1892 г., С.-Петербург. Из фондов ОМПУ.

*постараюсь дать воспитание Лизе, и вечно буду оплачивать свою невозвратную потерю...»*¹.

Другим человеком, с которым Мамин-Сибиряк мог говорить о своей Марусе в надежде на сочувствие и понимание, был Владимир Галактионович Короленко, который, как известно, был знаком с Марией Морицевной еще в Перми. Надо сказать, что среди литераторов не часто возникает дружба, тому причина – творческая ревность, отсутствие взаимных объективных оценок произведений. Но Мамин и Короленко всегда будут высоко ценить друг друга. Впервые, как мы помним, они встретились в Москве в 1885 году, в первый год возвращения Короленко из сибирской ссылки. Тогда он писал о Мамине журналисту Ивану Григорьевичу Остроумову в Екатеринбург: «Я ужасно жалею, что закружившись в Москве, не успел с ним познакомиться поближе. Что мне особенно нравится в нем, это его «уральская» трезвость; несмотря на всю спешность работы, всегда у него видна ясность ума...». В этом же письме Короленко заметил, что у Мамина «лица все живы, очерчены верно и сильно, точно высечены из уральского камня: грубовато, но крепко и талантливо»².

В 1901 и 1902 годах Короленко выдвигал кандидатуру Мамина в почетные академики по разряду изящной словесности; в 1904 назвал прекрасным рассказ Мамина «Отрава». Дмитрий Наркисович не с меньшей симпатией относился к Владимиру Галактионовичу как к человеку и писателю. В 1890-х годах он писал: «Такого другого кряжа во всей нашей литературе нет, да и пожалуй, и не было», а после 1905 года – *«Я уважаю сейчас только Короленко. Он бьется, как богатырь, описывая всю мерзость и запустение, которые творятся в нашей общественной и политической жизни»*³.

---

¹ Письмо Д.Н.Мамина М.Г.Гейнриху, 1 мая 1982 г., С.-Петербург. Из фондов ОМПУ

² Храбровицкий А. Письма дружбы // Урал, 1978. № 6.

³ Там же.

В 1892 году, когда Мамин писал Короленко о своем горем, Владимир Галактионович находился в Лукояновском уезде Нижегородской губернии, где он создавал столовые для голодающих (эти события легли в основу его книги «В голодный год»). Первое письмо датировано 18 июня 1892 года и написано в Петербурге. *«Многоуважаемый Владимир Галактионович. Из газет Вы, наверное, уже знаете, что Мария Морицовна Абрамова умерла... Для меня это был слишком близкий человек, и с ней вместе умерло все мое счастье. Пишу Вам это на том основании, что мы так часто с покойной говорили о Вас, и она вспоминала о Вас каждый раз с особенным удовольствием как о человеке, который в ее грустной жизни являлся светлым пятном. Да, бедная Мария Морицовна умела и любить, и ненавидеть, как все, что она делала, – искренно, широко и беззаветно...»*

Не умею сказать Вам, как велико мое горе... Вот уже скоро сто дней, как она в могиле, а я хожу как тень, и не могу придти в себя. Есть и чувства, и положения, которые в нашей жизни проводят мертвую границу, – я переступил именно через такую границу, и мои мысли и чувства в прошлом, в недолгом счастливом прошлом. Счастье пронеслось весенней грозой, и я боюсь думать о будущем. Да и нет его, будущего, потому что и жизнь одна, и сердце одно. В Марии Морицовне я похоронил самого себя... Вечная ей память, хорошей, чистой душе!..»¹.

Дальше Мамин выражает свое желание встретиться с Короленко, с тем, чтобы поговорить о Марии Морицовне, так как он знал ее в юности, и возможно у него есть фотографии те, которых нет у него. Он приглашает Владимира Галактионовича к себе домой при первом же его приезде в Петербург. И просит какую-нибудь статейку для журнала «Мир Божий», по его характеристике – «чистенького журнала» для юношества, где он состоит «чем-то вроде заведующего отделом беллетристики».

Короленко отвечает на это письмо только в середи-

---

¹ Там же.

не июля, так как очень был занят общественными делами по ликвидации голода и литературной работой. Он с большим сочувствием относится к горю Мамина, сокрушается, что мало и редко писал Абрамовой: «Конечно, это пустяк, но когда чувствуешь, что хотя бы и малую вину уже никогда не загладишь, – становится обидно на себя и горько...»¹. И обещает прислать что-нибудь для «Мира Божьего», но пока весь «сизжу в продовольственном деле и его интересах». И в свою очередь приглашает Мамина погостить к себе на дачу, спрашивая, где теперь находится сестра Марии Морицевны, которая ездила с ней?

Письмо от 11 сентября Мамин вновь начинает со своей боли. «...Пишу Вам из своего опустевшего гнезда, где все, до последней мелочи, полно еще ей, моей покойной Марусей. И тяжело, и грустно, и одиноко, и холодно. Моя девочка Елена растет и крепнет – прелестный ребенок, которым все любят. Этой молодой особе уже скоро полгода. Она крепко сидит, крепко держит головку и начинает говорить своим детским языком. А мне каждое слово, каждая детская улыбка напоминает мать... Как Маруся желала иметь ребенка, и вот ребенок есть, а ее нет. Пишу Вам и не вижу строк от слез... За что?... Вижу на улице счастливых матерей и отцов, а мне не с кем разделить ни свою радость, ни свое горе... Особенно тяжело по вечерам, когда стихнет все и остаешься с самим собой. Лиза живет у меня. Ей уже десять лет, и такую девочку легко воспитывать. Она Вам всем кланяется...»². Дальше Дмитрий Наркисович вновь обсуждает дела «Мира Божьего» и уверяет Короленко, что будет ждать от него статьи.

Надо сказать, что Мамин скрывал рождение дочери от большинства людей, так как боялся, что на нее может претендовать Абрамов, бывший муж Марии Морицевны, ведь Аленушка была записана на его фамилию. Дмитрий Наркисович хотел узаконить девочку и удочерить ее. Но дело это было сложным и долгим.

---

¹ Там же.

² Там же.

Однако близкие люди о существовании Елены, конечно, знали. И Короленко был среди них.

4.

В этот трагический для Мамина год ему особенно важна была поддержка близких. Рядом всегда были Николай Константинович Михайловский и Александра Аркадьевна Давыдова – значение этих людей в этот период жизни для Дмитрия Наркисовича трудно переоценить. Они в буквальном смысле удерживали его на грани, с которой он так легко мог скатиться в безумие. Оба они стали крестными Аленушки. С рождением дочери Мамин стал по-иному воспринимать семью и размышлять о детстве. Примером для него всегда будут собственные родители, к которым он всю жизнь относится с большим почтением и любовью. Каждое воскресенье писатель заводил стенные часы и в одно и то же время писал письма матери. От этого правила он отступал только в силу каких-то особых обстоятельств, и об этом обязательно упоминал в письме.

После смерти писателя осталось огромное эпистолярное наследие, из которого только за период с начала 1891 года, когда Дмитрий Наркисович переселился из Екатеринбурга в Петербург, и до 1910 года – времени смерти Анны Семеновны, сохранилось около 450 писем. Интересно, что матери он доверял не только свои переживания и сокровенные мысли, но делился с ней и всеми литературными событиями и новостями, подробно отчитывался о всех публикациях, иронизировал по поводу своих успехов, и беспокоился, чтобы мать не расстраивалась по поводу критических выпадов в его адрес, так как она читала все газеты и ревностно следила за тем, что пишут об ее Мите.

Для него, взрослого, состоявшегося человека мать навсегда оставалась незаменимым другом, и не просто кровно близким человеком, но тем существом, с которым его объединяла высшая духовная связь. Эмоциональный, ранимый, внутренне незащищенный Дмитрий Наркисович будто всегда находился под

сенью любви немногословной, на вид сдержанной и строгой Анны Семеновны. Он нуждался в ней постоянно, с лихвой оправдывая свою фамилию. Письма к матери – это долгий непрерывный диалог с ней, по которому можно в деталях проследить не только жизнь писателя, но и настроение в разные периоды времени, мечты и несбывшиеся надежды. Письма к другим адресатам не отражают так всеобъемлюще его жизнь, ту гамму чувств и откровений, которыми наполнены письма к матери. Поэтому они и представляют особый интерес не только в плане воссоздания жизни Мамин-Сибиряка, но и, главное, в понимании его внутреннего мира

К своему сорокалетию, которого он боялся и ждал с мистическим предчувствием, Дмитрий Наркисович подвел определенный жизненный итог.

В мрачном настроении вспоминая прожитые сорок лет и промелькнувшее счастье любви, он уносится своими воспоминаниями в свое счастливое далекое детство и пишет матери 25 октября.

«Милая дорогая мама, сегодня мне, наконец, минуло сорок лет (по старому стилю – прим. авт.)... Роковой день... я считаю его смертью, хотя умер за полгода раньше. Что делать, у каждого своя судьба, а я верю в фатализм. Да, сорок лет. Грустно, но ничего не сделаешь. Дальше каждый год явится своего рода премией. Так и будем жить. Оглядываясь назад и подводя итоги, должен сознаться, что, собственно говоря, не стоило и жить, несмотря на внешние успехи и имя. Счастье промелькнуло яркой кометой, оставив тяжелый и горький осадок. Благодарю имя той, которая принесла это счастье, короткое, мимолетное, но настоящее... Мое будущее в могиле, рядом с ней.

Дочка Аленушка да простит мне эти малодушные слова: когда она сама будет матерью, она поймет их значение.

Грустно, тяжело, одиноко...

Наступила слишком ранняя осень. Я еще в силах и, может быть, проживу долго, но что это за жизнь: тень, призрак...

Дорогая мама, уношусь сегодня в далекие воспоминания своего детства и ранней юности и благословляю то гнездо, из которого я вылетел. Я никогда его не забывал и никогда не был дурным сыном. Не скажу этого о хорошем человеке... Буду писать свои воспоминания: это будет моим завещанием и приданным дочери Алене... Особенно вспоминаю сегодня незабвенного папу... Милый, родной... Отчего я не могу быть таким? Целую тебя родная... Если бы у моей Алены была такая мать. Пишу и плачу, но не о себе, о моей бедной Марусе, и бедной сиротке Аленке.

Да, сорок лет. Бесконечно благодарен, мама, тебе и покойному папе за то воспитание, которое я получил, за ту обстановку, простую, трезвую, трудящуюся, честную, в которой я вырос. Два дорогих для меня существа отсутствуют: папа и Маруся... Они одни видят мое горе и мои слезы... Благословляю их память!

Мама, целую тебя тысячу раз и благодарю за все, за все... Если ты живешь в воспоминаниях, то их у тебя достаточно, а у меня счастье мелькнуло молнией»¹...

Воспоминаниями об отце и ощущением еще не пережитой утраты горячо любимой жены навеян трагический сюжет рассказа «Последняя треба», опубликованного, как уже было сказано ранее, в двенадцатой книге журнала «Мир Божий» за 1892 год. «Посвящается памяти Маруси» – этим вступлением автор задал и тон всему повествованию – лирический, удивительно тонкий и светлый, пронизанный безграничной любовью к главному герою – попу Савелию, отправившемуся на исходе рождественской заутрени отправлять последнюю требу умирающей после родов женщине. Это невеселое событие вызвало в памяти о. Савелия собственное горестное воспоминание. «Поступал он сюда на место еще совсем молодым и похоронил молодую жену на втором году. Умерла Савельева попадья от родов, как теперь умирала жена лесника Евтропа. Это совпадение заставило попа отнестись особенно сочув-

---

¹ Удинцев С. Д.Н. Мамин в письмах к матери // Урал. 1913.

ственно к горю Евтропа: родное было горе, знакомое... Да и день-то какой выдался. Один раз Христос в году, для всех родится, чтобы был «на земле мир и в человецех благоволение». Любил поп Савелий этот праздник, когда Христос приходил в мир, тот Христос, который лежал в яслях, которого окружали бедные пастухи»¹. Единственным желанием попа в эти минуты было доехать до умирающей жены лесника, чтобы выполнить ее последнюю волю – причастить ее перед смертью. Он успел, найдя в избушке новорожденного ребенка и девочку лет пяти, которая присматривала за ним. И сколько же бесконечного сострадания вкладывает автор в слова, описываемые причастие и чтение отходной Савелием над умирающей женщиной, сколько безграничной любви и тепла в описание оставшихся сирот! «А поп смотрел на маленькую няньку и не чувствовал, как у него по лицу катились слезы. Господи, какая ночь и какое вечное чудо творится кругом нас каждый час и каждую минуту, и как мы не замечаем этого чуда... вот и в этой девочке та же премудрость Божия, которая научит птицу вить свое гнездо, дикого зверя пестовать своих детенышей и несмышлёного младенца заменять мать»². И если в большинстве своих произведений Мамин-Сибиряк остается беспристрастным наблюдателем происходящего, то каждая строчка «Последней требы» написана его кровоточащим любящим сердцем.

С потерей жены Дмитрий Наркисович, ранее не отличавшийся большой религиозностью, начинает верить в бессмертие и загробную жизнь, где надеется встретиться с Марией Морицевной. И многократно выражает желание быть похороненным рядом с женой. Он с большой теплотой относится к каждому, кто проявляет уважение к ее памяти. Часто благодарит Александра Александровича Ольхина, поэта, дипломата и политического деятеля, оказавшего ему помощь и участие во время похорон жены и после посещающего ее могилу (он собственноручно посадил там цветы).

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 2-х т. Т. 2. С. 165.

² Там же, стр. 169.

При этом Мамин бесконечно беспокоится о здоровье дочери и испытывает страх, что Абрамов может ее отобрать.

Словно по иронии судьбы именно в это время к нему приходит осознание своего места в литературе. Он объективно понимает, что его имя стоит так высоко, что теперь оно вне всякой критики. Отдельные произведения, конечно, будут подвергаться нападкам всегда, но это можно считать не более чем мелким покусыванием «борзописцев». Но признание не радует его, как не радует и все остальное, что происходит вокруг – кроме дочери, которую он любит беззаветно.

Подтверждения признательности и одновременно «мелкого покусывания» не заставляют себя долго ждать. В 1892 году с первой по шестую книжки журнала «Северный вестник» выходит роман «Золото», начатый при жизни Марии Морицевны, он «Посвящается Марусе». Несмотря на то, что такие газеты, как «Сын Отечества» и «Гражданин» встретили роман отрицательно, подвергнув автора критике за то, что изображаемая им жизнь рабочих золотых приисков отошла в далекое прошлое, другие издания – «Екатеринбургская неделя», «Мир Божий», отметили это произведение Мамин-Сибиряка, назвав одним из лучших. Такого мнения придерживается и критик Елена Колтоновская в уже известной нам рецензии «В стороне от главного русла. Д.Н. Мамин-Сибиряк». В частности, автор, отмечая, что Мамин не связывает себя тенденциями в литературе, а тенденции в свою очередь не связывают его творческой свободы, указывает на то, что: «Если бы это было не так, Мамин, пожалуй, не создал бы таких ярких, стильных фигур, как его старый штейгер в «Золоте»... Мамину были близки и милы эти старые, закаленные и сочные души, с ярко выраженным исконно-русским началом, и он этого не скрывал. Он рисовал то, что ему было знакомо и захватывало его как художника, и мало заботился о нападении, о выводах»¹.

---

¹ Колтоновская Е. В стороне от главного русла. Д.Н. Мамин-Сибиряк // Вестник Европы. 1913 г., февраль.

В «Золоте» Мамин-Сибиряк продолжает тему растлевающей власти желтого металла, начатую ранее в романе «Дикое счастье», очерках «В горах» и «Золотуха», в рассказах «На «Шестом номере», «Клад», «Подснежник», «Глупая Окся», «Пир горой» и других. Прототипом Балчуговского завода стал Березовский завод, что недалеко от Екатеринбурга, с его богатыми месторождениями золота, шахтами, золотопромышленной фабрикой, шурфами, с промысловыми старателями, особой кастой людей: «куда его ни засунете, он везде будет бредить золотом и легкой наживой». Разрушительную силу золота автор, как и прежде, называет диким счастьем: *«Случаи дикого счастья время от времени перепали и в Балчуговском заводе»*¹; то, чего не могла сделать бедность, сделало богатство: люди перерождались, рушились даже самые крепкие староверческие семьи. Роман наполнен страстями, которые, по мнению автора, могли твориться только на Урале – поиски золота, убийства, поджоги и грабежи, и все из-за желания легко и быстро разбогатеть. А легкое счастье, как песок, уходило сквозь пальцы, приводя вновь к нищете и порокам. Всему этому Мамин противопоставляет любовь – такую же неистовую, как прочие страсти, доводящую до греха и полного самоотречения. Тем роман и заканчивается: *«Феня ушла в Сибирь за партией арестантов, в которой отправляли Кожина: его присудили в каторжные работы. Когда партия арестантов выступала из города, ей навстречу попала похоронная процессия: в простом сосновом гробу везли из городской больницы Ермошкину жену Дарью, а за дорогами шагал сам Ермошка»*².

О том, что Мамин знал Урал, как редко кто, говорит Сергей Яковлевич Елпатьевский, врач по образованию, писатель, один из руководителей журнала «Русское богатство». Между ним и Маминым не было ни идейной, ни творческой близости. Тем дороже в плане объективности его восприятие Мамина-Сибиряка.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 8. С. 151.

² Там же. С. 242.

Они познакомились в начале 90-х годов на редакционном ужине Михайловского. «У меня осталось в памяти бледное лицо, красивый белый лоб и в особенности глаза, большие, черные прекрасные глаза. И особая хватка, манеры, интонация голоса, яркие словечки и неизменная трубочка. От него веяло не то, что провинциализмом, а чем-то не петербургским, своеобразным и оригинальным»¹.

С тех пор Елпатьевский и Мамин часто встречались в разнообразных литературных кругах. И это первое впечатление Сергея Яковлевича – «своеобычности и оригинальности» – со временем только окрепло. Мамин всегда выделялся на фоне петербургских лиц, особенно тем, что ни к одной их группе не примыкал. Он был особняком, сам по себе, и позиция его в столице, которую он не любил, была особая. Елпатьевский писал: «Мамин был уральский человек. Кряжистый, словно сколоченный, сильный и смелый человек. Он был весь полностью от Урала, – обликом, чувствованием, думанием. В нем много было от мгlistых еловых и белорадостных березок, от горных вершин и угрюмых скал, от уральского камня, от бурных горных речек, от всей уральской жизни, от людей и зверя, от старых преданий... Он был как обломок яшмы, занесенный далеко от родных гор. Он имел общий интеллигентский облик, но за полированной поверхностью яшмы была глыба цельной породы, чистой, твердой, без трещин и излучин»².

И в «Золоте», и в других своих романах Мамин-Сибиряк показал эволюцию капитализма на Урале, претворив в художественном творчестве весь свой Урал, отразив и его суровость, и его поэтическую красоту. Елпатьевский убежден, что он не был этнографическим писателем. «Слишком яркими и широкими красками рисовал он, слишком много общерусского в нарисованном им Урале, и, можно сказать, он вернул Урал не только Уралу, но и России...»³.

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 120.

² Там же. С. 122–123.

³ Там же.

Он вернул России – Урал, и Москве, и Петербургу, неизменно оставаясь сам – уральцем, неприкаянно чувствующим себя в столицах, обреченным на одиночество. И случилось это тогда, когда имя его в литературе стало известно, и пришло признание.

...В сентябре 1892 года Мамин впервые носил Аленушку в церковь, причаститься. А в октябре в Саперном переулке его навестил Фридрих Фридрихович Фидлер, переводчик русских поэтов на немецкий язык, собиратель материала о писателях и журналистах. С ним Мамин познакомился в декабре 1891 года, и дружил более двадцати лет. Они сошлись на почве коллекционирования. И Фидлер, оказавшись в квартире Мамина, обратился к нему: «Ты мне написал в альбом, что и ты коллекционируешь. Что же именно?» Дмитрий Наркисович показал ему разные раритеты: окаменелый кусок дерева, рукописный указ XVI века, старые монеты и редкие драгоценные камни с Урала. А Фридриха Фридриховича поразило другое. Его внимание привлекли кабинет и гостиная. «Они представляли собой музей, посвященный памяти покойной Маруси. Повсюду висели, стояли и лежали ее портреты – от громадного, в человеческий рост, до миниатюрного...»¹.

Из этих фотографий сохранилось немного. А тогда один из портретов, известных и сегодня, в качестве иллюстрации был использован в очерке Мамина «Мария Морицовна Абрамова», вышедшем за подписью «Друг» в четвертом номере журнала «Дневник артиста» за 1892 год.

Ни одно самое лучшее современное издание не в состоянии передать ощущение времени, то почти явное присутствие автора, которое сохранили страницы этого журнала конца XIX века. Очерк проникнут большим уважением к актрисе и человеку. Мамин в данном случае занимает объективную авторскую позицию, отказываясь от всего личного, что, конечно, ему было сделать непросто. Но профессионализм публициста позволяет ему говорить о любимой женщине с точ-

---

¹ Куприна К. Куприн – Мой отец. С. 15.

ки зрения ее значимости для театра, для искусства в целом. Читатель, не посвященный в личную жизнь Мамина, по одному этому очерку никогда бы не догадался, в каких отношениях он состоял с Абрамовой. Был знаком, наблюдал в жизни – не более. Все остальное спрятано за театральным занавесом. И вот это подчеркнутое уважение к героине очерка, преклонение перед ней – человеком с незаурядными способностями, перед ее артистическим даром и женственностью ставит очерк в особый ряд среди произведений Мамина и является высшим признанием любви к жене, так рано ушедшей из жизни.

«...Больше всего я боялся за Марию Морицовну в «Медее», которую она ставила в свой бенефис, т.-е. боялся за собственное впечатление. Кто искренне любит театр, тому нечего объяснять этого чувства. Но она вышла и здесь победительницей, показав другую сторону своего таланта. Эта была большая фигура с целым мирозерцанием, властная и цельная. Мне даже как-то страшно писать вот эти слова, которые напоминают опавшие осенние листья – разве есть такие слова, которыми было бы можно хотя приблизительно выразить все то, что было пережито и перечувствовано, благодаря игре артистки! Все это умерло вместе с ней... Живет книга, картина, статуя, мелодия, а самый талантливый артист умирает весь...»

В этих словах, конечно, есть много правды, но к счастью к ним можно добавить то, что, не оставляя, так сказать, вещественных памятников своей деятельности, артист все-таки вносит очень много в культуру, в развитие масс, просто в ежедневный обиход самого обыкновенного среднего человека. Театр является могучим проводником лучших чувств, неумиряющих идей и той правды, которая должна стоять, как светильник на горе. В этом отношении миссия истинного артиста грандиозна, а его деятельность, без сомнения, оставляет после себя широкий след. Кто высчитает, измерит и свесит те восторги, слезы на хороший здоровый смех, которые вызываются

талантливой игрой... Помню хорошо последнюю заветную мечту Марии Морицовны о народном театре.

– Он будет, этот народный театр, – убеждённо повторяла она. – И если стоит работать, то только для него... Мое последнее желание основать именно такой театр. Я убеждена, что он пойдёт прекрасно, и я с удовольствием-бы положила на него все свои силы.

Этой мечте не суждено было сбыться, но ее осуществление только вопрос времени»¹.

Тогда же в октябре Мамин подарил Фидлеру, которого на русский манер называл – Федор Федорович, черновик повести «Братья Гордеевы» с надписью: «Эта повесть написана в период любви и счастья... Да будет вечна память о той, которая любила автора и которую любил автор. Дарю эту рукопись другу Федору Федоровичу Фидлеру. 22 октября 1892 года»².

А себе оставил на память рукопись рассказа о своей любимой птице – «Старый воробей», с собственной пометкой: «15 марта Маруся переписывала этот рассказ»³. Всего за неделю до своей смерти, и, конечно мечтала о том, как будет читать своему ребенку Митины сказки...

Дом № 8 в Саперном переулке в Санкт-Петербурге существует и сегодня. Вход во двор через арку. Внутри типичный петербургский «колодец» с высоким и далеким дождливым небом. На стене этого дома, единственного из всех, где жил Мамин-Сибиряк в Петербурге, установлена мемориальная доска с краткой надписью: «В этом доме с 1891 по 1893 год жил известный русский писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк».

Здесь он был счастлив. И здесь он простился с счастьем навсегда...

---

¹ Мария Морицовна Абрамова // Дневник артиста. № 4. 1892.

² Куприна К. Куприн – Мой отец. С. 14.

³ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 405.

В мае 1892 года Мамин поселился на даче Давыдовой в Павловске. Его комната находилась рядом с детской, где жила Аленушка. С утра он писал, потом проводил время с дочерью, а когда она спала, уходил рисовать этюды или уезжал в город по литературным делам. И тогда обязательно навещал могилу Марии Морицовны в лавре. Когда по вечерам на дачу съезжались гости, он уходил от общества и шел слушать симфонические концерты в Павловском вокзале.

Спустя два месяца Аленушка окрепла и стала улыбаться. В такие минуты Мамин забывал о своем горе и готов был жить вечно для этого любимого существа. Но трудные роды не только лишили его любимой жены, они поставили под сомнение здоровье, жизнь и будущее Аленушки. Последствия родовой травмы ставили в затруднительное положение даже врачей. И они загадочно обещали: все определится к шести годам, потом – к двенадцати, затем снова откладывали решение на неопределенный срок. По городу поползли зловещие слухи, что Мамин не выдержит, сдаст девочку в приют... А он жил между страхом и надеждой. И никто так, как дочь, не обязывал его жить, отгоняя навязчивые мысли о самоубийстве и о месте, оставленном для себя рядом с гробом «его голубки» в возведенном им склепе. Дочь улыбалась, и он жил...

Мамин и раньше писал произведения для детей, представляющие собой особый жанр его творчества. Их отличали высокий гуманизм и добрая наивность. С появлением Аленушки он пишет для детей и о детях с другой интонацией – с огромной любовью, ведь теперь каждую сказку или рассказ он сочиняет применительно к своей Аленушке. Не удивительно, что почти все произведения этого направления, созданные Маминым, стали российской детской классикой.

Всю свою нерастратченную любовь и нежность, всю свою заботу и внимание Дмитрий Наркисович отдает дочери. Только в 1893 году журнал «Детское чтение» публикует рассказы «Постойко», «Старый воробей», «На

пути», «Приемыш», «Серая шейка» в журнальном варианте – «Серушка». Герои этих рассказов – животные, птицы, растения, которые окружают ребенка с детства. Надевая их человеческими качествами, Мамин решает важные нравственные задачи воспитания ребенка. К тому же, насыщая произведения большим познавательным материалом, он одновременно выступает и в роли детского просветителя.

А в феврале 1893 года в письме к своему старому уральскому другу Аполлону Ивановичу Большакову вновь сетует на свое одиночество в столице, которое скрашивает только дочь. *«...Живу я в Питере в новой обстановке, среди новых людей и новых условий. Мои литературные дела не оставляют желать лучшего. Людей хороших кругом достаточно, а все-таки в конце концов, скучно и грустно. Единственное живое место в моей жизни – это моя дочка Аленушка, да и та прихварывает всю эту осень. Необходимо уехать весной куда-нибудь в тепло, а то в этом проклятом Чухонском болоте сам начинаю чувствовать себя скверно»*¹. Сообщает о том, что приезжали к нему погостить мать и сестра Елизавета, что стало для них настоящим событием, так как в столице они еще никогда не были.

Лето 1893 года Дмитрий Наркисович вместе с дочерью и семьей Давыдовой вновь проводит на даче в деревне Новая Весь близ Павловска. По возвращению в город он прощается с квартирой в Саперном переулке, где ему слишком многое напоминает о бывшем счастье, и переезжает на новую – Гусев переулок, д.8, кв. 33, расположенную по соседству с Давыдовой.

В ноябре тяжело болеет Аленушка. Неимоверно переживая за состояние ребенка, Мамин впадает в еще большую депрессию и пишет на Урал Николаю Владимировичу Казанцеву: «Вместе с ней погаснет и мой последний свет. Дальше не для чего и не для кого жить». Его не радуют ни обеды, ни ужины, ни званые вечера. В душе – пустота и одиночество.

Такое настроение рождает цикл рассказов «Детские

---

¹ Д.Н. Мамин А.И. Большакову 26.02.1893. Неопубликованные письма. Из фондов ОМПУ.

тени», который публикует журнал «Русское богатство». Всего в цикл входит десять рассказов, пять из которых – «Господин Скороходов», «Папа», «Тот самый, который», «Сусанна Антоновна», «Соломенная девочка» – были опубликованы в 1893 году. Этот цикл открывает новую грань таланта Мамина.

Эти рассказы о детях предназначены взрослым, так как обнажают целый ряд взрослых проблем. От несовершенства в отношениях взрослых страдают дети – болеют, умирают, оказываются брошенными и одинокими. Смерть ребенка – сквозная тема цикла. Только в двух рассказах дети не умирают, но при этом читатель все равно встречается со смертью – физической или духовной. «В этом цикле мир детства поворачивается своей трагической стороной: дети гибнут, расплачиваясь за жестокость и равнодушие взрослых. Умирующие дети становятся «живой совестью»...»¹

Но у Мамина были и другие произведения, о которых говорит современник Мамина Евгений Аничков: «...Читая «Детские тени» и другие сродные очерки, например, из сборника, озаглавленного «Повести», читая детские сказки г. Мамина, невольно представляешь себе их автора у изголовья маленькой кровати, снова «затихшем», как некогда в уральском лесу. И опять, как никогда, «отовсюду поползло всякое живое»².

Начиная с 1894 года журнал «Детское чтение» начинает публикацию «Аленушкиных сказок», само название которых говорит о том, что Мамин пишет их для дочери. На это указывает и присказка: *«Баю-баю-баю... Один глазок у Аленушки спит, другой – смотрит; одно ушко у Аленушки спит, другое – слушает. Спи, Аленушка, спи красавица, а папа будет рассказывать сказки...»*³. Двадцать строчек присказки Мамин писал всю ночь, стоя на площадке вагона поезда «Санкт-Петербург – Москва».

Он называл девочку: «Аленушка – отецкая дочь».

---

¹ Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, БКИ, 2013. С. 168.

² Аничков Е. Мамин-Сибиряк. // Мир Божий, октябрь, 1905.

³ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 145.

Внимательно следил за ее развитием и радовался всякому проявлению у нее новой мысли. После того, как он прочитал дочери «Сказку о рыбаке и рыбке», она рассердилась на злую старуху: «Я старуху-то палкой прибью, зачем она старика обижает», а в другой раз предложила ему бороться: «Папа, я ведь сильнее тебя», – и было в этой детской наивности, как всегда много правды, которую гласят уста младенца. Как и в другом случае, когда она ему предложила: «Давай, папа, с тобой вдвоем жить, ты да я, – и больше никого!» Ну, как же не папина дочка?

Дмитрий Иванович Тихомиров – педагог, общественный деятель, редактор одного из лучших демократических журналов «Детское чтение», который выходил в Москве, был близким другом Дмитрия Наркисовича и высоко ценил его талант воспитателя. Считал, что Мамин знает, как в области литературно-художественного творчества оказывать влияние на душу ребенка, и в этом плане его детские произведения заслуживают внимательного изучения педагогов. «Он создал для Алenuшки, а вместе с нею и для всех детей светлую и красивую, гуманную и поэтичную, оригинальную детскую литературу. Мало того, он отдался этому новому для него творчеству всецело, только им одним и увлекался, на нем отогревал свою душу»¹. По утверждению Тихомирова, с которым согласны многие современники Мамина, после его жизненной катастрофы – смерти Абрамовой – в писателе свершился перелом, и он уже не смог в общей литературе создать ничего равного своим прежним произведениям. Но зато его приобрела для себя детская литература.

Произведения для детей он писал почти сразу на бело. Не переписывая и ничего не исправляя, будто бы уже сложившимися, носил их в голове. «Тем у меня в записной книжке, – говорил он, – сколько хочешь, на целый век хватит, и еще останется». И это была правда»². Труд за письменным столом доставлял ему наивысшее наслаждение, это была потребность его

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 162.

² Там же.

души, часы его жизни, когда он забывал все горести и невзгоды. Писать он мог без передышки целый день, в будни и праздники, дома и в гостях. Даже после весело проведенной ночи с друзьями он в семь часов утра уже сидел за письменным столом и к утреннему чаю успевал подготовить несколько страниц, усыпанных его бисерным почерком. Тихомирову в Москву он писал: «Телеграфируй мне, когда срочно понадобится рассказ для журнала, и на третий день получишь». И всегда выполнял свое обещание. В «Детском чтении» он публиковался 39 раз.

Тихомиров очень любил Мамина как человека и ценил как писателя, который не помышлял о славе, писал не в угоду читателю и критику, а шел своей независимой дорогой. Высылая Тихомирову очередной рассказ, он делал приписку: «Не знаю, понравится ли, – посылаю, как печь испекла!» Чувствуя отношение Тихомирова, Дмитрий Наркисович в каждую свою поездку в Москву на правах близкого обязательно гостил у Дмитрия Ивановича.

В здании редакции «Детского чтения», расположенной по адресу Тверская, 28, проходили субботние заседания кружка, где собирались передовые писатели и педагоги. Почти все они сотрудничали с «Детским чтением». Лучшие произведения, помещенные в этом журнале, издавались отдельными книжками под общим названием «Библиотека детского чтения». Как приложение к журналу до 1898 года издавался «Педагогический листок» в количестве четырех книг в год. С 1899 года он выходил как самостоятельный журнал. Тихомировым было предпринято издание серии книг под общим заглавием «Библиотека начального учителя», предназначенных для самообразования учителей. Эта деятельность была близка Мамину, и в лице Тихомирова он находил для себя и друга, и единомышленника.

На этих «тихомировских субботниках» Дмитрий Наркисович чувствовал себя в своем кругу. Он вообще любил Москву и московское общество. Среди тихомировцев он был весел, словоохотлив, любил рассказы-

вать о всяких курьезах и пустяках, не выдавая своего внутреннего состояния. А может быть, он здесь и на самом деле отходил душой. Во время ужина он никогда не занимал места почетного гостя, не пытался быть ближе к хозяину, хотя его всегда звали. В виде исключения перед ним ставили кружку пива, так как другие гости этот напиток считали «низменным», а Мамин его любил и в шутку говорил: «Из-за него окаянного я всю свою красоту прежнюю потерял»¹.

Бывала на этих вечерах и литератор Татьяна Львовна Щепкина-Куперник, которая работала в разных жанрах. Она вспоминает, что Мамин, выпив, становился очень чувствителен и тут же начинал оказывать внимание соседке за столом. И был рыцарски почтителен. Как-то среди этих соседок оказалась Татьяна Львовна, которую он вызвался отвести на извозчике домой. И везя ее по тихим ночным улицам Москвы, говорил ей задушевым тоном красивые, лирические слова. Через несколько дней она встретилась со своей приятельницей, которая стала ей рассказывать о том, как провожал ее Мамин и говорил ей... И они в один голос стали произносить одни и те же слова. Сначала рассмеялись, а потом поняли, что «... под этими романтическими словами, бывшими тогда в большой моде, крылось действительно большое душевное одиночество и неудовлетворенность и личной, и общественной жизнью»².

«Мамина недооценили братья-литераторы» – в этом был уверен и Тихомиров. «Что-то роковое, жестко несправедливое сопутствовало Мамину и в личной жизни, и в делах литературных. Человек бережливый, неутомимый работник, плодовитый и славный писатель часто переживал крайнюю нужду. Человек любящий и с нежной душой, не знавший врагов и всеми искренне любимый и уважаемый, утверждал при конце своей жизни: «Меня недолюбили»...»³, – писал о нем Дмитрий

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 214.

² Там же, стр. 229.

³ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 163.

Иванович. По его же словам Мамин, говоря о своем крайне скромном образе жизни, выражался образно: «Мой «Хлеб» меня не кормит, мое «Золото» в карман ко мне не попадает». В последние годы жил исключительно за счет издания детской литературы. Издателей считал «людьми с зубом», умеющим делать свои дела. Но выделял всегда одного московского издателя «Т», который поддерживал его материально и морально, когда ему было очень трудно и он помышлял о развязке с жизнью. Думается, что этим издателем был Дмитрий Иванович Тихомиров.

Детские произведения писателя высоко ценил педагог и критик начала XX века, автор многих работ о детской литературе Николай Афанасьевич Саввин: «Своими образами и картинками он скажет гораздо больше своему читателю, чем если бы он написал целые поучения. И эти рассказы производят сильнейшее впечатление на маленького читателя»¹. А в «Педагогическом листке» № 4, 5 за 1908 год среди новых работников на ниве детской литературы он называет: «одно из первых мест – если – не первое – занимает Д.Н. Мамин-Сибиряк»². По его мнению, «Аленушкины сказки» – это не сказки в том смысле, в каком мы привыкли понимать, этот вид творчества, так как повествование не выходит за пределы реальной действительности, но это и не рассказы обычного шаблонного типа.

Отдельным изданием «Аленушкины сказки» впервые вышли в 1897 году. Сам автор говорил: «*Эта моя любимая книжка – ее писала сама любовь и поэтому она переживёт все остальное*»³. И не ошибся. При жизни писателя «Аленушкины сказки» выходили много раз. В Советском Союзе книжка издавалась сотни раз миллионными тиражами, на 26 языках народов бывшего СССР, а также на польском, чешском, болгарском, французском, английском, венгерском,

---

¹ Из забытых критических отзывов и воспоминаний о Д.Н. Мамине-Сибиряке. Из фондов ОМПУ.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 405.

³ Там же.

шведском и других языках. Знал бы об этом Мамин, сокрушавшийся о том, что его не переводят на другие языки!..

И сегодня, в XXI веке, книжные магазины Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и других городов представляют «Аленушкины сказки» самых разных издательств – маленькие иллюстрированные книжечки и большие, подарочные издания.

В 2014 году исполнилось 120 лет с момента начала публикации «Аленушкиных сказок». Эта дата стала поводом для юбилейного детского литературного конкурса «Серая Шейка», который уже в девятый раз состоялся в уральском городе – Нижнем Тагиле.

Немногие тагильчане теперь помнят, как с вокзала города, лет двадцать тому назад, по узкоколейной железной дороге отправлялся поезд до конечной станции Висимо-Уткинск. Был он такой маленький и удаленный, что прижилось к нему народное название «паровозик из Ромашково» по имени персонажа известного тогда мультфильма. Да и пассажирами его были охотники да грибники, туристы-песенники, дачники и жители поселков. Вся публика ровным счетом достойна стать героями произведений Мамина-Сибиряка. Самым удивительным образом этот «паровозик» стал причиной рождения детского литературного конкурса «Серая Шейка», который проводит Центральная городская библиотека Нижнего Тагила. Именно на этом поезде в конце сентября каждого года уже известный нам Юрий Данилович Исупов возил свою старшую дочь в гости к Мамину-Сибиряку. «Мы приезжали с дочерью в Висим, и пока паровозик уходил в Висимо-Уткинск и делал круг, гостили в маминском доме. И я в который раз рассказывал ей о замечательном писателе, о его детских рассказах и «Аленушкиных сказках». Потом мы шли обязательно на висимский пруд, смотрели на Шихан и снова говорили о Дмитриии Наркисовиче», – вспоминает Юрий Данилович. Дочь Исупова выросла, но ни с Висимом, ни с Маминым он расстаться не смог. А со временем узнал о своей поч-

ти «родственной» связи с писателем. Его собственные корни берут начало из Чердыни. Писатель совершил туда поездку в 1888 году и описал ее в очерке «Старая Пермь», и отсюда родом его Серая Шейка.

Так родилась у Исупова идея создания детского литературного конкурса «Серая Шейка». С ней он пришел в детскую библиотеку, там ее поддерживали, а он в течение нескольких лет был единственным спонсором конкурса. И его вдохновителем, коим остается и по сей день.

– Когда Юрий Данилович впервые к нам пришел, – вспоминает Людмила Борисовна Сметанина, заместитель директора по работе с детьми Центральной городской библиотеки, – мы удивились, почему Мамин-Сибиряк на тот момент – не особо читаемый автор? Но поскольку мы все равно работали в плане поиска и поддержки талантливых детей, а Юрий Данилович так увлечено говорил о своей идее, то мы решили попробовать создать «Серую Шейку».

У детского конкурса изначально были две цели – популяризация творчества Дмитрия Мамина-Сибиряка и, как уже было сказано выше, поиск талантливых детей, что, несомненно, приветствовалось бы Дмитрием Наркисовичем. Если говорить об эволюции конкурса, то можно выделить такую закономерность. В первые годы дети писали в основном «о лисичках, зайчиках, кошечках, собачках», – что, собственно, тоже не плохо, так как забота о братьях наших меньших делает каждого человека добрее. Интересно, что и читая сказку «Серая Шейка», дети видели в ней только несчастную уточку и жалели ее. Изучая конкурсные работы в течение девяти лет, Людмила Борисовна замечает огромные преобразования, которые произошли в нашем обществе, так как конкурс есть их прямое отражение.

Сегодня однозначно можно говорить о том, что с первой своей целью организаторы конкурса справились блестяще. Мамина-Сибиряка стали читать. И не только «Шейку» и «Аленушкины сказки», список произведений стал гораздо шире. О том, что творчество замечательного писателя способствовало раскрытию

новых литературных талантов факт тоже неоспоримый. Все это вместе дало такое неожиданное развитие конкурсу, что его организаторы в начале пути и предположить не могли.

Пойдем от простого к сложному, хотя «простое» в данном случае – определение условное. Мамин-Сибиряк открыл для наших детей природу и пейзаж в литературе, что нашло свой отклик в сочинениях. С другой стороны дети, нередко в традициях Мамина, работают над языком, насыщая его замечательными деталями, в духе самого Дмитрия Наркисовича, который обожал рыбалку и охоту, и с удовольствием записывал истории случайных собеседников у лесного костра или на берегу озера.

Немаловажный аспект конкурса состоит в том, что «Серая Шейка» способствует формированию у подростков чувства Родины – малой и большой, а это, как мы знаем, тоже является одной из главных тем Дмитрия Наркисовича. По-особому освещают ее школьники из поселка Висим, связывая свою малую родину с рождением здесь такого удивительного, по сей день читаемого и чтимого писателя.

На большие философские обобщения выходят участники конкурса, когда рассуждают о прочитанных произведениях Мамина-Сибиряка. От «лисичек и зайчиков» они дошли до обсуждения нравственных проблем. И когда читаешь об этих проблемах в детских сочинениях, то понимаешь, насколько наше общество несовершенно. А то, что открывают нам на это глаза дети, созвучно «Детским теням» Мамина.

– Теперь в сказке «Серая Шейка» дети видят не просто травмированную уточку, – рассказывает Людмила Борисовна. – Они поднимают вопросы очень серьезные: о том, что бросать слабого – это несправедливо, нечестно; или – почему равнодушен к своей дочери папа, почему в принципе бросают детей? Одна участница так и написала: «Я вырасту и попробую в этом разобраться». От жалости к уточке разговор перешел к проблеме равнодушия и к тому, что так в жизни быть не должно. Признаюсь, подобные откровения стали

новыми и для нас. Становится популярной рубрика «Встреча с писателем». Старшие дети рассуждают о своем прочтении Сибиряка и проводят параллель с современным обществом, рассуждая об одиночестве, о жестокости, о выборе, который часто приходится делать людям. В прошлом году нас буквально поразила рассказ-отзыв на произведение Мамина-Сибиряка «С голоду». Шестнадцатилетняя Марина Зарипова получила диплом за раскрытие темы нравственности. В небольшом по объему отзыве она поставила наиважнейший вопрос: «Можно ли совершить преступление, оправдывая его голодом?» – делает паузу Людмила Борисовна.

Само обращение к теме голода для современных учащихся не типично. Что они знают об этом? Оберегая нынешних чад от всякого рода потрясений и ни в коем случае не нарушая их права на счастливую жизнь, мы повсеместно избегаем разговоров о возможных жизненных невзгодах. Как оказалось, напрасно. Беседы о нравственности, что были приняты в семье Маминых, для становления личности необходимы. И об этом дети напоминают нам сами.

Некоторые участники конкурса читают Мамина-Сибиряка вместе со своими братьями и сестрами. Возвращение к семейному чтению, ценности, утраченной в России в последние десятилетия, – это одно из самых важных достоинств конкурса. Участники привлекают к изучению творчества Мамина-Сибиряка родителей. И в последние годы конкурс расширился до взрослой номинации, в то время как начинался с младших школьников. Приобрел он и коллективный характер. Например, Галина Михайловна Лобикова – учитель русского языка и литературы школы № 61 города Нижнего Тагила – настолько в ходе конкурса увлеклась творчеством Мамина-Сибиряка, что привлекла к участию и других педагогов этой школы, которые активно поработали со своими детьми по популяризации творчества Дмитрия Наркисовича.

Замечательно то, что не только отдельные произведения Мамина находят отклик в душе участников

конкурса. Они задумываются в целом над мировоззрением писателя, который любил природу и уважал человека. И что еще важнее, Мамин их подталкивает к тому, чтобы переосмыслить такие понятия как «Родина», «патриотизм» и признаться в любви к России. Только за это стоит воздать Дмитрию Наркисовичу, за его современный вклад в нравственное укрепление России!

Большая заслуга конкурса состоит и в том, что он помогает социализации талантливых детей, которые, как правило, ощущают себя «белыми воронами» среди сверстников. Особенно дети пишущие, ведь это во времена Мамина-Сибиряка было модно писать, а сегодня сочинение подменено фиглярством в социальных сетях. И те, кто пишет по-настоящему, раскрываются именно в творческом процессе, чувствуют себя «своим среди своих» на церемонии награждения. С потрясающей пронзительностью об этом говорит в своей работе, посвященной сказке «Серая Шейка», постоянный участник конкурса и неоднократный победитель Максим Бусыгин. «Сложно ли быть не таким как все? Сложно ли быть цветным пятном на белой простыне? Насколько сложно быть изгоем, быть одним во всем этом жестоком мире? Когда остаешься один, когда от тебя уходят друзья, мама с папой не могут никак помочь и другие окружающие смотрят на тебя с презрением и думают, что ты не заслуживаешь места в обществе, не имеешь права быть личностью, не имеешь права любить и быть любимым...». Разве это все об уточке?.. Разве не о том, что во все времена есть изгой и существует одиночество? Несомненно, только то, что Серая Шейка помогла подростку не замкнуться на своих проблемах, а найти выход в творчестве.

Сегодня конкурс детского литературного творчества «Серая Шейка», посвященный писателю Д.Н.Мамину-Сибиряку, значительно вырос. После слияния Центральной детской библиотечной системы со взрослой конкурс прижился в Центральной городской библиотеке.

– «Серая Шейка» – это уже бренд не только нашей

библиотеки, но и всего Нижнего Тагила, – говорит директор ЦГБ Наталья Петровна Якимова. – И какими бы сложными не были времена, мы его будем поддерживать. Сегодня география конкурса расширилась до рамок России. Нам пишут дети из Пермского края и Чердыни, из Свердловской области и обязательно из Висима. Среди участников есть дети из Николаева-на-Амуре, Хабаровского края и Кривого Рога. Теперь это уже не просто конкурс, а социально-значимый проект, который имеет общественное значение, и в рамках библиотеки ему тесно. При помощи и поддержке Управления культуры города Нижнего Тагила мы проводим церемонию награждения победителей, лауреатов и дипломантов конкурса в больших залах – Театре Кукол, дворце культуры «Юбилейный». Когда-то единственным спонсором конкурса был Юрий Данилович Исупов, он находил по Интернету и покупал для победителей замечательные издания Мамина-Сибиряка, которые вручались вместе с грамотами и дипломами. Сегодня нас поддерживает и управление культуры города, и другие спонсоры.

Юрий Данилович из автора идеи стал и символом конкурса. Не случайно Глеб Борисович Удинцев, внучатый племянник Мамина-Сибиряка, ученый из Москвы, благословляя конкурс на удачу, окрестил Исупова – Серой Шейкой. И теперь при каждой встрече с ним искренне радуется: «А, Серая Шейка, ну здравствуй!» Точный образ для конкурса нашел тоже Юрий Данилович, купив в одном из магазинов Москвы фигурку чудной утки с чуть опущенным крылом. Теперь она красуется на всей символике конкурса, как будто говоря участникам, что и она, и они не одиноки.

На церемонии награждения в 2014 году Юрий Данилович сделал библиотеке, организатору мероприятия, удивительный подарок: он передал в отдел редких книг очерк «Бойцы» и психологический этюд «Лес» Д.Н. Мамина-Сибиряка, изданные отдельными книжками в Японии, на японском языке в 2005 и 2013 годах соответственно. А в Дом-музей в Висиме – «Аленушкины сказки», опубликованные в 1985 году

в Москве, в издательстве «Профиздат», на японском языке. Книги Мамина-Сибиряка в Стране восходящего солнца издаются и сегодня, о чем сообщает потомок Сергея Аристарховича Удинцева Иван Югов, который уже много лет живет и работает в Японии.

Не только критики XIX века ценили детские произведения Мамина. Заслуживают они уважения и у драматурга XXI века Олег Богаева, уже представленного на страницах этой книги:

– «Серая шейка» – грандиозное произведение! – восклицает он. – Оно сопоставимо с лучшими образцами русской литературы, в том числе и детской. Если сравнивать его, например, с «Каштанкой» Чехова, то я думаю, что «Серая шейка» – произведение более светлое, более доброе, более щемящее... и, к сожалению, более безнадежное, потому что у Каштанки все-таки есть будущее. Кстати, сказы Бажова знают в России, а сказки Мамина-Сибиряка гораздо меньше. Бажов сочинил собственную планету со своим языком, который сначала ребенку дается с трудом. Он привыкает к нему постепенно. Вот это – литература. А Мамин-Сибиряк не был литератором в этом смысле. Он брал реальность и вносил ее в литературу. Мамин-Сибиряк не играл в литературу. Люди, играющие в литературу, успешны. А люди не играющие, они серьезны, менее ироничны в своих произведениях и относятся к литературе скорее как к Священному Писанию. Вот так относился к ней и Дмитрий Наркисович Мамин.

Затихли участники конкурса на церемонии награждения. Все взоры обращены на экран, где идут кадры фильма «Маминa дочка» режиссера Лидии Богданович, поставленного в 2012 году на студии «Урал-Синема» в Екатеринбурге по сценарию замечательного современного писателя и беллетриста Дмитрия Шеварова. И, узнавая дорогие сердцу места Урала, Висима и Екатеринбурга, видя портрет Аленушки, дети слушают берущие за душу слова: «Если бы только эта капелька понимала, что она везет с собой целую детскую литературу; Аленушка дала мне и «Детские

тени», и детские рассказы, а их будет еще много-много. Пока будет жива Аленушка. Если бы я был богат, то посвятил бы себя именно детской литературе. Ведь это счастье писать для детей. И чувствовать напряженное внимание тысяч детских голов, которые будут ловить каждое слово автора...». Могло ли быть точнее собственное пророчество Мамина?!.

6.

...В начале 1894 года критик газеты «Гражданин» М. Южный, подводя итоги предыдущего литературного года, замечает: «Оскудение, полное оскудение! Мамин-Сибиряк, Мачтет и Потапенко составляют альфу и омегу нашей беллетристики»¹. Но самого Мамина такие признания уже почти не волнуют.

Третьего января Дмитрия Наркисовича навещает приехавший в Петербург голова Екатеринбургa Илья Иванович Симанов и рассказывает о своих отношениях с новым губернатором. Мамин оживает на несколько дней, ведь ему интересны все уральские события.

Но больше всего ему не дают покоя события личные – вновь обострившаяся болезнь дочери, анархия в домашнем хозяйстве, когда кухарка, няня и бонна ссорятся между собой, жалуются друг на друга Дмитрию Наркисовичу, а он, «свирепо» на них цыкая, не может преодолеть установившийся в доме «кавардак». Ко всем этим неприятностям неожиданно заболевает бонна, и Мамин в очередной раз перевозит Лизу и дочку, которой становится все хуже и хуже, к Давыдовой. Врачи, как и прежде, расходятся в своих прогнозах в отношении болезни Аленушки. Одни предлагают вести девочку за границу, другие – в Крым. Александра Аркадьевна решает прислушаться к советам петербургского светила в медицине, врача Петерса, который вместо заграницы и Крыма предлагает Царское Село. В этом же году воспитательницей Алены в дом Мамина поступает Ольга Францевна Гувале, с рождения опекавшая девочку.

---

¹ По материалам ОМПУ.

Самому же Дмитрию Наркисовичу нередко приходится по своим литературным делам уезжать из Петербурга в Москву и другие города. 4 июня 1894 года он пишет письмо из Усмани Ольге Францевне: *«Уважаемая Ольга Францевна, пишу Вам все еще из Усмани. Сегодня поедem в гости к Эртелю, где пробудем несколько дней. Соскучился об Аленке до смерти. Что-то она поделывает моя крошка... У меня мелькнула мысль о следующем: осенью можно жить в Крыму. Ей Богу. Как было бы хорошо, если бы вы приехали с Аленкой на август, сентябрь и октябрь. Я уже писал об этом Алекс. Аркадьевне. Не знаю, как она взглянет. А Аленушке было бы хорошо провести время на берегу моря. Расходы на поездку, конечно, будут. Писать мне все равно и в Крыму хорошо, еще лучше, чем в Петербурге. Подумайте об этом серьезно и поскорее дайте ответ... Мои поцелуи моей бесподобной дочурке. Жму Вашу руку. Д. Мамин»*¹.

В Усмани он находится почти весь месяц. И 20 июня вновь пишет письмо Гувале, где продолжает обсуждать состояние Аленушки, просит выслать в Москву фотографии, где он снят с ней, и сетует, что Ольга Францевна ничего не пишет о том, как они с дочерью получились, ведь для него это имеет большое значение. *«Мои поцелуи Аленушке... Я ужасно соскучился о ней. Жму Вашу руку. Преданный Вам Д. Мамин»*².

Александр Иванович Эртель, писатель-народник, состоявший в сотрудничестве с организацией «Народная воля», находился в Усмани под надзором полиции, он был политически неблагонадежным, ранее находился под арестом в Петропавловской крепости и в ссылке в Тверской области. Любопытно, что Мамин, не любивший политику, не принадлежащий не только ни к каким политическим, но даже литературным течениям, искренне полюбил Эртеля и стал его другом. И поскольку оба они были связаны с журналом «Русская мысль», возглавляемым Виктором Александровичем Гольцевым, то их союз в глубоко провинциальной Ус-

---

¹ РГАЛИ, Ф. 316, оп.1, ед. хр. 68.

² Там же.

мани тут же попал под всевидящее око полицейских сыщиков, что нашло немедленное отражение в донесениях в столицы. И на века сохранило этот факт в третьем делопроизводстве департамента полиции, документы которого сегодня хранятся в Государственном архиве Российской Федерации под названием «О кружке неблагонадежных лиц в г. Усмани Тамбовской губернии»¹.

«Г. Усмань Тамбовской губернии, из местной газеты за 1894 год: “Существует в 30 верстах от моего хутора город Усмань Тамбовской губернии. Это одно из тех зловонных мест, столь изобильно рассеянных в нашем отечестве, в которых и в буквальном, и в переносном смысле не продохнешь. Есть там и клуб, где играют в карты и иногда дерутся, и десяти сортов и функций присутственные места, где тоже иногда дерутся, есть каланча, дума, земская управа – шутники, впрочем, говорят: «яко-бы» дума, яко-бы земская управа, и только о каланче не сомневаются, что она настоящая....”
Подписано: А. Эртель.

Далее: из рапортов Усманского уездного исправника Браунштейна

Его Превосходительству тамбовскому Губернатору за июнь 1894 года

Совершенно секретно

«... В городе Усмани и Усманском уезде образовался обособленный кружок из лиц политически неблагонадежных. Кружок этот, состоящий приблизительно человек из 20, периодически собирается на хуторе богатого купеческого сына Алексея Сухочева...»

«... В настоящее время я пришел к несомненному заключению, что в данном случае не глупая шалость нескольких разрозненных единиц, а, по-видимому, что-то довольно правильно организованное, действующее по чьему-то указанию и руководимое опытной рукой. Рука эта Эртель, живущий постоянно в Воронежской губернии, и только изредка наезжающий.

---

¹ ГАРФ 3 дел-во, Ф.102, д. 896, 1894 г.

С его пребыванием весь упомянутый кружок оживает и волнуется...

«...В настоящее время прибывший из Петербурга Василий Огарков гостит здесь у своих родителей. 20 июня прибыл сюда и остановился у Огарковых некий Дмитрий Мамин, сотрудник журнала «Русская мысль», известный в литературе под псевдонимом «Сибиряк». С его приездом все оживились и у Огарковых эти три дня постоянные собрания, на которые, однако, невозможно попасть непосвященному»¹

Среди прочих документов находим в деле запрос, сделанный в Петербург и полученную в ответ на него справку 3-го делопроизводства о неблагонадежности Дмитрия Мамина из-за связи с Гольцевым, что свидетельствует о том, что, находясь и в Петербурге, Дмитрий Наркисович, как говорится, был «под колпаком», о чем сам не подозревал.

В том же году, 15 июля, когда Мамин уже покинул «зловонное место» в Тамбовской губернии, из Усманской библиотеки полиция изъяла все номера «Русской мысли» за 1887-1891 годы, где, в том числе, были опубликованы и произведения Мамина – «Отрава», «На кумысе», «Доброе старое время», «Самоцветы», «Три конца», «Братья Гордеевы».

В конце года российским книгоиздателем и просветителем Иваном Дмитриевичем Сытиным, с которым Мамин был лично знаком, и очень ему симпатизировал, был издан роман «Золото». И в декабре Дмитрий Наркисович работал над оформлением романа «Хлеб», который он намеревался завершить к Рождеству, а первые части уже передал Гольцеву, пообещавшему начать его публикацию с первой книги 1895 года. Гольцеву роман понравился. И он писал Мамину в мае 1895 года: «Я объедаюсь твоим «Хлебом». Умно и талантливо выпечен!.. Беседовал о «Хлебе» со Скабичевским... Мои почти восторженные рассуждения возражений не встретили»².

---

¹ Там же.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. М., 1958. Т. 9. С. 448.

Роман «Хлеб» завершает эпопею больших произведений Мамина-Сибиряка о наступлении капитализма в России, и его особенностях в условиях Урала.

Действие романа происходит в Зауралье, где прототипом города Заполья является Шадринск, центр хлебной торговли в 60-х годах XIX века. Зауралье отличалось от горнозаводского Урала тем, что оно, населенное наполовину башкирами, наполовину государственными крестьянами, не знало крепостного права, и экономическая жизнь громадного края шла и развивалась естественным путем. Поэтому и объявленная воля в общем укладе жизни не произвела здесь никаких коренных изменений. Заполье являлось не только главным хлебным рынком, но и посредником между степью и собственно Россией. На эту особенность автор обращает внимание в самом начале произведения, чтобы в дальнейшем читатель не просто понял, а ощутил всю трагедию этого свободного края с наступлением добравшегося и сюда капитализма.

В центре повествования староверческая семья Колобовых во главе с Михеем Зотычем, имеющим трех сыновей, которые являются невольными участниками быстро вторгающегося капитализма в лице крупной хлебной торговли, винокуров и банков. В романе самым скрупулезным образом показано, как происходит разорение мелких крестьянских владений и спаивание их хозяев банковскими воротилами. Их представляет в произведении кучка ярко обрисованных хищников. Один из них, немец Карл Карлович, рассуждая о том, как дать оборот богатствам края, переполненного сырьем, выстраивает расчет с полным хладнокровием и чисто математической выкладкой. И, убеждая Галактиона Колобова, любимого и самого благонравного сына Михей Зотыча, в преимуществах капитализма и в частности создания банка, он говорит: *«Дело громадное и будет зависеть от тысячи случайностей, начиная с самой жестокой конкуренции, какая существует только в нашем водочном деле. Не правда ли? Возьмите всякое другое коммерческое дело – везде риск, везде опасность, везде сомнения. А есть такое*

дело, которое ничего не боится, скажу больше: ему все на пользу – и урожай и неурожай, и разорение, и богатство, и даже конкуренция»¹. Дальше о том, как в дальнейшем банковский капитал путем предоставления кредитов пожирает мелкие мельничные хозяйства, дававшие жизнь всему краю.

Особенно преуспели в захвате Зауралья иностранцы. Одна из самых колоритных фигур, выведенных в романе – поляк-предприниматель Стабровский. Пан Стабровский отличался умом, образованностью и редкой предприимчивостью. От его расчетливости Галактион приходил в ужас. *«Этот богатый пан знал, кажется, решительно все и вперед сосчитал каждое зерно у мужика и каждую копейку выгоды, какую можно было получить... Это уж совсем не походило на тот авось, с каким русские купцы вели свои дела»*². Прообразом этого героя послужил известный на Урале заводчик и предприниматель Альфонс Фомич Поклевский-Козел.

На фоне эпических событий развития капитализма даны самые невероятные коллизии человеческих судеб: страстная любовь, измена, судьба больной девочки, дочери Стабровского, жизнь староверов и запольских купцов.

Особенно показательно перерождение Галактиона из человека богобоязненного в расчетливого бизнесмена, наживающегося на разорении своих сограждан, которое, по мнению автора, возможно только при капитализме: *«Вдруг ему сделалось жаль этого маленького городка, жившего до сих пор тихо и мирно. Что с ним будет через несколько лет? Надвигалась какая-то страшная сила, которая ломала на своем пути все, как прорвавшая плотину вода. И он являлся покорным слугой этой силы с первого раза»*³. Как человек Галактион мучительно «умирал» на глазах любимой женщины, теряя разницу между «промышленным добром и промышленным злом». Разлюбивши ее, инту-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Хлеб. Свердловск, 1984. С. 90.

² Там же. С. 199.

³ Там же. С. 200.

итивно потянулся к молодой девушке, как к чему-то чистому и светлomu, а в итоге покончил жизнь самоубийством.

В последней главе романа автор дает страшные картины голода в Зауралье и башкирских степях, детей, корчащихся в муках голода, опустошенные села, стариков, высохших, будто живые скелеты. В основу легли реальные истории, о которых Мамину часто сообщали в письмах сестра и ее муж Дмитрий Аристархович Удинцев во время своей борьбы с голодом.

Роман очень высоко был оценен современной критикой. Рецензенты «Русских ведомостей», «Литературного обозрения», журнала «Мир Божий» отмечали его высокие художественные достоинства. Думается, что это на самом деле лучший роман Мамина-Сибиряка. К моменту его написания он, согласно своей собственной формуле, уже так глубоко узнал жизнь, что мог свободно владеть ею в романе как некой философской категорией. Наполняя ее такими содержательными заключениями, которые можно расценивать как крылатые фразы: «Без совести нельзя жить, как без солнечного света... Ведь и любовь тоже совесть, высшая совесть, когда человек делается и лучше, и чище, и справедливее»¹; «...философия крупных капиталистов, именно, что мир создан специально для них, а также для их же пользы существуют и другие людишки»²; «гласные проходили мудрую школу подлаживанья и спасительного молчания. Всякая самостоятельность давилась в зародыше»³; «...деньги должны работать, как всякая сила, и давать жизнь, проливать эту жизнь, испускать ее лучами»⁴.

Роман «Хлеб» заставляет задуматься об удивительно точной параллели России конца XIX века с настоящим временем, когда утверждение сверхбыстрыми темпами нового капиталистического строя осуществлялось в недрах прежде неизжитого. Самые крупные исследо-

---

¹ Там же. С. 311.

² Там же. С. 224.

³ Там же. С. 287.

⁴ Там же. С. 338.

ватели творчества Мамина-Сибиряка советского периода Иван Алексеевич Дергачев и Евгений Александрович Боголюбов в своих статьях часто утверждают, что мировоззрение Мамина не доросло до понимания марксистского. Оно и не могло до него дорасти. Прежде всего, потому что Мамин был далек от всякой идеологии и политики; во-вторых, он не видел выхода для России ни в наступившем капитализме, ни в каких-либо других общественных формациях. Еще в очерке «Золотуха» он сравнивал мужицкую свободу с волчьей. А в 1911 году отказался участвовать в торжествах, посвященных пятидесятилетию отмены крепостного права, аргументируя тем, что не понимает: «Что праздновать-то? Дали народу голодную свободу!»¹. Нет никакой уверенности и в том, что он принял бы Октябрьскую революцию, как не приняли ее многие писатели – его современники. По какому пути должна идти и развиваться Россия – лично для Мамина этот вопрос был не решенным, о чем красноречиво свидетельствуют его произведения. Исследователи творчества писателя советского периода пытались объяснить «незаконченность» и «недостаточную аргументированность» произведений Дмитрия Наркисовича его якобы не окрепшим марксизмом. Но дело тут не в марксизме, от которого писатель был очень далек. А в той, по его ощущению, бесперспективной ситуации, в которой Россия находилась в тот период исторического развития.

Будучи в октябре 1894 года в Москве, он идет проститься с Александром III, траурный поезд с телом которого был в столице 29 и 30 октября. И очень сокрушается по поводу того, что ничего не увидел из-за ужасной давки. Мамин в этот период особенно чтит царя и Бога и ни о каком протесте против самодержавия не помышлял.

Главное достоинство его произведений состоит в том, что автор предельно честен перед читателем и благодаря этому отражает реальную действительность

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 245.

сложного переходного периода со скрупулезной достоверностью и высокой художественностью, не давая при этом никаких оценок ни своим героям – только в очередной раз приведя их к моральной опустошенности или физической смерти, – ни, тем более, текущему моменту. Это право он предоставляет нам, читателям, в наследство которым оставил свои творения. Нам особенно, так как мы живем в похожий период времени, а поэтому сами должны разбираться в эпохе, полной сложностей, противоречий, психологической несовместимости нарождающегося нового класса с устоями, незыблемыми в России с незапамятных времен, и тем типом русского человека, которого, кажется, только и надо держать в узде, чтобы справиться с его слабостью к выпивке, с его широтой души, когда ему в любой ситуации «море по колено», с его русским «авось» и редким даром – умением выживать в отсутствии всякой цивилизации, с его ранимостью и гордостью.

Мамин все это понимал, так как сам обладал редким, стихийным даром. Сергей Яковлевич Елпатьевский, тонко чувствуя Мамину и понимая его душу, быть может, лучше других, потому что был доктором, совершенно правильно считал, что народность Мамина не надуманная, не взятая из какого-нибудь течения. Его народность естественная, потому что он вышел из народной среды и хорошо ее знал. «Он отражал в своем художественном творчестве жизнь так, как она отражалась в его художественном восприятии; он не был фотографом и всегда претворял жизнь в своем художественном воображении. Он не относился к явлениям народной жизни с порицанием и осуждением или похвалой и оправданием; он не возвеличивал и не преуменьшал народную жизнь, но и не был безразличным писателем»¹. Высоко ценил Мамину и Антон Павлович Чехов. Он говорил: «Мамин принадлежит к тем писателям, которых по-настоящему начинают читать и ценить после их смерти. Потому что они свое творчество не приурочивали к преобладающим направлениям... когда я читал маминские писания, я чувствовал

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 124.

себя таким жиденьким, будто бы сорок дней и ночей постился»¹.

Другом и советчиком считал Дмитрий Наркисович Виктора Александровича Гольцева и дорожил сотрудничеством с возглавляемым им журналом «Русская мысль». С 1889 по 1907 год, когда умер Гольцев, это издание опубликовало 27 произведений Мамина-Сибиряка. В 1895 году с первой по восьмую книги выходил «Хлеб».

В 1891 году в седьмой книге сам редактор пишет большую статью, где дает анализ состояния современного романа. Посетовав вначале на то, что теперь нет художников, равных по дарованию Тургеневу и Толстому, он тут же справедливо заметил, что Тургеневы и Толстые у всех народов являются редким исключением, и потому перешел к тем авторам, которые, на его взгляд, заслуживают наибольшего внимания. «Если присмотреться пристально, то в многочисленной группе русских беллетристов мы выделили немало людей с крупными талантами, с чуткою мыслью и горячо любящим сердцем. В их произведениях отражаются думы и чувства разных слоев населения; эти произведения составляют любимое и главное чтение большинства нашего образовательного общества»².

В поле зрения автора попадает рассмотрение таких проблем, как отражение течения русской общественной мысли, изображение типажей, свойственных историческому периоду, и степень достоверности, полноты и яркости, с которой они изображены. В неразрывной связи с ответами на эти вопросы автор дает нравственную оценку современному ему роману, отмечает его достоинства и недостатки. В качестве анализируемых использует роман «Гарденины» Александра Эртеля и уральскую летопись «Три конца» Дмитрия Мамина. Сам факт, что Гольцев в качестве примера приводит

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 220–222.

² Гольцев В. Заметки о современном романе // Русская мысль, № 7, 1891.

Эртеля и Мамина – обращает внимание читателя на их творчество, а сами писатели заслуживают немало лестных оценок со стороны взыскательного Гольцева. Отмечая высокую реалистичность произведения, критик отмечает, что Мамин правильно определил его жанр, как летопись, где, наряду с любовным изучением родного края, «появляются ярко нарисованные фигуры, иногда действие захватывает вас своей драматичностью...»¹.

Мамин был благодарен Гольцеву за внимание к его произведению, пусть не во всех аспектах его оценка была положительной, но Гольцев со свойственным ему знанием предмета и тактичностью по отношению к автору умел преподнести его имя и читателю, и критику. А само имя Виктора Александровича только добавляло этому вес.

В декабре 1894 года Дмитрий Наркисович писал сестре из Царского Села, куда он переехал из Петербурга с Аленушкой, Лизой и Гувале в августе этого года вместо заграницы и Крыма.

*«...прошлая неделя была для меня неделей славы. Хвалят мои книжки в «Русской мысли», «Артисте» и «Новостях». Говорят, что Скабичевский написал большой фельетон о моем «Пепко». Лет восемь-десять назад все это имело для меня большое значение, а сейчас никакого, кроме того, что послужило рекламой для издателей – все равно пойдет в пользу моих изданий. От слова остается один чад... все это в порядке вещей, а я грешен всеми грехами, за исключением тщеславия...»*²

7.

Начало 1895 года совпало с важным общественно-значимым событием. Группа либеральных ученых и литераторов обратились к только что вступившему на престол императору Николаю II с ходатайством о «при-

---

¹ Там же.

² Удинцев С. Д.Н.Мамин в письмах к матери // Урал, 1913.

нятии русской литературы под сень закона... дабы русское печатное слово могло послужить главе, величию и благоденствию России». Среди подписавших обращение 78 человек и Д. Мамин-Сибиряк. Известно, что отказался подписывать адрес Лев Толстой, категорически заявивший приехавшему к нему с этой целью прогрессивному журналисту В.А. Поссе: «Такого адреса я подписать не могу... Он ничего не может. Так ему и следует написать: «Ты ничего не можешь сделать, пока ты царь. Единственное, что сможешь сделать для народа и для себя, это – отказаться от престола, перестать быть царем»¹. Вряд ли граф Толстой в ту минуту мог предполагать, насколько пророческими окажутся его слова.

В марте того же года выходит в печати рассказ Толстого «Хозяин и работник», а еще раньше, в декабре 1894 в «Мире Божьем» был опубликован рассказ Мамина «Исповедь», очень похожий на толстовский по своей идее – поведение человека перед смертью, и даже в одних условиях, когда он замерзает зимой в пурге. Издательница и редактор «Мира Божьего» Давыдова была этим сходством довольна, но с других сторон на Мамина обрушился целый шквал критики-упреков в том, что он списал рассказ у Толстого. Дмитрий Наркисович не считал нужным оправдываться, так как считал, что плагиаторы всегда, оправдываясь, пишут о том, что они не читали другого подобного произведения. Мамин тоже не читал – хотя бы потому, что они не встречались с Толстым, и граф не сообщал ему о своих творческих планах. А кроме того, рассказ Мамина был опубликован раньше, чем рассказ Толстого.

Совпадение сюжета, на первый взгляд, на самом деле удивительное. В «Исповеди» самодовольный золотопромышленник Семен Авдеич Голохватов едет по своим приисковым делам, приглашая с собою в дорогу, чтобы было веселее, старика Ивана Дурака, тоже бывшего золотопромышленника, но давно разорившегося и выполнявшего при Голохватове роль шута, над которым можно в любое время потешиться. Впрочем,

---

¹ Поссе В. Мой жизненный путь. М., 1929. С. 181.

не одного Ивана Голохватов не считал за человека. Куражился он и над своей женой, и над приискковым людом.

Управлял лошадьми киргиз Абдулка, с фатальным равнодушием воспринявший буран и то, что лошади сбились с пути. Кульминацией довольно лаконичного повествования является сцена осознания всеми троими – Голохватовым, Иваном Дураком и Абдулкой – того, что придется замерзнуть в пурге. Автор в своей привычной манере наблюдает за героями со стороны.

Самым неожиданным и при этом естественным оказывается в этой ситуации поведение Голохватова, который перед лицом смерти начинает защищать от холода и Ивана, и Абдулку, и даже прибившуюся к возку собачонку. Но места всем в тесном возке не хватает, и кому-то надо умирать первым. С равнодушной покорностью покидает возок Абдулка и остается замерзать вместе с лошастью и собачонкой, как и полагается степному человеку. Иван сожалеет не о них, душах божьих, а о том, что согласился с хозяином ехать против своей воли, впрочем, как всегда на протяжении всей своей жизни. Понимая, что смерти не избежать, начинает плакать Голохватов, боясь не смерти как таковой, а того, что предстанет перед Богом, не покаявшись в своих грехах. И тогда в роли попа выступает Иван: сам далеко не праведный человек, он принимает исповедь небезгрешного своего хозяина. *«Исповедь кончилась. Голохватов чувствовал, как его долит смертный сон... А наверху по-прежнему бушевала снежная буря. Но Голохватову казалось, что это была не буря, а поднялись все его грехи, все его зверство, вся его неправда... Земля стонала, а сквозь эти стоны доносились, точно из-под земли, невинные детские голоса...»*¹. И в этом заключении вся истина рассказа: перед лицом смерти все люди одинаковы, отличает друг от друга их только степень тяжести грехов.

В «Хозяине и работнике» почти тот же самый сюжет: купец Василий Андреич Брехунов едет по своим

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Клад Кучума. Екатеринбург: Сократ, 2013. С. 270.

купеческим делам с работником Никитой, который управляет лошадьми и в наступившем буране сбивается с дороги. Рассказ Толстого гораздо длиннее, так как со свойственным ему поиском смысла жизни и смерти он многократно выводит своих героев то на дорогу, то к деревне и даже предоставляет им возможность заночевать в теплом гостеприимном доме. Но Василий Андреич, движимый купеческим азартом, и боясь упустить прямую выгоду, упрямо отправляется с Никитой в ночь и буран. А дальше снова блуждание в степи и ночевка в ложбинке, занесенной снегом. И сложные психологические переживания героев. У одного – из-за своего богатства, у другого – из-за своей зависимости от хозяина; не того, что лежит сейчас под шубой в санях, а от «главного хозяина, того, который послал его в эту жизнь, и знал, что и, умирая, он останется во власти этого же хозяина, а что хозяин этот не обидит»¹. Поиск смысла существования на земле и вне ее, нравственное перерождение Василия Андреича после попытки предательства и откровенной трусости – все это, составляет предмет длительных философских размышлений Толстого, который в итоге оставляет жизнь только работнику, по убеждению самого автора, не особо-то ему и нужную.

Те критики, что увидели сходство рассказов Мамин-а и Толстого, обратили внимание только на внешнюю сторону произведений: смерть во время бурана, вполне естественное для российской зимы явление, которое вряд ли могло быть в ходу в сюжетах европейских авторов. К тому же смерть постепенная, которая дает возможность и философствовать, и каяться в грехах, и нравственно переродиться. Поэтому ничего нет удивительного в похожести сюжетов, в содержание которых было вложено разное мировоззрение писателей.

Мамин переживал нападки и упреки в плагиате молча, еще и потому, что уважал Толстого. Еще в Усмани он встречался с неким толстовцем Кузьминым, желая узнать как можно больше о графе-писателе, «много

---

¹ Толстой Л.Н. Хозяин и работник / Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12 т. М: Правда, 1984. Т. 11. С. 219–265.

и по-разному о нем думая». А относительно схожести идеи произведений отмечал: *«У меня какое-то роковое совпадение тем с ним: я пишу «Исповедь», а он «Хозяина и работника», но в этом случае мое счастье, что моя «Исповедь» была напечатана раньше»*¹. И это было не единственное совпадение. Похожие сюжеты были в рассказах: Мамина «Суд идет» и Толстого «Смерть Ивана Ильича»; Мамина – «Последнее искушение» и Толстого – «Крестник», что подтверждает интерес обоих авторов к одним и тем же проблемам бытия.

В апреле во французском журнале «Revue de Revues» («Обозрение журналов») появился перевод рассказа «Исповедь» с очень лестным для автора предисловием. Мамин был этим доволен, хотя отмечал, что его соратники Короленко и Потапенко переведены уже давно на три языка. Но его утешало то, что «Revue de Revues» расходится до 40 тысяч экземпляров в обоих полушариях земного шара. *«Ну и пусть печатают висимских авторов»*,² – с гордостью писал он Анне Семеновне.

Как уже было сказано выше, Мамину часто приходилось выезжать в Москву, где были сосредоточены все его денежные дела как по работе в журналах, так и по отдельным изданиям. По его собственному убеждению, его «кормит матушка-Москва». Изданные в 1894 году «Золото» и «Детские тени» дали около 1,5 тысячи рублей. Огромная сумма по тем временам!

Удачно начинался и 1895-й. Еще в начале прошлого года газета «Неделя», анонсируя свою деятельность, публикует одновременно два объявления, где звучит имя Мамина.

«Открыта подписка на 1895 год на «Самарскую газету» – литературно-политическую и экономическую, выходящую ежедневно, кроме дней послепраздничных. С марта месяца 1894 года «Самарская газета» издается под новой редакцией, в значительно расширенном и обновленном виде. Газета ставит своею зада-

---

¹ Удинцев С. Д.Н. Мамин в письмах к матери // Урал, 1913.

² Д.Н. Мамин А.С.Маминой 26 апреля 1895 г., Царское Село. Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина-Сибиряка (из фондов ОМПУ).

чею – быть верным отражением интересов Поволжья, Уфимского и Оренбургского Края и дать читателям систематический материал, касающийся как областных, так и общегосударственных вопросов и вообще всех сторон русской общественной жизни.

В «Самарской газете» принимают участие следующие лица: ... Д.Н.Мамин (Сибиряк), Н.Г. Михайловский (Н. Гарин), А.М. Пешков (М. Горький), обещали свое сотрудничество: И.И. Иванов, В.Г. Короленко»¹.

И второе, касающееся не только периодического издания, но и выхода отдельных книг: «Открыта подписка на 1895 г. на ежемесячный литературный и научный журнал «Русское богатство». Склад изданий в конторе журнала «Русское богатство». Полные экземпляры «Русского богатства» за 1893 и 1894 гг. Н. Гарин «Очерки и рассказы», т.1, В Короленко «В голодный год», Н.К. Михайловский «Критические опыты» – Лев Толстой, Щедрин, Иван Грозный в русской литературе. Герой безвременья; Д. Мамин-Сибиряк. «Горное гнездо», «Уральские рассказы», т.1 и 2.; С.Я. Елпатьевский «Очерки Сибири»; С.Н. Южаков «Социологические этюды»; Э. Реклю (французский географ. – *Прим. авт.*) «Земля»². Как видим, Мамин находится в достойной компании известных литераторов, из которой почти все являются его друзьями, кроме недоступного француза Реклю.

Успех наступившему году обещал и выход первого тома детских рассказов. Издатель Тихомиров верил, что книжка будет украшением детской литературы. «*В посту выйдет первый том моих детских рассказов, – писал Мамин Анне Семеновне 12 февраля 1895 года. – Как мне кажется, эти маленькие безделки доставят мне больше популярности, чем все написанное раньше для большой публики*»³. И в этом предчувствии он не ошибался.

---

¹ Неделя № 2, 1894 г.

² Там же.

³ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 402.

Переезд в Царское Село ограничил Дмитрия Наркисовича в литературных связях, так как все творческое сообщество находилось в Петербурге. Чтобы быть в курсе дел, он выезжает в столицу, посещает редакции журналов, принимает участие в значимых мероприятиях. В марте в Петербурге проходит XXIII Передвижная художественная выставка, на которой была представлена картина Василия Ивановича Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Мамин-Сибиряк присутствовал на выставке, видел полотно Сурикова. На картине изображена многолюдная эпическая сцена из истории экспансии России в Сибири, точнее, битва казачьего атамана Ермака против сибирского хана Кучума. Картина была показана во время празднования открытия Транссибирской железной дороги и 300-летия покорения Сибири. Эту работу приобрел император Николай II, а Совет Академии Художеств присвоил Сурикову звание академика. Эта тема была близка Мамину. Еще в 1891 году в одиннадцатой книге журнала «Наблюдатель» было опубликовано его «Сказание о сибирском хане, старом Кучуме». Произведение, написанное в виде романтической легенды о жизни и боевых подвигах хана Кучума, о той же его битве с Ермаком, которую изобразил и Суриков. Эпичность содержания каждый автор выразил по-своему: Суриков с помощью живописных образов, Мамин – прибегая к образам языковым, и даже сам стиль повествования был заимствован им у древнерусских сказителей, что особенно ярко отражено в сцене сражения Ермака с одним из отрядов Кучума. *«Запели стрелы уже на Тоболе и закипела жестокая сеча, какой еще не было видано: встретились первый раз лицом к лицу два батыря – Махметкул и Ермак. Целый день они бились; как скошенная трава, полегли храбрые, а к вечеру дрогнули татары, и Махметкул, батырь Махметкул, бежал с поля битвы...»*¹.

Поэтому можно понять интерес Мамина к картине. Общение писателей и художников продолжилось в мастерской Репина, где был устроен вечер в честь Сурикова.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Клад Кучума. С. 92.

Каждый раз, уезжая надолго из Царского Села, Дмитрий Наркисович переживал, оставляя одну «тетю Олю» с Аленушкой и Лизой. И был очень рад тому, что зимой 1895 года к нему приехал младший брат, на которого он мог при необходимости оставить свою семью. По возвращении Дмитрия Наркисовича из Москвы в марте того же года Володя еще какое-то время остается в его доме, о чем Дмитрий Наркисович пишет в письме Елизавете Наркисовне от 12 марта: «... Володя живет со мной в одной комнате, и мы работаем вместе – он за одним столом, а я – за другим. Нередко и спорим – ты знаешь, в чем я не могу с ним быть согласным. Это уже длится давно, но мне, кажется, что он стал больше понимать мою правду»¹. Затянувшийся спор братьев касался литературы, Владимир Наркисович был эстетом, считал задачей литературы изображение прекрасного и не хотел видеть на страницах книг и журналов голодного и грязного мужика. И не случайно в дальнейшем он был избран заведующим литературным отделением Общества любителей изящных искусств Екатеринбургa. Совершенно иной позиции в творчестве придерживался его брат, доказывая свою точку зрения в своих произведениях.

Тогда же, в марте 1895 года, случилось событие, взволновавшее Дмитрия Наркисовича, обнажившее его и без того постоянно кровоточащую рану. В Царское Село приехали братья Марии Морицевны – старший Владимир Морицевич и младший Виктор Морицевич. Он встретил их тепло, впервые представил им трехлетнюю племянницу Аленушку, после многих лет разлуки встретились они и с Лизой. Вспоминая эту волнующую встречу, Виктор Морицевич отмечал, как изменился за эти годы, прошедшие с момента его отъезда из Екатеринбургa, Дмитрий Наркисович. Он пополнил, постарел, стал более замкнутым и сосредоточенным. Но при этом не изменил своим лучшим ка-

---

¹ Письмо Д.Н. Мамина Е.Н.Маминой-Удинцевой от 12 марта 1895 г., Царское Село. Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина-Сибириака (из фондов ОМПУ).

чествам, оставаясь, как и прежде, добрым, приветливым и предупредительным. Об умершей жене он до сих пор говорил со слезами на глазах и размышлял вслух о превратностях судьбы: *«Очевидно таков закон природы – большое счастье непродолжительно и влечет за собой бесконечное горе»*¹. Это свое счастье и горе вместе с бесконечной любовью он выражал в отношении к дочери. «Я не видел ни одной матери, которая бы относилась к своему ребенку с таким благоговением и заботой, с каким относился Дмитрий Наркисович к своей Аленушке. Ласкам, нежности и терпению, которые он проявлял к этому маленькому болезненному существу, не было предела. Это была какая-то особенная любовь, особенное отношение необыкновенного человека»² – вспоминал Виктор Морицевич.

Дмитрий Наркисович, по-прежнему переживая за то, как может себя повести Абрамов в отношении Аленушки, просил Виктора Гейнриха охарактеризовать его. И тот его успокоил, что хоть Абрамов и плохой человек, но не настолько, чтобы забрать девочку, даже если бы он узнал об ее существовании.

Наконец, выяснилась истинная причина приезда братьев. Старший, Владимир, хотел забрать Лизу, которой на тот момент уже было двенадцать лет, и она училась в гимназии. Услышав это намерение Гейнрихов, Дмитрий Наркисович страшно запереживал и стал просить Владимира оставить Лизу. Он объяснял свою горячую просьбу тем, что Аленушка очень привязана к Лизе, да и сам он к ней привык, и пообещал и дальше заботиться о ней как о дочери. Братья колебались. Тогда решили спросить мнение самой Лизы. Она, очевидно, хотела уехать с Владимиром, но любовь к Аленушке, понимание того, что она нужна девочке как старшая сестра, пересилили, и она осталась в семье Маминых.

Дмитрий Наркисович вздохнул с облегчением, и даже не задумался над тем, почему Лиза хотела уехать, ведь у нее, казалось бы, не было ни малейшего повода

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 119.

² Там же.

желать покинуть дом Дмитрия Наркисовича, которого она знала с восьми лет и любила. А повод был.

Ольга Францевна, придя в дом Мамина на правах гувернантки, постепенно стала наводить порядок во всем хозяйстве. Со свойственной ей немецкой аккуратностью и педантичностью она устраивала дом на свой вкус и лад. Постепенно стали исчезать из комнат фотографии Марии Морицевны: она объясняла это тем, что такое обилие карточек травмирует Аленушку. Подраставшая Лиза своими чертами лица тоже напоминала Абрамову, что было особенно неприятно Ольге Францевне, и она часто говорила девочке, что та живет в доме на правах приживалки, а значит, временно. Лиза в силу женской интуиции и собственной гордости никогда в таких случаях не жаловалась Дмитрию Наркисовичу и свою обиду переживала в одиночестве. Она искренне любила и его, и Аленушку.

Можно понять и Ольгу Францевну: прожив всю свою сознательную жизнь при чужих домах, при чужих детях, она, наконец, обрела возможность обустроить свой собственный дом. Она пришла к такому выводу сразу, как только поняла, что Мамин ради дочери примет любую жертву, а не то что заведенный ею распорядок, который в целом был направлен как раз на создание условий жизни для больной Аленушки. Не вписывалась в создаваемый образ жизни только Лиза, и Ольга Францевна считала ее присутствие в доме временным. К тому же Гувале умела считать деньги и лишние траты не поощряла. А Мамин не жалел денег ни для кого.

Как-то в двадцатиградусный мороз его встретил Фридрих Фридрихович Фидлер и удивился, что он щеголяет в легких штиблетах.

– Ну почему? – спросил он друга.

– Потому что нет денег.

– Но ведь ты массу зарабатываешь!

– Но я и массу трачу. Не на себя. самого себя мог бы прокормить за десять рублей в месяц. Но... покрытие старых долгов, воспитание Аленушки, поддержка отца Маруси...

Этот список можно было продолжить бесконечно. До самой смерти Морица Гейнриха, наступившей в 1895 году, Мамин ежемесячно высылал ему обещанные после смерти жены деньги. К тому же остались ее театральные долги, которые он также добровольно выплачивал. Определенных затрат, которые он никогда не считал, стоило содержание и воспитание Лизы. А еще постоянно оказываемая помощь матери и брату Николаю.

Он мог бы быть обеспеченным человеком. А был благородным. Без всякого для себя выбора.

Не считал он деньги и тогда, когда дело касалось благотворительности, участвуя во всех мероприятиях и изданиях такого толка. В конце декабря 1895 года в зале Кредитного общества Петербурга состоялся литературно-музыкальный вечер в пользу Общества вспомоществования переселенцам. Среди участников вечера были известные литераторы – Михайловский, Потапенко, Засодимский, Мамин, Баранцевич, Петр Исаевич Вейнберг, душа всех литературных вечеров Петербурга. А также впервые участвовал Иван Алексеевич Бунин.

В том же году рассказ Мамина «На огонек» был опубликован в сборнике «В добрый час», изданном в пользу Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимназии.

8.

В начале 1890-х годов Мамин-Сибиряк знакомится с Чеховым. Взаимоотношения писателей-современников представляют несомненный интерес.

Дмитрий Наркисович и Антон Павлович встретились в 1892-м году, хотя была такая возможность и раньше. В 1890-м году, когда Чехов ехал на Сахалин, он на три дня останавливался в Екатеринбурге, где жили его родственники, но с Маминым они тогда не познакомились. В письме сестре он писал о том, что «Больше всех нравится в здешних краях Сибиряк-Ма-

мин, описывающий Урал. О нем говорят больше, чем о Толстом»¹. Следующее упоминание о Мамине у Чехова вновь связано с Толстым в письме к Алексею Сергеевичу Суворину, журналисту, издателю и театральному критику, от 23 марта 1895 года. «...Мамин-Сибиряк очень симпатичный малый и прекрасный писатель. Хвалят его последний роман «Хлеб», особенно в восторге был Лесков. У него положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается нисколько не хуже, чем в «Хозяине и работнике». Я рад, что вы познакомились с ним хоть немножко»². Невольно вновь звучит сравнение Мамина и Толстого. В то время как сам Лев Николаевич, со свойственным ему критическим отношением к литературе уходящего века, творчество Мамина не ценил, отмечая единственный его рассказ «Башка». Но даже само сравнение с «зеркалом русской литературы» говорит о большом творческом потенциале Мамина, который и в жизни, и тем более в литературе был далек от всякого подражания и подлаживания, от интриг и зависти, не скрывая своих симпатий и антипатий.

Первая встреча Чехова и Мамина предположительно состоялась 30 декабря 1892 года в доме Фидлера, куда он обоих писателей пригласил вполне намеренно. «Беседа их продолжалась довольно долго... Видел, что Мамин был непринужден и непосредственен, как всегда, а Чехов, как всегда, – сдержан», – записал Фидлер в дневнике.

После более близкого знакомства писателей Чехов отводил совершенно особенное место Мамину в русской литературе. Антон Павлович, младший по возрасту, но старший с точки зрения утверждения имени в литературе, приглядывался к Дмитрию Наркисовичу и любовался им. Его подкупал независимый нрав Мамина, его самобытная красота, широта и в то же время

---

¹ Письмо М.П.Чеховой от 29.04.1890 г. / Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30 т. М., 1949. Т.15. С. 66.

² Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 218.

почти по-детски наивная душа Дмитрия Наркисовича. Он отмечал, что «жизнь вот этого человека трепала, как может быть ни одного из нас, а он между тем не уступил ей ни капли из своего уральского колорита»¹. Подкупала его в Мамине способность всегда, в любой ситуации оставаться самим собой, не подстраиваясь под вкусы публики ни внешне, ни внутренне. Заинтересовавшись личностью Мамина, Чехов начинает его читать. Он велит прислать ему из книжного магазина все его отдельные издания и читает их в свободные часы каждый день, а после делится своим мнением с Игнатием Николаевичем Потапенко, известным в то время беллетристом, состоявшим в дружеских отношениях с Маминым и Чеховым.

– Он в книгах такой же точно, как и в жизни... Тот же чернозем – жирный, плотный, сочный, который тысячу лет может родить без удобрения... За культурностью он не гоняется, но зато в каждом его рассказе какой-нибудь Поль Бурже (французский писатель, декадент. – *Прим. автора*) извлек бы материала на пять толстых романов... Там на Урале должно быть все такое: сколько бы их не толкли в ступе, а они – все зерно, а не мука. В Сибири я встречал таких, но, чтобы их изображать, надо вырасти среди них².

В те приезды Мамина в Москву, которые совпадали с приездом в столицу Чехова, они обязательно встречались. Чаще всего это происходило во время так называемых «общих плаваний». Случалось это в дни приезда Чехова из его имения Мелихова или других поездок, когда Антон Павлович останавливался в Большой Московской гостинице, о чем тут же узнавала вся литературная богема и собиралась вокруг него. Проходили завтраки в «Эрмитаже», совместные обеды, собрания литераторов, съемки у фотографов. Одна из постоянных участниц этих чествований, Татьяна Львовна Щепкина-Куперник вспоминает, что нередко принимал в них участие и приезжающий из Петербурга Мамин-Сибиряк. Мало похожий в ее понимании на

---

¹ Там же. С. 219.

² Там же. С. 220.

писателя – широкоплечий, кряжистый, с простым лицом и неизменной трубкой в зубах, он больше напоминал сибирского торговца, располагающий к себе с первой же встречи. «Его любили дети и не боялись животные. Ребятишки одних знакомых Чехова встречали его всегда с радостью и кричали: «Мама, мама, иди скорей, твой Сибиряк пришел», полагая, что «Мамин» относится к их маме»¹.

В начале 1896 года Дмитрий Наркисович во время приезда в Царское Село Елизаветы Наркисовны, чтобы ее порадовать, устроил два литературных обеда. На первом присутствовали литераторы Михайловский, Давыдова, Южаков, Скабичевский. А 8 января он принимал у себя Чехова и Потапенко. В этот день Дмитрий Наркисович подарил Чехову книгу «Три конца», изданную в 1895 году, с надписью: «Обедавшему у меня 8 января 96 г. в Ц. Селе Антону Павловичу Чехову – от Д. Мамина-Сибиряка».

С момента их личного знакомства он взаимно, как и Чехов, читал его произведения и делился впечатлением с Анной Семеновной: *«Сейчас с увлечением читаю сочинения Антона Павловича. Понимаю, что мои труды рядом с ним и не звучат. Особенно с подлинной элегией «Дом с мезонином»*². И об этом же в письме Потапенко: *«... Из Чехова прочел рассказ «Дом с мезонином». Поразительно смело и свежо. Последние слова: «Мисюсь, где ты?» звучат как зов ушедшей юности и утраченному счастью. Мне очень это близко. Вы чаще встречаетесь с Антоном Павловичем, передайте ему мое восхищение»*³.

Они писали совершенно по-разному. Мамин, со свойственной ему основательностью, возвращенной на уральском «черноземе», Чехов с интеллигентной утонченностью. И каждый отмечал у другого то, чего не доставало в творчестве, а возможно, и в жизни ему

¹ Там же. С. 228.

² Письмо Д.Н. Мамина А.С.Маминой от 12 марта 1898 г., Царское Село. Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина-Сибиряка (из фондов ОМПУ).

³ Галеева Р. «Никто не заменит Чехова! Никто!» // Литературный квартал. 2009–2010. № 5.

самому. Но что без сомнения их объединяло, так это чувство свободы и независимости, ни тот, ни другой не принадлежали ни к каким организациям, не входили в литературные течения и направления.

Мамин не любил, когда вслух читали плохо. Быть может, потому что сам читал и рассказывал прекрасно. Все тот же любезный его друг Фридрих Фридрихович Фидлер записал в марте 1896 в своем дневнике. «Мы отправились в Кредитное Общество, где он должен был читать в пользу семьи неизлечимо больного Гл. Ив. Успенского. Шумно и душевно приветствуемый переполненной залой, Мамин появился на эстраде. С непринужденной грацией молодого, дрессированного на свободе медведя он направился к кафедре, с улыбкой кланяясь направо и налево и кивая тому и другому знакомому из публики. И не было тут ничего самоуверенного – а была естественная простота и наивность доверчивого ребенка. А публика еще с большей сердечностью, дружелюбно хихикая и смеясь, продолжала его приветствовать... Читал он достаточно громко и ясно и был пять раз вызван»¹.

В начале октября Дмитрий Наркисович передал Скабичевскому, редактировавшему в то время народнический журнал «Новое слово», рассказ «На шестом номере», который можно отнести к произведениям о золоте. В нем Мамин снова возвращается на Урал, на прииск № 6, где в ожидании несметного «богатства» сосредоточилась самая разношерстная компания. Золото здесь нашел старатель по прозвищу «Старик», и он же среди бесчестных компаньонов оказался лишним. *«Да, богатство было вот тут, в двух шагах, и блеск золота вызывал алчность, затемняя все проявления совести»*². Опять то же самое «дикое счастье», испытание которым мало кому из маминских героев удалось пройти. А «Старику» удалось, потому что он

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 241.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 6. С. 235.

был из тех уральских самородков, которых трудно было понять и уж совершенно невозможно оценить тем, кто гнался за диким счастьем. Для него счастье заключалось в другом – «верить всем и жить так, как хочется», быть свободным и любить ту женщину, которую выбрало твое сердце, если даже она этого не понимает. Оставляя прииск, «он не жалел собственно золота, которое оставлял, – бог с ним, – но здесь было похоронено его сердце»¹. Женщина предпочла золото, которого не стало после ухода «Старика», и компаньонов-мошенников, которые, впрочем, тоже перестали вскоре быть компаньонами.

В этом рассказе меньше подробностей собственно приисковой жизни, больше показан психологический аспект: мысли «Старика», его философия, строчки его дневника – откровенные и сокровенные, которые взялись судить компаньоны и не смогли осудить, так как совершенно не поняли внутренний мир старателя, которому золото словно само шло в руки, а он думал о «всяких глупостях».

Этот герой был дорог и близок Мамину, так как его собственное «золото» тоже не блесло. Передав рассказ в редакцию журнала, он просит выдать ему аванс в сумме 300 рублей, в связи с тем, что он испытывает финансовые затруднения. Надо полагать, что аванс ему выдали, так как рассказ был опубликован в ноябрьской книжке «Нового слова».

В 1896 году Мамин часто встречается по пятницам на редакционных вечерах «Нового слова» с Иваном Буниным, в то время еще молодым писателем и поэтом.

В октябрьской и ноябрьской книгах этого журнала выходит большая статья Александра Михайловича Скабичевского «Дмитрий Наркисович Мамин», которую в различных источниках XIX–XX веков считают самой значительной работой о творчестве писателя. Это на самом деле большой труд: в десятом номере – 16 страниц, в одиннадцатом – 25. И на его главных тезисах стоит остановиться подробнее, так как они являются не только определяющими в плане понима-

---

¹ Там же. С. 250.

ния личности и творчества Мамина, но и в целом понимания и русской литературы, и русского характера.

Эпиграф к статье взят из «Уральских рассказов» — «... Одна букашка душит другую, червяк точит червяка, весело чирикающая птичка одинаково весело ест и букашку, и червяка, делаясь, в свою очередь, добычей кошки или ястреба. В этом концерте пожирания друг друга творится тайна жизни...»¹. Для автора статьи этот эпиграф имеет значение в плане понимания мировоззрения Мамина и собственного вывода, сделанного в конце статьи.

В самом начале работы Скабичевский определяет место своего героя в современной ему литературе. «Дмитрий Наркисович Мамин бесспорно занимает одно из самых первых мест в современной нашей беллетристике, и имя его недаром ставится на одном ряду с такими почтенными именами, как В.Г. Короленко, Ант. Пав. Чехов, В.И. Немирович-Данченко, Игн. Ник. Потапенко. По моему же мнению, Д.Н. Мамин, если не превышает означенных писателей по художественному таланту, то по широте захвата жизни, по обилию, разнообразию и значению явлений действительности, типов, характеров, какие вы встретите в несметной массе его произведений, наконец, по той глубине, какую обнаруживает он в освещении изображаемых явлений, — едва-ли он имеет равного себе в нашей современной отечественной литературе»².

Смелая заявка, тем более что все указанные «на одном ряду» еще живы и деятельны. И в то же время неожиданная: Скабичевский как критик имел большой вес в литературе, не отличался лояльностью к авторам, и Мамину от него доставалось не раз, особенно, когда он только начал публиковаться с первыми серьезными очерками. И теперь такая заявка в самом начале статьи, которую дальше критик только усугубляет, отмечая поразительное знание Маминым жизни, особенно южно-уральского и западно-сибирского краев. Под-

---

¹ Скабичевский А. Дмитрий Наркисович Мамин // Новое слово, октябрь 1896. С. 125.

² Там же.

черкивая, что это не поверхностные сведения любознательного путешественника, а перед нами писатель, который прожил в родном краю долгие годы, изучил его вдоль и поперек, а самое главное, проник в сокровенные тайники его жизни. Каждое крупное произведение Мамина, считает критик, включает в себе массу ценного материала, которого не найти в научных этнографических трактатах. А главное, что он умеет показать не только особенные условия края, но раскрывает живую душу его обитателей.

Дальше он делится сомнением, что в прессе сетуют на необыкновенную творческую плодовитость Мамина и высказывают опасения, как бы он не исписался. Скабичевский считает: творчество его неистощимо, что, казалось бы, должно обеспечить ему европейскую известность и любовь соотечественников. И констатирует, что этого мы не наблюдаем, сожалея, что Мамин далеко не оценен по заслугам. «По силе таланта Мамин не уступает Золя, если только не превосходит его. А что касается до обилия материала, даваемого обоими писателями, то смешно было бы сравнивать Золя с Маминым... Между тем имя Золя гремит, романы издаются миллионными тиражами, а Мамин довольствуется определением «небезызвестный», равнодушная русская публика читает его из пятого на десятое. В чем таится причина такой вопиющей несправедливости?»¹ – сделав такое смелое заявление, Скабичевский определяет для себя задачу.

«Главная цель моей статьи будет заключаться именно в том, чтобы, во-первых, объяснить, почему, такие крупные русские таланты, как Д.Н. Мамин, пребывают словно как бы в тени, не в состоянии будучи гордо возвыситься на ту высоту, какая им подобает, и затем постараться разъяснить, что такое представляет Д.Н. Мамин»². Дальше нам стоит прислушаться к мнению Скабичевского, объяснившего не только особенности русской и европейской литературы конца XIX века, но и особенности различия между восприятием

---

¹ Там же. С. 127.

² Там же.

западно-европейским и российским, что полезно в плане понимания многих явлений и сегодняшнего дня.

Критик считает, что во многом привлекательность литературного произведения для читателя состоит в его архитектурной красоте, по сути, его форме, которой хорошо владели русские классики Пушкин, Лермонтов, Жуковский, и что со временем стремление к красивой архитектуре в художественном произведении было утеряно. Однако западные классики и тот же Золя мастерски владели методами архитектуры. В то время как в российской литературе появилась тенденция к хаосу.

«Новые области русской жизни, раскрывшиеся перед беллетристами, требуют для них изображений новых форм, новых технических приемов, но это не дается сразу; это является делом, может быть, нескольких поколений... В этом страшном хаосе, таятся зародыши той новой красоты, которая готовится заменить старую и отжившую и затмить ее своим совершенством»,¹ – уверяет нас Скабичевский. И честно объясняет, что Д.Н. Мамин со многими своими сверстниками разделяет недостаток технической выработки и планомерности в своих больших и малых произведениях. Все они также бесформенны, несоразмерны и хаотичны, как произведения Решетникова, Левитова, Гл.Успенского. Но при этом, например, считает, что «Три конца» удачно названы летописью, и это определение подходит ко многим произведениям Мамина. И дальше объясняет то самое различие между ними и западноевропейским романом. Не ждите здесь строго законченного сюжета, интриги, как выработано западноевропейским романом. Не ищите главных и второстепенных героев, добродетельно идеальных и порочно злых, не надейтесь на завязку и развязку, что опять же свойственно архитектуре западных произведений, – считает критик.

«Когда вы начинаете читать любой роман Д.Н. Мамин, вы чувствуете такое жуткое ощущение, как будто входите в пределы девственной тайги; вам даже

---

¹ Там же. С. 130.

начинает казаться, что в комнате запахло хвоей. Читаете вы одну страницу и не знаете, что будет на следующей, откроется ли дивная зеленая поляна, а может быть, бездонное болото, избушка ли лесника обрадует вас ночлегом у теплого очага...»¹.

И показывает особенности сложной маминской архитектуры. «Тут не одна какая-либо драма, проходящая через весь роман, а множество одновременных драм: каждая из выведенных десятков личностей носит в душе свое горе, переживает свою драму. Одни тянутся через весь роман, другие завершаются на половине, а некоторые начинаются и через страницу заканчиваются. Такая летопись, сказания выходит совершенно из всех пределов общепринятого западноевропейского романа. Из любого произведения Мамина Золя бы выкроил десяток произведений. Каждый из них вышел бы, конечно, несравненно жижее по содержанию, за то выиграл бы в легкости и интересе чтения»².

Еще одна особенность, которая в большей степени придает летописный характер произведениям, – самый тон повествования Д.Н. Мамина, невозмутимо спокойный и бесстрастно холодный. Самые страшные эпизоды убийства описываются с таким же невозмутимым спокойствием, как пирушки, именины, свадьбы, что уже неоднократно отмечалось на страницах этой книги. Скабичевский называет это «племенной чертой» восточных окраин, на что оказывает влияние даже климат, и проводит параллель между Маминым и Решетниковым. Указывая и на различие: «Решетников – боевой «шестидесятник», Мамин писал в годы тревожных сумерек».

Но при этом Скабичевский отмечает, что пессимизм Мамина, обусловленный опять же условиями жизни восточных окраин, отличается от пессимизма Чехова, Баранцевича, Альбова. Эти авторы изображают героев из интеллигенции, которые занимаются психологическим самоанализом. В то время, как «Д.Н. Мамину пришлось слишком много изстрадаться,

---

¹ Там же. С. 131.

² Там же.

насмотревшись на целый ряд вопиющих безобразий и кровавых катастроф, никакого, не знающего ни малейшего удержа, произвола и надругательства над человеческой личностью с одной стороны и полного бесправия – с другой. Не до того ему было, чтобы углубляться в свою собственную душу, возиться с своим психическим и с разными тонкими оттенками интеллигентного вельтшмерца»¹.

И в качестве промежуточного итога критик заключает, что в результате всех мрачных наблюдений и тяжких опытов жизни образовалось то пессимистическое мировоззрение Д.Н. Мамина, которое выражается в его произведениях. И с этой точки зрения он дает подробный анализ рассказа «В худых душах», летописи «Три конца», очерка «Бойцы», романа «Золото», рассказа «Зверство».

В следующей книжке журнала, продолжая свою статью, Скабичевский дает подробную картину горнозаводского Урал в произведениях Мамина, обрисовывает его особенности в переходный период от крепостного права к капитализму (много места отводится уже известному нам явлению «заграничных») и акцентирует внимание на том, что в произведениях Мамина результатом освобождения горнозаводских крестьян от крепостного права является не улучшение условий труда на заводе, не усовершенствование производства, а возвращение к земле, к крестьянскому труду, к зависимости от урожая и климата, то есть опять же к некоему закабалению.

Замечает критик и еще одну особенность произведений писателя: «Эти массовые разгромы в заключении каждого романа мало того, что еще более омрачают и без того уже темный фон картин Д.Н. Мамина, они в значительной степени расширяют значение каждого романа, придавая им символический смысл. Те или другие миллионные предприятия, которые рушатся на ваших глазах в вихре общей неурядицы, грубого невежества и деморализации, являются как бы

---

¹ Там же. С. 134.

своего рода микроkozмами, и невольно приходит вам в голову: так точно рушатся государства и гибнут народы, если они не озаряются светом знания, любви и солидарности и если среди мрака невежества человеконенавистничества и алчной наживы в них потухнет последняя искра Божия»¹.

В качестве примера автор подробно анализирует романы «Горное гнездо» и «Хлеб». А для нас очевидна параллель с сегодняшним днем, и этот вывод звучит в ХХI веке не менее актуально, чем в конце ХIХ.

И совсем иной характер, по мнению критика, имеют произведения Д.Н. Мамина из жизни интеллигентных слоев общества, каковы: «На улице», «Надо поощрять искусство», «Любовь», «Весенние грозы», «Черты из жизни Пепко», сборник рассказов «Детские тени». Особенность их состоит в том, что здесь нет тех эпопей, какими представляются романы из уральской жизни. В романах и повестях такого рода выводится обычно немного действующих лиц, а потому автор имеет возможность заглянуть в душевный мир героя. При том же сдержанном тоне присутствует субъективный элемент. «Детские тени» ближе к его душевному миру, к его собственной жизни, чем убийство инока Кирилла в «Трех концах» или самоубийство Галактиона в «Хлебе».

Скабичевский подробно останавливается на анализе цикла «Детские тени» как наиболее выдающемся по своей глубине, осмысленности и раскрытии тех отвратительных общественных язв, которые таятся под полированной внешностью цивилизованной жизни.

Подводя итог и возвращаясь к цели своей статьи, Скабичевский отвечает на ключевой вопрос: кто такой Мамин? По его утверждению, это художник-философ, который глубоко проникает в основы окружающей его житейской сутолоки, и под ледяным спокойствием его жизни таится тяжкая скорбь. Он по самой натуре своей мрачный пессимист, отыскивающий трагическое даже в самых, по-видимому, мелких пошленьких дрязгах, на каждой странице напоминающий вам, что

---

¹ Скабичевский А. Дмитрий Наркисович Мамин // Новое слово, ноябрь 1896 г. С. 126–127.

страшно жить на свете; но, тем не менее, пессимизм Мамина отнюдь не носит фаталистического характера. Причину зла он находит во взаимном поедании тварей друг другом и возвращается к эпиграфу: «...все попирается, вянет, тускнеет, извращается и рушится под гнетом эгоизма поедания; не только среди поедаемых, но и самих поедающих воцаряется ужас, плач и зубовой скрежет. Таким образом, взаимопоедание является не законом жизни, а скорее законом смерти...»¹.

Но не на этой пессимистической ноте критик заканчивает свой вывод. Он показывает, что есть выход и в произведениях Мамина. «...Природа, видимо, стремится избавиться от мрачного закона взаимопоедания, хотя бы в лице человека, поселив в его сердце семена солидарности, братства и любви, и каждый раз, когда Д.Н. Мамин в своих произведениях касается этих светлых начал жизни, составляющих, по его мнению, единственный залог спасения и счастья человечества, в виде Нюрочки (в «Трех концах»), Устеньки (в «Хлебе»), Кати (в «Весенних грозах»), и утрюмое чело его разглаживается, и вам кажется, как будто сквозь непроглядные тучи блеснул яркий луч солнца и озарила страницы его повествования»².

Возможно, такой вывод можно было бы считать логическим завершением большого труда. Но критик пишет о том, что было бы не справедливо ничего не сказать о сказках Д.Н. Мамина, и отводит им еще несколько страниц. В частности, указывая на то, что, «если бы Д.Н.Мамин ничего не написал бы во всю жизнь, кроме «Аленушкиных сказок», то и в таком случае он мог бы составить для себя такую же почетную репутацию и всеобщую известность, как Андерсон, как у нас «Кот-Мурлыка»³. А также отмечает чарующую художественность сказок, замечательную наблюдательность автора в мире животных и растений. И подчеркивает, что «автор остается в них в такой же мере сам собою, как и в рассказах

---

¹ Там же. С. 144.

² Там же.

³ Там же. С. 146.

для взрослых, без малейших педагогических ухищрений и каких-либо подделываний к детскому возрасту, и этот факт я считаю самым главным достоинством сказок Д.Н.Мамина. Так именно и должны писаться сказки для детей»¹.

Какой же была реакция на столь поощрительную работу строгого литератора со стороны Дмитрия Наркисовича, который с горечью осознавал, что критика его замалчивает? Об этом он пишет в письме к Анне Семеновне 27 октября. *«Милая, дорогая мама, твое письмо я получил как раз в день именин, в три часа начали съезжаться мои гости... Обед состоял из сибирского пирога – соленая осетрина с капустой, ростбиф и судак в 8 фунтов. Одним словом, все как следует. К моим именинам подошла и статья обо мне Скабичевского в «Новом слове». Старик размахнулся и даже поставил меня превыше облака ходячего, чего уж совсем не следовало делать. Напрасно он сравнивает меня с Золя и еще более напрасно ругает последнего, чтобы вяще превознести меня. Много крови он испортил мне раньше, то есть Скабичевский, а теперь хвалит. Благодарю бога, что я пережил свой критический литературный период без всякой посторонней поддержки и пробил дорогу себе сам, так что сейчас для меня похвала Скабичевского имеет значение только в... торговом смысле, то есть для продажи изданий, хотя честь и лучше бесчестья.*

Тетя Оля всем кланяется. Аленка тоже и Лиза. Последняя продолжает учиться и не ослабевает энергией. Целую всех. Твой Дмитрий»².

Как видно, восторга писатель не испытал. Эта публикация, как и многое другое, случившееся в его жизни слишком поздно, тоже опоздала, чтобы сделать его счастливым.

Последние месяцы уходящего 1896 года он посвящает работе над детскими произведениями. Готовит «Аленушкины сказки» сразу к двум изданиям – деше-

---

¹ Там же.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 388.

вому и роскошному. Отправляет редактору журнала «Детский отдых» сказочку «О царе Косаре и другом царе Горохе», что является вступлением к целой серии детских сказочек, которые будут носить общий заголовок «При царе Горохе».

Начинает хлопоты об усыновлении Аленушки. И занимается маленькими хозяйственными делами – покупкой платяного шкафа, кровати и японской ширмы для себя, а также обивкой новой материей маленького диванчика, который стоит в комнате тети Оли.

Новый 1897 год встречает дома, чувствуя усталость от жизни и не испытывая радости ни от каких литературных успехов. Вся его оставшаяся жизнь принадлежит только дочери, его несравненной Аленушке.

8.

Понятие «свобода слова» во все времена было относительным. Мамин-Сибиряк был свободен в выражении своих мыслей, потому что, как неоднократно уже подчеркивалось, был независим от общественных и литературных течений. Скабичевский, очень любивший классифицировать авторов по признаку принадлежности к направлениям, и, по мнению современников, насквозь состоявший из этих самых направлений, в статье о Мамине обошел этот вопрос стороной, акцентировав все свое внимание на мировоззрении писателя и философии его произведений.

Независимость от каких-либо общественных воззрений создавала для Мамина возможность писать честно. В некоторых журнальных обозрениях его относили к народникам, но как писал в своей статье Сергей Елпатьевский, его народность заключалась в кровной связи с народом, «которую он не мог, если бы и хотел, отделить от себя, как нельзя самому отодрать кожу от своего тела»¹. И эта кожа дала ему большие возможности в плане понимания изнутри жизни разных слоев населения. Другое дело, кто из этих слоев подходил под определение «народ»? Видимо, у писате-

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 124.

ля и у полиции, под «колпаком» которой он находился, на этот счет были разные мнения. Иначе как объяснить документ 2-го управления Департамента Полиции «О запрещении к постановке пьесы Морозова А.П. «Озорник» с резолюцией на нем некоего М. Соловьева: «Запретить ставить на сцену «Озорник», драматические эпизоды в 3-х действиях». И ниже дается исчерпывающее объяснение вынесенному вердикту.

«Переделано из рассказа того же названия Д.Н. Мамина-Сибиряка. Эта пьеса, представленная в драматическую цензуру, для народных театров, совершенно непригодна для народной сцены из-за безусловно вредного направления. Подобного рода драматические произведения не только не могут способствовать прямой воспитательной цели народных театров, а напротив того, влиять лишь развращающе, пагубно на нравственность народа, преподавая в названной выше пьесе советы каким путем все грабить, незаконным образом захватывать землю, ставя правительство как бы в невозможность препятствовать подобному самоуправству.

Действие происходит в Сибири. Партия переселенцев направляется в Томскую губернию и по дороге встречается с пермским крестьянином Спиридоном, который за штоф водки указывает переселяющимся способ, каким путем можно обманным образом завладеть башкирскими ... (по-видимому, так: в оригинале неразборчиво. – *Прим. автора*) землями и безнаказанно владеть ими, ввиду того, что будто бы правительственные власти не в состоянии доказать незаконность земельных захватов, а судебная тяжба тянется целыми годами, безрезультатно. Воспользовавшись этими советами и водворившись, согласно указаниям Спиридона, на чужой земле, переселенцы тотчас же платят ему полной неблагодарностью. Сперва по приговору волостного суда подвергают его жестокому телесному наказанию за соращение крестьянской бабы, а затем обвиняют его, неповинного, в конокрадстве.

Спиридон, отыскав конокрадов, уводит от них уворованных лошадей для возвращения переселенцам

и умирает от нанесенных ему конокрадами побоев»¹. Подписано цензором драматических сочинений П.А. Муравьевым, С. Петербург, 24 апреля 1897 года.

Каждый журнал, каждая книга, прежде, чем быть изданной, проходила жесткую цензуру, и только после разрешения цензора могла быть допущена к печати. При этом цензор руководствовался не только запрещающими и разрешающими документами, но и собственным мнением о том или ином авторе. Так что свобода слова во все времена была не только категорией относительной, но нередко подвергалась и влиянию субъективного фактора.

Например, 14 января 1897 года было дано цензурное разрешение на издание под редакцией Виктора Александровича Гольцева «Сборника в пользу недостаточных студентов Московского университета», в который вошел очерк Мамина-Сибиряка «В девятом часу». А ровно через десять дней было получено цензурное разрешение на издание другого сборника под названием «Призыв» в пользу престарелых и лишенных способности к труду артистов и их семей. В него вошел ноктюрн Мамина «Тени богов».

Значимым событием в русской литературной жизни стало создание Союза взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе. Учредительное собрание состоялось 25 января. Целью его стало объединение русских писателей на почве их профессиональных интересов, установление постоянного между ними общения и охранение добрых нравов среди деятелей печати; осуществление посредничества между авторами и сотрудниками периодических изданий с одной стороны, издателями и редакторами – с другой, защита прав литераторов. Заведование делами союза было возложено на комитет из 12 членов с 4 кандидатами. Председателями комитета за четыре года действия, до 1900 года, были Петр Николаевич Исаков и Петр Исаевич Вейнберг; товарищами председателя, то есть заместителями – Николай Константинович Михайловский и Николай Иванович Кареев.

---

¹ РГИА, Ф. 776, оп. 26, д. 16.

Членами комитета – Боборыкин, Загуляев, Мамин, Скабичевский, Потапенко, Станюкович и другие известные публицисты и писатели.

Участие Мамина в делах литературного сообщества говорит о его активной гражданской позиции, которую он предпочитал не путать с политической. В феврале 1897 года в связи с тем, что издание перешло в руки марксистов, закрылся журнал «Новое слово». Дмитрий Наркисович узнает об этом из газет и сожалеет, что не смог уйти из редакции вместе со всеми сотрудниками. Но, проявляя свою солидарность с ними, выходит единолично. И сочувствует Скабичевскому и Кривенко, редакторам, которые сначала вложили в журнал душу, а потом остались на улице.

Эту свою позицию он подтверждает и в Москве на праздновании 30-летнего юбилея литературной деятельности Николая Николаевича Златовратского. Чествование носило «характер демонстрации против марксистов и других противонародников». Мамин по поручению Кривенко передает юбиляру поздравительный адрес.

Во второй петербургский период жизни Дмитрий Наркисович в основном работает с детскими изданиями, готовя для них замечательные произведения. Он отходит от больших эпических полотен, которые создавал на Урале или на основе уральского материала, как романы «Золото» и «Хлеб». Пишет и крупное произведение, роман «Падающие звезды», не получивший резонанса ни у читателя, ни у критики. Даже рассказы он пишет теперь несколько иначе. Работая с редактором Русского отдела международного научно-литературного журнала «Космополис» Федором Дмитриевичем Батюшковым, он вносил изменения даже в корректуру своего рассказа «Грех», делал сокращения, боялся расплывчатости, длиннот и говорил: «Рассказы теперь требуют все короче, ну как Чехов пишет, с воробьиный нос», «хочу, чтобы было по-новому, чтобы не отставать». А сам снова вспоминал «Уральские рассказы» и советовал их читать, в который раз повторяя: «Это лучшее, что у меня есть».

В этом же году в книгоиздательской фирме Д. Ефимова и М. Ключкина отдельным изданием выходит роман «Приваловские миллионы».

В декабре 1898 года в газете «Русские ведомости» опубликован рассказ Мамина «Последние огоньки». На него отозвался Николай Константинович Михайловский. Обозначив это произведение как «попытку фантазии заглянуть в далекую даль будущей истории», «осветить будущее с такой стороны, с какой редко к нему подходят». Взгляд автора на будущее цивилизации критик оценивает как «утопию наизнанку», но соглашается с тем, что сказка «может заставить призадуматься над многими явлениями современности».

Глубоко за живое задевало Дмитрия Наркисовича то, что Михайловский, которого он очень любил, уважал и ценил, отзывался о его творчестве только в литературных обзорах, не посвятив ему ни одной большой статьи. Давыдовой Мамин жаловался, что Николай Константинович обещал написать о романе «Черты из жизни Пепко» и о цикле «Детские тени», но так и не соизволил. Особенно обижало его то, что ни словом не обмолвился Михайловский и о его уральских романах, хотя все они стояли у него на книжных полках. Несправедливое отношение такого близкого человека Мамин переживал болезненно, но подавляя в себе это чувство, продолжал искренне и доверчиво относиться к Николаю Константиновичу. И Михайловский тем же отвечал Мамину. Когда он по вечерам задерживался и долго не приходил к Давыдовой, Михайловский волновался: «Где же Наркисыч?»

Скорее всего, Николай Константинович не брался за анализ произведений Мамина по той причине, что, оставаясь ярко выраженным народником, сотрудничая в свое время с организацией «Народная воля», не мог не рассматривать творчество своего товарища с позиции теории народничества. Мамин же в этом был непримирим. Однажды в ответ на слова одного из лидеров народников Туган-Барановского о необходимости литераторов следовать их программе, он раздраженно ответил:

– Программа, программа... Я двадцать пять лет пишу, написал тома о том, что я видел и знаю. А вы жизни не знаете... Печетесь о народном благе, а судите о мужике по своим статистическим таблицам... Мне они не нужны¹.

Их дружба была необычной. Михайловский – закрытый человек, никого не пускавший к себе в душу, теоретик народничества и общественный деятель, многогранный литератор, был по-детски привязан к «стихийному человеку» Мамину, чей по его словам такой же «стихийный талант» высоко ценил, любовался проявлением его ума и оригинальностью, меткостью его определений и живописностью речи. И тем более было странным, что как критик, каждое слово которого Мамин ловил даже в воздухе, он не отвел никакой роли его творчеству в литературе.

Борис Борисович Глинский вспоминал, что как-то обмолвился Дмитрию Наркисовичу о том, что Михайловский «удивлялся даровитости автора «Уральских рассказов» и выдвигал с особенною силою своеобразие его таланта, не укладывавшегося ни в какие шаблонные рамки»². Как только Мамин услышал это, он попросил в деталях повторить слова Михайловского, так он ими очень дорожил.

С 1892 года Николай Константинович вместе с Короленко является редактором журнала «Русское богатство». И Мамин, не сойдясь с большинством сотрудников редакции в силу претившей ему редакционной кружковщины и партийной узости, способной ради каких-то программ загнать в определенные рамки и его самобытность, в то же время готов был все сделать ради Михайловского. В «Богатстве» был еще один похожий «отшельник» – Сергей Николаевич Южаков, с которым Мамин сошелся ближе других.

О том, что именно принадлежность Михайловского к народничеству являлась неким камнем преткновения в их отношениях с Маминым, говорит и тот факт,

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 177.

² Там же, с. 191.

что Дмитрий Наркисович, часто говоря о Михайловском с Фидлером, замечал: «Я его страшно люблю... Да и он меня, кажется, любит. Но у него я не чувствую себя как дома: ведь он кружковщик и игнорирует не принадлежащих к его приходу, а я – широко общественный человек, и приходов для меня не существует... Михайловский – не критик, а публицист. Во всей русской литературе – прошлой и настоящей – для него существовало только два гения: Глеб Успенский и Короленко. Меня он считает недостойным развязать у них ремни. Но я, тем не менее, очень его люблю»¹.

Дмитрий Наркисович настолько ценил Михайловского, что называл его «единственным крупным писателем»², которого он знал за всю свою литературную деятельность.

Ровно тем же отвечал ему Николай Константинович. И с тем же Фидлером в 1898 году делился: «Из всех современных русских писателей у Мамина наибольшее всех литературного темперамента: он инстинктивно, наивно, бессознательно писатель, насквозь, всегда и везде! Его крупный, непосредственный талант вне всякого сомнения. И какой это оригинальный, какой свежий и, невольно, комичный человек!»³

Комизм Мамина выражался в умении шутить, в том числе, и над самим собою. Историю с шубой, которую он купил в Петербурге только для того, чтобы в ней сфотографироваться, как будто бы наперед зная, что этот его портрет станет хрестоматийным на десятилетия и века, мы уже знаем. Эта шуба была для него самого многократным поводом для шуток. Однажды увидев этот портрет на стене в кабинете Фидлера, он хитро улыбнулся и гордо произнес:

– Сейчас видно, что это настоящий писатель, которого много читают, а не шантрапа: только настоящий писатель может обладать такой роскошной енотовой шубой!

Он мог шутить и острить с близкими ему людьми. И

---

¹ Там же. С. 241.

² Там же. С. 190.

³ Там же. С. 242.

закрывался от тех, кто был ему неприятен. Не раз его остроты заставляли врасплох того же Фидлера, которого Мамин любил и доверял ему многое. Но привыкнуть к шуткам друга, научиться предвосхищать их Фридрих Фридрихович так никогда и не научился. Остроумию Мамина не было предела, как и его грусти.

В следующий раз, увидев свой другой портрет в раме на столе у Фидлера, он грустно улыбнулся: «Ты совсем боготворишь меня, а я ведь обыкновенный и не считаю себя выдающимся»¹. В отношении себя возражений он не принимал.

Конец 1890-х годов характерен для Дмитрия Наркисовича в большей степени работой с детскими изданиями и над детскими произведениями.

Регулярно переиздаются и хорошо продаются в магазинах «Аленушкины сказки». Писатель сам не ожидал такой материальной отдачи от книжки, которую писал для души, не преследуя выгоды. На деле оказалось, что сказки могут обеспечить в материальном плане все воспитание Аленушки, на что Мамин никогда не рассчитывал.

Пошли в ход и имели большой успех другие детские рассказы. В 1896 году Александра Аркадьевна Давыдова открывает еще один детский журнал «Всходы», в котором тоже печатается Мамин-Сибиряк. К тому времени отношения издательницы и автора претерпели некоторые изменения. Дмитрий Наркисович был очень благодарен и признателен Давыдовой за все, что она сделала для его дочери. Он всегда об этом помнил и перед Александрой Аркадьевной как человеком преклонялся. Но ее редакторская деятельность стала вызывать в нем несогласие. Дело в том, что издаваемые Давыдовой журналы цензуре были известны как предназначенные для чтения детей и юношества. И Александра Аркадьевна очень боялась пропустить в произведениях какой-нибудь эпизод недостойный детского чтения, например, поцелуй курсистки с молодым человеком. Странно, что в почти безупречных в этом

---

¹ Там же. С. 243.

плане произведений Мамина она умудрялась найти какие-то предложения, на ее взгляд, не отличающиеся целомудренностью. И тогда она вымарывала их своей редакторской рукой, вызывая настоящий гнев Дмитрия Наркисовича, который, по словам Михайловского, никогда ни строчки не потерял из-за цензуры. В этом случае Мамин был принципиален и неподкупен. Они спорили и даже ссорились. Но, тем не менее, сотрудничали дальше.

В 1897 году во «Всходах», № 19, был опубликован рассказ «Вертел», о маленьком мальчике, который крутил огромное колесо в одной из гранильной мастерской Екатеринбурга. Сюжет рассказа незамысловат. Мальчик работает в мастерской, где постоянно стоит пыль от шлифовки и обработки камней. Как-то в мастерскую приходит богатая дама со своим сыном, почти ровесником вертела-Прошки, и, испытывая жалость к мальчику, приглашает его к себе домой. В гостях Прошку хорошо кормят, приглашают играть в игрушки, а он все воспринимает равнодушно. И стремится уйти в свою пыльную мастерскую. Через некоторое время Прошка заболевает и умирает. А богатая дама после этого начинает испытывать отвращение к драгоценным камням. *«Анна Ивановна очень любила драгоценные камни, а теперь дала себе слово никогда их не носить: каждый такой камень напоминал бы ей умирающего маленького Прошку»*¹ – и если в этих словах еще есть некоторая педагогическая мораль, то в конце рассказа: *«Анна Ивановна... плакала, плакала не об одном, а обо всех бедных детях, которым не могла и не умела помочь»*², – чувствуется личная боль автора; трепетное отношение ко всем маленьким героям его рассказов, независимо от того, где они живут – на Урале или в петербургских дворах-колодцах, ко всем, кто смотрел на мир своими грустными глазами из пыльных окон гранильных мастерских или сапожных подвалов.

Теперь вселенская любовь писателя была сосредото-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 120.

² Там же. С.121.

точена на детях и продиктована безграничной нежностью и жалостью к собственной дочери.

9.

Мамины по-прежнему большую часть времени живут в Царском Селе, где для Аленушки подходит воздух и успокаивает тишина зеленых парков. К семи годам она читает, а с письмом у нее, по словам Дмитрия Наркисовича, «чистое горе, правая ручка сильно трясется». Девочка получала домашнее образование, к ней приходили учителя по разным наукам, музыке и рисованию. Отец не жалел никаких средств на развитие дочери. С физическим недугом, оставшимся вследствие сложных родов, бороться было непросто. Аленушка росла нервной, болезненно реагировала на шум и чужих людей. И, подрастая, все чаще и чаще просила, чтобы в дом не приглашали шумных гостей. Она с раннего детства была привязана к Ольге Францевне, которая любила ее со всей искренностью своего сердца. Гувале, не имевшая собственных детей, считала своей дочерью Аленушку. И девочка, зная с самого рождения только ее, начинает называть гувернантку – мамой. Дмитрий Наркисович этим был недоволен и каждый раз терпеливо объяснял дочери, что это – «тетя Оля», а мама ее – вот. И он подносил ребенка к одному из портретов Марии Морицевны. Со временем благодаря «стараниям» Ольги Францевны портрет в доме остался только один, он стоял на столе писателя, и никто не смел к нему прикасаться. Могли на него смотреть только Аленушка с Лизой.

Дмитрий Наркисович был безмерно благодарен Гувале за ее отношение к дочери, за ту заботу, которую она проявляла о нем самом, за то, что вела домашнее хозяйство, освободив его от всяких бытовых хлопот, но, как говорится, сердцу не прикажешь. Да он собственно и не старался ему приказывать. Не сопротивляясь ничему, он плыл по течению жизни, где в силу большой привычки и самого способа существования его интересовала только литература, и держала на

плаву, оставаясь спасательным кругом – любовь к дочери. В остальном он перешел ту черту, что разделяла «до» и «после», «живое» и «мертвое».

Собственно и в литературе он теперь принадлежал Аленушке, а в ее лице всем – детям. В марте 1899 года в Петербурге открылась очередная, XXVII выставка передвижников. Мамин посещает ее с Дмитрием Ивановичем Тихомировым, приехавшим в Петербург из Москвы. Остановившись у картины Сурикова «Переход Суворова через Альпы», он, как и раньше, перед его полотном «Покорение Сибири Ермаком», вновь вдохновляется широтой, размахом и героизмом работы и тут же обещает написать Тихомирову для «Детского чтения» о Суворове.

В мае того же года Мамин опубликовал в этом журнале дорогие для себя вещи, которые в последствии войдут в автобиографические воспоминания – «Отрезанный ломоть» и «Проводы», посвященные собственному детству.

И тогда же в мае случилось событие, огорчившее всю передовую литературную общественность. Министр внутренних дел «ввиду вредного направления» и «тенденциозного толкования законов» приостановил на три месяца издание журнала «Русское богатство». Мамин с большим сочувствием отнесся к своим друзьям, редакторам «Богатства» – Михайловскому и Короленко.

1899 год в российской литературе проходит под знаменем столетней годовщины со дня рождения А.С.Пушкина. 26 мая в день рождения писателя (по старому стилю) в Екатеринбурге открылась первая публичная общественная библиотека, расположившаяся в тот момент в доме Жукова по улице Колобовской¹. Открытие библиотеки совпало и с 51-й годовщиной со дня смерти Белинского, в честь которого она была и названа. Среди учредителей друзья и знакомые Мамина – Кетов, Климшин, Казанцев, брат – Владимир Мамин. Накануне открытия библиотеки вышел ее первый печатный каталог, в котором пять книг Мамина-

---

¹ Ныне улица Толмачева, дом не сохранился.

Сибиряка – «Горное гнездо», «На улице», «Уральские рассказы», «Постойко», «Емеля-охотник».

И в этот же день в память столетней годовщины со дня рождения А.С. Пушкина состоялось торжественное заседание Общества любителей изящных искусств в Екатеринбурге. И поскольку Дмитрий Наркисович постоянно поддерживал связь с членами маминского кружка, друзья и родные послали ему в Петербург почетный пригласительный билет.

Пушкинские праздники проходили и в Санкт-Петербурге. Мамин не был ни на одном. Со свойственной ему прямоотой он честно признавался, что не любит Пушкина, и не хотел смотреть на «вакханалию», устроенную вокруг его имени. Любимым русским поэтом Дмитрия Наркисовича был Лермонтов, он был близок ему своим грустным романтизмом и реалистическим осмыслением, он чувствовал поэзию «демона» и понимал его внутреннее одиночество, пронзившее все творчество поэта.

Скептическое отношение к пушкинским дням вызвала у Мимины та кампания, что их проводила. А именно, журналист и издатель Алексей Сергеевич Суворин и литературный критик Виктор Петрович Буренин, который в апреле 1899 года на страницах разных изданий продолжал «трепать» Мамину за Толстого, бесконечно, упрекая его в плагиате по отношению к произведениям графа. Именно по поводу нападок Буренина Дмитрий Наркисович писал матери: *«Поверь: никакая критика не прибавит и не убавит ни вершка росту. Залог всякой настоящей критики – это прежде всего независимость, которую не следует смешивать с зазором и черт мне не брат»*¹.

Прижиться в Петербурге Мамин не мог, часто называя город чухонским болотом. По причине малолетства Алены он семь лет подряд в летнее время никуда не выезжал, кроме Царского Села и Петербурга. Скучал по солнцу и теплу. Не любил сырость, которой было не занимать в северной столице.

---

¹ Д.Н. Мамин А.С. Маминой 23 апреля 1899 г., Мустамяки. Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина-Сибиряка (из фондов ОМПУ).

И всегда тосковал по Уралу, встречаясь с уральцами и поддерживая их в Петербурге. Отсюда, на расстоянии, он сотрудничает с газетой «Уральская жизнь», которая начинает выходить в Екатеринбурге. В июле 1899 года в нескольких номерах этого издания публикуется глава «Сократ Иванович» из незаконченного романа Мамина-Сибиряка «Железный голод».

И ближе других сходитесь с художником Алексеем Кузьмичом Денисовым-Уральским. Они часто общаются. Молодой художник находит в лице писателя моральную, а нередко и материальную поддержку. Сам прошедший через нужду и голод в студенческие годы, Мамин щедро делился с ним последним рублем.

Их объединяла искренняя преданность Уралу, восхищение его природой и людьми. Каждый по-своему выражал ее в своем творчестве, но оба – с беззаветной любовью.

С возрастом Мамин все сильнее чувствовал свое одиночество, тянулся к родственному теплу, которого ему явно не хватало вдали от близких. Из Белоярки Удинцевы переехали в Чердынь, где Дмитрий Аристархович служил мировым судьей и создавал краеведческий музей. Вместе с дочерью и зятем уехала и Анна Семеновна. В конце 1890-х годов семья неоднократно обсуждала свой переезд в Петербург, и Дмитрий Наркисович жил надеждами на этот переезд, а когда он не состоялся и Удинцевы вернулись обратно в Екатеринбург, в свой дом на Соборной улице, впал в уныние и тоску, сокрушаясь при этом, что и Аленушка вырастет без родственных связей.

Сестра и особенно мать регулярно навещали Дмитрия Наркисовича, живя вместе с ним в Царском Селе, но каждый раз с их отъездом домой он только явственнее чувствовал свою неприкаянность в этом огромном мире, созданном как будто бы не для него. И завидовал родным, что они возвращаются на Урал, где смогут ощутить знакомый с детства хвойный запах. Ведь в окрестностях Петербурга и сосны, и ели были совсем иные, в них не было той силы жизни, что давали ему уральские деревья. Парки Царского Села

располагали к прогулкам, отдыху и размышлениям... А пульс его жизни остался там, за невидимой глазу, но явно ощутимой его сердцем – границей Европы и Азии, за горной грядой, за Камнем.

Все друзья Мамина знали о его «слабости» – привязанности к Уралу. О том, что и здесь, в Петербурге он посвящал родному краю многие свои произведения. И здесь из-под его пера выходили эпические полотна, такие как «Хлеб» и «Золото», и тонкие эскизы. «И миниатюры, как «Могилки», как эпизоды из его скитаний, где все только улыбка или вздох, или жалоба. У него были картины широкого разгула, озорства и дикой отчаянности и кроткие фигуры одиноких брошенных людей и молитвенных созерцателей...»¹, – писал Елпатьевский.

Литература его спасала. В августе после трехмесячного цензурного запрета вышел очередной номер «Русского богатства». И одновременно с ним подписчикам был разослан новый сборник этого журнала, где опубликован эскиз Мамина «У святых могилок».

Осенью того же года в Москве по инициативе Николая Дмитриевича Телешова, русского писателя и поэта, потомственного почетного гражданина Москвы, был организован известный кружок московских писателей «Среда». Назывался он так потому, что его участники собирались на квартире Телешова по средам. Сюда приходили и читали свои произведения такие известные литераторы как Владимир Гиляровский, Николай Златовратский, Иван Бунин, Константин Станюкович, Леонид Андреев, Александр Куприн, Максим Горький, который впервые читал здесь свою пьесу «На дне». Среди посетителей бывает русский певец Федор Шаляпин и художники Виктор Васнецов и Исаак Левитан. В свои приезды в Москву посещает телешевские «среды» и Дмитрий Наркисович Мамин.

С Телешовым они познакомились раньше. Мамин еще в 1895-1897 годах обратил внимание на произведения молодого литератора, среди которых были посвященные Уралу и Сибири, так созвучные сердцу

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 123.

Дмитрия Наркисовича. В свою очередь Телешов считал Мамина крупным писателем, который привлекал его своей силой и незаурядностью. «Он не приспособлялся ни к каким течениям литературным, общественным и иным, он просто, сам вышедший из народа, любил народную силу, народную будущность и, не выходя из рамок художественной правды, описывал жизнь, какую она была в его время, со всей ее грубостью, с ее поэзией, с ее юмором»,¹ – подчеркивал Николай Дмитриевич. И отмечал, что Дмитрий Наркисович держался на «Средах» очень дружелюбно, много шутил и только не любил говорить о своих произведениях, будто ничего никогда не писал. Однако всегда с охотой откликался на предложения участвовать в сборниках, в том числе и в благотворительных, и писал Телешову в 1902 году: «Очень рад, что ваш товарищеский сборник состоится, а также тому, что мое имя появится на его страницах...»².

Другим значительным событием осени 1899 года в жизни Дмитрия Наркисовича Мамина стала его встреча с Алексеем Максимовичем Горьким, состоявшаяся вечером 17 октября на квартире у Давыдовой, куда собрался весь известный литературный круг «Петербурга». Впоследствии они встретятся еще не раз, и будут высоко ценить творчество друг друга.

10.

С тех пор как Ольга Францевна поселилась в доме Мамина, он дарил ей каждую вновь изданную свою книгу. Дарственная надпись со временем менялась от «уважаемой Ольге Францевне Гувале», «тете Оле от преданного Д.Н. Мамина» до «дорогой Ольге Францевне». Подвела ли к тому сама Ольга Францевна, или Мамин не смог без нее обходиться, но в 1900 году стало известно об их намеченной свадьбе.

Друзья и близкие получили приглашительный билет следующего содержания: «Дмитрий Наркисович

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 213.

² Там же. С. 214.

Мамин и Ольга Францевна Гувале покорнейше просят Вас пожаловать на их бракосочетание имеющее совершиться в церкви Св. Николая, что при Николаевском Комитете для разбора и призрения нищих (уг. Английского пр. и Торговой ул.), 6 февраля 1900 г., в 2 часа дня. С.Петербург»¹. Посаженными отцом и матерью, то есть теми, кто выполнял роль родных родителей и давал благословение, были Дмитрий Иванович Тихомиров и Александра Аркадьевна Давыдова, одним из свидетелей – Николай Константинович Михайловский. Из уральцев на бракосочетании был Алексей Денисов-Уральский. Все свои и близкие люди.

Друзья отговаривали Мамину от этого шага, понимая, что он и «тетя Оля» – совершенно разные люди. Скорее всего, это так и было. Но, возможно, теперь он нуждался именно в такой жене, как Гувале – практичной, хозяйственной, заботливой женщине, преданно любящей его ребенка. Любезному другу Фидлеру, который более других его отговаривал от женитьбы на Гувале, называя ее «немчурой» (видимо, считая, что ему в силу такого же происхождения это позволительно) и вкладывая в это определение все свое отношение к ней, Мамин объяснял свой поступок так. «Я мог бы жениться на молодой и красивой девушке – таких случаев представлялось несколько, – но я выбрал тетю Олю, потому что лучшей матери для Аленушки я себе не мог представить... Ведь я живу только для Аленушки! Только любя ее, я люблю себя!»².

После женитьбы Мамины по-прежнему живут в Царском Селе. Дмитрий Наркисович раза два в неделю бывает по делам в Петербурге, практически не видя города.

В феврале 1900 года в «Мире Божьем» вышел уже упомянутый критический очерк Вениамина Альбова «Капиталистический процесс в изображении Мамина-Сибиряка», достаточно значительный в плане анализа произведений Мамина.

---

¹ РГАЛИ. Ф.316. Оп.1. Ед.хр. 126.

² Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 244.

Символично то, что анализируя творчество писателя в целом, автор указывает на то, что в большинстве его романов и во многих рассказах «настоящими деятелями» являются не люди, а стихийные силы в самом разном их проявлении. В «Хлебе» это – банк, в «Золоте», «Диком счастье» – золото, в «Детских тенях» – наследственность, и так далее. Эти силы, по мнению Альбова, нередко дают развязку действию и управляют его ходом.

Одна из взаимосвязей, определенных автором очерка в произведениях Мамина, это – добро и зло, связанные друг с другом как причина и следствие, и наоборот.

«...Сильный и слабый являются одинаково жертвами стихийной связи вещей, жертвами взаимных отношений. [...] Нельзя сделать шагу, чтобы не натолкнуться на что-нибудь неизбежное и беспощадное, как сама судьба, что властно вторгается в человеческую жизнь, вопреки всяким расчетам и соображениям, логике и рассудку»,¹ – пишет Альбов.

И дальше объясняет, что нет ничего странного в том, что этот слепой, стихийный характер развития жизни отражается в сознании людей, как действие рока, что особенно сильно отразилось в произведениях Мамина. И приводит многочисленные иллюстрации ничтожества и бессилия человека перед стихийными силами в произведениях писателя, считая, что та же черта отразилась и на слогe Мамина. «Эпитет «роковой», наиболее употребительный у писателя. Роковая быстрота, роковая развязка, роковая черта, роковой диагноз, роковой день, роковая фраза, роковое слово, роковое решение, роковой приговор, роковой женский вопрос, роковая записка, роковые события. В данном случае язык только изображает характер мысли»², – анализирует критик и приходит к выводу, что жизненные катастрофы занимают, по-видимому, важное место в мировоззрении Мамина. «Это необхо-

---

¹ Альбов В. Капиталистический процесс в изображении Мамина-Сибиряка. // Мир Божий, 1900. № 2.

² Там же.

димая принадлежность почти каждого его большого романа и многих повестей и рассказов. Иногда эти катастрофы носят у Мамина какой-то особенный, пророчески-символический характер, на что указывает и Скабичевский в своей статье о Мамине», – заключает Альбов. Думается, что он отразил самую суть не только творчества Мамина-Сибиряка, но и его жизненную философию.

7 апреля 1900 года Мамины приехали в Ялту. Казалось бы, сбылась мечта Дмитрия Наркисовича о тепле и солнце.

В это время в Крыму отдыхало много писателей и актеров – Станюкович, Бунин, Куприн, Горький с женой и сыном; на своей новой даче в Аутке жил Чехов. В эту весну в Крым приехал Московский Художественный театр во главе с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко и Константином Сергеевичем Станиславским.

Здесь Мамин встретил много знакомых и друзей. Среди них был доктор и писатель Елпатьевский. В Ялте он выполнял обязанности врача и вел приемы. Но, освободившись от больных, конечно, проводил время в кругу писателей. Он вспоминал, что вокруг Мамина сразу собрался свой круг, как возле очень интересного, «своеобычного» и оригинального человека. Такие встречи в городском саду их завсегда и называли «правильными заседаниями». Когда Дмитрий Наркисович был в добром расположении духа, он набивал трубочку, закуривал и говорил:

– О-отец дья-якон рассказывал... – и Мамин своими огромными черными глазищами оглядывал публику. И все ждали веселого собеседования. «О. дьякон был уральский человек и всегда рассказывал веселые вещи, иногда посоленные крупной уральской солью, но всегда яркие, остроумные, рассказывал короткими фразами, неожиданными и яркими образными выражениями»,¹ – вспоминал Елпатьевский, дополняя,

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 205.

что от Мамина никто не хотел уходить, так он подкупал своей простотой и душевностью. И в то же время Сергей Яковлевич замечает, как много неиспользованного осталось из силы его творчества и наблюдений.

Как и в Петербурге, он мало интересовался ялтинской курортной публикой, кроме этого «спевшегося» в городском саду кружка. Но сразу же в первое утро своего приезда отправился на ялтинский базар, где завел знакомство со стариком, продававшим квас. После чего каждый день ранним утром отправлялся к нему пить квас, а на самом деле беседовать со Степанычем. Разговоры по душам они вели долгие и для обоих приятные. А как-то Дмитрий Наркисович и вовсе вернулся с базара веселый и оживленный и заявил, что встретил тамбовских мужиков – целую артель. В тот день в саду во время «правильных заседаний» он достоверно изображал старика-крестьянина, стоявшего во главе артели, как тот со всей серьезностью объяснял, что они будут строить мост через Черное море до самого Царь-граду, как велел русский царь, а мост будет длинный и работы будет вдосталь.

Мамин был очень рад тому, что встретил в Ялте исконно русских людей, которых понимал и испытывал к ним большой интерес и сочувствие. Позже в 1901 году в журнале «Русское богатство» будет опубликован очерк Мамина «Перекасти-поле», отражавший тяжелое положение пореформенной деревни. В основу его будет положен сюжет о приезде в Ялту на заработки большой артели тамбовских крестьян. Так что все свои наблюдения и встречи Дмитрий Наркисович не просто коллекционировал, но старался использовать в новых произведениях.

Любил он бывать в порту и разговаривать там с портовыми рабочими.

Иногда писатели все вместе встречались на квартире Антона Павловича Чехова. Он был болен, и навещали его только по разрешению врача. Здесь Мамин разговаривал с Горьким, который очень ценил его произведения и говорил, что они помогли ему глубже понять русский народ и русский язык, отмечал ураль-

ские рассказы, показывающие большое значение фольклора и быта. Оба писателя обсуждали новинки в литературе, беседовали о Куприне, Бунине, Телешове.

Часто Дмитрий Наркисович гулял с Аленушкой, которая тогда передвигалась на костылях, и компанию им составляла Екатерина Павловна Пешкова – жена Горького, с маленьким сынишкой Максимом. Екатерина Павловна отмечает, что дети очень любили Мамину, и им было приятно вместе гулять.

Собирались вместе и у доктора Леонида Витальевича Средин, который был большим поклонником литературы и искусства. Фотографировались на веранде его дачи вместе с Горьким, Буниным, Телешовым.

К Ялте Мамин не прикипел. Солнце и тепло не смогли заменить ему родного севера. Отмечал это Елпатьевский: «...слишком много в нем было Урала и слишком глубоко сидел в нем Урал... Ему не доставало уральской елочки, белой березки, – того, что ему милее было и пальм, и каштанов, и великолепных магнолий»¹. Ему нравились горы и море. А всю южную растительность он низводил до беспомощного несовершенства, и все свое неудовольствие ею изливал на укусное дерево, одно название которого претило ему.

В минуты особой тоски по родине Дмитрий Наркисович доставал из кармана тряпицу, разворачивал ее, и тогда появлялись на ялтинский солнечный свет чудесные редкостные уральские камни – топазы, изумруды, хризолиты, александрит и сапфиры. Рассказывая о каждом из них, он забывал не только об укусном дереве, но обо всем, что происходило вокруг, и собеседники понимали, что мыслями он сейчас далеко на Урале, в своих горах, на промыслах и приисках.

О том, что Мамин не стал приверженцем Ялты, вспоминал и Николай Дмитриевич Телешов, отдыхавшей в том же году в Крыму. В Ялте был книжный магазин, хозяин которого, Синани, много лет собирал в огромную книгу автографы знаменитых писателей,

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 206.

артистов, деятелей науки. Не мог обойти стороной магазин, где часто встречались писатели и художники, и Дмитрий Наркисович. А Синани не мог обойти стороной его. И, конечно, подвел его к своей книге. Мамин недолго думая написал: «Ехал в Ялту с радостью, уезжаю из Ялты с удовольствием». Когда Синани прочитал эту запись, он обиделся и жаловался всем: «Вот Мамин-Сибиряк большой писатель, а про нашу Ялту написал такое, что даже верить не хочется», хотя написанное не так уж и обидно для южного города. Уезжать с удовольствием можно и от полученных впечатлений.

11.

Лето 1900 года выдалось богатым на события. В начале июня Лиза Гейнрих окончила профессиональную школу с отличными успехами по основной специальности – учительница рукоделия. У Дмитрия Наркисовича свалилась гора с плеч. Будущее девушки обеспечено, теперь она сможет заработать себе на кусок хлеба. Лиза становилась старше и формировалась в милую девушку, чем вызывала все большее раздражение Ольги Францевны. Способствовала этому и Мария Карловна, приемная дочь Давыдовой и воспитанница Гувале. Она часто навещала свою воспитательницу и всячески проявляла к Лизе свое отношение как к бедной сиротке, живущей в доме из милости. Однако Дмитрий Наркисович и слышать не хотел «женских глупостей» о том, что Лизе пора определяться и искать себе другое пристанище.

В двадцатых числах июля он уезжает на десять дней в Кострому, недалеко от которой находится имение Селище, где живут сестры Николая Константиновича Михайловского. Брат все лето живет у них и зовет к себе друга Наркисыча, соблазняя его интересными типами одной из вымирающих дворянских семей.

О своем прибытии 24 июля в Кострому Мамин сообщает жене: *«Дорогая Оля. Вот уже три дня как я в Костроме, в Селище, усадьбе Мяжковых. По Волге про-*

катился с величайшим наслаждением, о каком даже не мечтал... О жизни у Мягковых расскажу устно. Целую всех. Твой Д. Мамин»¹.

В это лето вся литературная общественность готовилась отмечать 40-летие литературной деятельности Михайловского, которое было намечено на осень. К этому моменту готовился сборник «На славном посту 1860-1900», который открывала сказка Мамина-Сибиряка «Чайный цветок». Книгу эту он позже отправил сестре в Екатеринбург.

Сам Николай Константинович собирался совершить в честь своего творческого юбилея поездку на Урал, и 21 июня прибыл в Пермь, где пробыл до 23 июня. В Перми его, почтенного публициста, имевшего связь с первыми деятелями «Народной воли», чествовали читатели. На встрече приуставало около ста человек, представители города и земства, говорили много речей. Но затем Михайловский почувствовал себя плохо от жары, обрушившейся на Урал, и ему пришлось вернуться обратно пароходом, идущим в Нижний Новгород. Провожали его журналист Иван Григорьевич Остроумов, тот самый, что когда-то работал в «Екатеринбургской неделе», и пермский меценат Мешков, выдавший ему крупный чек на усиление «Литературного фонда». Обо всем этом, Михайловский, конечно же, при встрече рассказал Мамину. И Дмитрий Наркисович был очень доволен тем приемом и уважением, которое уральцы выказали видному литератору, его другу.

Вскоре после этого Остроумов приехал в Петербург, и Михайловский пригласил его на «четверги» журнала «Русское богатство» – неформальные встречи сотрудников и авторов. Учитывая то, что второго редактора – Короленко Остроумов знал еще с юности, то он с удовольствием принял это предложение. Здесь он встретился с Маминым, который произвел на него не лучшее впечатление. Он был, подвыпивши и как-то растрепан. Дмитрий Наркисович подошел к Остроумову и выразил благодарность за прием Михайловско-

---

¹ РГАЛИ. Ф.316. Оп.1. Ед. хр. 68.

го в Перми, пригласил Ивана Григорьевича в гости к себе на квартиру. Учитывая то, что между ними осталась скрытая неприязнь с екатеринбургских времен и Остроумов хотел от нее избавиться, он на следующий же день навестил знаменитого земляка.

Дмитрий Наркисович принял Остроумова в своем просторном кабинете, был сосредоточен и любезен, и снова благодарил за Михайловского, признав, что ошибался, считая Пермь лишь захудалым административным центром. «Это было заключением мира после многих годов борьбы по этому вопросу. Поговорили еще об Урале и о современной жизни Екатеринбурга и Перми»¹, – вспоминал Иван Григорьевич, не предполагая в тот момент, что видит Мамина в последний раз, и отнеся все неудачи его жизни только на счет Абрамовой, к которой с юношества лично он питал большую антипатию. «...Я все больше убеждался, что безоглядное увлечение случайно встреченной Марией Морицевной, без знания ее характера и прошлой жизни, не дало ему ни новых импульсов и материалов для творчества, ни благоприятных условий для его проявления»². Неизвестно, чем так провинилась перед Остроумовым или кем-то другим Мария Морицевна, что даже ее смерть он ставил ей в вину, как причину, «порвавшую цепи», которые много лет удерживали Мамина от алкоголя, а также неспособность его после ухода из жизни Абрамовой «воспринимать впечатления с прежней ясностью и перерабатывать их в чеканные образы и картинки».

К тому же Остроумов считал, что Мамин, оторвавшись из-за Абрамовой от Урала, потерял как писатель почву, которая обильно давала ему материалы для творчества, «как писатель он стал погасать, не дав больше уже ни одного крупного произведения».

Жалея Мамина и его великолепный дар, Остроумов отчаянно переживал за те перемены, которые в нем произошли после смерти Марии Морицевны, и беспощадно судил ее за это, с чем вряд ли бы согласился сам

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 144.

² Там же. С. 142.

писатель, не позволявший судить ушедшую из жизни жену даже своей матери. Его страсть и любовь были для него неподсудны.

После возвращения из Ялты и Селища Мамины перебираются из Царского Села в Петербург. Это объясняется тем, что писателю было все сложнее добираться в столицу из загорода, а ему важно поддерживать связи с литературной общественностью. Мамины снимают просторную квартиру на Пантелеймоновской улице, и Дмитрий Наркисович активно включается в общественно-литературную жизнь. Посещает заседания Союза писателей, в 1901 году избирается в члены комитета литературного фонда. С возмущением воспринимает издание правительством правил о сдаче студентов, нарушающих «нормальную университетскую жизнь», в солдаты. Студенческие демонстрации в России начинают принимать характер народного движения.

Одним из поводов этих волнений послужила статья «Речи консерватора» в газете «Гражданин» № 78 от 11 окт. 1900 года, за подписью князя Мещерского, в которой содержался оскорбительный и негативный взгляд на высшее женское образование. Ее краткие тезисы можно изложить так: «...Разве оттого, что мы напихаем в Университеты баб, Россия делается Европою...», «...У нас вы из 10 ученых женщин или курсисток девять сейчас же узнаете по гадкому отсутствию женственности, по гадкому выражению лица, по гадким манерам, по распущенности...», «...Когда к этим 2000 посещающим места в аудиториях прибавится еще тыщенька представительниц прекрасного пола, то им будет очень удобно слушать лекции, сидя на коленях студентов, и от этого удобства будет весело и тем, и другим»¹. Такие словесные пассажи вызвали вполне определенное отношение в студенческих аудиториях, во все времена отличающиеся особым революционным настроем.

В ответной статье рассуждения князя Мещерского

---

¹ ГАРФ, ДП ОО. Ф. 102. Оп. 226. З ч. 150. Т. 1 (1).

сравнивались с рассуждениями его лакея в отсутствии барина. Эта информационная полемика, развязанная в печати, вылилась во вполне конкретные действия – выступления студентов в марте 1901 года. На их подавление петербургские литераторы откликнулись протестным письмом. Как бы ни был далек от политики Дмитрий Наркисович, гражданином он оставался всегда. Среди прочих сорока писателей и журналистов – Николай Анненский, Богданович, Горький М. (Алексей Пешков) и другие – письмо подписал и «Мамин-Сибиряк, Дмитрий Наркисович, потомственный почетный гражданин, литератор, б. член Союза писателей». Текст письма вместе с другими документами был, разумеется, изучен особым отделом департамента полиции.

«Сегодня, 4 марта, в Петербурге, около Казанского Собора, на глазах многотысячной толпы было произведено систематическое и очевидно заранее предрешенное и обдуманное избиение беззащитных людей. Казаки, окружив безоружную толпу и лишив ее возможности разойтись, безо всякого предупреждения врезались в нее, топтали ее лошадьми и увечили нагайками.

Полицейские вырывали отдельных лиц и наваливаясь по несколько человек на одного, нещадно били их кулаками и шашками. Избитые и вконец обессиленные женщины, сами выходившие к полиции, подхватывались ею и тут же на площади предавались дальнейшему избиению. Били лежащих, били до потери сознания, быть может, до смерти.

Это не слухи, неизвестно откуда идущие, это – факты, которым многие из нас были очевидцами. Публику, умолявшую прекратить избиение, гнали прочь, даже офицеров тащили за шиворот. Те из нас, которые просили прекратить побоище, были избиты или задержаны.

Мы полны негодования перед подобными зверствами, имевшими место, как нам известно, и в других городах. Мы полны ужаса перед будущим, которое ожидает страну, отданную в полное распоряжение ку-

лакам и нагайкам. Наше негодование и наш ужас – мы уверены – разделяют наши братья по перу, которых нет сейчас среди нас, разделяет вся мыслящая часть русского общества, разделяют все, в ком неокончательно еще подавлены чувства человеческого достоинства и любви к ближнему.

Мы, писатели, давно уже лишены возможности своевременным разъяснением нужд своей родины предотвращать подобные события. Мы лишены возможности словом продуманного убеждения осветить выход из настоящего трудного положения. Мы лишены возможности выполнить весь лежащий на нас долг перед родиной.

Мы должны поэтому хотя бы огласить факт.

март 1901 г.»¹

Это письмо рассылалось в редакции российских и зарубежных газет. А следовательно, в департамент были переданы и присланы газеты с опубликованным вариантом письма, вырезки из «Ле Франсэ» и других французских газет, швейцарское издание «Журналь де Женев», а также прокламация под заголовком «Копия письма литераторов, посланного 4-5 марта в редакции столичных газет». Все эти материалы сопровождались рапортами канцелярий губернаторов и различных жандармских управлений: Витебского, Курского, Орловского, Минского, Казанского; имелось письмо главной надзирательницы Каменец-Подольской женской гимназии. Рапорты имели текст примерно одного содержания: «В настоящее время из г. С. Петербурга рассылаются проживающим здесь разным лицам воспроизведенные на множительном аппарате «Циклостиль» листки, в которых в превратном виде описываются последние студенческие беспорядки»².

Затем началось расследование вокруг имен писателей, поставивших подписи под письмом. Имя «Мамин-Сибиряк, Дмитрий Наркисович» обрастало неоднократно собранными на него полицией документами.

---

¹ ГАРФ, ДП ОО. Ф. 102. 3 ч. 125 т. 1 л. Б(1) листы 29, 29 об, 30.

² Там же.

Кроме его неблагонадежности, проявленной в Усмани Тамбовской области, были выявлены и другие факты. В частности, намерение Мамина публиковаться в журнале «Эпоха», о выходе которого было заявлено в 1888 году. На что немедленно последовала реакция Московского обер-полицмейстера отделения по охранению порядка и общественной безопасности. Под грифом «Совершенно секретно» он строчил в департамент полиции рапорт: «...В «Русском курьере» по сей месяц печатается ежедневно прилагаемое объявление от редакции журнала «Эпоха», подписанное издателем Колачевским, в котором сотрудниками показаны между прочим и 13 следующих лиц, уже давно известных Охранному отделению своей неблагонадежностью...». Среди тринадцати авторов – известные не только охранному отделению, но и всей России Н.Н. Златовратский, В.Г. Короленко, Д.Н. Мамин (Сибиряк), Г.А. Мачтет, А.С. и В.С. Пругавины, А.М. Скабичевский, Г.И. Успенский, А.П. Чехов, А.И. Эртель, С.И. Южаков.

Четвертый пункт рапорта посвящен лично Д.Н. Мамину, близко знакомому с Виктором Гольцевым, что, по мнению обер-полицмейстера, не могло остаться без последствий для будущего журнала. В своем рапорте он конкретен: «Принимая во внимание вышеозначенное, я нахожу существование журнала «Эпоха» при таких условиях опасным для общественного спокойствия и порядка, а потому и имею честь просить Департамент о запрещении в интересах Охраны названного журнала в самом непродолжительном времени, так как выход №1-го назначен в будущем октябре... Циркуляром Министра внутренних дел воспрещены сборища и сходки учащейся молодежи. Разрешение же на издание подобного журнала дает право 13 поднадзорным собираться ежедневно в квартире редакции, а последствием подобных сборищ в будущем безусловно может явиться какое-либо революционное предприятие»¹.

Каждый честно пишущий писатель и публицист рассматривался представителями власти непременно как революционер, поскольку нет другого такого силь-

---

¹ Фонд ДП ОО. Оп. 1905. Ед. хр. 4. Ч. 53.

ного оружия в плане воздействия на массы, как слово. После долгой переписки московских жандармов с департаментом полиции в Санкт-Петербурге дело, надо полагать, к обоюдному удовлетворению сторон, завершилось тем, что издатель написал письмо о своем отказе в выпуске журнала «Эпоха». Это не очень-то повлияло положительным образом на благонадежность Мамина, особенно после его участия в чествовании памяти В.Г. Белинского в мае 1898 года по случаю пятидесятилетия со дня смерти Виссариона Григорьевича.

В донесении значится: «26 сего мая на Волковом кладбище происходило торжественное поминание писателя Виссариона Григорьевича Белинского по случаю 50-летия его смерти.

В 11 часов утра в церкви Волкова кладбища началась Божественная литургия, на которой присутствовали только представители литературного мира и несколько человек общественной публики. С половины двенадцатого начала прибывать на кладбище учащаяся молодежь обоего пола. После литургии духовенство перешло к могиле Белинского, куда к тому времени собралось до 400 человек, из числа которых было: около 100 учащейся молодежи обоих полов, человек 5 воспитанников средних учебных заведений, несколько человек приказчиков столичных книжных магазинов, сотрудники и репортеры столичной прессы, а также несколько известных литераторов. Из числа последних находились: профессор С. Петербургского университета Н. Кареев, Н. Михайловский, В. Короленко, Д. Мамин (псевдоним Мамин-Сибиряк), П.Вейнберг...»¹

Несмотря на такое пристальное внимание полиции к особе Дмитрия Наркисовича Мамина, он благополучно избегал не только открытых столкновений с жандармами, но даже банальных разбирательств по поводу его персоны. Видимо, все-таки был недостаточно неблагонадежен, хотя очень вспыльчив и несдержан на язык, и потому мог легко попасть в беду.

Он быстро устал от Петербурга, от его нервозности, сырости и серости. Неким утешением и оправданием

---

¹ ГАРФ, 3 д-во. Ф. 102. Оп. 95. Ед. хр. 1499.

жизни в столице было то, что Аленушка занималась у известного ученого и педагога, организатора физического воспитания Петра Францевича Лесгафта. С ее недугом занятия под надзором такого специалиста были просто необходимы. Жизнь девочке-инвалиду давалась нелегко, и отец готов был сделать все, чтобы наполнить ее пребывание на этом свете смыслом.

В феврале 1902 года Мамин получил чрезвычайно счастливое для него известие. Абрамов сообщил ему телеграммой из Томска о том, что отказывается от всех своих прав на Аленушку. Своей радостью он поделился с Фидлером: «Наконец-то я ее могу усыновить! Десять лет висел надо мной этот дамоклов меч! Сколько я за это время выстрадал!.. Но если б он не согласился, я бы его уколошил! Я азиат!»¹.

Другим радостным событием того же февраля стало событие в семье Давыдовой, к которой Мамин относился по-родственному. 3 февраля состоялась свадьба Александра Куприна и Марии Давыдовой. Мамин был среди близких гостей. Дмитрий Наркисович произнес в адрес молодоженов шуточно-назидательную речь, а в «кулуарах» обмолвился о том, что еще не знает молодого писателя Куприна, но Михайловский назвал его очень талантливым. И никто в тот день не мог предположить, что всего через три недели на смену счастью придет страшное горе.

24 февраля скоропостижно умерла Александра Аркадьевна Давыдова. Горестное событие глубокой болью отозвалось в сердце Дмитрия Наркисовича. Александра Аркадьевна – большой друг его семьи, женщина, так много сделавшая для его Аленушки. Писатель с искренним сожалением переживал уход своего друга и редактора. После смерти Давыдовой редакцию журнала «Мир Божий» возглавила ее приемная дочь – Мария Карловна, теперь Куприна.

Но на этой смерти счет потерям не остановился. В конце марта от паралича сердца умер Глеб Иванович Успенский, с которым Мамина связывала теплая

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 243.

дружба. Хоронили его 4 апреля на Волковом кладбище, где присутствовала почти вся литературная братия столицы. Был тут, находясь в плену невеселых дум, и Дмитрий Наркисович. Но, как и всегда в последние годы, к жизни его возвращала дочь.

После полученной телеграммы Абрамова Дмитрий Наркисович, не откладывая дальше, приступил к процедуре усыновления собственной дочери. Но, как и во все времена, подобную процедуру осуществить не просто, прежде требуется собрать множество различных документов и пройти несколько судов. Только 30 января следующего года помощник присяжного поверенного Михаил Петрович Соколов, действующий на основании доверенности, выданной ему «Потомственным Почетным Гражданином Маминым Дмитрием Наркисовичем», подал прошение следующего содержания: «Имею честь покорнейше просить Правительствующий Сенат предоставить усыновленной доверителем моим девице Елене отчество усыновителя «Дмитриевна», фамилию его «Мамина» и звание личного почетного гражданства и выдать свидетельство на означенное звание»¹.

Среди приложенных документов – свидетельство о том, что доверитель под судом и следствием не состоял. Вот где неблагонадежность, так ревностно прослеживаемая жандармами, могла бы сыграть злую шутку с Дмитрием Наркисовичем, но к счастью, до следствия дело ни разу не дошло. Далее прилагается метрика Анатолиевской церкви Висимо-Шайтанского завода о рождении усыновителя, свидетельство Пермской духовной консистории о звании потомственного почетного гражданина и метрическая выписка о рождении Елены. В метрических книгах «города С. Петербурга церкви Св. равноапостольной царицы Елены, что при Крестовоздвиженской общине сестер милосердия» за 1892 г. в части первой о родившихся под № 60 женского пола значится так:

«...1892 года месяца марта 21 числа у жены перм-

---

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 44. Д. 2452.

ского мещанина Марии Морисовны Абрамовой православного исповедания родилась дочь Елена. Тайнство крещения совершено того же дня и месяца 29 числа. Восприемниками при крещении ея были: Дворянин Николай Константинов Михайловский и вдова солиста двора Его Императорского Величества Александра Давыдова. 1892 года месяца марта 30 дня»¹.

И вот оно – свершилось! В его руках заветный документ! Решением от 29 мая 1903 года «С. Петербургский окружной суд по 7 отделению, выслушав дело по прошению Потомственного Почетного Гражданина Дмитрия Наркисовича Мамина об усыновлении ему Елены ОПРЕДЕЛИЛ: Елену дочь пермского мещанина Петра Григорьева и Марии Морисовны Абрамовой, родившуюся 21 марта 1892 г., признать усыновленной дочерью Потомственного Почетного Гражданина Дмитрия Наркисовича Мамина с представлением усыновленной фамилии «Мамина»². Теперь никто не оспорит его прав на Аленушку, она – Елена Мамина, законная папина дочка!

Но, возвращаясь к событиям 1902 года, нельзя пройти мимо еще одного акта о признании ребенка. Для этого стоит вспомнить просьбу Мамина, адресованную в письме Морицу Гейнриху, по поводу удочерения Лизы. Тогда, в 1892 году, после смерти Марии Морицевны Дмитрий Наркисович обещал ее отцу, что ему в этом деле поможет его брат Владимир, юрист по образованию. Но по какой-то причине юридическая процедура не состоялась. Почему же факт рождения Лизы окутан некой таинственностью?

И тем более удивительно, что при современном доступе к различным источникам информации на сайте Форума союза возрождения родословных традиций в росписи генеалогического дерева Куприных можно найти однозначный ответ: «Гейнрих Елизавета Морицовна (1882-1943), незаконнорожденная дочь Марии Морицевны Абрамовой (Гейнрих). Вторая жена

---

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 44. Д. 2452.

² Там же.

А.И. Куприна». И дальше объяснение. Из письма Мамина-Сибиряка к матери от 16 июля 1902 г.¹: «Вчера я, наконец, получил паспорт Лизы, стоивший больших хлопот. Она теперь Елизавета Морицевна Гейнрих, что и требовалось доказать. Как оказывается, это было даже совсем не трудно: дает отчество и фамилии незаконнорожденным детям казенная палата. А я-то мыкался-мыкался, пока добрые люди не научили обратиться в надежное место»².

Если принять эту версию за истину, то многое становится понятно в жизни и характере Марии Морицевны, многое становится на свои места и находит объяснение. Возможно, что побег из дома в Казань и работа в театре привели ее к личной драме и рождению незаконной дочери, которую, скорее всего, она потом отвезла родителям в Пермь, а ими было принято решение скрыть тайну дочери, объявив Лизу ее сестрой и своим двенадцатым ребенком. Непредвиденные коррективы в эту ситуацию внесла безвременная смерть матери Марии – Елизаветы Дмитриевны, ушедшей из жизни в возрасте 39 лет, после чего Мориц Гейнрих сломался морально и заболел. А Мария Морицевна забрала девочку себе. Тогда становится понятна и ее нелюбовь к театру, где вместо юношеской романтики и признания она нашла «пошлость, грязь и яму помойную», о чем писала Короленко всего лишь двадцатитрехлетней женщиной, уже так разочаровавшейся во всем. И ее нежелание выходить в свет, и стремление к домашнему покою и уюту. И страх смерти перед родами. И даже отношение к ней пермского журналиста Остроумова, знавшего ее с юности и намекавшего на ее прошлое. И ведь о том же самом «прошлом» писал матери в письме после ее смерти и сам Дмитрий Наркисович: «она для тебя только актриса с прошлым», – видимо, он знал об этом прошлом, раз мог о нем говорить. Вряд ли

---

¹ РГБ, Ф.157 – Российская государственная библиотека, в рукописном отделе, в фонде 157 хранятся неопубликованные письма Мамина-Сибиряка.

² Электронный источник: Форум союза возрождения родословных традиций, <http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=6349&mode=threaded&pid=116731>

бы такая женщина, как Мария Морицевна, при их отношениях с Дмитрием Наркисовичем начинала жизнь с такой лжи, да и сложно было бы эту ложь при совместной жизни скрыть. Видимо, Мамин, зная истину о происхождении Лизы, также соглашается скрывать ее, но при этом искренне любит девочку и заботится о ее будущем и после смерти Марии Морицевны. Что тоже вполне вписывается в логику его поведения. И достойно большого уважения.

Объяснима тогда и нелюбовь к Лизе Ольги Францевны, возможно, знавшей или догадывающейся о том, кто она есть на самом деле. Так или иначе, но по признанию Ксении Александровны Куприной, дочери Елизаветы Морицевны, «...биография ее матери тесно связана с Маминым-Сибиряком, с его дочерью Аленушкой, с литературной средой и переплетается с жизнью А.И.Куприна задолго до их женитьбы»¹.

Лучше других Ксения Александровна в своих воспоминаниях дает и портрет юной Лизы, составленной ею по фотографиям матери и воспоминаниям отца – Александра Ивановича Куприна. «Понемногу Лиза превратилась в прелестную девушку с редкой улыбкой... Лиза была очень небольшой, с миниатюрными ножками и ручками, пропорциональна, как статуэтка Танагра². Лицо бледно-матовое, точеное, с большими серьезными карими глазами и очень темными волосами»³.

Ей часто говорили, что она похожа на Марию Морицевну. Пошли грязные сплетни, что Мамин неравнодушен к Лизе. И Ольга Францевна стала ревновать без всяких на то оснований, превращая жизнь Лизы в настоящий ад. Гордая и терпеливая девушка не могла дальше сносить обид. К 1902 году она уже дважды сбегала из дома – в редакцию журнала «Мир Божий» и цирк, куда она решила поступить, но Дмитрий Наркисович каждый раз возвращал ее обратно. Он любил

¹ Куприна К. Куприн – мой отец. С. 7.

² Статуэтка Танагра – наиболее распространенный тип древнегреческих терракотовых статуэток эпохи эллинизма. Центр их производства находился в городе Танагра в Беотии.

³ Куприна К. Куприн – мой отец. С. 18.

Лизу чисто по-отечески и жалел ее. Наконец в 1902 году Лиза приняла бесповоротное решение и поступила в Евгеньевскую общину сестер милосердия. Мамин несколько раз ездил туда, пытаясь снова вернуть девушку домой, но в этот раз она не согласилась ни на какие его уговоры.

По поводу Лизы между Дмитрием Наркисовичем и Ольгой Францевной неоднократно возникали ссоры. Ему были чужды ее двусмысленные намеки, вызывало непонимание ее обращение к сплетням, даже ее педантичность и расчетливость вызывали в нем раздражение. И, тем не менее, он полностью находился под влиянием и давлением жены, сам при этом, отмечая главную черту своего характера – бесхарактерность.

Уход Лизы из дома невероятно огорчил его. Об этом в октябре 1902 года красноречиво вспоминал его друг Фидлер: «Мамин праздновал свои именины в Царском Селе на новой квартире (Малая ул., 33), освещенной электрическим светом. Было много гостей, но сам виновник торжества почти ничего не пил и имел необычно мрачный вид, – вероятно удрученный решительным заявлением Лизы, что она не уйдет из Общины сестер милосердия»¹. До конца своих дней он будет помнить о Лизе и стараться не терять ее из виду.

И единственным радостным событием этого года стало странствие Мамина вместе с Михайловским и Фидлером по Кавказу. По словам Фридриха Фридриховича, именно в этой поездке ему Дмитрий Наркисович запомнился самым светлым и жизнерадостным за все время их знакомства.

12.

Кавказ был давней мечтой Мамина. Прежде всего, потому что был связан с именем и произведениями Лермонтова, которого он считал великим поэтом, непревзойденным в изображении горной природы. В июле 1902 года Мамин приехал на Кавказ, где в Кисловодске встретился со своими друзьями – Николаем

---

¹ Там же.

Константиновичем Михайловским и Фридрихом Фридриховичем Фидлером. Об этой поездке он пишет в письмах к родным и в очерке «Погибельный Кавказ», который будет опубликован в «Юной России», журнале-преемнике «Детского чтения», в 1906 году.

И как всегда, именно очерк является лучшим источником для понимания настроения писателя на Кавказе. Сюжет его в основном выстраивается вокруг несколько юмористического путешествия Мамина и Фидлера по Военно-Грузинской дороге к вершине Казбека. В начале он всеми чертами напоминает путевые записки: *«С замирающим от любопытства сердцем я смотрел по сторонам, когда наш поезд с какой-то особенной быстротой летел по благословенным предгорьям Северного Кавказа, спускаясь к группе знаменитых и, может быть, единственных по своему действию минеральных вод»*¹. И дальше в своей обычной манере писатель подробно повествует о станции Пятигорск и несчастных пассажирах поезда, приехавших сюда на лечение целебными водами – страдалцы в тележках, на костылях; несколько хроменьких, горбатеньких детей с бледными личиками.

А затем Ессентуки, Кисловодск... И непременно здесь же о Машуке – всей цели его поездки на Кавказ: *«Здесь погиб на роковой дуэли знаменитейший русский поэт Лермонтов, воспевавший Кавказ, – свою будущую могилу... Потом я был на месте этой роковой для всей России дуэли. Чудный вид, а на месте дуэли красивый памятник безвременно погибшему поэту. Кругом широкая поляна, точно окропленная, как живыми слезами, яркими южными цветами...»*². Только благодаря этому абзацу и самому факту дуэли Кавказ, несмотря на все его целебные источники, для Мамина навсегда остается погибельным, унесшим молодую жизнь самого для него значимого русского поэта.

Все остальное – описание Кавказа, встреча с Михайловским, путешествие с другом, «немцем Фрицем»,

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 2-х т. М.: Русская книга, 1999. Т.2. С. 324.

² Там же. С. 325.

как величает его в очерке и в жизни Мамин, дано легко, свободно и с тонким юмором. Из этого очерка мы, будто бы походя, узнаем о неистовом коллекционере Фидлере, который на каждой станции в большом количестве скупает открытки с видами Кавказа, и таких открыток, по словам автора, в его домашней коллекции тысячи. Об их теплых, доверительных отношениях, когда Фидлер называет Мамина исключительно «маменька» (подобное обращение допускали еще несколько близких друзей. – Прим. авт.), а он, в свою очередь, называет его «дорогой друг Фриц». Их замечательную поездку к подножию Казбека, в ходе которой Фриц постоянно проявляет опасение по поводу разбойников на дорогах, способных их убить, а его друг все время над этим подтрунивает. Он проявляет постоянный интерес ко всему их окружающему, начиная от самой Военно-Грузинской дороги, в свое время являющейся чудом инженерного искусства, проложенной «для замирения Кавказа по непроходимым дебрям» до горных ущелий, отлогостей, ингушских деревушек по берегам Терека. *«Мне очень хотелось бы пожить в таком орлином гнезде, чтобы присмотреться к жизни вольных детей горной пустыни; но приходилось ехать мимо и полюбоваться только издали. Такая уж судьба всех путешественников, которым приходится довольствоваться мимолетными впечатлениями и ехать вперед, куда ведет дорога-мачеха...»*¹.

Мечта о воле, о внутренней свободе и счастье приобрела для Мамина на Кавказе какое-то особое значение, выразившееся в постоянных дурачествах и веселье с друзьями, в душевных беседах и необузданных порывах. Он как будто бы сбросил с себя какие-то оковы, вечно мешающие ему быть самим собою.

После каждой встречи с Маминым Фидлер в тот же день или на следующее утро заносил в свой литературный дневник все, относящееся к этой встрече. Не стал исключением и Кавказ. Один из эпизодов, описанных «другом Фрицем», красноречиво иллюстрирует настроение Мамина тех дней.

---

¹ Там же. С. 334.

«В Пятигорске, объехав Машук, мы прополоскали наши иссохшие глотки, сидя на веранде ресторана. Потом я удалился на короткое время для встречи Н.Н. Златовратского. Когда я без него, то есть с этим поездом он не приехал, вернулся и подошел к Мамину с сообщением: не приехал, он поднялся из-за стола, откинул голову, прищурил глаза и вызывающе спросил: «Что вам угодно?» Я улыбнулся, а он, вращая глазами, закричал: «Кто вы такой? Что вам от меня надо?» – «Маменька, брось!» – ответил я тревожным полупшепотом. Но он, принимая еще более воинственную позу, рычал: «Как вы смеете ко мне приставать? Кто вы такой? Знать я вас не знаю и знать не желаю!» Я совершенно растерялся: «Маменька, опомнись!» – Но он, окончательно освирепев, уже ревел: «Прислужающие! Что это за безобразия у вас творятся?! Уберите от меня этого нахала, или я его сокрушуу!»...

И когда сцена достигла своего апогея, все присутствующие повыскакивали с мест, горячие кавказские парни схватились за кинжалы, а Фидлер обреченно замер с одной мыслью – белая горячка... «Мамин широко распростер свои могучие объятия, загреб меня, и, целуя и как-то ликуя, вопил: «Феддор, старрый шашлыккк!». Публика, перешептываясь и пожимая плечами уселась – и трагикомическое представление кончилось. Но еще долго мы были предметом всестороннего любопытного и озабоченного внимания»¹, – закончил Фидлер.

31 июля Мамин писал жене из Кисловодска. «Милая Оля, целых два дня мы ... провели по военной грузинской дороге. Были у самого Казбека. Ничего, хорошо, только уж очень дико. Мне Крым гораздо больше нравится»².

Друзья на память об этих замечательных днях снялись вместе в местном фотоателе в черкесках и кавказских бурках. Но тот же Фидлер, отдавая дань справедливости, честно писал о впечатлениях Мамина о Кавказе: «Он поражался горами и реками, но посто-

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 243.

² РГАЛИ. Ф. 316. Оп.1. Ед. хр. 68.

янно повторял: «А у нас на Урале совсем другое». Урал был с ним везде и всегда».

Подтверждал это и сам Дмитрий Наркисович. При-
слав брату Николаю 28 августа 1902 года письмо на
бланке Пятигорска с видом Машука, писал: *«Милый
Никола, я здесь был, любовался, а наш Висим все-таки
лучше... Твой брат Д. Мамин»*¹.

Урал был с ним всегда. О нем он думал и помнил,
мечтая издать большую иллюстрированную книгу о
родном крае. С мая в Петербургском Пассаже была
открыта выставка Алексея Кузьмича Денисова-Ураль-
ского – «Урал и его богатства». Мамин посещал ее не-
сколько рассказ, и в письмах к матери рассказывал
о том, что картины Денисова очень всем нравятся. И
неожиданно начал разговор о поездке будущим летом
на Урал.

А до конца года он исполняет еще некоторые обя-
зательства в качестве члена комитета литературного
фонда. Подписывает среди прочих приветственную
телеграмму Льву Николаевичу Толстому в честь 50-ле-
тия его литературной деятельности; входит в частный
комитет по устройству чествования 200-летия перио-
дической печати, которое намечено на 1903 год.

13.

Особенностью социально-политического строя Рос-
сии начала XX века являлось переплетение старых и
новых черт в переходный к капитализму период. Вся
законодательная и исполнительная власть находилась
в руках монарха – царя, самодержавно правящего
государством и опиравшегося в основном на дворян-
ство как класс. Но вследствие экономических измене-
ний возникали новые классы – буржуазия и пролета-
риат. Это же вызвало размывание сословного деления,
изменение социального лица помещиков и крестьян.
Все эти преобразования сопровождались отсутствием
демократических свобод, запретом деятельности по-
литических партий и профессиональных союзов.

---

¹ РГАЛИ. Ф. 316. Оп.1. Ед. хр. 69.

Студенческие протестные движения в начале 1900-х годов грозили перерасти в более серьезные, когда требования протестующих могли из плоскости общественной жизни, в основном касающейся студенческих аудиторий, перейти в прямо политическую.

Охранное ведомство не дремало. Свято храня устои самодержавия, оно подавляло всякое проявление гражданских инициатив. Так, в январе 1903 года было запрещено празднование 200-летия периодической печати. В связи с этим в Петербурге распространяется гектографическая копия резолюции частного комитета, требующей отмены предварительной цензуры, и одновременно коллективное письмо литераторов в знак солидарности с этим документом.

Мамин в начале года часто бывает в Москве. Присутствовал он и на чествовании Виктора Александровича Гольцева в связи с 25-летним юбилеем его литературной деятельности. Но не это празднование было главным поводом для приезда в Москву. Совместно с Игнатием Николаевичем Потапенко и Василием Ивановичем Немирович-Данченко он обсуждал возможность выпуска нового журнала, где они бы все выступили редакторами. Предлагалось с этой же целью пригласить и Антона Павловича Чехова. Переговоры с ним были поручены Потапенко, как человеку ближе всех знающему Чехова. Надо отдать должное Антону Павловичу, который поступил в этой ситуации предельно честно. Отказавшись от такого предложения, он его аргументировал тем, что все названные ему лица – талантливые писатели и превосходные люди, но в редакторы не годятся. К тому же, по его мнению, все они – представители одного, отжившего в литературном плане поколения, и он заметил, что неплохо было бы привлечь какого-то из молодых, например, Леонида Андреева.

Журнал не состоялся, и, видимо, классик оказался прав: быть талантливым автором и превосходным человеком – это не то же самое, что быть превосходным редактором.

Вернувшись в Царское Село, куда Мамины вновь переехали еще в сентябре 1902 года, Дмитрий Нар-

кисович все настойчивее думает о поездке на Урал. К этому его как будто подталкивали сами события этого года. В апреле Алексей Козьмич Денисов-Уральский, любивший дарить Маминым подарки, чаще всего из уральского камня, привозит в дар писателю лучшее, что можно было ему преподнести – картину с видом Висимо-Шайтанского завода и дарственной надписью: «Дорогому земляку на память о дорогой родине – Урале». Мамин был в восторге! Картина была помещена в его кабинете, где теперь он каждый день мог любоваться своим Висимом, будто всматриваясь сквозь окно в родные дали и милые зеленые горы.

А в следующем месяце, словно по проторенной Денисовым дорожке, Мамину пришло сообщение о том, что его книга воспоминаний «Из далекого прошлого» Ученым комитетом Министерства народного просвещения допущена в ученические библиотеки низших учебных заведений, в бесплатные народные читальни и библиотеки, а также в ученические библиотеки средних учебных заведений. Тираж планируется солидный – 4000 экземпляров, что ежегодно будет давать автору доход 600-800 рублей. Новость обрадовала Дмитрия Наркисовича во всех отношениях.

В конце лета он путешествует по Волге и Каме и прибывает на Урал, а к 18 августа добирается до Екатеринбурга.

Более двенадцати лет назад он уехал отсюда. При особых личных обстоятельствах, счастливых для него, но навлекших гнев и осуждение екатеринбургского общества, он покинул любимый им город. Теперь он остановился в «Американской гостинице», откуда и до родного дома на Соборной, и до театра, где играла Маруся – рукой подать. Ему было что вспомнить. Да и дом по улице Колобовской, где они жили с Марией Якимовной, отсюда недалеко. Мария Якимовна – добрый, добрый друг. Перед ней его вина стократ неизгладима!.. А если бы можно было все вернуть?.. Пошел бы он снова за письмом Короленко, и снова в театр?... Стал бы снова испытывать судьбу?.. И, конечно, спас бы Марусю...

Он теперь другой: постаревший внутренне, погрузневший внешне, переполненный жалостью к детям, больным и нищим. С трудом справляющийся с слабостью своей – тягой к вину и пиву. Но он – Мамин-Сибиряк, и на это имя к дому на Соборной, где принимает его сестра, тянутся представители городской общественности. Елизавета Наркисовна подает на стол любимый братом пирог с соленым муксуном, он угощает водкой пришедших в гости сотрудников газеты «Уральская жизнь» – Комарова и Весновского. Ждет для беседы редактора – Петра Ивановича Певина. А когда все расходятся, заручившись обещаниями Мамина нанести ответный визит, он опускается на старенький диван в гостиной. И остается один в прохладной тишине дома. Все мило и дорого ему в этой комнате с низким потолком, устроенной заботами сестры. Пианино, этажерка с книгами и нотами, цветы на окнах, старенькие кресла, картины и фотографии на стенах. Его собственный большой портрет, написанный углем живо и образно. Второй – дорогое сердцу, круглое как луна лицо – «милый папа»... Теперь сыну ровно столько лет, во сколько ушел из жизни священник Мамин. «Милый папа, если бы я мог быть тебя достоин...»

Бесконечные визиты, без которых в родном городе себя представить не возможно, уже к концу пятого дня пребывания в Екатеринбурге утомляют Мамина. Он пишет письмо жене, за время общения с которой выработался свой стиль, сдержанный и прагматичный: что ел, где спал, как себя чувствует, обсуждение совместных дел, если таковые имеются на данный момент.

«23 августа, 1903, Екатеринбург

Милая, дорогая Оля. Вот уже пять дней, как я живу в Екатеринбурге. Время летит незаметно. Надоело делать визиты, а без этого никак нельзя. Жара меня мучает все время, только вчера пошел дождь. Очень обидно, что не увижу Дм. Аристарховича. У него идет

*собрание. Был у Казанцева... Дома бываю только утром, после чая исчезаю до вечера. Провинция гостеприимна, и я изнемогаю от зовициков и обедов*¹. Далее подробный перечень тех яств, которыми его угощали: говядина мучная, телятина мучная, бычий язык, ягода, масло коровье, молоко, рыба и так далее. В заключении: *«Выезжаю домой 26–27 августа. Поеду опять через Пермь и Москву. Крепко целую тебя и Аленушку. Всем кланяйся»*.

Вместе с братом Владимиром он посещает открывшуюся публичную библиотеку, и остается ею очень доволен, встречается с членами УОЛЕ и обсуждает дела общества. Едет в Горный Щит, чтобы поклониться могиле «дедоньки», как называли его в семье.

При всем расположении, которое он встречает в родном городе, у него остается горечь и неудовлетворенность: книг его здесь почти не продают, а значит, и не читают. Не любят его на родине как писателя, и в Екатеринбурге, и в Перми, не знают и не чтут...

Сложные чувства и мысли переполняли его, когда он покидал Урал, хотя он не знал, конечно, что видит свою родину в последний раз. Сердце его навсегда принадлежало этому краю, а сам он давно уже врос в другую среду. Урал – глубокая провинция, бескультурная и темная, где не читали его книг и не знали многих писателей, его современников, – тем не менее, оставался единственной силой, что питала еще его жизнь, что вдохновляла и давала почву его угасающему творчеству.

Петербург вверг его в прежнее уныние. В декабре того же года, сознавая некую неопределенность своего положения, Мамин пишет сестре о надоевших юбилеях литераторов: только Короленко, по его словам, раз пять чествовали в разных формах. «Все литературное надоело до смерти... Я уже в стороне от российской словесности и стараюсь только быть самим собой».

В то же время газета «Уральская жизнь» от 28 декабря при подписке на 1904 год анонсирует очерки Мамина-Сибиряка – «Родная вода». Из поездок на Урал в 1903 году».

---

¹ РГАЛИ, Ф. 316. Оп. 1. Ед. хр. 68.

Его сердце принадлежало Уралу, и могло ожить только здесь, когда пришло его время, и творчество Мамина-Сибиряка смогли оценить по-настоящему. Видел бы он, знал бы, как ему отдавали должное на родной уральской земле. Одним из событий в этом плане стало учреждение Ассоциацией писателей Урала Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Основания для этого были далеко не формальными.

Создание Ассоциации в начале 2000-х годов и учреждение премии практически совпало по времени.

– В эпоху, когда перестало быть однозначным представление о нашем Отечестве как едином духовном и бытийном пространстве и о Москве как интеллектуальной и нравственной его столице, знаменитое утверждение Михаила Ломоносова о том, что «Могущество России будет прирастать Сибирью и Северным океаном» сегодня можно с полным правом дополнить – и Уралом, – говорит Александр Борисович Кердан, координатор Ассоциации писателей Урала, член Союза писателей России. – В то время и была создана наша Ассоциация, а в ее рамках в качестве нового проекта учреждена Всероссийская литературная премия им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Имя Дмитрия Наркисовича в кругу учредителей возникло первым и самым естественным образом, что объяснялось связью его творчества с историей Урала, и было обосновано приближающимся 150-летним юбилеем писателя.

– Задач у премии было несколько, и первая, – популяризация имени Мамина-Сибиряка, хотя, казалось бы, на Урале его популяризировать не надо, – продолжает Александр Борисович. – Он – наш классик. Однако хотелось, чтобы его образ для наших современников стал не только классическим, но и живым.

Вторая задача включала очень важный аспект. В 1891 году Дмитрий Наркисович уехал из Екатеринбурга в Санкт-Петербург. Ему посчастливилось жить и творить в одно время с такими известными российскими писателями как Толстой, Чехов, Куприн, Бунин, Горький. Но, к сожалению, он не оказался среди них в

одном ряду, в то время как на Урале он – «наше все». И премия его имени призвана напомнить столицам о том, что Мамин – это все-таки писатель первой величины. К тому же он был одним из немногих литераторов России, отразивших особенности зарождения и становления капитализма в стране. Как ни парадоксально, но тот описанный Маминым-Сибиряком сложный период российской истории конца XIX – начала XX века совпал по своей исторической аналогии с наступлением капитализма в России в 2000-х годах, то есть с моментом учреждения премии. Не правда ли, удивительное совпадение?

Среди ее учредителей – Союз писателей России, Ассоциация писателей Урала, администрации Свердловской, Челябинской, Тюменской областей, Пермского края, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Придание премии всероссийского масштаба способствует росту авторитета Урало-Сибирского региона, его деятелей литературы и искусства, а через их творчество – уральского характера. Возрождение духовности в пореформенной России было делом непростым как в XIX, так и в XXI веке. Премией имени Д.Н. Мамина-Сибиряка отмечают тех, кто продолжает нравственные традиции писателя.

С момента учреждения премии в 2002 году и до 2013-го лауреатами стали более восьмидесяти писателей. Чтобы подчеркнуть всероссийский статус награды и ее взаимосвязь со столицей, каждый год рассматриваются один-два номинанта, выдвинутые центральным правлением Союза писателей России. Думается, что Дмитрий Наркисович не был бы против такой позиции, в Москве у него было много друзей-писателей.

Среди лауреатов – достойные российские литераторы, многие из которых жили и живут в Уральском и Сибирском регионах. Среди них Владислав Крапивин, Алексей Решетов, Геннадий Бокарев, Сергей Борисов, Юрий Вэлла, Александр Родионов, Алексей Иванов.

Ежегодно премия вручается в ходе маминских дней, накануне Дмитриевской субботы и дня рождения Дмитрия Наркисовича. Созданная по принципу

«чаши круговой» с тем, чтобы предоставить возможность участвовать в литературном празднике поочередно всем территориям Уральского региона, она кочует по городам и весям вместе с очередной конференцией Ассоциации писателей Урала.

Закономерно, что впервые премия вручалась в Нижнем Тагиле. В юбилейный для Дмитрия Наркисовича год лауреатов чествовали на сцене Театра драмы его имени. Он был бы счастлив видеть такую замечательную публику на своем юбилее, где его имя явилось не только символом российской литературы, но и примером верности Уралу, стимулом к развитию творческой интеллигенции и поддержки лучших имен в литературе.

Первыми премию имени Д.Н. Мамина-Сибиряка – серебряную медаль с золотым напылением и выгравированным портретом писателя, на колодке с изумрудной лентой, разработанную поэтом-екатеринбуржцем Евгением Бунтовым, диплом и денежный эквивалент в 2002 году получили: Виктор Потанин из Кургана, Галина Слинкина из Ханты-Мансийска, Николай Денисов и Николай Шамсутдинов из Тюмени, Рустам Валеев из Челябинска, Евгений Пинаев из Екатеринбурга. Посмертно был награжден и екатеринбуржец, известный советский литературовед Иван Дергачев, внесший неоценимый вклад в исследование творчества Мамина-Сибиряка.

Во второй раз премию вручали в Висиме. Церемония состоялась в поселковом клубе в сопровождении местной художественной самодеятельности и запомнилась организаторам как одна из самых теплых и душевных. Что неудивительно – рядом маминский дом, его земля. Впрочем, его – вся уральско-сибирская земля, от висимского клуба до драматического театра в Оренбурге, от консерватории в Перми и до представления с дымковской игрушкой в кукольном театре Кирова. И ведь все это не чуждо Дмитрию Наркисовичу, ничто не вопреки ему. Всякое народное творчество его восхищало, любой талант вызывал уважение. А позиционирование родного края в таком широком масштабе

им, краеведом, несомненно, бы приветствовалось, как и привлечение внимания к творчеству писателей, живущих на этой земле. Очередь администраций территорий на проведение маминских дней выстроена на несколько лет вперед. В 2014 году эстафету очередной, пятнадцатой конференции ассоциации писателей Урала и литературного праздника принял Сургут, в 2015-м мероприятие пройдет в Новом Уренгое.

– Нельзя забывать, что Дмитрий Наркисович вырос в семье священника, – говорит Александр Кердан, постоянный вдохновитель и организатор маминских дней. – В 2014 году на церемонию награждения мы пригласили друга Ассоциации писателей Урала, члена Союза писателей и лауреата премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка – митрополита Тобольского и Тюменского Димитрия и Епископа Ханты-Мансийского и Сургутского Павла.

Что и говорить, ежегодно организовывать и проводить такой масштабный праздник – труд огромный. А разве мало трудился во благо российской литературы незабвенный Дмитрий Наркисович? И труд по организации маминских дней окупается тем зарядом, который дает Мамин-Сибиряк современным литераторам и читателям. Ведь праздник сопровождается встречами писателей с читателями в библиотеках, школах, вузах. И везде звучит имя Дмитрия Наркисовича. Наверное, теперь бы он не был в обиде на свою родину. Книги его на Урале не только издают и продают, но, что гораздо ценнее, – читают.

Когда отъезжающих на очередные маминские дни спрашивают: «Ты куда?», в ответ часто звучит: «Я к Мамину-Сибиряку». Значит, жив и ждет...

14.

...Город Пушкин, бывшее Царское село. Здесь семья Маминых прожила двенадцать лет. И сегодня, ступая по его улицам, гуляя по аллеям и паркам, трудно представить, что кто-то ежедневно живет среди такого благолепия, созданного природой и руками

человека. Только в таком великолепном месте можно было писать, слагать стихи, воспевать природу. Да, что говорить сама русская поэзия создавалась здесь, в стенах Царскосельского лицея, откуда вышли Пушкин, Пущин и Кюхельбекер. Здесь приступил к работе над своим фундаментальным трудом «История государства Российского» Карамзин и нес службу корнет гусарского полка Лермонтов. «Осенней поздней порою / Люблю я царскосельский сад» – писал Тютчев, и служил в «Царскосельском военно-санитарном поезде № 143 имени ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны» будущий поэт Сергей Есенин. Целая плеяда поэтов и писателей создавала здесь бессмертные строки русской и советской классики. «Здесь столько лир повешено на ветки» – эти слова из стихотворения Анны Ахматовой могли бы послужить эпиграфом к рассказу о литературных памятных местах города Пушкина», – пишет во вступлении к своей книге «Город муз», где одна из глав посвящена и Мамину-Сибиряку, автор Галина Бунатян¹.

Сто лет назад ходил по этим дорожкам, паркам и скверам и Дмитрий Наркисович Мамин. Быть может, не столько романтика, сколько необходимость привела его в Царское село, которое стало для него и большой Аленушки не просто пристанищем, но и источником творческого вдохновения. Здесь он закончил писать романы «Хлеб» и «Черты из жизни Пепко», создал массу детских рассказов и сказок, множество статей для газет.

Удивляет и по-настоящему волнует тот факт, что в городе, так богатом на литературные имена, Центральная районная библиотека носит имя Д.Н. Мамин-Сибиряка. Найти ее просто – в зеленом квартале раскинувших кроны деревьев, на улице Малой, в доме под номером 20, недалеко от того места, где раньше жил Мамин.

Директор библиотеки Вера Владимировна Бобина встречает нас очень радушно. И вместе с ведущим библиографом, руководителем краеведческого клуба

---

¹ Бунатян Г. Город муз. Л.: Лениздат, 1975.

«Отечество» Татьяной Николаевной Ястребовой раскрывает папки и подшивки разных лет районной газеты «Вперед» с материалами о жизни и творчестве Дмитрия Наркисовича в Царском селе. Вместе рассматриваем «Атлас города Царского Села», репринтное воспроизведение издания 1857 года, и находим те дома, где жил писатель. До наших дней сохранилось немного, город сильно пострадал во время Великой Отечественной войны. И слава его жителям, в буквальном смысле, поднявшим его из пепла и восстановившим из руин в соответствии с историческим лицом, воскресившим его дворцы и соборы, парки и музеи.

Вооружившись подаренными копиями карт из атласа, мы отправились знакомиться с местностью, где жил писатель. Хочется узнать, что было и стало там теперь.

На Соборной площади поднимается ввысь восстановленный в 2010 году Екатерининский собор, существовавший здесь с 1840 года. И в начале XX века при соборе в двухэтажном доме на Колпинской улице, где одно время жил Мамин, располагалась Екатерининская церковноприходская школа, в ней бесплатно обучалось 180 учеников. Недалеко Гостиный двор, здание, дошедшее до наших дней, которое было открыто в 1866 году. Фасад здания обрамлен арочной галереей, сложную композицию которой подчеркивают колонны тосканского ордера, оригинальный декор и мезонины. Центральный фасад и углы выходят на пересечение Московской улицы с Оранжерейной, где тоже жил Мамин, и Леонтьевской. Гостиный двор всегда выполнял свое назначение, здесь во все времена велась торговля. И здесь, конечно, не раз бывал Мамин.

Если быть точным совсем, то в 1894 году Мамины в Царском Селе жили на Колпинской улице, в доме Вуич, потом на Оранжерейной, в доме Бартолициус. Дом был деревянным, при нем флигель с мезонином, кузница и службы. В 1895 году в этом доме жил известный статистик, экономист и географ Дмитрий Иванович Рихтер – автор многих работ по экономическим вопросам, член Императорского Вольного эконо-

мического общества. Он, зная произведения Мамина, сам заводит с ним знакомство, и потом они дружат много лет. Дмитрий Наркисович ценил знания Рихтера в экономике и подолгу вел с ним беседы на экономические темы.

С 1902 по 1908 годы Мамины живут на спокойной Малой улице, в доме Никифоровых. Дом стоял в той части улицы, которая находится между Леонтьевской и Оранжерейной и был деревянный двухэтажный, с флигелем, службами и садом. До наших дней он не сохранился.

Хороший знакомый Мамина по Царскому Селу В.Варилье так описывает бытовой уклад семьи писателя в то время: «Какая-то угнетающая чистота и подчеркнутая опрятность бросались в глаза уже в передней: такой вид имеют не жилые дома, а образцовые клиники. И что-то больничное пропитывало все его жилище: полное отсутствие звуков, зря брошенных, как подобает в обжитом доме, вещей, какие-то священотрепетные движения прислуги. И сам хозяин, сидевший у окна с цветами, здесь совсем не походил на вольготно восседавшего за пивом вокзального завсегдатая»¹. Разумеется, создать такую безжизненную чистоту могла только врожденная немецкая педантичность и доходившая до фанатизма аккуратность Ольги Францевны. И больничную атмосферу она создавала под стать настроению Аленушки – человеку неуравновешенному, склонному к истерикам и меланхолии, попутчикам нервных заболеваний.

От этой «образцовой клиники» Дмитрий Наркисович сбегал на вокзал, в свою «абонированную ложу». Его часто видели одиноко сидящим в буфете за кружкой пива. «Кряжистая грузная фигура, полуседая голова, бледное, обрюзгшее стареющее лицо, и на этом лице сразу обращали на себя внимание глаза – большие, черные, удивительно молодые и яркие»², – с неизменной трубкой в зубах он подолгу оставался здесь, наблюдая вокзальную публику.

---

¹ Бунатян Г. Город муз. С. 212.

² Там же. С. 203.

А она была разнообразной. Ведь Царское Село не только было пристанищем муз, но и местом жизни царского двора. Министры, чиновники, гвардейские офицеры, ехавшие по делам в Петербург, говорили по-русски и по-французски. Мамин их не любил. Однажды, когда все это общество поезд унес в Петербург, а Мамин с Варилье засиделись за столом, писатель не сдержался и с раздражением произнес: «Эта человечья тля, полная вырождения, пропившаяся, проигравшаяся, не знающая и не желающая знать ни страны, ни народа...»¹.

Его монолог оказался неожиданно длинным. А когда еще один из собеседников, большой поклонник творчества Глеба Успенского, предложил повернуть дело так, чтобы убрать господ в бобровых воротниках, а на их место поставить их же денщиков, Мамин ничего не ответил, опустив ниже голову к кружке с пивом.

После некоторого молчания он заговорил о своих «Приваловских миллионах», которые ценит за то, что смог в романе подметить очень важную черточку – «все в семье бабой держится», а что могут удерживать эти барыньки, светлейшие да баронессы? Тут же кто-то из собеседников заметил, что умная и дельная женщина может и мужчину вывести на правильную дорогу. И тут Мамин опять не удержался:

– Ну, конечно! Все мы на бабьем поводе ходим, и велико счастье того, кому судьба по дороге дельную бабу в поводыри послала... Зато потерять ее да одному остаться – не доведись никому! – прибавил он каким-то осевшим голосом².

Одиночество не оставляло его никогда с тех самых пор, как не стало Маруси. Он и с Варилье, в общем-то, случайным знакомым, любил говорить только потому, что тот когда-то давно знал Марию Морицевну. «... За многие наши встречи ни разу не пришлось мне услышать от него про вторую жену и намека на теплые слова, какими он часто поминал покойницу»³, – вспо-

---

¹ Там же. С. 204.

² Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 150.

³ Там же.

минал Вარიлье. И мысленно возвращаясь в царско-сельский дом писателя, где однажды его навещал, он вновь испытывал то ощущение неестественного покоя и чистоты, от которых у живого все замирало внутри. Да и сам Дмитрий Наркисович был здесь совсем другим, с виноватой улыбкой, без тех лукавых усмешек, какими так расцвечивалась его беседа. Казалось, будто кто-то посадил белого медведя под стеклянный колпак, и он сам дивится непривольной обстановке, – это собственное выражение Вარიлье.

В привокзальном буфете собеседники были с Маминым редко. Чаще он сидел один. Просидев так за столиком в полном одиночестве час и другой, брал извозчика и ехал домой. Иногда его уединение нарушалось. Перед столиком появлялась фигура Ольги Францевны. С беспристрастным лицом она отодвигала кружку пива и выкладывала перед ним таблетки, которые необходимо было принимать в это время: нарушать порядок она ни в чем и никому позволить не могла.

Любимым местом прогулок Дмитрия Наркисовича был Екатерининский парк. Он особенно любил ходить туда ранним утром, когда не было вокруг никого. Как истинный пейзажист, он наслаждался этим дивным парком – его красками, неповторимыми линиями и ощущаемым простором. Он шел своим излюбленным маршрутом: через Лицейский сад, затем выходил к старому Екатерининскому парку, потом на берег Большого пруда, любуясь Чесменской колонной, установленной в самом его центре, затем к Камероновой галерее и отсюда к фонтану «Девушка с кувшином», воспетому Пушкиным.

И сегодня можно пройти этим маршрутом. Особенно здесь хорошо в выходной день, когда музей – Екатерининский дворец – закрыт, и редкие посетители осматривают только парк. Красота его ансамблей и сегодня производит потрясающее впечатление. А вокруг – такой простор! Пруды, луга, аллеи, такое все российское, родное. И какая гармония, и какой размах во всем, созданном природой и руками человека!

Д.Н. Мамин-Сибиряк в своем доме на Соборной улице. Историческая реконструкция. В роли Мамина-Сибиряка актер Камерного театра Объединенного музея писателей Урала Александр Бушуй. 2014 г.

Литературно-мемориальный дом-музей Д.Н. Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге расположен на улице Пушкина, 27, бывшей Соборной. Мамин-Сибиряк купил его в основном на гонорары за романы «Приваловские миллионы» и «Горное гнездо»: казалось, сбывалась его детская наивная мечта стать богатым человеком – писателем. 2014 г.

Детский новогодний праздник в литературно-мемориальном доме-музее Д. Н. Мамина-Сибиряка. В основе сценария – маминская «Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку». В костюмах сказочных героев – сотрудники музея. 2015 г.

*Интерьеры литературно-мемориального дома-музея
Д.Н. Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге. 2014 г.*

Алексей Ефремов в своей мастерской: «Для меня в творчестве также важен реализм, который исповедует Мамин-Сибиряк». 2014 г.

Картина Алексея Ефремова «Чердынь в сентябре». Чердынь и Ныроб описаны в очерке Мамина-Сибиряка «Старая Пермь»

Картина Алексея Ефремова «Ниж. Никольский храм»

Российские писатели в Перми во время вручения литературных премий имени Д.Н. Мамина-Сибиряка. В центре – один из авторов идеи премии, координатор Ассоциации писателей Урала Александр Кердан. 2005 г.

Дом в С.-Петербурге по адресу Саперный переулок, 8, на котором установлена мемориальная доска о том, что Д.Н. Мамин-Сибиряк жил здесь с 1891 по 1893 г. Окна квартиры, находившейся на первом этаже, выходили в этот внутренний двор. 2014 г.

Центральное здание Военно-медицинской академии в С.-Петербурге, где Д.Н. Мамин безуспешно учился с 1872 по 1875 г. До 1881 г. академия именовалась Императорской Медико-хирургической. 2014 г.

Камеронова галерея была задумана императрицей Екатериной II и создана английским архитектором Камероном. Здесь, среди бюстов античных богов и мыслителей, любил гулять Мамин-Сибиряк. 2014 г.

Этот дом М.Н. Раевского в Пушкине, бывшем Царском Селе, был построен в 1863 г. Мамин-Сибиряк жил неподалеку в деревянном доме, который не сохранился. Но можно представить себе писателя здесь на прогулке... Историческая реконструкция с актером Камерного театра Объединенного музея писателей Урала Александром Муратовым в роли Д.Н. Мамина-Сибиряка. 2014 г.

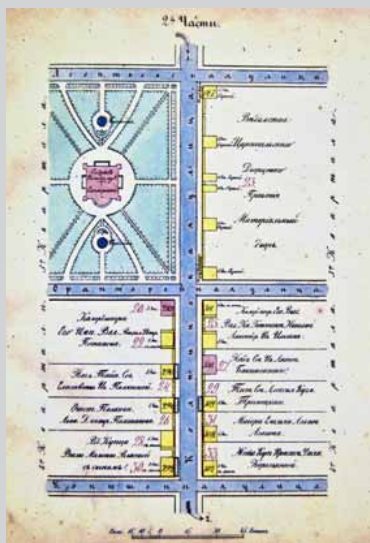
О скульптуре «Девушка с кувшином», выполненной П. Соколовым по мотивам басни Ж. Лафонтена «Молочница, или кувшин с молоком», Мамин-Сибиряк не раз рассказывал Алёнушке и своему племяннику Борису Удинцеву во время прогулок в Екатерининском парке. 2014 г.

Большой Екатерининский дворец в Пушкине. Здесь каждый уголок дышит историей. 2014 г.

В Царском Селе любимым местом прогулок писателя был Екатерининский парк, куда ему особенно нравилось приходить ранним утром, когда вокруг никого не было. 2014 г.

В «Атласе города Царского Села» 1857 г. можно найти те дома, в которых жил писатель, например, на Колпинской или Оранжерейной улице. К сожалению, время их не пощадило

Мемориальная доска подтверждает: мимо этого здания вполне мог ходить Мамин-Сибиряк. 2014 г.

Писатель жил когда-то совсем рядом. 2014 г.

В письме матери в 1891 г. Дмитрий Наркисович сообщал: «Интереснее всего мое знакомство с Репиным; у него я был в мастерской и он рисовал с меня для своей будущей картины «Запорожцы». Этот факт вдохновил самодеятельного художника, почетного гражданина Ирбита, ветерана Великой Отечественной войны и труда Анатолия Стихина на создание картины «Д.Н. Мамин-Сибиряк позирует И.Е. Репину»

Усадьба-музей И.Е. Репина «Пенаты» на берегу Финского залива имеет причудливую архитектуру: художник здесь постоянно что-то пристраивал и перестраивал. Когда-то это была Финляндия. 2014 г.

Те места в Финляндии, которые когда-то посещал Мамин-Сибиряк, и сегодня выглядят точно так же: справа страница очерка «Суоми» с иллюстрацией из журнала «Юная Россия» за декабрь 1909 г., слева – вид возле мельницы на Joutsenkosken – Лебединой реке. 2014 г.

Второй адрес Д.Н. Мамина-Сибиряка в С.-Петербурге, где дом сохранился до наших дней – №3 по улице Вереysкой. Здесь в квартире №16 его семья жила с 1906 по 1912 г. Окна его кабинета – два из четырех, обведенных рамкой на верхнем этаже на снимке 2014 г.

*Д.Н. Мамин-Сибиряк на лестнице дома № 3 по улице Верейской.
Его квартира вверху слева. Историческая реконструкция.
В роли писателя актер Камерного театра Объединенного
музея писателей Урала Александр Муратов. 2014 г.*

Та часть Волковского кладбища в С.-Петербурге, где находятся могилы известных литераторов, русских и советских писателей, музыкантов, актеров, архитекторов, ученых и общественных деятелей, называется «Литераторскими мостками»

Могила М.Е. Салтыкова-Щедрина, открывшего Мамину-Сибиряку путь в большую литературу, находится совсем близко от надгробия Дмитрия Наркисовича. 2014 г.

Памятник на могиле автора романа «Фрегат «Паллада»» И.А. Гончарова напротив могилы Д.Н. Мамина-Сибиряка. 2014 г.

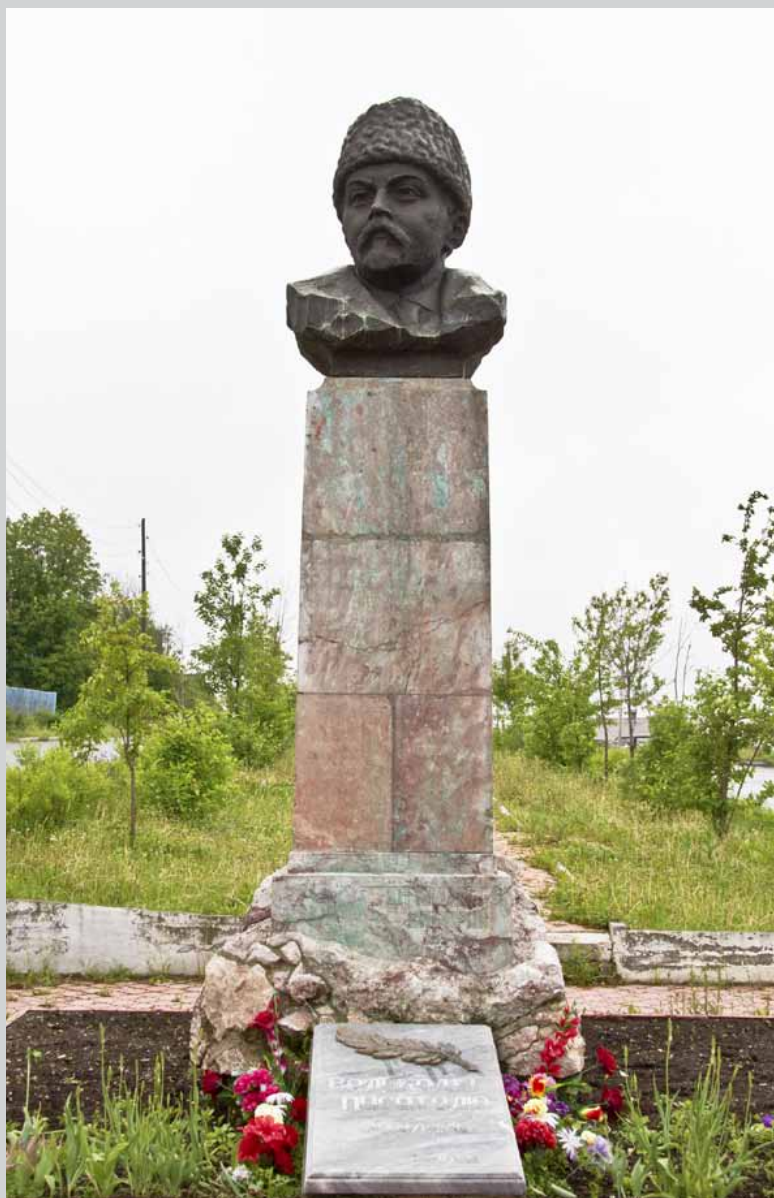
Могильная плита с именем Елизаветы Морицевны Куприной находится недалеко от могилы Марии Морицовны Абрамовой. 2014 г.

*Надгробие над могилой Д.Н. Мамина-Сибиряка и его любимых
Марии Морицовой Абрамовой и Алёнушки на Волковском
кладбище в С.-Петербурге. 2014 г.*

Памятник Д.Н. Мамину-Сибиряку на родине писателя в Висиме.
У подножья плита с надписью: «Великому писателю. Земляки. 1962».
Памятник скульпторов Ю. Клещевникова и В. Горохова установлен
к 150-летию со дня рождения писателя. 2014 г.

Камеронова галерея была задумана императрицей Екатериной II для прогулок. Создал ее английский архитектор Камерон. Она расположена на склонах холма, и ее колоннада служит своеобразным бельведером, откуда открывается прекрасный вид на Большой пруд и парк. Монументальная лестница галереи украшена двумя впечатляющими статуями Геркулеса и Флоры, отлитыми из бронзы.

В конце XVIII века на втором этаже галереи были установлены бронзовые бюсты греческих и римских богов, а также великих философов и мыслителей древности, выполненные в литейной мастерской Санкт-Петербургской Академии художеств. Здесь Минерва, Афина, Марс, Сократ, Аристотель, Сенека и многие другие. Среди них Екатерина любила гулять и размышлять. Мы, тоже проникнувшись духом просвещения, прошли по галерее. А потом, минуя Большой пруд, вышли к «Девушке с кувшином», где нельзя не вспомнить пушкинские строки:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Статуя исполнена скульптором Соколовым на сюжет басни Лафонтена «Молочница, или кувшин с молоком» и установлена в парке в годы учебы Пушкина в Лицее.

Обо всем этом Дмитрий Наркисович рассказывал Аленушке и своему племяннику Борису Удинцеву, когда неоднократно водил их на экскурсию по своему любимому маршруту. Потому в будущем Борис Дмитриевич Удинцев будет хорошо знать этот архитектурно-парковый ансамбль.

Раненые дубы. Огромные, ни за что не обхватишь, явно пережившие не одну войну, их поврежденные стволы скреплены огромными металлическими скрепками, а крону – глазами не обвести. Листва шумит где-то высоко-высоко...

Цветет сирень. Серебрится на солнце трава на ровных, словно по лекалу вычерченных газонах, перека-

тывается волнами на диких лугах, разделяющих парк на разные участки. Насытиться этим раздольем невозможно. Ходить можно часами без усталости...

Мамин многое готов был простить августейшей императрице, которую особо не жаловал, за этот парк и дворец. Только здесь, на этих просторах, он мог оставаться самим собою, размышляя о литературе и судьбе отечества.

Как-то в утренней час он встретил здесь Варилье. Поздоровался и вздохнул полной грудью:

– Хорошо! Ах, как хорошо! И все же, все – не то, что у нас за Уралом. Кто не видел Камы и Чусовой, уральских лесов, тот не знает истинной природы. И люди там живут под стать ей – крепкие, цельные, не чета местному народишку. Вот похожу так и только расстроюсь, что там жить не могу.

На что собеседник ему заметил:

– Почему же не жить? Писать вы можете хоть где, и присылать рукописи в издания.

– Нет, жить я там не могу, – попытался объяснить Дмитрий Нарскисович. – Сибирская жизнь кондовая, веками устоявшаяся и на версту в землю корнями ушедшая. Пока с нее не снимут цепей, какими ее заковали, поворачивается она медленно, и поэтому про нее писать я могу и здесь: воспоминаний да прежних встреч на мой не больно-то длинный век, авось, хватит. А здесь, хотя и больное, а все-таки сердце, и бьется оно быстро, даже, пожалуй, слишком быстро.

Он все еще надеялся, что сможет разобраться в бурлящих в столице событиях, уловить ускользающую, словно сквозь пальцы, истину, что сможет написать еще что-то важное, большое и значимое. Хоть и утешал себя тем, что благодарнее детской литературы нет ничего, но в душе оставался публицистом и реалистом. И все еще мечтал о своем самом важном слове в литературе, которое вот-вот скажет (этим грезит, наверное, каждый автор), и с огромной болью переживал уход из жизни тех писателей, что составляли его круг. Поколение уходило. Даже Чехова он относил к

«молодым», но еще своим. Менялась литература, как и в целом все менялось вокруг, а он еще не мог, не хотел смириться с этим.

В Царском Селе у него был свой круг, свое общество. Еженедельно по воскресеньям он ездил к доктору Степану Сергеевичу Жихареву, хорошо знавшему русскую литературу. Дмитрий Наркисович любил писать в оживленной обстановке кабинета Жихарева фельетоны для «Русских ведомостей».

Среди новых знакомых – педагоги Мухины и семья преподавательницы французского языка Мариинской гимназии Юлии Евгеньевны Нольде, интересной, много путешествовавшей и видевшей женщины. Одна из старожилов Царского Села Александра Семеновна Волгина вспоминала: «В 1904-1905 годах я была приглашена на семейный вечер к Юлии Евгеньевне Нольде... Меня познакомили с очень полным мужчиной, который плохо слышал и пользовался слуховым аппаратом. Это и был Мамин-Сибиряк»¹.

По-прежнему иногда приезжают к нему Михайловский, Южаков, Потапенко, чаще других бывает Денисов-Уральский, с которым Мамина объединяет неугасаемая любовь и интерес к Родине.

15.

Новый 1904 год наступал невесело. 11 января Мамин сообщал матери из Царского Села: «... *Последняя наша новость: закрытие технического съезда. Съехались со всех концов России техники, чтобы поговорить о своих технических делах, устроили свою выставку, а начальству не понравилось, – оно закрыло съезд в самом начале, да и выставку по пути... В первых числах января прикрыли навсегда новую газету «Русская земля», которая просуществовала ровно четыре дня... Это называется по-турецки свободой слова...*»².

Но главная всеобщая беда была еще впереди, в ночь

---

¹ Бунатян Г. Город муз. С. 213.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 389.

на 27 января (по старому стилю) японские корабли совершили нападение на корабли российской эскадры в Порт-Артуре. Так началась тяжелая для России русско-японская война, повлекшая за собой многие политические и экономические последствия. В Петербурге теперь все только говорили и писали о войне. Но, как говорится, беда одна не ходит – 28 января скончался Николай Константинович Михайловский. Мамин в это не мог поверить. И свое состояние, вызванное этой смертью, описал в очерке «Погибельный Кавказ». *«...Глядя на него в Кисловодске, кто мог бы подумать, что дни этого замечательного человека уже сочтены... и меньше всего думали об этом мы, его друзья и близкие знакомые, как это всегда случается с близкими людьми...»*¹.

Как проходили похороны видного литератора и публициста точнее, чем это описано в полицейском рапорте, описать сложно.

«Сегодня в 11 ч. утра последовал вынос тела скончавшегося 28-го сего января писателя Н.К. Михайловского из его квартиры в д № 5 по Спасской улице в Спасо-Преображенский собор, а в 1 ч. дня вынос тела покойного из названного собора на Волково кладбище для погребения. К заупокойной литургии и панихиде собралось до 5000 публики, преимущественно студентов и курсисток высших учебных заведений столицы, которые в ожидании выноса тела расположились на Спасской площади...

...Венок с красными лентами «Борцу за общественное самосознание во имя светлого будущего от интеллигентного пролетариата» ...венки с голубыми лентами «Неутомимому защитнику народного права от общества горных инженеров».

При опускании тела в могилу было произнесено множество речей, в том числе были произнесены речи известными писателями: Короленко, Маминым-Сибиряком и Анненским, причем последний закончил свою речь словами: «Да здравствует политическая свобода».

Во время погребения толпа держала себя чинно: от-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 2-х т. Т. 2. С. 327.

дельные попытки к пению русской «Марсельезы» были немедленно прерываемы шиканьем студентов и возгласами: «Господа, не время!»¹.

Поминки проходили в кафе «Капернаум», где писатели часто собирались вместе. И здесь Дмитрий Наркисович произнес длинную и трогательную речь. Нет больше Михайловского, его разум отказывался верить в это... Почва уходила у него из-под ног, рушилась основа, что держала его в литературе.

А вскоре война коснулась его непосредственно и лично. В начале февраля Лиза Гейнрих добровольно попросилась сестрой милосердия на Дальний Восток. Мамин не на шутку был встревожен, уговаривал ее отказаться от этого поступка, препятствовал ее отъезду всеми возможными путями. Но Лиза выбрала свой путь. От Общины святого Евгения было пять человек, и Лиза в том числе. Мамин провожал ее на Николаевском вокзале. Проводы уезжающих на фронт были торжественными: играла музыка, развевались флаги. А он с суетной озабоченностью осматривал вагон, в котором отправлялась Лиза, и внешне остался доволен: все предусмотрено. После отхода поезда взволнованный Дмитрий Наркисович говорил о Лизе с Фидлером с отеческой нежностью и трогательной озабоченностью. Он чувствовал себя разбитым и переживал свою вину перед ней. А потом запил, понимая, что, если что-то случится с Лизой, он этого себе никогда не простит.

И он недалек был от истины. Поездка на фронт оказалась очень тяжелой. Поезда были переполнены. В Иркутском тоннеле поезд, в котором ехала Лиза, потерпел крушение. Первые раненые, первые убитые – все на глазах молоденьких сестер милосердия, все на их руках.

На ее долю выпало немало. Длинная дорога на ледоколе по Байкалу, Харбин и бои под Мукденом, помощь больным тифом и дизентерией солдатам в обстреливаемых поездах. В редких письмах Дмитрию Наркисовичу она сообщала о том, что жива...

А он, несмотря на постоянную работу, написание

---

¹ ГАРФ, ДП ОО, Ф. 1904., оп. 232, д. 440.

статей для газет и детских журналов, был в плену горьких мыслей и не видел, не понимал, куда идет Россия и что дальше ее ждет. Кажется, все выводит его из себя.

Тяжело переживает Дмитрий Наркисович обострение болезни Чехова. И жалуется матери в письме от 11 мая: *«Вот бедняга Чехов, совсем умирает, а дураки доктора отправляют его умирать еще за границу, где он не найдет таких удобств, как дома»*. А уже 7 июля 1904 года пишет Анне Семеновне: *«Плачу горько, как еще не плакал с тех пор, когда прощался с Марусей. Никто не заменит Чехова, никто!»*¹

Ушел и Чехов... Нет Михайловского и Давыдовой.

В день своего рождения 25 октября 1904 года он вновь говорит с матерью в минорном тоне. *«Милая, дорогая мама! Сегодня мне исполнилось 52 года. Новость не особенно приятная... Если бы мне предложили еще раз появиться на свет, я самым вежливым образом бы отказался... Вчера получил поздравительную телеграмму из Харбина, от Лизы. Жива и здорова. Скверно только, что она заведует перевозкой тифозных больных, а не раненых... по моему мнению Лиза может уцелеть в этом аду только чудом... Новостей у нас нет. Разговоры о новых веяниях считаю пустяками, ибо никакую свободу даром не дают, а надо ее взять. Я состарился в ожидании этой свободы и теперь смотрю вперед без всякой надежды ону увидеть»*².

Настроение его не меняется до конца года. Его преследует неверие в политику, боязнь поражений в войне, леденящий страх за Лизу. Даже постоянное сотрудничество с «Детским чтением» превращается для него теперь больше в обязанность, чем в удовольствие. Хотя слог он еще не теряет, и Тихомиров в письмах его часто и тепло благодарит за детские рассказы.

В начале декабря он пишет сестре: *«...О политике ты знаешь из газет, а нового ничего сообщить не могу. Бог знает, что только делается. Я вообще не люблю политики, а поэтому чувствую себя совсем скверно...*

---

¹ Галеева Р. «Никто не заменит Чехова! Никто!» // Литературный квартал. № 5. 2009-2010.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 390.

Если бы я был человеком обеспеченным, то убежал бы за границу, хоть и стыдно бежать от своей семейной беды. Ничего не остается, как ждать, когда все успокоится»¹.

9 декабря он жалуется матери на нервы, ссылаясь на то, что в течение тринадцати лет петербургской жизни ни одного лета, в общем, не отдыхал, и теперь приходится за это расплачиваться. «Да и вообще человек, напечатавший более 1000 печатных листов, не может рассчитывать на крепкие нервы», которые под воздействием всего происходящего только больше расшатываются. В очередном письме от 12 декабря опять пытается анализировать происходящее: *«Дома новостей никаких нет. Все по-старому. По части внутренней политики говорят очень много, но разобратся в этих разговорах трудно. Как будто что-то такое и будет и как будто ничего не будет. Во всяком случае, несчастная для нас война всколыхнула всю публику. Забывают только одно, что от власти люди отказываются только в крайних случаях, а наши правящие классы еще постоят за себя, тем более, что для них власть связана помимо привилегированного положения с деньгами...»²*. Такое настроение усугубляется переломом лучевой кости левой руки, положившим начало целой череде болезней, первой из которых стал острый суставной ревматизм.

Удручающее настроение этих серых дней скрашивают сказки, которые он пишет для детей. Тогда душа его снова оживает, фантазия расцветивает сюжет, раскрывая перед маленьким читателем траву-мураву с лазоревыми цветиками, каменные горы и широкие реки, дремучий лес с огненными цветами папоротника. Сказочный язык Мамина легок и быстр, как русский богатырь, несущийся на своем коне, как ветер, сопутствующий его победам над злом. Одно из таких замечательных произведений, «Сказка про славного

---

¹ Из письма Д.Н. Мамина Е.Н. Удинцевой от 2 декабря 1904 г., Царское Село. Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина-Сибирика (из фондов ОМПУ).

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 391.

царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку», было издано в 1904 году в издательстве Тихомирова. И, как уже было здесь принято, вышло в двух изданиях – дешевом и дорогом, проиллюстрированном известным художником Николаем Дмитриевичем Бартрамом. Один из экземпляров подарочного издания был преподнесен жене с надписью: «Августейшей, любезной супруге Ольге», а второй – «Многолюбезному племяннику и крестнику Борису Удинцеву».

Сказка о царе Горохе хоть очень интересная, но не совсем безобидная, в отдельных моментах повествования близкая к сатире: *«Войска у царя Гороха было достаточно, воеводы были отличные, и все рады были повоевать. И весь народ тоже был рад войне. Может быть, и самих побьют, а все-таки рады!.. Счастливо воевал царь, ничем не брезговал и брал дань всем, что попадало под руку... Все поданные очень его любили за этот обычай, – чужая каша всегда слаще своей и чужим веником лучше париться!»*¹

Как в этих строчках не увидишь и явления нынешних дней! В связи с такой узнаваемостью первый вариант сказки Барсков, редактор журнала «Детский отдых», куда сказку сначала направил Мамин, отказался ее публиковать. Тихомиров в этом плане был более стоек.

Через 110 лет после выхода сказки о царе Горохе отдельным изданием к ее содержанию обратились сотрудники Дома-музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге, чтобы написать сценарий для новогоднего представления, которое ежегодно проводится в музее для детей. И праздник удался на славу! Вокруг большой, пушистой елки, ярко украшенной гирляндами и игрушками, царь Горох вместе со своей царицей Луковной и дочерьми Кутафьей и Горошинкой, играли с детьми и пели, проводили конкурсы и угадывали сокровища в кладовой царя, читали стихи и гадали у рождественской свечи.

Добрая атмосфера праздника, проникнутая любовью к детям и книге, поддержана была в лучших тра-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 2-х т. Т. 2. С. 218.

дициях просветительства начала XX века, за которые так ратовал Дмитрий Наркисович. В качестве подарка каждый участник маминской елки получил сладкий волшебный мешочек и богато иллюстрированную книгу – дети младшего возраста «Аленушкины сказки», те, что постарше – «Сказку про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку».

16.

Жаль, что жизнь нельзя было превратить в сказку со счастливым концом. Это только в сказке война могла быть красивой, а царь – славным и доблестным. Грандиозная стачка рабочих в Петербурге с массовыми жертвами и отказе рабочих в помощи интеллигенции в январе 1905 года вызвала большое беспокойство среди жителей столицы. Переживали все. Дмитрий Наркисович думал о том, как это отразится на социальном делении в обществе, на «злосчастной» прессе, и о том, в какой угол ее теперь загонят.

С каким-то раздражением и полным неверием в происходящее он пишет матери в апреле 1905 года из Царского Села: *«Ждем конституции или чего-то подобного, хотя я думаю, все это – одни мечтания. Я (лично!) не верю в русскую Конституцию и ничего от нее не жду. Ведь люди останутся все те же. Одолело нас наше собственное невежество... Не говорю уже про простой народ, и даже наша интеллигенция в гражданском смысле ничего не стоит...»*¹

Самым тяжелым ударом для литературного мира в плане этого невежества стал разгром 13 декабря 1905 года печатной фабрики Сытина. Мамин был вне себя. Он не понимал такой революции и такого освободительного движения, когда рушат типографии, печатающие книги для народа.

Иван Дмитриевич Сытин был не только книгоиздателем, он был настоящим просветителем своего време-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 392.

ни. Его типографии печатали произведения Толстого, Лескова, Короленко, Гаршина, Мамина-Сибиряка, которые продавались по доступным ценам. Он был составителем «Всеобщего календаря», который стал для многих российских семей универсальным справочным пособием и выходил миллионными тиражами. С 1890 года Сытин был членом Русского библиографического общества и издавал журнал «Книговедение». С 1891 года он приобрел журнал «Вокруг света» и выпускал его. А впоследствии – и газету «Русское слово», которая была самой дешевой и доступной из ежедневных изданий. К тому же печатная фабрика Сытина давала сотни рабочих мест. И вот она с варварской жестокостью разгромлена, разграблена, уничтожена. «Это и есть революция? Во имя чего?..» – задавался вопросом Мамин. 13 декабря 1905 года он писал в письме Анне Семеновне: *«...По нынешним временам говорить о будущем трудно: день прошел – и слава богу... Сегодня прочел телеграмму из Москвы об уничтожении печатной фабрики Сытина – это уже прямо касается и меня, то есть моих изданий у Сытина. А фабрика была первая в России и стоила миллион рублей...»*¹

В поддержку близкого ему человека, коим был для него Иван Дмитриевич, Мамин в тот же день пишет: *«...С искренним прискорбием сегодня прочел телеграмму о разгроме твоей печатной фабрики. Давно ли открывали ее и радовались! Делается что-то совсем невероятное. Куда денутся эти тысячи рабочих людей, которые находили у тебя кусок хлеба! Откуда такая слепая злоба, недовольство и жестокая несправедливость! Желаю тебе сил и здоровья, душевной твердости и изыскать возможность продолжить твою благородную деятельность. Но в том, что произошло, виноваты и все мы: люди, которые произвели разгром фабрики, не понимают ее значение. Это все ужасно»*².

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 393.

² Из письма Д.Н. Мамина И.Д.Сытину от 13 декабря 1905 г., Царское Село. Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина-Сибиряка (из фондов ОМПУ).

Осознавая, что Россия переживает период безвременья, поддерживать такую революцию Мамин не мог и не хотел. Связывал некие надежды с наступившим 1906 годом, который обещал дать парламент и кое-какие свободы. И даже записался в Конституционно-демократическую партию, одну из самых крупных либеральных партий России, но в этом качестве никак себя не проявил. Более того, 23 июня 1906 года в «Новостях и Биржевой газете» была опубликована статья бессменного обозревателя, заведующего литературным отделом этого издания Александра Александровича Измайлова, в которой автор пишет о разделении писательской среды на два лагеря. Один лагерь «метит современный день», то есть отражает революционные течения, другой «молчит». К молчащим Измайлов отнес М. Альбова, Лугового, Вл. Тихонова, Мамина-Сибиряка, Гнедича, Вересаева. Уходило их время, а новое они не принимали, и оно отторгло их. Почти физически. 19 ноября 1906 года скончался Виктор Александрович Гольцев, с которым Дмитрий Наркисович совместно работал четверть века.

Общее ли настроение этих дней или болезнь сказались на решении Мамина, но 29 августа 1905 года он собственноручно составил духовное завещание следующего содержания: *«Во имя Отца, и сына, и Святого духа. Я, нижеподписавшиеся, находясь в здравом уме и твердой памяти, составил это завещание на случай моей смерти. Все свое движимое и недвижимое имущество в чем бы оно не заключалось завещаю в полную собственность жене моей Ольге Францевне Маминой, в чем и подписываюсь. Потомственный почетный гражданин Дмитрий Наркисович Мамин. Царское село. 1905 г. августа 29 числа. При составлении присутствовали трое свидетелей. Двое – статские советники и священник»*¹.

К моменту написания этого завещания все дела, как домашние, так и издательские вела Ольга Францевна. Она контролировала всю переписку мужа, ведала всеми почтовыми отправлениями, строго следила

---

¹ РГАЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Ед. хр. 128.

за изданием его произведений, ведя своего рода собственную бухгалтерию.

В специально заведенную для этого тетрадь она четким почерком вносила записи, начиная с 1903 по 1909 год. Педантичный подход Ольги Францевны к ведению издательских дел своего мужа позволяет нам сегодня судить о степени его популярности у издателей, о том, какими тиражами и как часто выходили его книги.

В этих записях Ольга Францевна самым скрупулезным образом вела расчеты за опубликованные произведения в журналах, газетах и отдельных изданиях. Она четко фиксировала остатки за прошлый год, переносила их и учитывала. Суммы получались внушительные. Например, выведенный ею счет по публикациям в журнале «Юная Россия» за 1907 год, где были напечатаны с 1 по 4 части «Волчьей пади», «Наполеон» и «Нечистая сила», составил 703 рубля из них 171 рубль – остатки за прошлый год.

Счет за отдельные книги того же 1907 года составил 7002 рубля 64 коп., при этом дописаны снизу остатки с прошлого года – 2203 руб. 23 коп. Среди изданий – «Зарницы» 5-е издание, «Рассказы и сказки» т.2 – 2-е издание, «Аленушкины сказки» – 7-е издание, «Последняя треба» – 2-е издание, «Серая шейка», «Ак-Базат» – 2-е издание.

Подробно Ольга Францевна учитывала все статьи расходов в издании каждой книжки, учитывая авторский гонорар, клише, чтение корректуры, брошюровку, обложку, рекламу и обязательно указывая счет, например, «по счету Григорьева». А также процент скидки книготорговцев.

В этой же тетради в отдельный список внесены названия сочинений Мамина-Сибиряка, изданных в 1892-1907 годах, количество их экземпляров и фамилии издателей, что, несомненно, сегодня представляет большой интерес. Показателен даже фрагмент этого учетного списка.

«Сибирские рассказы» т.1, 1894 г. 2400 экз. Издатель Ефимов и Ключкин; **Т. 2-4** Издатель Ефимов.

«**Упрямый козел**», 1894 – 1300 экз, издатель Голубовский; 1903 – 4200 экз, 1906 – 5200 экз., издатель Тихомиров.

«**Приемыш**», 1899 – 5000 экз., «Издатель»; 1903 – 10 000 экз., Тихомиров.

«**Васька Забалуй**», 1899 – 5000 экз., «Издатель»; 1903 – 10 000 экз., Ефимов.

«**По Уралу**», 1899 – 3000 экз., 1903 – 3000 экз, Тихомиров.

«**Аленушкины сказки**», 1896 – 3200 экз., 1898 – 3600 экз., (2-е изд.), 1899 – 1200 экз., (3-е изд.), 1900 – 3300 экз., (4-е изд.), 1902 – 5300 экз., (5-е изд), 1903 – 5000 экз., (6-е изд.), и еще в этом же году 3200 экз., (7-е). Издатель Тихомиров.

«**Золото**», 1894 – 2300 экземпляров, Ефимов, 2-е изд.

«**В худых душах**», 1903, издательство «Донская речь», 12 000 экз.

«**Озорник**», 1899 – 10000 экз., Ключкин.

«**Башка**», 1901–10 000 экз., «Русская мысль».

«**Савка**», 1899–10 000 экз., «Издатель»; 1903 – 10 000 Ефимов.

«**Аленушкины сказки**», 1907, 300 экз., 8 изд, Тихомиров,

«**Бойцы**», 1908 – 6000 экз., Сытин.

В 1910 году десятитысячными тиражами в издательстве Ефимова вышли «**Постойко**»

(3-е изд.), «**Приемыш**» (3-е изд.), «**Исповедь**» (3-е изд.), «**Старый воробей**» (2-е изд.)¹. Как мы видим, самыми востребованными были произведения для детей и рассказы.

17.

Иногда Дмитрий Наркисович Мамин один или вместе с Аленушкой отдыхал в Финляндии. Об этом свидетельствуют его письма разных лет родным и друзьям из Мустамяк, Куоккалы, Келломяк, Гангё. Путешествовал он по Финляндии в разное время года. В письме

---

¹ РГАЛИ. Ф. 316. оп.1. Ед. хр. 127.

Анне Семеновне от 1 октября 1903 года писал из Куоккалы: «...Я люблю осень, потому что в это время лучше всего работается и лучшие весенние стихотворения поэтами пишутся именно осенью. Я стихов не пишу, но и проза лучше пишется тоже осенью. Работы у меня много, но горло и все срочная»¹.

Недалеко от Келломяк, где Мамин жил на даче летом 1904 года, в Усекирке – на своей даче жил Алексей Козьмич Денисов-Уральский. Они часто встречались и общались с Дмитрием Наркисовичем: в эти дни художник лепил бюст писателя. Их душевная и творческая привязанность со временем все больше крепла. Росло взаимное уважение.

Мустамяки, Куоккала, Келломяки, Усекирка находились на Карельском перешейке, но Мамин отдыхал не только здесь, а любил путешествовать и в глубь Финляндии. Он был в Гельсингфорсе (современный Хельсинки), считая его удивительно красивом городом. И мечтал объехать всю страну, вызывающую у него большой интерес.

Впечатления от путешествий по Финляндии описаны им в нескольких произведениях, опубликованных в разных изданиях. В 1906 году в седьмой и восьмой книгах «Юной России» – очерк «По варяжскому морю», в октябре в газете «Русские ведомости» – рассказ «Трататон», в декабре 1909 года в «Юной России» – очерк «Суоми. Из летних экскурсий».

Мамин всегда любил север. В 1896, 1897 и 1898 годах он был в Эстонии, где работал над очерком о Нарве. Его восхищала строгая красота северной природы. Он чувствовал себя на севере своим, и север принимал его. В произведениях о Финляндии он снова – путешественник, тонко подмечающий все особенности края, этнографические черты, бытовые оригинальности и своеобразие природы, и, как всегда, передает его живописно.

Очерк «По варяжскому морю» – изумительный по

---

¹ Из письма Д.Н. Мамина А.С. Маминой от 1 октября 1903 г., Куоккала. Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина-Сибиряка. Из фондов ОМПУ.

художественной красоте и публицистическому богатству, дает полное представление о древнем пути из варяг в греки, по которому удалось пройти автору на судне «Промерный» под командованием капитана – настоящего «морского волка», типичного старого русского моряка, с целью изучения фарватера в шхерах.

Описание путешествия начинается с курзала в Гангё, где, наблюдая за общением детей, автор отмечает особенности людей разных рас, национальные привычки и предвзятости. И тут же знакомит нас с городом: *«Гангё – одновременно является и коммерческой, и военной гаванью, причем главным источником жизни служит сбыт местных продуктов сельского хозяйства. В будущем, по всей вероятности, именно здесь вырастет громадный торговый порт, как живой ключ для всей Финляндии»*¹. Представив Финляндию как страну, имеющую выход к морю, Мамин обозначил тему дальнейшего повествования – поход на судне по морскому пути, изучение особенностей края и людей, его населяющих. Но, чтобы представить и край, и людей, прежде всего надо почувствовать море. *«Море всегда на меня производило гипнотизирующее впечатление, как сон наяву... Холодное северное море не играет всеми цветами радуги, как моря на юге, но в нем есть своя таинственная прелесть, своя суровая поэзия, и в нем невольно чувствуется какая-то затаенная сила. А оно охватывало нас все шире и шире с каждым шагом вперед, – море древних викингов и конунгов, море, воспетое скандинавскими скальдами, то море, которое носило на себе корабли древних норманнов и варягов. Сколько поэтических саг выросло на его берегах, величественных и строгих, как эта суровая северная природа... И само море – живая сказка, таинственная и неудержимо влекущая к себе»*².

Но не меньшей интерес, чем природа, вызывает у автора-путешественника и быт корабельной команды. Очень выразительно описан им морской борщ –

---

¹ Мамин-Сибиряк Д. По Варяжскому морю // Юная Россия. 1906. № 7.

² Там же.

кушанье единственное в своем роде, своеобразный гибрид обычного супа, щей и борща. На закуску – салака собственного приготовления. Принцип капитана «ешь просто, проживешь лет сто» близок Мамину своим демократизмом, как и «полная желудочная равноправность» между командой и капитаном и вечерняя молитва в общей матросской каюте: *«Матросы охотно пели и молились с той усердной простотой, с какой молится простой русский человек»*¹.

Бесчисленные островки архипелага словно вырастали из-под воды при каждом повороте судна. И давали автору все новую и новую пищу для собственного исследования и размышлений. Он невольно возвращался к знаниям о «великом пути из Варяг в Греки», о котором писал древний летописец. *«Этот военный путь, повитый радужной дымкой поэзии скандинавских скальдов и благочестиво отмеченный первыми русскими летописцами, имел для нашей родины решающее, историческое значение... Да, этим широким путем вливалась в безграничные равнины тогдашней Руси высшая европейская культура, служившая дополнением и противовесом византийщины, надвигавшейся с юга»*². Путешествуя по Финляндии, Мамин неотступно думал о России, и всю заграницу видел с точки зрения полезности ее русскому человеку. И в философских рассуждениях о вечности, к которым располагало его море, он оставался самим собою: *«... это бледное северное море так красиво роняло свои серебристые звезды в тихо шевелившуюся и тихо шептавшую морскую глубину... Вечная тайна неба и вечная тайна земли, которую умел слышать и понимать только ветхий человек, веривший в «музыку сфер»... И человек является только ничтожным атомом среди этой вечно движущейся вечности, жизнь которого – мгновенье, а смерть – только переход к другой форме существования»*³.

¹ Мамин-Сибиряк Д. По Варяжскому морю // Юная Россия. 1906. № 7.

² Мамин-Сибиряк Д. По Варяжскому морю // Юная Россия. 1906. № 8.

³ Там же.

В несколько иной форме написан рассказ «Трататон» – о русском рабочем, мужике-чудаке, попавшем в Финляндию, любившем без умолку говорить о своем – о реке Оби, о Сибири, не знающей тесноты, о том, что жить надо по правде, о чухонцах... Современный читатель должен понимать, что слово «чухонец» в данном случае не является оскорбительным или унижительным прозвищем: так в то время называли финнов. «Чухонец», «чухонка», «чухонское» часто встречаются и в другом очерке Мамина – «Суоми», что в переводе значит «Финляндия».

В этой стране Дмитрий Наркисович был в разное время года. И к названию очерка «Суоми» добавил уточнение «Из летних экскурсий». Экскурсию писатель предпринял на Иматру – водоскат на реке Вуоксе, в семи километрах от ее истока из озера Сайма. Высота падения водоската составляет восемнадцать с половиной метров, и он представляет собой удивительное зрелище. Сегодня ближайший к Иматре крупный финский город – Лаппеенранта, расположенный на южном берегу озера Сайма, представляющего собою целую систему небольших сообщающихся водоемов, разделенных 14 000 островов.

Очерк «Суоми» замечателен тем, что еще в начале XX века отражает вопросы, имеющие важное значение, именно сегодня, – взаимодействия и содружества в мировом пространстве разных стран и народов. Для соседей Финляндии и России этот вопрос был насущным всегда.

В основе «Суоми» положены размышления московского купца, приехавшего в Финляндию «по своим делам», и разговоров с автором. А может быть, и не было никого купца, и Мамин собственные размышления о двух странах облек в этот диалог, захватывающий читателя с первых же строк. Вроде бы московский купец сначала подсмеивается над Финляндией, с издевкой спрашивая: и какая это особенная держава? И финские слова-то вызывают у него смех: «жена – мака», «дочь – нылка», а кухарка-то в какую честь попала – «кю-е-ки пий-ка», «морда – турпа».

Но вскоре внешнее бахвальство сменяется вполне конкретным деловым интересом к жизни аскетичных и практичных финнов. Гостю хочется посмотреть, как здешние народы «из болота да из камня хлеб насущный вышибают», как по скобяной части дело ведут. Удивительно купцу, что финляндское железное изделие начало превосходить русское. *«Взять хоть первое дело: нож. Чухонский нож куды лучше. Настоящая сталь, и закалка настоящая, и отделка»*,¹ – рассуждает он. А способствует тому установившийся обычай: *«Каждое лето несколько кузниц объезжают по разным местам и обучают простой народ своему кузнечному ремеслу. Например, кузница ездит по одному уезду, а по другому молочная ферма. Приедет эта ферма и учит простой народ, как надо за скотиной ходить»*.

*Очень все это хорошо, а мы над чухонцами смеемся «мохнорылый чухонец». Свою-то темноту не видим, а чужая чистота нам глаза колет»*².

В заслугу финнам купец поставил даже то, как у них организован летом детский отдых. Однажды он встретил группу девочек, путешествующих пешком по стране на средства, заработанные от продажи собственных рукоделий. Купец, задумавшись об этом, долго молчал, а потом произнес. *«Вырастет чухончатом большая и всю свою Финляндию наскрозь знает... – Вздохнув старик с унынием проговорил: – Совсем новые народы растут... даже большая отлична от нас. Эдак раздумаешься, и даже скушно делается. Жить-то ведь труднее с каждым годом... Мы то прожили, а как-то они будут жить?...»*³.

О том, что Финляндия чрезвычайно интересовала Дмитрия Наркисовича, есть подтверждение и в его письме Дмитрию Ивановичу Тихомирову от 29 января 1907 года. Мамин написал его из Царского Села во время болезни – перелома ноги: *«...хочется мне специально для тебя описать Финляндию в форме путешествия, как «По Варяжскому морю». Думаю посвятить*

---

¹ Мамин-Сибиряк Д. Суоми // Юная Россия. 1909. № 12.

² Там же.

³ Там же.

этому нынешнее лето, чтобы изъездить всю Финляндию с фотографическим аппаратом. Моя сломанная нога к этому времени поправится... Меня очень интересует эта работа, я давно к ней готовлюсь. Интересно, главным образом, то, что чухон благодарствует в своем болоте и вышибает буквально из камня свое чухонское право на существование. Проезжая мимо, я любовался на их узкие пашенки-грядки, обрытые с боков для стока воды глубокими канавами, любовался сушкой сена – в землю воткнуты кольца с рогатками; а на них развешена скошенная трава или настроены двускатные крыши из жердей, и на них сушат сено на сквозняке. Вообще, много есть чему поучиться у этого угрюмого «пасынка природы»¹.

Этот опыт финских земледельцев точно передан и в «Суоми», что дает основания полагать, что диалог автор вел не с купцом, а сами собою. Но это, конечно, не умаляет ни художественных достоинств очерка, ни маминского восхищения практичностью финнов и их основательностью в ведении хозяйства.

И сегодня стоит только пересечь российско-финскую границу, как бросается в глаза то же самое – камень, вода и аскетизм, характерный для этой страны во всем: в природе, жизни и быте.

В небольшой бухте озера Сайма, на которой стоит город Лаппеенранта, – прогулочные корабли. На них и теперь можно пройти между островов архипелага. Можно и пешком обойти бухту по берегу. Вокруг – живописный, но сдержанный пейзаж. В Финляндии много воды, гранита, мха и чахлого леса. О таких тощих березках, с трудом цепляющихся за камень или болотную кочку, писал Мамин: «Сосенки, березки и ели (на островах) имели такой изнуренный вид, как голодный человек, которого заставляют вдобавок работать через силу»².

---

¹ Степанова И. Д.Н. Мамин-Сибиряк в письмах к Тихомирову. / Русская литература 1870–1890 годов. Свердловск, 1979.

² Мамин-Сибиряк Д. По Варяжскому морю. // Юная Россия. 1906. № 8.

На обратном пути к границе сворачиваем с шоссе на лесную дорогу. И с любопытством останавливаемся на берегу озера, где расположился с удочкой рыбак. Находим с ним в прямом смысле общий язык – английский, и выясняется, что он – бывший летчик-истребитель, теперь на пенсии. Живет здесь со своей женой, которая сейчас отдыхает в домике. Есть у него на участке и другой домик, который он называет спальней для рыбаков. «Можете приехать и удить здесь рыбу», – добродушно, улыбаясь, приглашал финн. Подробно, рассказывает об удачных уловах в этих местах и гостеприимно показывает участок. Тут же на берегу – летняя беседка, коптильня для рыбы, маленькая красивая мельница, лодки у причала. Все – просто, без излишеств, аккуратно и утилитарно в назначении. Финн так располагал к себе и был разговорчив, что являл собою настоящего маминского героя. У писателя бы с ним разговор обязательно вышел, а после лег в основу очерка о путешествии.

И, конечно, невозможно было проехать мимо водяной мельницы, которая используется не только по прямому своему назначению, но и вырабатывает электроэнергию благодаря силе падающей воды. Как тут вновь не вспомнить московского купца с Иматры, позавидовавшего финнам не только за хорошую организацию скобяного дела, но и за бурный поток водопада: *«Эта самая Иматра могла бы освещать весь Петербург... Да еще и все фабрики двинула бы. А все-то дело в том, чтобы наладить электричество и провести его по проволокам...да. Турбинки такие бы поставить около водопада, они бы вертелись день и ночь, а к ним приспособить электрические машины. Сейчас, например, у нас все электричество паровыми машинами добывается, а тут бы работала сама река. Самое преотличное вышло бы дело»*¹. Мечта купца (или самого Мамина) сбылась самым лучшим образом, теперь не только Иматра, но и подобные небольшие водостоки служит техническому прогрессу.

Вода бурого цвета, видимо, торфяная бурным по-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д. Суоми // Юная Россия. 1909. № 12.

током падает с каменистого уступа. В деревянном небольшом строении установлены жернова для помола зерна и генераторы, вырабатывающие электроэнергию. Все имеет свое практическое назначение. Финляндия – страна небогатая. Однако на этих «чухонских болотах» умудряются пасти скот и производить качественную молочную продукцию.

Шел дождь, было прохладно. Крутом много воды. И она завораживала и влекла к себе – грохотом, силой, мощью, способной рассечь даже гранит. Так любовался Иматрой и Мамин: *«Вспененная вода бешено неслась сейчас под крутым берегом. В собственном смысле слова Иматра даже не водопад, а крутой спуск озерной воды, проложивший себе дорогу среди каменного дна. Бешенная волна то поднимается, то падает седой, косматой гривой. Громкий и в то же время подавленный гул бунтующей воды замирает только в смешанном лесу, который точно из любопытства лепится по прибрежным скалам»*¹.

Немногое сохранилось от «чухонского болота» на Карельском перешейке, где теперь российские населенные пункты: Репино вместо Куоккалы, Комарово вместо Келломяк, известные именами русских художников и литераторов.

В Репино находится усадьба-музей Ильи Ефимовича. Здесь же в Куоккале отдыхал на даче Дмитрий Наркисович, но, поговорив с научными сотрудниками музея, мы не нашли следов соприкосновения писателя и художника именно на этом кусочке земли. Однако сам дом художника и его мастерская впечатляют. Вокруг усадьбы – небольшой парк, здесь же Репин и похоронен. Все трогает до глубины души. Хочется до бесконечности гордиться российской культурой.

И за пределами усадьбы все далеко от картины того чухонского болота, с чахлой растительностью, комарами и мошкой, которые не любил Мамин. Вместо этого – благоустроенные парки и скверы, к Финскому заливу ведут асфальтированные дорожки. Быть может только морская вода залива и огромные валуны помнят тех

---

¹ Там же.

дачников, что отдыхали здесь больше века назад. По-прежнему можно наслаждаться шумом волн, запахом йода, расточаемым водорослями, видом безбрежности и гомоном чаек. И даже небольшой дождик был к месту, добавив колорита в прибрежный пейзаж.

18.

Лиза Гейнрих на фронте вела себя самоотверженно, была награждена несколькими наградами. Возвращаясь обратно, она в Иркутске влюбилась во врача, по национальности грузина – впервые и, как ей казалось, навсегда. Они обручились. Но вскоре случилось то, что потрясло Лизу. У нее были свои, с детства сформированные понятия о совести и чести, а ее жених ими пренебрег. Жестоко избив незащитного солдата, он подписал себе приговор. Лиза не могла такого простить. Разочарование в любимом человеке было так велико, что она хотела покончить жизнь самоубийством. Но справившись с собою, взяла отпуск и тут же уехала в Петербург, чтобы навсегда расстаться со своим женихом.

В Петербурге по приглашению и зову Дмитрия Наркисовича она вернулась в дом Маминых, где ее жизнь не стала лучше. В то время супруги Мамины дружили с Куприными. В сентябре 1905 года Дмитрий Наркисович, Ольга Францевна и Аленушка отдыхали в Крыму, в Балаклаве на даче Куприных, где Мамин особо близко сошелся с Александром Ивановичем, хотя был и много его старше и уступал ему в резвости, особенно на конных скачках и походах по горам.

Первые семейные годы Куприных были счастливыми, у них родилась дочь Лида, на крестинах которой присутствовали Мамины. Но со временем Александра Ивановича стала утомлять светская жизнь, которую так любила и навязывала ему Мария Карловна. Из ее салона он сбегал в свой – в кабачок, к друзьям. Еще больше раздражала его литературная зависимость от Марии Карловны, взявшей над мужем своего рода шефство, и привязавшей к тем изданиям, что выбирала для него она, а со временем к своему собственному журналу «Мир Бо-

жий». В знак протеста Куприн не только порвал с журналом, но все чаще и чаще стал покидать дом, находя себе пристанище у близких людей. Ольга Францевна, сочувствуя своей воспитаннице, осуждала поведение ее мужа, считая абсолютно его недопустимым.

В такой жизненной ситуации и встретились Александр Куприн и Лиза Гейнрих, которую он раньше встречал девочкой, а теперь увидел расцветшей девушкой, повидавшей фронт, способной на жалость и сострадание. Отношения Куприна и Лизы складывались сложно. Чтобы не разрушить семью, она избегала его, пыталась уехать.. В ответ убежал он – от семьи, от нее, от общества, и ударился в запой. Близкий друг писателя критик Дмитрий Федорович Батюшков, чтобы спасти Куприна, разыскал Лизу и умолял ее принять его предложение. «Ухаживать за больными, спасать от смерти людей, оказалось настоящим призванием Лизы, сутью всего ее существа»¹, – писала гораздо позже в своих воспоминаниях ее дочь. Этот брак Куприна оказался вторым и последним. Лиза была рядом с ним до конца жизни, и тогда, когда он служил в гражданскую войну на стороне белых, и когда отбыл в эмиграцию во Францию, и когда в 1937 году вернулся обратно в Советский Союз. Она любила мужа, трепетно относилась к его творчеству и памяти о нем.

Но тогда, в начале 1907 года, эта любовь навлекла на нее все громы и молнии со стороны Ольги Францевны. Лизе раз и навсегда было запрещено появляться в семье Маминых. По твердому убеждению Ольги Францевны, она могла служить дурным примером для Алenuшки, а поэтому не имела никакого морального права находиться рядом с ней, несмотря на то, что была ей кровно родной. Мамин страшно переживал этот семейный разлад. Но его мнение в данном случае ничего не решало. Более того, он обязан был быть солидарен с семейным порицанием, наложенным и на Куприна. Под влиянием жены и Марии Карловны, которая вскоре вышла замуж за Николая Ивановича Иорданского, государственного деятеля, он разорвал отношения с

---

¹ Куприна К. Куприн – мой отец. С. 18.

Александром Ивановичем и одно время с ним вообще не общался. Однако со временем понял, как ошибался в своей оценке Куприна, сформированной под определенным влиянием, и стал с ним встречаться в ресторанах или у общих друзей.

Лиза тоже искала встречи с Дмитрием Наркисовичем. Ей было тяжело жить с сознанием того, что они могут больше никогда не встретиться, к тому же она любила Аленушку самой теплой родственной любовью. И она решила напомнить Мамину о себе, а скорее протянуть руку для примирения, отправив ему конверт с вложенной туда фотографией, на которой она была запечатлена со своим младенцем, дочкой Ксенией, родившейся в апреле 1908 года.

Конверт открыла Ольга Францевна и приказала Мамину переложить фотографию в другой и тут же отправить обратно. Он колебался, убеждал, что в этом поступке Лизы нет ничего предосудительного, но жена была неумолима. И он как всегда ей поддался. Получив обратно снимок без единого ответного слова Дмитрия Наркисовича, Лиза поняла, что это разрыв навсегда. И больше о себе никогда не напоминала. Мамин тайком узнавал о ней при встречах с Куприным.

Он мучился этой болью и делился ею с другом Фидлером, который тут же предложил ему свою квартиру для встречи с Лизой. Мамин очень обрадовался, но тут же отступил со словами: «А что, если тетя Оля узнает?» И не решился...

«Он умер, так и не увидев той, к которой был так отчески-нежно привязан и которая ему, хоть отдаленно, напоминала его Марусю... Несмотря на исключительную свою доброту, моя мать никогда не простила Ольге Францевне своего горького детства и того, что она не смогла попрощаться с человеком, по-отцовски любившим ее. Аленушка, бледная, нервная, поэтическая девушка, приезжала в Гатчину (где жила семья Куприных – *Прим. авт.*) и много раз пыталась примирить Лизу и тетю Олю. Но это оказалось невозможно»¹, – вспоминала Ксения Александровна.

---

¹ Куприна К. Куприн – мой отец. С. 31.

Последние годы жизни Дмитрия Наркисовича были безрадостными. Его и Аленушку одолевали болезни. В доме стояла тягостная тишина, витало какое-то уныние, которое временами нарушал своим присутствием шестилетний племянник Олег, сын Владимира, жившего в это время в Петербурге. Главной причиной раздражения писателя служило появление, по его глубокому убеждению, упадочной литературы. Мария Карловна Куприна-Иорданская вспоминала, что он негодовал по поводу засорения литературы декадентами и символистами, которых абсолютно не признавал и считал врагами художественной литературы. Он считал литературу – зеркалом души общества, в котором отображаются все падения и взлеты. А в настоящем, по его мнению, ни о каких взлетах не приходится говорить, одни падения. По мнению Мамина, интеллигентское общество находится в полном упадке. Выделял Мамин при этом одного Короленко, который «бьется как богатырь»: Владимир Галактионович по-прежнему десятками писал статьи на общественно-политические темы.

Не жаловал в своих нападках Дмитрий Наркисович и правительство, не считающееся ни с чем, во имя конституции 1905 года «круша направо и налево всех и вся, видя в погромах, в кабацком неистовстве, в экзекуциях и усмирении единственное свое спасение».

Российский путь к демократии и свободам он высмеивал в лице Государственной думы и неистовствовал по поводу отдельных ее деятелей. В письме к Анне Семеновне от 11 марта 1907 года писал: *«Вчера умер Победоносцев¹, который затормозил русскую историю на целую четверть века. Сколько людей пострадало из-за его нелепого упрямства. Я его считаю богом*

---

¹ Константин Петрович Победоносцев – государственный деятель, ученый-правовед, в 1880–1905 – обер-прокурор Святейшего Синода, член комиссии по выработке редакции манифеста, извещающего народ об учреждении Государственной думы (1905).

проклятым человеком, который был послан России за наши грехи. Ну, и черт с ним... Не стоит говорить... У всей литературы этот милый человек висел камнем на шее и принес неисчерпаемое зло...

Государственная дума, по-моему, переливает из пустого в порожнее. Конечно, это временно, а потом «все образуется», как говорил старик-дворецкий у Толстого в «Анне Карениной»... Конечно, на настоящую думу никто особенных надежд не возлагал, потому что набрался пуганный народ... будем ждать следующей»¹. Сетует на то, что раньше мог вдоволь печататься в «Русских ведомостях», а теперь там все занято «болтовней Государственной думы». Не любя политики, он любил повторять слова Петра Великого, что перед Господом Богом все подлецы и мерзавцы.

Единственным удовлетворением для него оставалась работа, он ценил каждую минуту, когда мог писать. «Чувствую себя счастливым, потому что могу сидеть у письменного стола и писать», – писал он матери в феврале того же года. А к концу его подводил неутешительный итог: «...Я потихоньку работаю большие для детских журналов. Больших статей не пишу. Их время прошло. Писателю долго писать, а читателю долго читать... Как-то даже странно вспоминать, что я когда-то писал «Приваловские миллионы», «Хлеб» и другие романы...наступили вообще какие-то короткие времена... Нужно появление нового Толстого или Достоевского, чтобы заставить публику читать трехэтажные романы»².

Новый 1908 год начинался с горестного известия, поступившего с Урала, в январе в Екатеринбурге умер Константин Павлович Поленов, с которым была дружна вся семья Маминых. С его личностью много было связано в жизни и в творчестве Дмитрия Наркисовича. Навсегда уходили те, кого он любил и ценил. Горестное одиночество и пустота нависали над ним. Исподволь готовился к смерти и писатель. 16 марта 1908 в Царском Селе им было переписано ранее составлен-

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. С. 395.

² Там же. С. 396.

ное духовное завещание: «...все завещаю во владение законной жене моей Ольге Францевне Маминой, а в полную и исключительную собственность усыновленной дочери своей Елене Дмитриевне Маминой»¹. Завещание было выдано в соответствии с собственным желанием Дмитрия Наркисовича «двум душеприказчикам, брату жены В.Ф. Гувале и. А.К. Денисову». Он не сомневался, что после его смерти Аленушка останется с Ольгой Францевной, считая ее самым заботливым и единственным для дочери опекуном.

Как ни любил Мамин Царское Село, но оставаться дальше здесь считал невозможным. С переездом в Петербург, куда семья перебралась в мае на постоянное место жительства по адресу: улица Верейская, дом 3, квартира 16, он связывал возможность для Аленушки брать уроки у лучших учителей, посещать лекции и разные курсы. И осенью она поступила вольнослушательницей в 8-й класс гимназии М.Н. Стоюниной², где, к сожалению, из-за своей болезни проучилась недолго.

Квартира в солидном доме на тихой Верейской улице, где жили Мамины, состояла из пяти просторных высоких комнат. В центре ее – кабинет писателя с двумя большими окнами на улицу. Шкафы с книгами, картины. В простенке между окнами, над письменным столом, вид Висима, подаренный Денисовым. У противоположной стены комнаты, около двери в прихожую, открытый, с полками для рукописей, шкаф, разрисованный рукой того же художника.

Против оттоманки – кровать, над которой большой портрет Льва Толстого. На письменном столе портрет другого почитаемого писателя – Салтыкова-Щедрина. Там же стоят уральские камни и высокохудожественные изделия из них – пресс-папье, чернильница. Около стола простое кресло кустарной работы. На одной из стен громадные олени рога, присланные кем-то из Висима, ягдташ, ружья.

---

¹ РГАЛИ, Ф. 316. Оп.1. Ед. хр. 128.

² Частное среднее женское учебное заведение, основанное в 1881 году Марией Николаевной Стоюниной, женой прогрессивного педагога и публициста В.Я. Стоюнина.

Любил писатель и столовую, где в удобной качалке читал газеты и книги. В углу за ним стояла деревянная статуя Будды, рядом – шкаф с редкими изданиями, сверху на нем – белый гипсовый бюст самого Дмитрия Наркисовича, работы Денисова. По другую сторону – этажерка с журналами, с которыми он сотрудничал. Над ней – чучело уральского орла.

По другую сторону от кабинета писателя находилась комната Аленушки, где посередине стоял стол для занятий из сибирского кедра. В комнате было много книг и рисунков. Здесь часто вечерами занимался с Аленушкой русской историей и историей русской литературы и беседовал с дядей Митей Борис Удинцев, студент Петербургского университета. И в другое время, за чайным столом и во время их совместных прогулок и посещения театров, возникали эти беседы, незабываемо интересные, чрезвычайно обогащающие молодого человека.

По другую сторону от прихожей находилась маленькая гостиная с двумя окнами во внутренний двор. Там были картины с видами Урала, в простенке стоял медведь Каслинского литья, подаренный Владимиром Наркисовичем Маминым. Вся квартира была одухотворена присутствием здесь писателя, его любовью к литературе, искусству и Уралу.

Эта любовь передавалась и дочери писателя. Она писала стихи, и две тетради своих поэтических опытов подарила двоюродному брату. В творчестве, как в зеркале, отразилось ее душевное состояние, на которое накладывали отпечаток остатки детского паралича, изломанная нервная система. Не менее болезненно был привязан к ней отец. Иногда он с грустью слушал ее стихи о личных переживаниях, задумывался и говорил Борису: «Вы с сестрой счастливые, вы здоровы, можете работать, а она... Занимайся с ней, пожалуйста, побольше, отвлекай от таких настроений»¹. И Борис старался. Но настоящей дружбы и понимания между ним и Аленушкой не получалось. Не смогла ввести в студенческое общество больную девушку и

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 260.

старшая дочь Удинцевых – Анна. Молодые люди, по-видимому, немного стеснялись Аленушки и не могли найти с ней общий язык. Это было тяжелым испытанием и для Удинцевых, и для Дмитрия Наркисовича. Случалось, что он сам сердился на странности дочери, называл эти приступы – «Алена дичит», не мог с ними справиться, и тогда единственным человеком, умевшим успокоить несчастную Аленушку, была тетя Оля.

Но, несмотря на болезнь дочери, Дмитрий Наркисович строго относился к ее занятиям литературой. Когда однажды обнаружил, что она подражает в стихах другим авторам, заметил, что нужно писать только о том, что чувствуешь сам или не писать вообще. Елене в это время было уже семнадцать лет, и Мамин формировал в ней ответственное отношение к каждой написанной строчке. И она внимала каждому слову отца, связанная с ним самой судьбой.

Июнь 1908 года Дмитрий Наркисович проводит на даче в Келломяках, где готовит сборник для детей под названием «Старинка и новинка». И здесь, на даче, и по возвращению в город он часто общается с Алексеем Кузьмичом Денисовым. Общая тема – Урал – для них неисчерпаема. Мамин часто бывает в квартире Денисова, расположенной в Петербурге напротив Казанского собора, здесь они отмечают именины и день рождения художника. И всегда с радостью принимает его у себя на Верейской, где в кабинете писателя они рассматривают коллекции камней, собранных на Урале. Денисов с азартом говорит о каждом, а Мамин его дополняет. Эта дружба согревала сердца обоих творческих людей, живущих вдалеке от родины, но так и не сумевших от нее оторваться корнями. Дружба поддерживала в трудные минуты. А их впереди было немало.

В январе 1909 года в юбилейном номере «Юной России» выходит очерк Мамина «Сороковик» с предисловием «Посвящаю своему старому другу Дмитрию Ивановичу Тихомирову». Смысл рассказа заключается в том, что автор, путешествуя по среднему Уралу,

встречается со сторожем одной небольшой плотины, расположенной на канаве, соединяющей два горных озера. Сторож к тому же и хороший охотник, проживший на своем веку, по его личному счету, тридцать девять медведей. А перед сороковым, самой нехорошей цифрой, старик загрустил. Его одолевали нехорошие предчувствия: среди уральских охотников живо было поверье, что сороковой медведь обязательно придет за охотником и погубит его. Старик совсем было стал готовиться умирать, но его гость, автор рассказа, заподозрил ошибку в счете убитых медведей. И действительно, оказалось, что вышла ошибка. Охотник уж давно убил сорок первого медведя, а тот, что «шуршит в кустах по ночам», выходит сорок вторым. А, следовательно, забрать его не может. И повеселевший старик спросил: «Что же мне опять начинать с самого начала?», и вполне с этим согласился.

Каким бы оптимистичным ни казался этот рассказ, и какому бы замечательному человеку не был посвящен, а Тихомиров был преданным другом Мамина, не раз выручавшим его и всю семью писателя из затруднительного материального положения существенными авансами, но тема сороковин и сороковика отражала внутреннее беспокойство Дмитрия Наркисовича. К сожалению, не случайно. 28 декабря 1909 года семью Маминых постигла невероятная смерть. В возрасте 46 лет умер младший из братьев Маминых, Владимир. Врачи поставили диагноз – нефрит. Смерть была настолько неожиданной и нелепой – в таком возрасте жить бы да жить – что никаких слов утешенья быть не могло. И, конечно, не найти их было для матери. Анна Семеновна, много пережившая за свою долгую жизнь, потерю Володи перенести не смогла. Она заболела и слегла. Во время ее болезни Дмитрий всей душой рвется к матери, пишет ей письма, утешая и вселяя надежду на выздоровление, но состояние собственного здоровья не позволяет ему тут же помчаться на Урал. *«Дорогая мама, если бы ты знала, как я рвуся к тебе ежеминутно, желаю тебе скорого и полного выздоровления. Но приехать сейчас не могу – нога моя*

в том же положении. Увы, ехать пока нельзя. Надеюсь весной обнять тебя и всех. Все целуем, родная. Твой Дмитрий»¹, – писал он матери 14 февраля 1910 года из Павловска.

Но его мечте не суждено было сбыться. 21 марта 1910 года Анна Семеновна в возрасте 79 лет умерла. Дмитрий Наркисович был безутешен. Сестре он пишет, что хотелось бы похоронить ее рядом с Володей, машинально указав на конверте: «Маминой» вместо Удинцевой, ведь восемнадцать лет он писал матери каждую неделю. Анну Семеновну похоронили рядом с Володей на Втором монастырском кладбище Новотихвинского монастыря в Екатеринбурге, которое до наших дней не сохранилось.

Дмитрий Наркисович тоскует по матери, неоднократно делясь своей грустью в письмах к сестре. «Целую жизнь будем помнить о любящем крыле мамы и бабушки, а Боря расскажет своим детям, какие русские женщины бывают и какими они должны быть». Лишившись любящего материнского крыла, всю жизнь заботливо укрывавшего его, он стал совсем незащитным и одиноким, ведь был истинно маминым.

С этим настроением он уехал на лето в Павловск, который любил за чудный парк и классическую музыку, исполняемую на Павловском вокзале. Осенью, вернувшись в Петербург, принял участие в вечере пользу нуждающихся студентов-уральцев. И с благодарностью принял фотографии могил матери и Володи, привезенные ему из Екатеринбурга Денисовым. «Вот и все, что остается от человека, – грустно думал он, – ибо «земля еси и в землю отыдеши».

Постепенно он отходит от издательских дел, оформляя 6 ноября 1910 года доверенность на жену следующего содержания:

«Любезная супруга Ольга Францевна.

Уполномочиваю Вас принять на себя труд по изданию моих сочинений: входить в соглашения с издате-

---

¹ Из письма Д.Н. Мамина А.С. Маминой от 14 февраля 1910 г., Павловск. Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина-Сибиряка (из фондов ОМПУ).

лями и всеми иными лицами, заключать по настоящему делу всякого рода условия и договоры и вообще по поручаемому Вам предмету исполнять все, что по обстоятельствам потребуется и вести все дела, могущие иметь какое либо отношение к данному вопросу.

Тому же, что вы по сей доверенности законно учините, я спорить и прекословить не буду. Доверенность эта принадлежит жене Потомственного Почетного гражданина Дмитрия Наркисовича Мамина Ольге Францевне Маминой.

Нотариус С-П Георгий Иларьевич Куцин. В конторе, которая находится в адмиралтейской части на углу Невского и на берегу Мойки в д. 15-30. по реестру 6939»¹.

Настроение писателя этого времени можно выразить одним словом – тоска. В ноябре он пишет сестре: «...Тоскую по Уралу. Фактически уже давно откололся от своего родного гнезда, но это не мешает мне постоянно думать о нем. Жалко, что не могу выиграть по билету и создать под Петербургом собственную колонию. С другой стороны, читаешь историю несчастного миллионера Льва Толстого и поневоле убеждаешься, что не в деньгах счастье, не в таланте, не в уме, не в окружении, а в чем-то таком, чего мы не знаем. И никто другой не знает. Я думаю, что единственное счастье, достойное человека, это – совсем не думать о себе самом, даже не думать о спасении многогрешной души, а думать о «малых сих», им же принадлежит и царство Божие. Однако я начинаю философствовать, а это плохой признак, ибо всякая философия, как только дело коснется до практики, превращается в белку, прыгающую в колесе»².

Как-то незаметно проходит для него в эти дни смерть великого старца Льва Толстого, когда весь Петербург только об этом и говорит. В канун Рождества

---

¹ РГАЛИ. Ф. 316. Оп.1. Ед. хр. 129.

² Из письма Д.Н. Мамина Е.Н. Удинцевой от 20 ноября 1910 г., Павловск. «Из неопубликованных писем Д.Н. Мамина-Сибиряка» (из фондов ОМПУ).

он занят собственными мыслями и переживаниями, которые вновь уносят его в Висим, в те годы, когда мать читала ему по вечерам роман «Фрегат «Паллада»», и он мечтал стать писателем, потому что им платят очень много денег, и купить на эти деньги папе вороного коня. «Писателем я стал, – думал Дмитрий Наркисович, – а до сих пор езжу только на чужих лошадях. Зато не было у меня в жизни лучших подарков, чем те, которые к Рождеству папа с мамой готовили нам в Висиме».

...Чувствовал ли он свой конец или приближал его сам, но еще летом 1910 года писал другу Фидлеру: *«Дорогой Фриц, вот и конец скоро. Жалеть мне в литературе нечего, она всегда была для меня мачехой. Ну и черт с ней, тем более что для меня лично она переплетена была с горькой нуждой, о которой не говорят даже самым близким друзьям: налево поедешь – будешь без коня, направо поедешь – конь будет сыт, а сам голоден, а прямо поедешь – не видать тебе ни коня, ни головы. Добрый молодец поехал прямо. Так и русская литература, но не будем об этом говорить...»*¹.

А осенью, участвуя вместе с Борисом Удинцевым в похоронах детского писателя Николая Ивановича Позднякова, вел племянника по Волкову кладбищу, останавливаясь у дорогих могил и сознавая, что никогда не будет лежать здесь, рядом с ними – единомышленниками и друзьями. Свое место он выбрал давно. В Александро-Невской Лавре, рядом с Марусей.

20.

Лето 1911 года Мамины снова в Павловске. Дмитрию Наркисовичу постоянно нездоровится. Отдохнув от очередного недуга, он берется за перо, и ощущает внутреннюю пустоту, точно никогда и ничего не писал. Ощущение подступающей старости – тянущее, давящее, как будто постоянно находишься в душной комнате и не можешь из нее вырваться, было новым

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 246.

для него, незнакомым и тягостным. «Совсем старик и по-стариковски думаю и чувствую», – написал он сестре накануне тяжелого удара. 4 августа 1911 года у Дмитрия Наркисовича произошло кровоизлияние в мозг, вследствие чего наступил паралич левой руки и ноги. И через месяц он был перевезен на квартиру в Петербург, где его первым навестил друг Фидлер. А в день его именин, 26 октября, рядом с ним были доктор Жихарев и художник Денисов-Уральский.

Надеялся ли на полное выздоровление Дмитрий Наркисович?.. Во всяком случае, он верил, что еще сможет писать. Дмитрий Иванович Тихомиров, не оставляя своим вниманием друга и в дни болезни, вспоминал, что «Страстное желание писать не покидало Мамина – даже и во время долгой и тяжелой болезни, приковавшей его к постели и сведшей в могилу. В каждом своем письме, написанном уже каракульками, он неизменно прибавлял: «Скоро пришлю рассказ, непременно пришлю, жди». За год до смерти на столике перед кроватью, вместе с лекарствами, лежала записная книжка с начатой страничкой. – «Пробовал... Не то выходит»¹.

А произведения Мамина жили уже своей независимой от автора жизнью. В первые месяцы 1912 года редакция журнала «Юная Россия» выпустила около тридцати изданий рассказов и очерков Мамина-Сибиряка в серии «Дешевая библиотека для семьи и школы» – «Вертел», «Дурной товарищ», «Жид», «Медведко», «На реке Чусовой», третье издание сборника «Рождественские сны», одиннадцатое издание «Аленушкиных сказок».

«Вятское книжное товарищество» в Санкт-Петербурге опубликовало роман «Дикое счастье», издательство «Просвещение» начало издавать «Собрание сочинений Мамина-Сибиряка», вышли первые три тома – романы «Золото», «Именинник», «Бурный поток», повесть «Не то».

Скрашивали дни больному и творческие успехи дочери, которая тоже мечтала быть писателем. В фев-

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 150.

рале в журнале «Мир» было опубликовано стихотворение Е. Маминой, о котором одобрительно отозвался критик Александр Измайлов, чему Дмитрий Наркисович был несравненно рад: «...быть может, это – залог ее дела на всю жизнь». А у самого уже не хватало сил писать, как прежде, и не хватало их, чтобы расстаться со своей мачехой-литературой. В марте он получил письмо от экономиста Анненского с просьбой подарить ему автограф. Ответил ему открыткой 2 марта 1912 г. из С-Петербурга: *«Милостивый государь, Алексей Юльевич. Пишу Вам лежа в постели. Прошлой осенью меня разбил паралич. Поправляюсь, хотя и медленно. Все, что я умел и мог сказать, мною сказано в моих сочинениях, которых, если собрать все вместе, наберется до 100 томов, а издано около 36. Будущее неизвестно, а потому о будущей работе не загадываю. Желаю Вам успехов. Готовый к услугам. Д. Мамин-Сибиряк»*¹.

Летом Дмитрий Наркисович заболевает плевритом, что серьезно осложняет состояние его здоровья. А его друзья-литераторы, надеясь на выздоровление писателя, обсуждают общероссийское празднование 40-летия литературной деятельности Мамина-Сибиряка, намеченное на осень. Позже критик Измайлов написал: «Так создалась мысль о чествовании, которое потом прозвучало печальным сарказмом над писателем, так мало вкусившим меда славы при жизни и увидевшим почет тогда, когда мозг его уже не осмысливал зрительных впечатлений»².

Понятие рока, которому Мамин такое большое значение придавал в своем творчестве, теперь как будто бы коснулся его жизни и смерти. Сорокалетие творческой деятельности писателя – цифра, которую он так не любил и боялся, – практически совпало с его шестидесятилетием и днем смерти. И те, кто знал истинное положение дел, понимали, что все поздравительные адреса, в большом количестве поступившие на имя юбиляра, выполняют больше роль некрологов.

---

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т.10. С. 396.

² Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 195.

Из адреса Всероссийского литературного общества:

«...Вы большой художник, именем которого может гордиться литература. Назвать имя Мамина-Сибиряка – значит поддаться очарованию вековой русской были, размаху и силе широкого и мятежного русского слова и то тихой, то могучей русской природы...

Светлому богу правды и красоты Вы служили с доблестью былого великого русского искусства, без суеты и уступок духу времени»¹.

Поздравительный адрес от московского литературного кружка «Среда» подписали 39 участников, среди них Николай Телешов, Иван Бунин, Владимир Гиляровский и другие литераторы, лично знавшие и любившие Мамину. Петербургские газеты опубликовали адресованное ему приветствие Горького с Капри: «...родной земле есть за что благодарить Вас, друг и учитель наш». Были получены многочисленные письма и телеграммы от уральцев – общества УОЛЕ, Общества изящных искусств Екатеринбурга, Екатеринбургской публичной библиотеки, Ирбитского музыкально-драматического кружка, редакций газет «Голос Урала», «Голос Приуралья», Екатеринбургского университетского землячества Петербургского университета, женских гимназий Екатеринбурга, Камышловского духовного училища, студентов Петербургского университета.

С большой любовью, художественным вкусом и уральским колоритом изготовил поздравительный адрес Алексей Кузьмич Денисов. Пришла целая гора телеграмм – от Короленко и Горького до и Академии наук, литературных фондов и далеких сибирских редакций газет. Но ничего этого уже не осознавал Дмитрий Наркисович.

Яснее других он узнавал Фидлера, который накануне чествования навестил его, и заручился словами Ольги Францевны о том, что Мамин дает себе отчет в предстоящем юбилее. Но отказался слушать посвященные ему статьи из газет. Фидлер зашел к нему и успел осторожно спросить: «Можно мне к тебе прийти

---

¹ Урал. Первый Зауральский сборник, посвященный памяти Д.Н. Мамина-Сибиряка. Екатеринбург, 1913.

в следующую пятницу?». И он твердым голосом ответил: «Всегда!» Так же он ответил и на вопрос: «Даже с несколькими твоими друзьями?» – «Всегда!..»

Потом Фидлер в своем дневнике запишет: «26 октября 1912 г. ровно в 4 ч. мы, члены юбилейного комитета – в лице: проф. С.А. Венгерова, А.А. Измайлова, Е.П. Карпова, акад. Д.Н. Овсяннико-Куликовского, И.Н. Потапенки и меня собрались на парадной лестнице дома № 3 по Вере́йской, около швейцарской, и поднялись в квартиру № 16. Жена и дочь встретили нас и сообщили, что слабость Мамина дошла до того, что он за всю последнюю ночь ни разу не мог даже окликнуть кого-нибудь (при нем, конечно, дежурили). Потом Ольга Францевна пошла к нему, дала ему каких-то, сразу подкрепляющих и сильно возбуждающих, капель и впустила нас. «Юбиляр» сидел на кровати, довольно высоко прислоненный к подушкам, с опущенной головой и неподвижно устремленным в одеяло взором. Я сел на стул в его ногах и прочел наш адрес, страшно волнуясь и спеша. «Вот, вот – он умрет!» – думалось мне. Во все время чтения фигура Мамина представляла из себя изваяние. Когда я кончил, он не только не сказал ни слова, но даже не моргнул. Немые и неподвижные, стояли члены комитета в слабоосвещенной комнате. Во время панихиды среди присутствующих царит больше оживления!.. С.А. Венгеров прочел привет от московского Общества любителей русской словесности. Гробовое молчание. Потом я перечислил только фамилии самых выдающихся и известных представителей литературы под их телеграммами и письмами и поставил обрамленную фотографическую группу членов юбилейного комитета на оттоманку у стены против постели. Кое-кто из нашей депутации подошел к постели и назвал себя, пожимая неподвижную руку чествуемого, – он не поднял глаз, не шевельнул пальцем и не произнес ни звука. В глубоком потрясении, один за другим, мы отступили и последовали за кивнувшей нам на столовую Ольгой Францевной. Все бесшумно сели за стол, но никто не ел и не пил. Вошла на цыпочках Аленушка и сообщила, что папа заснул. Шепот гостей стал едва

слышным... Ольга Францевна рассказывала, что Мамин, сегодня днем удивленно спросил о причине необычной суматохи в квартире; когда ему напомнили, что сегодня ведь его юбилей, он воскликнул: «Такой радостный день, а я должен умереть!» – и заплакал. Она пошла к больному, вернулась минут через пять и сообщила, что он только что прошептал: «Я ничего не ответил!.. Но я отвечу другой раз... в столовой... со стаканом вина!..» В пять часов мы все ушли»¹.

Это чествование Измайлов пророчески назвал репетицией похорон.

В ночь на 2 ноября 1912 года Дмитрий Наркисович Мамин скончался.

Врач Сергей Яковлевич Елпатьевский, многих проводивший на своем веку и близко знавший Мамина в течение двадцати лет, был поражен тем, какие изменения произошли в нем – мертвом, не сохранившем ничего от Мамина живого. Это так поразило доктора, что ему невольно пришло в голову: если бы судебная власть заставила его показать под присягой, кто лежит в гробу, он бы с глубоким убеждением присягнул, что это не Мамин... «И, что было самое поразительное, лицо его приняло древний иконописный облик долго постившегося и много молившегося человека, русского человека из давнего прошлого, старого письма. И так подходили к этому лицу и монахиня, что читала в углу протяжным голосом старые протяжные молитвы, и алыт, удивительно надрывным и болезненным голосом певший «Вечная память», и ладан, и кадило, и свечи... Строгое скорбное лицо словно наблюдало с подушки, так ли все, по-старому, истово, как должно...»².

Теперь на Верейскую в той же последовательности: Короленко, Горький, академии, фонды, академии, университеты, общества, редакции... шли телеграммы сочувствия и соболезнования родным. Многочис-

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 246–247.

² Там же. С. 209–210.

ленные статьи, посвященные смерти удивительного, редкого по своей самобытности писателя появлялись в газетах обеих столиц, Урала и Сибири. 2 ноября 1912 года в связи со смертью писателя дал интервью корреспонденту газеты «Раннее утро» Иван Алексеевич Бунин. «Д.Н. Мамин-Сибиряк – оригинальный, самобытный талант, чрезвычайно умный, с известным скептицизмом... Он отличался удивительно красивой внешностью, здоровый, сильный, так что не так давно мне было странно читать, что у него «седая голова на исхудавшей шее». Настолько это описание не вяжется с сохранившимся в моей памяти образом писателя. Крупный талант, не использовавший до конца своих способностей, не сказавший своего последнего слова»¹.

«Не реализовавший своих возможностей, не раскрывшийся до конца», – это утверждение, главный лейтмотив всех посмертных статей о Дмитрие Наркисовиче Мамине, связанный с целым явлением – недооцененных русской культурой талантов. Особенно в бесконечные эпохи разрух, революций, переходных периодов, безвременья, когда общество не замечает лучших своих представителей, и драгоценные камни остаются без оправы. Та смута и неразбериха русской жизни, которой посвятил свое творчество Мамин-Сибиряк, не закончилась для него и со смертью.

Похороны состоялись 4 ноября на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Добрая половина толпы, заполнявшая церковь, где шло отпевание, считала, что молится за умершего почти одновременно с Дмитрием Наркисовичем митрополита Антония. Даже у могилы некоторые из толпы спрашивали других, не видно ли им «владыку»?.. И не смутили их ни скромная обстановка похорон, ни студенческий хор, певший над могилой, ни единственный священник у гроба. А сам гроб вместе с другими нес старик-дворник Василий из Павловска, с которым любил подолгу говорить Дмитрий Наркисович. Ничто не смутило тех, кто принял писателя за митрополита: ни горячая, полная боли речь художника Денисова, ни чтение стихов,

---

¹ Там же. С. 238.

ни плачущая девушка в трауре, которая жалась к высокой женщине, обнимавшей ее.

Гроб с телом писателя, согласно его последней просьбе, захоронили рядом с гробом Марии Морицевны Абрамовой, недалеко от памятника Ивану Александровичу Гончарову. Над свежей могилой был установлен деревянный крест с надписью: «Почетный гражданин г. С-Петербурга Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк».

21.

Что-то роковое, жестоко несправедливое сопутствовало Мамину и в личной его жизни, и в делах литературных... Человек любящий и с нежной душой, не знавший врагов и всеми искренне любимый и уважаемый, утверждал при конце своей жизни: «Меня не долюбили...». «Не долюбили» Мамина и братья писатели»¹, – с сожалением писал в статье «Из жизни Д.Н. Мамина-Сибиряка» Дмитрий Иванович Тихомиров.

Причины этой «недолюбленности» доказательнее всего излагает критик Елена Колтоновская в своей статье «В стороне от главного русла», опубликованной в журнале «Вестник Европы» в феврале 1913 года. Зная Мамина лично, она рассуждает о том, почему такой большой художник остался в стороне литературного «фарватера».

В первом же абзаце критик отмечает исключительность Мамина. «Уже в ранних его произведениях бросается в глаза действительно прекрасный язык, в котором соединяются природная литературность с народной живостью и образностью. Такой язык дается только избранныкам, большим писателям, с серьезным предназначением, с широкими задачами. В нем залог развития литературы и ее прочной связи с жизнью. В нем ключ к пониманию и оценки писателя»².

Утверждая далее, что удивительному языку Мамина

---

¹ Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. С. 163.

² Колтоновская Е. В стороне от главного русла // Вестник Европы. 1913, февраль.

соответствовала и очень богатая, чисто народная об-разность его творчества и тот обильный запас свежих, бурных сил, которые в нем чувствовались до самого конца, автор статьи задается вопросом: все-таки это был странный писатель, или может быть, такая странная ему выпала судьба?.. Почему, творя более сорок лет, написав огромное множество рассказов, повестей и романов, он остался писателем, которым мало интересуются, словно второстепенным, второсортным автором?

Особенно кажется, странным, что подобное отношение к его произведениям демонстрируют не только рядовые читатели: так относятся к Мамину даже историки литературы. «Он совершил свой долгий и довольно трудный литературный путь каким-то таинственным незнакомцем», – утверждает критик.

Удивительно Колтоновской и то, что не где-нибудь в глуши писал этот плодовитый русский писатель, а в Петербурге, в центре литературной жизни; он был со всеми знаком, всем лично известен. «Я как сейчас вижу его меланхолическую, большую, тяжелую символически-одинокую фигуру. Бывал он иногда и в компании, бывал даже окружен, но вспоминается теперь непременно одиноким – где-нибудь за уединенным столиком, за бутылкой пива, с полуопущенными мутными глазами, угрюмый и печальный...

А ведь по природе он был весельчак, искрящийся остроумец, настоящий сибиряк – неистовый, неистощимый, неистребимый. Откуда же эта упорная печаль? «Я не долюблен»... Эта горькая жалоба писателя, которую вспоминали над его могилой, звучит с большой правдивостью. И что всего горше и жесточе – для этой недолюбленности, недопонятости, недооцененности Мамина были свои причины», – с искренним сочувствием вспоминает Мамина Колтоновская.

Странность его литературной судьбы критик видит не в случайности и не в том, что все были невнимательны к нему и слепы. Причины, на ее взгляд, сложнее и коренились в нем самом.

Своеобразный, самобытный, стихийный талант

писателя, по мнению критика, был по природе чужд основному духу русской литературы, созданной интеллигентами, бережно хранящими эту свою традицию, а поэтому путь Мамина прошел в стороне от тех граней, в которых было проложено главное литературное русло. Примыкавшие же к коренной интеллигентской литературе «разночинцы» соприкасались с ней тем, что было в них интеллигентного, а не своим особенным, «бытовым».

Основное свойство русской литературы критик видит в ее глубокой интеллектуальности и преданности бескорыстным запросам духа, проявляющиеся у старой литературы – в «общественности», в служении прогрессивным идеям, у новой – в моральных и философских исканиях, но оба проявления имеют общую душу. Дав это определение, Колтоновская подходит к самому главному вопросу – отличию Мамина от «общего русла».

«...Каждый из писателей этого русла, прежде всего, интеллигент, для которого решить вопрос о смысле жизни, о назначении своего «я» – важнее, чем есть и пить. А герои Мамина стоят в стороне от этой основной писательско-интеллигентской цели. Они сделаны из другого теста. Они просто русские люди и хороши именно своим бытовым и национальным содержанием. Маминские герои, даже те, которые взяты из интеллигентной среды, мало интеллигентны и мало интеллектуальны. Они слишком просты, даже несколько угловаты – примитивны для интеллигентного вкуса»¹.

И подтверждает уже неоднократно приведенный тезис о том, что народничество Мамина, к которому его обыкновенно пытаются отнести, служит большой натяжкой, так как по утверждению критика, «его можно назвать народником лишь в совершенно ином смысле – стихийном».

«Маминские герои интересны лишь постольку, поскольку в них проявляется русская натура. Это всегда – бесшабашные, безудержанные люди, не умеющие

---

¹ Колтоновская Е. В стороне от главного русла // Вестник Европы. 1913, февраль.

устроить свою жизнь. У них золотые сердца, они преисполнены благими намерениями, но они не способны их осуществить. Ни ум, ни талант не спасают их от обычного удела неудачника. Жизненная борьба не закаляет их, а истощает и расслабляет, надламывает... Русская натура превосходно схвачена и обрисована Маминым в каждом из его героев. Но интеллигентного духа, типичной интеллигентной закваски ни в одном из них не чувствуется»¹.

Утверждает это Колтоновская и в отношении тех героев Мамина, которые претендуют на интеллигенцию. Их мир так темен, убог и уродлив, что его романы можно принять за общественную сатиру. Но это не сатира: автор слишком сливается со своими героями и вместе с ними страдает от гнета городской улицы. И это, по мнению критика, является одной из причин «изгнания» Мамина из «основного русла». «В этой отчужденности от общей интеллигентской психологии коренится сущность писательской драмы Мамина», – пишет она. – Горечь неудовлетворенности, которая прорывалась у Мамина всю жизнь, до могилы. Он чувствовал в себе силы, талант, дающие право на общее признание, на особенное место в литературе. А этого не было. Критика относилась к нему выжидательно-холодно, читатель был довольно равнодушен»².

И самый главный вопрос, которым задается критик, звучит с волнением и тревогой: наступит ли для Мамина более справедливая оценка теперь, когда ждать уже нечего, и надо взять Мамина таким, каким он себя проявил?... Символическим залогом этого она считает творческий юбилей писателя, который выпал на его долю чуть не накануне смерти. «Жил, жил среди нас Мамин, его не замечали, не думали о нем, и вот – вдруг заволновались, сразу почувствовали, каким он нужен, какой это был большой, хороший писатель...»³.

В итоге Елена Колтоновская отмечает, в русской литературе начала XX века проявляется какая-то новая

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

трезвость и зрелость взгляда, склонность к независимому суждению. И то, что из нашего русского бытия стихийно отразилось в творчестве Мамина, уже значительно. «Кто любит копаться в наших национальных корнях и искать причину причин, найдет себе здесь много материала», – пишет она.

«Мамина необходимо почувствовать по-новому!» – вызывает она к своим современникам, что еще более справедливо относится и к нам.

22.

4 ноября 1912 года в час дня в Екатерининском соборе Екатеринбурга началась панихида по известному русскому писателю, уроженцу Урала, Мамину-Сибиряку. Вспомнить о нем и помолиться о его душе пришли друзья, знакомые, почитатели таланта. Была ли среди них Мария Якимовна Алексеева или предпочла остаться в этот день в полном одиночестве?..

В эти годы она жила на Второй Береговой улице (ныне Горького) И зарабатывала частными уроками музыки. С редкими собеседниками всегда говорила о Мамине с большим уважением – о его литературном творчестве и таланте, о широте и благородстве его души. Но не могла удержаться и вспоминала о том, как много тем ему подсказала именно она, что ей первой он читал свои произведения и ждал ее мнения и совета. В этом чувствовалась ее непреходящая обида и затаенная боль. До революции она вела записи – размышления о старости, об эмоциональной жизни, литературе, выписки из поэтических произведений. Одним из последних в этих записях приведены строчки из стихотворения Полонского: «Страсти жар неутоленный/ Холод мысли непреклонной/ Жажду правды роковой/ Я несу еще с собой»¹, – эти строчки и через десятилетия красноречиво свидетельствуют о внутреннем мироощущении Марии Якимовны.

В годы Гражданской войны она по-прежнему давала уроки музыки, но жизнь ее становилась все труд-

---

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 156.

нее. В 1921 году Мария Якимовна умерла в одиночестве и забвении.

Елизавета Наркисовна Мамина-Удинцева вместе с сыном Борисом присутствовала на похоронах брата. Потом она вернулась в Екатеринбург. В доме по Соборной улице она жила до 1918 года, до 1917-го преподавала во Второй женской гимназии. В конце 1917 года была уволена вместе с группой учителей, отказавшихся сотрудничать с советской властью, с приходом в город войск Колчака – принята снова. При отступлении Главного правителя в Сибирь обе женские гимназии эвакуировались следом за ним. После свержения Колчака Елизавета Наркисовна из Иркутска попала в Томск, а оттуда в 1921 году уехала в Москву к сыну.

Борис Удинцев окончил экономическое отделение юридического факультета Петербургского университета. По совету Дмитрия Наркисовича дополнительно слушал курс филологии и литературы. Как-то Мамин, размышляя вслух при Борисе, с грустью заметил: «Куда потекут сокровища мои, если что случится. Але-нушка больная, тетя Оля многого и совсем не знает»¹. И пояснил, что дело даже не конкретно в нем, а в том, что таким образом пропадают накопленные традиции и опыт, и новые люди часто начинают все снова.

Именно тогда или гораздо позже Борис Удинцев решил сделать все, чтобы сохранить творческое наследие своего дяди – неизвестно, но никто больше него не сделал в этом плане. Он сохранил архив Мамина-Сибиряка, с 1921 года стал писать о нем статьи, во многом благодаря Удинцеву в Екатеринбурге открыли музей писателя.

В годы Великой Отечественной войны за разработку научной биографии Мамина-Сибиряка ему присвоили степень кандидата филологических наук. Воспоминания Бориса Дмитриевича о семье Маминых и о Дмитрие Наркисовиче до сих пор являются бесценным источником в плане изучения его жизни и творчества.

---

¹ Там же. С. 263.

После смерти отца Аленушка Мамина осталась с Ольгой Францевной. Они обе часто болели и нередко материально нуждались. Но при этом вдова писателя постоянно пеклась о том, чтобы пристроить его произведения в надежные руки. По всем вопросам она советовалась с Дмитрием Ивановичем Тихомировым, искренним и преданным другом семьи. Все детские сочинения Мамина-Сибиряка Ольга Францевна передала ему, что было совершенно оправданно и не вызвало бы возражений самого Дмитрия Наркисовича. А «большую» литературу, по совету того же Тихомирова, отдала издателю Марксу. И в 1915 году товарищество А.Ф.Маркса в Петербурге издало первое полное собрание сочинений Мамина-Сибиряка с критико-биографическим очерком П.В. Быкова.

Во время Гражданской войны Ольга Францевна была больна и жила на Кавказе. Позже она вернулась в Петербург. Многие личные вещи писателя были переданы ею в музей УОЛЕ, часть из них сегодня находится в Объединенном музее писателей Урала.

Ольга Францевна Гувале-Мамина умерла в 1934 году и была похоронена в Лютеранской части Волкова кладбища, рядом со своими братьями – Виктором и Владимиром.

Аленушка Мамина без Дмитрия Наркисовича не прожила и двух лет. Смерть отца, который был для нее связующей нитью с жизнью, надрывает эту нить. Предчувствие смерти словно витает над ней. Свою безысходность она выражает в стихотворении:

Папочка, мама, навек, засыпая,
Что же забыли вы дочку свою?
Вами забытая, людям чужая,
Я над могилою свежей стою.
Спите, родные, рыданий и стонов,
Нет и не будет в усталой груди,
С тихим аккордом, кладбищенским звоном,
Все оборвала судьба впереди.
Папочка, мама, у светлого бога,
Если вы слышите крик сироты,
То помолитесь, пусть станет дорога
Мне покороче сюда – под кресты.

Незадолго до своей смерти 17 августа 1914 года Елена Мамина оставила завещание: «Я, нижеподписавшаяся личная почетная гражданка Елена Дмитриевна Мамина, находясь в здравом уме и твердой памяти, дала настоящее завещательное распоряжение: «...Недвижимое имение, состоящее из дома с землею и пристройками в городе Екатеринбурге по Пушкинской улице № 27 завещаю городу Екатеринбургу. Настоятельно прошу устроить в этом городе и по возможности в завещанном доме музей Мамина-Сибиряка»¹.

Елена Мамина умерла от скоротечной чахотки в возрасте двадцати двух лет. Последней ею волею было завещано похоронить ее между матерью и отцом.

Рукописи произведений, написанных до 1891 года, перед отъездом Д.Н. Мамина-Сибиряка в Санкт-Петербург, были переданы им самим в Уральское общество любителей естествознания. Сегодня они хранятся в Государственном архиве Свердловской области. Рукописи других лет находятся в других хранилищах в том числе в Государственном литературном музее, в Москве.

В 1913 году в Екатеринбурге вышел журнал «Урал. Первый Зауральский сборник», посвященный памяти Д.Н. Мамина-Сибиряка. А 5 ноября 1987 года, в канун 135-летия со дня рождения Дмитрия Наркисовича, в центре города на Плотинке был установлен бюст писателя. Здесь ежегодно в начале ноября, в Маминские дни, проходит вручение городской «Сократовской премии», присуждаемой за наиболее оригинальные авторские проекты и общественно-значимые благотворительные акции, осуществленные уральскими деятелями в сфере литературы и искусства.

Значит, Мамин жив и ждет...

---

¹ «Мамина дочка», реж. А.Богданович, Екатеринбург, 2012 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Литераторские мостки Волковского¹ кладбища в Санкт-Петербурге. У входа указатель к могиле поэта Александра Блока. Но нам надо найти другую, к которой указателя нет. Кладбище, хоть и является музеем-некрополем, не в пример Александро-Невской Лавре оставляет впечатление дикости и заброшенности. По тропинкам – пустынным, зажатым разросшимися кустами и деревьями, двигаемся вглубь.

И вот аллея с именами, высеченными на каменных плитах: Иван Сергеевич Тургенев – классик русской литературы, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, редактор «Отечественных записок», оценивший «Золотуху» Мамина-Сибиряка. Виссарион Григорьевич Белинский лежит рядом с Николаем Александровичем Добролюбовым, их статьи Дмитрий Наркисович читал в студенческие годы. Чуть дальше его земляк-уралец, Федор Михайлович Решетников, уроженец Екатеринбургa. Глеб Иванович Успенский – его Мамин глубоко уважал при жизни и с горечью провожал в последний путь. И бесконечно дорогой его сердцу человек – Николай Константинович Михайловский. А еще Помяловский, Гарин-Михайловский, Чапыгин, Гаршин...

Всего в нескольких шагах от могилы Мамина-Сибиряка – Куприны, и при жизни связанные с ним самыми тесными узами. На одной плите имя Александра Ивановича, всего год прожившего в СССР после возвращения из эмиграции и умершего в 1938-м, а рядом лежат его жена Елизавета Морицевна, погибшая во время блокады в Ленинграде, и дочь Ксения.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк – словно в стороне от всех писателей, от главной аллеи. Как в жизни... Как в творчестве...

---

¹ Волковское – современное написание.

Только Иван Александрович Гончаров остался верен ему. Их могилы напротив. Маленький Митя любил слушать, когда мать вечерами в висимском доме читала ему гончаровский «Фрегат “Палладу”». А самого автора романа с Марусей вместе хоронил в Александро-Невской Лавре. Вскоре рядом с ним похоронил Марусю, потом рядом с ней упокоился сам.

На нескольких сотнях квадратных метрах – вся слава русской литературы. Святое для России место...

Здесь, на Литераторских мостках Волковского кладбища, не ощущаешь смерти, здесь ощущаешь судьбу. И вряд ли мог предположить Дмитрий Наркизович Мамин, что, даже уйдя из жизни, судьбы он не избежит и найдет последний приют среди своего литературного братства. Его прах был перенесен сюда из Лавры в 1956 году.

Свидетелем этого события стал Лев Самсонович Разумовский, советский и российский скульптор, художник, писатель. В послевоенные годы он работал в Александро-Невской лавре, где у нескольких скульпторов, в том числе и у него, были мастерские. Мастера восстанавливали в некрополе памятники и надгробия, разрушенные во время Великой Отечественной войны и представляющие историческую ценность, а также ваяли свои новые работы.

В связи со строительством моста Александра Невского и с перепланировкой близлежащей к Лавре местности, Никольское кладбище было сильно подрезано со стороны Невы. Было принято решение те памятники, которые были ценны в историческом плане, вместе с останками перенести в другие места. С этой целью, по воспоминаниям Льва Разумовского, были привезены и раскиданы в разных уголках кладбища огромные дощатые гробы-футляры, куда предполагалось устанавливать вынутые из склепов и могил гробы с останками.

«Мне довелось присутствовать при перезахоронении останков писателей Чапыгина и Мамина-Сибиряка, – пишет Разумовский, вспоминая подробности этого акта. – В один из осенних дней к нам приехала

большая авторитетная комиссия, состоявшая в основном из высокоученых дам, а также группа работяг с лопатами, ломами и веревками. Вся эта разношерстная компания окружила находящиеся рядом склепы писателей и приступила к работе. Сначала было зачитано постановление Ленгорисполкома о перезахоронении останков писателей Мамина-Сибиряка и Чапыгина на Литераторские мостки Волкова кладбища, потом председательствующая высокая дама в очках торжественно объявила: «Приступить к эксгумации!», и в дело вступили рабочие. Сначала они сняли кресты и верхние плиты, раскрыли склепы, а потом, продев веревки под цинковые гробы, с гиканьем и уханьем потянули их наверх. Гроб с Чапыгиным удалось вытащить и уложить в деревянный футляр благополучно, что и было немедленно заактировано высокой комиссией. С Маминым-Сибиряком получилась накладка. В его фамильном склепе находился еще один гроб – с останками его жены. Оба гроба были сильно поломаны. Почти все склепы на Никольском кладбище, особенно гробницы и усыпальницы богатых людей (усыпальница графини Крейц, склеп барона Корфа, могилы именитых купцов), неоднократно подвергались разорению ворами разных поколений в поисках захороненных драгоценностей. По той же причине, вероятно, были поломаны и вскрыты гробы Мамина-Сибиряка и его жены. Рабочие почему-то потянули веревками оба гроба сразу. Сначала все шло нормально, потом один гроб съехал, навалился на другой, перевернулся, раскрылся, веревка оборвалась, и содержимое обоих гробов рассыпалось и перемешалось. Комиссия заволновалась и заактировала и этот случай. Три дощатых футляра с останками погрузили на машины и увезли»¹.

То, что не могла сделать жизнь, сделала смерть, соединив их навсегда.

Описывая этот случай в своих воспоминаниях, в целом не касающихся непосредственно Мамина-Си-

---

¹ Разумовский А. Памяти Володи Татаровича // Крещатик. 2002. Вып. 15.

биярка, Лев Разумовский вряд ли мог предполагать, какое важное свидетельство он оставляет. На первый взгляд, оно противоречит утверждениям, приведенным во многих других источниках, что «прах и памятник писателя, его дочери и супруги, М.М. Абрамовой, были перенесены на Литераторские мостки Волковского кладбища». О памятнике в воспоминаниях Разумовского ничего не говорится, так же, как и о третьем гробе в склепе – дочери.

Но в письмах Мамин-Сибиряк лично писал о том, что установил склеп на могиле Марии Морицевны Абрамовой и приготовил там место для себя. Вероятнее всего, Аленушка была похоронена рядом со склепом, и на ее могиле в 1915 году был установлен памятник – ей и писателю. Автор гранитного надгробия с бронзовым барельефом и высеченными образами писателя и Аленушки – известный скульптор Илья Гинцбург. Это не единственный памятник, созданный им. Он – автор ряда художественных надгробий, в том числе и для похороненных в Александро-Невской лавре.

В 1915 году еще была жива Ольга Францевна, и именно она при посредничестве Фридриха Фидлера выступила заказчиком памятника с барельефами. Всю жизнь ревнуя к памяти об Абрамовой, она все же уступила последней воле Дмитрия Наркисовича и похоронила его в одном склепе с ней. Но допустить ее изображение на памятнике она, разумеется, не могла. На фотографии, опубликованной в книге И.Дергачева: «Д.Н.Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество», памятник стоит среди склепов¹.

Почему Разумовский ничего не пишет о памятнике, другой вопрос. Может быть, он вместе с прахом Аленушки был перенесен раньше или позже. Ведь не вспоминает он и о перезахоронении праха Гончарова, чья могила была недалеко от Мамина, и оказалась напротив и на Волковском кладбище. Возможно, все происходило в несколько этапов, ведь перенос тяжелых памятников требовал дополнительной техники.

---

¹ Дергачев И. Д.Н.Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск, 1981. С. 193.

Экстумация праха Мамина-Сибиряка – не самоцель воспоминаний Льва Самсоновича, посвященных совсем другому человеку, а только небольшой эпизод из неоднозначной жизни скульпторов Лавры. А поэтому нет оснований ему не доверять.

Как бы то ни было, но сегодня могила Мамина-Сибиряка находится на Литераторских мостках Волковского кладбища, где и положено ей быть. Вокруг гранитного памятника густо разрослись ландыши – дикие цветы уральского леса, спрятавшие за буйной зеленью высеченные у подножия слова самого писателя: «Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец – вот где настоящая жизнь и настоящее счастье». Среди ландышей прячется и плита с высеченным именем: «Мария Морицевна Абрамова» И невольно вспоминаются строки из стихотворения Елены Маминой:

...Папочка, мама, у светлого бога
Если вы слышите крик сироты,
То помолитесь, пусть станет дорога
Мне покороче сюда – под кресты.

Они все вместе – хранимы крестами и колокольным звоном действующего во все времена храма Святого Иова Многострадального. Судьбе противостоять невозможно.

Белый лесной цветок, множество которых растет на Урале, я положила на плиту Абрамовой, а к памятнику, по русской традиции, купленные в Екатеринбурге конфеты.

Не было ощущения смерти, а только продолжающейся жизни...

*Екатеринбург–Москва–С.-Петербург
2014–2015 гг.*

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): 3 делопроизводство, Ф.102, д.896; ДП ОО., Ф. 102., оп. 226., 3 ч. 150 т. 1 (1); ДП ОО., 102., 3 ч. 125 т. 1 л. Б(1) листы 29, 29 об, 30; ДП ОО, опись 1905 ед. хр .4 ч.53; 3 д-во ф. 102 оп. 95 ед. хр. 1499; ДП ОО, Ф. 1904., оп. 232, д. 440; Ф. 102, оп. 226, 3 ч. 150 т.1 (1).

Государственный архив Свердловской области (ГАСО): Ф. 136.

Российский государственный исторический архив (РГИА): Ф. 1343, оп. 44., д. 2452 (ч.4, стр. 60); Ф.1284, оп.188., ед. хр. 7.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ): Ф. 136, оп. 1, ед. хр.: 14; 55; 68; 69; 81; 115; 116; 117; 118; 120; 122; 126; 127; 128; 129; 133; 153; 155; 157; 158; 159; 163; 206; 304; Ф.518. оп. 4, ед. хр. 97; Ф.2980, оп. 1, ед. хр. 1369.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА Спб): Ф. 14, д. № 19057.

А также материалы из:

Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»;

Объединенного музея писателей Урала (ОМПУ) (Фонд Д.Н. Мамина-Сибиряка, экспозиции музеев, библиотеки);

Российской национальной библиотеки (Фонды редких книг, отделы газет и русских журналов);

Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В.Г. Белинского (Краеведческий отдел);

Зональной научной библиотеки Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Литература

Альбов В. Капиталистический процесс в изображении Мамина-Сибиряка // Мир Божий. 1900. № 1 (январь).

Аничков Е. Мамин-Сибиряк // Мир Божий. 1905. № 10 (октябрь).

Библиографический отдел // Русская мысль. 1888. № 11.

Бунатян Г. Город муз. Л.: Лениздат, 1975.

В.Г. Критические заметки // Русские ведомости. 1883. № 35, 4 февраля.

Виле Ф. Повесть о трудолюбивом Груме. Екатеринбург, 2006.

Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. Свердловск: Свердловское областное издательство, 1936.

Волынский А. Литературные заметки // Северный вестник. 1891. № 11.

Галеева Р. Д.Н. Мамин-Сибиряк – художник // Урал. 2002. № 11.

Галеева Р. Листая семейную книгу Маминых // Урал. 2002. № 11.

Галеева Р. Такое короткое счастье // Уральский музей. 2008. № 4 (апрель).

Галеева Р. «Никто не заменит Чехова! Никто!» // Литературный квартал. 2009-2010. № 5.

Галеева Р. Черты из жизни Мамина-Сибиряка в Петербурге (путеводитель).

Гольцев В. Заметки о современном романе // Русская мысль. 1891. № 7.

Гуськова Т. Д.Н. Мамин-Сибиряк и Тагильский край // Газета «Горный край» от 05.12.02, 17.01.03, 07.02.03, 14.03.03.

Дергачев И. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1981.

Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1962.

Екатеринбургские письма Чехова // Литературный квартал. 2009-2010. № 5.

Екатеринбургская неделя. 1879. № 2.

Екатеринбургская неделя. 1886. № 1, 6, 11, 16, 29, 30, 31, 38.

Екатеринбургская неделя. 1887. № 39-46.

Ирбитская ярмарка. Справочная книжка. Ирбит, 1897.

Ирбитский ярмарочный листок. 1893. 25 января – 1 марта.

Колтоновская Е. В стороне от основного русла // Вестник Европы. 1913. № 2.

Куприна К. Куприн – мой отец. М., 1971.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Тайны зеленого леса // Кругозор. 1877. № 23 и 24.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы // Дело. 1883. № 1.

Мамин-Сибиряк Д.Н. На кумыс // Русская мысль. 1888. № 9.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Прогулки по Петербургу. Эрмитаж // Новости и Биржевая газета. 1891. № 144, 153, 164, 175.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Платина // Северный вестник. 1891. № 10.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Мария Морицовна Абрамова // Дневник артиста. 1892. № 4.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Дорогой друг // Артист. 1894. № 33 (январь).

Мамин-Сибиряк Д.Н. На новом пути // Мир Божий. 1896, сентябрь.

Мамин-Сибиряк Д.Н. По Варяжскому морю. Юная Россия // 1906. № 7-8.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Суоми // Юная Россия. 1909. № 12.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 12 томах под редакцией Е.А. Боголюбова. Свердловск: СОГИЗ, 1951.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 10-ти томах под редакцией А.И. Груздева, М.: Правда, 1958.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Дикое счастье. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1981.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 2 томах. М.: Русская книга, 1999.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Горное гнездо. Екатеринбург: Сократ, 2002.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Клад Кучума. Екатеринбург: Сократ, 2013 г.

«Неделя», «Журнальное обозрение», № 22, 1884 г

Неверов А. «Раздумья о писателе... Юбилею Д.Н. Мамин-Сибиряка посвящается», «Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова» – Уральский колледж прикладного искусства и дизайна (филиал), 2013.

Ожегов С. Словарь русского языка. М.: СЭ, 1972.

Отчет о заседании этимологического общества // Русский мир. 1875. 15(27) января.

Полное собрание сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка. Т. 1-5. Екатеринбург: БИК, 2002, 2003, 2006, 2007, 2011.

Поссе В. Мой жизненный путь. М., 1929.

Пругавин А. Автобиография Д.Н. Мамина-Сибиряка // Новая жизнь. 1913. № 1 (январь).

Пушкин А. Собрание сочинений в 10 т. М., 1962.

Разумовский Л. Памяти Володи Татаровича // Крещатик. 2002. Вып. 15.

Семенова С. Алексей Денисов-Уральский. Екатеринбург: Сократ, 2011.

Скабичевский А. Д.Н. Мамин-Сибиряк // Новое слово. 1896, октябрь.

Степанова И. Д.Н. Мамин-Сибиряк в письмах к Тихомирову / Русская литература 1870-1890 годов. Свердловск, 1979.

Степанова И. Письма Д.Н. Мамина-Сибиряка М.К. Титову / Русская литература 1870-1890 годов. Свердловск, 1975.

Сухоложье. Города нашего края / Под ред. А. Афанасьева. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1993.

Сухоложье: история, люди, судьбы / Под ред. А.П. Быкова. Екатеринбург, 2010.

Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург: БКИ, 2013.

Труд и быт рабочего и крестьянского населения Урала конца XVIII и XIX вв. М.: ГИМ, 1927.

Удинцев Б., Боголюбов К. «Певец Урала». Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1969.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 30 т. М., 1949.

Храбровицкий А. Письма дружбы // Урал. 1978. № 6.

Шишонко В. Пермская летопись. Пятый период, часть вторая, с 1695-1701.

Электронные ресурсы

Аксаков, Собр. соч. в 5-ти томах, т. 4, с.88, 1966 г. <http://www.litmir.net/br/b=30506>

Википедия

Копылов. В. «Д.Н. Мамин-Сибиряк в Заводуспенске», <http://www.zavodouspensкое.ru/>

Переписи в городах и губерниях: <http://www.perepis2002.ru/content.html?id=1&docid=1071537480422/>

Танкиевская И. «Константин Павлович Поленов», <http://vestishki.ru/node/31/>

Шалюгин Г. «Я прочел статью Альбова»: <http://prichal145.com/>

Электронный ресурс: госархив-ирбит.рф

Интервью

Интервью автора с В.Б. Петровой, заведующей Литературно-мемориального музея Д.Н.Мамина-Сибиряка, 12 марта 2014 г., пос. Висим

Интервью автора с Н.А. Отливан, жительницей Висима, 12 марта 2014 г., пос. Висим

Интервью автора с А.В. Тюриной, жительницей Висима, 12 марта 2014 г., пос. Висим

Интервью автора с И.Н. Булыгиным, заслуженным артистом РФ, художественным руководителем Нижнетагильского Театра драмы им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, 18 апреля 2014 г., г. Нижний Тагил

Интервью автора с О.П. Череповой, заведующей литера-

турной частью Нижнетагильского драматического театра им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, 18 апреля 2014 г., г. Нижний Тагил

Интервью автора с В.В. Бобиной, директором Территориальной централизованной библиотечной системы Пушкинского района г.С-Петербурга, 3 июня 2014 г., г. Пушкин

Интервью В.В. Осипова с О.А. Богаевым, драматургом, главным редактором журнала «Урал», 12 июля 2014 г., г. Екатеринбург

Интервью автора с А.Г. Неверовым, скульптором-монументалистом, членом Союза художников России, 31 июля 2014 года, г. Нижний Тагил

Интервью автора с Ю.Д. Исуповым, автором идеи детского литературного конкурса «Серая Шейка», 31 июля 2014 года, г. Нижний Тагил

Интервью автора с Н.П. Якимовой, директором Центральной городской библиотеки города Нижнего Тагила, 31 июля 2014 года, г. Нижний Тагил

Интервью автора с Л.Б. Сметаниной, заместителем директора по работе с детьми Центральной городской библиотеки города Нижнего Тагила, 31 июля 2014 года, г. Нижний Тагил

Интервью автора с Л.А. Чесновой, заведующей музеем «Литературная жизнь Урала XIX века», 2 сентября 2014 г, г. Екатеринбург

Интервью автора с Т.Е. Богиной, главным редактором журнала «Веси», 2 сентября 2014 г., Екатеринбург

Интервью автора с Ю.В. Яценко, директором издательства «Банк культурной информации», 2 сентября, 2014 г., Екатеринбург

Интервью автора с А.Б. Керданом, координатором Ассоциации писателей Урала, членом Союза писателей России, 3 сентября 2014 г., Екатеринбург

Интервью автора с А.В. Ефремовым, членом Союза художников России, 15 сентября 2014 г., Екатеринбург

Интервью автора с Н.П. Крякуновой, заведующей литературно-мемориальным музеем Д.Н. Мамина-Сибиряка ОМПУ, 3 октября 2014 г., г. Екатеринбург

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает огромную благодарность меценатам **Вадиму Александровичу Губину** и **Павлу Владимировичу Подкорытову**, без поддержки которых в ходе работы над книгой невозможно было бы осуществить поездки по историческим местам, связанным с именем Д.Н. Мамина-Сибиряка, в Санкт-Петербурге, его окрестностях и в Финляндии, работу в архивах Москвы и Санкт-Петербурга и фотосъемку для исторической реконструкции.

Особая благодарность Объединенному музею писателей Урала и лично **В.П. Плотникову, Р.С. Галеевой, Е.К. Леденцовой, А.А. Чесновой, Н.П. Крякуновой, Е.К. Полевичёк**, актерам Камерного театра **Александр Бушу**ю и **Александру Муратову**,

а также:

Литературно-мемориальному дому-музею Д.Н. Мамина-Сибиряка в поселке Висим и лично **В.Б. Петровой**;

Нижнетагильскому музею-заповеднику «Горнозаводский Урал» и лично **Р.Э. Меркушевой**;

Театру драмы Нижнего Тагила им. Д.Н.Мамина-Сибиряка и лично **И.Н. Булыгину** и **О.П. Череповой**;

Библиотеке им. Д.Н.Мамина-Сибиряка в г. Нижняя Салда, **Нижнесадинскому краеведческому музею** и лично **И.В. Шишкиной**;

Центральной городской библиотеке им. Д.Н. Мамина-Сибиряка г. Ирбита и лично **Е.А. Зверевой**;

Территориальной централизованной библиотечной системе им. Д.Н. Мамина-Сибиряка Пушкинского района г. С-Петербурга и лично **В.В. Бобиной**;

Центральной городской библиотеке города Нижнего Тагила и лично **Н.П. Якимовой** и **А.Б. Сметаниной**;

Музею истории Екатеринбурга;

фотографисту **Е.М. Бирюкову**;

нижнетагильскому краеведу **Ю.Д. Исупову**.

Автор благодарит **Геннадия** и **Ларису Коробейниковых** за помощь в организации фотосъемок в Санкт-Петербурге, Пушкине и Финляндии.

Оригинальная фотосъемка и исторические фотореконструкции **Вадима Осипова**

Средства на печать книги собраны методом крауд-фандинга на российской Интернет-платформе «Планета».

Автор благодарит всех участников народного проекта, поддержавшего издание книги о писателе, отразившем в своих произведениях жизнь народа во всем многообразии.

Вместе с вами мы собрали средств больше, чем заявляли, и все они пошли на печать книги. Опыт оказался полезным. «Planeta» – интересное явление, на самом деле объединяющее самых разных людей общим интересом – благотворительностью, поддержкой культурных проектов. Если говорить о географии, то нас поддерживали жители Екатеринбурга и Свердловской области, Москвы, Коломны, Обнинска, Санкт-Петербурга, Владивостока, Волгоградской области, Элисты... Из зарубежья – Эстонии, Канады, Германии, Польши, Израиля, Японии. Разнообразен и социальный статус акционеров: студенты, ветераны Великой Отечественной войны, пенсионеры, кандидаты и доктора наук, предприниматели, представители библиотечного сообщества и многие, многие другие. Всего акционерами проекта стали 90 лиц и учреждений.

Низкий поклон генеральному спонсору – **семье Дистергефт-Рябковых** из Ораниенбурга (Германия), которая была с нами на протяжении всего это времени.

Михаил Васильевич Дистергефт, график, живописец, член Союза художников СССР, Лауреат премии ЦК ВЛКСМ (1978), Лауреат премии издательства «Правда» (1989), Лауреат премии Губернатора Свердловской области (1997), его имя включено во «Всемирный лексикон художников» (Германия). Большую часть жизни прожил в городе Нижнем Тагиле Свердловской области. Работал в области тематической картины, исторического портрета, монументальной живописи. Большое место в его творчестве занимают образы современников и пейзажи, тема истории горнозаводского Урала и Мамин-Сибиряк.

Портрет его работы «Мамин-Сибиряк на фоне Висима» использован на обложке книги, во вкладках – иллюстрации к произведениям писателя.

Похоронен Михаил Васильевич в городе Ораниенбурге (Германия), где он жил последнее время, и где сегодня живет семья его сына и внуки.

Средства на печать книги внесли Игорь Михайлович и Людмила Викторовна Дистергефт. Семьи их детей: Дистергефт Илья и Анна, Мария, Михаил. Рябковы Юлия и Тарас, Надежда, Михаил. Живя в Германии, они хранят память о художнике Михаиле Дистергефте, о городе Нижнем Тагиле и всем Урале. Для них не стояло вопроса: поддержать проект или нет. Конечно, да!

Большое спасибо **Павлу Подкорытову**, которого можно смело назвать гражданином мира. Павел Владимирович неоднократно поддерживал наши творческие идеи, не прошел и мимо этой. Вместе с **Вадимом Александровичем Губиным** и его женой **Яной Анатольевной Степаненко**, они поддерживали подготовку книги на этапе поиска материалов. Не остались в стороне и в момент сбора средств на печать.

Для нас важно и трогательно, что в ходе реализации проекта «Печать книги о Д.Н. Мамине-Сибиряке» мы познакомились с потомками писателя – **Ольгой Глебовной Удинцевой** и **Иваном Владимировичем Юговым**. Вместе с нами они переживали все эти дни за успех проекта.

Письмо Ольги Глебовны, которое мы приводим ниже, сокращает историческое время до теории пяти рукопожатий. Через рукопожатие с Ольгой Глебовной мы можем все поздороваться с Дмитрием Наркисовичем.

«...Родители работали, а меня воспитывали дедушка Борис Дмитриевич Удинцев, его сестра Наталья Дмитриевна и моя бабушка Екатерина Яковлевна. Словосочетание «дядя Митя» упоминалось в семье настолько часто, наверняка – по несколько раз за день, что мне представлялось присутствие дяди Мити постоянно где-то рядом. В раннем детстве я даже не осознавала, что его нет в живых, так много о нем говорили, вспоминали – и всегда с огромным уважением и любовью. Помню и многочисленных дедушкиных знакомых, постоянно бывавших в нашем доме и их интереснейшие беседы, а иногда и споры, на литературные и философские темы. В последние годы жизни дедом был даже организован домашний «литературный кружок», членами которого, помимо него, были филолог из Института русского языка Борис Самойлович Шварцкопф и блестящий оратор Вячеслав Александрович Ковалев – профессор Московского Университета, послушать лекции которого сбегались студенты со всех гуманитарных факультетов. Разные темы обсуждались на заседаниях этого кружка, но наиболее часто – особенности литературного языка писателя Мамина-Сибиряка. Бывал в доме и Михаил Григорьевич Китайник, занимавшийся творчеством писателя, но он чаще приезжал после смерти деда работать с архивом.

Я видела и знаю, как много сил им было затрачено на сохранение семейной истории и архива писателя; этим же после его смерти продолжила заниматься его сестра Наталья Дмитриевна, после ее смерти – мой отец Глеб Борисович. А теперь и я чувствую огромную ответственность по передаче всего, что еще осталось в нашей семье, в музеи и фонды, где наследие писателя будет надежно сохранено.

Когда я узнала, что Натальей Паэгле подготовлена к изданию книга о жизни и творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка, написанная для серии «Жизнь замечательных уральцев», стала мечтать, чтобы эта книга как можно скорее вышла в свет. Очень радост-

но, что усилия моего деда, посвятившего всю свою жизнь работе по привлечению общественного внимания к имени Д.Н. Мамина Сибиряка, его старания по увековечению памяти великого писателя Урала подхвачены современными литераторами. Значит, есть надежда, что любовь к его творчеству, к уральскому краю, воспетому в его произведениях, продолжит жить в русском народе.

2017 год – юбилейный в памяти тех, кому дорого имя писателя Д.Н.Мамина-Сибиряка. В прошлом году было 125 лет со дня рождения моего деда Б.Д. Удинцева, а на будущий год будет 45 лет, как он ушел из жизни (1891–1973).

Думаю, выход в свет этой книги станет прекрасным подарком не только для потомков нашего рода, но и для всех русских людей, стремящихся сохранить литературное наследие русских писателей, пронизанное любовью к нашей родине.

С благодарностью и уважением,

Ольга Глебовна Удинцева»

С Иваном Владимировичем Юговым мы не только переписывались, но в ходе проекта встретились в Екатеринбурге. Он – путешественник, литератор, переводчик с японского. Живет на две страны, в России – в Обнинске, в Японии – в Цуруге. Его прадед Сергей Удинцев был братом мужа сестры Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка – Елизаветы Маминой.

Интересен его рассказ о «встрече» с Маминым-Сибиряком в Японии.

– Сначала я увидел на японском языке несколько его книг – «Бойцы», «Лес», «Охонины брови». А потом познакомился с филологом и переводчиком Сёити Ота и узнал, что в издательстве своих знакомых под названием «Рябинка-каalinka» он издал еще детские рассказы Мамина – «Зимовье на Студеной», «Серая шейка» и «В каменном колодце».

Почему он взялся за перевод произведений Мамина-Сибиряка? Его интересует проблема окраин России, русского севера, Урала, Сибири. В произведениях Мамина-Сибиряка его очень заинтересовал самобытный язык писателя. Впоследствии он мне подарил книжку, которая называется «Лесная Россия, полевая Россия». Это сборник эссе о русских писателях на японском языке. И первое эссе о Мамине-Сибиряке. Сёити Ота – поэт, для характеристики творчества Мамина-Сибиряка он использует яркие японские образы».

Поддержала проект **семья Нейштадт** из города Хайфа (Израиль).

«Какая замечательная идея! – пишет Ольга Нейштадт, – с удовольствием участвуем, в память о маме – Сусанне Яковлевне Вайсман. Мамин-Сибиряк – тема ее дипломной работы в

университете. Как-то в Висиме они познакомились с Михаилом Дистергефтом. Оба говорили о недооценке писателя, которого в столицах считали уральским и провинциальным, оба ездили по родному краю, изучая его. Знали и думали больше, чем могли сказать. Сегодня многое пересматривается. И слава Богу! Увы, ни мама, ни Михаил Васильевич не дожили до этого, но, безусловно, были бы рады такому хорошему и правильному делу».

Интересная точка зрения на реализацию проекта у **Александра Семенова**, физика и музыканта из Обнинска:

«Мне очень понравилась сама идея: у нас очень небрежное отношение к своей культурной истории. Инициатива издания книги о Мамине-Сибиряке и изучения его жизни – заслуживает сильной поддержки. Когда-то мой знакомый преподаватель ВМК (МГУ) – коллекционер-книжник Валерий Иванович Родин – сформулировал идею изучения «кустов русской культуры», то есть не отдельных личностей, а всей окружавшей их при жизни среды».

Согласно правилам краудфандинга, мы выражаем также благодарность акционерам проекта, внесшим значительный вклад в его реализацию.

Анна Аксельрод, инженер-конструктор, г. Екатеринбург
Владимир Альбрехт, гл. инженер проектов ООО «Геотех-проект», писатель, популяризатор истории развития золото-добычи на Урале, г. Екатеринбург

Тимофей Анфалов, главный режиссер монтажа ГТРК «Омск», г. Омск

Михаил Буряев, канд. биолог. наук, краевед, создатель и руководитель центра фитотерапии «Диана». г. Карпинск, Свердл. область

Наталия Вагина, палинолог, Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева, г. Владивосток

Светлана Васильченко, преподаватель немецкого языка УрФУ, г. Екатеринбург

Игорь Веселов, канд. техн. наук, директор Екатеринбургского филиала ОАО «РОСНИТИ», г. Екатеринбург

Валентина Витнер, журналист, г. Фридрихсхафен (ФРГ)

Виктор Грибов, канд. техн. наук, доцент-лектор УрФУ, г. Екатеринбург

Поэтический клуб «Дар», г. Серов, Свердл. область

Марина Ивашина, ученый секретарь Муниципального объединения библиотек, г. Екатеринбург

Марина Карпинская, член Союза журналистов России, г. Карпинск, Свердл. область

Ольга Карякина, библиотекарь Центральной городской библиотеки, краевед, г. Лесной Свердл. область

Виктор Кириллов, доктор исторических наук, профессор Нижнетагильского педагогического института, г. Нижний Тагил, Свердл. область

Нина Костылева, преподаватель высшей школы, г. Краснотурьинск, Свердл. область

Евгений Кузнецов, директор ООО «Уральский информационный центр «Прогресс», г. Екатеринбург

Алексей Кулага, г. Санкт-Петербург

Литературный музей Степана Щипачева, г. Богданович, Свердл. область

Константин Маликов, слесарь, г. Москва

Евгений Неклюдов, доктор ист. наук, гл. научн. сотр. ИИиА УрО РАН. г. Екатеринбург

Андрей Нечаев, специалист по программированию, г. Ванкувер, Канада

Адам Новаковский, канд. филологич. наук, преподаватель в Государственной высшей профессиональной школе им. Ст. Пягоня, г. Кросно, Польша

Марта Яфишова-Новаковская, магистр психологии, рекрутер в Hays Poland Centre Of Excellence, г. Краков, Польша

Изабелла Огоновская, канд. ист. наук, советник министерства общего и профессионального образования Свердл. области, г. Екатеринбург

Дмитрий Осипов, предприниматель, г. Екатеринбург

Людмила Осипова, канд. пед. наук, г. Екатеринбург

Павел Попов, краевед, г. Краснотурьинск, Свердл. область

Пресс-служба, редакция газеты «Народный учитель», ИИЦ-Научная библиотека – Уральский государственный педагогический университет (УрГПУ), г. Екатеринбург

Станислав Смелов, предприниматель, Екатеринбург

Евгений Спивак, государственный служащий, г. Беер Шева, Израиль

Василий Сухих, экономист, Екатеринбург

Валерий Талипов, предприниматель, президент-директор фирмы «Тенториум», г. Екатеринбург

Лена Фролова, журналист, г. Екатеринбург

Татьяна Фролова, нач. отдела электронных информационных проектов УрГПУ, г. Екатеринбург

Зухра Хаматнурова, г. Екатеринбург

Лев Хайбуллин, г. Краснотурьинск, Свердл. область

Центральная городская библиотека имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, г. Ирбит, Свердл. область

Спасибо всем-всем – знакомым и незнакомым людям, поддержавшим нас! Мы это сделали вместе с вами!

В оформлении обложки использован портрет
Д.Н. Мамина-Сибиряка работы Михаила Дистергефта из фондов
Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»

Художественно-публицистическое издание

Паэгле Наталья Михайловна
ДМИТРИЙ МАМИН-СИБИРЯК

Ответственный за выпуск С.А. Панюта
Редактор И.Н. Шаманаева
Художник Д.А. Кушков
Технический редактор Н.Н. Штоколова
Компьютерная верстка Т.Н. Черепановой
Корректор Л.И. Сушкова
Директор издательства
А.А. Мороз

Подписано в печать 14.02.2017. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37,0. Уч.-изд. л. 35,2. Тираж 1000 экз. Заказ № 133.

Издательский Дом «СОКРАТ», 620075, Екатеринбург,
ул. Мамина-Сибиряка, 101, офис 6.11, тел. 8 (343) 286-11-15.
<http://www.idsokrat.ru>
e-mail: sokrat@idsokrat.ru

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

